

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВОЕННАЯ ТЕХНИКА И
МАШИНОСТРОЕНИЕ»

ФРЕД САБЕРХАГЕН

БЕРСЕРКЕР-II

ФРЕД
САБЕРХАГЕН

БЕРСЕРКЕР-II

РОМАНЫ

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

ББК 84 (7 США)

С 121

УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского Л. Никольской,
Э. Удальцовой, А. Марченко

Художник А. А. Шуплецов

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противозаконными и преследуются по закону

Саберхаген Ф.

С 121 Берсеркер-II: Романы / Пер. с англ. Л. Никольской и др.; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1994.— 528 с.— (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-113-9.

В трех романах второй книги знаменитого американского фантаста продолжается повествование о смертельном поединке человека и роботов — берсеркеров, которое наверняка не оставит равнодушным истинного любителя фантастики.

С 8200000000

ББК 84 (7 США)

ISBN 5-88590-113-9

© by F. Saberhagen, 1979

© Перевод. Л. Никольская, Э. Удальцова, А. Марченко, 1994

© Оформление. А. А. Шуплецов, 1994

ЧЕЛОВЕК-БЕРСЕРКЕР

ПРОЛОГ

— Ну,— нахмурившись подумала Элли Темесвар,— мы хорошо сражались, даже лучше, чем ожидали, если учесть, какой у нас маленький корабль для подобных сражений.

По прямой линии от поверхности неведомой звезды к кораблю вырисовывалось нечто похожее на копье из плазмы, сверкающее, как сама звезда, густое, как крупная планета, тонкое и длинное, как игла. На блестящей, почти иллюзорной поверхности реактивной плазмы маленький космический корабль, с которым столкнулись Элли и ее партнер, цеплялся, как микроб за сверкающий древесный ствол в тщетной попытке найти убежище. И где-то на другом конце светящейся плазмы, за сотню тысяч километров или более, обезумевший берсеркер целился в них.

Берсеркеры были чистыми механизмами, конечно, но все же Элли сердцем и умом считала, что все они безумцы — она ощущала в них безумие самоубийц от их древних и безвестный создателей.

Инеродная звезда, которая вторглась в плазму, приблизилась настолько, что могла бы ослепить, но все космические порты обладали светонепроницаемым полем, которое и было включено. Невзирая на близость Галактического Ядра, несколько звезд осталось в зоне невидимости. Сгустки созвездий наполняли один кубический парсек за другим на этом участке, пробуждая старинные легенды о световом пространстве, в котором звезды были только точками на фоне черной мглы.

— Подключи смотровые узлы, кнопки возле тебя, Элли,— голос Фрэнка донесся из ее наушников и как всегда прозвучал почти невозмутимо.

Он находился на другой стороне плотной стальной

персборки, которая полностью разделяла помещение экипажа, когда люки были закрыты для сражения.

Предполагалось, что в случае повреждения одного из отсеков, люди, находящиеся в другом, могли продолжать бой. На практике же все члены экипажа общались, и Элли во время, свободное от умственной работы, была бы рада видеть других людей как можно чаще.

Но она не высказала свое пожелание. Вместо этого ответила:

— Узлы включены.

Элли действовала почти автоматически, сказывались долгие тренировки. Пальцы какое-то время лежали неподвижно на десяти клавишах дополнительной панели контроля. Электронные волны, излучаемые ее мозгом даже сквозь шлем, управляли оборудованием, за которое она несла ответственность, ее мозг становился своего рода контролирующей системой, регулируя обширный участок, и мог выполнять эту работу на секунду быстрее, чем нервные окончания.

— Сейчас повторится..., — раздался голос Фрэнка в наушниках, но он не договорил.

Эти берсеркеры подобны волкам, готовым выскочить из-за любого дерева.

Основной контроль корабля зависел от сигналов мозга ее партнера. Элли так и не удалось понять, что же именно хотел сказать Фрэнк. Одна из причин, почему Фрэнк Маркус занимал командирское кресло, определялась тем, что его ум был исключительно быстр. Быстрее разума Элли, быстрее кого-либо. Фрэнк Легендарный. Даже спустя две минуты Элли в глубине души продолжала надеяться, что с его помощью они выберутся из этой переделки живыми.

Неуловимо маневрируя, берсеркер теперь преследовал их, а в то же время корпус грохотал как гонг, и вспышки от вражеского оружия отражались в одновременной перегрузке приборов. Снова вспышка и грохот, слепящий удар врага и сливающийся с ним ответный звук их собственных защитных орудий без надежды сокрушить Голиафа. Берсеркер, который неожиданно напал на них, был слишком огромен для борьбы, слишком быстр, чтобы уйти в этом относительно открытом пространстве. Оставалось только уклоняться.

— Маленький корабль... — сквозь взрывные волны донесся голос берсеркера. Он пытался говорить, чтобы,

возможно, отвлечь их внимание, предложить жизнь или нечто в этом роде. Были формы жизни, требующие обслуживания, и встречались иногда особи, которых враги интересовали настолько, чтобы оставлять им жизнь и наблюдать за ними. Уничтожение, когда все заканчивалось, могло показаться бессмысленной тратой тактического мастерства, а тактика противника варьировалась в зависимости от многочисленных целей и должна была быть непредсказуемой.

— Маленький корабль, новое оружие вас не спасет!

Голос дрожал... Ни мужской, ни женский, ни молодой, ни старческий. Он был озвучен от записанных слов пленников, из иной жизни, от обслуживающего персонала, от поверженных людей, которые проклинали их перед смертью и чьи проклятия тоже использовались.

— Новое оружие? Что, клянусь адом, это значит?

Подобно многим, сражавшимся с берсеркерами, Фрэнк Маркус, казалось, верил в Ад, по крайней мере, настолько, чтобы им поклясться.

— То, что сказано.

— Беспомощные... существа..., — раздался сильный грохот.

— Вы слишком мелки... — вражеское обращение или угроза уничтожения полностью потонула в шуме. Никакая волна связи не смогла бы больше выдержать яростную радиацию плазмы реактивного корабля.

Бормоча что-то про себя, Фрэнк запустил свой корабль вокруг плазменного сгустка. Он вывел корабль из нормального космоса. Теперь физическая оболочка корабля стала своего рода системой, символом, а вокруг воцарилось пространство, где был возможен полет только со скоростью, превышающей скорость света. Он сделал бросок назад снова в нормальный космос, — полный опасности маневр возле тяжелой массы звезды. У него был свой путь, своя удача, у него было нечто непостижимое для других, что, в дополнении к скорости, давало ему преимущество перед берсеркером.

Элли слышала утверждение, что, если бы у людей была тысяча пилотов с такими потенциальными возможностями, человечество выиграло бы эту затянувшуюся войну несколько столетий тому назад. Пытались даже вывести «породу Фрэнков», но результаты оказались разочаровывающими.

Сразу же за ними — Элли поняла это по вспышкам на

экранах солнечный ветер от космической звезды взрывался как поверхность волн в пруде от брошенной в него острой гальки. Цепь порывов ветра распространялась с силой в сферу, как газ. Позади них, замедлив ход, неотвратимо двигался чудовищный преследователь, снова настигая свою добычу. Берсеркер виднелся темным неровным пятном на фоне гигантских водоворотов светлого облака, которое было слишком далеко, чтобы стать укрытием, — вещество, составлявшее его, образовалось от давнего взрыва в самом сердце Галактики. Враг казался игрушечным пятном на расстоянии сотни километров.

Фрэнк не отступится. За сто сорок секунд он заставил свой корабль проскочить расстояние, равное диаметру орбиты Земли, снова скользнуть в стандартный космос и обратно неповрежденным как слепец-фокусник, орудующий лезвиями бритв.

На этот раз, когда они вернулись, космос выглядел иначе. Белизна на экране монитора перед Элли. Странные знаки повсюду — но в то же самое время тишина и стабильность.

Фрэнк?

— Да! Мы внутри струи, Элли! Как я и рассчитывал, она оказалась пустотной трубой. Мы движемся от звезды со скоростью двухсот километров в секунду. Этот негодяй все еще снаружи.

— Ты... он... Как ты можешь, Фрэнк, так говорить?

В деловом голосе Фрэнка появились насмешливые нотки:

— Если он попал сюда вместе с нами, он все еще будет пытаться нас сожрать, верно?!

— О, Фрэнк!

Элли годами не слышала подобную робость в своем собственном голосе, которым она привыкла только давать команды экипажу корабля. Наверное, так щебечут робкие первокурсницы — она не раз слышала их чирканье, когда в качестве инструктора Космической Боевой Школы посещала тренировочные пункты.

Фрэнк заговорил:

— Итак, мы знаем, что находимся внутри трубы, а нигде-либо еще. Он будет пытаться определить, где мы и, возможно, не сумеет этого сделать. Затем он войдет внутрь следом за нами. Он будет двигаться довольно медленно. Берсеркер рассчитывает нас догнать, но у не-

го не хватит ума предпринять то, что сделали мы. Как только он войдет внутрь, мы убежим.

Куда?

Вот в чем вопрос...

Снова в голосе Фрэнка появился юмор, но на этот раз с оттенком горечи. А затем новая внезапная мысль:

Элли! Взгляни на облако внизу в конце этой трубы. Ты видела раньше что-либо подобное?

Элли наладила инструменты и сразу поняла, что внутренняя поверхность огромной плазмы, несущей их вдаль, была длиной в пять тысяч километров, а они находились почти посередине, в ее центре. Сразу же за ними солнце выбрасывало невероятный поток радиационного излучения, которое они могли достичь при теперешней скорости меньше, чем за час. Элли внимательно изучала показания приборов, но ничего не могла понять. Облако, казалось, с силой излучало волны одной длины, жадно поглощая другие... На мгновение она подумала, что сможет в этом разобраться, но показатели начали скользить, и вскоре все потонуло в хаосе.— Войти в это на космической скорости? подумала Элли.— Оно слишком твердое. Мы ударимся, как о твердую стену...

— Эй, Элли! — голос в наушниках внезапно изменился, хотя различие она сразу и не уловила.

— Что? — ответила Элли невнятно.

— Приходи! Хорошо? У нас еще есть четверть часа до того, как надо будет действовать.

Элли могла бы ответить, что они ничего не смогут сделать ни сейчас, ни через пятнадцать минут. Но она отстегнулась от своего кресла и освободилась от него,— светловолосая молодая женщина, высокая и сильная. Искусственная гравитация была переведена на боевой режим и использовалась лишь в противовес непереносимому ускорению.

Элли открыла один из люков, соединяющий с другой частью корабля; в ее сознании пронеслась мысль о прощании перед гибелью. Она подумала еще, что лучше самоубийство, чем плен у берсеркера.

Почти все пространство командного пункта было занято креслом Фрэнка и его телом. Они сливались друг с другом. На фотографиях Фрэнка, которые Элли видела девять лет назад, был стройный молодой мужчина. Казалось, весь он излучал поразительную энергию.

Схватка с берсеркером едва не стоила ему жизни. А теперь то, что осталось от Фрэнка после берсеркера и хирургов, было закрыто аппаратурой и вооружением.

Три соединенных кабелем системы, в которых жил Фрэнк, поражали воображение Элли. Виднелась голова, грудная клетка, брюшная полость, но лицо не было обращено к Элли, когда она вошла. Она знала, что Фрэнк видит ее с помощью приборов, оставаясь соединенным проводами с мозгом корабля, находясь в состоянии готовности. Одна рука, закованная в пластик и металл, поднялась с центрального пульта, и Фрэнк взмахом приветствовал Элли.

В глазах, ушах и в сознании Элли еще гремела битва; она вся дрожала.

— Что случилось? — спросила Элли, прервав молчание.

— Хотел насладиться твоим обществом.— Голос Фрэнка звучал естественно, он исходил от человека, а не от техники.

Рука, слишком худощава, лишенная пальцев, чтобы походить на руку человека, тем не менее, протянулась к ней и хлопнула по плечу. Эта рука скользнула к ее талии. Элли это не было неприятным... Движение руки было нежным и мягким, подобным теплой коже. Но под этим была твердая структура, что всегда давало Элли ощущение сильных мышц.

Рука начала притягивать Элли к креслу, и только теперь она поняла его намерения.

— Ты с ума сошел!

Слова вырвались у Элли со смехом в голосе, но в них звучало определенное осуждение.

— Почему же? Я сказал тебе, что у нас есть пятнадцать минут.

Фрэнк не мог ошибаться в таких вещах, как время. Когда он оставлял свою работу, можно было не беспокоиться.

— Сожалею, что ты не в настроении. Один долгий поцелуй, прямо здесь!

Голос его прозвучал бодро. Другая рука, столь же сильная и уверенная мужская рука, начала точными движениями расстегивать застёжки на комбинезоне Элли.

Она закрыла глаза, пытаясь забыть, не думать о самоубийстве и последнем прощании. Когда Фрэнк

обнял и привлек ее к себе, она почувствовала под всем его снаряжением тепло его тела, которое совсем не было холодным как металл. А теперь, еще и еще раз прикосновение человеческой плоти...

Фрэнк сказал «пятнадцать минут». Через двенадцать минут Элли благополучно и уютно расположилась в своем боевом кресле-кушетке, настроила все свои инструменты и была готова к работе. Главный Командир Фрэнк всегда заботился о том, чтобы все было в порядке. Все люки были закрыты и проверены.

На двенадцатой минуте нависла угроза битвы.

Много лет тому назад Элли Темесвар избегали некоторые мужчины, поскольку она их во многом превосходила. Она не поддерживала близких личных отношений и с командиром экипажа. Он не часто ее хвалил или осуждал, нравилась ли она ему или нет, любил ли он ее или просто симпатизировал — она не знала. Что же касается ее мыслей и чувств по отношению к Фрэнку — у Элли не было возможности в этом разобраться. Может быть, то чувство, которое иногда пробуждалось, хорошее или не очень, уносилось прочь сразу, как только оно начинало давать о себе знать. Фрэнк слишком много работал, слишком много знал и был сам значительной фигурой. В свободное время Элли избегала Фрэнка Маркуса и даже старалась не говорить о нем в тех случаях, когда ее сжигало любопытство узнать о нем больше.

Прошло тринадцать минут из пятнадцати, и Фрэнк начал раскрывать план их последующей тактики. Если даже он окажется самоубийственным, — думалось Элли, — по крайней мере, он великолепен.

Тем временем странное облако у конца огромного сверкающего тоннеля продолжало приближаться. Были на исходе названные Фрэнком пятнадцать минут. К этому моменту усилились сверкание и разрывы в плазменной оболочке тоннеля, оболочка начала вспениваться, словно водопад. Реактивная масса начала разрушаться, быстро возрастала скорость, очевидно, расстояние от звезды, от которой она отделилась, высвобождало ее от огромной гравитации.

— Начинается! — прозвучало в наушниках Элли.—
Он появится в любой момент.

Маленький корабль подпрыгивал на волнах рушимых стен плазмы, которые какое-то время их скрывали. Элли была на посту, хотя все, что она смогла сделать для корабля, было тривиальным. Сквозь разрушенную стену из вещества, которое стремительно несло от звезды, появился огромный берсеркер...

ГЛАВА I

Резная работа, в соответствии с этикеткой, была из дерева Леши, по описаниям растущего на планете Элиайн, а с ним было трудно работать, хотя оно было прочным и красивым. Анджело Ломбок, незнакомый и с этим материалом, и вообще чужак в этом мире, в задумчивости вертел это произведение декоративного искусства. Оно квалифицировалось как оригинальная ручная работа художника. По стилю это напоминало резьбу Джеулинкс, которую Ломбоку показывали еще на Земле, но тема была более драматичной. Изображены были мужчина и женщина, беглецы, их тела с длинными ногами были в стремительном беге наклонены вперед, в то время как взволнованные лица обращены назад. Вихрь из деревянных одежд был даже несколько мелодраматичен, но что можно было ожидать от десятилетнего художника?

Иногда Ломбок, тем или иным образом, хотел бы глубже заняться искусством. Живешь только раз, пусть даже четыре или пять сотен лет, а он уже многое отдал другому делу, чтобы начинать сызнова.

С легким вздохом он поднялся на носки, чтобы положить резную работу обратно на полку для подарков, которая, несомненно, молча зафиксировала это возвращение. Единственная сумка, которую он с собой взял, была маленькой и легкой, и ее не надо было помогать нести через все процедуры оформления пассажиров.

Ломбок и сам выглядел как маленькое коричневое изображение на деревянной доске. Он уселся на комфортабельное сиденье на борту транспорта, скользящего к доку, и скомандовал:

— Я хочу нанести визит семье Джеулинкс.

На самом деле, на местном наречии это звучало Джу-линкс. Он подзревал, что подобно другим известным и полуизвестным людям, клан Джеулинксов запро-

граммировал неувязки в их местную транспортную контрольную систему, чтобы выявлять неизвестных визитеров; и эти неувязки он сейчас пытался преодолеть.

— Меня не ждут, но они пожелают меня видеть. Я представляю Академию на Земле, и я здесь затем, чтобы предложить их сыну Микелю стипендию.

У него были координаты места, в случае необходимости, но машине очевидно, это было не нужно. Через мгновение он был уже в пути. Ломбок огляделся. Все на планете было для него новое и интересное. Герметическое поле космического порта медленно смыкалось за устремившимся вверх кораблем. Впереди показалась покрытая лесом гора. Часть флоры здесь, как ему объяснили, была земного происхождения. Ее высадили колонисты, прибывшие с Земли. На скале, мимо которой они теперь скользили, он узнал щетиновые сосны. Ветер гнул к земле их тонкие стволы.

Путь оказался неблизким. Пока продолжался его полет через норы, почти необитаемые, наступил вечер. Как только безоблачное небо начало темнеть, высоко вверху появились части оборонительной системы планеты — защитные спутники, небесные часовые механизмы, движущиеся в медленном ритме. Не было настоящих звезд, но на фоне усыпанного бриллиантового бархата этого почти изолированного пространства были видны вспышки трех естественных планет и две маленькие луны. Это было красиво и таинственно, как бесконечность вечной ночи. Этой Всепоглощающей тьмой был мрак от облака, называемого местными жителями Блэквул. Облако было достаточно твердым, чтобы затемнять все вокруг, и, поняв это, Ломбок почувствовал страх, хотя ему в действительности ничего не грозило при мерцании знакомых, несметных звезд.

Военное положение в системе Элиайн еще не ухудшилось до такой степени, чтобы произошло что-нибудь непредвиденное. Дом Джеулинксов на другом склоне горы был ярко освещен. Это было красивое здание, наполовину деревянное, в стиле давнего прошлого Земли. Он видел это здание, изображенным в семейных объявлениях в журналах по искусству. Удостоверившись, что он почти достиг цели, Ломбок открыл свою небольшую дорожную сумку и еще раз пересмотрел лежащие в ней бумаги. Все, казалось, было в порядке, достаточно убедительно.

Дорога была свободна от транспорта, за исключением одного тяжелого буксировщика, чьи фары освещали узкий тротуар. Здания в этом районе, если судить по огням, встречались реже, чем возле космодрома. Посадочная площадка у дома была ярко освещена, на ней находился пустой воздушный перевозчик, припаркованный в стороне. Транспортировщик Ломбока мягко опустился в потоке света в тот момент, когда мужчина и женщина, несомненно предупрежденные системой обнаружения, вышли из главного здания и остановились в нескольких метрах, наблюдая. Минутой позже Ломбок уже стоял на палубе с сумкой в руке, в то время как его транспортировщик с жужжанием улетал прочь.

Мужчина, высокий и седой, наблюдал за полетом, как если бы он надеялся, что транспортировщик подойдет визитера или самозванца, чье пребывание окажется коротким. Женщина вышла вперед с протянутой рукой и с нетерпением спросила:

— Мистер Ломбок? Надеюсь, я правильно поняла запись вашего полета. Что-то относительно академии и стипендии?

— Совершенно верно.

Она пожала его руку. Женщина выглядела ширококостной и мускулистой, и, судя по имеющимся на Земле данным, была известной спортсменкой в годы юности.

— Я Кармен Джеулинкс, а это Сикстус. Давайте ваш багаж.

Ломбок вспомнил, как ему говорили, что на Элиайн женщина обычно принимала фамилию мужа. Сикстус, более седой, пожилой и высокий по сравнению с женой, теперь тоже вышел вперед, спокойно и сердечно приветствуя Ломбока. Ничего другого ему не оставалось делать. Несколько минут они все постояли, наслаждаясь прекрасным вечером. Гостю показалось, что дневное время должно быть жарким. Они обменялись любезностями, перекинулись парой фраз о путешествии Ломбока, создавая видимость, что гость был званым, поговорили о местных красотах, которые Ломбок должен будет оценить после рассвета.

— А теперь, что вы скажете, мистер Ломбок, о стипендии?

Он ободряюще поморгал и, протянув вперед свою маленькую руку, сказал:

— Может быть, мы войдем и там вы сможете отдох-

нуть, доставить себе огромное удовольствие. Я бы хотел видеть Микеля..., кстати, как он?

— О, прекрасно,— пробормотала женщина, охваченная нетерпением, и быстро взглянула на дом.— Что вы хотите?

— Мы готовы платить за него — и, по крайней мере, один из родителей или опекунов могут сопровождать его на Землю, пока он будет учиться в Академии. В течение четырех лет.

Женщина явно замешкалась. Через пять минут они были уже дома, но никто из них еще не присел. Кармен в волнении ходила взад и вперед, заставляя гостя при ее приближении вскакивать с дивана из вежливости и при этом его упраскивали садиться. Она готовила какую-то еду или закуску, чтобы поужинать вместе с гостем.

Тем временем Сикстус стоял, опираясь на проем двери, с видом человека, поглощенного в свои мысли. В самом начале обсуждения он дал понять, что хотел бы увидеть верительные грамоты Ломбока, которые были немедленно ему представлены и оказались безупречными.

— Дело в том...— пробормотал Ломбок, как только воцарилось относительное спокойствие.

Сикстус бросил взгляд, который говорил: я знаю, что это ловушка. Его жена не заметила этого, странно оставив свой взгляд на госте.

— Что-нибудь не так? — пробормотала она.

— Дело в том, что очень мало времени для того, чтобы заполнить открывшуюся вакансию. Вы понимаете, что наши самые щедрые субсидеры и дарители наследства выдвигают условия, которые нам могут и не понравиться, но мы должны будем их выполнить. Эта вакансия, как я говорю, должна быть быстро занята. Микелю необходимо будет отправиться на Землю.

— Но нет корабля... туда?

— К счастью, конвой, с которым я прилетел, отправится через день-два. Решение предложить Микелю стипендию было принято только шесть месяцев назад, на Земле, и я был сразу же отправлен. Конвой был наготове. Не было времени послать вам предварительное сообщение или испросить вашего согласия.

— О, мы это понимаем. И естественно, что каждый, связанный с Искусством..., должен... Конечно, мы принимаем без испытаний. Но так мало времени, всего два дня?

— Ничего не поделаешь.— Где-то внизу раздался шум, возможно, это разгружались бревна из тяжелого тягача.— Я понимаю, что это очень короткий срок для вас. Но в то же время, это очень редкая возможность. Все мы в Академии были глубоко потрясены работой Микеля, вести об этом дошли до нас.

— Агент сказал, что его экипаж собирается на Землю. Но я никогда... О! Только два дня. Сикстус, что будем делать?

Сикстус улыбнулся и покачал головой. Снизу раздался еще более громкий шум.

— Что это там за звуки? — спросил Ломбок.

— Да подмастерья разгружают прибывший транспорт с бревнами,— последовал ответ Сикстуса.

В наступившей напряженной тишине Ломбок сказал:

— Я заметил несколько резных изделий Микеля, выставленных на продажу в магазине подарков еще в космодроме. Я надеялся увидеть его. А разве он...?

— О, конечно! Он будет с нетерпением ждать встречи с вами. Я думаю, он сейчас работает,— Кармен закатила глаза.

Они поднялись с Ломбоком по ступенькам, а затем прошли в холл. Сикстус, который нес сумку Ломбока, опустил ее, проходя мимо открытой двери в сумрачную, пахнущую сосной спальню. Интерьер дома был столь же роскошным и сельским по виду, как и его фасад.

В конце холла было несколько дверей, одна из них была чуть приоткрыта. Кармен легко толкнула дверь, заглянула вовнутрь, опередив обоих мужчин.

— Микель? У нас неожиданный гость, и он хотел бы тебя повидать.

Комната была большой, в ней соединялись спальня и мастерская, и она была освещена как ювелирная витрина. В дальнем конце была видна неприбранная постель с большими подушками. Кармен подошла к окну и задернула портьеру.

— Уже ночь,— сказала она как-то задумчиво.

Возле двери у стены стояла длинная скамья, зава-ленная инструментами для резьбы по дереву и неоконченными работами. Возле скамьи на стуле сидел мальчик. На вид ему было лет десять. Бросались в глаза его длинные волосы пепельного цвета. Мальчик взглянул на Ломбока вопросительным взглядом.

— Здравствуй, Микель!

— Здравствуйте.

Голос мальчика был слабым, незапоминающимся. Спутанные, взлохмоченные волосы Микеля казались темнее, чем на фотографии, которую видел Ломбок. На ней мальчик выглядел просто блондином. Узкое худое лицо с большими бесцветными глазами подчеркивали хрупкость и беззащитность. Сейчас же Микель твердо пожал руку Ломбока, смело глядя в глаза.

Ломбок обратил внимание, что ноги мальчика были босыми. Нечто вроде пижамы, густо усыпанное древесными опилками и стружками так, что было трудно даже понять, какого оно цвета, прикрывало его детскую фигуру.

— О, Микель! сказала Кармен.— Почему же ты до сих пор не переоделся? Мистер Ломбок еще подумает, что ты болеешь, слишком слаб для... Скажи, захочешь ли ты отправиться в далекое путешествие? А, дорогой?

Микель тут же соскользнул со стула.

— Но куда?

— На Землю,— сказал ему Ломбок.— Вы уже взрослый, и я уполномочен предложить вам стипендию в Академии.

У Микеля от удивления поднялись брови, а затем умное детское лицо озарила озорная мальчишеская улыбка.

Через десять минут взрослые перешли на террасу, где мягкое тепло скрытого источника предохраняло от наступающего холода ночи. Приятные напитки были доставлены бесшумным роботом, который двигался «шел» на неслышных колесиках.

— Вы должны им гордиться,— заметил Ломбок, сделав глоток и при этом внимательно разглядывая остальных присутствующих.

— Могли бы, конечно, и больше гордиться, если бы мы являлись его биородителями,— сказал свое слово Сикстус.— Мы оба граверы и проделали огромную работу по воспитанию мальчика, после того, как он попал к нам из центра усыновления.

Ломбок как-то осторожно сделал еще один глоток, словно чего-то опасаясь.

— Я не знал, что он был усыновлен,— солгал Ломбок, показывая при этом свой интерес.

— О, да. И Микель об этом знает, конечно...

— Мне пришлось в голову..., впрочем, могу я задать личный вопрос?

— Пожалуйста!

— Все очень интересно. И я подумал о том, делали ли вы когда-нибудь попытку узнать, кто же были, или еще есть, его биородители?

Хозяева покачали головами, несколько ошарашенные вопросом. Сикстус не преминул пояснить:

— Сам премьер Элиайна не мог получить информацию из этого места. Медицинские справки о здоровье биородителей доступны. Но это все, что можно узнать. Ничего другого, так как биородители не хотят огласки. Мы не знаем, кто они.

— Я понимаю,— Ломбок задумался.— Даже при всем этом я попытаюсь разузнать хоть что-то. И сделаю это завтра. У помощника директора есть любимый им проект, корректирующий поведение биородителей и стиль жизни в связи с художественными достижениями детей. Этот центр по усыновлению в Элиайн?

— В Гласиер Сити. Но я уверен, приезд туда не даст вам ничего хорошего.

— Я тоже думаю, что поездка может оказаться бесполезной. Но я должен буду доложить, что я делал такую попытку. Утром я отправляюсь туда. А затем — могу ли я надеяться, что мое предложение принято?

Прежде, чем он дождался ответа, Микель, теперь одетый как положено, быстро вышел на террасу и опустился на стул.

— Микель, наконец-то ты появился,— сказала Кармен.

Мальчик бросил острый взгляд на гостя.

— А вы видели берсеркера? — спросил он напрямую с юношескою непосредственностью и неподдельным интересом.

Сикстус кашлянул, а Ломбок попытался все это обратиться в милую шутку.

— Нет, не видел. Я никогда не был на планете, подвергающейся прямой атаке. Я не так уж много путешествовал в космосе. Моя поездка сюда, как я и говорил, не связана с военной акцией.

— Никакой тревоги в Боттлнеке? — спросил Сикстус.— Вы ведь должны были продвигаться этим путем? Другого пути не было для достижения системы Элиайн,

окруженной парсек за парсеком пылью и газом, слишком плотными для практической астронавтики.

— Никакой тревоги,— повторил Ломбок. Он взглянул в лица взрослых.— Я знаю, многие теперь опасаются далеких космических путешествий. Но давайте посмотрим фактам в лицо. Элиайн — не самое безопасное место в населенной галактике. Даже когда Боттлнек потерпит поражение в результате движения облаков или из-за действий берсеркера, каждый в Элиайн, в лучшем случае, будет в осадном положении.

Ломбок не сказал Джелинксам ничего нового. Он обсуждал варианты их будущего, и они все трое глядели на него и внимательно слушали. Он продолжал:

— Что же касается меня, я бы чувствовал себя в большей безопасности на обратном пути, чем находясь здесь.

Сикстус смотрел в ночное небо, подобно фермеру, ожидающему, когда гроза погубит нежные ростки его урожая...

— Я должен остаться здесь ради своего дела,— заявил он.— Другие члены моей семьи пусть поступают по-своему. У меня сестра, у нее дети. Есть еще рабочие, арендаторы. Я не могу отлучиться даже на пару дней.

— Очень важное дело,— согласилась Кармен.

Она и ее муж взглянули друг на друга, как будто они оба пришли к единому решению одновременно.

— Ну и, конечно, очень важно будущее Микеля,— ее губы дрогнули, произнося эти слова.— Академия!

— Конвой отправляется через два дня,— объявил Ломбок.— Два дня. Они обещали мне еще два часа.

В действительности же флотилия отправится только тогда, когда Ломбок скажет о своей готовности адмиралу, но никто в Элиайн, как надеялся Ломбок, этого не знал.

— Наш мальчик должен ехать,— сказала Кармен и нежно погладила длинные волосы сына. Его глаза сияли.— Но Мигель слишком юн, чтобы ехать без взрослых. Сикстус, сколько тебе понадобится времени, чтобы привести все в порядок и присоединиться к нам?

Ломбок затянулся сигаретой, которую только что закурил, задумчиво глядя на присутствующих. Леди была более встревожена, чем ее сын. Ее давняя мечта осуществляется, она видит себя в Академии, где будет столько знаменитых художников, а с ее энергией, умом

и таким одаренным сыном они многого добьются, и перед ними распахнутся двери целого мира... Человек из Мунбейз, который послал Ломбока, все хорошо рассчитал... Ломбок живо представил себе Кармен на Мунбейз — ошеломленную, отчаявшуюся, когда она наконец узнает правду.

Правду... Ее следует подавать осторожно, когда для того придет время.

ГЛАВА 2

Система образования в Элиайн считалась слабой по сравнению, например, с Землей, и поэтому Микель не тратил много времени на школу. Домашнее образование, которое ему дали родители, не способствовало его контактам с другими детьми. В результате этого у него было только несколько знакомых, главным образом дети соседей, которые иногда приходили в гости, но Микель никогда из-за этого не огорчался.

Он не собирался скучать по ним после отъезда. Но когда утром, после отъезда мистера Ломбока в Центр усыновления, мать Микеля предложила позвать друзей, чтобы попрощаться, он согласился.

Из троих приглашенных двое отнеслись равнодушно к его великой новости или просто сделали вид, что это им не интересно. Третий, открыто завистливый, выразил вслух свое недоумение, как Микель относится к тому, что они будут пересекать Боттлнек, где определенно идет война.

Микель, увлекавшийся космическими войнами, по крайней мере теми, что велись на страницах приключенческих книг для юношества, считал себя знатоком и расценивал этот риск как минимальный. В конце концов, капитаны кораблей и другие члены экипажа не станут рисковать, если будет реальная опасность.

Мистер Ломбок вернулся из Центра через пару часов, заявив, что не смог ничего узнать. Однако вид его не был слишком разочарованным, он, вероятно, предполагал такой исход событий. Готовы ли Микель и Кармен? Ломбок связался с космодромом на случай, если там

решили изменить время вылета и не смогли ему сообщить...

— Хорошо, что я все сделал,— заявил он двумя минутами позже, оторвавшись от коммуникатора.— Хорошо, что вы готовы. Последний корабль стартует через три часа.

На личном самолете они добрались до космопорта всего за час. Микель до этого бывал здесь всего дважды. Первый раз вместе с классом на экскурсии, а во второй — провожая гостившего у них дядю с Эстила. Обиная отца он испытал острую горечь разлуки. На глазах его были слезы. Когда они потом втроем пошли к кораблю, Микель несколько раз оглядывался и каждый раз видел как отец махал ему рукой, стоя у выхода.

Корабль, на котором им пришлось лететь, был намного больше того, на котором улетал дядя. К тому же он был явно военным, а не пассажирским.

Первый космический полет Микеля сначала мало чем отличался от полета на самолете. Вскоре после старта к ним вошла молодая женщина, одетая в форму личной службы, чтобы посидеть и поболтать. Микель, его мать и мистер Ломбок были единственными пассажирами на этом корабле. За разговорами никто, кроме Микеля, не заметил, когда корабль подвергся искусственной гравитации. Микель, для которого все было новым и интересным, сразу это заметил. Затем он услышал как мощные двигатели где-то внизу начали наращивать свою силу.

Когда поблекла синева дневного света, на фоне черного неба стала видна часть экспортирующего их конвоя. Мистер Ломбок говорил уверенно, но не совсем ясно о его возможностях. В космосе, по его словам, находилось шесть крупных кораблей. Микель стал смотреть в иллюминатор. На большой высоте, прямо над ними, он увидел еще шесть кораблей. Еще столько же было видно внизу. Его охватило недоумение — что же происходит?

В отличие от родителей, он с жадностью читал новости о войне в космосе, и не только в романах для юношества. Отряд сильного конвоя означал особое боевое задание или даже боевой атакующий вылет. На его недоумевающие вопросы мистер Ломбок заметил, что эти корабли пришли к Элиайн с Земли и теперь они просто возвращаются назад.

Кармен заметила различия в световых знаках кораб-

лей только тогда, когда Микель их ей показал. Она поощрила сына улыбкой за наблюдательность и продолжила про себя репетировать свои речи, которые она намеревалась адресовать важным персонам по прибытии в Академию.

Мистер Ломбок, полностью расслабившись, сидел с улыбкой, временами бросая взгляд собственника на Микеля.

Только когда звездный корабль, в котором им надлежало лететь, засветился вверх, как целый континент из металла, тускло освещенный снизу отблесками дня на Элиайн, Кармен очнулась:

— В нем я буду чувствовать себя в безопасности,— заметила она, заглядывая вверх. Потом Кармен огляделась вокруг, чтобы удостовериться, что их скудный багаж не потерялся.

Микель наблюдал за причаливанием из всех сил, и прежде чем корабль был поглощен внутрь блока этого Левиафана, он успел разглядеть имя этого чудовища на его оболочке боевого серого цвета: ДЖОАН КАРЛСЕН.

Микель сидел, видя в метре от своего носа темный металл. Внезапно открылся люк и все стали переходить на борт нового корабля. Микель решил, что это наверняка корабль класса дредноут. На его борту он и его мать должны иметь удовольствие путешествовать, может быть, в течение четырех стандартных месяцев.

Микель все меньше был уверен в удовольствии от этого путешествия. Но он подумал и решил, что слишком поздно что-либо предпринимать, осталось только идти вперед.

* * *

Отправка конвоя, или скорее флотилии, последовала через несколько минут. Микель и его мать были быстро размещены в современных, уютных каютах, размещенных рядом. После того как они устроились, офицер, дружественная молодая женщина, которая, видимо, была назначена им в спутники, повела показать те отсеки корабля, которые предназначались для пассажиров. Она все объясняла, стремясь их уверить в полной безопасности.

В первый вечер пассажиры были приглашены поужинать вместе с капитаном корабля. Капитан оказался высокой, седой женщиной с худощавым лицом, которое

показалось Микелю даже грубым. Но когда капитан улыбнулась, он понял, что ошибся. Она спросила у своих пассажиров о том, как они устроились и не нужно ли им чего-нибудь. Ужин прошел довольно интересно.

* * *

...его отец, его биоотец, которого он никогда не видел и не знал, был заперт в одной из кают на борту ДЖОАН КАРЛСЕН. Он кричал, чтобы его пропустили к сыну. Нелегко было Микелю пробираться сквозь сплошные запоры и барьеры, чтобы найти неизвестного ему человека.

Вначале Микель думал, что он спит, но затем понял, что проснулся. Он сидел на своей постели. В каюте было темно. Он прислушался.

— Трам!

Полностью проснувшись, Микель с полминуты напряженно вслушивался и у него не осталось никаких сомнений, он не ослышался. Непонятный звук повторился.

Микель посмотрел на часы.

Еще во время ужина он заметил, что корабельное время соотнесено с местным временем планеты Элиайн по долготе жилища Джеулинксов. Было ли это простым совпадением или нет, но особенности этой выверки еще больше усилили его растущие подозрения об этом странном космическом путешествии.

Микель отсчитал время, прошедшее с того момента, как они двинулись в путь. Если он не ошибается, то они уже достигли системы Боттлнек или где-то вблизи нее.

— Здесь не самое удобное место для того, чтобы потренироваться в стрельбе, — подумал Микель.

Трам! Трам! Трам!

На тренировке так ожесточенно не стреляют.

Не зажигая света Микель встал с кровати, нащупал свою одежду, а он помнил, что положил ее с вечера рядом на стул, и стал одеваться.

Дверь в его каюту внезапно тихо открылась и Микель увидел в освещенном проходе молодую женщину, которая сопровождала их на корабле. Микель вспомнил, что она называла себя Энсин Шнайдер. Она удивилась, увидев, что он не спит, а одевается.

— Что случилось, Микель? — в ее голосе чувствовалось легкое напряжение.

— Разве вы не знаете? — спросил он автоматически, поняв, что она все знает. — Нас атакуют, мы ведем бой.

— Я не слышу ничего подобного.

Или атаквали. Перестрелка только что прекратилась.

Она все еще неуверенно улыбалась, когда за ее спиной показалась фигурка Ломбока. В своей одежде он очень напоминал Микелю маленькую коричневую птицу. Ломбок, казалось, развеселился, увидев, что мальчик уже встал и одевается.

— Что-то разбудило тебя, Микель?

— Интересно, — подумал Микель, — почему эти люди ведут себя как идиоты, но вслух сказал:

— Я хочу знать, что происходит, мистер Ломбок. Проводите меня на пульт управления. Обещаю, я никого не потревожу.

Какое-то время Ломбок изучающе глядел на него, потом повернулся к молодой женщине:

— Энсин, взгляните, не проснулась ли также миссис Джеулинкс? — потом он повернулся и кивком головы дал Микелю знак следовать за ним.

В коридорах была восстановлена гравитация, как это всегда бывает на больших кораблях, когда звучит сигнал боевой тревоги. Микель читал об этом в книгах.

Он последовал за Ломбоком с его развевающимся коричневым одеянием до пульта управления, который, как и ожидал Микель, оказался большой комнатой. Человек десять членов экипажа сидели в креслах вокруг большой голограммы, занимающей центр комнаты. Одно из кресел было свободным и Ломбок жестом указал на него.

Микель быстро взобрался на него и потрогал обивку. Никогда раньше ему не приходилось видеть ничего подобного. Он даже не заметил, что Ломбок не стал искать еще одного свободного кресла, а предпочел стоять возле Микеля.

Внимание всех находящихся на пульте управления было приковано к большому макету-голограмме. Она показывала сектор космоса, где сейчас находилась флотилия.

Как и предполагал Микель, они находились в системе Боттлнек. Она представляла собой зубчатую расщелину чистого космоса, окруженную черным облаком. Зеленые точки — точно как в романах, подумал Ми-

кель — показывали расположение космических кораблей людей; они шли через расщелину и вдоль нее. Сам дредноут, отмеченный ритмически вспыхивающей маленькой точкой, был обозначен в середине расщелины, сопровождаемый сильной охраной.

Стая красных точек, берсеркеров, шла в хвосте арьергарда.

Дредноут, равно как и весь сильный авангард не развернулись, чтобы помочь тем, кто подвергся нападению. Необходимо было как можно быстрее проскочить через Боттлнек к открытому космосу с его бесконечными маршрутами для полета.

Конечно, голограмма не была совершенной. Даже новейшие приборы дредноута и боевые компьютеры не могли точно определить нахождение кораблей, движущихся со скоростью света, появляющихся из нормального космоса и уходящих в него обратно, прячущихся за темными скоплениями газа и пыли.

Микель посмотрел на лицо капитана. По ее лицу можно было понять, что дела идут так, как и ожидалось. Засада берсеркеров не оказалась для людей полной неожиданностью, и они проскочили ее почти без потерь.

Временами поглядывая на голограмму Микель заметил, что одна зеленая точка из арьергарда внезапно исчезла.

Точки красного и зеленого цвета все время появлялись и исчезали, двигаясь как светлячки, когда менялась их позиция, или когда они удалялись в нормальный космос и появлялись из него.

Но это исчезновение было необычным — эта зеленая точка больше не появлялась.

Микель внимательно еще раз пересчитал зеленые точки. Так и есть — одной не хватает. Он пристально глядел на голограмму, пока, наконец, не понял, что она не возвратится никогда.

Неизвестное Микелю число человек со всей их мебелью, запасами пищи, вооружением было превращено в сгусток энергии и атомные частицы.

Микель покачнулся в своем кресле, но не от страха, а от охватившего его внезапного волнения. Никогда раньше мальчику не приходилось сталкиваться со смертью так близко и он даже немного пожалел, что настоял и пришел сюда.

Микель посмотрел на Ломбока. Тот продолжал стоять рядом с креслом.

— Я хочу уйти.

Ломбок кивнул головой. Он помог мальчику слезть с кресла и проводил его в каюту.

Могучий дредноут продолжал лететь в нормальном или стандартном космосе, в то время как позади него продолжала кипеть яростная битва.

Неумолимые красные точки появлялись и исчезали, — горы металла, не знающие страха или усталости.

ГЛАВА 3

В Кабинетах административных вспомогательных служб на базе было принято соблюдать тишину, а точнее, даже не тишину, а просто спокойствие. Но все же еле слышная музыка порой просачивалась в контору Секретаря Обороны. Популярные мелодии некоторых групп Западной Европы второй половины XX века были особенно приятны уху Секретаря.

Но в данный момент Тупелоф, сидя за своим огромным столом, на который он положил свои огромные ступни, даже не пытался прислушиваться к каким-либо мелодиям.

— Я не могу считать это добрым знаком. Ребенок чуть не потерял сознание, когда впервые наблюдая бой, увидел гибель людей.

Тупелоф был могучего телосложения, весьма привлекательным, еще молодым человеком. Историку его черты лица могли бы напомнить портреты Оскара Уайльда.

— Это его первый полет. Не говоря уже о том, что это его первый бой, — сказал Ломбок, опускаясь на стул.

ДЖОН КАРЛСЕН вошел в док всего двадцать минут назад, и Ломбок был первым кто сошел с корабля. — И все это посреди ночи. Но я все же думаю, что он не из трусливых.

— У вас есть копия генетической структуры его биологических родителей?

— В Центре адаптации есть копия только с материн-

ской линии. Имя отца не установлено. Но мы продолжаем компьютерный поиск.

Секретарь снял ноги со стола и принял более официальную позу.

— Вы занимаетесь Микелем и его матерью уже более четырех месяцев. Есть ли какие-нибудь предположения, что же именно с ним происходит?

— Я уверен, что его мать не знает, в чем тут дело. Но я думаю, что сам Микель знает, что с ним происходит,— Ломбок поднял свою тонкую руку, словно желая предотвратить вопросы.— Я не могу аргументировать свою догадку. Я не могу процитировать какие-либо его слова, не могу прокомментировать какие-либо действия. Но он порой так странно на меня смотрит! И слушает с поразительным вниманием. Иногда он способен запомнить и повторить однажды услышанную речь или мелодию. Он может запросто воспроизвести рассказ своей матери о том, что они будут делать в Академии, хотя она говорила не меньше часа.

— Удивительно,— сказал Тупелоф.— А что вы скажете о работе экипажа «КАРЛСЕНА»?

— Они все проявили огромный интерес. Прделана большая работа. Выдвинута масса предположений. Я надеюсь, что хотя бы часть из них верна...

— Хорошо. А теперь нам необходимо решить каким образом лучше всего сообщить нашим гостям неприятную новость? Кто это сделает лучше всего?

Ломбок на минуту задумался. Он слегка потер лоб и, как бы рассуждая вслух, произнес:

— Мать, я полагаю, воспримет все с большим доверием, если ей все скажет человек весьма высокого служебного положения. Самого высокого. Если бы мы смогли организовать для нее встречу с президентом...

— Забудьте об этом,— перебил его Секретарь.— Потребуется несколько дней. И, к тому же, он вообще не любит бывать здесь. А я не хочу, чтобы они улетали с Мунбейз на Землю.

— Тогда вы сами скажите ей,— предложил Ломбок.— Я не думаю, чтобы для ребенка было важно, кто именно ему все сообщит. Конечно, если мать расстроится, даже ненадолго, кто знает, какой вред это может принести одиннадцатилетнему мальчику.

— Хорошо. Я прикажу привести ее сюда,— Тупелоф встал. Оглянувшись он окинул взглядом свой кабинет.

Как сделать так, чтобы эта большая комната произвела впечатление на женщину, которая провела большую часть своей жизни вне технических достижений.

Тупелоф включил электронные обои. Для декорации использовался пейзаж обратной стороны луны. Вот видна огромная машина «КАРЛСЕНА». Он достаточно высок, чтобы не затеряться среди высокогорья. Корабль хорошо видно на самом краю кратера — лет десять назад сюда не раз приходили туристы, чтобы взглянуть на единственный действующий вулкан на Луне.

На противоположной стене он расположил впечатляющую статистику военных побед — цифры плыли, все время менялись. Вообще говоря сведения не новы, но кому какое дело?

На стене, которая располагалась сразу за его столом, Тупелоф воспроизвел нечто бело-голубое, воспоминание об уходящем вдаль горизонте на Земле, где-нибудь на Море. У какого человека — будь он даже с самой отдаленной планеты — не занает сердце при взгляде на пейзаж его далекой Родины?

Тупелоф посмотрелся в зеркало, пригладил взбившиеся волосы ладонью, вообще постарался привести себя в порядок и даже попытался придать своей персоне официальный вид.

Ломбок вышел и через минуту вернулся вместе с Кармен. Она была в новом платье.

— Миссис Джеулинкс, — сказал Тупелоф, стремясь придать своему голосу как можно более официальный и одновременно добродушный тон. — Я очень рад, что вы пришли. Пожалуйста, садитесь. Как, вы долетели?

Кармен села в кресло. Ломбок расположился в диване. Несколько секунд все молчали, с видимым интересом изучая друг друга.

Тупелоф поймал себя на мысли, что он ошибся, думая увидеть старую и некрасивую женщину. Кармен была необыкновенно обворожительна и миловидна.

— Спасибо. Мы добрались хорошо. Моего сына и меня встретили очень радушно. Но я вынуждена признать, что несколько удивлена неожиданной обстановкой. Мне хотелось бы поскорее отправиться дальше на Землю. Моего сына ждут в Академии.

Тупелоф встал из-за своего стола, подошел к стоящему у стены шкафу и, открыв дверцу, достал поднос с вином, сигаретами и фруктами. Поставив поднос на

стол, он предложил Кармен. Но она отказалась.

Тупелоф вернулся на свое место.

— Я хотел бы поговорить с вами, миссис Джеулинкс.

Кармен, с большим интересом разглядывавшая изображения на стене, повернула голову и встретила с его хмурым взглядом.

— Да, я вас слушаю,— сказала она недоумевая.

Тупелоф подержал паузу, потом произнес:

— Как вы знаете, Микеля пригласили сюда из-за его выдающихся способностей. Но вы, возможно, удивитесь... Академия не выбирала его своим стипендиатом. Невзирая даже на его огромный талант и способности...

Кармен недоуменно посмотрела на своего собеседника. «Что за ерунду он говорит?» — подумала она. Кармен вопросительно посмотрела на Ломбока, но тот опустил глаза и слегка отвернулся. Она попыталась улыбнуться:

— Это розыгрыш? Надо сказать, он вам удался.

Тупелоф поставил свои локти на стол и подпер ими голову. Было видно, что ему тяжело говорить.

— Миссис Джеулинкс, можно я буду звать вас просто Кармен?

Она кивнула.

— Кармен, видите ли, вам это будет трудно понять. Но, я прошу вас, выслушайте меня внимательно. Я постараюсь все вам объяснить.

Тупелоф встал из-за стола, подошел к столику, на котором стоял поднос. Он налил себе сока, сделал несколько больших глотков и, не выпуская стакана из рук, сказал:

— Вам, наверняка, хорошо известно, что вот уже несколько веков мы ведем тяжелую войну с берсеркерами. Эти безжалостные машины были созданы специально для уничтожения всего живого. Имея способность к самовоспроизводству и самосовершенствованию им долгое время удавалось одерживать победы. Но вот нам удалось найти эффективные способы борьбы и положение резко изменилось. Еще сто лет тому назад мы были уверены, что победа близка. Пятьдесят лет назад мы продолжали верить, что преимущество на нашей стороне. Но военное счастье нам изменило. За последние десятилетия мы убедились, что наши надежды не имеют под собой оснований. Враг стал сильнее, в то время, как

наша система совершенствования вооружений не ускорила темпов своего развития. Мы больше довольствовались тем, что защищались, а не атаковали берсеркеров. Если вы захотите, я могу потом объяснить вам причины наших поражений поподробнее. Но поверьте мне: если все пойдет так, как и раньше, то через пятьдесят лет, а то и раньше, через двадцать, вряд ли будет существовать и Академия и вообще все человечество. Некому будет предоставлять стипендии. А если кто-то, например Микель, будет жив к тому времени, то он станет всего лишь частью законсервированного мозга какого-нибудь робота как плод эксперимента... Вам плохо? Извините, пожалуйста. Выпейте стакан воды.

Тупелоф встал, налил стакан и протянул его Кармен. Ее реакция удивила его.

Кармен отпила немного и жестом указала на сигареты.

Тупелоф поднес ей зажигалку.

Сквозь облачко поднявшегося голубоватого дыма она испуганными глазами посмотрела на секретаря. Постепенно к ней стало возвращаться спокойствие и способность говорить:

— Вы нарисовали ужасную картину. Но зачем? И вообще, если Академия не причем, то почему мы здесь? Кто привез нас сюда? Зачем?

— Вас привезли по моему приказу, — сказал Тупелоф. — Точнее, по распоряжению *Международного Военного Совета*. Хотя народы сейчас не всегда единогласны во многих вопросах. Скорее — это решение правительства Земли. План был одобрен на самом высоком уровне. На самом высоком, — подчеркнул Тупелоф. — Но идея была моя.

Он вновь сел за свой стол и мягким тоном продолжил:

— Я ответил на вопрос «кто». Теперь — «зачем». Мы разрабатываем совершенно новую систему вооружений, важность которой трудно переоценить. Ее кодовое название — «ЛАНСЕЛОТ». Я не думаю, чтобы вы могли что-либо об этом слышать?

Кармен отрицательно покачала головой, что позволило Тупелофу предположить отсутствие утечки информации.

Довольно улыбнувшись, он продолжил:

— Это принципиально новый тип оружия. «Лансе-

лот» как боевое средство должен превосходить военную мощь берсеркеров. В качестве интегрального компьютера в нем будет использоваться живой человеческий мозг. Мозг человека, добровольно служащего делу человеческой цивилизации. Но тут и возникает проблема. Большинство людей, точнее их мозговая ткань, не способны стать частью системы. Подсознание, как и сознание, имеет свои пределы. Вы, наверное, слышали об этом?

Кармен на секунду задумалась, но потом отрицательно покачала головой.

— Может быть, вы все же выпьете вина?

Она кивнула. Ломбок, который до этого сидел неподвижно, встал и наполнил ее бокал. Кармен быстро сделала большой глоток. Рука ее слегка дрожала.

Тупелоф продолжил свой рассказ, стараясь придать голосу нарочитую беспристрастность.

— Вы понимаете, конечно, что некоторые люди подходят для нового оружия больше, чем другие. Нам удалось разработать модель мозга, который можно использовать в качестве звена в новой системе с наибольшей эффективностью. И после этого мы стали искать людей, мозг которых напоминал бы наш образец. Мы прогнали через компьютер почти сто миллиардов человеческих характеристик реальных людей, ныне живущих как на Земле, так и на колониальных планетах. И из ста миллиардов человек мозг Микеля — самый подходящий, наиболее полно отвечающий разработанному нами идеалу.

— Сто миллиардов...— Кармен была потрясена, цифра произвела на нее впечатление.

Тупелоф на секунду задумался, стоит ли продолжать, опять облокотился на стол.

— Я сразу хочу вас заверить, что мальчику не причинят никакого вреда. Тесты, которые мы разработали и уже провели, совершенно безопасны...

В глазах Кармен мелькнуло облегчение:

— На какую-то секунду я подумала, что вы хотите...— она улыбнулась собственной глупости. Это же просто невозможно, чтобы ее нежный, добрый, трогательный одиннадцатилетний сын отправился сражаться с берсеркерами!

Тупелоф улыбнулся тоже:

— Теперь, когда аппаратуру можно настроить, ориентируясь на личностную модель, мы можем позволить себе сделать несколько модификаций и выбрать среди

наших боевых летчиков наиболее подходящие кандидатуры для операций.

Кармен отпила еще один глоток вина, но ее лицо вновь побледнело при новой мысли:

— Но к чему вся эта таинственность? Почему вы не сказали нам правду на Элиайне?

— Элиайн — опасная планета, Кармен. Я имею ввиду, трудно удержать что-либо в секрете, даже если всего пять-шесть человек на Элиайне что-нибудь знают. Я не хочу оскорблять ваших соотечественников, но, к сожалению, это так.

— Хорошие организмы, — ее рот искривило при этом слове. — Правительство Элиайна не раз упоминало о сторонниках берсеркеров, о том, что все военные проблемы должны храниться в секрете. Хотя Сикстус всегда говорил, что рассказы о «хороших организмах» — так берсеркеры называют тех, кто им помогает — всего лишь уловка, чтобы запугать остальных. И я никогда не могла понять, для чего все это надо.

— У меня, поверьте, есть доступ к информации много большей, чем та, которой располагает Сикстус. Вы должны понять, что Микель будет в много большей опасности, если просочиться хоть малейшая информация о том, почему он здесь.

Глаза Кармен расширились, в них блеснула неожиданная догадка:

— А когда берсеркеры атаковали нас в «бутылочном горле», это имело какое-либо отношение к...

— Знали ли они что-нибудь о Микеле? Я не думаю, — он попытался улыбнуться. — Даже если какая-то информация и стала им известна, то они просчитались. Все уже позади.

Тупелоф давно пришел к выводу, что правительству Элиайна не стоит знать о том, что происходит. Поскольку этой планете тоже приходится сражаться с берсеркерами, то не исключено, что Микеля признают народным достоянием и не разрешат ему выехать. Даже если сами жители Элиайна и не смогут его использовать для создания нового вооружения.

К тому же, оператор, в лице Микеля — это только половина «Ланселота», вторая же половина — собственно сама система — плод усилий инженеров-землян. И на нее никто кроме них не может претендовать. Хотя одна без другой половины не могут существовать.

— А теперь Кармен,— сказал Тупелоф,— я бы хотел поговорить с Микелем. Рассказать ему, что к чему. Хотя я и предпочел, чтобы вы все узнали первой.

Женщина кивнула. Все идет не так уж плохо. По крайней мере, лучше, чем могло пойти.

Тупелоф нажал на какую-то кнопку на столе. Дверь открылась, и вошел человек в военной форме.

— Попросите ко мне Микеля Джеулинкса,— сказал ему секретарь.

Офицер вышел, и вскоре возвратился вместе с Микелем.

Тупелоф внимательно оглядел вошедшего. Выглядел он точно так, как Ломбок описал его. Секретарю бросилось в глаза его недетское выражение лица. Одежда на мальчике была ему явна мала. В одной руке он держал небольшой изогнутый нож. Очевидно, его застали за вырезанием, и он не стал его бросать.

Микель молча переводил взгляд с секретаря на мать и дальше на Ломбока, но на его бледном лице нельзя было прочесть никаких эмоций.

Секретарь встал и молча поклонился мальчику, как будто перед ним находился очень важный и высокопоставленный гость. Гостеприимным жестом он указал ему на стул. Только тут Тупелоф заметил, что на столе осталось только вино. Надо было, конечно, это заранее предусмотреть и принести сок.

— Микель,— начал Тупелоф свою речь мягким, даже немного приторным голосом,— я только что объяснил твоей маме, что ваша поездка в Академию откладывается.

Тут Тупелоф бросил взгляд на Кармен:

— Мы, конечно, позаботимся о том, чтобы она состоялась, но несколько позже.

Микель посмотрел на своего собеседника внимательно, но как-то без особого интереса.

— Возможно пройдет год. Или даже больше, прежде чем вы сможете поехать на Землю.

Мальчик кивнул.

— А пока, Микель, не мог бы ты помочь нам в одном деле? У нас есть скафандры и кое-какая аппаратура, для испытания которой нам очень нужна твоя помощь.

Несколько секунд все молчали.

— Я знаю,— неожиданно ответил Микель. С недвольным видом он посмотрел на стену, по которой бега-

ли устаревшие данные о звездных боях.— Это уже не актуальная информация.

Тупелоф повернулся к бегающим строчкам. Весь его вид выдавал изумление:

— Откуда ты знаешь?

— Если вы говорите об этом экране, то...— Микель сделал неопределенный жест рукой.— Я полагаю, что эти цифры просто смешны.

— А откуда ты узнал о скафандрах? И о том, что мы хотим, чтобы ты участвовал в экспериментах?

— Я не знал, что меня собираются использовать в каких-то конкретных экспериментах. Но я знаю, что это вы доставили меня сюда. Я хочу сказать, что флот прилетел на Элиайн за нами, точнее за мной, и привез сюда. А чем могу быть я, именно я, полезен вам, кроме каких-либо опытов. Очевидно, я вам очень нужен, раз вы прислали целую эскадру?

Более всех была изумлена, конечно, Кармен. Выражение удивления на ее лице становилось все заметнее и заметнее, пока она слушала одного, избранного из ста миллиардов человек, который оказался ее сыном.

Неожиданно включился селектор на столе Тупелофа. Секретарь склонился над трубкой. Когда он выпрямился, то сказал:

— Нас ждут в лаборатории. Можно будет взглянуть на «Ланселота». Идем?

Все встали и вышли из кабинета. Пройдя по коридору, они спустились по лестнице на один этаж и вошли в лабораторию. Здесь их уже поджидала Энсин Шнайдер.

Комната, где расположилась лаборатория, была огромной — при желании в ней можно было поиграть в футбол. Почти вся комната была заставлена разнообразной аппаратурой. Несмотря на то, что комната была достаточно высокой, около пяти метров, массивный потолок с балками и проводами как бы нависал над полом, скрадывая высоту.

По потолку время от времени пробегали приятные на глаз разноцветные блики.

В центре комнаты находилось то, что должно было быть подвергнуто тесту.

Аппарат представлял собой подвешенный к потолку скафандр, к которому была прикреплена аппаратура, напоминающая собой снаряжение военного парашютиста.

Микелю оно показалось похожим не столько на военную форму, сколько на костюм из школьного спектакля, в котором он принимал участие, когда ему было семь лет.

В пьесе были также принцессы в воздушных платьях, принцы с золотыми коронами. Был и волшебник. В руках у него была волшебная палочка.

Здесь, конечно, не было волшебников с их удивительными палочками. Но кто-то словно взмахнул ею и тотчас же появилось множество мантий и платьев, окруживших одиноко висевший скафандр. Микель немало удивился, но потом он понял, что это видение — плод силовых полей.

Все эти наряды колыхались и трепетали как будто их развевал ветерок. Затем они все поплыли куда-то в сторону.

Микель подумал, что эти модели порождены его взглядом, который хочет остановиться на чем-то конкретном, а не блуждать по скользящему свету.

Мальчик улыбнулся матери, которая, стоя рядом с ним, от неожиданных видений, ухватила за руку Энциан.

После этого техники стали одевать Микеля. Отвечая на их вопросы, о том, удобно ли ему, мальчик повернул голову в тот угол, куда исчезли волшебные платья принцесс и мантии королей, стараясь увидеть реальность в том, что было только плодом его богатого воображения.

* * *

Тупелоф извинился и удалился в комнату управления, которая располагалась по соседству. Находившиеся там инженеры следили за происходящим по изображениям на мониторе. Здесь же находились приборы управляющие аппаратурой. Еще до тестов было решено, что с подготовительными работами лучше справится технический персонал, а инженеры примут участие уже в эксперименте.

Войдя в комнату, секретарь кивнул в ответ на приветствия, глянул на экран и обратился к присутствующим:

— Что вы думаете об этом?

Он понимал, что его вопрос слишком преждевре-

нен. Но он также знал, что если ученых не поторопить, то они затянут все до неимоверности.

Тупелоф хотел, чтобы Президент, а его представитель был здесь, в лаборатории, знал — кто же именно заставляет дело развиваться как можно быстрее...

Один из ученых — бородатый человек с высоким лбом, передернул плечами:

— Что-то он не похож на вояку.

Тупелоф посмотрел на него с нескрываемой издевкой, широко улыбаясь:

— То есть нет накаченной мускулатуры, героического выражения и вообще командирского вида. Но ничего этого не нужно в том деле, которое мы с вами делаем.

— А что же тогда нам нужно? — удивился ученый.

— Да интересно, что именно нам нужно? — за спиной Тупелофа раздался голос представителя Президента.

— Нам нужен этот мальчик.

— Но все же, господин секретарь, что же именно делает Микеля идеальным кандидатом для этой работы? Я видел, как его данные соотносятся с разработанными вами параметрами. Но как его генетические возможности связаны с ходом боевых действий?

— Хорошо. Я попытаюсь объяснить. Для начала, обратите внимание, как долго и тщательно техники укрепляют ремни, на которых находятся датчики.

Все посмотрели на экран монитора.

— Такая, кажется, обычная вещь, — продолжал Тупелоф, — но все дело в другом. При помощи этих приборов психические поля мальчика подключаются к энергетическим блокам. Пока они используются в минимальном режиме. Но и это удивительно. Ведь подавляющее большинство людей, даже мы с вами, будь мы на его месте уже закричали бы от боли.

Маленькая светловолосая фигурка, хорошо видимая на экране монитора, продолжала просто вертеть головой — единственный знак, что Микеля что-то беспокоит.

— А почему он так удивительно реагирует? — спросил представитель Президента.

— Может быть, то качество, которым обладает мальчик, можно назвать чрезвычайно заниженной болевывствительностью или что-то в этом роде?

Тупелоф отрицательно покачал головой:

— Не только это.

— А что, есть еще что-то? — спросил один из ученых, которые большой группой стояли вокруг.

— Во-первых, этот ребенок может легко адаптироваться к любым видам аппаратуры...

— Ого-го,— присвистнул бородатый.

— Да, да. Иногда это даже пугает. Во-вторых, его Интеллектуальный Спектр дает довольно высокие результаты. Конечно, бывают и выше. Но все же его ИС идеально подходит для нас. В-третьих, он способен очень сильно переживать, необычайно эмоционален.

— Но таких людей много и на Земле,— сказал ученый.— И совершенно не обязательно посылать эскадру на Элиайн,— в его голосе Тупелоф почувствовал усмешку.

— Конечно, мы могли бы найти подходящих кандидатов и на Земле. Но еще одним из важнейших факторов была физиологическая стабильность. То, что вы называете невосприимчивостью. Я видел кластерные параметры его личности, полученные одним из крупнейших физиологов Земли. Разумеется, она не знала о целях, которые преследуем мы с вами. Но она предположила, что испытуемый мог бы стать, например, основателем новой великой религии, если бы не имел один существенный недостаток — у него нет таланта руководителя.

Представитель Президента заметил:

— Вы так говорите, как будто это тоже на пользу дела, господин секретарь.

— Да. И это тоже. Вряд ли вы осознаете, какую энергию «Ланселот» сообщит своему оператору. Уверен, что Микель мог бы стать святым в какой-нибудь религии, если бы не вмешались мы со своими проблемами.

— Я слышал, что он занимается гравировкой?

— Да. Мы об этом много говорили. Я как-то узнал, что его кто-то спросил: «Почему гравировка, а не что-то другое, например, живопись?» Он ответил не задумываясь: «Выгравированное живет долго, а нарисованное нет.»

* * *

Техники с дружелюбными улыбками уверили Микеля, что большая часть аппаратуры уже подключена.

Для мальчика же все это мероприятие постепенно

стало походить на своего рода пытку. Разнообразные сигналы пробивались сквозь силовые поля и проникали в его мозг, но пока ему без особого труда удавалось регулировать этот поток. Он еще не знал, как его использовать, но потом ему наверняка все расскажут.

Появление на площадке нового необычного объекта отвлекло Микеля от внутренних рассуждений. Сначала мальчик принял его за обычного грузового робота. Но внимательно всмотревшись понял, что ошибся. На высоких колесах громоздились три ящика. Мальчик про себя усмехнулся — сооружение походило на вагоны игрушечного поезда, взгромоздившиеся друг на друга после аварии. Вот только форма этих ящиков была не совсем обычной.

Техники, возившиеся со скафандром Микеля, тоже повернулись к необычному сооружению.

Оно остановилось неподалеку.

— Привет, мальчик, — сказал первый ящик. Тембр его голоса был как у взрослого мужчины.

— Привет.

Микель много раз слышал, что есть люди, которые, находясь в очень плохой физической форме, предпочитают сделать себе искусственные тела не гуманоидного типа. Их даже, наверное, уже нельзя было называть людьми. Может перед ним один из них?

— Я уже пробовал эту вещь, — сказал ящик. — Не очень-то приятно, не так ли?

— Мне все равно.

— Замечательно. А вот мне не все равно, хоть я могу переносить, когда мне пристегивают всю аппаратуру. Может быть у тебя есть какие-то вопросы? Я могу тебе помочь.

— Мне кажется, что не хватает контролирующего устройства, — сказал Микель.

— А разве твой мозг, твое тело не есть такое устройство? — удивился ящик.

— Отчасти.

Тут раздался голос дежурного техника:

— Микель, ваше подключение — на высшей биотехнической точке. Будьте предельно внимательны.

«Ящик» поспешил представиться до начала теста:

— Меня зовут Френк...

Но Микель не успел ответить. Неожиданно были

включены еще какие-то параметры, и восприятие Микеля изменило угол зрения.

Неожиданно оказалось, что он на Луне. Точнее Луна плывет над его головой. Но вдруг его взгляд как бы пронзает ее поверхность и устремляется внутрь. Лунный грунт становится прозрачным как стекло.

Затем — новое изменение.

Над его головой темное, звездное небо. Неожиданно оно превращается в необъятную пещеру. Где-то вдали видны полосы света, слышатся приглушенные голоса.

Новая смена.

Перед его глазами — своего рода сверкающий особняк. Он настолько огромен, что это даже немного пугает, если вообще может испугать что-то столь обезличенное.

Постепенно удивление Микеля начало проходить. Он обнаружил, что в его власти заставить исчезнуть эту раскрывшуюся вселенную и сомкнуть грунт Луны над головой, сосредоточив внимание на окружающих его предметах.

Он посмотрел вниз. Оказалось, что там еще находится два этажа. Его взгляд словно пронзил их. Микель увидел их так отчетливо, как будто шел по коридорам.

Вот разговаривают двое офицеров. Их лица наполнены собственной значимостью.

— Астралус, — говорит один из них, — одна из апроксимальных костей тарсуса. Их использовали...

Взгляд мальчика устремляется вверх.

Из космоса огромный камень падает со скоростью метеорита на поверхность Луны. Через мгновение автоматическое поле защиты уловило его и раздробило. Клетки развеял космический ветер.

И снова смена декораций.

На одном из самых нижних уровней Мунбейз, за дверьми, которые открываются только для немногих, светится голограмма галактики. В середине — ядро. Кое-где — белые пятна, символизирующие неизученные области. Тут же находится техник, настраивающий голограмму.

И снова смена.

На этот раз словно что-то меняется в нем самом. Молодая женщина-техник одевает ему на голову своего рода корону — кольцо с отростками, уничтожающее временные воздушные отрезки.

Микель ощутил живое прикосновение. Все вокруг,

даже подъехавшие на своих колесах ящики (законсервированный человек?) пульсировали — Микель чувствовал их органическую природу.

И снова смена.

Он слышит сильное гудение. Скорее всего это перемещение воздушных молекул. Слышится какая-то мелодия. Через секунду он понял, как ее создавать.

Когда установка оборудования, наконец, закончилась, а это заняло еще минут двадцать, Микель вновь взглянул на мир, который он так бездумно принимал в течении одиннадцати лет, который так отличался от новых образов.

Он уже никогда не сможет стать таким, каким был все эти годы...

ГЛАВА IV

Выписки из личного дела Темесвар Эллизон в беспорядке были разбросаны на столе Ломбока, который перебирал листки своими цепкими маленькими пальцами. Большие мягкие руки Тупелофа тоже подключились к поиску.

— Его биологическая мать, — сказал Ломбок, стараясь выразиться лаконично. — Генетическая модель подходит, без сомнения. И она была на Элиайне в требуемое время.

— Да? — Тупелоф взял бумагу, сообщавшую о служебной карьере Элли Темесвар со времени приема на работу до увольнения со службы, которое произошло одиннадцать лет тому назад. — Подождите. Именно она была с Маркусом во время второго посещения Таджа, когда тот пытался оторваться от берсеркера. Значит, она для Микеля... — Он оборвал себя на полуслове.

Секретарь уставился на бумагу. На его лице было написано несказанное удивление.

— Да, — сказал Ломбок. — Похоже, что Фрэнк Маркус его отец. Я исследую его генетическую модель, чтобы убедиться.

Тупелоф одобрительно кивнул головой:

— Но не надо огласки. Сделайте это сами. Маркус вряд ли что-либо знает.

— Совершенно нет повода думать, что он что-нибудь подозревает. И Микель тоже не должен ни о чем догадываться.

— Даты сходятся. После этого задания она забеременела. Нет никаких данных о том, что она была беременна, когда они вернулись на базу. Но их могло и не быть. Но, видимо, именно поэтому через несколько месяцев она подала в отставку. Вот ее заявление. Цитирую: «утерян интерес к подобной карьере». Если кто-либо провел шесть месяцев наедине с Маркусом, я могу его или ее понять...

— Стоит отметить, что Элиайн был первым местом, куда они приземлились по пути на отправившую их базу «Коресек». Видимо, именно здесь она узнала о беременности, но никогда не упоминала о ней на официальном уровне.

— Возможно, возможно. Стоит обдумать. Но очень важно сохранять тайну.

— Согласен.

— Но ты стоишь здесь, смотришь на меня, Анджело, так, как будто я должен сказать, что делать!

— Я думаю, что лучше всего мне отправиться к Элли Темесвар и поговорить с нею. Может быть, привезти ее на Мунбейз.

— Зачем?

— То, какая она, явно подтверждает их сходство с Микелем. Странно, что в официальных бумагах так мало информации.

— У нас есть ее адрес?

— Она на Земле. По крайней мере, три года назад была там. Принимала участие в тестировании приборов. Она жила в местечке, которое называется Храм Последнего Спасителя.

— Звучит как нечто культовое. Никогда не слышал такого названия.

— Я тоже. Но вечно возникает что-то новенькое. А старое уходит.

Тупелоф помолчал какое-то время.

— Я не уверен, что стоит привозить ее сюда. Это может привлечь внимание.

— Мне хотелось бы получить на это разрешение. Под мою ответственность. После этой стычки в Бутылочном горле, нужно признать, что враг подозревает что-то о Микеле, о том, что он у нас. Слух наверняка

достигнет ушей шпионов на Земле. Не исключено, что они знают о том, кто же мать Микеля. Информация в центре усыновления хранится под грифом «секретно», но все может быть.

— Да. Хорошо, Анджело. Если ты считаешь, что так лучше.

* * *

Микелю казалось, что все вокруг меняется слишком быстро.

На Мунбейз он провел всего один день, но его уже дважды подключали к «Ланселоту». И сейчас на нем был скафандр. Увидев себя в зеркало, Микель отметил, что он надет как влитой.

Как и любой мальчишка, Микель радовался этой возможности. Пока испытания приносили ему только удовольствие. Огромная платформа, на которой находился Микель, при помощи специальной аппаратуры создавала особую зону, имитирующую безвоздушное космическое пространство. Она могла выйти в открытый космос и там продолжать свои испытания. Вместе с мальчиком на платформе было более сотни взрослых — военные, ученые, инженеры. На всех — надеты космические костюмы. Почти на всех...

Справа от Микеля — сооружение из ящиков Фрэнка, справа — стоит Эдмонд Иайнари, руководитель научной группы, чьи неприятные глаза внимательно изучают Микеля, посверкивая под стеклом шлема.

— Все в порядке, Микель? — спросил доктор Иайнари.

— Да, вроде.

— Я был уверен в этом.

Микель улыбнулся. Ему говорили, что «Ланселот» обеспечит ему воздух, насыщенный кислородом. Так оно и было. Микель чувствовал себя хорошо. С понижением давления прослойка «Ланселота» начинала потрескивать — раздавался легкий шорох, похожий на ветер, рвущий бумагу. Энергетические поля почти не видны. У Микеля не было ощущения, что он в какой-либо оболочке.

Один из медиков, следивших за Микелем, сказал с нотками вопросительной интонации:

— Вы еще продолжаете дышать?

— Да, — ответил Микель, отметив, что так оно и

есть. Давление воздуха или его подобие было практически прежним. Легкие, нос, рот Микеля продолжали пропускать воздух. Ему еще до теста объясняли, хотя он не все понял, как поля «Ланселота» сквозь тысячи пор его кожи безболезненно осуществляют весь обмен веществ организма. Микель обнаружил, что может без усилия перестать дышать, если только пожелает этого.

Через минуту он забыл о своих ощущениях. Открылся огромный люк, в небе засветились звезды.

На Элиайне очень редко можно было увидеть звезду. Иногда — раз в неделю, иногда — в месяц открывались свободные участки неба над поверхностью планеты, и тогда люди выходили на улицы и смотрели на светящиеся точки на темном небосклоне.

Во время путешествия с Элиайна на Мунбейз Микелю впервые представился шанс увидеть то, что до сих пор называли Млечным Путем. Но все же тогда это было на мониторе...

Грузовая платформа остановилась, достигнув поверхности Луны. Земля и Солнце были не видны, находясь с другой стороны, и небо, казалось, было залито звездами.

Микель поднял правую руку. Переведя дыхание, прежде чем что-либо сказать, он четко произнес:

— Что это?

Радиотранслятор «Ланселота» донес его ясный голос до наушников сопровождающих Микеля людей.

— Вы имеете в виду вон те три звезды? — переспросил Иайнари. — Это пояс Ориона, или иногда мы называем его «Охотник». Ты знаешь, что такое созвездие?

— Нет, — палец Микеля прочертил параболу, — а вон то, дальше?

То, на что он указывал, слепило глаза. Таких сочетаний цветов он еще никогда не видел. Трудно было найти слова, чтобы описать это сияние.

— Таурус? Или?..

Неожиданно Микель осознал, что остальные люди, скорее всего, ничего этого не видели. Сверкание излучало короткие волны, и только «Ланселот» мог позволить ему все увидеть. Пока шли приготовления к тесту, Микель время от времени поглядывал на небо. Постепенно он понял, как уменьшить сияние или как усилить его. Неровные облака каких-то газов, казалось, непо-

движно застыли в небесах. Как далеко они отсюда? Несколько сотен световых лет, не меньше.

Платформа находилась посреди застывших базальтовых пород, тянувшихся на несколько километров. Плоские участки перемежались с кратерами, очень похожими на лунные. На расстоянии восьми-десяти километров поверхность вздымалась, чтобы образовать кромку огромного кратера, названия которого Микель не знал.

На платформе во многих местах высились столбы, на них на высоте нескольких метров была натянута частая проволока. Отверстия были столь малы, что даже тело Микеля, вряд ли, смогло бы протиснуться сквозь условную крышу. Не исключено, что, как подумал Микель, конструкция была позаимствована у изобретателей какой-то игры с мячом, который не должен отлетать слишком далеко.

Вокруг Микеля нарастал шум. Сотни космических скафандров гудели, адаптируясь к холоду и вакууму. Но облаченные в них люди, занятые своими делами, этого не замечали. Когда Микель двигался, он тоже ощущал легкие шумы «Ланселота».

— Почему происходит этот шум, доктор Иайнари, и почему другие люди его не слышат?

— Ну, Микель, понимаешь... — И Иайнари пустился в объяснения сложнейших физических формул, из которых Микель ровным счетом ничего не понял.

— Очевидно, их проходят в старших классах, — подумал Микель, но вслух сказал: «Спасибо, доктор!»

— Ты готов? — спросил Тупелоф мальчика. Его высокая фигура в скафандре возвышалась над другими. Секретарь обращался к Микелю всегда вежливо.

— Да.

Ученые пустились в краткое обсуждение программы на сегодня, эта программа ограничивалась пока свободным полетом в космосе. К Микелю вновь пришла мысль, что все как-то торопятся.

В этот момент яркие огни залили базальтовое плоскогорье. Микель на несколько мгновений ослеп, но потом «Ланселот» смягчил радиационное свечение.

— Они явно торопятся, но ни Тупелоф, ни его люди не хотят, чтобы основному участнику эксперимента был причинен вред, — мелькнула мысль у Микеля.

Теперь Микеля вновь окружили техники, чтобы подключить дополнительные приборы. Какие-то вытянутые

трубки, коробочки яйцевидной формы, множество проводов... Все это быстро поглотилось энергополями «Ланселота». Никакого увеличения веса или размера Микель не ощутил и не заметил.

Микель позволил себе перенестись мысленно в другое место. Где-то далеко внизу, на восток по лунному компасу, его мать оживленно беседовала с еще одной женщиной — вице-президентом Академии. Его мать явно считала, что это просто совпадение: официальный представитель Академии оказался здесь в то же самое время, что и Микель с матерью...

Раздался голос доктора Иайнари. Наверняка ученый чувствовал, что его, возможно, записывают:

— Сегодня мы хотели бы начать с использования простого приливного коллектора по модулю силовой энергии. Он будет постоянно подавать питание, маневрировать. Для первого испытания — только примитивные маневры. Испытуемый поднимается над землей на высоту двух-трех метров, не выходя за пределы сетки, затем под контролем спустится. Если все пройдет успешно, мы попробуем усложнить задачу.

Микель знал, что у «Ланселота» есть тоже источник питания, есть водородная лампа — по размеру намного больше, чем, вроде бы, требовалось, но уж такова была задумка создателей. Лампа маячила в полутора метрах позади плечевого покрытия в скафандре Микеля. Она существует (так пояснили инженеры) только в квазиматерии; молекулы когда-то твердого тела были представлены перекрещиванием силовых траекторий. Но лампа работала! Конечно, как говорил один из ученых, твердая материя — это не более, чем модель, сочетание неосязаемых частиц, существование которых Микель осознавал с помощью новых чувствительнейших приборов.

Ощувив возможность использовать энергию лампы, но не очень еще понимая, как именно это сделать, Микель в скорости совсем позабыл о ней. Медленно поворачиваясь на месте, как его учили во время подготовки, он заметил, что на отдаленных склонах кратера мелькают люди в скафандрах. Некоторые из них — исследователи. Судя по звукам и ощущениям, которые доносились до каждой его клеточки, Микель понял, что многие люди несли здесь службу наблюдения.

— Иди сюда, Микель!

Его повели по участку, обозначенному огромной

желтой буквой «Х». Микель остановился в центре участка. Откуда-то неожиданно донесся голос его матери, голос пробивался сквозь различные шумы. Где-то там, внизу, она продолжала оживленно беседовать об искусстве...

Что, если взять кусок дерева и рукой, облаченной в перчатку «Ланселота», нанести узор ножом? Эта мысль увлекла Микеля, но ненадолго.

— Все в порядке, Микель?

— Да. Все в порядке.

Люди стояли на расстоянии метров десяти от желтого обозначения «Х», роботы находились еще дальше.

— Не будет никакого специального сигнала. Счета тоже не будет. Ты готов оторваться от земли? Осторожно... Не волнуйся...

Он не сомневался, что в «Ланселоте» он сможет перемещаться так, как никогда. В тот момент, когда его ботинки с мягкими подошвами оторвались от земли, нарастающий потенциал ускорения показался почти реальным. Микель закачался, как новичок на велосипеде. Вокруг него — голоса, бормотание, всплески подавляемого удивления. Но это не должно было его отвлекать. Один голос — напряженный, ободряющий — донесся более явственно, но Микелю он тоже показался неважным. Ему было ни к чему одобрение, он понял, что сейчас уже никто не сможет дать ему ценных советов. Теперь у него зачатки нового, иного мировоззрения.

Микель медленно плыл над поверхностью, прислушиваясь к своим ощущениям. Под ним — Мунбейз, он словно чувствует гармонию ее вращения, повторение цикла перемещения Луны, и далее — Земли, затем их перемещение вокруг Солнца, и удаление системы к неведомому созвездию, которое никто не смог бы увидеть в небесах Элиайна.

Монотонный голос продолжал подбадривать его, видимо, желая стать импульсом для Микеля. Мальчик медленно повернулся, на полупрозрачном скафандре играли яркие блики.

Теперь поднятые вверх лица людей стали не видны. Школьная пьеса? Никогда еще в жизни не был он в центре столь пристального внимания.

— Интересно, — подумал Микель, — а будут ли они мне аплодировать, если все пройдет успешно?

Он поднял правую руку (жест из пьесы) и все вос-

принимающими пальцами коснулся натянутой сетки. Кажется, ему говорили, что она на высоте трех метров над поверхностью платформы.

Словно следуя его жесту, поплыли вправо провода, передатчики и другое, но только в иной форме — не в той, какой их привык видеть человеческий глаз.

«Иди к нам! Будь...»

Откуда этот призыв? Берсеркеры? Будь? Кем? Чем? Тем, что можно назвать словом «машина», хотя в человеческом языке нет точного обозначения... Хороший организм?

Медленно, словно усталый пловец в океане, Микель передвигался вдоль сетки. Голос, который ободрял его, принадлежал Тупелофу, как он теперь понял. Взволнованные слова продолжали преследовать. Мальчик послушно вникал в их загадочный смысл. Повинуясь указаниям, он вновь вернулся к тому месту, с которого взлетел.

Как только его ноги опустились на желтый «Х», люди столпились вокруг. Микель облокотился на один из ящиков. Он старался сохранить дистанцию между собой и людьми.

После первого шквала вопросов, обращенных к Микелю, ученые начали совещаться между собой.

— Впервые, когда я испытывал снаряжение, — сказал Фрэнк, — я черт возьми, чуть не прорвался сквозь сетку. Как и еще один человек кто более-менее подходил для роли испытуемого. Мы ожидали, что ты тоже взлетишь. Но решили ни о чем не предупреждать, чтобы ты сам поступил так, как считаешь нужным.

— А кто был этот другой человек? — спросил Микель, почувствовав неожиданную конкуренцию.

— Пилот космического корабля. Он ударился несколько раз о сетку, затем с ним что-то произошло и он сошел с ума, — успокоил мальчика «ящик».

— Когда только начинаешь подниматься, то чувствуешь, как что-то словно давит на тебя, — признался Микель.

— Да, это так, — Фрэнк даже не пошевелился, но Микель знал, что «ящик» внимательно его слушает.

Они замолчали. Микель и сам не знал, как ему удалось добиться ровного непрерывного полета. Для того, чтобы объяснить это, у него не было слов. А может быть, вообще не существовало даже языка для объяснения этого.

Микеля просто потрясло, что Фрэнк, взрослый, точнее, который был когда-то взрослым, который командовал другими взрослыми людьми, стоит теперь и терпеливо ждет, что скажет он, ребенок... В этот же день Микель совершил еще два полета, научился маневрировать, совершать весьма сложные перемещения. Когда был дан отбой, он не чувствовал усталости.

В течение двух последующих дней он вместе с матерью и Энсин Шнайдер осматривал базу. Потом немного вырезал из дерева. Одним словом — отдыхал. Мальчик пытался объяснить, что он не устал и готов работать дальше, но его никто не слушал даже.

— Отдыхать! — сказал ему Тупелоф. Его слова звучали как приказ.

Без особого настроения, Микель играл с другими детьми. Мальчику с ними было совсем неинтересно. Микелю сообщили, что итоги пробных полетов анализируются, «Ланселот» дорабатывают. А затем-вновь огромная платформа поднималась над поверхностью. И вновь его оранжевый спортивный костюм и просвечивающийся «Ланселот» оказывались в центре всеобщего внимания.

Фрэнк Маркус тоже упаковал себя в то, что он называл своим космическим костюмом — в прозрачный ящик яйцевидной формы.

Когда они оказались над поверхностью, Микель увидел медленно садящееся Солнце, осветившее отдаленные края кратера. И еще он заметил, что сетки над головой не было.

Тупелоф улыбнулся Микелю, внимательно посмотрев на мальчика. Затем, неуклюжий в скафандре, отвернулся.

— Ох, уж эти в скафандрах, — внезапно подумал Микель, ощутив неожиданное родство с Фрэнком.

Металлический предмет яйцевидной формы рядом с Микелем походил на огромную пулю. Со своего места Микелю было хорошо видно, как инженеры осторожно начали облачать Фрэнка в доработанную разновидность «Ланселота».

— Неужели, они боятся повредить свои ящики, — улыбаясь, подумал мальчик.

Когда Фрэнк заговорил, звук донесся из индивидуального переговорного приемника. Значит, слышать его сейчас мог только Микель.

— Парень, как-то уж очень они торопятся.
Усилием воли Микель отключил общую связь.

— Я тоже так думаю.

— И как тебе это?

— Не знаю. Они не сказали пока, что будет сегодня.

— Они многое тебе не говорят, не так ли? Будут примитивные военные маневры. Мне один раз уже приходилось испытать нечто подобное. Они запретят какую-нибудь штуковину, а ты и я должны будем попытаться ее атаковать.

— Да? И какое оружие? У нас?

— Ты как-то спрашивал меня о контроле собственного тела...

Что же это? Микель мысленно перечислил: кулаки, ноги, зубы. Наверное, что-то еще. Он все узнает, когда дойдет до дела.

Фрэнку был дан приказ занять место на желтом «Х». Кто-то объявил, что беспилотный робот-капсула уже запущен.

За последние несколько дней Микель перевидал немало различной техники, он без труда узнал энергетического летающего робота, по своей мощи во много раз превосходившего мускульную силу человека, хотя капсула не была такой быстрой, как транспортолеты. Мотор использовал переработанную энергию гравитационных полей. Поля самого робота подпитывались извне.

Красная вспышка. Радиосигнал. Запуск. Робот сделал несколько шагов на своих шести твердых, но нелепо выглядевших, изогнутых ножках. Он поднялся в воздух, прижимая руки-рычаги к массивному корпусу — чуть больше человеческого тела. Намного быстрее, чем мог бы бежать человек, он устремился к самому отдаленному верхнему краю кратера.

Раздался стартовый сигнал для Фрэнка, и «пуля» устремилась в погоню. Стартовая волна ударила о платформу, люди разбежались.

Набирая скорость, Фрэнк устремился за «подсадной уткой». Его прозрачная оболочка посверкивала, позади тянулся газовый хвост на фоне звездного неба.

Капсула пыталась, увеличив скорость, избежать падения Фрэнка, но тот быстро приближался, подобный ракете. Столкновение становилось неизбежным, наблюдатели уже вычислили точку пересечения траекторий. Протянулись металлические руки, нематериальная суб-

станция «Ланселота», облегающая их, сомкнулась на жертве. Защитное поле заискрило.

Робот застыл без движения. Облетев жертву, Фрэнк потянул ее за собой вниз, на базальтовое плоскогорье.

— Понятна задача? — спросил Микеля Тупелоф.

— Думаю, да.

— Я думаю, что мы еще раз запустим Маркуса, если он в хорошем состоянии. Как дела, полковник?

— Я готов!

Микель уловил взаимную неприязнь в обоих голосах; в голосе Фрэнка прозвучало напряжение, связанное, видимо, с тем, что и на нем был «Ланселот».

Последовал перерыв в несколько минут. Фрэнку нужно было отдохнуть. Микель начал балансировать на носках, уже искренно желая, чтобы и его отправили поскорее в полет. Наконец, еще одну капсулу запустили, и вновь Фрэнк устремился вслед за ней. Но на этот раз он даже быстрее догнал «подсадную утку».

Капсула была запрограммирована несколько иначе, с возможностью оборонительных действий. Последовали взрывы, ослепившие наблюдателей. Микель с удивлением обнаружил, что он непроизвольно оторвался от земли и поплыл на высоте метров трех над головами собравшихся.

После дюжины вспышек бой прервался, породив всплески космической пыли.

Капсуле, пытающейся сопротивляться, была предписана только одна оборонительная акция. Возможности же Фрэнка не были ограничены. Его нападение выразилось также в том, что поле «Ланселота» вытянулось, образовалась своего рода силовая лапа огромного размера. Со скоростью летающего снаряда, она ударилась в капсулу. Взметнулась вновь космическая пыль. Но капсула отразила удар. Серые, огромные руки тянулись от «Ланселота» — Фрэнк старался схватить жертву.

После удара «лапы» оба приблизились к поверхности и теперь закружились в медленном танце, от которого поднимались облака земной пыли и осколки камней. Силовые поля Фрэнка сжали носовую часть противника.

В голове Микеля работали своего рода часы — пятнадцать секунд уже длился бой, двадцать секунд...

У капсулы тоже «выросли» руки борца. Теперь шесть щупалец противостояли хватке «Ланселота». Еще четыре секунды, и Фрэнк нанес сокрушительный удар!

В электронной системе капсулы что-то нарушилось, на этот раз удар отразить не удалось. Через секунду Фрэнк неровными рывками полетел к месту старта, повергнутый противник продолжал биться в его огромных полупрозрачных лапах. Как только Фрэнк приземлился, люди и роботы окружили его, пренебрегая временным завихрением в воздухе. Еще через мгновение открылся один из ящиков. Микель, вернувшийся вновь на платформу, сквозь толпу людей, облаченных в скафандры, увидел внутри ящика человеческую плоть — нечто, подобное бородатому лицу, мертвенно-бледному. И огромный плоский череп, по которому полосой бежала «бородатая» кожа.

Что-то (может быть, неприязнь этого сочетания — металлической плоскости и живых волос?) заставило Микеля отвернуться. В толпе наблюдателей он увидел женщину, костюм которой ничем не отличался от костюмов остальных. Микель вспомнил, что несколько раз уже видел ее на Мунбейз, но как-то не обратил внимания. Она была молода, с темной кожей, полными губами, по ее выражению лица казалось, будто она на кого-то обижена. Но только казалось. Она просто стояла и смотрела, как остальные, на Фрэнка, но ее взгляд был очень странным. Что особенно стало заметно, когда ящик приоткрылся, и предстала взорам изуродованная плоть.

Кто-то задал Микелю вопрос, и тот отвернулся от женщины.

Манипуляции с Фрэнком были скоро закончены, и он подкатил к Микелю. Выключив общую связь, Фрэнк обратился к нему:

— Они сказали, что хотят от тебя?

— Только то, что я буду следующим. Я думаю, они захотят, чтобы я несколько раз преследовал капсулу.

— Да. А после этого они захотят, чтобы сразились мы.

— Как, мы?

— Да. Это будет условный бой. Хотя... не совсем. Ты же видел берсеркеров? С их тяжелыми перчатками? Не бойся, никто не собирается причинять тебе вред, поверь.

Мысль о том, что ему придется драться с Фрэнком, казалась абсурдной. Но Микель все же верил, что никто действительно не собирается причинять ему вред.

Борьба? Драка? Один или два раза в детстве он сцеплялся с товарищами по поводу каких-то мелких

обид. Однажды парень постарше ударил его по плечу, разбил губу... Но это было давно. Очень давно. Тогда еще не было «Ланселота». Но если все так, все реально?

— Готов, Микель? Посмотрим, сможешь ли ты догнать капсулу.

Мальчик медленно направился к месту взлета, дав мысленный сигнал о готовности к полету. Была запущена новая капсула, устремившаяся к дальней кромке кратера.

Микель скинул с себя короткое оцепенение. Теперь настало его время. Его разум уже устремился в погоню и, повинувшись этой мысли, ноги Микеля оторвались от земли, желтый «Х» исчез моментально. Впереди светилась капсула, мигала звездная пыль. Он думал о полете, о погоне, о захвате врага, и светлый отросток потянулся на огромной скорости к капсуле. Полет, скорость, хват... Нет, воображение здесь не при чем.

Вообразите, что вы вскакиваете со стула, бежите в противоположный угол комнаты — и вы скорее всего останетесь на месте.

Он понимал, что его команды, отданные «Ланселоту», не точны, не вняты; он только еще нащупывает верный путь. Но даже в том виде, в коем он управляет «Ланселотом», они работают. Сфокусировав зрение, он увидел приближающуюся капсулу. Он мог теперь сосчитать царапины на ее поверхности, узнать глубину каждой. На расстоянии нескольких сотен метров! Его зрение обрело странную, неведомую мощь.

Через пять секунд он нагнал ее. Без труда наладив свой курс, он вытянул руки. Его руки ребенка были слишком малы, чтобы охватить металлический корпус, но, повинувшись его желанию, «руки» «Ланселота» удлинились до трех метров. Микель сомкнул свои руки. И костюм повторил движение, сомкнув, в свою очередь, прозрачные отростки на теле жертвы.

Капсула превратилась в мертвое тело, уже не способное удерживаться самостоятельно на высоте. Но энергия «Ланселота» не позволяла ей упасть на поверхность планеты. На обратном пути траектория полета Микеля ни на дюйм не отклонилась от задуманного им направления.

До Микеля донеслись из толпы наблюдателей одобрительные крики, так реагировали они на его полет над поверхностью платформы. Он медленно опустил добычу

к ногам Тупелофа через семнадцать секунд после того, как он сжал капсулу в объятьях. Микель не мог точно вспомнить, сколько времени потребовалось Фрэнку для того, чтобы схватить модель, не запрограммированную на сопротивление.

И вновь был короткий перерыв, обсуждение, множество вопросов. Затем Тупелоф, весь сияя от удачи, объявил:

— Теперь, Микель, мы хотим, чтобы ты, как только полковник Маркус сможет, попытался догнать его. Как ты думаешь, тебе это удастся?

— Да,— ответил Микель и тут же подумал про себя: «Слишком резко. Я не должен быть таким прямолинейным. Они не должны испытывать неловкость при общении со мной. Наверное, они будут ее ощущать все сильнее и сильнее, если...»

Через несколько секунд Фрэнк и Микель заняли места на стартовой площадке. Затем Фрэнк стартовал, точно в указанное время, с поразительной легкостью. Когда прозвучал стартовый сигнал, для Микеля, тот на долю секунды словно усомнился в нужности эксперимента. Но он не дал этой мысли завладеть им полностью. Захватывающая погоня... Он — стрела, пущенная из лука...

Кажущиеся мягкими дюны поверхности Мунбейз мелькнули где-то внизу. Микель приближался, Фрэнк старался держаться в максимально удаленной точке от противника. Сейчас впереди него светилась неровная кромка кратера, залитая серебристыми лучами нарождающегося дня. Микель приближался, Фрэнк изменил траекторию полета, потом еще и еще. Но это не помогло. Расстояние между ними быстро сокращалось. Овальный корпус Фрэнка оказался прямо под летящим Микелем, протянулись силовые поля-руки «Ланселота» и сомкнулись.

Фрэнк поздравил Микеля с победой. Поздравления донеслись также через наушники. Они вместе вернулись на платформу; Микель чуть замедлил скорость, чтобы дать возможность усталому сопернику быть рядом. Точно просчитав ускорение, Микель приземлился.

И вновь высокая фигура Секретаря ссутулилась над ним; лицо освещала улыбка:

— Прекрасно, Микель! Это было замечательно! Ты, наверное, можешь летать еще быстрее? Но помни: не

пересекай линию кромки кратера. Оборонительные компьютеры следят за безопасностью. Они могут принять тебя за врага.

— Да. Хорошо.

Лучший способ действия сейчас — это выразить скромность. Он и сам не знает, каковы возможности «Ланселота».

Тупелоф повернулся:

— Полковник Маркус?

— Я готов, — ответил металлический ящик.

— Вы уверены, что готовы к новому месту? Или, может быть, лучше...

— Готов! Давайте доведем до конца. Если что-нибудь будет не так, я дам знать.

— Хорошо. Модель та же: погоня. На этот раз мишень — Микель.

— Да как, черт возьми, я смогу его догнать? Это невозможно!

На несколько секунд воцарилось молчание.

— Хорошо, полковник. Мишень — вы. Согласен, Микель?

— Да, согласен.

— Вы можете применить некоторые защитные приемы, Маркус. Осторожно.

— Да, сэр, — Микель услышал, что голос Фрэнка изменился. Тот выключил общую связь. — Слышал, парень? Когда догонишь меня, нам придется драться. Ты будешь стараться сбить меня, а я постараюсь тоже пару раз вмазать кулаком...

— Я слышал.

— Нападай. Не бойся. Он сказал: «Осторожно». Но если вся эта мышьяная возня чего-нибудь стоит, то пусть все будет как должно. Мы можем чуть-чуть поцарапать друг друга, но никто не пострадает. Мы чертовски хорошо упакованы в эти банки.

— Упакованы? Во что? — Микель не сразу понял, о чем идет речь.

И вновь — старт. На этот раз Фрэнк набрал даже большую скорость. Микель стартовал в строго указанное время, но догнал Фрэнка столь же быстро, сколь и в прошлый раз это сделал. Но на последнем витке перед столкновением Фрэнк так резко изменил курс, что протянутые руки «Ланселота» сомкнулись, не схватив добычу.

Впервые со времени первого взлета Микель не контролировал целиком и полностью действия «Ланселота». Описав дугу, он вновь попытался схватить овальный корпус, но ощутил только противостоящую силу, отталкивающую его «руки». В следующее мгновение Фрэнк удивил его тем, что с помощью силового поля резко отвел протянутую руку «Ланселота» Микеля. Микелю показалось, что его правую руку парализовало. Он был удивлен этим даже больше, чем неожиданным ускорением противника. Единственная цель, которая теперь занимала Микеля, была схватить «врага» второй, работоспособной, рукой и как можно крепче.

Постепенно Микель начал осознавать, что обе водородные лампы «Ланселота» набирают энергию, подчиняясь неосознанному повелению своего хозяина.

...Не хочу потерпеть поражение...

...Хорошо, если ты действительно хочешь играть в настоящую игру...

Вокруг них словно вращались горы. Поля сталкивались, энергетические избытки начали шевелить песок на поверхности, вздымать гравий. Микель не чувствовал страха, он был слишком поглощен множеством других, совершенно новых впечатлений. Новые чудеса были подобны откровениям.

Используя разум «Ланселота», он замедлил время, увеличив собственную скорость. Теперь он мог ощутить секунду, долю секунды, выделить ее из неистощимого котла времени.

В этот момент силовой сгусток, посланный Фрэнком, вновь нанес удар по руке Микеля. Фрэнку удалось использовать скрытые резервы, неимоверным усилием воли воплотить в новый потенциал «Ланселота» психическую энергию. Именно это умение выделило Фрэнка среди других людей, и он смог противостоять берсеркерам в течение многих лет. Скрытые возможности, в решающий миг...

И прежде чем мысль воплотилась до конца, их схватка окончилась.

«...Маркус...»

«...да уж...»

«...вот оно...»

«...помогать...»

«...вновь внизу...»

«...вниз...»

Катящаяся навстречу поверхность Мунбейз... Крылья «Ланселота» Фрэнка пересекают силовые поля. Нарастает скорость. Оставляя в пространстве альфа-волны мысли, Фрэнк следил за спускающимся Микелем. Хотя гравитация здесь не была высокой, и ее хватило для того, чтобы Фрэнк рухнул вниз, прямо в небольшой кратер, очень напоминавший лунный. Удар был таким сильным, что осколки камней взметнулись вверх на несколько метров. «Ланселот» Фрэнка, который и так уже функционировал с перебоями, превратился в грудку металла.

Микель проскользил всего в метре от поверхности. Он оглянулся, чтобы посмотреть туда, где только что упал его противник. Мальчик плохо понимал, что происходит. Они сражались в учебном бою, и вдруг Фрэнк упал...

Микель попробовал пошевелить правой рукой и едва сдержал стон. Тупая боль пронизала не только руку, но и плечо.

Неожиданно, даже для самого себя, Микель начал подниматься. Он не полетел туда, где упал Фрэнк. Альфа-волны, излучаемые мозгом Фрэнка, без особого труда расшифровывались мальчиком. Фрэнк — жив, упакованный в каркас энергии и металла. К нему сейчас со всех сторон устремились люди. Поэтому Микель решил, что его помощь там сейчас не нужна.

Мальчик поднимался все выше и выше. Солнечный свет окрашивал холмы и кратеры вокруг уже не серебром, а золотом.

— Микель, — в наушниках раздался голос Тупелофа. В нем чувствовался плохо скрываемый испуг. — Микель, пожалуйста, спускайся!

Микель не очень любил Тупелофа, несмотря на демонстративную вежливость того. С самого начала он невзлюбил Тупелофа. Необходимости отвечать немедленно не было. Фрэнк, возможно, быстро оправится, но испытаний не будет наверняка дня три, не меньше, — подумал Микель. Но прежде чем с него снимут костюм, есть еще одно дело...

«Парень, ты в порядке? — донесся неозвученный вопрос Фрэнка. — Все намного сложнее, чем нам казалось».

«Я знаю, Фрэнк, — Микель не дал себе труда выключить

чить общую связь на этот раз.— По крайней мере, начинаю это осознавать».

— Микель, спускайся!

«...Я не причину вреда. Ты можешь не бояться...» — поток мыслей, плывший в мозг Микеля, неожиданно прервался.

Люди и роботы уже приблизились к Фрэнку, медики вскрыли овальную оболочку...

Микель продолжал подниматься. Уже выше залитых солнцем холмов, приближаясь к кромке огромного кратера, за которой можно увидеть Землю.

— Микель! — в голосе Тупелофа прозвучала неподдельная тревога.— Спускайся! Силовые поля ударят тебя, тыходишь в опасную зону!

Он знал это. Он чувствовал огромные электронные нервнопаралитические поля, простирающиеся в вышине. Оборонительная аппаратура пока еще не могла нанести удар, но сенсоры уже уловили его присутствие. Нежественные боги, идиоты-гении — металл и энергия.

Он хотел бы, чтобы все эти поля, приборы спросили его, хотел вложить слова в их неживые уста. «Ты слишком быстр, мальчик, в невидимом костюме? Ты силен? И ты будешь воевать с берсеркерами, как и мы? Мы приготовили тебе испытание. Испытание, испытание, испытание, испытание...»

Я не готов, я еще не готов...

Микель опустился на десять сантиметров ниже. Перевернувшись в пространстве, он почувствовал, что защитные поля его глаз окрасились в палевый цвет. Через секунду разум Микеля, усиленный «Ланселотом», увидел Землю. Земного бога? Медленное и блаженное шествие короны... Диск, залитый многоцветными пятнами.

Солнечный ветер коснулся лица Микеля. Нет, не коснулся, но чувство было поразительно реальным.

Великое сокрыто, но кто-то (я?) начнет разгадывать тайны. Искать формулы. Или думаю, думаю так только потому, что ужасно невежественен?

— Микель! — в голосе Секретаря все еще звучал страх, но уже проанализированный и осознанный.

Но зачем так пугать Тупелофа? Не нужно торопиться. Вначале — учеба. И больше знания. Знания возможностей. А что потом?

— Я спускаюсь,— сказал Микель. И он послушно полетел на площадку своего старта.

ГЛАВА V

Ломбок нашел Элли Темесвар в огромном древнем городе старой Земли — воздух в нем был чистым, естественным, наполненным живыми запахами планеты, совершенно не похожий на воздух в других мирах, в которых побывал Ломбок. И, наверное, очень полезный для человека, как подумалось Ломбоку.

Адрес Темесвар указывал на то, что она живет в той части города, которую можно на одну четверть счесть археологической площадкой. В частной собственности находились многие здания, в том числе и Храм Последнего Спасителя, на что указывал справочник. Стены Храма были сделаны из гранитных блоков, там и тут укрепленных стальными конструкциями. Стиль постройки очень походил на псевдоготику. Когда-то этот стиль был столь популярен, что в нем строили парламенты, храмы и даже жилые дома.

У порога, который переступил Ломбок, светилась информационная доска, сообщавшая посетителям, каким именно религиям был посвящен этот Храм в различные времена и эпохи. Ломбок долго читал написанное, прежде чем решился войти вовнутрь.

Здесь царил полумрак. Противоположный конец Храма терялся за множеством колонн и разнообразных переходов. Ломбок в нерешительности остановился под огромной аркой, украшенной величественной каменной скульптурой. Отсюда, у арки, открывался прекрасный вид на центральную часть Храма.

— Вы кого-то ищете? — откуда-то раздался голос.

Ломбок от неожиданности вздрогнул и резко обернулся. Перед ним стоял древний старик с каким-то, как показалось Ломбоку, отрешенным взглядом. Одет он был в черную рясу.

Ломбок подумал, что это был монах, и сказал:

— Да, я ищу Элли Темесвар.

Монах кивнул, медленно повернулся и так же медленно удалился, оставив Ломбока одного.

Он прислушался. В Храме стояла необыкновенная тишина. Мягкий свет, льющийся откуда-то сверху, создавал полумрак. Глаза Ломбока постепенно привыкли к освещению, и он принялся разглядывать статуи, что стояли у прохода.

Через пару минут появилась молодая женщина, блондинка, с хорошей фигурой, которую скрывало от взглядов посторонних свободное серое одеяние. Она, словно по волшебству, возникла из складок темного занавеса.

— Это вы меня искали? — спросила женщина.

— Очевидно, да, — ответил Ломбок, откровенно разглядывая женщину.

— У вас есть ко мне вопросы? — ее тон был деловым. В нем не прозвучало ни грамма удивления по поводу того, что ее ищет незнакомец.

— Если вы Элли Темесвар, у меня есть один-два вопроса. Они касаются непосредственно вас.

Серые глаза женщины глянули из-под вуали.

— Нет повода, чтобы я отказалась. Пройдите сюда.

Ломбок последовал за нею вдоль серых колонн, обрамляющих внутреннее сумрачное пространство. Свет пасмурного земного дня просачивался сквозь витражные окна в верхней части Храма. Где-то неожиданно запел невидимый хор на языке, который Ломбок не смог определить. Он крайне мало знал об этом месте, но откладывать визит с целью выяснить прежде что-либо еще, Ломбок не собирался. Храм не был внесен в секретный список возможных пособников берсеркеров. Хотя это мало о чем ему говорило.

Элли провела Ломбока по огромному церковному нефу; маленькие группки одетых в черное людей, казалось, застыли в размышлении. В дальнем конце Храма высился алтарь, которому явно требовался ремонт. Колонны участились, сумрак сгущался, и Ломбок не смог рассмотреть как следует алтарь.

Наконец, они очутились в небольшом пространстве, отделенном витыми колоннами от остального. Здесь стояло несколько стульев — с тех пор, как Ломбок вошел в Храм, впервые в поле его зрения появилось нечто, похожее на сидение. Стулья были весьма не новы, некоторые уже стали малопригодной рухлядью.

Когда Элли села, она тут же сняла вуаль, избавив Ломбока от необходимости обратиться к ней с этой просьбой. Ее внешность соответствовала той, которую Ломбок видел на снимках.

— Итак, что же вы хотели спросить, мистер...?

— Ломбок. Я — из отдела Обороны.

Он достал документы, но Темесвар махнула рукой.

— Я верю вам. Хотя это и не имеет значения.

— Да? А если я начну задавать вопросы религиозного толка?

Женщина улыбнулась.

— Но вы же не будете этого делать?

Теперь улыбнулся Ломбок.

— Вы угадали. То, что вы знаете о религии, скорее всего уже устарело. По крайней мере, большая часть информации.

— Итак, перейдем к делу. Я слушаю вас, — повторила Элли.

— Видите ли, Элли, я провожу психологическое исследование некоторых удалившихся от дел ветеранов. Вы в прошлом году заполняли анкету, помните? Мы просто проверяем некоторых людей, выбранных наугад для анкетирования.

— Наугад? — это явно развлекло ее. — Если и бывают случайности, то в них всегда замешана я.

Ломбок взглянул на Элли почти сердито. Речь идет о некоторых официальных секретах, которые даже на Луне остаются секретами, не говоря уже о Земле.

Он посмотрел в какой-то листок, выглядевший вполне достойно — со штампами и таблицами:

— Ваша отставка, как я вижу, была добровольной. На вас не было оказано никакого давления, не так ли?

— У меня несколько изменилось мировоззрение, если это можно назвать давлением. *В остальном же — все совершенно добровольно.*

— Да. Это так, — он сделал паузу. — Но если вернуться в прошлое, то какова все же истинная причина вашего ухода со службы?

— Я уже указывала ее. Я начала осознавать, что все, что я делаю, не имеет для меня никакого значения.

Ломбок задумался, переваривая ее ответ. Не услышав продолжения, он стал задавать наводящие вопросы, чтобы все же понять настоящую причину.

— Не имело значения...

— Разве у вас нет подобных объяснений? Такой распространенный случай!

«Распространенный? Сколько интервью уже за ее плечами? Кто были эти люди?» — размышлял Ломбок.

— Если вы не возражаете, то я все же...

— Пожалуйста, пожалуйста.

Ломбок сделал вид, что включает крошечный магнитофон, который и без того уже работал:

— Итак, не могли бы вы немного остановиться на том, что же именно в Космических Силах потеряло для вас смысл и почему?

— Трудно сказать. Военная служба, исследования космоса... После моего последнего задания я начала это осознавать. Конечно, не сразу, постепенно.

— Защита жизни людей Галактики от берсеркеров. Для вас это потеряло смысл? — в голосе Ломбока чувствовалось изумление.

— Я знала, что вы зададите именно этот вопрос. Если говорить в общем, то нет, не потеряло. В нашем Храме нет сторонников берсеркеров. Если берсеркеры атакуют Землю, я буду среди бойцов, защищающих нашу планету. Я в этом убеждена. Естественная человеческая реакция — защищать окружающих тебя людей и самого себя. Хотя в общем, для меня служба в Вооруженных Силах не так важна.

Ломбок не мог понять, что же именно она имеет в виду:

— Если я вас правильно понял, то вы просто больше не видели смысла в тех поручениях, которые вам давали, не так ли?

Кажется, ей было приятно, что он старается понять ее.

— Что-то в этом роде.

— Так, может быть, вы расскажете о вашей последней миссии?

Она изменила позу, закинув ногу на ногу, красота и стройность ее ног четко обрисовывалась под серой материей.

— Если у вас есть время меня выслушать, то...

— Бесконечно много времени, — Ломбок сделал неопределенный жест рукой. — Куда вас направили, что именно вы делали? Как вы сработались с полковником Маркусом?

— Полковником? Как его дела? Я полагала, что он уже занимает более высокую должность. Или его уже нет, — последние слова были сказаны отрешенно, без тени насмешки.

— Я уверен, что вам уже приходилось рассказывать о своей последней миссии.

— Да. Все было записано. Вы можете просмотреть

записи. Возможно, вы это уже сделали. Признаюсь, я несколько заинтригована. Почему вы приходите ко мне и задаете вопросы о том, что было одиннадцать лет назад?

Он уже не знал, придерживаться ли ему прежней версии — версии случайного выбора одного из анкетированных, или же говорить начистоту. Так ничего и не решив, Ломбок продолжал свои расспросы:

— Это была необычная миссия, разве не так? Мне очень хотелось услышать все от вас лично, если вы не возражаете.

— Возражаю? Нет,— она достала из кармана сигарету, предложила закурить Ломбоку, но тот отказался. Голубой дымок взвился в воздух.— На кого вы работаете? На оборону?

— На Тупелофа.

Она какое-то время обдумывала информацию, затем кивнула головой, сделав знак, что ей это безразлично.

— Хорошо. Самое важное, касающееся последней миссии, конечно, связано с тем, что мы встретились с чем-то ранее неизвестным. Явление было замечено однажды и до нас. Его даже сфотографировали. Но на Коресеке так много всяких таинственных вещей, что никто не проинструктировал нас подробно обо всех чудесах. Даже в самых общих чертах. Мы вернулись в штаб изучения Коресека с тем, что нам удалось обнаружить. Это место стали называть Тадж, что значит «высокая шапка дервиша». Нечто огромное, величественное, таинственное. Постепенно «Тадж» превратился в официальное название. Я не знаю, как сейчас называют то, что мы обнаружили тогда.

— А что вы подумали о Тадже, когда увидели впервые?

Ее глаза, которые, казалось, устремились куда-то в пустоту, вновь взглянули на Ломбока.

— Вы должны знать, что наш корабль подвергался нападениям берсеркеров примерно в течение двадцати стандартных часов, и их силы значительно превосходили наши. Никто, кроме Фрэнка Маркуса, не смог бы... Ну, ладно. К тому времени, когда Тадж появился на горизонте, я была на грани нервного срыва. Теперь я это осознаю. Как вы, наверное, знаете, я попала в больницу сразу по возвращении в штаб изучения Коресека.

Ломбок это знал. Но он продолжал внимательно слушать, как что-то новое, неизвестное ему. На его лице появилось даже сочувственное выражение.

Элли глянула на сигарету, затушила ее.

— Нескольким минут назад я говорила о том, что все случайности — мой бич. Знаете ли вы, что во время той миссии, казалось, все странное, необычное — наш удел?

— Что именно?

— Я даже не уверена, что смогу вспомнить все происходившие странности. До того, как на нас напали берсеркеры, мы обнаружили аминокислоты в открытом космосе — в том молекулярном варианте, в котором их не удавалось никому встречать вне атмосферы. Органика, в огромном количестве.

— Извините, но я не знаю, какова же была основная цель миссии.

— Обычный поиск разума. Не берсеркеров, конечно. Вряд ли стоило посылать двух людей на маленьком корабле на поиск этих мыслящих негодяев, — женщина замолчала, видимо, углубившись в личные воспоминания.

— Вы говорили об органической материи, — сказал Ломбок, стараясь вернуть ее в настоящее.

— Да. Мы все были удивлены. На этом участке — рядом с Коресеком — очень мало планет.

— Коресек. Я мало знаю о нем. Расскажите!

— Это район с очень высокой звездной плотностью — более тридцати планет на кубический парсек. Звездные тела очень тяжелые, сложного состава. Масса космических туннелей и «бутылочных горл». Любой корабль сможет с легкостью попасть в ловушку. Многие так погибли. Поэтому они послали Фрэнка.

— И вас.

— Возможно. Я была на хорошем счету. Нам попадались даже сгустки бензина. Поверите ли вы — достаточно плотные! Почти как камни. А также газовые костры. Свободный кислород тоже — на участках, укрытых от яркого звездного света. Мы могли встретить участок сплошного огня длиной в миллиард километров, а в середине — зону сжатия.

Она вновь замолчала. Ломбоку показалось, что, когда она только начала говорить, то у нее была какая-то цель, задача, но потом ее мысли потеряли точный ориентир. Потому что ей стало все безразлично?

— И в эту поездку вы забеременели,— подсказал Ломбок.

— Да. Я не думала, что вы знаете это. Я использовала, конечно, контрацептивы. Если бы я хотела забеременеть, то вряд ли тогда было подходящее время и место.

— Согласен.

Но по какой-то причине противозачаточные средства не помогли. Во время этой экспедиции все шло наперекосяк.

Не желая фиксировать ее основное внимание на беременности, Ломбок спросил:

— Расскажите, как вам удалось избавиться от берсеркеров?

Теперь Элли вновь посмотрела куда-то вдаль, как будто на какой-то, одной ей видимый экран. Ломбок почувствовал, как нарастает ее напряжение. Сильные пальцы ее руки нетерпеливо теребили ткань хитона.

— Берсеркер преследовал нас. Он был совсем рядом — всего в нескольких километрах. Я думаю, он считал, что легко справится с нами и захватит нас живыми. Потом мы вошли в территорию Таджа, и внезапно — удар, шок — не спрашивайте меня, что это было, я точно сама ничего не поняла. Мы словно выпали из времени. Фрэнк потерял сознание, а я же все время была в сознании, все время. По крайней мере, когда меня загипнотизировали в Центре изучения Коресека, то никаких провалов в памяти не обнаружили.

— И что же вы видели, чувствовали, ощущали, когда были там? — Немедленного ответа не последовало, и Ломбок изменил свой вопрос: — Как долго длилось это... погружение?

Элли быстро взглянула на него:

— Как долго? Корабельные часы в отсеке Фрэнка указали, что прошло четыре часа — столько, видимо, длилось это «погружение», как вы называли его. Часы на моей руке отмерили одиннадцать лет.

Ломбок уже слышал об этих цифрах, но он сделал вид, что слышит их впервые. Он прокашлялся:

— Какой-то релятивистский эффект?

— Конечно,— она быстро улыбнулась,— или я вернулась бы из зоны Таджа уже со взрослым ребенком.

— Значит, некое неведомое нам поле или что-то еще убыстрило бег хронометра. У вас были обычные часы на 133 камнях?

— Да. Хотя сециумные камни изменили свои энергетические состояния в наших с Фрэнком отсеках по-разному. Если бы вы были специалистом, то вы бы удивились еще больше.

— Я и так удивлен. Но в этом нет для меня ничего нового.

Они немного помолчали. Потом Ломбок неожиданно спросил:

— А повлияло ли на вашу беременность происшедшее? Шло ли потом развитие плода обычным путем?

— Честно говоря, я не знаю. Об этом заботились другие. Те, кто лучше, чем я разбираются в этом вопросе. Первое место, где мы остановились, был Элиайн,— выражение лица Элли смягчилось, но на нем так и не появилось то, что можно было бы назвать улыбкой.

Ломбок откинулся на спинку стула, лениво потянулся. Он посмотрел вверх, над его головой в полумраке тереялись какие-то росписи.

— А кто этот Последний Спаситель? Если вас, конечно, не смутил мой вопрос...

— Нет, не смутил. Мы узнаем Его, когда Он придет?

— Его?

— Когда мы говорим так, то люди почему-то думают, что мы боготворим берсеркеров. Что в корне неверно. Спаситель — он вне каких-либо человеческих или нечеловеческих расовых классификаций.

— То есть тот, кого можно назвать Всемогущим? Создателем?

— Я не вижу смысла в подобных вопросах.

Ломбок без усилия сменил тему.

— Вы собирались рассказать мне, что пережили пока находились в зоне Таджа.

— Да,— Элли заметила, что ее руки теребят ткань хитона и сделала усилие, чтобы они замерли в неподвижности.— Описания вряд ли о чем-нибудь расскажут вам. Я старалась вести дневник, фотографировать. Но из этого тоже нельзя было много извлечь, когда мы вернулись домой, на Землю.

— Я знаю. Если бы не те две вещи, которые вы привезли с собой, то вам скорее всего вообще никто не поверил.

В глазах Элли сверкнула насмешка:

— Я бы не хотела распространяться об этих артефактах. Разглашение тайны, видите ли...

— Я думаю, что для вас вся эта секретность не так уж и важна.

— Но для вас? Теперь я знаю точно, что вы из системы Обороны. Скажите, посылали ли еще людей в зону Таджа? Конечно, там должны были побывать люди после нашего возвращения. Мне очень интересно, что же они там обнаружили?

— Мне — тоже, — хмуро подумал Ломбок. Обе посланные в зону Таджа экспедиции пока не вернулись. На настоящий момент это не было знаком того, что они не вернутся никогда, но через еще один стандартный год, можно считать, что так оно и есть. Вслух же он сказал:

— Я не связан напрямую с этой сферой исследования.

Элли вновь посмотрела поверх его плеча:

— Вы хотели услышать, что же я пережила там. Ну, хорошо. Было такое впечатление, что корабль вывернули наизнанку, сжали до размеров гигантского надувного мяча — такими иногда играют на пляжах. Корабль сохранил сферическую форму, но стал только немногим больше человеческого тела. Я же странным образом оказалась сидящей на этой штуковине — словно гарцующей на лошади. Мое тело... Нет, я не знаю, было ли мое тело тоже вывернуто наизнанку. Но я точно знала, что все это не сон. Моя голова выросла до гигантских размеров и, незащищенная, висела над моим «конем».

— А на вас был скафандр?

— Да. В самом начале — был. Но потом он исчез.

— Полковник Маркус был все это время без сознания?

— Да. Тогда еще капитан Маркус. Я не могла переместить его, связаться с ним. Панель связи превратилась в непонятную тонкую изогнутую проволоку. Я глянула вокруг себя, но не смогла узнать интерьер корабля, так все изменилось.

— А что было снаружи? Я имею в виду, что вы видели?

Установилась очень долгая пауза. Элли словно решала в уме сложное математическое уравнение.

— Порядок, — сказала она наконец. — И хаос тоже. Или же хаос только казался мне таковым, а просто это был порядок иного вида, иного, может быть, высшего ранга.

— А можете ли вы сказать что-либо более конкретное?

— Да. Но я не думаю, что это поможет осознать главное, — она глубоко вздохнула. — Когда снится сон, то вначале возникают чувства, понятия, которые потом генерируются в видимые картины — как комментарий, дополнение. Нет, то был не сон. Это — точно. Хотя некоторое сходство все же было. Вначале я ощутила чувство соразмерности, порядка, затем я увидела эти структурные странные образования, окружившие наш корабль. Я могла рассматривать их, оценивать их объем, форму. Было такое впечатление, что мы внутри геодезической станции, которая размером больше любой звезды. Я никогда не ощущала раньше ничего подобного. И не думаю, что мне предстоит это вновь ощутить. Теперь я ощущала хаос, очевидный хаос, все, что было вокруг меня, не имело смысла. Тут я увидела дымку, больше похожую на обыкновенный водяной туман, чем на пылевое созвездие. Он плыл справа от корабля. И были еще звуки — я не смогла бы воспроизвести их или описать. Но они влияли на меня, я это ясно ощущала. Порядок и хаос продолжались в них. Музыка, которую трудно было назвать музыкой — у меня было такое чувство, что, если я задержусь в этом тумане, то, стоит мне зачерпнуть горсть проплывающей мимо дымки, пыли, я обнаружу там столько тайн, что разгадывать их я смогу всю оставшуюся жизнь.

Руки Элли лежали неподвижно, но сжатые в кулак пальцы побелели от напряжения. Ее лицо было скорее задумчивым, чем встревоженным, но Ломбок с глубоким удивлением заметил, что в ее отрешенных, смотрящих в даль, глазах навернулись слезы. И эта глубина ее чувств взволновала его. Он ощутил в себе сочувствие к этой женщине, но и одновременно раздражение.

— Во время предыдущего собеседования, — сказал Ломбок, — вы не отметили, что пережитое столь глубоко задело вас.

Элли посмотрела на него:

— Я тогда словно онемела, — напряжение явно стало спадать с нее, — мои чувства, они как бы нарастали с тех самых пор, как это случилось.

Ломбок не был удовлетворен таким ее объяснением:

— То, что вы называете Таджем, всего лишь в двух часах сверхскоростного полета от ближайшей гигант-

ской звезды. Я имею в виду звезду, излучающую плазменный поток, в который вы могли бы спрятать свой корабль.

— Да.

— Тогда не кажется ли вам, что мы встречаемся с явной непоследовательностью? Может быть, то, что так повлияло на вас, не имеет физической природы?

Ломбок не особенно доверял всяким мистическим опытам. Особенно, когда люди приобретают этот опыт, вдохнув какого-нибудь наркотического курева.

— Может быть, — спокойно ответила Элли. — Мне казалось, что Тадж — физическое образование размером с небольшую звезду. Приливные факторы и другие параметры сделали подобное предположение сомнительным. Но я могу отчитываться только за то, что видела и ощущала.

— Или за то, что вам показалось...

— Вы сами упомянули, что мы привезли два артефакта. Доказательство того необычного, о чем я говорю.

— Конечно, — у Ломбока были свои предположения по этому поводу, но он ничего не сказал. Не стоит отвлекаться сейчас. — Простите, что я прервал вас. Продолжайте, пожалуйста. Итак, вы вошли в зону Таджа, и берсеркер вошел, видимо тоже...

— Я видела его внутри зоны, преследующего нас. Подождите. Вначале, да, вначале он сказал нам по радио что-то о том, что новое оружие нам не поможет. Затем... я не знаю. Наверное, он был уничтожен. Или потерял нас. Или отказался от погони.

— Отказался? Разве берсеркер..?

— Я не знаю. Я... наверное, это забавно прозвучит, но когда мы вошли в зону Таджа, я очень быстро забыла о берсеркере.

— А кто управлял кораблем внутри зоны?

— Я взяла на себя управление, когда Фрэнк потерял сознание. Какое-то время использовался и автопилот. Я хорошо помню, что когда мы выбрались из Таджа, то я выключила автопилот и перешла на ручное управление.

— И вы вышли в обычный космос?

— Тот, что считается обычным в Коресеке. Фрэнк очнулся, когда Тадж был уже далеко позади. Когда он полностью пришел в себя, мы даже долго иронизировали

по поводу его отдыха. Когда я попыталась рассказать ему, что случилось, он подумал, что я брежу. Потом мы нашли два артефакта — астрагалус в его каюте и кольцо в моей. Они лежали на видных местах. Мы подобрали артефакты, не знаю для чего они и откуда. И только потом, на базе Изучения Коресека, было обнаружено их странное происхождение.

— Да,— Ломбок на секунду задумался.— Знал ли Фрэнк, что вы беременны?

Элли не стала тратить время на обдумывание ответа: — Честно говоря, я не знаю. Он никогда ничего не спрашивал. У него есть дети в разных местах Галактики, иногда он упоминал о них, но так, как будто речь идет о рядовом случае удаления аппендицита. И не говорите мне, что у него вдруг появился какой-нибудь особый интерес...

— Я не знаю.

В это время в Храме появилось несколько туристов, ведомых гидом, одетых в серый хитон. Один из туристов нес довольно тяжелый ящик, предназначенный, по всей видимости, для изготовления художественных голограмм.

Элли зажгла еще одну сигарету.

— Что-то случилось? — спросила она резким тоном, требуя немедленного ответа.— Связанное с ребенком?

Ломбок на мгновение задумался, а потом сказал:

— Ему сейчас где-то около десяти, не так ли? Вам интересно знать детали?

— «Ему» одиннадцать. Вы сказали «ему»...

— Вы не спросили даже о поле ребенка в Агентстве Усыновления?

В разговоре возникла долгая пауза...

Сзади Ломбока появились туристы, он повернулся в их сторону — одна из туристок подошла очень близко, словно желая что-то спросить. Почему она собирается задавать вопросы ему, когда у них есть гид? В руках у женщины был какой-то предмет. Неожиданно стран-ный холод коснулся всего тела Ломбока.

«Какая глупая шутка!» — были мысли Ломбока. Он собирался приподняться, но только успел ощутить, что падает, падает...

ГЛАВА VI

— Привет, Микель! Был милый обмен зуботычи-нами!

В коридоре на Мунбейз — с низким потолком, глубоко под землей — голос из говорителя Фрэнка отзывался гулким эхом от стен; если бы на Микеле был «Ланселот», то, возможно, ребенок получил бы удовольствие, выделяя звуковые ряды, которые, как он недавно узнал, назывались гармоническими. Но Микель был в обычной одежде — шортах, свободной рубашке и сандалях. Он уже давненько прогуливался по коридорам базы, стараясь избегать по возможности оживленных участков. В какой-то степени ему это удалось — он уже две минуты не встречал ни единой живой души, но потом наткнулся на ящики Фрэнка, стоящие неподвижно у стены.

На удивление, Микель был рад встрече.

— Я не хотел сбить вас, — сказал мальчик.

— Я знаю. Все в порядке, не волнуйся. Сегодня тестов не будет?

Уже прошло два стандартных дня после их схватки.

— Нет, сегодня не должно быть. Я думаю, что Тупелоф решил дать нам возможность немного отдохнуть. А вот завтра, очевидно, мы продолжим.

— Это ты продолжишь. Мне сказали, что я больше не буду носить эту чертову штуку. Что с тобой, Микель?

Существовали две вещи, о которых Микель не сказал никому, даже матери.

— Они переделывают модель. Стараются снабдить ее дополнительным оружием. Но..., — Микель, не в силах передать то, что его беспокоило, запнулся.

— И ты не уверен, что сможешь управлять этим оружием, я прав?

— Нет! Дело совсем не в этом! Возможно, я смогу. Но остановка за тем, что «Ланселоту» это не нужно!

Фрэнк на несколько сантиметров подался от стены, все его ящики одновременно пришли в движение. Голос Фрэнка звучал как-то встревоженно, казалось, что сейчас это голос человека во всех смыслах этого слова.

— Ну, парень, веселей! Ты же сам знаешь, что, кто бы ни надел эту штуковину, ему, скорее всего, придется сразиться с берсеркерами.

— Я знаю.

— У нас с тобой был прекрасный бой — покидались подушками для развлечения. Но — это только начало! Если бы на моем месте был берсеркер... Этих кулаком не проймешь!

— Я знаю, знаю. Я думаю, Фрэнк, что с «Ланселотом» все получится. Когда я буду знать о нем все.

Микелю показалось, что он видит, как Фрэнк отрицательно покачал головой в одном из своих ящиков.

— Парень, подумай! Возможно, теоретически реально то, что «Ланселот» способен на порождение подобной энергии. Но враг использует тот же энергетический источник, если говорить в общем. А «Ланселот» не снабжен никаким оружием.

— Ты хочешь сказать — пушками, снарядами и всем прочим? Так?

Фрэнк замолчал. Микель оглянулся и увидел, что с той самой стороны, откуда он пришел, идет темнокожая женщина из научной группы. Ее походка была легкой, крайне грациозной. Конечно, когда на ней не тяжелый скафандр, а платье, как сейчас, которое волнуется при ходьбе...

Невольно вспомнились высокие травы и изящно склоненные ветви деревьев, колышущиеся от легкого ветерка...

— Микель, — в голосе Фрэнка зазвучали нежные нотки. — Это — Вера, миссис Тупелоф.

— Здравствуйте, — сказал Микель тем самым тоном, каким его в раннем детстве мама учила здороваться со взрослыми.

Тяжелые крупные губы женщины совсем не казались надутыми, когда она улыбнулась.

— Я знаю, тебя, Микель. Тебя здесь все знают. Зови меня просто Вера, хорошо?

Эмоциональная атмосфера как-то накалилась. Возникло неловкое ощущение, свойственное обычно взрослым при выполнении установленного этикета, своеобразных кем-то придуманных ритуалов.

— Микель и я говорили о «Ланселоте», — наконец-таки нарушил молчание Фрэнк. — И представьте, о разных проблемах.

— Да? — Вера выглядела заинтересованной. — Если речь идет не о математике силовых полей, то я, вряд ли, могу быть вам полезна.

— В основном о проблемах пилотирования, — как-то невесело произнес Микель.

— Дорогой, если тебя что-то беспокоит, то лучше об этом сказать медикам. Или моему мужу. Я сама могу это сделать, — в голосе Веры слышались нотки неподдельной тревоги.

— Беспокоит? Меня? О, нет же! Когда на мне «Ланселот», речь не идет о каких-либо болезнях.

Из среднего ящика, который был частью Фрэнка, появились две металлические руки. Они закачались... Было такое впечатление, что этим жестом Фрэнк хотел выразить призыв к терпению.

Вера покачала головой.

— Знаете, ребята, оставляю-ка я вас дискутировать о проблемах пилотажа. Увидимся позже.

— У-в-и-д-и-м-с-я, — голос Фрэнка вышел за пределы звукового ряда, свойственного человеческому голосу. Было такое впечатление, что кашлянул гигант.

Вера захихикала; подмигнув Микелю и махнув на прощание рукой, она повернулась, взметнув полы своей юбки, и направилась в ту же сторону, откуда пришла. Микель задумался над тем, зачем же вообще она сюда приходила.

Но сейчас были и более важные проблемы.

— Фрэнк, я могу тебя спросить?

— Конечно. У меня тоже есть к тебе пара вопросов.

— Какие?

— Обещай, что ты постарайся научить меня делать то же, что и ты умеешь. Я имею в виду «Ланселот». Когда будет время, хорошо?

Микель ответил не сразу.

— Я постараюсь, Фрэнк.

— Звучит не очень обнадеживающе. Ну, ладно. О чем же ты хотел спросить меня?

Микель глубоко вздохнул и с чувством, с которым вступают в прохладную воду, спросил:

— А не кажется ли тебе, Фрэнк, иногда, что ты превращаешься в машину, в робота?

— И всего только? Черт возьми, конечно, нет! Если, впрочем, ты имеешь в виду все это оборудование, из которого я состою. Но я — не часть чего-либо. Я — часть самого себя! Или, может быть, ты говоришь о тех минутах, когда я управляю кораблем? Да, тогда в твоём вопросе есть, конечно же, смысл. Очень важный,

возможно, смысл, поскольку пилот и корабль — единое целое. Но это чувство охватывало меня и раньше — до того, как берсеркеры чуть не убили меня. Это — постоянное ощущение пилота.

— Но не ощущение того, что тебя что-то неведомое поглощает?

— Поглощает? Нет! — Фрэнк задумался. Его линзы медленно вращались. — Я ответил достаточно на твой вопрос?

— Не знаю даже. Кажется, что не совсем.

— Что же касается меня, то я, Микель, не воспринимаю «Ланселот» как машину. Если бы он был машиной, как ты говоришь, я мог бы жить в нем. Но для тебя он — своего рода машина, которая начинает становиться важнее, главнее живого человека, не так ли? А этот живой человек — это ты, Микель?

— Да, конечно, — Микель почувствовал облегчение, что наконец-то рассказал о том, что его беспокоит, хоть кому-нибудь рассказал.

— Но это чувство исчезает, когда ты снимаешь «Ланселот»?

— Да. Но только...

— Почему же ты никому не сказал об этом, как предлагала Вера?

— Они могут запретить мне пользоваться «Ланселотом», — признался Микель полупшепотом. — Я чувствую себя счастливее, когда на мне «Ланселот». Но потом бывает чувство, что мне чего-то не достает, когда я без «Ланселота».

— Черт возьми! — сочувственно сказал Фрэнк. — Я счастливее, когда я за пультом управления кораблем.

«Речь не об этом, — подумал Микель. — Или как раз...»

Он не чувствовал себя способным спорить. Но все-таки поразился, что смог признаться Фрэнку. Пускай всего лишь несколькими ящиками, соединенным в одно целое.

Фрэнк помолчал секунд пять — для него весьма продолжительное время.

— Давай пройдемся! — промышчал наконец говорить.

Микель приноровился к быстрому перемещению «велосипеда». Жидкостная линза на головном ящике продолжала смотреть на Микеля.

— Я не думаю, что они показывали тебе псевдоличностей.

— Кого?

— Я не понимаю, почему никто из них пока не общался с тобой. Ты бы лучше осознал перспективы.

— Они прошли предупредительные знаки, означающие конец безопасной зоны. Проходя мимо дежурного, Фрэнк даже не остановился, пока тот не окликнул его.

— Полковник Маркус? Я должен посмотреть пропуск мальчика, если он тоже собирается...

— У вас будет пропуск, если вы обратитесь к Нему.

Тот отступил. Хотя Микель так и не понял, кого имел в виду Маркус.

Они пошли дальше. Затем Фрэнк неожиданно остановился перед простой дверью без ручки. Он положил одну свою металлическую руку на безопасную панель на двери, легкими нажатиями отстучав определенный код. Дверь распахнулась и позволила им войти в небольшую комнату с низким потолком.

Между полками шли два узких длинных прохода. На полках в комнатке громоздились сотни металлических ящиков — каждый размером с кейс, который мог бы нести одной рукой взрослый человек, будь на ящичке специальная удобная ручка.

Фрэнк покатил по проходу, изучая подписи.

— Это — проказники, которых предполагалось использовать для системы типа «Ланселот». Нет, я могу все это принять. Не могу.

— Я ничего не понимаю.

Ящики представляли собой сложный набор аппаратуры, явно предназначенный для подключения к чему-то. Больше Микель ничего не мог бы о них сказать.

Своей металлической рукой Фрэнк достал один из ящиков. Покатил вместе с добычей к концу прохода, где было небольшое свободное пространство. Потом подключил к пульту, отрегулировал монитор и кивнул Микелю, чтобы он подошел.

Вглядываясь в монитор, на котором появилось изображение, кажущееся оптической иллюзией, Микель увидел вначале нечто, похожее на хлопья снега, осевшее на какой-то пластиковый предмет, распластавшись неровными пятнами.

Раздался голос Фрэнка:

— Это — Красный Барон. Замечательный персонаж.

Другие тоже побывали в боях, вживленные в военные корабли. С этого начиналась история «Ланселота». Человеческий мозг во многих случаях не выдержал бы нагрузки. Эти персоналии выдерживают нагрузку, но не могут должным образом воевать.

Кличка «Красный Барон» ничего не сказала Микелю, который занялся настройкой монитора. Набираемые им комбинации порождали все большее увеличение. Когда увеличение достигло высокой точки, изображение стало раскладываться на электроны. Кристаллические образования, похожие на снежные хлопья, все еще были на экране, но теперь Микель не мог бы даже предположить, какая форма материи перед ним, форма, готовая бесконечно раскладываться на составляющие.

— Это похоже... похоже на что-то естественное. Но естественным, скорее всего, не является.

— Да. Это — дело рук людей. Продолжай. Настрой изображение.

Увеличение достигло предела. Структура псевдоперсоналии не была похожа ни на что известное Микелю. Чем больше становилось увеличение, тем более совершенной и упорядоченной казалась внутренняя структура.

— Это имитационные персоналии. Большинство из них «списано» с исторических личностей. Имитационные разумы или что-то в этом духе. Они были изобретены для воссоздания исторических событий, для их изучения, но ученые также пытались использовать их для современных космических битв. Вместо живого мозга. Они ведь тоже часть нашего всеобщего разума, только уже отошедшего в прошлое.

— Я слышал об этом. Но я не знал, что...

— Это иногда дает нам преимущества над врагом. Иногда, правда.

Микель слушал не очень внимательно. Он был поражен тем, что видел теперь на экране. Не столько возможностями псевдоперсоналии, сколько мастерством, с каким действовал артефакт.

— Они, когда работают, перемещаются в дробном, или, как говорят инженеры, фрактальном измерении. Ты знаешь, что это такое?

Микель пожал плечами. Он плохо знал термины, которые взрослые с техническими наклонностями любят употреблять.

— Что-то маленькое?

— Если очень грубо, приблизительно, выразиться, то линия — это одно измерение, точка не имеет измерения. Фрактальное измерение занимает промежуточное положение.

Микель оторвал глаза от экрана, одним пальцем потрогал угол кейса, подключенного к пульту, и затем спросил:

— И этим можно заменить человека, используемого в качестве оператора «Ланселота»?

— Не в полном объеме. Иначе мы не были бы здесь. В любом случае, будем надеяться, что эту персоналию не собираются использовать.

— Почему?

— Ты просто не знаешь, кто такой этот Красный Барон. Ему они не захотят доверить «Ланселот». Как и мне, пожалуй, — говорителю Фрэнка издал щелкающие звуки, которые Микель посчитал за насмешливый смех. — Черт возьми, даже я могу лучше управлять «Ланселотом», чем они! Именно это я и хотел тебе сказать. Ты и я — мы живые. А они — техника, приборы. Многие люди, которые любят поболтать на философские темы, не видят разницы между одним и другим, — в голосе Фрэнка все явственнее слышалось презрение. — Если бы эти изобретения — наши последние достижения — могли бы делать свою работу лучше, чем я или ты, то Тупелоф, вряд ли, стал бы притаскивать тебя с Элиайна, и ты не стал бы принимать участие в тестах на второй день после своего прибытия. Мы — человеческие существа. Люди. И мы — лидеры, когда речь идет о сотрудничестве с машиной. И еще — нам нужно выиграть войну.

— Фрэнк! А можно я задам еще два вопроса?

— Валяй!

— Кто же действительно будет использовать «Ланселот» в бою?

Фрэнк поколебался, прежде чем ответил, потом пояснил:

— Тот, кто умеет его должным образом использовать.

Микель кивнул понимающе. Это он уже и сам знал. Но об этом стоило еще поразмыслить.

— И второй вопрос. Где находится испытательный полигон?

— Боже, да они тебе даже этого не сказали?! Кольца Урана и его спутники и есть полигон, который мы используем. Требуется примерно шесть часов, чтобы добраться отсюда туда.

ГЛАВА VIII

Около десяти стандартных лет назад на поверхности спутника Урана Миранде была основана станция. Под одной крышей жили и работали сотни людей. И хотя обстановка не была роскошной, помещение было довольно удобным.

Согласно положению, опубликованному Президентом Земли, Центр мог принимать представителей различных цивилизаций. Правда, пока еще никто не нанес сюда визита.

— Я же говорил им, когда они строили этот Центр, что мы никогда не увидим здесь толп кармпанцев,— заключил Тупелоф, водя по залам Центра управления одну единственную гостью, которая чувствовала себя явно одинокой. Становясь с каждой минутой все серьезнее, Тупелоф провел Кармен Джеулинкс из вестибюля через жилое помещение в центр управления. В этом доме почти все стены состояли из иллюминаторов.

— Ах! — восхищенно сказала Кармен. А затем без всякой нужды добавила: — Вот и сам Уран.

Такого чудесного вида она никогда не видела в той части Солнечной системы, где она жила.

Кармен, опираясь на руку Тупелофа, подошла с ним к иллюминатору. Окутанный дымкой, зелено-голубой гигант был залит солнечным светом. Казалось, он почти касался стеклянной поверхности иллюминатора. Миранда, даже утопая в солнечном свете, порождала пугающие отблески.

Кармен на секунду отпрянула, Тупелоф протянул ей руку, приглашая пойти дальше. Он показал на луны Оберон и Ариэль, ярко сверкающих уменьшенных подобию Урана. Аквамаринный свет, льющийся на ландшафт Миранды, слегка окрашивал и тусклые осколки двух лун.

— Титания и Умбриэль, очевидно, спрятались за Папочкой, — сказал Тупелоф.

Как прекрасны кольца планет! — выдохнула Кармен.

— Иногда их не видно даже отсюда.

Но сейчас, огромные браслеты, напоминающие кольца Сатурна, разрывали солнечный свет на множество тусклых разноцветных лоскутков.

Тупелоф отважился на еще одну метафору:

— Пестрая балетная юбочка для полненькой планет-танцовщицы.

Кармен тактично оставила его слова без комментария.

— Где Земля? — спросила она наконец.

Он подошел прямо к стеклу и прищурился от яркого света:

— Вон там! Голубая звезда.

Кармен подошла ближе. Внезапно ему захотелось положить руку ей на плечо. Она была одного с ним роста.

— Кажется, что она находится близко к Солнцу, — сказала Кармен.

Хотя даже на этой высоте не могло быть сомнения относительно того, какая звезда находится в центре.

— Да, действительно, очень близко. Мы находимся в девятнадцать раз дальше от Солнца. Вон — Марс, видите, огненно-красный, как раз около Земли.

— Да, мне кажется, я вижу Венеру. Она ярче остальных.

— Да, вы правы.

— А там дальше... Это Орион? Вы мне показывали его, когда мы были на Мунбейз. Отсюда он выглядит точно так же, как и тогда.

Тупелофу показалось, что Орион был ярче. Выйдя из Центра, они поднялись на холм. Оглянувшись, они увидели, что гора, расположенная за зданием, осталась прежней. В угловом измерении она казалась слегка сморщенной. Если же смотреть прямо, она казалась намного больше из-за того, что дома и улицы сократились в размерах.

Интересно, что получится, если соединить человеческое сознание и почти сверхъестественное зрение «Ланселота»?

— Нравится Микелю его путешествие? — спросил Тупелоф, когда они вернулись на объект.

— Я думаю, да. Хотя он мне никогда не говорит о своих чувствах. У вас с Верой есть дети?

— Нет, — Тупелоф попытался придать своему голосу доброжелательность.

— Спасибо, что не пожалели своего времени и показали мне все это.

— Не за что.

Он потратил бы это время на дела первой необходимости в то время, как шла подготовка к испытаниям модернизированного оборудования.

— Я раскрою вам один секрет, — сказал Тупелоф конфиденциально, несмотря на то, что в огромном зале кроме них было еще человек двадцать. — Быть внимательным к одним является частью моей работы, точно так же, как и быть взыскательным к другим. Но к вам был бы внимателен в любом случае.

Эта атлетически сложенная леди не поняла, что он хотел ей сказать. Они наконец отошли от иллюминаторов, и он повел ее в центр зала.

— А вот лунный Тиккер.

— Тиккер? Почему вы его так называете?

— Я думаю, что древние механизмы, действительно, тикали.

Тиккер служил основным средством связи на станции. На экранах тиккера текли потоки информации, имеющей отношение в основном к системе защиты. Это были ответы на вопросы, посланные отсюда на Мунбейз час назад.

Видите ли, для того, чтобы отправить сведение при помощи солнечного луча, необходимо два часа. В ожидании ответа на ваш запрос вы можете расслабиться и поболтать с кем-нибудь.

Тупелоф энергично похлопал оператора по плечу и уже совсем другим тоном спросил:

— Что-нибудь слышно о Ломбоке?

— Нет, сэр.

— Земля все-таки так далеко, — сказала Кармен, посмотрев в иллюминатор. — Элиайн тоже находится на расстоянии месяцев пути, несмотря на то, что планета движется со скоростью, намного превышающей скорость света.

Тупелоф задумался над тем, должен ли он выразить

как-то свое сочувствие Кармен по поводу ее развода с мужем, как вдруг в дальнем конце зала открылась дверь.

— А вот и мы! Вот и наш Микель.

Поверх оранжевого, плотно облегающего костюма на мальчике был «Ланселот». Как обычно, он выглядел спокойным, собранным и готовым к немедленным действиям. Кармен торопливо подошла к сыну, заботливо провела рукой по невидимым силовым полям, которые окружали его лицо и шею. Могло показаться, что Кармен поправила ему невидимый воротник. Потом она ловко проникла вовнутрь и дотронулась до его щеки. Кармен научилась делать это еще на Мунбейз. Дотронуться до человека можно было только в том случае, если человек хотел, чтобы до него дотронулись.

Тупелофу уже не в первый раз захотелось, чтобы скафандр выглядел более устрашающе. Сейчас, безусловно, уже было поздно что-то менять. И все-таки такие скафандры было бы проще продавать, если бы они выглядели бронированными. Этот вариант скафандра не защищал человека от дождя, не говоря уже о...

На самом деле он придавал ребенку сходство с персонажем сказки в школьном спектакле.

Осознав, что она мешает, Кармен опустила руки и отошла.

Тупелоф подошел к Микелю и сказал:

— Микель, я думаю, что на этот раз ты должным образом осведомлен насчет предстоящих событий. Я слышал, что в прошлый раз ты был недоволен тем, что мы не уделили этому должного внимания.

Микель отчетливо ответил:

— Говорят, что в этот раз вы хотите, чтобы я просто облетел Миранду.

— Правильно. А после того, как ты это сделаешь, мы поговорим о том, что нам еще предстоит. Несколько человек будут следовать за тобой в корабле. Ты готов?

* * *

Придя в себя, Элли Темесвар захотелось узнать, сколько времени прошло с тех пор, как ее представили Координатору. Она начинала ощущать крайнее неудобство: тело туго стянуто ремнями. Она была в комнате одна. Хотелось глубоко вдохнуть. Она не должна была

позволить себе снова потерять сознание. Но от страха и долгого пребывания в неподвижном состоянии она так ослабла, что не была совсем уверена, что сможет стоять на ногах, даже если ей это позволят.

Дверь снова открылась и Элли почувствовала облегчение. В каюту заглянула женщина плотного телосложения, но довольно молодая. Казалось, что ее полная грудь была чем-то плотно обтянута под стального цвета рубашкой. Элли не знала, была ли эта женщина одной из группы псевдотуристов из Храма, или же нет.

— А где, скажите..., — начала было Элли, но почувствовала, что в горле пересохло, что она не могла выдать из себя нескольких слов.

— Что «где»? — отрапортовала женщина грубым голосом, похожим на голос Стила.

Видимо, уже ничего не опасаясь, незнакомая женщина подошла к кровати.

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Вам пока ничего не надо знать.

— Прошу вас, принесите мне попить,— с трудом прошептала Элли.

— Хорошо. Но ведите себя спокойно. В противном случае вам снова придется заснуть, как на Земле,— ответила женщина. При этом она вытащила из кармана металлический баллончик с каким-то веществом, действие которого, видимо, и испытала на себе Элли в Храме.

* * *

Как и на Мунбейз, поверхность Миранды была выровнена и приготовлена к старту. Естественное притяжение было настолько мало здесь, что Микель в «Ланселоте» свободно парил в воздухе.

За контрольной полосой, Земля, залитая потоком света, казалась покрытой битым стеклом и щебнем. Поверхность выглядела так, будто она была распилена гигантской пилой, зубья которой были равны человеческому росту. От этого и темная линия горизонта казалась разрезанной.

Полярная шапка солнечного света Урана, наполовину зашедшая за горизонт, все еще тускло освещала поверхность Миранды и космические корабли, установленные у здания Центра управления.

Миранда, стремительно двигаясь по маленькой орби-

те, сейчас догоняла огромную луну, которая, как Микелю сказали, называлась Оберон. Когда мальчик впервые услышал это название, совпадение показалось ему неслучайным. Но сейчас было много гораздо более важных вещей, о которых необходимо было подумать.

Отсюда глаза, усиленные «Ланселотом», могли осмотреть межпланетное пространство, в особенности сеть подходов к внутренним пристаням Солнечной системы. Не прилагая особых усилий, Микель различал, по крайней мере, десяток космических кораблей различных размеров, двигавшихся в нескольких направлениях с неравными скоростями. Хотя все эти корабли выглядели сферическими и находились на большом расстоянии отсюда, Микель почувствовал, что он может различить их типы. Те, которые были военными, двигались по особой траектории и излучали особый вид энергии. Даже здесь, в гравитационной бездне, было небезопасно развивать полную межзвездную скорость.

В нескольких метрах от того места, где парил Микель, на взлетной площадке около Центра управления был виден корабль, который должен был следовать за ним на орбите Миранды. Наблюдая за кораблями и лунной, Микель прислушивался к тому, что говорили люди в здании Центра и около корабля. Сначала он не мог разобрать слова, но затем он стал понимать все лучше и лучше. Он без труда узнал голос мистера Тупелофа и доктора Иайнари. Они должны были управлять кораблем-разведчиком во время испытаний. Сейчас они были заняты тем, что заставляли других себя ждать, что было, как это теперь понимал Микель, привлечением людей высокого ранга. Он уловил обрывки речи Тупелофа:

— ...у него одного все удачно со скафандром... или так... возможность размножения...

На секунду мысли о кораблях улетучились из головы Микеля. Он пристально посмотрел на здание Центра, как будто «Ланселот» мог видеть через стену. Донесся голос Иайнари:

— ...никогда не функционировал очень хорошо...
А вот Маркус...

Затем вновь Тупелоф:

— ...один из тех, кто выполняет все приказы без возражений. Затем... Микель, когда он будет чуть постарше... Сделайте мне небольшой отчет... ускорить развитие его организма.

Удивленный голос Иайнари:

— ... вы начали это тогда... это рискованно... гормональное... единственный, кого мы имеем. Но я выясню.

И вновь Тупелоф:

— Да, сделайте это.

Их голоса становились все слышнее по мере того, как они подходили к кораблю. Микель снова взглянул на небо. Миранда догоняла еще одну луну. Может быть, это Умбриэль?

Две пары неуклюжих ног поднимались по трапу космического корабля. Тупелоф и Иайнари как ни в чем не бывало поздоровались с матерью Микеля, которая уже была в корабле.

Умбриэль, если, действительно, это была она, заслонила черную безжизненную звезду. Интересно, как бы ему жилось на Умбриэле? В одиночестве, конечно, если не считать «Ланселота».

Гормональное воздействие? Хотя он мало понимал в этом, в общих чертах он понял, о чем же шла речь.

В одном из иллюминаторов корабля появилось лицо его матери. Она помахала рукой своему парящему в воздухе сыну. Ставший рядом с ней Тупелоф, заговорил голосом, который он обычно приберегал для публичных выступлений:

— Микель? Сегодня мы разрешим тебе самому выбрать высоту, направление и темп движения. Но мы бы хотели, чтобы ты облетел Миранду по направлению с запада на восток по кратчайшему маршруту. Если это будет возможно, вернись на линию старта с противоположной стороны. Мы полетим тоже и будем наблюдать за тобой. Понятно?

— Да, вполне.

Микель так и не привык обращаться к Тупелофу «сэр», как это делали другие. Когда-то давно привыкнуть к этому слову казалось легко. Сейчас же почему-то это представлялось невозможным.

Тупелоф отвернулся от иллюминатора и заговорил с кем-то еще тоном, который он, должно быть, считал конфиденциальным:

— Тысяча километров. Это у него займет час, если судить по той скорости, которую он способен развить. Нам придется только наблюдать. Если он собьется с пути, мы не сразу предложим ему свою помощь: нужно посмотреть, как он поведет себя в экстремальной ситуации.

Микель задал «Ланселоту» цель — полет в указанном направлении; это было не сложнее, чем заставить ноги двигаться. Его ноги слегка коснулись земли, потом оторвались от нее.

Он немного поднял подбородок, чтобы его глаза, то есть глаза «Ланселота», могли лучше видеть то, что было у него впереди. Микель быстро удалялся от стартовой отметки. Поверхность Миранды, расстилавшаяся под ним, была испещрена беловатыми сугробами замерзшего газа. Испытывая легкое нетерпение, Микель усилием воли увеличил скорость. Лететь нужно было приблизительно тысячу километров. Может быть, лучше закончить полет ровно за час? Секунда в секунду. Просто для того, чтобы посмотреть на реакцию Тупелофа. Или, может быть, облететь Миранду за полчаса. Корабль, как призрак, летел за ним. Микель высвободил невидимый локатор «Ланселота». Он тянулся позади него теперь, а сам вошел в контакт с космическим кораблем. Микель услышал голос доктора Иайнари:

— ...еще одной причиной переселения на Уран является его изолированность.

— ...и безопасность,— Микель узнал голос матери.

— Да, вы правы, Кармен.

Дальше заговорил Тупелоф:

— Я бы не стал называть это безопасностью. Большинство людей даже в правительстве безразличны к угрозе вражеской цивилизации. Сейчас на Земле живет восемь миллиардов людей, пара миллиардов на Венере и Марсе. Если даже у одного из десяти тысяч возникнет желание перейти на сторону врагов... Тысячи кораблей пересекают границы Солнечной системы каждый день, невозможно проследить за каждым.

Микель прервал контакт с кораблем и погрузился в свои мысли. Держать курс было нетрудно, нужно было только время от времени поглядывать вперед. Еще никто до конца не осознавал, до какой степени он сжился с «Ланселотом» и мог управлять им. Сконцентрировав все свое внимание на кораблях, передвигавшихся в межпланетном пространстве; он вскоре понял, что может уже определить их мощность. Сейчас он пришел к выводу, что четыре корабля, двигавшихся около Урана, были патрульными, охранявшими невидимые границы станции. Еще один корабль, гораздо меньших размеров, был немного дальше, но тоже направлялся в систему Урана.

А что, если бросить это испытание и полететь к одному из этих кораблей? Люди с удивлением бы смотрели на него в иллюминаторы. С корабля бы в эфир неслись ругательства. Его мать была бы очень расстроена. Но Тупелоф был бы бессилен... Один из патрульных кораблей сейчас направлялся к самому маленькому гостю, на борту находились важные люди с Земли. Когда они были уже на близком расстоянии от Миранды, они скрылись за линией горизонта.

Легко скользя в пространстве, как хороший пловец в море, Микель обернулся и посмотрел на свое тело в оранжевом костюме, укутанное мутноватой дымкой, дрожащее на ветру. Гормональное воздействие означает, видимо, прием каких-то химических средств, которые ускорят его развитие. А может быть, это и неплохая идея? Чем быстрее он вырастет, тем быстрее он сможет защитить себя.

Впереди показался конус горы. «Ланселот» временно увидел это препятствие. Микель успел посмотреть вперед и изменить курс. Он обогнул гору и, следуя безотчетному желанию, увеличил скорость. Интересно, смог бы он сегодня выиграть у Фрэнка в прятки.

В действительности, ему не хотелось выводить Фрэнка из себя. Над ним показался Оберон, на темной поверхности которого вспыхнули шесть искорок.

На небе появилось пять пересекающихся тускло-светящихся полосок трассирующих пуль. Источник их находился где-то над Мирандой между двумя спутниками.

В этот момент ему на память пришли рассказы о звездных войнах, прочитанные в детстве. Значит, он сейчас видел, как шесть кораблей или ракет были выпущены с пустынного Оберона, как это и предполагалось. Они двигались навстречу Миранде со скоростью, намного превышающей скорость света. Лететь на такой скорости внутри гравитационной системы было самоубийством. И один из объектов действительно был уже уничтожен из-за своей сумасшедшей скорости. Остальные же явно сбавили скорость. Микель не менял траекторию своего полета. Корабль-наблюдатель следовал за ним на близком расстоянии, почти прижимая его к горе и вынуждая тем самым изменить курс. Он услышал испуганный голос своей матери, гневные восклицания Тупелофа по поводу неожиданной несообразительности ма-

ленького пилота. Раздался громкий голос Фрэнка:

— Микель, быстро на борт!

В тот же момент откинулся входной люк, напоминающий челюсть акулы. Микель послушно проскользнул вовнутрь, и прежде чем он успел усомниться в правильности приказа Фрэнка, люк закрылся. Конечно, Фрэнк знал очень много, но в том, что касалось «Ланселота», никто не разбирался лучше Микеля. Часть «Ланселота» застряла в люке. Ему нужно было как-то войти в каюту и поговорить с Фрэнком. Корабль вдруг со страшной силой бросило вниз и через несколько секунд швырнуло о скалу. Где-то за дверьми раздался крик его матери. Он знал, что сейчас она пытается инстинктивной найти безопасное место. Но внутри корабля он не мог защитить ни себя, ни ее. Микелю пришлось отгонять смертоносные волны, исходившие от матери. В эту минуту он осознал, что может доверить спасение своей жизни только «Ланселоту». Он потянулся к кнопке, чтобы открыть дверь: несмотря на удар, механизм сработал мгновенно.

Через секунду Микель был уже в открытом пространстве. Как только его нога коснулась твердой поверхности горы, люк захлопнулся. Фрэнк вывел корабль в открытый космос, и он тотчас исчез из виду в белом от радиационного излучения небе. Сработали системы защиты Миранды. Но враг был во всеоружии. Схватка началась.

Взрывная волна подняла Микеля, как бабочку, и закружила над Мирандой. «Ланселот» надежно защищал его. Он долго летел в безвоздушном пространстве. Периодически на поверхности Миранды загорались и тут же гасли вспышки. Наверное, «Ланселот» отфильтровывал поступающую из внешнего мира информацию и пропускал лишь ту часть, которая была необходима для того, чтобы передвигаться в пространстве. Нажав на кнопку управления, которая, как и все остальные находилась внутри скафандра, Микель приземлился. Придя в себя, он обнаружил, что вокруг него бурлит расплавленная порода, плывет, пузырится, лава.

Над его головой по-прежнему гремели реактивные установки. Он должен был найти укрытие или атаковать врага, или просто сделать что-нибудь, но он не был уверен, что предпринять. Вступить в схватку с врагом было бы бессмысленно. Микель не шевелился, в отчаянии прислушиваясь к происходящему. Наконец, среди

грома сражения он различил звуки радиопереговоров между незнакомыми ему станциями. Информация передавалась со сверхъестественной скоростью на языке, который он никогда не слышал.

Поисковый луч остановился на Микеле, затем ушел в сторону. Через некоторое время луч вернулся, чтобы окончательно остаться на лице мальчика.

Как когда-то в детстве в кошмарном сновидении, Микель вскочил на ноги и побежал. Он бежал, охваченный паникой, забыв обо всем на свете, в том числе и о «Ланселоте».

В панике Микель забрался вглубь горного массива. Как только он пробежал под кучей светящегося шлака, он обнаружил, что как таковой почвы под ногами не было. Охваченный страхом, он в отчаянии прибегнул к команде «Ланселота». Вытянув вперед руки, он нырнул в темноту, заскользил между громадами горной породы, возвышающимися по бокам от него.

Он был снова в открытом космосе. Впереди показалось облако; он влетел в него. Сейчас Микель в «Ланселоте» был наконец один. Бормотание вражеского радио прекратилось. На других волнах он различил человеческие голоса. В конце концов, ему придут на помощь, если он, конечно, сможет продержаться до тех пор. Передышка позволила ему собрать силы. Он попытался обдумать свои дальнейшие действия. Остаться здесь или двигаться дальше? Он не знал, где он находится. Как далеко отсюда до Центра управления? Он не был уверен, правда, и в том, стоит ли ему вообще пытаться добраться до него.

Раздался взрыв, и волна газов накатила на облако, защищавшее его, распыляя дымку. Больше не было слышно человеческих голосов, только чужая речь раздавалась в эфире. Луч локатора снова сверкнул Микелю в глаза. На этот раз ему удалось зафиксировать источник луча — он находился на расстоянии ста метров. Что-то двигалось навстречу ему. Он рванул в противоположном направлении. За ним двигалась со скоростью реактивного самолета группа преследователей, которые поведением немного были похожи на людей, но внешне отличались. Микелю удалось увеличить скорость и он оставил врага далеко позади. Но теперь сигнальные лучи светили со всех сторон.

Микель приземлился. Его ловко окружили какие-то

незнакомые существа. Микеля в очередной раз охватила паника, но он сумел скрыться от преследователей через «внутреннюю дверь». Мальчик очутился в тех пределах «Ланселота», в которые раньше только мельком заглядывал. «Ланселот» был его надежным укрытием, и это радовало. Время превратилось для Микеля в неподвижный сгусток энергии.

Через призму теперешнего своего восприятия всего происходившего Микель увидел приближающуюся к нему нечеловеческую руку. Значит, подумалось мальчику, неизвестные существа не собирались его убивать, им было нужно от него что-то другое... Через силовые поля «Ланселота» прикосновение руки, казалось, было нечеловеческим, причиняющим боль. Стальной механизм, по мнению Микеля, касался бы намного мягче. Точными и быстрыми движениями Микель оттолкнул мерзкую «руку». Он успел обратить внимание, что металлические щупальца руки берсеркера медленно потянулись назад, а затем снова по направлению к нему. В нескольких метрах показалась еще одна машина без лица. Микель неспешно повернулся к ней. Его пальцы были подняты и зафиксированы в положении, которое они никогда не принимали ранее. Пальцы Микеля с помощью «Ланселота» выстрелили потоком огня, конструкция превратилась в сгусток расплавленной керамики и металла...

Но уже новый берсеркер стоял рядом в ожидании схватки и протягивал к Микелю свои руки. Они передвигались так же быстро, как и он сам. Руки берсеркера готовились к победе над мальчиком.

— Но и мне рано сдаваться,— сказал мысленно Микель.

На границе сознания Микеля и могущественного существа под названием «Ланселот» гнев и ненависть сменялись энергией разорвавшихся ядер водородных частиц. Микель выпустил еще один снаряд во врага.

Безобразные, длинные щупальца берсеркера потянулись к Микелю. Ранее преследовавшие мальчика существа снова появились в поле зрения. Они приближались к Микелю, затем окружив его плотным кольцом, напали на мальчика, стали сдавливать его ноги, руки. Но «Ланселоту» (Микель не понял даже, как это произошло) удалось высвободить Микеля и унести с невероятной скоростью к орбите Миранды. Путь в космос был закрыт для него, поскольку небо заполнили враги.

Но ведь все-таки еще были станция, Солнечная система. Спасательные силы должны быть на подходе... Где же вы?..

Монотонное жужжание берсеркеров следовало за Микелем по всему эфиру. Здание Центра управления показалось впереди, и Микель резко затормозил. Были подняты все зеркальные щиты защиты, такие нереальные, если смотреть на них издалека. Над щитами была видна на высоте пятнадцати метров полуразрушенная гора Миранда, мрачное чудовище, сидящее на серебряном стуле.

— Захочешь ли ты сражаться с берсеркерами, мальш? — вот то, что чудовище спросило Микеля.

В эфире были слышны пронзительные голоса преследователей, которые уже, казалось, догоняли его.

Еще раз «Ланселот» увел Микеля от опасности. Мальчик сейчас впервые ощутил степень напряжения, которое «Ланселот» мог оказывать на соединенное с ним человеческое сознание. Ощущение нереальности происходящего парализовало мышцы мальчика, он весь расслабился. Тем временем «Ланселот» схватил стальную руку берсеркера, она согнулась, металл стал ломаться в плотных тисках. Микель, прямо-таки своим сознанием и телом связанный с «Ланселотом», почувствовал, как что-то тяжело упало на него, опутало с неимоверной силой его руки и шею... У Микеля не было времени даже сообразить, что это было такое. «Ланселоту» каким-то образом удалось наполовину вытащить его из плена, шипящие монстры не смогли парализовать движения Микеля.

Но полностью Микель не был свободен. «Ланселот» ему помог только частично. А в это время слишком большой вес врага давил Микеля, тиски были настолько сильными, что мальчик был не в состоянии согнуть, сломать или разорвать их.

Микель услышал свой собственный пронзительный, совсем детский, крик, который раздавался в пустоте... Затем кто-то сильно потащил «Ланселота» за ноги, и Микель со всей силы ударился скафандром, который прочно защищал его лицо.

Напрягая все силы «Ланселота», которыми он еще мог управлять, Микель сделал отчаянное усилие, чтобы освободиться. Гора затряслась, когда «Ланселоту» уда-

лось вытащить ноги из железных лап монстров. Но берсеркеры не собирались отступать.

Микель ясно осознавал происходящее. Наконец, они прижали мальчика к земле и пытались натянуть на него пузырь с воздухом.

Вдалеке все еще было видно свечение радиационного излучения. Слышно было, как сотрясались горы, что говорило о том, что сражение продолжалось. Но сигнала о помощи нигде не было слышно, да и помогать было уже поздно... Металлические пальцы проворно ощупывали ремни «Ланселота». Наконец, ремни были обнаружены и... Микеля вместе с «Ланселотом» умело, «поматерински заботливо» разделили на две части...

ГЛАВА IX

В то время, как его собственные аналитические системы работали с образцом крови, взятой у женской особи живого объекта, который Координатор заказал себе, он направился в отсек управления кораблем. Отсюда он осуществлял управление всеми важнейшими системами корабля. Промедление в несколько секунд могло стать роковым в космическом бою. А решающая битва была очень близка.

Вражеская станция на Миранде не была такой беззащитной, как показалось вначале. Со всех сторон уже спешили корабли живых существ. Но и у Координатора скоро будет могущественная поддержка. Программное обеспечение проинформировало его, что пора бросить все имеющиеся в наличии резервы на захват или уничтожение живого объекта под названием МИКЕЛЬ ДЖЕ-УЛИНКС.

С самого начала своего нелегального пребывания в Солнечной системе память Координатора заключала в себе информацию о всех местных ресурсах, к помощи которых можно было бы обратиться при необходимости. В реализации нынешнего плана принимали участие боевые единицы, которые долгое время были спрятаны на Обероне в ожидании того дня, когда Солнечную систему можно было бы успешно атаковать.

Шесть боевых кораблей берсеркеров среднего класса были спрятаны здесь задолго до того, как вражеский лагерь, эти живые существа решили установить на Миранде свою станцию.

Эти шесть кораблей предназначались главным компьютером берсеркеров (в некоторых случаях известным человечеству под именем «Директор») для того, чтобы сформировать один из передовых отрядов той армады, которая должна была нанести решающий удар по Земле. Но Директор проинформировал своего агента, что захват или уничтожение объекта по имени Микель Джеулинкс имеет такое же значение, как и уничтожение основного пристанища врагов — Земли. Одно это название вызывало у берсеркеров ненависть, если только машина была способна испытывать какие-либо чувства.

Главным в этой операции было точно рассчитать время. В одной из кают держали захваченную на Земле женщину. Она могла пригодиться, ибо была биологической матерью объекта Микель Джеулинкс, а наблюдения за человеческим поведением показывали, что такие незрелые живые объекты, каким был и Микель, часто очень зависят от родителей.

Берсеркер, находившийся в отсеке управления, проигнорировал сигналы, которые посылал ему патрульный корабль людей. Тогда патруль быстро пошел на сближение, чтобы перехватить незнакомца.

Координатор направил на Оберон сгусток информации на диапазоне между световыми радиоволнами, чтобы их не засекли люди.

Это встряхнуло спрятанные там боевые единицы. Сигнал разблокировал их систему управления. Они были приведены в состояние боевой готовности в вооруженной тактикой действия согласно требованиям нынешней ситуации.

Последовавшее за этим сражение на Миранде и вокруг нее было непродолжительным. Координатор наблюдал за быстрым преодолением вражеского сопротивления испытывая нечто вроде удовлетворения, но на уровне электронных частиц.

Не ожидавшие внезапного нападения патрульные корабли были быстро уничтожены. Здание Центра управления, окруженное автоматической защитой, было заблокировано и отрезано от внешнего мира.

Пройдут целые часы, прежде чем по сигналу полу-

ченному с Миранды будут запущены корабли в каком-нибудь регионе Солнечной системы, не говоря уже о том, что им потребуется время, чтобы достигнуть Миранды.

Захватив Микеля Джеулинкса, а также оружие, которое он мог использовать против них и которое было почти неповрежденным, Координатор достиг максимальных целей, на которые он был запрограммирован.

Остаться около Миранды даже на то короткое время, которое необходимо для того, чтобы уничтожить оставшиеся на ней живые существа, означало бы поставить на карту успех так удачно начатой операции.

Опасаясь серьезной погони, а живые существа наверняка не оставят без ответа вторжение в самое сердце своего существования, Координатор скомандовал отход.

Корабль в сопровождении трех уцелевших спутников-берсеркеров под непосредственным руководством Координатора покинул систему Урана и с максимальной скоростью двинулся обратно.

Как только входящим в состав экипажа берсеркерам людям, то есть «хорошим организмам», разрешили снять акселерационные костюмы, они начали празднование победы. Но Координатор посчитал их радость преждевременной и неуместной и пресек ее.

Необходимо было сделать еще одно срочное дело, в котором помощь «хороших организмов» была необходима.

Боевая система «Ланселот», захваченная берсеркерами, могла самоуничтожиться. Или же она могла пострадать по какой-нибудь другой причине. Поэтому главным было сейчас срочно осмотреть систему и провести ее предварительную профилактику, а если будет такая возможность то и испытания.

* * *

Даже будучи запертой в каюте, Элли Темесвар сразу поняла, что корабль, в котором она находится, оказался в центре космического боя. Это подтверждал и гул, стоявший вокруг, и неравномерное движение самого корабля, явно совершавшего какие-то маневры.

До того, как ее подвели к Координатору, Элли была уверена в том, что находится в руках людей с нарушенной психикой и недоразвитым интеллектом.

Появление настоящего берсеркера в качестве глава-

ря изменило ее точку зрения. И все-таки казалось невероятным, что у берсеркеров было достаточно вооружения для того, чтобы уничтожить станцию на Уране — в конце концов это ведь Солнечная система!

Но нельзя было усомниться в том, что она действительно слышала и ощущала.

Корабль сильно качнуло, что говорило о том, что он приземлился на горную поверхность спутника Урана. Несколькими минутами позже бой утих, и корабль снова взлетел в неизвестном направлении. Сердце Элли заволновалось, когда она услышала человеческие голоса, говорящие с ликованием. После бесконечно долгого отрезка времени дверь ее каюты открылась. Удивления особого у Элли не было, но сердце ее чуть не остановилось, когда она увидела робота ростом с человека. В женской головке пронеслись беглые образы предстоящей внезапной смерти... Ее похолодевшее тело будет выброшено в космос...

Но робот не собирался убивать женщину. Развязав стягивавшие Элли ремни, он отступил назад, указывая на дверь одной своей рукой, вполне похожей на человеческую. Элли с трудом пришла в себя от страха и неожиданности, нетвердыми шагами направилась в сторону туалета. И робот не попытался даже ее остановить, но последовал за нею, контролируя каждое движение.

Присутствие робота не смутило Элли в такой степени сильно, как если бы на его месте вдруг оказался человек, но интуитивно она чувствовала, что должна была бы ощущать себя неловко.

Когда Элли поняла, что смерть в ближайшем будущем не оборвет ее существование, она опять почувствовала легкое головокружение. Она заставила робота ждать еще немного, пока она мыла руки и пила воду. Затем Элли позволила роботу взять себя за запястье и повести по узкому коридору. Большую часть пути в отсек управления впереди шел еще один точно такой же робот. Он нес на руках ребенка со светлыми волосами в оранжевом костюме.

Взглянув на мальчика, Элли подумала: «Это ребенок с фотографии». Во всяком случае, сходство было очевидным. Неужели это ее биологический сын? Микель? Должно быть, он не испытывал ни малейшего волнения, думала Элли.

Отсек управления был гораздо больше, чем она пред-

ставляла себе. В отсеке были две «женщины» и двое «мужчин» явно земного происхождения. Одна «женщина» была смуглой, восточного типа, гораздо стройнее той, которая приходила к Элли в каюту. Наблюдая за этой четверкой, Элли была поражена некоторой беспомощностью, отличавшей их от людей. Хотя она не могла точно сказать, что натолкнуло ее на эту мысль.

Микеля поставили на ноги, он мог стоять без постоянной помощи. Его затуманенные глаза скользнули по лицу Элли, но никакой реакции она в них не увидела.

В центре зала восседал Координатор, который был похож на паука, сидящего по-хозяйски в центре паутины проводов и кабелей. Перед ним на кресле лежало то, что казалось небрежно брошенным куском прозрачной ткани.

Несколько минут после прихода Элли все оставались в молчании. Немного скучая, подопечные Координатора ожидали сигнала. Элли вспомнились службы в Храме. Затем, должно быть, Координатор дал приказ. Робот, державший Элли за руку, выпустил ее и направился к креслу. Затем он поднял ткань. Только сейчас она заметила, что вторая рука робота была повреждена: она была вывихнута, металлическая поверхность в нескольких местах была разорвана. Без сомнения, это случилось в недавнем бою. Хотя, какое оружие могло так покалечить ему руку? Элли услышала гневный голос Координатора:

— Живой объект под названием «Темесвар», вы будете идентифицировать это оружие.

Смысл произнесенных слов не сразу дошел до сознания Элли. Она в отчаянии оглянулась, испугавшись, что пропустила что-то очень важное. Но потом она увидела, что все смотрят на ткань.

— А что это, на кресле? Наверное, защитный скафандр? Больше я ничего не могу сказать об этом. Прошло слишком много лет с тех пор, как я имела дело с оружием.

Элли почувствовала удивление и легкий стыд от того, что она так явно показывает свое желание выжить, что готова отвечать на любые вопросы Координатора, и как можно подробнее. Координатор сказал:

— Объект Микель Джеулинкс! Отвечайте!

Глаза мальчика внимательно изучали лицо Элли. Микель не переставал смотреть на нее даже тогда, когда

отвечал берсеркеру. Ему не было страшно. Возможно, это было потому, что он еще находился в легком шоке от происходящего.

— Это то, что мы называем «Ланселот». Вы это должны знать...

Сказав это, Микель перевел взгляд на железного монстра, который, скорее всего, отдаст приказ убить их.

Затем, очевидно, был отдан очередной приказ. Робот с покалеченной рукой медленно и аккуратно начал надевать на себя прозрачную ткань. Он был похож на актера в мантии, или также на скелет, примеряющий чье-то свадебное платье. Складки платья теряли четкость очертаний по мере удаления от тела робота, становясь невидимыми. Очевидно, это были комплексные силовые поля, хотя Элли не могла сказать точно, какие.

Закрепив ткань на теле и голове, робот начал потихоньку двигаться. Он ступал с «грацией» собранного инженерами металлического скелета. Это напоминало Элли пляску смерти, которую она уже где-то видела.

Ее поразило то, как Микель смотрел на робота. Было непонятно, о чем он в эту минуту думал. Элли перевела взгляд на гротескную фигуру робота и только через несколько секунд поняла, что в испытании произошел какой-то сбой.

Здоровой рукой робот нащупал на груди ремень и попытался развязать его. Потом он вдруг схватился за голову, как будто бы в страшном испуге. Затем он грузно упал на пол. Два других робота подошли к нему. Они быстро отстегнули ткань с неподвижного тела своего коллеги. Координатор на это никак не отреагировал, а только сказал:

— Нужен еще один доброволец.

Поднялись четыре руки. Элли заметила, что рука Стила поднялась немного позже остальных.

— Объект Мабучи,— произнесла машина. Дьякон подошел к тому месту, где лежал скафандр. Это был мужчина очень крепкого, можно даже сказать, массивного телосложения. В его взгляде Элли прочла смесь экстаза и страха. Он протянул руку к ткани, но затем, будто обжегшись, отдернул ее, в то время как берсеркер сказал:

— Ты наденешь «Ланселот». Когда сделаешь это, начнешь движение, но только строго по моей команде.

— Да, господин, — голос у дьякона был очень низ-

ким, и Элли скорее разобрала то, что он сказал, лишь по губам. Она решила, что он психически был ненормальным. Но почему же раньше, в Храме, она не замечала этого?

Мабучи помедлил что-то делать, видимо, размышляя над тем, не снять ли ему свой серый хитон, но в конце концов решил все-таки не делать этого, так как роботы уже принялись надевать на него сверкающую ткань.

Сначала Элли показалось, что его голова осталась непокрытой, потом она заметила еле различимую дымку вокруг головы, своего рода нимб. Роботы, выполнив задание, отступили на несколько шагов назад.

Глаза Мабучи были закрыты, он вытянул руки вперед как слепец. Казалось, он прислушивается к чему-то. Затем его глаза открылись, и он произнес:

— Я умираю?

Он задал этот вопрос голосом человека, который скорее хитрит, чем смирился со своей судьбой.

— Я не вижу никаких признаков... — Координатор не договорил. Мабучи повернулся и направился к нему. Роботы сразу схватили Мабучи за руки, а позади Координатора откуда-то появился робот со светящейся сетью в руках. Но Элли не заметила, как Мабучи освободил правую руку. Испуская рычащие звуки, он ударил робота слева. Его рука, покрытая светящейся тканью, которая казалась когтистой лапой какого-то хищника, живописно обрушилась на робота. То, что у человека было бы лицом, было стерто, превратилось в расплавленное месиво, похожее на жидкую мастику.

Роботы уже накинули на Мабучи светящуюся сеть и пытались усмирить его. Один из них развязал ремни на его теле и шее, и скафандр тут же упал с головы. Раздался сухой треск, и Элли увидела посредине лба дьякона черную дыру диаметром с карандаш. Его тучное тело повисло на руках роботов, Мабучи дернулся несколько раз и вскоре совсем затих, опустив голову.

Элли посмотрела на Микеля, их взгляды встретились. На лице у мальчика был написан ужас. Интересно, понимал ли он еще то, кем для него она была?

Не успев заговорить с мальчиком, Элли была вытолкнута из зала в коридор подошедшим к ней роботом. Она оглянулась, чтобы в последний раз взглянуть на сына...

* * *

Сила притяжения ослабла. В здании Центра управления работали системы жизнеобеспечения, все еще находясь в аварийном режиме. Тупелоф разговаривал с оператором в уцелевшем помещении Тиккера:

— Скажите адмиралу. Пусть обходится без нас. Атака закончилась. У нас функционируют жизнеобеспечивающие системы и несколько кораблей. Пусть готовятся к перехвату.

— Сэр, если бы Вы...

— Я занят. Я уже говорил им. Теперь вы скажите.

Ему не хотелось вступать в дискуссию с Президентом. Он начнет задавать вопросы, отдавать приказания. Это не дает Тупелофу возможности сделать единственно правильный выбор. Он еще не решил, оставаться ли ему здесь или же собрать все оставшиеся корабли и начать преследование самим. Он прошелся по залу, слегка покачиваясь на ногах. Ускорение здесь было слегка ниже нормы и его немного укачивало. Пройдя к аварийной станции, он спросил:

— Полковник Маркус здесь?

Маркусу нужно было отдать должное, он прекрасно действовал, особенно когда дело доходило до таких передряг, как сейчас. Каким-то образом посадив корабль на базу, Маркус тотчас же вылетел на другом корабле. Его целью было отлететь на то расстояние, с которого можно было сфотографировать события, происшедшие на станции два часа назад.

— Он вернулся, сэр. Хотите поговорить?

— Нет, не нужно. Покажите мне лучше, что он снял.

На экране появилось изображение в трех измерениях.

— Они прилетели с Оберона. Будь они прокляты!

На экране возникли шесть кораблей берсеркеров. Один из них разорвался на полпути. Они точно знали свое назначение. И ради чего рискуют. Кто-то остановился позади Тупелофа. Не оглядываясь, он понял, что это была Кармен. Никто не проронил ни слова, пока на экране была видна вспыхивающая то тут, то там поверхность Миранды.

А теперь фотоинтерпретаторам предстояло сделать самое трудное — увеличить фигурку в оранжевом костюме — маленькую точку, окруженную железными

монстрами. Кольцо сжималось, а потом оранжевая точка оказалась наверху. Какое все же совершенное было оружие!

— Мальчик еще жив? Хотя бы это я могу знать? — спросила Кармен.

Тупелоф был настолько сосредоточен на схватке, что смысл вопроса дошел до него не сразу. Оранжевое пятно подняли на борт корабля, и только после этого Тупелоф промолвил:

— Нет, Кармен, я ничего не могу сказать пока! Ты что, обиделась? — спросил ее резко Тупелоф.

— Я лишь хочу знать, — сказала Кармен, — что вы делаете для того, чтобы спасти моего сына. Они схватили его? Схватили?

— Ты мне только мешаешь! — раздраженно сказал Тупелоф. — Я сделаю все, чтобы вернуть его. Правда!

В комнату вошли люди и, взяв Кармен под руки, вывели ее. Обессилившая, она не оказывала сопротивления.

Не успел Тупелоф перемотать изображение, как вошла женщина и сказала:

— Сэр! Президент на связи. Он настаивает на том, чтобы вы лично отчитались о событиях. Мы выяснили местонахождение мистера Ломбока. Он сейчас в больнице на Земле.

Тупелоф громко сказал, куда этому Президенту следовало пойти... Девушка покраснела. Такого она еще не слышала от него.

На обратном пути Тупелоф прошел мимо ниши, в которой полковник Маркус расшифровывал запись. Он говорил дешифровальщикам:

— Он звал меня, когда они схватили его. Я не знаю, я просто не знаю, как же так...

ГЛАВА X

Даже освобожденный от «Ланселота», Микель мог ощутить, что скорость маленького корабля жизни была очень высокой, поскольку он летел от Миранды. Как только корабль вышел на курс, он заметил, что искус-

ственная гравитация этого корабля, как и на Джоан Карлсен, была на уровне поверхности Элиайн.

Когда робот убрал «Ланселота» в комнату контроля, Микель почувствовал, что у него еще есть время, что машина еще продержится, и он лелеял надежду, что разрушение вызовет цепную реакцию и уничтожит также Координатора. Но этот план не соотносился с его рабством до суда, и надежды Микеля рушились.

Он не ожидал, что человек («хороший организм») также преуспеет, и смерть не станет большой неожиданностью для Микеля. Смерть он ощущал и раньше, не зная, какова она, но в этот момент она почти ничего не значила для него. Одним врагом стало меньше, а Координатор потерпел поражение.

Поскольку он еще был жив, берсеркер, очевидно, рассчитывал на нечто большее, чем смерть, и он ожидал, чтобы выяснить, что же это именно. После того, как коренастый человек был застрелен, светловолосая женщина, которую не слушались машины, была выведена из комнаты контроля. Она чем-то напомнила Микелю его мать, и мысль о матери, погибшей в Миранде, заполнила на время все его размышления.

«Ланселот» теперь снова лежал на капитанском кресле. Три робота все еще находились в комнате, их обязанности на время прекратились, они не двигались, став почти инертными механизмами. Теперь Микель остался наедине с Координатором.

Во время всего происходящего он стоял, а теперь подошел к креслу — конечно, не к капитанскому — и уселся, разматывая в памяти клубок, как большой паук на консолях.

Усевшись, он выжидал. Микель тоже ждал. В установившейся тишине, которая, казалось, сгущалась в комнате контроля, Микель вслушивался в каждый звук, который мог исходить от главного врага, но ничего не было слышно. Было так тихо, что он подумал, что можно даже без помощи «Ланселота» услышать, как стучит его сердце.

Как долго он ждал, Микель не знал. Страх возвращался к нему волнами, и он боролся с ним, стараясь защитить свою психику. Он почувствовал, что может хотя бы в этом преуспеть.

Как только он удостоверился в своей силе, берсеркер заговорил:

— Я обещаю тебе покончить со страхом.
— Ты имеешь в виду меня убить?
— Нет же. Я вычислил, что ты уже знаешь, что я имею в виду другое.

Сначала берсеркер дал время Микелю для ответа, потом продолжил:

— Плохие организмы, которые и использовали тебя, могли бы тебя сейчас убить, если могли. Разве не так?

— Возможно,— ответил Микель. До этого момента он об этом не подумал, но сейчас слова берсеркера запали ему в душу.

— Но они не могут настичь тебя. Я тебя защищу от них.

— Что вы мне сделаете?

— Я возьму тебя в безопасное место, где у тебя будет долгая и счастливая жизнь.

Микель в этом усомнился...

— Почему?

— Да тебя надо изучать из-за твоих особых качеств, мальчик! Но изучение не будет разрушающим. Добрым, мягким и умным. Твоя уникальность не будет уничтожена и навсегда останется хрупкой.

— Что произошло с другими людьми? — Микель внезапно взорвался.— Я имею в виду тех, на Миранде.

— Возможно, многие еще живы. Убивать их не было моей главной целью.

— А что с теми, на корабле? На том, что пролетел около меня, когда я... я...

— Он был поврежден, но не разрушен. Почему это тебя интересует? Все эти единицы жизни теперь твои враги.

— Моя, моя мама была на этом корабле.

По мере того, как Микель говорил, он ощутил маленькую, но резкую перемену в инерционном поле, которое занимало его тело. Эс-плюс полет теперь начался всерьез. Сейчас преследование со стороны сил людей будет куда более трудной проблемой, хотя и разрешимой. Если, конечно, верить книге приключений.

Берсеркер сделал паузу, как будто для того, чтобы компьютеризовать следующий ряд слов.

— Ваша мать,— сказал он Микелю,— женская единица жизни, в чьем теле формировалось твое. Эта живая единица на борту нашего корабля. Ты видел ее уже в этой комнате.

Микель не мог сразу осознать смысл этих волнующих его слов. Еще раз проговорив для себя слова, сказанные берсеркером, он не мог не признать, что это была правда. Он давно знал, что был усыновлен, и он когда-то слышал, что в Элиайн делалась попытка придать новым родителям черты биологических, даже во внешности. Не было сомнения, что женщина, которую он только что видел, выглядела, как его мать. Но, если предположить, что берсеркер сказал правду, что это могло значить для него в данный момент? Берсеркер не собирался убеждать Микеля, по крайней мере, сейчас. Вместо этого он спросил:

— Когда, интересно, ты впервые испробовал приспособление, называемое «Ланселот»?

Будь у Микеля возможность знать заранее, что его спросят, он все бы обдумал и попытался скрыть истину. Сейчас такой необходимости уже не было.

— Только несколько дней назад, — ответил мальчик.

— Где?

— На Мунбейз.

— Каковы были результаты этого первого теста для тебя?

— Для меня? Ничего особенного, — руки Микеля крепко ухватились за ручки кресла, но не так крепко, как когда он только сел несколько минут назад. Мускулы напряглись, пытаюсь расслабиться.

— И каково же было воздействие на тебя астрагалуса и кольца?

— Воздействие чего? — в памяти Микеля возник след, почти исчезнувший, от подслушанного разговора о том, что «астрагалус — это...»

Берсеркер не стал настаивать на чем-либо именно сейчас. Он лишь спросил:

— А где ты был до того, как попал на Мунбейз?

— На Элиайн, конечно. Это планета возле...

— Почему тебя избрали носить «Ланселот»?

— Я полагаю, потому что другие люди начинали сходить от воздействия «Ланселота» с ума. Вы понимаете? Испробовали множество людей, но...

Теперь Микель ощущал толчки, усиливающиеся по длине и частоте. Если бы у него был экран... Но что это ему дало бы?

— Объясни значение и предназначение «Ланселота», — требовательным тоном сказал берсеркер.

Микель попытался вспомнить, что ему говорили об этом некоторые люди на Мунбейз.

— Это имя человека из старинных сказаний, знаменитого воина. В давние времена, когда люди сражались большими мечами и ездили на животных, только один человек мог его победить. Его сын.

— Ты хочешь увидеть сейчас свою мать?

Нервы Микеля сжались в комок. Потом он понял, что машина имела в виду.

— Вы говорите о женщине... что была здесь.

— Я сказал тебе, что это твоя мать.

— Я хочу, да хочу ее увидеть. Мне бы так хотелось поговорить с ней...

Роботы снова пришли в легкое движение. Открылась дверь, и у Микеля в очередной раз дрогнуло сердце, но только на мгновение, при виде высокой светловолосой женщины, стоящей в коридоре.

* * *

На борту большого корабля, также несущегося с нарастающей скоростью света, Тупелоф занимал боевое кресло в выдвинутом положении на мостике. Кармен сидела в кресле возле него. Защитные механизмы кресла, в этот момент были отключены, и она могла положить голову на плечо Тупелофа. У нее была поза усталой любовницы.

— Я слышала, ты отдал приказ флоту прекратить преследование,— сказала она,— и попытался пойти на перехват.

— Да. У нас больше шансов при этом. Другие силы намерены продолжить преследование, ты понимаешь, и они будут двигаться по следу так долго, как смогут. Прыгающий корабль оставляет особый след, ты знаешь?

— Но как мы сумеем перехватить их, если не знаем, где они его взяли?

Через весь центр мостика, окруженного креслами офицеров, был выгравирован и освещен сплошной дисплей целой известной галактики, модель «в десяти дюймах тысяча световых лет».

Большинство своего времени Тупелоф проводил, разглядывая этот дисплей, он и сейчас смотрел на него.

— Я просто выбираю решение, вот и все,— он бросил взгляд на Кармен.— Ты выглядишь очень усталой.

Она осмотрела себя. Пожалуй, впервые со дня атаки. Дважды она спала в этой одежде и подумывала, что ей пора переодеться, но потом совершенно забывала об этой мелочи. Поиски сына всецело захватили ее.

— Хорошо, я достану что-нибудь новое,— сказала Кармен, устало улынувшись.— Выбирать — это лучшее, что мы можем сделать?

Тупелоф посмотрел на нее, как ей показалось, странным взглядом и сказал:

— В этом я разбираюсь лучше тебя. Другие лучше разбираются в сражениях. А я в этом.

— Выбирать, так выбирать. Не так ли?

Тупелоф, казалось, принял решение. Забыв на мгновение об огромном дисплее, он потянулся и открыл маленький ящик, стоящий на панели управления перед ним.

— Ты что-нибудь слышала об этом? Ну, может быть, какие-то слухи доходили? Они были привезены Элли Темесвар и Фрэнком Маркусом из места, которое мы называем Тадж. Если эти два предмета что-нибудь доказывают, а я верю, что да, это и шанс, и разгадка, и новые физические законы, которые совершенно не соответствуют нашим.

Два предмета лежали у Кармен на ладони. Один — маленький, почти кубической формы, с четко закругленными краями. То, из чего он был сделан, напоминало кость. На каждой из его шести практически плоских поверхностях были знаки, обозначенные точками, он не сильно отличался от обычного игрового кубика.

Другой предмет — простое металлическое кольцо, довольно большое, но подходящее для того, чтобы его носить на большом пальце руки.

— Я не понимаю, что...

Тупелоф взял кубик с ладони Кармен:

— Мы зовем это астрагалус,— сказал он.— Как кость, используемую для игры в древние времена.

Он покатал кубик по плоской поверхности панели перед собой. Кубик останавливался всегда с изображением одной точки на верхней его грани. Тупелоф бросил его еще раз с тем же результатом. Снова и снова.

— Вроде, как загруженная кость? — спросила Кармен.

— Нет. По крайней мере, она не заполнена чем-то физическим, тем, что могли бы обнаружить наши прибо-

ры. Ее баланс соответствует законам теории вероятности, как и у всякой фишки. Но это не фишка. При всякой попытке бросить кубик — наверху поверхность с одной точкой.

— При каждой?

Он показал это еще раз.

— А что касается кольца? — Кармен начала вертеть кольцо пальцами, поворачивая его так и этак. Потом положила на ладонь.

— Я не смог надеть его на свой палец. И другие тоже пытались, но тоже безрезультатно. Посмотри на него наружный край. Что-нибудь тебя поразило?

Повертев кольцо в очередной раз, Кармен заметила, что поверхность края иногда затуманивается, как будто она движется с другой скоростью, чем вещество внутри кольца. Это движение или скольжение немедленно прекратилось, когда она подержала кольцо неподвижно. Она описала все замеченные детали в подробностях Тупелофу, добавив:

— Уверена, что это можно разными способами изготовить по нашей технологии. Ты это имел в виду?

— Нет. Но оказалось, что это имеет какую-то связь с удивительными вещами, и порой мы находимся на грани нового открытия. Одно из них заключается в том, что длина окружности кольца, которое ты держишь, равна диаметру, умноженному на три.

Через несколько минут Кармен сказала, что кольцо представляет собой идеальную окружность.

— Да, конечно. Все очень просто, но нереально.

Увидев удивленный взгляд Кармен, Тупелоф сказал:

— Позднее возьми что-нибудь, чтобы его измерить, и ты не сможешь этого сделать.

Он взял из ее рук кольцо и кубик и положил их обратно в ящик. Затем, посмотрев на дисплей, он сказал:

— Микель, надо думать, уроженец тех мест, где были сделаны эти вещи. Он был там зачат и затем отправлен в мир. Наш мир.

Чувство страха глубоко пронзило Кармен.

— Что ты имеешь в виду?

— Я и сам почти не знаю, что я имею в виду. Возьми эти артефакты. По виду они нормальны. На чем базируются их особенности, мы не можем измерить, или обнаружить. Они только запутали наше представление о вселенной, отвергнув открытые нами законы физики. Они

подобны... неким школьным предметам, загадки которых надо разгадать. Или...

— Или что?

— Заставить нас использовать их, открыть в нас самих другие возможности. А может быть, испытать нас. Я не знаю.

— Ты говорил мне, что Микель зачат в том самом месте. Ты назвал его Тадж.

— Да. Там. Но это нам не поможет, Кармен. Моя главная догадка в том, что Микель, наверное, взят к Правителям, но это только догадка, а не логическое заключение. Не волнуйся. Они причинят ему вреда не больше, чем берсеркеры. Я убежден, что у них нет намерения причинять ему зло.

Кармен откинулась назад в своем кресле. Ее глаза были закрыты. Губы слегка побледнели.

— Куда же мы тогда направляемся?

— Сначала на Элиайн, потому что он на нашем пути. Я хочу посмотреть, что мы сможем там собрать в свете новейшей информации. Потом мы двинемся вперед, с большим числом кораблей, которые я смогу заполучить у правительства Элиайн. Туда, где, я полагаю, находятся Правители, и где мы сможем перехватить Микеля, если его найдем.— Тупелоф наклонился, вонзив в дисплей световой указатель.— Вот здесь как раз Тадж. Здесь, возле Коре.

ГЛАВА XI

В какой-то момент путешествия, Микель не знал, когда именно, он вдруг обнаружил, что утратил чувство времени. У него не было ясного представления, сколько дней назад его взяли в плен.

— Хорошо, если это единственное нарушение в моем мозге от всего пережитого,— подумал мальчик.

Женщина по имени Элли, с которой Микель часто разговаривал, сказала, что она, видимо, была его биоматерью. Но они как-то об этом много не разговаривали, а может, и обо всем остальном тоже.

Кроме встреч с нею, контакт Микеля с человеческими существами был минимальным. Его постоянно сопро-

вождал один или даже два робота. Почти все свободное время он проводил один в маленькой каюте, которая была предназначена для него.

В определенное время ему разрешалось упражняться в небольшом гимнастическом зале корабля, где он работал с гириями и эспандерами, с мечами и колесами, занимался на тренажерах.

После этого его забирали в комнату контроля для долгих расспросов Координатора. Элли иногда бывала с ним в гимнастическом зале, но никогда — в комнате контроля.

Во время расспросов обычно присутствовали двое или трое «хороших организмов». Они обычно стояли или сидели позади, иногда выглядели так, будто бы они с большим удовольствием находились бы где-нибудь в другом месте. Обычно они молчали во время беседы.

Чаще других присутствовал человек, похожий на кусок металла, по имени Стил, который сидел во время этих расспросов рядом с полной молодой женщиной, чье имя Микель ни разу не слышал.

Иногда в разговорах принимала участие женщина более тонкая, восточного вида. Один раз Микель слышал, как Стил назвал ее Ноши.

Были ли это редкие встречи? Сколько встреч, сколько бесед с Координатором? Сколько их было всего? — Микель не мог вспомнить. Время покинуло его.

Может быть, берсеркеры дают ему наркотики или гипнотизируют его? Скорее всего, нет. Наверняка, берсеркеры должны доставить его к начальству в нормальном состоянии.

Микель даже пришел к выводу, что бесконечные расспросы связаны с тем, чтобы поддержать его ментальный статус, а не с тем, чтобы пропагандировать роль «хорошего организма».

— Расскажите мне о ваших людях-лучах,— сказал однажды Микель, когда остался один на один с роботом, сопровождающим его.

Тот, вроде как, заколебался, потом рассказал ужасную историю о том, как «хорошие организмы» помогают берсеркерам, готовы пройти пытки, предназначенные для «плохих организмов», чтобы доказать свою преданность.

— Я не хочу больше слушать,— резко оборвал его Микель.

Робот прервал свой рассказ на полуслове.

Когда в следующий раз Микеля позвали в комнату контроля, там уже находился Стил.

— Расскажи Микелю, — приказал Стилу Координатор, — о преимуществах жизни «хороших организмов».

— Хорошо, — быстро сказал Стил. Потом была маленькая пауза, которая показалась Микелю продуманной. — Итак, жизнь во многих смыслах хороша, но служение смерти еще лучше. Смерть всегда предпочтительнее.

— Чем же? — спросил Микель.

Стил изобразил изумление. Казалось, его поведение говорило: если ты не видишь этого сам, то что же я могу поделывать?

— Если бы ты больше знал о жизни, то не задавал бы таких вопросов! — сказал Стил вслух.

— Вы часто видели смерть? — спросил Микель.

— Смерть — конечная цель для всех нас, дар мира. Она...

— Но вы живы. И две женщины тоже.

— Мы нужны, чтобы участвовать в великой миссии. Пока нам отказано в вечном покое.

— Координатор, — Микель повернулся к машине, — этот человек действительно хочет умереть?

Вместо ответа раздалась странная музыка, нарушившая установившуюся было напряженную паузу.

— Я нужен, — повторил Стил, — ты понимаешь? И ты тоже нужен. Долгая жизнь тоже может быть полезна, если она направлена на служение великой цели.

Микелю показалось, что Стил ему подмигнул.

— Координатор! — голос Микеля дрогнул. — Если Этот человек хочет умереть, то убей его немедленно. Я буду счастлив увидеть его смерть. Мой разум станет стабильнее.

Стил сделал шаг к Микелю, но остановился — так это сделал бы выведенный вдруг из строя робот. На его лице отразился страх, и ему потребовалось несколько секунд, чтобы восстановить контроль над собой.

— Это невозможно, Микель, — сказал Координатор. — Ты пока не должен требовать уничтожения живых организмов. Я уверен, что это не принесет интеллектуальной стабильности. Твое предложение отклонено.

После этого интервью окончилось, и Микель увидел Стила очень нескоро.

До этого разговора Микель редко видел Элли с «хорошими организмами» в одной комнате. По какой-то причине берсеркеры не стремились предоставить им возможность общаться.

Элли могла передвигаться по кораблю в строго определенных пределах, как и Микель, и ее всегда тоже сопровождал хотя бы один робот. Поэтому любая попытка захватить спасательную капсулу, или испортить оборудование комнаты контроля не сулило бы успеха.

Микель и Элли были уверены, что тем или иным образом их беседы прослушиваются. Если не считать сам факт, что они были пленниками, то ничего ужасного пока не происходило.

Правда, Элли плохо выглядела. Она начала терять вес, серая одежда из Храма Последнего Спасителя становилась ей велика.

— Как ты переносишь это?

Элли подняла подбородок Микеля нежной рукой. При этом жесте робот и сопровождающие подались ближе, готовые присечь любую попытку нанести мальчику вред.

— Нормально,— отозвался Микель. Он говорил правду.— Ты знаешь, я расту. Мой костюм становится мне мал.

Оранжевый спортивный костюм, который время от времени попадал в чистку, оставался пока его временной одеждой.

— Конечно, так должно быть,— голос Элли прозвучал так, как будто она тоже потеряла чувство времени.— Но твои волосы стали короче.

— Берсеркеры подстригают их. Элли, если ты действительно моя мать...

— Да...

— То кто же мой отец? — Микель решил, что берсеркеры уже задавали ей этот вопрос и выяснили правду. Так что если они и услышат об этом вновь, то никаких тайн выдано не будет.

Но раздался голос Координатора, донесшийся через репродуктор робота-охранника:

— Отвечать нельзя.

Элли, устало отвернувшись, промолчала.

Микель посмотрел на нее. Подумав, он поинтересовался:

— Почему мне нельзя это знать?
— Будущее изменчиво, но прошлое изменить невозможно,— вот то, что он услышал в ответ.

* * *

Через несколько часов (а может быть, дней?) Микель был один в своей каюте, когда робот принес ему новую одежду, явно изготовленную здесь, на корабле. Одежда повторяла костюм Стила, только была меньшего размера. Вплоть до ботинок, кажущихся металлическими.

Вначале Микель хотел отказаться от новой одежды, но передумал и переоделся в свободную рубашку и короткие брюки светло-серого цвета. Затем с оранжевым костюмом в одной руке и металлическими ботинками, которые он все-таки не надел, Микель вышел из комнаты.

— Вот,— сказал он, войдя в контрольную комнату,— они мне совершенно не нужны.

С силой он швырнул ботинки к ногам, точнее, основанию Координатора, а оранжевый костюм — на кресло капитана. На этом стуле до сих пор лежал «Ланселот», такой же, как раньше, чуть поблескивающий от полей, которые казались прозрачной материей.

Ботинки звучно упали на пол, а костюм успел схватить на лету робот, который стоял за креслом, будто что-то охраняя.

Микель стал понимать, что единственный способ атаки Координатора — нефизический, но он может смешать, атаковать разум (мыслящее устройство) берсеркера.

«Мы — люди. Мы — лидеры, когда идет речь о сотрудничестве с машиной. Мы выиграем эту войну. Знай это, если кто-то будет тебя об этом спрашивать!» — вспомнились Микелю слова, сказанные как-то Фрэнком. Но для начала, Фрэнк, я должен многое осознать.

— Ты хочешь вновь надеть «Ланселот»? — неожиданно спросил Координатор.

— А вы дадите мне такую возможность?

— Пока нет. Это — не в моей компетенции. Возможно, Директор даст на это свое согласие. Что, скажи мне, ты чувствовал, когда впервые надел «Ланселот»?

— Мне казалось, что я принимаю участие в спектакле,— после этой фразы Микелю пришлось объяснять,

что такое спектакль, что он и сделал, но без особой уверенности, что Координатор правильно его понял.

— И какую роль ты играл?

— Я играл Оберона.

— На сцене ты исполнял роль пятого крупного спутника Урана?

— Нет, это такое существо. Я думаю, один из спутников назвали в его честь, а потом забыли. Это — литературный герой. В пьесе костюм был похож на то, что представляет собой «Ланселот». Просто совпадение.

— Что такое совпадение? — спросил берсеркер.

— Ты лучше меня это знаешь. И ты будешь продолжать задавать мне вопросы, ответы на которые тебе и так известны?

— Как ты знаешь, моя задача — следить за тем, чтобы твое мировоззрение не изменилось, пока ты здесь. Поэтому я проверяю тебя. Повторяю: что такое совпадение?

«Я не могу все оставлять неизменным. У тебя не получится», — подумал Микель.

— Я считаю, что совпадение — это такая ситуация, когда две вещи происходят одновременно без видимых причин.

— И персонаж «Ланселот» тоже был в той же пьесе, что и Оберон?

— Нет, в другой пьесе. Но он никогда не носил подобных костюмов.

— Но здесь нет пьес.

— Я так и думал.

— Приблизительно через пятьдесят пять стандартных минут корабль войдет в док станции, на которой тебя тщательно осмотрят. Затем через несколько часов наш полет продолжится, но уже на другом корабле, где будет больше места, он будет для тебя более удобным.

Десяток соблазнительных планов были развеяны несколькими словами. Этого Микель не предусмотрел. Хотя все было логично — у берсеркеров должны быть свои базы, как и у людей. И почему бы очередной базе не стать решающей в судьбе Микеля? Он только спросил:

— А Элли?

— Ты хочешь, чтобы твоя мать продолжила путешествие вместе с тобой?

Очевидно, если бы он ответил отрицательно, то судь-

ба Элли была бы решена, и, скорее всего, печально.

— Да, конечно, очень хочу, — сказал не раздумывая Мигель. Потом он спросил о том, что это за станция, на которую они должны будут прибыть?

— Я включу экран, когда мы приблизимся, тогда ты без труда сможешь ее хорошо рассмотреть.

Если бы Координатор действительно говорил правду, то Мигель чувствовал бы себя намного увереннее. Сейчас же они летели в пространстве Си-плюс, за окном корабля мальчик только и мог разглядеть искры света.

Через несколько минут, устроившись в кресле перед большим экраном (его робот-охранник продолжал стоять между Микелем и «Ланселотом»), Координатор увидел темный массивный объект, находящийся на расстоянии двухсот тысяч километров. Объект приближался к ним. Слишком большой для обычного корабля, он излучал тепло, очень хорошо виден в инфракрасном луче, но в то же время, оставался невидимым на частоте обычных волн, даже при увеличении.

Скорость быстро падала, достигнув уже менее тысячи километров в секунду. Станция берсеркеров все равно была плохо видна из-за звездной пыли и шумов. У Микеля возникло ощущение, что перед ним нечто необычное, ранее невиданное.

Что-то было не так. Но что? Конечно, с здоровой точки зрения, любая база берсеркеров — очень странное и необычное явление. Но в приближающемся объекте было все пугающим и роковым. Каковы были его цели? Может быть, это ощущение — плод воображения, страха, непокидающего чувства беспокойства? Микеля успокаивало то, что он надеялся, что все же Координатор был запрограммирован на то, чтобы не причинять вреда мальчику. Но какой была программа компьютерной станции?

За спиной Микеля прозвучал голос Координатора:

— Посмотришь: на новом корабле ты и твоя мать будете...

Фраза неожиданно прервалась. То, что было на экране, не было, по всей видимости, чем-то нормативным для берсеркеров. Интуиция подсказала Микелю, что было необходимо предохранять себя при падении, и он защитился руками, когда стремительный поток воздуха швырнул его на пол. Робот-охранник Микеля, в свою очередь, сработал безотказно, образовав своими четырь-

мя металлическими конечностями предохранительную ограду. Курс резко изменился. Корабль трянуло. «Ланселот» неожиданно пришел в движение и скользнул с капитанского кресла прямо на Микеля. Быстрое, безмолвное падение «Ланселота» было замечено роботом, машина одной из своих конечностей перехватила руку Микеля. Где-то за дверью закричала какая-то женщина. Не его ли это мать,— подумалось Микелю.

Еще немного — и он потеряет сознание, если ускорение не уменьшится. Казалось, что какой-то космический бог окутал корабль темным покрывалом. Гравитация начала было возрастать, но корабль изменил свой курс. Гравитация то исчезала, то опять возвращалась. Выбравшись из лап робота, который замер на одном месте, Микель прокатился несколько метров по полу. Рука, которой робот схватил «Ланселот», прекратила шевелиться. Прозрачные складки материи обвили конечность машины.

Когда гравитация снизилась, Микель обеими руками коснулся «Ланселота». Чувство было одновременно и знакомым, и поразительно новым. Он уже стал забывать свои впечатления, но теперь даже одно прикосновение к «Ланселоту» поддерживало внутреннее равновесие Микеля, увеличивало его силы. Тревожные воспоминания о том времени, когда он утратил «Ланселот», теперь были лишь неприятным давним сном...

Координатор странно молчал — то ли он был ло-
врежден, то ли борьба с укорением забрала всю его энергию. Робот-охранник тоже не подавал признаков жизни, хотя одна его рука продолжала держать «Ланселот», и Микель не мог сразу его высвободить. С огромным усилием, на которое он стал способен благодаря контакту с «Ланселотом», Микель все же поднялся на ноги и сел в кресло капитана. Все еще держа обе руки в почти невидимом поле «Ланселота», как будто кутая их в муфту, Микель занял позу, которая помогает обычно переносить ускорение и другие воздействия. Новое изменение силового вектора толкнуло робота на капитанское кресло, он при этом задел панель управления. Удар был довольно сильным, у Микеля даже от неожиданной боли заняло плечо.

И все же Микель захватил капитанское кресло, но Координатор по-прежнему держал корабль под своим

контролем. Берсеркер заговорил с ним, но помехи заглушали начало фразы:

— ...хие организмы убьют тебя, Ми...

Микель в своем кресле и полупарализованный на полу боролся за контроль над «Ланселотом».

Скачок корабля — Координатор все еще надеялся избежать угрозы. Еще скачок после момента антигравитационного падения. И вновь залп. Атакующий, кто бы он ни был, не отставал от преследуемого.

Робот, рука которого была погружена в «Ланселот», от толчка пролетел по комнате, тяжело опустившись на приборы. Если бы «Ланселот» был обычной материей, то она бы уже давно порвалась. Или же руки Микеля были бы вывернуты из суставов. Но поля «Ланселота» легко растянулись. Они защитили Микеля. Резким движением он стал пытаться растянуть «Ланселот» еще больше, чтобы мертвой петлей обхватить постамент Координатора. Пульсирующие складки, порожденные толчками и сменами гравитаций, казалось, заполнили пространство комнаты.

Контакт!

В этот момент Микель («Ланселот») смог заглянуть в разум берсеркера, туда, где кроются его мощь, умение и... пустота.

Ярость. Микель ощутил возникшую в нем огромную ярость. Собрав всю свою волю, он послал импульс.

В дальнем конце комнаты робот попытался дернуть-ся, подобно рыбе под электрическим ножом, и тут же замер. Координатор был лучше защищен. Микелю трудно было бы объяснить, как его импульс повлиял на машину, но и она в конце концов временно вышла из строя.

Еще один микропрыжок корабля. Одновременно раздался ужасный взрыв. И будто маленькое животное забилося в лапах хищника — энергетическое поле обрушилось на обшивку с такой силой, что вибрация достигла максимальной точки.

Кажется, бой подошел к концу. Корабль стал неуправляем, внутренняя гравитация быстро падала. И, наконец, мертвая хватка робота ослабла. Микель потянул «Ланселот» на себя — силовая ткань подалась к нему навстречу. Микель стал надевать «Ланселот», ища нужные точки, пальцы скользили по знакомой прозрачной материи, отыскивая стыки и выходы полей и разря-

дов. Вот одно из отверстий. Кажется, его условно можно назвать «воротником».

На Мунбейз и на Миранде ему помогала армия техников. Но здесь же он был один. Но Микель знал многое о «Ланселоте», не забыл все сведения, которые за все время полета получил.

Он нажал участки креплений. Оторвавшись от кресла, Микель встал, начал пристегивать «Ланселот».

Комната была наполнена дымом, монотонным бормотанием тревожных сигналов.

Микель, укрепив «Ланселот», направился к двери. Она была заперта, но «Ланселот» распахнул ее.

— Элли! — позвал Микель. Потом еще и еще раз.

Где-то продолжал утекать воздух. В почти полном отсутствии гравитации в коридоре плавало человеческое тело, направляясь в сторону разрыва оболочки. Обутые в тяжелые ботинки, ноги Стила направились навстречу великой пустоте.

Микелю тоже было нужно выбраться из корабля, чтобы понять, что же с ним случилось. Но в первую очередь нужно было определить, жив ли еще кто-нибудь из экипажа. И главное — узнать, что произошло с Элли.

Микель нашел ее в маленькой каюте. Она не успела пристегнуться к койке. В воздухе плавали шарики крови, кровь была и на ее одежде. Судя по странной позе плавающего тела, у нее, возможно, были повреждены кости. Элли была без сознания. Микель попытался закрыть дверь, чтобы сохранить хотя бы остатки воздуха, но ему это не удалось, так как дверь была покорежена. Падало давление. Чувствуя, что он близок к панике, Микель разорвал матрас и попытался заткнуть щель. Потом он понял — это было бесполезно.

— Элли! Не умирай, Элли... Я отнесу тебя в спасательную капсулу!

Она не отвечала. Ее лицо было спокойным. Может быть, Элли была уже мертва? Задышавшись, но не от недостатка воздуха, от горя, скорее, Микель, спотыкаясь о лобовое препятствие, взял Элли на руки и осторожно вынес из комнаты. Там, в дальнем конце коридора, были пришвартованы спасательные капсулы.

Когда Микель стал открывать люк капсулы, незначительное предохранительное устройство ударило по «Ланселоту», но не причинило вреда. Через минуту он внес Элли в капсулу, люк закрылся. Воздух, поступав-

шие из экстренного баллона, был почти нормальным — прямо как на Элиайне. Здесь же находился медо-робот, и Микель подсоединил его контакты к поврежденной руке и шее Элли. В случае необходимости робот сам произведет дальнейшее подключение.

Здесь была только одна койка. Расположив на ней Элли, Микель увидел, что она очнулась.

— Микель? — ее голос был слаб, но тон был обнадеживающий.

Микель с облегчением произнес:

— Элли, не надо ничего говорить. Все будет хорошо. Корабли людей скоро будут здесь.

— Ты выглядишь так... мой милый мальчик, — в ее голосе зазвучала такая щемящая нежность. Затем неожиданно решительно добавила. — Я должна тебе сказать. Твой отец... Фрэнк Маркус...

Микель даже не сразу понял смысл сказанного, глаза его слегка улынулись.

— Не волнуйся, пожалуйста. Нужно стартовать. Эта капсула должна доставить нас к людям.

В этот момент послышался металлический лязг. По обшивке корабля что-то застучало. И, видимо, по стартовой платформе. Звуки были слишком равномерные, чтобы быть случайными.

Микель быстро протянул руку к стартовой кнопке, но задержал ее в воздухе на четыре секунды. Мысли бежали как сумасшедшие. Затем установил хронометр на полминутное ожидание, нажал кнопку.

«Выхожу отсюда, — отдал он мысленный приказ «Ланселоту», — но воздух не должен утекать».

Он бросил странный взгляд на люк, Микель был вне капсулы, в коридоре погибающего корабля «хороших организмов». Капсула осталась запечатанной. Вокруг Микеля-«Ланселота» умирали звуки поврежденных моторов. Дым наполнял переходы.

Рядом с капсулой корчился робот, пытавшийся повредить стартовую платформу. Руки «Ланселота» сжали его, робот смялся как тряпка. Микель выбросил его сквозь одно из отверстий. Микель-«Ланселот» наклонился, восстановил функции платформы. Старт удивил Микеля — какая яркая вспышка!

Он вышел в космос, начал ощупывать пространство в поисках стартовавшей капсулы. Нечеловеческие приборы «Ланселота» уловили только исчезающий зигзаго-

образный след. Микель, летающий под прямым углом к обычному пространству, не имел полного анализа ситуации. Он подавил в себе желание последовать за капсулой. Если полет Эс-плюс возможен в «Ланселоте», то он еще не научился этому.

На расстоянии примерно километра Микель облетел поврежденный корабль. То, что капсула отправилась без него, Микеля не волновало. Он был уверен, что скоро здесь появятся корабли людей. Даже если пройдет какое-то время, в «Ланселоте» он сможет продержаться.

Оглядевшись, Микель начал понимать, что вокруг него теперь иное звездное окружение — в отличие от того, в котором они находились, когда кораблю был нанесен первый удар. Память услужливо подсказала ему, что во время боя было совершено несколько эс-плюс прыжков.

И впервые Микелю пришло в голову, что люди могут не найти его здесь. Последние отчаяния, безрезультатные попытки Координатора занесли корабль туда, где человеку его трудно было бы обнаружить. К тому же, не исключена вероятность того, что силы берсеркеров окажутся ближе и быстрее...

Пока он раздумывал над этим, в приемнике раздался голос Координатора, бесстрастный, как обычно:

— Микель, Микель, возвращайся!

Его голос был своего рода пародией на голос и тон Тупелофа, что Микель даже засмеялся.

— Тебе некуда лететь. Возвращайся на борт, и мы вместе обдумаем возможность выживания. У тебя нет другого выбора.— Микель поплыл, рассматривая звезды.— У тебя нет выбора, Микель,— повторил Координатор.— Последний прыжок был очень дальним. Никто из людей не найдет тебя. На расстоянии сотен парсеков нет ни одной обитаемой планеты.

Трудно было сказать, лжет или нет берсеркер. Подплыв ближе к дрейфующему кораблю, Микель заметил, что корабль меняется. Некоторые компоненты меняют функции — так происходит, когда включается система экстренных случаев. Конечно, повреждения слишком значительны. Полное восстановление функций невозможно, и Координатор наверняка это знает. Но эта перестройка может превратить корабль в мощную гаубицу.

— Микель, возвращайся!

Даже «Ланселот» вряд ли защитит своего хозяина от возможного выстрела подобной силы. Микель, как будто по случайности, отплыл чуть подальше от корабля.

— Ты — один, Микель. Никто из людей еще не был так одинок.

В паузах между фразами Координатора Микель мог уловить тихий шорох — как будто скребется мышь. Нет, конечно, дело не в мыши, видимо, одна из женщин из «хороших организмов» все еще дышит.

— Возвращайся! И ты останешься в живых.

Но Микель продолжал удаляться. Когда Координатор начнет атаку?

— Возвращайся! Я буду служить тебе!

Корабль слишком сильно был поврежден, чтобы преследовать его. Даже чтобы нанести удар, нужно, чтобы Микель подплыл ближе. Он решительно стал удаляться. Теперь он уже не мог исчислить расстояние между ним и кораблем в километрах. Начинались завихрения галактической системы, но «Ланселот» все еще улавливал быстро исчезающий след спасительной капсулы.

Он должен лететь следом. Флот людей будет искать его. Но сколько же времени продлится этот поиск? Страх заставил его увеличить скорость.

* * *

Домой? На Элийан?

Где-то там его дом, затерянный в галактике, а он, возможно, Микель, будет там свободен от берсеркеров.

Координатор остался позади, далеко. Далеко и Тупелоф. И далеко женщина, которая назвала себя матерью Микеля. Кажется, он хотел следовать за капсулой? Он не очень ясно помнил, каковы были его первые намерения.

Паника. Не поддаваться панике. Ему уже несколько раз удалось подавить приступы отчаяния. Закрыть глаза — это поможет. И просто позволить себе дрейфовать в космосе — в этом мирном, спокойном пространстве...

Закрыв глаза, он позволил себе не дышать какое-то время. В «Ланселоте» он мог не дышать. В животе что-то сжалось, но через мгновение «Ланселот» снял спазм.

Умирает Элли, а не его мать. Берсеркер сказал ему, что Элли — его мать, он лгал. Они злобные, бессердечные эти берсеркеры. Они часто лгут. Что-то говорили о том, что Фрэнк — его отец.

Его настоящая мать, наверное, на Мунбейз. Но вскоре и она вернется домой. К отцу Микеля. И самому Микелю. И они встретятся там, дома. Где еще должна встречаться семья?

Даже если его мать еще не вернулась на Элиайн, она вернется. Отец, конечно, дома — кто-то ведь должен присматривать за делами. Под делами подразумевалось добывание материалов для резьбы по дереву. Как только Микель обнимет отца, он пойдет в свою комнату и будет ждать мать. Займется пока чем-нибудь. Но вначале он скользнет под свое любимое зеленое одеяло и отдохнет. Его кровать у окна, которое обычно задернуто тяжелыми шторами, и звездный свет не проникает через эту преграду.

Нет, он не устал. Но все же ему хочется спать.

Закрыв глаза, Микель отдал мысленный приказ: «Ланс, дай мне отдохнуть. Но чтобы я продолжал двигаться к дому». Он подождал какое-то время, неожиданно для себя ощутил, что «Ланселот» точно не знает, где Элиайн.

Неохотно открыв глаза, Микель заставил себя оглядеться. Многое изменилось с тех пор, как он изучал пространство несколько часов назад. Теперь поврежденный корабль вышел из зоны его восприятия. Пылевые облака растянулись на миллиарды километров, заслоняя обзор. И в то же время множество звезд светило ярче, чем ему хотелось бы. Было больно смотреть на них. Будь то с помощью «Ланселота» или без. А ресницы слипаются, слипаются...

В конце концов, в одном из просветов он ощутил искривленное пространство на расстоянии тысячи парсеков. Это искривление, как подумал Микель, обнимает пространственный округлый изгиб, центр которого — Коре, ядро Коресека, невидимое сейчас. И свет дальних звезд, рожденных много лет тому назад, донес до «Ланселота» историю этого изгиба. И стало ясно, каков угол галактического излома, не меняющегося в течение трех тысяч лет, и в каком направлении ядро.

Рядом с Коре, как он знал, лежит Черное Созвездие. Микель посмотрел в эту сторону, где замерли звезды Коресека, и взяли верный курс. Нетерпеливо он оттакивал осколки материи, боялся, что «Ланс» разовьет свою максимальную скорость, с которой он не сможет совладать.

Впереди — дом. Элиайн.

Но прежде чем он осознал эту мысль, перед ним распласталась темная масса Черного Созвездия. Солнце его планеты все еще невидимо, но он знал, что оно — там, как огромный изумруд на черном бархате, где-то там, впереди, виделось кольцо орбиты Элиайна.

Но через мгновение слезы затуманили глаза.

— Мама,— прошептал он, протянув руки. «Ланселот» уже не нуждался больше в осознанных командах. Осколки материи на его пути раскрошились.

Когда он вновь смог осмотреться, он увидел, что мир еще раз изменился: звезды собирались в кластеры, центр их вращения — созвездие, в которое он устремился. Свет их из белесого превратился в голубой.

Оглянувшись, Микель увидел, что оставшиеся позади звезды приобрели красноватый оттенок. Вокруг Микеля вился черный пояс пустого неба. Он неожиданно почувствовал, что его тело меняется — пальцы стали короче; когда он вытянул руку, плечи раздвинулись, медленно удлинилась шея.

Он знал — это иллюзия, и он старался не обращать на это внимание.

Появились и другие изменения, но он пренебрег ими. Сейчас скорость его полета приближается к скорости света. Но темная масса Созвездия, окруженная ореолом голубых солнц, все равно оставалась очень далеко. Он словно полз по темному безмолвному пространству.

Он протянул руки туда, где, наверное, его дом, туда, где его ждет мать. Но часть его рук словно исчезла, растворившись в экваториальной полосе пустоты. Руки «Ланселота»-Микеля сложились в туго сжатое кольцо, почти невидимое в голубом звездном свете.

Микелю показалось, что он слышит какой-то звук — это было похоже на шорох тяжелой автомашины, проезжающей по пустой ночной улице. Это — скорее всего, призыв на помощь, оставленный кем-то на бесконечной дороге Вселенной.

— О, «Ланселот», я должен закрыть глаза! Я должен — не знаю, как — попасть домой. Где я засну. «Ланселот» позаботится. Как-нибудь...

И Микель уснул.

ГЛАВА XII

— Почти как в давние времена, Элли. Почти.

Она слышала эти слова уже несколько раз.

Голос был похож на человеческий и очень знаком. Но сдобренный механическими интонациями.

И наконец, она поняла: Боже, это же голос Фрэнка!

На этот раз Элли очнулась не привязанная к койке корабля «хороших организмов». На ней был обычный скафандр, и она лежала на обычной кушетке. Там и здесь ее взгляд находил нечто новое в интерьере каюты, но основные очертания, обычны, цвета остались теми же. Они не изменились за десять лет. Нет, даже больше, чем десять.

— Фрэнк, Фрэнк! — глядя сквозь предусмотрительно открытый люк в соседнюю каюту, она словно видела вновь Фрэнка, того, которого знала, готового к бою. Его оружие, приборы почти не изменились. Еще десять лет назад Элли казалось, что этот корабль-разведчик — продолжение Фрэнка.

Или же...

Нет, не может быть, чтобы это была уловка берсеркеров. Или все же!

— Фрэнк! — вновь позвала Элли, пытаясь встать. Она не была привязана, но чувствовала себя достаточно слабо, тело ее изнемогало. Только сейчас она заметила, что несколько трубок подсоединили ее к медиороботу. Отказавшись от мысли встать, она откинулась вновь на кушетке, стараясь спокойно перенести боль: в конце концов именно боль свидетельствовала о том, что реальность существует.

— Элли! — донесся знакомый голос из соседней каюты. — Я знаю, что ты вернулась. Добро пожаловать!

Она пробормотала что-то неразборчивое.

— Я нашел тебя в спасательной капсуле. Ты это помнишь?

По легкому шуму, тихим звукам она без труда определила: они летят со скоростью, близкой к скорости света.

— Как ты попала туда? Это — капсула с корабля с «хорошими организмами». Мне нужно знать, уцелел ли еще кто-нибудь?

— Там еще был мальчик. Он помог мне. Я не знаю,

где он сейчас. На нем был «Ланселот», если ты знаешь, что это такое...

— Это, конечно же, он! Микель! Где он сейчас?

— Я не знаю, Фрэнк, я даже не знаю, где я сама...

Фрэнк пробормотал сквозь зубы:

— Может быть, я могу направить луч...

Работая с пультом, он почти не использовал силу физического движения — по крайней мере, много меньшую, чем та, которая потребовалась пилоту с обычным человеческим телом. Мысль о том, что все происходящее — розыгрыш берсеркеров, постепенно покидала Элли.

— Требую прямой связи с Секретарем. Тупелофом,— сказал Фрэнк.— Срочное дело. Говорит полковник Маркус.

— Тупелоф! — удивленно переспросила Элли.

— Он не так далеко. С боевым заданием. Подожди, Элли,— Фрэнк начал сообщать свои координаты в передатчик и докладывать о событиях. Потом он вновь обернулся к Элли.— Что еще знаешь о мальчике?

Она рассказала о своих последних минутах пребывания на корабле «хороших организмов». Фрэнк передал эту информацию тоже.

— Хорошо. Достаточно. Если ты была на корабле в тот момент, когда мы нанесли удар, ты должна была находиться в отсеке повышенной безопасности. Не рассказывай, что ты тоже превратилась в «хороший организм». Все равно не поверю.

— Нет, нет, меня захватили силой,— она, слегка запинаясь, рассказала о своем пленении.

— Хорошо. Для меня — этого достаточно.

«Но достаточно ли для других?» — подумала Элли. Даже быть обвиненным в пособничестве берсеркерам — уже мало приятно.

— На корабле были, конечно, «хорошие организмы». Трех, по крайней мере, я знаю. Я не знаю, что случилось с ними, когда вы нанесли удар. Вы давно гнались за нами?

— Наверное, стандартный год. Не меньше. Старались не только преследовать врага, но и увеличить свои силы. Тупелоф собрал мощную команду — каждая планетарная система, населенная людьми, была готова предоставить нам пару-тройку кораблей. Потом мы обнаружили базу врага поблизости, я думаю, военачальни-

ки в этих регионах знали о ее наличии, но атаковать не пытались. Мы разгромили базу, но сделали из нее своего рода ловушку — приборы базы худо-бедно были настроены на то, чтобы принимать сигналы вражеских кораблей. Большая часть полей флотилии отправилась домой, но часть осталась. В течение стандартного месяца мы были в засаде, а потом корабль «хороших организмов» — появился здесь. Тупелоф — хороший организатор. Можешь передать ему это. Он даже велел доставить на корабль мать Микеля. Чтобы мы могли лучше понимать его.

— Фрэнк, я его мать.

Образовалась пауза. Потом Фрэнк сказал:

— Ты что, бредишь, Эл?!

— О, нет же! Зачем, думаешь, они захватили меня? Тринадцать лет назад я забеременела. Давно это было.

— Я не знал, что ты была беременна. Мне и до сих пор кажется, что эти подлые машины заставили тебя выдумать это.

Элли отрицательно покачала головой.

— Конечно, Микеля усыновила женщина, у него теперь приемная мать. Видимо, она и была на корабле по приезду Тупелофа. Я не знаю, как ее зовут...

— Кармен Джеулинкс. Но я никогда не слышал, что Микель — приемный сын. Хотя это, конечно же, ничего не доказывает... — в голосе Фрэнка появились нотки сомнения. — Но...

— Она с Элиайна, не так ли?

Прошло несколько секунд, ящики Фрэнка застыли, напоминая склад отработавших приборов. Затем из говорителя донеслось:

— Я думаю, на борту корабля ты смогла поговорить с ним?

— Конечно. Если бы я не была его матерью, мне не дали бы такой возможности. Берсеркеры знали это. Тупелоф тоже.

— Когда мы доберемся до Большого Ка, ты сможешь переговорить с ним. Хотя, подожди... Элиайн, тринадцать лет назад? Когда ты и я были там?!

Ящики вновь замолкли. Но теперь по их поверхностям забегали искрочки.

— Именно так, — сказала Элли, — и ты тоже был там. Микель — твой сын.

— Вы были готовы убить его. Вы этого хотели. Вы приказали это сделать, да? — голос Кармен готов был сорваться в любой момент. На ее лице отражались гнев и ненависть.

Тупелоф устало смотрел на нее из другого конца большой, довольно хорошо обставленной комнаты, которая была частью офицерских апартаментов на «Джоан Карлсен». Он хорошо понимал, что гнев Кармен закономерен. Но все же он должен был и хотел исправить положение.

— Нет, Кармен. Вы не справедливы к нам. Я уже отдал приказ, чтобы корабль с Микелем был найден любой ценой.

— Любой ценой? Что это значит? — слабым голосом Кармен переспросила. Казалось, она начала оглядываться, собираясь кинуть чем-нибудь в Тупелофа. Но на корабле мебель, картины, лампы и все другие были плотно приклеены, чтобы избежать последствий изменения гравитации. — В течение года вы старались убить моего сына, с того самого дня, как захватили его. И даже теперь, когда та женщина сообщила, что он жив, вы отдаете приказ, чтобы за ним гнались по всей Галактике и в случае необходимости открыли огонь.

— Нет другого пути отбить мальчика у берсеркеров. Кармен, он у них уже полгода. Откуда вы знаете, что смерть не стала казаться ему более привлекательной, чем жизнь?

Кармен сделала над собой усилие. В ее глазах появился странный блеск.

— Скажите об этом его отцу. Полковнику Маркусу. После года, проведенного здесь, в космосе, я, кажется, могу его понимать. Да он убьет вас!

— Его не волнуют дети. Даже его собственные.

— Вы так думаете? Вы никогда не пытались беседовать с ним.

— Ну, хорошо. Оставим это. Пусть он попытается отбить Микеля. Тем или иным способом. А также отбить «Ланселот». А потом пускай убьет меня! — Про себя Тупелоф подумал, что в словах Кармен есть доля правды. Но главное, что Кармен была теперь в состоянии его слушать. — Я действительно очень хочу, чтобы Микель вернулся живым и невредимым. Как вы думаете, зачем

вы здесь? Да потому, что вы можете быть полезны ему, когда он вернется. И сейчас у нас есть шанс. Почему я рассеял всю флотилию, чтобы она занялась поисками? Да, вы чертовски правы! Если мы его не найдем в указанном регионе, то обобщем всю Галактику! Пока не найдем его или сами не умрем от старости. Или же берсеркеры перетянут его на свою сторону! И победят таким образом нас...

— Зачем вам это нужно? Зачем? Потому что хотите получить назад вашу новую систему вооружения?

— Идет война. Этим все и объясняется, Кармен!

Потом Тупелоф решил, что мог бы найти другие слова для женщины. Но не нашел.

ГЛАВА XIII

«Я лечу быстрее, чем раньше!»

Такова была первая ясная мысль после того, как Микель очнулся ото сна и начал осознавать окружающее.

Он задал сам себе вопрос:

— Нужно ли мне открывать глаза?

Микель испытывал страх перед тем, что он может увидеть. Он ощущал некоторую физическую нестабильность, легкие покалывания в области рук, ног, вокруг шеи, покалывания, которые не смог устранить даже «Ланселот».

Но полет продолжался. Микель летел в космосе, раскинув руки и ноги. Движения его были похожи на движения только что проснувшегося, потягивающегося человека.

Микель ощутил ускорение. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему, что открывать глаза не стоит, а также то, что «Ланселот» не сбился с курса. Хотя куда ведет его этот полет Микель полностью не осознавал.

Все еще не размыкая век, Микель почувствовал, что должен снизить скорость и перейти из полета эс-плюс на обычный.

Окончательно проснувшись, совершив прыжок из одного вида полета в другой, он осторожно приоткрыл

глаза. В безвоздушном пространстве, окружающем мальчика, он увидел огромное множество звезд, которые казались очень яркими точками. Микель посмотрел вокруг, только небольшой участок неба был темным, без звезд. Очевидно, звезды там прятались за массивными выбросами Черных Дыр. И еще — он ясно понял, что ближайшие звезды — это не те звезды, которые он видел перед тем, как заснуть.

Черное Созвездие, которое он тогда видел очень ясно, исчезло.

Все тело Микеля продолжало ныть, как и в момент пробуждения. К своему большому удивлению Микель внезапно понял, что может видеть только общий контур своего тела. Изменились не только звезды вокруг, но и «Ланселот».

Прозрачные, чуть сверкающие поля изменили свой цвет, приобретя палевый оттенок. Материал, который составлял основу «Ланселота», стал похож больше на мягкую кожу, чем на ткань. Часть «Ланселота» по-прежнему развевалась сзади, делая Микеля очень похожим на хвостатую комету.

Материал, составляющий «Ланселота» ставший теперь непрозрачным, много плотнее облегал тело, руки и ноги Микеля. В тех местах, где материя облежала мальчика наиболее плотно, он испытывал зуд.

Микель внимательно осмотрелся вокруг глазами «Ланселота». Но видеть себя, свое тело закрытое защитным полем, ставшим как и материал непрозрачным, он не мог.

Неожиданно Микель обнаружил, что его одежда снова стала ему мала. Невидимые рукава рубашки едва доставали до локтей, пояс шорт давил на живот.

Не было особой причины для такого быстрого роста. Микель не знал, что и думать, поэтому немного поразмыслив он решил, что пусть будет так как будет и не стал анализировать ситуацию. После этого он попытался расстегнуть рубашку и шорты. После нескольких попыток ему это удалось.

Гораздо важнее ему сейчас казался вопрос — куда и почему исчезло Черное Созвездие? Может быть это было вовсе не Черное Созвездие, а какая-то Черная Дыра. Но от страха и отчаяния первое же попавшееся темное пятно стало для него ориентиром на дороге домой.

Чем больше он думал об Элиайн, тем более сомнительной ему казалась возможность добраться до родной планеты. Но все же он где-то в районе темных сгустков, хотя их довольно много — рассыпанных по Вселенной, рассыпавшихся среди звездных полей и видимых на фоне ярких излучений.

Сейчас он с легкостью осознал, что расстояние влияет на образ Галактики. Этот эффект, подобен тому, который хорошо знаком горным туристам. Приближение словно «рассыпает» общий пейзаж, образ.

Может быть, он у подножия тьмы или света? И за звездной горой скрывается его ориентир? То самое Черное Созвездие, которое под иным углом зрения может заслонить само Коре.

Сейчас ядро Коресека не видно. Но это отнюдь не доказательство того, что Элиайн неподалеку. Но все же Микель воспринял отсутствие Коре в зоне видимости как добрый знак. Ядро — где-то впереди.

Он летел в нужную сторону, пока спал. Так хотелось думать. И он не будет менять курс. Но нужно вновь совершить прыжок в пространство Эс-плюс. «Ланселот» уже справился с подобной задачей. Но Микелю хотелось обрести полный контроль над «Ланселотом» во время прыжка.

Впервые после пробуждения Микель сознательно задержал дыхание. «Ланселот» продолжал поставлять воздух, но Микеля раздражало чувство, что его легкие расширяются. Он почувствовал, как его рубашка лопнула по шву.

Желая сориентироваться, Микель медленно перевернулся в пространстве, сделав полный оборот.

Энергия, которая была необходима для перехода в пространство Эс-плюс, была столь важная, что ее было трудно извлечь из известных видов топлива. Поэтому «Лансу» пришлось удвоить ту массу, которая была типичной для стандартного полета, и войти в «замок» с галактическими течениями, иными словами — потоками энергии, пульсирующими в бесконечной вселенной.

Микель понимал, что еще только познает возможности «Ланселота». Но обладая уже некоторыми знаниями и практическими навыками, он мог отдавать беззвучные команды, не думая о четких формулировках. Но для этого было нужно расслабиться и одновременно сконцентрировать внимание на задаче.

Послав мысленную команду на выход в Эс-плюс полет, Микель словно вошел в дверь, которую открыл для него «Ланселот», дверь в странное царство без времени, с которым он когда-то познакомился. Ему показалось, что все течения, он сам, «Ланселот» — все вошли в эту дверь, подножием которой было нормальное пространство.

На этот раз глаза Микеля были открыты, и во время перехода он увидел вспышки. Хаотическая реакция, невозможная в обычном пространстве, рассыпалась на короткие радуги. «Ланс» сохранял для него ауру нормального космоса, сам нашел дорогу. Расстояние изменилось — само понятие расстояния. Тени, отбрасываемые гравитационными сгустками, пробрались сюда из нормального космоса, и теперь их надо было избегать. Тени сгущались.

Вспышки неожиданно прекратились, до того, как Микель пожелал прекратить перемещение. «Ланс», по какой-то причине, оборвал прыжок на середине.

Когда вернулась стабильность ощущений, Микель не был уверен, не вернул ли его «Ланс» обратно, в стандартный космос. Теперь он почти без движения завис в облаке кристаллических образований. Края облака простирались на необъятное для разума расстояние.

Глазами «Ланселота» Микель мог видеть любую частицу — твердую или жидкую, особенности ее атомной структуры. Ни одна из частиц в диаметре не превышала тысячную долю миллиметра, расстояние между скоплениями составляло несколько метров.

Эти частицы напомнили Микелю о чем-то... Потом он вспомнит. Они походили на твердый камень, впаянный в золотое кольцо, которое носила его мать.

Перейти на новый режим полета здесь, среди таких плотных сгустков материи, было невозможно. Даже для «Ланселота». Хотя «Ланс» мог пересекать теневые сгущения такой плотности, какая раздавила бы обшивку небольшого космического корабля. Микель дал команду лететь вперед со скоростью, которая только возможна в подобном окружении.

Затем, вновь испытав приступ усталости, Микель заснул.

Когда он проснулся, его ум был ясен и свеж. Он двигался в нужном направлении, по крайней мере, так свидетельствовали его ощущения, а они его редко подво-

дили. Частицы, замедляющие продвижение, рассеялись. Защитные поля предохраняли голову и плечи Микеля; они начали искрить, соприкасаясь с частицами, когда «Ланс» решил, что более эффектно расталкивать сгустки, а не избегать их.

И вновь появилось странное покалывающее ощущение в ногах и руках — непонятное онемение. Все еще не в состоянии взглянуть на собственное тело, Микель правой рукой попытался провести по левому запястью. С удивлением он обнаружил, что рука не в состоянии нащупать то место, где «Ланселот» присоединился к его телу. Защитное поле и человеческое тело, казалось, переплелись. Пытаясь подавить в себе чувство паники, он потерял шею и руки. Странные новые ощущения нельзя было назвать неприятными, скоро, по-видимому, они исчезнут. Сейчас же Микель ясно осознавал, что его тело не только неразрывно спаяно с «Ланселотом», но и претерпело очень сильные изменения. Он стал крупнее, больше. Одежда, которая давила его, вроде бы, исчезла вовсе. Микель подумал, что эти изменения — итог защитных мер «Ланселота», которые и заставили тело измениться. Они необходимы, если хочешь лететь быстрее света.

Когда он вернется домой, то его первоначальный облик восстановится. «Ланс» должен позаботиться об этом. И руки родителей Микеля смогут его обнять, и он поделится с ними своими тревогами. И сможет выпастся. На своей любимой резной деревянной кровати...

Чувство времени все еще искажено. Может быть, время вообще исчезло?

И вновь изменилось все окружающее. Исчезли бриллиантовые частицы. Облака звездной пыли, похожие на белый дым, висели над ним, а также под ним. Они были почти неподвижны. «Ланс» научился компенсировать визуальные искажения на огромных скоростях.

Впереди него — темный участок. Он может быть, а может и не быть частью Черного Созвездия. На этом фоне ясно виден световой пучок. Его излучает, наверное, какое-то огромное солнце, странное и необычное по форме. Спектр, в котором превалируют синий цвет и короткие световые волны, устремился в глаза Микелю, вовремя защищенные «Ланселотом».

Микель изменил курс — прямо на это солнце. Простое любопытство заставило его забыть, что у него была

другая цель. Белое прозрачное пятно нарастало. Усиливалась его яркость.

Казалось, этому не было предела. Пока Микель перескакал сгустки пыли, он, с поразившим его самого хладнокровием, осознал две противоречивых вещи: этот полет может не привести его к Черному Созвездию или — очень скоро он может его найти.

Микель присмотрелся более внимательно, и сразу понял, что это за «солнце».

Впереди сиял Коре.

* * *

Кажется, время опять остановилось. По крайней мере, оно тянулось бесконечно долго. У Микеля было ощущение, что он взбирается в гору. Ему хотелось двигаться вперед, цепляться за уступы руками и ногами. Но все усилия, благодаря «Ланселоту», не несли ему усталости, хотя он все полз и полз вверх.

Потом его руки стали огромными крыльями, и он полетел, поплыл, и его подхватили галактические течения. Вокруг Микеля горели огромные голубоватые фонари — округлые звездные кластеры. Пальцы «Ланселота» растянулись на километр, порождая квазиматериальную сеть. Там, где ноги Микеля неслись в пространстве, тянулся огромный горящий хвост.

И восхождение достигло высшей точки. Сюда он стремился? Внизу лежала Галактика, видимая, словно на карте.

У Микеля было впечатление, что он взлетел на самолете, и под ним — огромный город. Проспекты, автострады — космические млечные пути, чуть более изогнутые, чем дороги на планетах людей. И угол зрения менялся. И сплетались, вращались потоки. Непрозрачные облака Коре были далеко внизу, неделимые теперь на отдельные звезды даже с помощью «Ланселота».

И вновь Микеля посетило странное чувство, подобное тому, что он испытывал, когда увидел впервые базу берсеркеров. Что-то не так вокруг него. Он не мог сказать, что именно, но Коре изменился.

Пока он изучал эту карту, ища на ней путь домой, он ощущал потоки радиации, просачивающиеся сквозь «Ланселот», бегущие вдоль спины. Это был новый, незнакомый для него тип радиации. И он ощущал прикос-

новение частиц, неведомых ему. Он не мог прокрасться во внутреннюю структуру миров, облака этих частиц скрывали дороги человечества на дальних орбитах. Нет, еще не было ни одного человеческого корабля, который взобрался бы на эту космическую вершину.

Неизвестность, неопределенность коснулись его плеч, приглашая как бы в неведомое.

Быстрым легким движением пловца он, встревоженный, отвернулся от великой карты. Но Галактика глядела на Микеля обычным взглядом привычных звезд. Теперь Микель плыл на спине, и вокруг него простирался стандартный космос с красноватыми спиралями, белесыми туманностями и метеоритами, словно искры, рассыпанные на этом блюде Вселенной.

Микель осознал, что зов не послышался ему, а был действительно, но он не знал, что и как ответить.

Он вновь повернулся к карте в поисках дороги домой.

Старые рассказы космонавтов вспомнились ему, отрывки из бесед астронавигаторов, которые он слышал тогда, когда жил среди людей. Микелю требовалось некоторое время, чтобы принять решение. Он выбрал космическое завихрение, проследил его исток — терпеливо, словно машина. Потом еще одно.

Но в конце концов разум отказался размышлять, и в одном из завихрений он все же обнаружил черное скопление — его видимые очертания походили на Черное Созвездие. Сейчас оно — всего лишь песчинка, маленькая песчинка на космической простыне.

Диаметр Созвездия не превышал нескольких сотен световых лет, но Микель видел те очертания, которые существовали много лет тому назад. Конечно, он не мог быть уверен, что маленькая точка и есть его ориентир. Если «Ланс» обладает возможностью пронизывать пространство, то Микель еще не до конца изучил его возможности.

Руки Галактики словно потянулись к нему — Созвездие поплыли навстречу Микелю.

Микель вновь устремился к своему дому.

ГЛАВА XIV

Он в зоне Черного Созвездия. Микель был уверен в этом. Он уже давно пересек границу и устремился к своей единственной цели. Домой.

— Что я буду делать там? — подумал Микель. Ему нравилось взвешивать, размышлять.

Пока часть его мозга была озабочена будущим, вторая половина направляла полет «Ланселота». Больше Микель не боялся заблудиться. Теперь он научился по виду и структуре материи, по потокам внутри созвездий, определять верный курс, ведущий его к цели.

В Созвездии, в самом его центре, был участок Пустоты, овеваемый ветром единого солнца.

Было ли сейчас открыто Бутылочное Горло, сквозь которое он уже однажды совершил перелет, преследуемый кораблями берсеркеров? Хотя сейчас это не важно. Ему незначительно искать Бутылочное Горло. Ровный полет сквозь разреженное газовое пространство, наполненное мелкими пылинками, сменялся микропрыжками. Затем — вновь скольжение до тех пор, пока он не встретился с плотной материей.

Теперь его полет по усилиям был равен ходьбе. А ведь он летит быстрее любого корабля, направляясь к центру Черного Созвездия.

Микель внимательно всматривался вперед, пытаясь увидеть там сияние, и оно не заставило себя долго ждать.

Даже до того, как Микель оказался готовым к осознанию прошлого, картины его детства поплыли перед ним на фоне бархатно-черного космоса. По другую сторону он ясно видел залитые светом картины своей жизни на Элиайн.

Ему казалось, что, если он ненадолго задержится на орбите, пристально всмотрится вдаль с помощью «Ланселота», то узнает, какое время года на его планете. Но не хотелось медлить.

Вначале он встретится, конечно, с родителями. Потом — Микель уже не был уверен, что ему это кажется столь же желанным, как и раньше — он заберется в свою кровать и заснет.

Правда, неизвестно, не стала ли кровать ему мала? Он устал? Да. В какой-то мере. Но больше ему не

хочется спать. Хотя уже давно он не смыкал глаз.

Со странным неприятным чувством Микель вдруг осознал, что не может вспомнить, как выглядит его мать. Но через минуту перед его глазами встал смутный образ. Потом он снова исчез...

Нет, первое, о чем он позаботится, когда прибудет домой, то это о своем изменившемся теле. Микель был почему-то уверен, что «Ланселот» вернет ему первоначальный облик.

Не может же он вот ТАК предстать перед людьми? Изменения, гормоны, Тупелоф...

Микель подумал, что он давно не вспоминал о Тупелофе.

Но неожиданно ему расхотелось думать и о Тупелофе, и о своем пребывании на Элиайн.

Микелю потребовалось небольшое усилие, чтобы вспомнить: как смежаются веки. Темнота принесла ему некоторое умиротворение. Что будет потом? Он летит домой. Но что-то тянет его назад. Ведь его скорость могла быть много большей.

Лицо матери наконец стало явственным. Теперь у него нет выбора. Домой!

Чуть позже, словно ощущая неведомое раздражение, Микель коснулся невидимой рукой своего невидимого подбородка. Ощущение было такое, как будто пальцы коснулись бороды.

Тупелоф, гормоны, изменения...

Солнце становилось все ярче и ярче. Элиайн был все ближе и ближе на своей одинокой орбите. Элиайн, пересекающий бархатное небо.

Но все же что-то было не так, как всегда. Как и тогда, когда он увидел базу берсеркеров. Что-то не так. Но что?

Микель уже хорошо различал верхние слои атмосферы Элиайна. Что-то не так. Огромное непрерывное облако, искрящееся в дневном свете, безжизненная, отражающая солнечные лучи, оболочка из пара и водяных капель. Температура на планете была явно выше, чем обычно.

Берсеркеры!

Если нужны еще какие-либо доказательства, то Микель ясно видит, что сеть защищающих планету спутников убрана.

— Родители? — Голова у Микеля закружилась.

Внезапно мальчик вспомнил, что отец собирался присоединиться к матери. Может быть он успел до нападения?

Микель летел на орбите, огибая планету с южной стороны. Он прислушался к радиотрансляции.

После долгих дней полного молчания до него донесся голос, зашифрованный с помощью математических символов. Тембр не напоминал те голоса, которые окружали его, когда он жил здесь.

Облетая Элиайн по орбите, Микель позволил планете притянуть его ближе к границе отравленного воздуха. Мысль об отце опять стала беспокоить его. А вдруг мать вернулась на Элиайн после его исчезновения?

Поверхность планеты выглядела так, как будто с нее смело все живое. Из радиообрывков, которые Микель улавливал, стало ясно, что берсеркеры оставили здесь роботов для уничтожения микроорганизмов. Но пока до Микеля не добрался ни один из сенсорных лучей врага.

Микель прибег к помощи «Ланселота», чтобы лучше осмотреть поверхность планеты, хорошо видимую теперь через разрывы в облаках.

Морей больше не было. Одна голая земля. Никаких признаков того, что берсеркеры провели свою черную работу некачественно.

— Микель.

Мальчик оглянулся. На более низкой, чем у Микеля орбите появился маленький искусственный спутник. Он направлялся в сторону Микеля. Радио спутника донесло до мальчика его имя. Но чей это голос? Нет, это не Тупелоф. Это кто-то еще. Но кто?

— Микель!

Микель заставил себя зависнуть в космосе, чтобы посмотреть, не изменит ли спутник курс.

На сравнительно небольшой скорости спутник сошел со своей орбиты, затем увеличил скорость, двигаясь в сторону Микеля.

Он остановился метрах в десяти от Микеля. Диаметр спутника был метров одиннадцать, форма — округлая.

На его поверхности, отполированной и блестящей как зеркало, Микель увидел свое отражение. Но изображение показалось ему искаженным и расплывчатым — вытянутая фигура с длинным огненным хвостом...

— Микель, я — друг.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Твоя внешность, такая как сейчас, была вычислена.

Микель узнал теперь этот голос. Это был голос Координатора. Видимо мозг берсеркера был найден на корабле «хороших организмов», восстановлен и размещен в новом корпусе. Память машины — это то, что очень ценили берсеркеры.

— Иди на борт, Микель.

Только сейчас мальчик заметил, что спутник имел люк, рассчитанный на рост человека.

Прощупывание спутника «Ланселотом» свидетельствовало, что внутри есть теплая каюта с воздухом, пригодным для дыхания человека.

— Поднимайся ко мне на борт, — повторила машина. — Мы поговорим. Я доставлю тебя туда, куда ты захочешь. Где тебе смогут помочь.

— Я хочу... — собственный голос поразил Микеля глухими низкими нотами. Он так давно не говорил:

— Мне не нужна ваша помощь.

— Иди ко мне на борт. У меня есть информация для тебя.

— Мой отец? — Микель непроизвольно взмахнул рукой, тень от нее пробежала по облакам и по блестящей поверхности спутника, висевшего над мальчиком. — Что с ним?

— На борту мы сможем поговорить и об этом.

— Сикстус Джеулинкс. Где он?

— Сикстус Джеулинкс в безопасности. Он был изъят с планеты до того, как она была очищена от жизни. Директора позаботятся о нем. Он ждет твоего возвращения.

— А где моя мать?

— Иди на борт, мы поможем тебе найти твою мать.

— Ложь! — воскликнул Микель.

Эхо было таким, что, казалось, его отразили безжизненные облака над планетой.

— Меня оставили здесь, чтобы встретить и охранять тебя, когда ты вернешься.

— Ты лжешь.

Микель понимал, что, возможно, берсеркер не лжет. Каюта внутри спутника действительно могла предназначаться для него.

Скорее всего восстановленный разум Координатора вживлен в разум нескольких берсеркеров, и каждый из них хранит элементы памяти Координатора, совмещая

их с новой программой. Не исключено, что каждый такой берсеркер ждет Микеля, но какова его программа?

— Где Сикстус? — резко спросил Микель. — Что ты можешь сказать о Кармен Джеулинкс, Элли Темесвар, Фрэнке Маркусе? Кто из них жив? Где они?

— Я знаю только то, что жив Сикстус Джеулинкс. Он где-то в районе, близлежащем к Коре, у Директоров. Он — в безопасности, как я уже говорил. Больше я пока ничего не могу сказать. У меня программа. Иди на борт. Мы поговорим подробнее.

Та форма, в которой предстал перед Микелем Координатор, соответствовала его задачам, которых было несколько: спутник мог перемещаться по орбите, мог осуществлять контакты с другими спутниками-берсеркерами, стать тюрьмой для живых организмов в случае необходимости, мог наблюдать за безжизненной планетой и уничтожить любой росток живого, случись тому пробиться.

Но спутник явно не годился для космических боев.

Микель неторопливо протянул руку к спутнику. Кажется, Координатор понял, что может означать этот жест. Спутник выпустил заряд из своей малосильной зенитки, который не причинил «Ланселоту» никакого вреда.

Правая рука Микеля-«Ланселота» размахнулась, кулак нанес удар в точно рассчитанное место — до того, как компьютер мог дать команду к самоуничтожению.

«Ланселот» неожиданно начал впитывать энергию спутника — так растение присасывается к источнику питания. Осмотрев спутник, Микель осторожно раздвинул обшивку в еще нескольких местах. Теперь банк памяти Координатора был прямо перед ним.

Микель быстро просканировал данные, затем схватил то, что осталось от спутника, перчаткой «Ланселота», изо всей силы швырнул сломленного берсеркера в грудку обломков на планете. Он хорошо видел высоко взметнувшееся пламя, быстро погасшее.

Радиоголоса берсеркеров начали пронизывать эфир.

Микель Джеулинкс, медленно дрейфуя над планетой, которая когда-то была его домом, постепенно начал осознавать сложившуюся ситуацию.

Невзирая на все перенесенные трансформации, Микель Джеулинкс оставался по-прежнему Микелем Джеулинксом.

Микель принял решение. Он разделяется с берсеркерами, которые все еще кружат в небе над Элиайн. Он рассчитывается с ними за все, что они сделали на планете. Он отомстит машинам.

— Ну берегитесь, — угрозил Микель спутникам, которые уже спешили к нему со всех сторон.

А потом он найдет своего отца...

ГЛАВА XV

«Джоан Карлсен» был словно огромная сероватая жемчужина, в богатой ювелирной обработке с петлями и лентами, со своими неподвижными кораблями сбоку. Когда Тупелоф, наконец, вышел из корабля-флагмана, один, он мог видеть обширную, извивающуюся клетку Таджа, парящую вдали, по крайней мере, в трех пространственных измерениях.

Два дня назад, собираясь исследовать Тадж, он приказал флагману приблизиться к нему. Инстинкт и логика подсказывали ему, что поиск Микеля приведет именно сюда, а эта часть внутреннего Коре была пронизана радиосигналами берсеркеров с незапамятных времен. Он все еще не знал, имели ли успех две предыдущие экспедиции, посланные в Тадж из Солнечной системы, смогли ли они вернуться на Землю. Для этого требовалось новое исследование.

Капитан флагмана подошел близко к Таджу, не предполагая вторгаться вовнутрь. Они были вблизи Таджа, а потом без видимого перехода оказались внутри него, что вызвало удивление всего экипажа; инструменты и приборы подпрыгивали и снова возвращались на место с непонятными обозначениями, с надписями, в которых не было смысла.

Корабль застыл в неподвижности. Два дня попыток освободить его с помощью моторов и оружия, были тщетными. Огромные серые обручи из неизвестного вещества крепко стянули корабль. В бездонном небе, содержащем серое вещество, простирался океан пустого пространства, если судить по показаниям приборов. Наконец, удалось запустить разведчик с пилотом-команди-

ром, полковником Фрэнком Маркусом и Элли Темесвар на борту, они были готовы к фантастическому полету.

Состоялся радиообмен между разведчиком и кораблем-матерью на различных языках коммуникативных систем, которые, казалось, работали исправно, так, будто бы воздух, окружающий корабли, был реальностью и составлял стандартную атмосферу Земли.

После этого не осталось ничего другого, как попытаться выйти из корабля и оглядеться вокруг. Внешняя гравитация, если верить приборам, была надежной.

Тупелоф, чувствуя риск, назначил себе первым на выход. Никто этому не возражал, и он даже был слегка удивлен.

Надев скафандр, он выбрался из люка, ожидая, что серое вещество постарается наброситься на него как только он покинет корабль. Что ж, по крайней мере, он сможет лицом к лицу встретиться с этой чертовой формой материи.

Дверь тяжелого люка равнодушно закрылась, как только Тупелоф очутился за бортом. С облегчением Секретарь увидел, что серые ленты не стали нападать на него. Голова не кружилась — гравитация была нормативной — такой, как показывали приборы на борту. Его ноги, обутые в тяжелые ботинки, стояли на одной из серых лент, вьющейся вокруг корабля. Стоя на ней, Тупелоф находился под прямым углом относительно центра гравитации.

Другие ленты и завихрения располагались во всех направлениях; ближайший сгусток — на расстоянии нескольких сотен метров от корабля. Серые безликие, они казались четырехугольными, хотя некоторые были округлой формы. Все эти образования словно плавали в довольно ярком свете, не имеющем ясного источника. Поэтому ленты никаких видимых теней не отбрасывали. Лента неведомого вещества, на которой стоял Тупелоф, была шириной метров пять. Когда он добрался до края, то обнаружил, что толщина ее — около метра. Взгляд побежал дальше, чтобы встретиться с тем, что люди привыкли называть бесконечностью. Иногда взгляд наткнулся на подобные же образования на фоне сероватого общего фона.

— Сэр, вы слышите меня?

Нет, нельзя, чтобы радио молчало.

— Я слышу. Прием. Пока я не обнаружил ничего,

что не совпадало бы с показаниями приборов. Стою на одной из лент. Вещество, из которых оно состоит, твердое, чуть-чуть амортизирует. Гравитация нормативная. Показания скафандра свидетельствуют о присутствии атмосферы. Полковник Маркус?

— Сэр! — в ответе прозвучало удивление.

— Почему вы и Темесвар не выбираетесь из своего разведчика? Попробуйте перемещаться вдоль ленты, которая вьется вокруг нашего корабля.

— Да, сэр!

— Иайнари?! Почему вы тоже не выходите? Может быть, мы попытаемся проанализировать состав этих шукувин?

Доктор проинформировал, что он выйдет в космос сразу, как только наденет скафандр. Возможно, что в скафандре и нет надобности. Но Тупелоф не собирался его снимать. Пока Секретарь ждал прибытия помощников, он продолжал говорить, чувствуя, что его наверняка слушает весь экипаж.

— Даже на большом расстоянии ленты видны очень четко. Нет определенной модели, нет конца и начала, нет никаких приспособлений, которые могли бы их поддерживать в условиях гравитации. Нигде нет никаких облаков, туманностей, за исключением только прозрачного неба, если можно так выразиться. Температура воздуха, зафиксированная приборами, $+ 18^{\circ}\text{C}$. Никакого ветра не ощущается.

Сделав паузу, Тупелоф глубоко вздохнул. Даже внутри скафандра он, казалось, ощущал озон — воздух был как будто после грозы. Повышенная концентрация ионов. Сероватое свечение тихо трансформировалось в жемчужные отблески бордо. Чистый воздух — как после дождя. И именно об этом свидетельствовали приборы.

Откуда-то сверху двигалась Элли Темесвар, ее перемещение свидетельствовало о том, что гравитация на большинстве участков направлена под прямым углом к той поверхности, на которой стоял Тупелоф. Она прямо как истинный спортсмен перебиралась с одного витка на другой. Элли первая добралась до того места, где стоял Тупелоф.

Тайное сообщение Ломбока, которое Тупелоф просмотрел до того, как они покинули Солнечную Систему, не обвиняло ее в пособничестве «хорошим организмам»,

но и не утверждало обратного. Хотя Секретарь поверил ее рассказу о похищении, и со времени ее спасения не изменил своего мнения. В конце концов Тупелоф сам похитил одну из матерей Микеля, так почему бы берсеркерам было не похитить другую?

— Темесвар! — сказал он. — Вы уже были здесь, не так ли?

— Вы хотите спросить, тот ли это самый Тадж, который я описывала? Я думаю, это так, хотя я понимаю, о чем вы хотите спросить. Здесь все не совсем так, как я описывала тогда.

— Да, сейчас здесь все отнюдь не похоже на то, что я себе вообразил, исходя из ваших описаний.

— Нет, нет, я чувствую, это то же место. Такое ощущение, что я в доме, в котором бывала, но в другой комнате.

— В доме моего отца много комнат.

Темесвар не очень-то поняла, что хотел сказать Тупелоф. Она глянула на него с удивлением, но тот уже смотрел на приближающегося Маркуса — набор ящиков двигался осторожно по поверхности ленты, похожей на гусеницу. Энергетическое ружье посверкивало в металлических руках. А почему бы и нет? Тупелоф не отдавал приказов оставлять оружие на орбите, хотя видимой нужды в нем явно не было.

— Ну, как, полковник? Какие воспоминания в вас пробудились?

Ответ Маркуса был слышен и по радио, и разнесся в воздухе:

— Никаких. Все, что было во время той миссии, для меня словно подернуто непрозрачной пленкой. Но верно одно: это Тадж, хотя из рассказов Элли я представлял его по-другому.

Элли медленно оглядывалась. Потом она сказала:

— Прошлый раз нас изучали, я уверена. Тогда было странное чувство давления, противостояния или чего-то подобного.

Тупелоф слушал внимательно.

— Вы раньше никогда не упоминали об этом. Противостояния чему, кому?

Маркус тоже приблизился к Тупелофу и начал тестировать прозрачную твердую ленту под его ногами на состав. Элли наконец сказала:

— Вы поймете, что я имею в виду, если все повто-

рится на этот раз. Я не знаю, как это объяснить словами.

— Вы думаете, что должно все повториться?

— У меня чувство, что все сделано специально для нас — воздух, гравитация. Затем... Потом должно быть что-то. Я не знаю, но чувствую. Мы должны подождать.

— Может быть, вспомнить о Последнем Спасителе? — спросил Тупелоф. Ведь Элли служила в Храме.

— Эта мысль ни к чему не ведет.

Вглядываясь в искривленное пространство, Тупелоф увидел некоторый атмосферный эффект — вокруг отдельных участков изогнутых лент было мерцающее радужное сияние. В тех местах, где ленты перекрещивались, возникал эффект рефракции. Когда глаз Тупелофа встречал голубой или зеленый цвет, все выглядело весьма обычно. Но для одного цвета в ящике, знакомом Секретарю, не было подходящего слова.

Иайнари уже двигался навстречу — по тому же маршруту, стал и Тупелоф. Ученый тоже нагнул над лентой, что проводить ее анализ.

Темесвар помогала Маркусу, затем ей пришла в голову какая-то мысль. Она сделала жест рукой, выразив намерение поговорить с Тупелофом без свидетелей. Тот включил канал двухсторонней связи.

— Когда мы выберемся отсюда, мы полетим домой?

— Во-первых, неизвестно, когда и как мы выберемся отсюда. Во-вторых, у меня есть задание, и я вряд ли могу сбежать со службы.

Она вздохнула:

— Я не знаю, что думает экипаж. Шесть лет — долгий срок. Я, конечно, не буду бунтовать. И Фрэнк с нами, конечно.

И вновь Тупелоф испытал приступ любопытства:

— Я могу понять Маркуса. Для него — это своего рода реванш. Он не признается, что однажды потерпел поражение. Но вы...

— Когда-то я отказалась от сына. Затем встретила с людьми, которые не знали его, но ценили, — она встретила глазами с Тупелофом. — Вы сами порой воспринимали его так, будто он — Бог.

— Может быть, — эта мысль приходила к Тупелофу порой во сне.

— Потом я встретила его... — лицо Элли изменилось. Она подняла руку так, как будто давно утраченный Микель бежит к ним по переливчатой жемчужной ленте.

Маркус повернулся к ним, настроил свои линзы. Тупелоф, в свою очередь, настроил лицевое окошечко в скафандре на увеличение.

На расстоянии в несколько километров — было трудно точно сказать, на каком именно — зеленые лохматые точки четко выделялись на фоне изогнутой дорожки в пространстве.

— Я думаю, это — деревья, — сказала Элли, переключив радио на общую систему контактов.

— Деревья, — тон, с которым Маркус произнес эти слова, свидетельствовал о его недовольстве. Окружение, подобное этому, могло породить даже деревья, но ничего не добавить к разгадке тайны.

Взгляд Тупелофа был направлен по ленте-дороге, на которой росло то, что было похоже на деревья. Затем его взгляд устремился дальше. То, что он увидел, вызвало у него крик изумления. Секретарь сначала даже не поверил своим глазам. Ему захотелось даже чтобы кто-то еще посмотрел туда. Но все были заняты чем-то еще и не видели, поэтому после паузы Тупелоф произнес:

— Мне кажется, там люди. Они идут в нашу сторону.

Иайнари оторвался от тестов. Без сомнения, он подумал, глядя на Тупелофа, что у того начались галлюцинации. Но Фрэнк Маркус подтвердил, что увиденное не мираж:

— Я вижу их. Это действительно люди. Их около двадцати. Все они без скафандров. Такое впечатление, что они идут в обычной одежде.

— Сэр, мы навели на них телескоп, — в наушниках у Тупелофа раздался голос его помощника, оставшегося на КАРЛСЕНЕ. — Они без сомнения земляне. Данные визуального наблюдения введены в компьютер — двое уже опознаны, — они — члены экипажа «Гонфалона».

Тупелоф вспомнил, что «Гонфалон» — название одного из исследовательских кораблей, посланных в Тадж, о судьбе которого до сих пор ничего не было известно.

Тупелоф не мог потом вспомнить, кто отдал приказ людям с ДЖОАН КАРЛСЕН пойти навстречу. Может быть, он сам?

Вместе со всеми, он пошел навстречу людям. Серая лента послушно ложилась под ноги, гравитация удерживала их на крутых виражах.

В наушниках вновь раздался голос помощника:

— Сэр, они явно не очень рады видеть вас. У них довольно больной вид. Сэр, в середине группы робот...

Скафандр Тупелофа, а также скафандры других издали сигнал тревоги, извещающий о близком расположении берсеркеров.

— Назад, на корабль, быстро...

Прежде чем Тупелоф договорил свой приказ, он понял, что в нем уже нет необходимости. И еще он понял — уже поздно.

* * *

Силовые течения несли его в центр Таджа. Микель обнаружил это довольно быстро. Он точно не знал, что ищет.

Хорошо было бы приблизиться к Таджу, осмотреть зону, не входя в нее. Осмотреть более подробно зону этих серых лент, застывших в необычной форме в космосе. Может быть у него возникнет желание улететь от Таджа как можно дальше? А может быть, и нет.

Используя память Координатора, Микель почувствовал, что перед ним новая разновидность чего-то хорошо знакомого. Именно это он видел с помощью «Ланселота», когда впервые надел костюм. Микель вспомнил, что один из техников упоминал тогда название «Тадж». Сейчас он это вспомнил с необыкновенной ясностью. И вспомнил еще, что на Земле знали очень мало об этой зоне.

Зато Тупелоф, а, может быть, и берсеркеры знали, что Тадж связан с появлением Микеля на свет.

После успешного завершения своей миссии в безжизненном небе Элиайн, Микель взял курс на Коре. С самого начала его встретили космические бури, тяжелые течения. Радиационные потоки сопровождали его. Высились облачные громады различных форм материи, истекающие прямо из центра Коре.

Материя разнилась — от солнечной плазмы до неистощимых фонтанов жидкости, которая, как известно, обычно существует в галактических протоках.

Микель плыл вперед, переходя из стандартного полета в эс-плюс и обратно. Скорость — на максимуме. А вокруг Микеля громоздились все более сложные и плотные формы.

Пока он удалился от Черного Созвездия всего лишь

на несколько сотен световых лет, этого мало. До центра Коры еще далеко.

Но тут возник Тадж. Намного раньше, чем Микель ожидал его увидеть.

Снаружи Тадж напоминал огромный геодезический сгусток. Его размеры было трудно определить, но Микель помнил, что Тадж намного больше обычной звезды.

Только что Тадж был перед ним, затем — без особого перехода — оказался со всех сторон.

Микель мог перемещаться весьма свободно, но выхода из клетки этих лент не было видно. Никакого следа той геодезической структуры, которую он видел снаружи. Здесь был центр искажения Коре.

Густой, влажный воздух распространялся в пространстве, простираясь столь далеко, сколь это мог ощутить «Ланселот». Но дело было не в воздухе, который был буквально пропитан радиосообщениями, застрявшими в нем — старые и сравнительно недавние, голосами, кодами, неведомыми людьми. Но дело было не в голосах.

И даже не в том, что воздух время от времени пронизывала человеческая речь. Или речь берсеркера, общавшего о том, что появилась новая добыча — живая человеческая плоть.

Даже не это казалось необычным в Тадже.

Но Микель испугался. Он полетел, все убыстряя свой полет.

Тут вдали он увидел ленты, серые ленты, и в них запутавшийся корабль — «ДЖОАН КАРЛСЕН». На одной из лент, обвинявшей корабль, копошились люди. К ним приближались берсеркеры.

Вражеские капсулы были небольшими — чуть больше человека. Энергия, которую они излучали, была незначительной.

Предчувствуя столкновение людей с берсеркерами, Микель протянул руку — и одну за одной стал давить капсулы врага, превращая их в пыль и впитывая энергию и информацию носителей. Те капсулы, которые избежали рук «Ланселота», постарались скрыться.

Теперь стали слышны только голоса людей:

— ...что это может быть — я не знаю...

— ...неизвестная жизненная форма...

— ...в корабль, оттуда — вести переговоры...

Эти голоса всколыхнули ряд воспоминаний, воспоминаний, которые нельзя было протестировать с помощью

электроники — о тех временах, когда еще Микель не знал, что такое «Ланселот».

Тут раздался еще один голос, женский, быстрый, но слабющий.

— ...Боже, они схватили меня, положили, помогите, не дайте им...

Микель уронил горящую капсулу. Ее металлические осколки разлетелись в разные стороны.

ГОЛОС ЕГО МАТЕРИ!

Словно метеор, он бросился в погоню.

Впереди неслись уцелевшие берсеркеры, успевшие захватить пленников. Микель не очень четко ощущал, где границы Таджа, но, кажется, враги несутся к центру зоны.

Часть берсеркеров повернулась к нему, стараясь остановить или хотя бы замедлить перемещение преследователя. Микель пронесся сквозь это заграждение, как нож сквозь масло, разметав капсулы берсеркеров.

Центр Таджа был неподалеку — об этом свидетельствовали данные, впитанные им из банка информации поврежденных берсеркеров.

У пересечения трех крупных лент Микеля поджидал более мощный корабль, чем те, которые он только что разгромил. Корабль внешне походил на огромного робота с мощными конечностями.

Крик женщины, зовущий на помощь, прекратился. Даже «Ланселот» уже не мог запеленговать ее голос. Вокруг корабля-робота начали собираться более мелкие капсулы, но они оставили проход для Микеля.

— Ты — Микель Джеулинкс, — сказал робот.

— Ты — один из Директоров, — отозвался Микель.

Эта машина, как ощутил Микель, была запрограммирована так же, как и встреченный ранее берсеркер с памятью Координатора. Остальные Директора, наверное, находящиеся сейчас вне зоны Таджа, скорее всего, поддерживают контакт со своим представителем.

У берсеркеров не было единого руководителя, его роль выполнял Директорат.

Нет надобности машине называть свое имя. Его не существует. Робот ждал — то ли вопросов Микеля, то ли возможности нанести удар. Робот-корабль обладал бронированным компьютерным мозгом. В любую минуту свора мелких капсул может получить команду атаковать Микеля. Он видел, как их количество постоянно увеличи-

чивается. Они подтягивались из отдаленных районов Таджа.

Он тоже нанесет удар. Когда придет время. Но он должен задать вопрос. Или...

— Отец,— сказал Микель и рассмеялся. Он знал, что если бы услышал подобный смех со стороны другого, то сам посчитал бы его сумасшедшим.

— Кто дал тебе такую программу — называть меня отцом? Откуда тебе это известно?

— Никто не рассказывал мне ничего. Но я впитал это знание вместе с «кровью» твоих машин.

Микель протянул руку, чтобы указать на одну из капсул. Та выстрелила, потому что рука пересекла ее защитное поле. «Ланселот» без труда парировал залп. Микель продолжал говорить:

— Во всех видах космоса встречаются два вида тела. Человеческие тела. Соединяются их клетки, и рождается новая — третья клетка — еще один человек. Но здесь, в Тадже, все было не так. Родился не совсем человек, потому что ты вмешался. Вместо того, чтобы уничтожать людей, ты решил попробовать изменить их модель. Поэтому, новая клетка была не совсем клеткой человека. Может быть, она была не совсем живая. Может быть, в ней был зародыш смерти — в самых первых атомах новорожденной клетки. В человеческом языке нет слов, чтобы описать те виды энергии, которые использовались. И ты приложил руку к новой жизни, и ты...

Директор прервал его:

— Ты — выше любой жизни, Микель!

— Для тебя жизнь — это зло. Значит, я — даже большее зло? Хотя я знаю, что ты хочешь сказать, что я — выше ваших «хороших организмов». Я родился с помощью искусственных сил, ты рассчитал многое. Вы задумали меня таким, каким я стал.

— Ты — единственный.

— «Хорошие организмы» Элиайна, должно быть, помогли вам. Спасли ли вы их, когда на планету пришла смерть?

— Мы всех их спасли. От жизни.

— И Сякстуса Джеулинкса?! — Микель почти прокричал это.

— Потребности в его услугах больше не существуют. Он хотел смерти. Она была наградой.

У Микеля пересохло в горле. Он выдавил из себя

странный, kloкочущий звук, мало похожий на человеческий, еще меньше, чем смех несколько минут назад. Длинный хвост, отраженный в металлическом теле Директора, словно затанцевал безумный танец.

Истерика Бога. Невыносимая боль титана.

Директор замолк. Робот стойко отражал все попытки «Ланселота» проникнуть в его суть. Никогда Микель не встречал столь сильного противника.

Когда приступ смеха и судорога окончились, Микель задал еще вопрос:

— Отец, ты понимаешь, что совершил преступление? С точки зрения своих «друзей». Я — не «хороший организм». И никогда им не буду. Понимаешь ли ты, что это — грех? Принять участие в моем создании! И ты должен сказать мне — зачем ты это сделал?

— Возможно, ты — не «хороший организм». Я говорил уже: ты — единственный. Но создание жизни допустимо, если конечная цель — ее уничтожение. Ты был создан, чтобы получить ответ на вопрос: является ли Тадж живым или нет? Ответ должен находиться в центре зоны. Если Тадж — живой, то его нужно уничтожить. Если Тадж — не живой, то мы сможем его использовать для борьбы с жизнью.

Тадж... Он — вне знания. Микель ощущал это, глядя в сторону центра зоны. Теперь центр где-то рядом. Берсеркер прав: если им предстоит найти ответ, то они найдут его там. Микель не мог сказать, является ли Тадж живым. Тадж — это Тадж.

Микель сказал Директору:

— Я думаю, что я здесь с какой-то целью. Кто-то привел меня сюда. Но не ты.

— Я пытался доставить тебя сюда. Но мои машины и «хорошие организмы» потерпели неудачу. Но ты — здесь. Сюда стекается все необычное. То, что не отвечает известным стандартам. Может быть, именно здесь создаются стандарты, модели...

— И ты тоже хочешь создавать стандарты, издавать законы, машина?

— Я хочу делать то, что я должен. Ты будешь стараться уничтожить меня. Ты будешь стараться спасти женскую жизненную форму, которую я захватил. Твою мать. Стремясь к этому, ты последуешь за нами к центру Таджа.

— Я не буду помогать тебе.

— Но ты будешь делать то, что должен. Через меня Директора, которые вне Таджа, будут наблюдать за тобой. Мы сделаем то, что должны.

«Ланселот» потянулся к электронным нервам Директора. Контратаки не было. Но рука Микеля нащупала только твердый металл, ощутила поток энергии, который был вне досягаемости. Микель продолжал попытки, но Директор стал отступать, набирая скорость. Небольшая капсула-берсеркер вклинилась между ними, но тут же ее смяло в лепешку, и она исчезла в свете огромной вспышки — только осколки разлетелись на фоне неподвижного пространства. Взрыв отбросил остальные капсулы.

Директор летел к центру, Микель за ним.

Из самого центра Таджа истекали хаотические ветры, затруднявшие полет. Микель видел кости живых существ, когда-то устремившихся в сердце Таджа. А также обломки роботов и кораблей.

Величие Таджа, серая мгла подавляла. Он, наверное, старше Земли.

Но рядом с ветрами хаоса плыли формы закономерности и порядка — символы вечной логики. Они пролетали мимо и исчезали в галактических протоках. Проплывали также странные образования — возможно, зачатки неизвестных материальных форм.

Директор — впереди. Отец...

Изгиб зоны перешел в широкую пустынную долину. И вновь пошел вверх, словно спираль, обвивающаяся вокруг башни.

Где-то там, наверху — центр Таджа. Тадж — центр Галактики. И его центр — ядро Вселенной.

Директор стал менять форму, излучать ионы. Кристаллические образования очищались от примесей. Теперь Директора невозможно было узнать, но все же он мог поддерживать разговор:

— Жизненная единица Микель! Скажи, что ты видишь впереди! Скажи!

Но Микель не мог даже оглянуться, не в силах оторвать глаз отдвигающегося вверх кристалла, который продолжал задавать вопросы:

— Это...?

Но берсеркер не кончил фразу.

— Что? — переспросил Микель. Он помнил о том, что жизнь его матери в руках врага.

— Микель! Это — бог людей — перед нами? Я никогда не был еще так далеко...

Но что-то не так. Это чувство уже давно не покидало Микеля. Теперь он понял: сердце Таджа... оно не целое...

— Бог — это нечто большее, — отозвался Микель.

— Я сделал компьютерный анализ, — сказал Директор. — Незавершенность. Структурная нецелостность. Или ты или я должен...

— Или ты или я, — повторил Микель. Теперь он был совсем рядом. Мог легко достать Директора рукой. Микель медленно продолжал продвигаться, но он изменился. Все изменилось.

— Я больше не могу проводить компьютерный анализ, — сказал Директор. Затем он остановился, застыл без движения.

Микель теперь без труда мог проникнуть внутрь корабля роботов и достать жизнь, заключенную в берсеркере.

Сомкнув огромную ладонь, Микель оградил мать от каких-либо воздействий. Он чувствовал — она напугана, но сохраняет разум, потому что не знает, чья ладонь держит ее...

Центр Таджа был так мал, что Микель мог охватить его двумя руками. Но и вся остальная Вселенная превратилась в карликовую Галактику. Центр Таджа слепил глаза, оглушал. Даже «Ланселот» не мог теперь взглянуть на него. Но когда Микель прощупал его внутреннее спокойствие, то он понял, что Тадж есть в каждой вселенной. Тадж любой другой Вселенной подобен этому, и в то же время, отличен от него. В каждой Галактике он уникален. Подчиняется своим и только своим законам. Сама по себе галактика — не живая форма, но каждая галактика хранит в своем сердце семена и секреты жизни. И каждое сердце стремится к завершению.

Открылся проход в пространстве. Теперь Микель знал, что каждый Тадж выбирает среди миров ряд существ — различных пород и рас. И одно за другим они входят в сердце Таджа, образуя непрерывную цепь бесконечного развития.

Микель увидел жизненные мыслящие формы различных рас, но их набор был неполным. Они сидели за круглым столом, как в кают-компании.

Микель сделал новый виток. Без усилия, не сходя с курса, он протянул руку и... коснулся «Джоан Карл-

сон». Не причинив вреда обшивке, его сжатый кулак проник вовнутрь. Там пальцы разжались, рука Микеля опустила бережно мать на пол. Корабль остался невредимым. Теперь Микеля уже не удивляли такие проникновения.

Ленты, удерживающие «Джоан Карлсен», опали как старые листья.

Микель вновь устремился к сердцу Таджа. Его звали голоса. Он слышал их притягательную силу. Он был свободен. Они тоже свободны. Но они никогда отсюда не уйдут.

Микель увидел Кармпана — героя космических сказок. За столом было одно свободное место.

Микель оставил позади огромную грудку металла — Директора, и с жадной жаждой знания устремился в сердце Таджа. По своей доброй воле, по желанию души, сотворенной людьми и не людьми, Микель Джеулинкс занял свое место...

ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ

И вновь я, третий бытописатель кармпанской расы, благодарен людям Земли за то, что они защищали мой мир и множество других миров, предал перу ряд моих воспоминаний и видений. Мой разум, не связанный временем и пространством, пересекает Галактику, чтобы собрать из крупиц правдивую повесть о великой войне между созидательной Жизнью и разрушительной Смертью. То, что я задумал, далеко от подробного описания всех событий войны. Мое повествование — суцая правда.

Большинство высокоцивилизованных рас Галактики стараются избежать войны, пусть даже их выживание зависит от исхода кто — кого. Материя, которая является основой всего живого, стала плодотворящей глиной берсеркеров. Создатели несли неизбежное зло? Или...

УЛЫБКА

Роскошный корабль-яхта Правителя Йоритомо появился на фоне слоистых и слоисто-дождевых облаков, которые медленно плыли по безжизненному небу. Целых четыре месяца тому назад берсеркеры напали на Санта-Гервас...

Бесшумные, но достаточно грозные на вид десантные капсулы отделились от корабля, чтобы приземлиться на обожженную землю в том месте, где когда-то располагалась столица планеты.

Десант был хорошо экипирован — ни горячий пепел, ни раскаленная масса, ни тем более потоки радиации не должны были повредить людям. Они знали, что искать, и менее чем за час были обнаружен туннель, начинающийся в подвале знаменитого Музея Санта-Герваса —

точнее в подвале того, что от Музея осталось.

Ступеньки вели вниз, кое-где свод обвалился, но все же продвижение вперед было возможно, хотя десанту нередко приходилось останавливаться и разгребать груды музейных развалин. Сквозь разрушенный свод в туннель попали обломки солдат-роботов, а также обломки оружия берсеркеров. Металлические убийцы были вынуждены приземлиться, чтобы уничтожить силовое оборонительное поле планеты. После этого началась бомбардировка.

Туннель заканчивался огромным подвалом, удаленным не менее, чем на сто метров от поверхности. Освещение, подпитываемое индивидуальными генераторами, еще функционировало, вентиляция продолжала разгонять пыль. Глазам десантников предстало пять величественных статуй, они красовались в центре мастерской, примыкавшей к подвалу... Статуи, видимо, перенесли туда по приказу неизвестного реставратора в надежде, что они лучше сохранятся. Каждая фигура была поистине произведением искусства.

Повсюду в этом необычном убежище можно было увидеть картины, богатую посуду, статуэтки из бронзы, золота, изделия из других драгоценных металлов — все, что радовало глаз и говорило о роскоши.

Десант тут же послал сообщение дежурному, только и ждавшему сигналов на корабле, зависшем над планетой. В рапорте отмечалось, что кто-то, скорее всего, находился в убежище, не покидая его, и во время нападения на планету берсеркеров.

Кроме мастерской, к подвалу примыкала маленькая комната, которая использовалась как хранилище музейных документов. В ней стояла походная койка, были сложены консервы, различные продукты — это подтверждало то, что где-то поблизости жили люди. Несомненно, кто-то ведь должен был уцелеть из многомиллионного населения планеты.

И он появился на пороге своего убежища без каких-либо защитных приспособлений. Он, кто прожил четыре месяца в одиночестве, увидел десантников, безошибочно делающих свою работу.

— Воры! — сказал он.

В его голосе не было ни гнева, ни страха. Человек прислонился к двери комнаты — длинноволосый, небритый, когда-то, видимо, полный, теперь же одежда, кото-

рую не меняли месяцами, болталась на его теле, словно на скелете.

Один из членов отряда молча посмотрел на единственного уцелевшего жителя планеты, затем его палец лег на гашетку автомата. Чтобы выразить появившимся бесцеремонно незнакомцам свое презрение, житель Герваса бросил на пол металлический брусок, который держал в руках. Тем временем лидер десантников в очередной раз связался с кораблем.

— Ваше Величество, здесь есть один уцелевший,— сказал он, обращаясь к кому-то, кто тут же появился на маленьком переносном экране.— Я думаю, это и есть скульптор Антонио Нобрега.

— Я хочу на него взглянуть. Подведите скульптора к экрану.— Голос Его Величества пугал, приводил в ужас из-за того, что говорил он так, будто ему не хватало воздуха.

— А вы не ошиблись! Это действительно Нобрега! Хотя он очень изменился. Какая для всех нас удача! Очень ценная находка!

— Я знал, что вы прилетите на Санта-Гервас,— сказал бесстрастным голосом Нобрега.— Прилетите подобно червям, которые стремятся к мертвому, разлагающемуся телу. Подобно неумолимому вирусу рака. А здесь ли твоя женщина, которая станет владелицей наших произведений? Нашей культуры?

Один из десантников сбил скульптора с ног, но лицо на экране издало недовольный звук, и Нобреге быстро помогли подняться и сесть на стул.

— Он — человек искусства, дорогие мои,— раздался голос Йоритомо.— Вряд ли, он понимает что-либо в этой жизни. Пусть маэстро пройдет курс лечения на корабле, а затем мы возьмем его во Дворец, где он будет жить и работать — счастливо или несчастливо — уже не наше дело.

— Нет,— сказал тихо скульптор.— Моя работа окончена.

— Ерунда!

— Я знал, что вы прилетите...

— Да? — в голосе с экрана прозвучали насмешливые нотки.— И откуда же?

— Я слышал. Когда наш флот защищал отдаленные рубежи нашей системы, моя дочь была на одном из кораблей. До того, как она погибла, я узнал, что вы следите за

тем, что должно произойти, оцениваете наши силы, наши шансы противостоять берсеркерам. Я знаю, что ваш флот испарился, когда они появились. И я тогда себе сказал, что вы еще вернетесь, чтобы разграбить наше богатство — то, что вы никогда не получили бы, если...

Нобрега рванулся со стула, схватил длинный металлический инструмент и замахнулся им, чтобы со всей силы нанести удар по «Крылатой правде» Помятовского — бесценному творению одиннадцатого века. Но прежде, чем скульптор успел разнести произведение искусства на мраморные осколки, Нобрегу схватили и связали.

Спустя час, когда десантники подошли к нему, чтобы взять с собой на корабль, скульптор был уже мертв. Вскрытие прямо на месте показало: медленное отравление ядом. Возможно, Нобрега покончил с собой, или его убили какие-то микробы, которые берсеркеры оставили на Гервасе в целях выполнения программы уничтожения всего живого в Галактике.

* * *

По возвращению в свой дворец Йоритомо не мог ничем заниматься, кроме как созерцать новоприобретенные сокровища. Пять величественных статуй установили в самой крупной, хорошо охраняемой галерее Дворца. «Крылатая Правда» Понятовского, «Смеющийся Вахх» Лазамона, «Последнее Искушение» Сарапиона, «Касающееся Пространство» Лазинского, «Воспоминание о Прошлых Грехах» Праджапати заняли достойное место в галерее Дворца Йоритомо. Остальные произведения разместили так, чтобы они не заслоняли лучших творений Герваса.

Леди Йоритомо была во Дворце, когда появились новые предметы роскоши. Ее обязанности Культурного Просветителя Народов и Высшего Смотрителя Образования требовали частых отлучек, с супругом они месяцами не виделись. Однако очень доверяли друг другу. На этот раз супруги сидели вдвоем в галерее, медленно пили и обсуждали свои дела.

Леди Йоритомо старалась найти подтверждение своей теории того, что любовь к властвующим супругам генетически заложена в покоренных народах. Некото-

рые экспериментальные проекты уже вводились в жизнь, но пока серьезных доказательств не было получено. Леди Йоритомо разработала ряд новых социальных экспериментов.

Ее супруг в основном говорил о своем плане, целью которого была разработка гибкого соглашения с берсеркерами. В соответствии с этой схемой Йоритомо предоставит маньякам-убийцам те планеты, которые трудно защищать, а также и людские жизни тех, кто ему не нужен, в обмен на самые лучшие произведения искусства, принадлежавшие уничтоженным народам. А также обещанную гарантию неприкосновенности своих владений. В плане предусматривалось много различных пунктов, но Его Величеству пришлось признать что на пути установления контактов с берсеркерами стоит немало препятствий, не говоря уже о невозможности доверительных отношений.

Поделившись с супругой своими планами, Йоритомо задумался о том, что им с женой не мешает поговорить о чем-нибудь более интересном, чем дела. Но прежде он поднялся с дивана, где они непринужденно сидели, и отправился, чтобы поставить чайник. Из чисто практических соображений Йоритомо не держал у себя во Дворце роботов-слуг, поскольку ему не хотелось, чтобы кто-либо мешал беседам Их Величества. К тому же, как Йоритомо считал, его супруге, наверняка, льстило такое отношение, когда руки самого могущественного человека подавали ей чай. Возможно, думал Йоритомо, она будет сговорчивее, если вдруг их взгляды начнут когда-то расходиться, даже если только по незначительному поводу...

Йоритомо обошел огромный металлический корпус «Последнего Искушения» и вернулся туда, где несколько минут назад оставил свою жену в раздумье. Удивление, перешедшее в ужас, не сразу изменило выражение лица Йоритомо. Его Величество увидел свою супругу. Еще полминуты назад она была полна жизненных сил, говорила о своих планах. Сейчас же она — Великий Смотритель Образования — была на том же месте, но тело ее как-то странно полулежало на диване, украшенные бриллиантами пальцы руки касались роскошного мягкого ковра на полу. Волосы Великой Леди были в беспорядке и — что было странно! — голова ее была неестественно выгнута, неподвижный взгляд ее глаз

застыл поверх соблазнительного обнаженного плеча... Шея и одна щека женщины были в порезах.

Йоритомо не мог смотреть на это ужасающее зрелище и быстро отвернулся. Чайник, бесценное творение одной из покоренных культур, вывалился у него из рук. Йоритомо потянулся за спрятанным в комнате клинком, но неизвестная сила помешала ему. Его Величество увидел над собой витающий образ Смерти, и этот образ покушался на его величие. Йоритомо не успел и крикнуть, как силы покинули его...

* * *

Ветер завывал, гоня перед собой пыль и песок. Ритван, прибывший на планету несколько часов назад, легко поверил, что огромная яма, оставшаяся после того, как был уничтожен Дворец Йоритомо, за несколько лет сравнялась с землей. Даже вчерашние места раскопок уже частично замело песком.

— Они были пиратами,— сказала Айзелин, главный археолог.— И две сотни лет назад контролировали планеты четырех солнечных систем. Это был расцвет их владычества. Хотя сейчас об этом трудно догадаться, глядя на эти пески.

— Озимандия,— прошептал Ритван.

— Что?

— Древняя поэма,— тонкие, нервные пальцы Ритвана откинули волосы со лба.— Жаль, что меня не было здесь, когда вы нашли статуи и унесли их на корабль. Я прилетел с Сиргола так быстро, как только мог, услышав о том, что здесь идут раскопки.

— Повимаю,— произнесла как-то задумчиво Айзелин, при этом она сложила нежные руки. Через минуту ее красивое, смуглое лицо индианки осветила белозубая улыбка.

— Почему бы тебе не полететь с нами на Истил? Поверь, я просто не имею права расконсервировать контейнеры, пока мы не окажемся там. Существуют строгие правила доставки, которые мы не можем нарушать, если не хотим, чтобы нас перестали финансировать.

— У меня есть свой корабль. На нем хороший автопилот и...

— Тогда запрограммируй его и лети с нами. Когда

мы откроем контейнеры, прибыв на Истил, ты будешь одним из первых, кто увидит прекрасные статуи. К тому же, мы сможем поговорить. Я очень хочу, Ритван, чтобы ты был с нами, ведь нам так необходим первоклассный историк-искусствовед.

— Хорошо, я согласен. А правда ли, что коллекция Санта-Герваса почти не пострадала технически?

— Не думаю, что могу утверждать это наверняка. Но многие из сокровищ, что мы нашли, в очень хорошем состоянии.

— Неужели они просто лежали без дела там? В течение двух столетий?

— Я считаю, Дворец Йоритомо был самым безопасным для них местом. На этой планете, как предполагается, проживало не более нескольких тысяч человек. Никому не удавалось прожить здесь долго. Интриги, заговоры и тому прочее были причиной этого. Вассалы Владыки перессорились между собой после его смерти — никто не знает, как и с чего началось вырождение планеты. Шла смертельная вражда, Дворец подвергся нападениям, претенденты на трон были уничтожены. Все пришло в упадок. Никто из заговорщиков не смог удержать власть после смерти, так называемых, Его Величества и Великой Леди.

— Когда это было?

Айзелин назвала дату.

— Как раз в тот год, когда была уничтожена жизнь на Санта-Гервасе. Йоритомо побывал там после нападения берсеркеров. Его люди разграбили сокровища планеты — очень в их духе, не так ли?

— Боюсь, что так. Чем больше я о них узнавал, тем больше убеждался, что должен быть более ценный тайник, чем тот, который был обнаружен во время раскопок лет сто тому назад. Археологи нашли там столько, что посчитали, что и этого достаточно.

Ритван смотрел, как песок заносит углубления — следы раскопок. Айзелин дружески коснулась его руки.

— Да, а говорила ли я тебе, что мы нашли два скелета? Я думаю, Йоритомо и его супруги. Они были облачены в роскошные одежды и лежали среди величайших сокровищ. У Леди была сломана шея, а у ее супруга переломаны кости.

Ветер все еще завывал, когда оба корабля стартовали...

Путешествие на Истил было приятным, хотя немного скучноватым. Всего на борту вместе с Ритваном было шесть человек, и все они занимали три узких каюты. Люди были оживлены — всех привлекала возможность подробнее изучить находку на Истиле.

Члены экипажа имели великолепный шанс постоянно созерцать изящнейшие вещи, упакованные в прозрачные контейнеры, которые радовали глаз повсюду, куда только можно было бросить взгляд. Разработка маршрута после введения программы, обеспечение едой — все это выполняли машины, людям лишь изредка приходилось следить, не сбились ли они с привычного ритма. В этой части обитаемой Галактики можно было путешествовать, будучи уверенным в своей относительной безопасности (как и сотню лет назад). Берсеркеры сюда больше не залетали, а других пиратов пока тоже не обнаружили.

В центральном грузовом отсеке стояли пять контейнеров разных форм, огромных размеров. Их твердое покрытие Ритван с удовольствием искромсал бы на мелкие кусочки. В первый же день путешествия он присоединился к остальным в кают-компанию, где все слушали старые записи, найденные в руинах Дворца Йоритомо. Кристаллические кубики располагались на ободках информационных колец. На кольцах стояли даты. Большинство колец содержало информацию, записанную самим Владыкой, лицо которого появилось на дисплее.

— Один бог знает, зачем он записывал это, — вздохнула Осхогбо, главный архивариус музея Истила. Именно это солидное заведение финансировало раскопки. — Только послушайте! Посмотрите на это лицо! Он приказывает кораблю сдаться, или же всех ждет смерть!

— В нем умер великий актер, может быть, — предположил Чи-кан, когда-то простой энтузиаст, помощник археологов, ставший капитаном корабля. — Он любил отдавать приказы.

Ключевский, главный эксперт по ведению земляных работ, сказал:

— Наверное, на каждом корабле из флота Йоритомо была такая запись. И встречные корабли, получив подобный приказ, не знали, что с ними говорят не сам

император! Наверное, это производило впечатление. Хотя я не уверен.

— Давайте прослушаем другие кольца,— сказал Грантон, главный хранитель находок.

В течение следующего часа они нашли несколько записей. В первой из них Йоритомо приказывал своим подчиненным прекратить раздоры из-за рабов и налогоплательщиков, в другой же записи излагал жалобу, адресованную Интерпланетному Правительству, где представлял себя как человека, несправедливо оклеветанного; но самой интересной оказалась третья запись, где Йоритомо рассказывал о наиболее захватывающих находках из своей коллекции какой-то аудитории, установить которую уже никогда не удастся...

— Стойте! — закричал Ритван. — Можно вернуть назад этот фрагмент?

Голос Владыки повторил:

— Вот печальная история о том, как были спасены эти поразительные статуи. Наш флот сделал все возможное, но мы опоздали. К моему великому сожалению, мы опоздали. И не смогли помочь героическим защитникам Санта-Герваса. Много дней мы искали уцелевших, но нашли только одного. Это был скульптор Антонио Нобрега, но наша помощь пришла слишком поздно. Он умер от медленного яда, которым берсеркеры отравили атмосферу. Это — большая утрата. Он умер рядом с бесценными творениями народа Герваса. Я надеюсь, что придет тот день, когда все правительства пойдут навстречу моим пожеланиям и сделают все возможное, чтобы прекратить войну против этих...

— Итак! — воскликнул Ритван голосом человека, который наконец-то разрешил мучившую его загадку. — Значит, вот как умер Нобрега.

— Он был известным скульптором, не так ли? — спросил Грантон.

— Да, очень хорошим. Но основное его умение — это изготовление копий великих мастеров. Что касается собственных работ, то их теневая сторона была, как говорят, лучше чем лицевая. — Не всем понравилась эта шутка, но Ритван продолжал. — Я не хочу верить ни единому слову Йоритомо, но думаю, у него не было повода лгать говоря о смерти Нобреги.

Айзелин глянула на часы:

— Мне пора ужинать. Остальные хотят остаться здесь?

— Я вполне могу воздержаться от прослушивания этих записей,— Ритван встал, чтобы проследовать за Айзелем,— но если вы откроете контейнеры...

— Ни малейшего шанса, друг мой. Но я могу показать тебе голограмму. Я, конечно, говорила тебе, что...

— Не говорила! Конечно, пойдем!

Осхогбо начала просматривать кольца:

— Вот запись, где Йоритомо вместе с подругой...

Но Айзелин и Ритван не стали задерживаться. Чикан вышел следом.

В маленькой столовой трое сели на пол.

— Слушайте, еще немного — и нас ждет декаданс! Гороховый суп с ветчиной. А что это? Устрицы! Великолепно!

Потом Айзелин настроила аппарат. В воздухе начали возникать серо-красные лучи, проявляться величественная композиция «Качающееся пространство». Может быть, само сердце человека забилося перед ними?

Айзелин шевельнула одну из ручек настройки, и композиция обрела более резкие очертания, затем начала медленно вращаться.

— Капитан?! — раздался хриплый голос по передатчику.

— Сидите, сидите,— сказал Чикан Ритвану и Айзелем.— Что такое?

— У нас проблемы в грузовом отсеке,— кажется это голос Грантона.— Кажется, что-то... Айзелин, тебе тоже лучше подойти и взглянуть на...

Затем — пауза. Потом — резкие шумы. Невнятная речь, странные голоса, стук, хриплый крик.

Все бросились в грузовой отсек, где находилась кают-компания. Ритван бежал вслед за Айзелем. Вдруг она остановилась так неожиданно, что он чуть не сбил ее с ног.

Проход в отсек, через который они проходили с четверть часа тому назад, теперь был плотно запечатан. Выдвинулась массивная дверь, которая проектировалась с целью предотвратить повреждение груза в случае пожара или разрыва обшивки корабля.

Рядом с дверью скорчилась человеческая фигура. Чикан и Айзелин склонились над нею. Ритван ощутил невыносимый запах горелого мяса.

— Помогите мне поднять ее... Осторожней! В аварийный отсек! В лазарет! Сюда!

Ритван помог Айзелин. Чи-кан глянул на индикатор рядом с тяжелой дверью, положил руку на поверхность металла. Потом присоединился к друзьям.

— Там внутри — пожар, — сказал он, пока они быстро шли по коридору. Прикосновение руки Чи-кана, и маленькая дверь распахнулась, впуслав свет из коридора.

— Есть ли у нас что-либо воспламеняющееся среди грузов? — голос Айзелин прозвучал так, как будто ее оскорбила сама Судьба.

Ей никто не ответил. Чи-кан нажал на педаль, двадцать секунд мягкого скрежета, и вытянутый резервуар принял обгоревшее тело Оскогбо. Аппарат начал свою работу. Айзелин осталась с Оскогбо, Ритван последовал за Чи-каном. Вновь пробежка по коридорам. Капитан скользнул в свое кресло, его быстрые пальцы забегали по кнопкам, запрашивая информацию.

На экране появилось пространство грузового отсека. На полу что-то лежало, похожее на сверток старых тряпок. Еще одно мгновение относительно ясного изображения — Ритван и Чи-кан увидели что-то огромное, движущееся, — и экран погас.

Капитан хмуро смотрел на серую пустоту перед собой в течение пары секунд, затем включил аварийный отсек. На экране тут же возникла Айзелин.

— Как она? — спросил Чи-кан.

— Идет стабилизация. Повреждено основание черепа, как будто что-то тяжелое опустилось ей на голову. Почти все тело обожжено.

— Может быть, ее придавило дверью? — теперь мужчины увидели на экране резервуар, лицо Оскогбо. Капитан громко спросил: — Оси, ты слышишь меня? Оси! Что случилось с Грантоном и Клу?

Шея Оскогбо покоилась на костяном каркасе. Ее тело чуть раскачивалось в темной жидкости; могло создаться впечатление, что ей нравится принимать эту ванну... Горящие куски одежды медленно растворились. Оскогбо открыла глаза, стараясь уловить смысл слов Чи-кана.

— Их... ударило... я... бежала...

— Что их ударило? Они живы?

— Голова Грантона. Ее снесло. Я отскочила, но оно ударило...

Глаза женщины закрылись.

Появилось лицо Айзелин.

— Она выживет. Я думаю, что она заснула. Подействовало успокоительное. Мне разбудить ее? Я могу ввести...

— Не надо,— голос капитана был далеко не бесстрастный.— Я думаю, остальных уже нет в живых. Нельзя открывать ту дверь, пока мы не выясним ситуацию.

— Можем ли мы приземлиться на какую-нибудь ближайшую планету? — спросил Ритван.

— Нигде нам не смогут оказать помощь. Только на Истиле. Три-четыре дня.

* * *

Итак их осталось всего трое, если не считать Осхого, которая сейчас лежала в растворе и не могла ничем помочь. Остальные члены экипажа решили обсудить ситуацию. Двое мужчин видели что-то огромное, передвигающееся в грузовом отсеке.

— К тому же,— сказала Айзелин,— наша уцелевшая свидетельница говорит: «Оно снесло голову...»

— Может быть, это берсеркер? — быстро предположил Ритван.— Или какое-нибудь животное? Но как смогло нечто такое огромное прятаться там?

— Животное? Это невозможно! — резко сказал Чикан.— Ты просто не видел, как мы заполняем отсек, стараясь не потерять ни одного сантиметра. Единственное место, где кто-либо или что-либо можно спрятать,— это внутренность одного из контейнеров.

— Я проверяла каждый контейнер,— вмешалась Айзелин.— Обшивка плотно облегает статуи. Там ничего не может быть. Что это за шум?

Мужчины прислушались. Необычные, приглушенные звуки, ритмические постукивания — какие в космосе, вряд ли, услышишь, были даже здесь, в командном отсеке. «Что же это были за люди, чей Дворец дал им этот странный таинственный груз?» — подумал Ритван. Впервые с тех пор, как все началось, он почувствовал страх.

— Чи-кан,— он положил руку на плечо капитана.— Что же все-таки мы видели на экране?

— Что-то огромное, намного превышающее человеческий рост. Оно двигалось. Так?

Да, но было темно, то есть был темный фон.

— Я сказал бы, что ЭТО был светлым,— звуки усилились, стали громче.— Не думаешь ли ты, что ожила одна из статуй?

Донесся голос Айзелин из аварийного отсека:

— Я думаю «ожила» — не то слово.

— Сколько статуй имели шарниры? «Касающееся пространство», насколько помнит Ритван, не имело. Но скульптуры, при создании которых использовались шарниры, встречались несколько веков тому назад.

— Две,— ответила Айзелин.

— Мы все осмотрели статуи весьма внимательно. Они — великолепны. Творения гениев,— сказал Чи-кан.

— Но мы же не проверяли, что у них внутри: энергетические батарейки или мозг-робот?

— Нет. Кто мог предположить...

— Тогда берсеркер,— настаивал Ритван.— Он ждал своего часа, чтобы потом захватить корабль.

Чи-кан мягко коснулся ручки кресла историка.

— Нет. В это я не могу поверить. Разве аварийная дверь остановила бы берсеркера? Мы бы уже давно были бы мертвы. Берсеркер, который сыграл роль величайшего шедевра? Который пролежал в земле две сотни лет, с нетерпением ожидая наших раскопок?

— Нобрега,— неожиданно прервал его Ритван.

— Что?

— Нобрега. Он погиб, но мы точно не знаем как. У него были все основания ненавидеть Йоритомо. Возможно, он встретился с теми, кто разграбил Музей Герваса, называя это коллекционированием.

— Ты говорил, что Нобрега был великолепным изготовителем копий? И хорошим инженером. Никто точно не знает, почему он умер. Но умер он рядом с этими статуями,— сказал Чи-кан.

— Предположим теперь,— взял слово Ритван,— что Нобрега подозревал о прилете пиратов. У него было время что-либо предпринять. Взять, предположим, статую с конечностями на шарнирах, вмонтировать аппаратуру для перемещения, панель контроля, может быть, огнемёт в качестве оружия. Затем добавить электронный мозг какого-нибудь вышедшего из строя берсеркера.— У Чи-кана перехватило дыхание от слов историка.— После атаки на Гервас, наверное, осталось немало берсеркеров.

— Я начинаю думать,— сказал капитан,— не л лучше

ли нам сесть в капсулу и отправиться на твой корабль, Ритван? Он маленький, но мы сумеем разместиться там.

— Но там нет резервуара.

Все глянули на молодую женщину, чьи темные волосы плавали в целебной жидкости. Глаза ее были закрыты.

— В любом случае,— сказал капитан,— я не уверен, что ОНО не сможет прорваться к нам. Возможно, ты прав, это — не совсем берсеркер. Нам нужно продумать, как мы можем защитить себя.

— Чем же? — спросила Айзелин.— Когда наши ручные пистолеты остались в грузовом отсеке?

— Хорошо еще, что Нобрега пересадил ему мозг, которого хватает на то, чтобы долбить дверь, а не искать то, чем это можно сделать. Но давайте все же посмотрим, что у нас есть.

Они отправились в отсек, где хранились инструменты для земляных работ. Оставаться рядом со спящей Оскогбо не имело смысла, и Айзелин присоединилась к мужчинам. Она оставила включенным канал связи с аварийным отсеком, чтобы лицо Оскогбо осталось на экране.

— Дверь скоро прогнется,— сообщила она, проходя мимо входа в грузовой отсек.— Нужно подумать, чем защищаться.

Ритван улыбнулся. Он вынул из груды инструментов что-то длинное, тяжелое, с вмонтированной батареей.

— Это что — отбойный молоток? Может, сгодится?

— Конечно. Когда враг будет на расстоянии пары метров. Прихватим на крайний случай.

Перерыв ящики с электрическими приборами, назначение которых было неизвестно Ритвану, капитан пробормотал:

— Если уж Нобрега решил повредить шедевр генерала, значит, он знал, что делал. Был уверен, что Йорито-мо заберет статую с собой туда, где будут и сам Его Величество и его Великая леди.

— Я думаю, так и было. Если бы он просто предложил бомбу, то неизвестно, достиг бы он своей цели.

— К тому же приборы могли бы обнаружить взрывчатое вещество... Ритван! Когда эта статуя «оживла», что именно слышали оставшиеся в кают-компании грузового отсека?

Ритван замер.

— Оскогбо сказала, когда мы уходили, что сейчас они будут слушать и созерцать Йоритомо и его супругу. Черт возьми! Наверняка, что ключом к включению мозга стали голоса обоих Йоритомо, звучащие дуэтом!

— Но как же тогда отключить программу?

— Она же включилась потом, после смерти супругов. И две сотни лет никто не «разбудил» творение Нобреги. Возможно, скульптор не думал, что статуя просуществует так долго и цикл повторится. Может быть, программа сама отключится через определенное время...

Неумолимые, как часы, продолжали раздаваться стуки в дверь.

— На это вряд ли стоит рассчитывать,— Чи-кан толкнул ногой последний ящик.— Мы нашли «тяжелое» вооружение. Но нам нужно что-то, с помощью чего мы сможем воздействовать на врага — расплавить его или что-то в этом духе. Для начала нужно узнать, какая же именно статуя долбит дверь. На шарнирах — две статуи. Это намного упрощает дело. Но все же...

— «Смеющийся Вакх»,— подсказала Айзелин,— и «Воспоминание о «Прошлых Грехах».

— Первая — в основном, сделана из стали. Я думаю, мы сможем включить индукционное поле достаточной мощности, чтобы расплавить ее. Сотня килограммов расплавленного металла. На палубе, конечно, малоприятное удовольствие, но все же это лучше, чем наша возможная перспектива. Но другая статуя — из крайне твердого материала. Керамика, но какая-то особая. Тут уже нужен мощный разряд, чтобы одолеть ее... А если их двое?

Ритван покачал головой:

— Я думаю, Нобрега все свои усилия сосредоточил на одной. И довел до совершенства.

— Таким образом,— сказала Айзелин,— осталось выяснить, которая из них — настоящая, а которая поддельная. Та, над которой он работал, должно быть, копия. Если же он использовал не копию, а сам шедевр, тогда должен быть все равно след. Участок, который вначале расплавили, а потом заделали вновь.

— Пойду посмотрю голограммы,— сказал Ритван.— Если повезет, найду «заплату».

Айзелин пошла вместе с ним:

— Все, что ты должен сделать, друг мой, это обнару-

жить копию, что не удалось даже экспертам Йоритомо.

Вскоре изображение обеих статуй предстали перед ними. Голограммы медленно вращались. Обе статуи были в виде высоких человеческих фигур, которые улыбались.

Через две минуты Ритван уверенно сказал:

— Вот — подделка. Нужно найти прибор, который способен излучать мощный импульс.

* * *

Прежде чем аварийная дверь уступила под напором, электронная пушка была установлена. По обеим сторонам прохода стали выжидательно Чи-кан и Айзелин, держа в руках фонари. Ритван, признавший себя наиболее искушенным в боях, стоял прямо напротив двери в противопожарном костюме, прижимая тяжелый молоток к груди.

Дверь упала внезапно. В установившейся на секунду тишине перд взорами людей предстало последнее творение Антонио Нобреги — белая фигура в свете двух фонарей на фоне темноты грузового отсека.

Ритван поднял молоток, который показался теперь легким, как пушинка. Теперь он знал, что ощущают люди, когда им предстоит схватка с берсеркерами...

Изваяние сделало шаг к Ритвану, но тут мощная серебряная вспышка на мгновение ослепила людей...

Пару часов спустя были закончены необходимые работы по ликвидации повреждений в грузовом отсеке. Два мертвых тела были извлечены и положены в саркофаг — с печалью, но без ритуала, на который не было времени. Осколки творения Нобреги после мощного разряда, который не выдержала даже прессованная керамика, наконец остыли.

Ритван обещал сказать, как он определил подделку. Он покопался среди обломков.

— Вот, — сказал он.

— Рот?

— Улыбка. Если бы вы были знакомы с искусством Федеральной Эры также, как и я, то подделка и для вас была бы очевидна. Но у вас другие задачи. В период, когда творили Праджапати, улыбки были другими. Здесь — злоба, насмешка, умение контролировать себя. Тогда же, когда он жил, улыбки были доброжелательными.

— Но сам Нобрега не знал этого? И Йоритомо? — спросила Айзелин.

— Не могли они тогда заглянуть на два века назад, чтобы сравнить искусство своей эпохи и прошедших. Типичное видится на расстоянии. Месть существовала во все времена, но вкусы и пристрастия в искусстве менялись.

— Я подумал, что название статуи дало подсказку, — сказал Чи-кан.

— Воспоминание о «Прошлых Грехах»... Нет, я думаю Праджапати выбрал просто сюжет. Как я уже сказал, месть не знает ни временных, ни национальных границ.

Во все века.

Осхогбо из своей целебной ванны наблюдала за всем происходящим с помощью монитора. Ее тело передернулось от боли. Она закрыла глаза.

Месть не знает границ.

Вселенная дала Жизни весь необходимый арсенал — арсенал средств защиты и нападения. Я больше не удивлюсь, если среди этих средств вдруг объявится нежность. Живое — даже самое мягкое по характеру, безобидное на вид — существо способно на проявление удивительной силы...

ДАВЛЕНИЕ

Этот корабль когда-то служил людям. Впрочем, мы до сих пор были людьми, которых везли на рынок, подобно скоту. Электронный мозг и вспомогательные приборы контролировали их пребывание на борту и благополучную доставку к месту назначения. После захвата берсеркерами «Новая Англанд» была превращена в послушную им машину.

Гилберто Кли, последний кто попал на борт этого корабля, в течение своей недолгой жизни никогда еще не был так испуган, но тщетно старался этого не показывать. Он вообще не знал, почему берсеркеры оставили

его в живых, он боялся даже и предположить... Как многие, он слышал ужасные истории: о человеческом мозге, наполовину живом, но встроенном в компьютер берсеркеров как дополнительный участок прибора, о человеческих телах, превращенных в искусственных людей, о тех пленниках, которые стали подопытными кроликами для проверки новых смертоносных лучей, новых ядов... От всего этого можно было просто сойти с ума.

После нападения Гил и остальные люди, обнаруженные на планете (по-видимому, единственные выжившие), были взяты на корабль и размещены в камерах. Прежде чем Ги́ла из капсулы, с помощью которой пленников доставили на корабль, перевели в док сцепления, он успел увидеть на обшивке корабля название — «Новая Англад».

Потом он очутился в камере — примерно двадцать шагов в ширину и пятьдесят в длину, высотой двенадцать-пятнадцать футов. Всякое излишнее оборудование было изъято, осталось только самое необходимое: воздух, минимальное освещение, искусственная гравитация, водопровод.

Там было восемь человек, которые стояли и разговаривали, когда отворилась дверь, и робот втолкнул Ги́ла в камеру.

— Привет, — сказал один из пленников, когда дверь вновь закрылась. Это был высокий, худой парень в костюме пилота, весьма изношенном и оборванном. Он сделал шаг к Ги́лу. Остальные настороженно наблюдали. Наверное, боялись, не сумасшедший ли этот новенький, подумалось Ги́лу. Он уже успел побывать в тюрьме, поэтому его не удивили подозрительные и настораживающие взгляды пленников.

— Меня зовут Ром, — сказал худой юноша, — Энсайн Ром, Объединенные Космические Силы.

— Ги́лберто Кли.

Все облегченно рассмеялись, услышав в голосе новенького нотки своего парня.

— А это — мистер Худак, — сказал Энсайн Ром, указывая на еще одного молодого человека с нашивками, указывающими на принадлежность его к офицерскому составу. Затем Ром представил остальных, имена которых Ги́л сразу не запомнил. Среди них были три женщины, одна из них весьма молодая, Ги́л взглянул на нее с интересом. Только потом он заметил, что она

почему-то старается спрятаться за спины других, улыбаясь при этом как бы сама себе. Ее пальцы нервно перебирали длинные, плохо расчесанные волосы.

Мистер Худак начал задавать Гилу вопросы, его голос все больше походил на тон преподавателя, принимающего экзамен, или чиновника в каком-нибудь Бюро Найма на работу молодежи, а также офицера в полицейском участке или Таможенном Бюро. Но эту свою мысль Гил решил не высказывать.

Худак спросил его:

— Ты, наверное, с какого-нибудь корабля?

Его тон словно говорил: на тебе нет формы, значит, ты — просто мальчишка, который болтался на борту какого-то транспорта.

— Меня схватили на планете Белла Коола.

— Боже, они уже и туда добрались?

— По крайней мере, там, где я живу, они побывали.

Гил не был уверен в том, что остальная часть планеты не подверглась нападению. В поселке, где он находился, было получено сообщение об атаке за несколько минут до ее начала, а затем радио смолкло. Когда берсеркеры приземлились, то мало кто из жителей успел скрыться — слишком поздно пришло предупреждение.

Некоторые подростки, не подозревая об опасности, бросились в лес, когда сверкающий, огромный аппарат берсеркеров начал снижаться над их головами. Из административного здания вышел старик, готовый дать команду своим подопечным, но так и застыл на пороге, не зная, то ли кричать, чтобы они как можно быстрее убегали, то ли, чтобы застыли на месте. Те, кто бросились в бегство, были сожжены лучами плазмомета. У Гила перед глазами до сих пор стояло лицо того старика...

Одни роботы походили на огромных металлических людей, другие же — на стальных муравьев. Когда всех тех, кто уцелел, согнали на середину поля под безжалостным солнцем, один из роботов обратил внимание на старика. Стальная рука берсеркера потянулась к виноградной лозе, сорвала гроздь, сжала ее — сок закапал на землю.

— Такая судьба ждет всех живых, за исключением тех, кто помогает смерти.

Затем берсеркер схватил старика за руку.

— Итак, ты контролируешь эти живые организмы.

Ты должен сказать им, чтобы они сотрудничали с нами добровольно.

Старик (а он был учителем живущих здесь подростков) только покачал головой. Что-то прошептал. Металлическая рука начала медленно сжимать запястье учителя. Старик закричал, но не упал. Гил, наблюдавший происходящее, мысленно умолял учителя сдаться, согласиться на условия берсеркера, лишь бы закончилась пытка. Но старик так и не сказал требуемых от него обещаний. Даже тогда, когда огромная рука берсеркера чудовищно сжала его голову...

* * *

— А что произошло на Белла Коола,— спросил Эн-сэйн Ром.— Где были военные?

— Не знаю. Я ничего не знаю о военных. Я всего лишь учился фермерству.

— Ах, так? — Ром и Худак посмотрели друг на друга. Может быть, они знали, что фермы на Белла Коола были своего рода исправительными колониями для трудных подростков с Земли или других густонаселенных планет. Гил про себя подумал, что ему наплевать, что о нем думают другие.

Неожиданно для себя он понял, что ему действительно все равно, что с ним произошло.

Наступило время обеда. Робот принес огромный пирог из чего-то розового и зеленого — такая же безвкусная масса, как и та, которую он ел после того, как его поймали дней десять назад. Гил сидел в одиночестве, он прислушивался к разговору самых энергичных парней — Рома и Худака, которые сидели в другом углу камеры.

— Слушай, мы находимся, мне кажется, в отсеке для экипажа?

— Наверное, ты прав.

— Точно! Я такие корабли знаю, как свои пять пальцев. Служил на подобном где-то с год. Здесь совсем рядом — рубка управления.

— Ну и что?

— А то...— раздался тихий шорох, еле ощутимое дрожание стены. Когда Ром заговорил, его голос звучал взволнованно.— Слышишь? Мы сейчас в космосе. Берсеркеры нас решили перевезти куда-то на свою базу.

Это значит, у нас будет шанс, если только... Слушай, аппарат, контролирующий мозг, который управляет кораблем, имеет, наверняка, замкнутую цепь, которая тянется вдоль пластиковой панели в передней части отсека, в котором мы и находимся. В рубке управления тоже есть пластиковая панель, наверняка, цепь замыкает контакты.

— Но откуда тебе это известно? — голос Худак звучал недоверчиво. Боясь, что их подслушивают, Ром стал говорить тише. Гил уловил не все:

— ...И мы будем защищены от возможной атаки со стороны... расстояние трудно измерить... если взглянуть на модификации энергетических источников...

Худак согласился:

— Ты прав. По крайней мере есть шанс. Этот пластиковый барьер отделяет... Интересно, какова...

Гил уголком глаза видел, что два этих энергичных молодых человека стараются не смотреть на то место, о котором они говорят. Но ему-то никто не запрещал. Передняя стенка камеры представляла собой зеленоватую пластиковую перегородку, наверху которой располагались какие-то трубы.

— Довольно плотная, конечно. Можно обойтись без отбойного молотка, но без гидравлического насоса или дрели...

Худак толкнул Рома, и они замолчали. Дверь открылась, и робот, похожий на человека, объявил глухим голосом:

— Гилберто Кли! Выходи!

* * *

Ром прав, они вновь в космосе. Гил успел глянуть в иллюминатор до того, как робот развернул его и заставил оторваться от звезд, чтобы посмотреть на квадратное существо с лампочками вместо глаз и плоским радиоговорителем на груди.

— Гилберто Кли! — издал радиоговоритель. — Моя цель доставить все живые организмы в целости и сохранности. В обычном нутриекте, которым кормят заключенных, не содержатся два-три необходимых компонента. Уже несколько раз у пленников в аналогичных условиях развивалось нутриектное отравление, в результате чего происходила потеря зрения, зубов, общая слабость. Тебе ясно?

— Да.

— Ты, Гилберто Кли, специалист по выращиванию растительных форм, которые потребуются человеческим организмам. Ты должен начать выращивать здесь, на корабле, пищу для себя и для других организмов.

Установилась пауза. У Гила перед глазами встало лицо учителя из его поселка. И металлическая рука...

— Можно выращивать кабачки,— сказал Гил наконец.— И я знаю, как это делается. В тех кабачках, что я выращивал в поселке, было много витаминов. Но мне нужны семена и земля, почва, а также многое другое, чего, наверно, нет на корабле.

— Некоторое количество земли мы взяли,— сказала существо. Робот открыл один из пластмассовых ящиков, разделенный на множество мелких отделений.— Есть и семена. Какие из них семена кабачков?

Когда Гила вернули обратно в камеру, роботы уже начали приготавливать все то, что он назвал необходимым — подсветку, обогрев, глубокие лотки для земли, а также краны для поливки с разбрызгивателями. На корабле оказался запас земли, забранный с поверхности Белла Коола, который тоже пошел в дело.

Гил рассказал своим товарищам по несчастью, зачем его вызвали.

— Так вот почему сохранили жизнь многим фермерам,— прокомментировал Худак.— У них немало мест, где используются люди, в том числе для экспериментов. Нужны здоровые образцы.

— И так,— Ром посмотрел на Гила,— ты собираешься делать то, что они хотят?

— Нужно вначале выжить, а потом уже думать о чем-либо еще,— отозвался Гил.

Ром перешел на взволнованный шепот:

— Даже лучше, если пленников...

Но он смолк, когда робот повернулся в их сторону.

* * *

Все решили называть этого робота Надзирателем, потому что он всегда был с людьми прямо в камере, хотя остальные роботы куда-то скрылись, когда начались работы. Мозг берсеркера, наблюдавший за кораблем, через Надзирателя передал Гилу, что остальные пленники могут быть использованы для выращивания продуктов, если нужна помощь именно людей.

— Пока помощь не нужна,— ответил Гил,— я сам смогу все посадить.

Бросить семена в подготовленную почву было несложно. Лотки с саженцами загромоздили все свободное пространство в камере, остался лишь небольшой проход, ведущий к двери. Лотки размещались в несколько этажей, и роботы предоставили Гилу платформу размером с доску для серфинга, которая могла менять свою высоту. На ней находился рычаг управления, и с его помощью платформа могла перемещаться, если нужно, влево-вправо. Вперед-назад.

Когда заканчивалась посадка овощей, Гил решил заняться быстрорастущими виноградными лозами. Чтобы разместить их между лотками, лозу приходилось сгибать. С виноградом пришлось немного повозиться. Некоторые из пленников предлагали свою помощь, но Гил отказался. Нужно иметь навык, иначе можно было все испортить.

Ром и Худак весьма заинтересовались платформой Гила. Однажды, когда Надзиратель отвернулся, Ром схватил начинающего фермера за руку. Он заговорил взволнованно — так говорят, когда шансов на удачу не очень много, но их может не стать совсем.

— Надзиратель не обращает на тебя особого внимания, когда ты занят посадками. Ты бы мог взять этот свой серфинг,— при этих словах правая рука Рома под углом воткнулась в левую,— и попробовать ударить им по пластиковой панели. Трещины, в которую может просунуться рука, было бы достаточно, тогда у нас будет шанс. Я бы сам сделал это, но Надзиратель не разрешит мне подойти к платформе.

Рот Гила скривился:

— Я не собираюсь делать ничего подобного.

Ром не привык, чтобы ему перечили:

— Ты думаешь, берсеркеры собираются тебя усыновить? — с гневной насмешкой спросил он.

— Роботы сделали эту платформу. Нам это ничего не даст. Да и нет ничего важного за этой панелью.

Гилу на какой-то момент показалось, что его сейчас ударят, но другие пленники удержали Рома. Надзиратель, находившийся в этот момент в противоположном углу камеры, тут же обернулся и уставился на Рома своими линзами. Прошло немало времени, прежде чем

все вздохнули облегченно, когда поняли, что машина решила ничего не предпринимать. Но, может быть, у нее слух более острый, чем думали пленники.

* * *

Прошло несколько недель. Однажды Гил спустился со своего серфинга и подошел к товарищам по несчастью.

— Еще не созрело, но мы уже можем попробовать.

В руках у него было несколько желтоватых плодов, по форме похожих на огурцы. Гил, как бы невзначай повернулся к Надзирателю:

— Есть нож?

Надзиратель вытянул вперед руку, из которой появилось лезвие — как будто вырос еще один палец, но с остро отточенным ногтем.

— Я разрежу,— сказала машина и взяла у Гила «огурец».

Маленькая группка заключенных столпилась вокруг, с интересом в усталых глазах наблюдая за процедурой. Потом все попробовали маленькие дольки — после неизменного безвкусного розово-зеленого пирога было просто замечательно!

Ром — после некоторого колебания, тоже попробовал. Но, в отличие от других, он не выразил никакого удовольствия. Их просто откармливают, чтобы были все здоровы и годны к экспериментам...

* * *

В тех благоприятных условиях, которые берсеркеры обеспечили фермерскому хозяйству Гила, потребовалось только неделя, а не месяцы, чтобы лотки скрылись под широкими округлыми листьями. Очень скоро появились плоды и на виноградных лозах. Некоторые кисти винограда были хорошо видны, другие прятались под листьями...

Несмотря на появление первых плодов, тем не менее Гил был убежден, что настоящий урожай еще не скоро. Но каждый день он подходил к Надзирателю с кабачком все большего размера.

Гил был в самой гуще своего «огорода», и стоя на поднятой платформе, задумчиво рассматривал распухающий кабачок, когда звук, донесшийся с того небольшо-

го пяточка, которое в камере осталось для людей, заставил его повернуть голову.

В центре пяточка стоял Надзиратель и странным образом подпрыгивал. Пленники закричали, стараясь не попасть ему под руку. Было такое впечатление, что с мозгом, контролирующим его движения, что-то случилось. Затем машина прекратила свои сумасшедшие прыжки и начала крутиться на одном месте, размахивая руками. Палец-нож лихорадочно то выдвигался, то задвигался.

— Внимание, предстоит битва, — внезапно сказал Надзиратель. Его и без того глухой голос приобрел какой-то замогильный тон.

— На нас нападают. Все пленные должны быть... Они должны быть...

Он сказал что-то еще, но с такой скоростью, что человеческое ухо было не способно различить смысл слов. Частота звуков достигла того уровня, что стала походить на человеческий крик. Девушка, потерявшая рассудок, которая за все время пребывания в камере не произнесла ни звука, издала вопль ужаса.

Надзиратель раскачивался, продолжая «поигрывать» ножом. Машина искривилась, затем наклонилась вперед, и наконец, Надзиратель упал «лицом» вперед и исчез из поля зрения Гила за лотками, издав при этом ужасный грохот. Гил старался не смотреть на переборку, но не выдержал и повернулся. Пластиковая стена дала трещину, часть которой была хорошо видна выше лотков.

Энсайн Ром быстро прошел мимо Гила, затем полез прямо по растениям, нещадно давя урожай. Даже треснутая стена не хотела поддаваться его усилиям. Он продолжал молотить по ней руками, стараясь расширить трещину и просунуть пальцы.

Все посмотрели в другую сторону. Надзиратель все еще лежал на полу. Худак безрезультатно подергал дверь. Затем полез по лоткам на помощь Рому.

Гил проверил платформу — она больше не работала, хотя не опустилась вниз. Гил выпрямился во весь рост и ступил ногой на лоток с почвой. Под ногой — земля; несравненное чувство! Он прыгнул вниз.

Потом Гил взял платформу обеими руками и передал тем, кто силился отогнуть панель.

— Вот, — сказал Гил, — постарайтесь подцепить уголок с помощью этого, а потом нажать.

* * *

Потребовалось несколько часов, чтобы дыра расширилась — теперь Ром мог пролезть через нее. Тут же голова его появилась вновь с радостным криком:

— Корабль в наших руках!

Потом он вновь отправился на командный пункт, где находилась панель управления. Через минуту он вернулся. Взгляд его был задумчив.

— Почему все-таки треснула стена? Ведь никакого боя не было.

Он замолчал и вместе с Худаком уставился на пространство лотков с землей — туда, где появилась трещина.

Гил залез наверх и, распластавшись на животе, заглянул в промежутки между стеной и несущей балкой, поддерживающей лотки. Сюда набилось множество выращенных плодов, они свисали прямо в щель, держась на тонких, но прочных стеблях. Когда-то они были маленькими, но теперь большинство созрело и лопнуло — как будто от внутренней силы.

Всего лишь забавные мягкие плоды, которые человек может раздавить рукой, а рука берсеркера пройдет через них с такой же легкостью, что и через воздух...

* * *

Когда-то учитель рассказывал ребятам:

— Рост растений — упрямая вещь.

Он демонстрировал с помощью специального аппарата рост семени кабачка. Ребята не могли оторвать глаз от этой машины. Потом учитель сказал:

— Здесь не будет ничего неожиданного. Внимание, смотрите. Давление пять тысяч фунтов на квадратный дюйм. Миллионы мельчайших клеток растут все вместе. А видели ли вы когда-либо, как узловатый корень дерева вздымает мощный пласт асфальта?

* * *

Ром и Худак наконец все поняли. Гил кивнул и широко улыбнулся — нет, все не случайно. Но затем улыбка исчезла с его лица, когда он глянул на края треснувшего пластика, испещренного узором — тысячи клеток... Эти клетки тоже ведь будут расти. Враждебная машина

даже после уничтожения пыталась бороться с людьми.
— Я надеюсь, что они растут медленно,— сказал Гил.

*Правда может быть оружием. Так же как и ложь.
Я коснулся здесь честного разума, который солгал во
имя истины...*

УНИЧТОЖЕНИЕ АНГКОРА АПЕЙРОНА

Бой был долгим, и жестоким. Каким только может быть бой в космосе, когда проигрывающая сторона не имеет шансов на выживание.

Командир Ридольф так мастерски управлял своим «Дипавамзой», что каждую минуту корабль уничтожал две ракеты берсеркеров, любой же член экипажа прекрасно знал свою боевую задачу. Люди действовали так слаженно, что даже не всегда быстрый ум человека, сейчас не отставал от молниеносно мыслящих машин.

Людей ждала смерть. Или нечто худшее, если они потерпят неудачу. Но и берсеркеров, заклятых врагов человечества, тоже ждало ужасное. Материальное уничтожение для берсеркеров — ничто. Но если берсеркер уничтожен в бою, то это означает шаг назад в программе. Программе, направленной на смерть всего живого.

На борту «Дипавамзы» было всего четверо штатских пассажиров, включая Отто Новотни, который за свою долгую жизнь еще ни разу не принимал участия в боях и чувствовал себя слишком старым, чтобы пускаться в подобные предприятия сейчас. Но тем не менее он начал распаковывать свой аварийный чемодан, как только раздался звук клаксона, в то время как трое других пассажиров предположили, что это — всего лишь учебная тревога.

Они изменили свое мнение десять секунд спустя, когда первая ракета берсеркеров вонзилась в силовое поле «Дипавамзы» — в километре от обшивки корабля.

* * *

«Дипавамза» находился на расстоянии нескольких световых лет от ближайшей звезды. На этом торговом маршруте ни один корабль не решался появиться без мощных пушек.

Аппарат берсеркеров был диаметром сорок-пятьдесят километров — пушки, боевые компьютеры, тяжелые ракеты. Подобно пауку, он притаился в пространстве — детекторы ощупывали космос. Район, где детекторы вживлялись в материю, уже отличался от участников обычного космоса — привычного вакуума между звездами. Его смертоносные лапы располагались так, что в космосе оставалось только «узкое» пространство в несколько миллионов километров, по которому можно было проскочить только на очень большой скорости. Когда корабль, управляемый людьми, отважился войти в это космическое «горло», берсеркер готовился к прыжку.

Подобно огромным океанским кораблям давно ушедших эпох, металлический гигант вышел в обычный космос, преследуя корабль людей. После того, как первая вражеская ракета достигла обшивки «Дипавамзы», Новотни подумал, что бой может закончиться до того, как он узнает с каким же врагом они встретились. Внезапно отключилась искусственная гравитация, — любая крупница энергии требовалась сейчас для более важной цели.

«Дипавамза» вновь содрогнулся. Вспышки, грохот. Опустились аварийные перегородки, чтобы отделить поврежденные участки и не допустить утечки воздуха. Но он продолжал утекать. Новотни видел, как начинают задыхаться его спутники. Наверняка, многие члены экипажа находятся не в лучшем положении. Все, кто мог, надели скафандры.

Далее мало кто понимал, что происходит. Берсеркер-паук выслал вспомогательные капсулы, чтобы постараться захватить корабль с людьми.

* * *

Пленники, конечно, могли пригодиться для опытов; потом берсеркеры обычно убивали людей. Программа была нацелена на смерть, а не на страдание. Хотя вполне могли применяться и пытки для получения какой-либо информации.

Основная цель экспериментов — изучение Гомо Сапиенс, выяснение возможностей стерилизации жизненных форм.

Берсеркеры представляли собой своего рода автоматические военные корабли или образования самых различных форм, созданные неизвестной расой для межзвездной войны, которая велась миллионы столетий тому назад. Берсеркеры пережили своих врагов, пережили своих создателей. В них к тому же была заложена программа самовоспроизводства. Продолжая выполнять свою первоначальную задачу, они уничтожали все живое, развивая и совершенствуя все новые способы уничтожения.

* * *

Командир корабля жестом указывал своим людям, куда они могут перейти, где еще неповрежденный участок. Новотни, продвигаясь по коридору, бросил взгляд в одну из пробоин в обшивке корабля. Врага он видел впервые: сферическая, бугристая, отвратительная оболочка берсеркера была видна сквозь отверстие, испещренная мелкими кратерами — следами от снарядов «Дипавамзы». На глазах Новотни на берсеркере появился новый кратер. Снаряды пытались прорваться все глубже и глубже в тело паука. Только это могло принести спасение, и дать возможность продолжить жизнь.

Но тут корабль в свою очередь содрогнулся. Словно какая-то невидимая рука схватила Новотни и командира Ридольфа, и швырнула их в головной отсек. Если бы не скафандры, то не избежать бы им многочисленных переломов. Но многократно испытанные костюмы не подвели и на этот раз.

В этот момент роботы-берсеркеры — чуть больше человека и схожей с ним формы, — бросились на абордаж. И тут Новотни уже представился шанс увидеть врага совсем близко. Члены экипажа, среди которых было немало ветеранов, в ужасе закричали. Но Новотни уже не в состоянии был испугаться. Он вспомнил цитату откуда-то: «То, что никогда не сможет принести пользу, называется паникой».

Тем временем, командир Ридольф уже пришел в себя и продолжал отдавать приказы. Теперь Новотни не только увидел своего противника, но даже имел шанс выстрелить в него, взяв ружье из рук погибшего члена экипажа.

Из отрывков фраз, которые он уловил, Новотни понял, что командир «Дипавамзы» Ридольф приказал Главному Помощнику и нескольким членам экипажа покинуть корабль в боевой капсуле, которая может затеряться среди звездной пыли и космических волн. Это было своего рода признанием в поражении, направленное на то, чтобы внушить врагу: люди покинули корабль. Хотя с помощью контратаки еще был шанс противостоять роботам.

Вакуум вокруг шлема Новотни гудел, наполненный энергией битвы. Новотни палил из своего ружья в абордажных роботов, стоило ему их только заметить. Он даже не знал, приносят ли его выстрелы хоть какую-то пользу. Новотни пытался держаться неподалеку от Ридольфа, здесь он меньше ощущал опасность, да и, может быть, он сможет выполнить какой-нибудь важный приказ? Ридольф продолжал отдавать приказы, но они предназначались членам экипажа.

Командир и Новотни были на центральном пульте управления одни, когда берсеркер-робот, похожий на краба, бросился на них. Стальные лапы заскользили по скафандру Новотни, вырвали оружие из рук командира. Затем берсеркер одной лапой сжал обоих пленников, которые были не в состоянии вырваться. Но тут раздался новый взрыв. И люди, и робот покатились по полу, похожие на один большой узел тряпья.

Главный Помощник, находившийся с частью экипажа в боевой капсуле, выстрелил по врагу. Мозг огромного паука был поврежден. Корпус паука раскололся на две части. Многие дочерние роботы, включая и абордажных, лишились управления.

Тяжесть «мертвого» врага, его смертоносное обаяние не уменьшилось после того, как перестал функционировать компьютерный мозг. Новотни оказался в углу, окруженный грудой металла. Рядом с ним — Ридольф. Они резко прекратили всякие попытки выбраться, даже перестали дышать, когда еще один берсеркер появился на пороге комнаты управления.

Берсеркер даже не посмотрел в их сторону. Он подошел к панели управления перед креслом астронавигатора и медленно, почти робко, стал трогать клавиши. Потом он начал отделять саму панель вместе с пультом.

Робот работал медленно словно боясь что-то повредить. Вот уже часть панели отошла. Наконец показалась

металлическая дискета с картой полета, которую берсеркер начал осторожно освобождать от проводов. Но тут раздался очередной взрыв. Берсеркер схватил упавшую дискету и ретировался с невероятной скоростью.

— Новотни! Послушайте! — сказал Ридольф. — Может быть, вы попыгаете наклониться ко мне? Если перенести вес, то, может быть, я смогу освободить руку из этих лап.

Через несколько минут совместных усилий они освободились. За перегородкой были слышны звуки боя.

— Новотни, послушайте меня! — Командир искал свой револьвер, который в конце концов он обнаружил среди плавающих в невесомости по отсеку обломков. — Берсеркер пытался достать наш астронавигационный банк данных. А тут этот взрыв.

— Да, я видел.

— Он не достал того, что хотел, потому что сработала предохранительная мина. Но, значит, им была очень нужна информация, иначе они не послали бы робота сюда до того, как закончился бой. Наверное, их собственный банк поврежден. Может быть, нашим снарядам. А, может, и нет.

Новотни кивнул головой в знак согласия, невзирая на мешающий шлем.

— Я надеюсь, что вы путешествуете с ГЭ — Галактической Энциклопедией в микроиздания. Там есть координаты всех населенных планет, ведь так?

Новотни вновь кивнул. Его скулы все еще болели после схватки. Он почувствовал, что ему стиснуло грудь, ноги гудят. Если бы не невесомость, то он постарался бы сесть. Годы, проведенные за письменным столом, не приучили его к подобным испытаниям.

Но он медленно двинулся вслед за командиром, отталкивая плавающие обломки.

— Нам нужно добраться до вашей каюты, — сказал Ридольф. — У вас один экземпляр ГЭ?

— Да.

— Нужно его уничтожить.

Они продвигались по коридору. Где-то впереди двигался робот — вибрация достигала их рук, цепляющихся за стены. Ридольф и Новотни решили на какое-то время укрыться в одном из отсеков, пока берсеркер не переместится на неощутимое расстояние.

Во время этой кратковременной передышки коман-

дир попытался связаться со своим Главным Помощником, но ответа ему пока получить не удалось.

— Командир,— сказал Новотни.— А в каком мы секторе? Я имею в виду, Галактическом. Каковы наши координаты?

Ридольф внимательно посмотрел на Новотни:

— Сектор Омикрон, Кольцо Одиннадцатое. Вы хотите спросить, какую планету выбрал бы берсеркер в первую очередь для восстановления? Сейчас он не в состоянии выйти за пределы Омикрона, поэтому берсеркер будет пытаться найти какую-нибудь незащищенную планету поблизости — на расстоянии двух-трех световых лет. И если он доберется до населенной планеты, где есть машины, роботы, живая энергия, то он сможет отремонтировать себя, восстановить свои функции.

— И моя Энциклопедия — для него единственное средство сейчас определить местонахождение такой планеты?

— Я считаю, да. Не может же «паук» метаться наугад, в поисках нового источника энергии. Помните ту дискету, которую робот поднял с пола? Это копия того, что мы называем Свод Информации. Он состоит одновременно с картой полета. Там можно найти информацию о всех защищенных планетах вдоль нашего пути — где мы сможем найти помощь в случае необходимости. Но в вашей Галактической Энциклопедии есть координаты и незащищенных планет. В этой части галактики война идет не очень давно, и поэтому некоторые планеты еще не успели создать защиту.

На лице Новотни было написано сомнение. Командир продолжил свой путь, Новотни последовал за ним. Какое-то время им везло — ни одного берсеркера не попало на дороге. Наконец они добрались до каюты Новотни. Дверь была плотно прижата мощным обломком. Только изрядно повозившись они оттолкнули его от двери.

— Где Энциклопедия?

— На столе, командир. Вставлена в аппарат для чтения. Но подождите,— голос Новотни стал взволнованным.— Я не уверен, что самое умное — уничтожить ГЭ.

В этот момент в комнате неожиданно появился третий — вылитая «сестрица» уже известного краба, взметнувшая свои стальные лапы при виде людей.

Командир нацелил свой лазерный револьвер не на берсеркера, а на читающее устройство на столе. Сейчас важнее спасти не собственную жизнь, а жизнь других.

Новотни ударил Ридольфа по руке.

Берсеркер, уже собиравшийся уничтожить обоих, колебался, увидев их борьбу. Может быть, один из этих организмов хочет стать союзником? Такое бывало. Живые организмы, помогающие Смерти, очень результативны. И что же такое на столе, которое так стремится уничтожить второй организм?

Вооруженная спасательная капсула между тем продолжала атаковать. Корабль вновь содрогнулся.

Берсеркер бросился на Ридольфа, вырвав не только лазерный револьвер, но и оторвав командиру руку.

«Края разрыва костюма должны моментально соединиться — такова программа скафандра», — подумал Ридольф довольно спокойно; теперь все казалось естественным. Он увидел, что читающее устройство уже в лапах берсеркера. И тут вновь раздался взрыв. Убегающий поток воздуха из корабля вынес командира в космос. Прежде чем Ридольф потерял сознание, он успел увидеть перед собой звезды.

* * *

Первым чувством, когда Ридольф пришел в себя, было изумление: он еще жив? Оно даже увеличилось, когда командир увидел, что находится на борту вооруженной капсулы. Все четыре кровати в маленьком лазарете были заняты ранеными. Люди и рабочие роботы сновали туда-сюда в узких проходах между койками.

Появился Главный Помощник. Он облегченно вздохнул, когда увидел, что Ридольф уже пришел в себя и даже готов принять командование. Боль была блокирована, последствия шока и потери крови ликвидированы, целебные регенерирующие повязки закрывали рану на плече — может быть, у Ридольфа скоро будет новая рука.

Главный Помощник отрапортовал:

— Капсула в середине звездной системы — полмиллиона километров от границы; защитные устройства успешно отражают ракеты, посланные берсеркерами им вслед. Взаимные повреждения у кораблей — серьезные, но полного уничтожения одного из противников не про-

изошло. Обломки корабля остались в космосе. Прежде чем удалиться с места боя, капсула отважилась облететь корабль и подобрать двух уцелевших людей, которых вынесло воздушным потоком в космос на последней стадии столкновения. Один из выживших, вы — командир, а второй...

— Всего нас теперь — девятнадцать, — закончил Главный Помощник. — Воздух и воду придется постоянно перерабатывать. Пока нас не подберут.

Рядом раздался какой-то шорох. Командир повернул голову. На соседней кровати скорчилась фигура Новотни — казалось, его крупное тело с трудом уместилось на кровати. Ридольф гневно смотрел на этого полноватого штатского:

— Я не знаю, девятнадцать нас или нет, — задумчиво произнес командир.

— Сэр? — воскликнул Помощник.

— Я хочу сказать, что пока этот человек, — тут он указал головой на Новотни, — не ответит на мои вопросы, его нельзя считать одним из нас. Я собираюсь созвать трибунал и обвинить его в добровольном пособничестве берсеркерам.

* * *

Когда начался допрос в кают-компании находилось всего шесть человек. Командир не хотел иметь лишних свидетелей. Если когда-нибудь дойдет до официального разбирательства, то неизвестно, как посмотрят на то, что штатского человека судили военные, пусть даже при таких чрезвычайных обстоятельствах.

Новотни все еще плохо себя чувствовал. Он с трудом передвигался, тяжело дышал, часто мигал глазами. Ему указали место за столом, предложили сесть. Сначала Ридольф протянул Новотни рапорт, в котором сообщалось, что берсеркер вышел за пределы обычного космоса, закончив тот ремонт, который был возможен непосредственно на месте. Приборы показали вектор его ориентировочного направления.

Складки на лице Ридольфа при виде этого вектора обозначились еще более резко.

В комнате было очень тихо, когда Ридольф начал говорить:

— Это еще не суд, мистер Новотни. Но я преду-

преждаю вас, что он будет. Если мы доберемся до какой-нибудь планеты или если нас подберет какой-нибудь корабль людей, то он обязательно будет. А если этот суд состоится, то вас обвинят в пособничестве берсеркерам, а наказанием скорее всего будет смерть.

Новотни не потерял самообладания:

— Ну что же, я готов ответить на вопросы, которые вы можете мне задать.

— Хорошо. Во время боя, на борту корабля вы намеренно помешали мне уничтожить вашу Галактическую Энциклопедию. Вы будете это отрицать?

Новотни задумался, прежде чем ответить. Потом сказал:

— Нет, командир, я этого не отрицаю.

Командир тоже сделал паузу, его единственная рука легла на стол — прямой локоть, пальцы крепко сжаты в кулак. Он весь напрягся.

— Значит, вы не отрицаете. Собираясь уничтожить Энциклопедию, сэр, я хотел предотвратить возможность использования ее данных берсеркерами. Если же вы хотели спасти ГЭ, то, конечно, не для себя. Вы думали, что берсеркеры окажут вам особые милости, не так ли, уважаемый?

Новотни резко покачал головой:

— Я очень сомневаюсь, что данные в Энциклопедии помогут врагу. Я не собирался им помогать.

Голос командира остался беспристрастным:

— На корабле мы оба — вы и я — видели, что берсеркеры охотятся за астронавигационным банком данных, но им не удалось, к счастью, его заполучить. Мы также знаем, что врагу нанесены серьезные повреждения, значит, он будет стремиться найти ближайшую беззащитную планету, чтобы восстановить свои функции. Потом он вновь начнет уничтожать людей. Особенно тех, кто не может защититься. Это вам разве не известно?

— Известно, командир.

— И пусть все присутствующие станут свидетелями, — тут Ридольф оглядел лица людей, обращенные к обвиняемому, — того, что вы сделали, мистер Новотни. Берсеркерам нужны две вещи: жертвы — людские жизни, и материал для восстановления, ремонта — как хотите. И вы помогли им узнать, где они могут найти и то, и другое.

Новотни на какое-то время закрыл глаза. Но когда вновь заговорил, его голос был тверд:

— Командир, если речь идет о моей жизни, я хотел бы выслушать все обвинения в свой адрес, а потом постараться ответить на них. Продолжайте, пожалуйста.

— Хорошо, — Ридольф хмуро кивнул. — Вы прибыли на борт «Дипавамзы» с двумя экземплярами нового издания Галактической Энциклопедии, один из которых остался на борту этой капсулы, выполнявшей также роль багажного отделения, — вместе с другим багажом, который не был нужен во время полета. Этот экземпляр до сих пор здесь. Я ввел его в наш компьютер — тоже самое берсеркеры могут сделать с копией, которую вы им так любезно предоставили. И узнать о всех планетах, удаленных на расстояние в несколько световых лет от места нашего боя. Туда берсеркеры могут добраться и без восстановления своих функций, — командир достал из кармана комбинезона какой-то листок. — Такие населенные планеты, как Ангкор Апейрон, Компареттиа, Эпирус, Франкавила, Хан Као, Рейсснер, Йанг Чи находятся на приемлемом расстоянии. В Энциклопедии приводятся их точные координаты.

Он положил этот листок на стол и достал еще один:

— А вот копия того Информационного Свода, который мы составили еще до старта. В нем зафиксированы шесть населенных планет в этом же радиусе, но эти планеты имеют свои системы защиты, или же их охраняет флот. Копия этого списка, свидетелем чему вы тоже были, мистер Новотни, попала к берсеркерам. У вас есть, что возразить?

— Пока нет, командир.

— Но если вы осознаете всю сложность ситуации...

— У меня... есть одна мысль. Но продолжайте, пожалуйста.

Ридольф зачитал вслух:

— Шесть укрепленных планет в обозначенном регионе — это Компареттиа, Эпирус, Франкавила, Хан Као, Рейсснер и Йанг Чи. В военном списке отсутствует Ангкор Апейрон, — командир тоже положил этот список на стол, чтобы каждый мог взглянуть на него, затем достал третий листок и прочитал:

— В соответствии с последними данными, полученными с помощью спутников-исследователей, Ангкор Апейрон населяют одиннадцать миллионов шестьсот

тысяч человек. Основа промышленности — выращивание кристаллов и выработка натурального меда. Космический порт невелик, но берсеркер наверняка сможет использовать технику и аппаратуру после того, как уничтожит так называемое незащищенное население, — командир сделал паузу. Потом продолжил, — Ангкор Апейрон был открыт Чангом Изанаги из рода Хаторов в 7266 году. Первые колонии появились всего десять стандартных лет тому назад, — его голос слегка задрожал. — Я полагаю, что на эту информацию можно положиться? Я имею в виду, что там не менее одиннадцати миллионов человек?

Новотни помедлил секунду, затем, сделав усилие, сказал:

— Галактическая Энциклопедия — самый надежный источник. Ваша Честь, командир, как мне теперь вас называть, я хочу...

— «Командир» — подойдет.

— ...сказать, что ГЭ используется в разных случаях: когда нужно проверить имя, год, дату, координаты, найти компьютерный вход в любую отрасль знания. Я сам принимал участие в составлении Энциклопедии.

— Да, но избавьте нас от деталей. Мы не на рынке, где покупают справочники, — никто не улыбнулся его шутке. — Здесь, в вашей «надежной» Энциклопедии, которую вы подарили врагу, приводятся точные координаты планеты Ангкор Апейрон: Сектор Омикрон 111.254, Кольцо Одиннадцатое 87.58, Галактическая Шкала 7.54. Северная часть. Эти данные верны, не так ли? Редакционная коллегия ГЭ проконсультировалась с учеными?

— В составлении принимали участие самые компетентные люди, командир. Я уверен...

Ридольф наклонился вперед:

— Тогда что же, мистер Новотни, может спасти жизнь жителей Ангкора Апейрона, которая под угрозой в результате вашего необдуманного поступка?

Новотни подался вперед. Теперь пришло его время:

— Только одно, командир. Жителей Ангкор Апейрона не существует.

В комнате установилась тишина. Каждый ждал продолжения.

Командир первым стряхнул с себя оцепенение:

— Вы хотите сказать, у вас есть информация о том,

что жителей планеты эвакуировали или уже уничтожили?

— Я хочу сказать, что в системе Апейрон нет планет. И никогда не было. Когда берсеркеры придут туда, они не найдут там ни людей, ни материалов для ремонта. И если повреждения «паука» столь велики, сколь вы говорите, то он не сможет добраться до других планет. Он умрет — хотя это слово вряд ли можно употребить по отношению к берсеркерам, — после тех «ран», которые ему нанес ваш экипаж.

— Но... — Главный Помощник в изумлении уставился на Новотни, однако тот не дал ему договорить и спросил у командира:

— Как вы думаете, командир, почему военное командование организовало в этом районе защиту шести планет и забыло о седьмой?

— Недостаток средств...

— Ха! Исправьте меня, командир, если я не прав. Но разве любой генерал или адмирал отказался бы немного ослабить шесть планет, чтобы не оставить беззащитной седьмую? Тем более, что сектор стал боевой зоной. Конечно, может быть, его войска и так не настолько сильны, чтобы встретиться с врагом, поэтому я считал, что лучше отправить нашего противника в пустоту, чем дать ему возможность напасть на одну из защищенных шести планет.

Ридольф встряхнул головой:

— Пустоту? Но ваша Галактическая Энциклопедия? «Надежный источник»? Вы говорили, что Энциклопедия...

Новотни еле удержал улыбку:

— Я обещал объяснить. Но, чтобы это сделать, я должен забыть временно всю эту историю с берсеркерами и космическими войнами.

Его обвинитель все еще не испытал облегчения:

— Хорошо. Забудьте. Но только ненадолго.

— Предположим... предположим, что вы, командир, вы — удачливый бизнесмен. И вы в один прекрасный день решаете, что хорошо бы вложить деньги в какой-нибудь справочник, поскольку даже энциклопедии способны приносить прибыль. И вы решаете, что вы составите и будете продавать справочную литературу. Или общего характера, а можно и специализированного, предположим, описывающую все исследованные насе-

ленные планеты, а также другие объекты Вселенной, которые вам показались почему-либо интересными. И вы решаете, что вы выполните намного меньший объем работ, чем выполнили другие, и соответственно сможете продавать свое издание по меньшей цене, хотя оно будет включать неменьший объем информации. Как это сделать? Самый простой путь — скопировать все статьи слово в слово. Но тут вы столкнетесь с проблемой защиты авторского права и всем таким прочим. Потому вы решаете реорганизовать материал — изменить синтаксис, переставить слова, подобрать синонимы — все это не так уж сложно. И потребует не очень много времени. Готово! И ваша энциклопедия, ксмандир Ридольф, может быть использована в домашних компьютерах — и будет продаваться за намного меньшую цену, чем наша. Вряд ли стоит обращать внимание на то, что вы не снабдите своих покупателей современной информацией...

Итак! Даже в таком виде к вашему детищу могут придаться. И не сомневайтесь, наши адвокаты постараются обвинить вас в плагиате. И вас вызовут в суд, хотя, конечно, речь не будет идти о жизни или смерти.

Командир Ридольф! Я, прокурор, спрашиваю вас: «Верно ли, что ваш справочник составлен на основе Галактической Энциклопедии? Подумайте, прежде, чем ответить, ибо от вашего ответа будет зависеть весь ход процесса». «Конечно, нет!» — ответите вы тотчас же. И начнете уверять, что использовали Центральный Астронавигационный Торговый банк данных, периодические издания, сведения из архивов, вы заглядывали во множество книг, призывали на помощь множество специалистов, — так же, как и создатели ГЭ. «Да?» — спрошу я, и мой голос будет тих и спокоен. Я брошу выразительный взгляд на суд присяжных заседателей: «Тогда скажите мне, сэр, какие из этих труднодоступных источников вы использовали, чтобы проверить информацию о планете Ангкор Апейрон?»

В комнате стало тихо. Смерть, которая была так близко, казалось, удалилась на миллионы световых лет. Все как-то забыли о берсеркерах. Новотни ощутил эту напряженную тишину и продолжил:

— Видите ли, в нашей Галактической Энциклопедии есть такие особые наживки, которые приготовлены для хищных рыб, любящих плагиат. Нигде, ни в одном

справочнике, за исключением Галактической Энциклопедии, планеты Ангкор Апейрон не существует. Среди сорока миллионов единиц информации есть несколько таких наживок. Их крайне мало, я даже не знаю точно, сколько. Обычный читатель вряд ли когда-нибудь будет интересоваться Ангкором Апейроном. Если ему и попадется по случайности на глаза наша наживка при чтении Галактической Энциклопедии, то он просто познакомится с тем, чего нет, и быстро забудет.

Новотни опустил на стул. Затем глянул на настенный монитор, на котором были видны звезды. Его взгляд устремился в глубины Вселенной:

— Интересно, поймут ли берсеркеры, что они обманули самих себя... Нет, никогда...

— Послушайте, Новотни,— голос командира все еще выражал недоумение.— Но как вы запомнили, что в Галактической Энциклопедии именно информация об Ангкоре Апейроне является такой наживкой?

— Все очень просто.— Новотни позволил себе слегка улыбнуться.— Я ее сам придумал!

В кают-компании раздался дружный смех. Никогда машина не сможет победить человека.

Иногда нет оружия более мощного, чем правда. Но, чтобы ее использовать, ее вначале нужно найти...

ОШИБКА НЕЧЕЛОВЕКА

Когда дредноут «Камилькар Барка» вышел из космоса-плюс в бело-голубое пространство Солнечной Системы Мейтнер, все сорок членов экипажа дредноута были на своих боевых постах: а вдруг флот берсеркеров окажется неподалеку?

Пока дредноут летел в стандартном космосе, убегали минуты, светили звезды, но врага — непредсказуемого врага — не зафиксировал ни один прибор. И напряжение немного спало. Экипаж на дредноуте «Камилькар Барка» не был новичком в таких полетах. Не один раз приходилось им бывать в разного рода переделках. Вот

только в прошлый полет «КБ» был сильно поврежден и, если бы не подоспевший вовремя дредноут «Принц Эндриу», то люди на «Барке» уже больше не мучились бы... Поэтому на этот раз, когда все складывалось так удачно, все почувствовали сильное облегчение.

Капитан Лиאו (его высокая, худощавая фигура хорошо смотрелась на капитанском мостике дредноута) вывел свой корабль в обычный космос, стараясь быть как можно ближе к Солнцу. Здесь — в гравитационной среде — было опасно использовать. Тип полета ЭС-плюс. Орбита одной из планет (а ее именем была названа вся система — Мейтнер) находилась на расстоянии нескольких десятков миллионов километров от Солнца. Мейтнер был единственной планетой, при некоторых условиях подходящей для жизни в этом космическом регионе.

Лиאו настроил телескоп. На экране возникли мягкие перламутровые облака. Где-то там, за этими облаками, огромный дом, в котором проживают десять тысяч человек. Колонисты начали разработку титанического проекта, главная цель которого — выяснить, как превращать аммоническую атмосферу планеты в воздух, пригодный для дыхания. К тому же планета стала форпостом межзвездного человеческого сообщества.

Район был очень опасен. Уже не один раз берсеркеры пытались уничтожить колонию. К тому же их быстродействующий электронный мозг мог приготовить людям опасную ловушку. Поэтому действовать надо было очень осторожно, но быстро.

В космосе, окружавшем планету, не было видно никаких признаков боя, но все равно Лиאו решил связаться с колонистами!

— Мейтнер! Вызываю Мейтнер! Говорит дредноут «Камилькар Барка». Вам нужна помощь?

Даже сигнал, посланный со скоростью света, не сразу достигнет колонии. Лиאו стал ждать. Тут в его наушниках раздался голос офицера разведки:

— Капитан, в поле зрения три корабля.

Тут же перед глазами Лиאו в воздухе возникла голограмма, воспроизводившая со всей тщательностью, на которую были способны чувствительнейшие приборы дредноута, ситуацию. Капитан откинул сидящие волосы с высокого лба привычным жестом. «Жить без приключений нам никак нельзя», — подумал он и стал вни-

мательно всматриваться в голограмму, пытаюсь определить типы обнаруженных кораблей. Если это люди, то надо немедленно оказать им помощь, ну а если берсеркеры, то он сможет рассчитаться за прошлый раз.

Один из кораблей — маленькая блестящая точка — застыл в космосе почти без движения на прямой линии, соединяющей «Камилькар Барка» и планету Мейтнер. Значок, выбранный создателями голограммы, свидетельствовал о том, что это — крупный корабль, хотя, возможно, не такой массивный, как дредноут. Два других корабля, представленные на голограмме, были намного меньше. Они явно собирались приземлиться, и судя по их скорости, это произойдет не позже, чем через час.

Каковы намерения этих трех кораблей, управляют ли ими люди или берсеркеры, было пока неизвестно.

Лиао отдал приказ увеличить скорость. На его лице появилась уверенность человека, который в настоящий момент является хозяином положения. В считанные мгновения пушки дредноута могут уничтожить врага. У Лиао даже появилось желание, чтобы хотя бы один из этих кораблей оказался берсеркером. Ведь для берсеркера поражение в бою, уничтожение означает не смерть, она для него не имеет значения, уничтожение означает шаг назад в программе — программе, направленной на уничтожение всего живого. Вот почему лицо командира «Камилькара Барки» было взволновано и даже весело. Всем трем кораблям было послано одинаковое сообщение: «Сообщите о себе. Или мы вас уничтожим».

Время потянулось мучительно долго. Ожидая ответов с планеты и с кораблей, надеясь, что флот берсеркеров еще не залетал в этот регион, и колония на Мейтнере — в целости и сохранности, Лиао критическим взглядом смотрел на голограмму.

— Пилот! Говорит капитан. Увеличьте еще скорость!

Через наушники он получил ответ:

— Сэр, мы уже на красной отметке. Еще один километр в секунду — и могут не выдержать энергоблоки. Здесь — тяжелое Солнце, космос загрязнен.

Те же самые двигатели, которые несли дредноут со скоростью, превышающей скорость света в отрицательном гравитационном пространстве, здесь не могли быть включены на полную мощность. Догнать два небольших корабля, устремившихся к Мейтнеру, было невозможно.

К тому же, выбрасываемые ими газы создавали завихрения в гравитационном поле. Солнечный ветер системы Мейтнер тоже препятствовал ускорению.

— Если корабль не может догнать, то пушкам это сделать ничего не помешает,— неожиданно даже для себя вдруг вслух сказал Лиао.

Время, необходимое для получения ответа с кораблей, истекло. Лиао отдал приказ повторять сигнал постоянно.

Тут наконец-то раздался голос офицера связи:

— Получен ответ с планеты. Он зашифрован. С помощью обычного кода: точка — тире. Много посторонних шумов. Возможно, это был единственный способ для них пробиться сквозь помехи.

На экране в этот момент уже появилось расшифрованное сообщение:

ДРЕДНОУТУ МЫ РАДЫ СЛЫШАТЬ ВАС ТОЧКА
ОСТАНОВИТЕ ОДИН ИЗ ДВУХ ПРИБЛИЖАЮЩИХСЯ
КОРАБЛЕЙ ТОЧКА НАВЕРНОЕ ЭТО БЕРСЕРКЕР
ТОЧКА ЛУЧШЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТОЧКУ-ТИРЕ
ТОЧКА ШУМЫ И СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР НАМ ТРУДНО
ЛОВИТЬ ВАШИ СИГНАЛЫ

Буквы неожиданно прекратили поступать на экран. Раздался вновь голос офицера связи:

— Слишком сильные шумы, капитан. Солнце в этой системе — очень мощная горячая звезда. Минуточку, сэр. Небольшие корабли тоже передают какое-то сообщение, но сильные искажения мешают что-либо понять.

— Ответьте им с помощью точки-тире. Пусть они ответят также. Повторите наши предупреждения. Они должны идентифицировать себя. И продолжайте принимать информацию с поверхности планеты.

Капитан глянул на своего Главного Помощника. Его кресло было рядом с капитанским.

— Что ты думаешь, Миллер? Один из двух кораблей — берсеркер?

Миллер, довольно угрюмый от природы человек, мурло покачал головой:

— Сэр, я сейчас пытаюсь идентифицировать два движущихся корабля. Тот, который ближе к планете, судя по его размерам,— скорее всего спасательная капсула. Если проследить его траекторию, то большая вероятность того, что он отделился два часа назад от того

корабля, который висит в космосе. Второй же небольшой корабль, похоже, одноместный курьер или частная космическая яхта. Или берсеркер, что тоже весьма вероятно.

С самого крупного корабля пока так и не поступило ответа, хотя требования сообщать о себе постоянно летели к нему, зашифрованные с помощью простейшего кода: точка-тире. Аппаратура подтвердила, что корабль медленно вращался вокруг своей оси и, судя по всему, покинут экипажем.

На экране вновь появились буквы — проступило сообщение со второго небольшого корабля:

Я МЕТИОН ЧОНДЖИН КУРЬЕР ЭТРУРИЙ
ВОСЕМЬ ДНЕЙ НАЗАД ПОКИНУЛ ИСТИЛ ТОЧКА
НЕ МОГУ ОСТАНОВИТЬСЯ Я РАСПОЛАГАЮ
ВАЖНЫМ СРЕДСТВОМ ЗАЩИТЫ ДЛЯ КОЛО-
НИСТОВ ТОЧКА СПАСАТЕЛЬНАЯ КАПСУЛА
ВПЕРЕДИ ТОЖЕ СООБЩИЛА НА ЗЕМЛЮ ОНА РАС-
ПОЛАГАЕТ ВАЖНЫМ СРЕДСТВОМ ЗАЩИТЫ
ПОЭТОМУ ВЕРОЯТНО ЭТО БЕРСЕРКЕР ТОЧКА ОН
МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ КОЛОНИЮ ДО ТОГО КАК
Я ПОПАДУ ТУДА ВЫ ДОЛЖНЫ УНИЧТОЖИТЬ
ЕГО ПОВТОРЯЮ УНИЧТОЖИТЬ БЕРСЕРКЕРА
КОТОРЫЙ ЕСТЬ СПАСАТЕЛЬНАЯ КАПСУЛА
СРОЧНО УНИЧТОЖИТЬ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

Миллер тихо присвистнул:

— Звучит довольно убедительно, капитан.

Еще три дня тому назад им было известно, что колония на Мейтнере ждет посланца, который должен доставить защитные силовые экраны-отражатели. До того, как курьер с Истила все это доставит, колония почти беззащитна.

Лиао отдал команду нацелить главную зенитку эс-плюс на спасательную капсулу.

— Ждать моей команды,— он повернулся к Помощнику.— Да, очень убедительно. Но не исключено, что берсеркерам стало известно о посланце с Истила. Они вполне могли захватить корабль-курьер. Мы не видели и не слышали того, кто общается с нами с помощью кода точки-тире. Не исключено, что берсеркер послал нам подобное сообщение. Им он тоже известен.

— Капитан,— вновь раздался голос офицера связи,— сообщение со Спасательной капсулы сейчас будет на экране.

МЫ ГЕНРИ САКАЙ И ВИНIFРЕД ИЗРАЧАН ГРУЗ ЗАЩИТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НУЖНЫЕ ПЛАНЕТЕ ТОЧКА НАШ КОРАБЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМИНА С ИСТИЛА БЫЛ СБИТ БЕРСЕРКЕРАМИ ОНИ ЧУТЬ НЕ СБИЛИ КАПСУЛУ ТОЧКА БЕРСЕРКЕР ИЛИ ДРУГОЙ ВРАГ СЗАДИ ВЫ ДОЛЖНЫ ПОМОЧЬ УНИЧТОЖИТЬ ЕГО ИЛИ ОН УНИЧТОЖИТ НАС И РАЗБОМБИТ ДОМ НА ПЛАНЕТЕ КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

— Связь! Каким образом пришло это сообщение? Послали ли его люди или нет?

— Сообщение второе очень четкое. Но нельзя точно сказать, кто его послал. На спасательных капсулах есть преобразователь голоса в код.

— Но ведь и берсеркер мог послать четкое сообщение. Спасибо.

Капитан задумался.

— Сэр,— предложил Миллер,— может быть, мы прикажем обоим кораблям остановиться?

Капитан посмотрел на него, удивленно, но ничего не сказал. Миллер, слегка покраснев, уточнил свою мысль:

— Вы правы, сэр. Это невозможно. Если один из кораблей несет защитные средства, то его нельзя останавливать. Флот берсеркеров должен появиться и здесь. Хотя, судя по нашим данным, на это потребуется не менее восьми часов. А нашему Флоту — и того больше. Колония без отражателя беззащитна.

— Верно. Даже если я пошлю истребитель, который постарается догнать оба корабля,— на это уйдет слишком много времени. И ведь не исключено, что обоими этими кораблями управляют люди?

— Нет. Они оба заявляют о том, что везут защитные устройства. Такие вещи не посылаются в двух экземплярах. Оба говорят о том, что они с Истила. Правда, не может ли оказаться так, что оба корабля — берсеркеры? Стараются разыграть нас, чтобы один из них пробился к цели? Я все время пытаюсь связаться с планетой. Может быть, они хоть что-нибудь прояснят,— Миллер откинулся в кресле.

— Хорошо.

— Пришло сообщение с корабля, который называет себя «Этрурия»,— послышался голос связиста.

— Выведите на экран.

ПОВТОР ЭТРУРИЯ ГОВОРИТ С ЗЕМЛИ ГОВОРЯТ

СПАСАТЕЛЬНАЯ КАПСУЛА ТОЖЕ ПЕРЕДАЛА СООБЩЕНИЕ ЧТО ОНА КУРЬЕР С ИСТИЛА ТОЧКА ОНА БЕРСЕРКЕР ЧТО Я ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ Я ЧЕЛОВЕК ТОЧКА МОЕ ИМЯ ПОВТОР МЕТИОН ЧОНДЖИН ОДИН НА БОРТУ ВОТ МОИ ЖЕНА ДЕТИ ДОМА НА ИСТИЛЕ ЕСЛИ ЭТО ДЛЯ ВАС ЧТО-ТО ЗНАЧИТ ТОЧКА КАК ЕЩЕ Я МОГУ ДОКАЗАТЬ КОНЕЦ

— Итак,— пробормотал капитан Лиао,— перед нами отец ребенка. Очень убедительно.

Осталось минут сорок. И один из кораблей достигнет планеты. Лиао пытался придумать тест. Как же решить, все-таки, кто берсеркер?

Берсеркеры — хитрые машины, они — не только военные корабли, роботы-убийцы, но они же имеют электронный мозг. Они не могут скопировать внешность людей, но даже команда самых крупных специалистов вряд ли определит: берсеркер или человек отправлял сообщение с помощью точек и тире.

На голограмме корабли уже изменили свое местонахождение.

— Со спасательной капсулы пока ничего нет, капитан.

— Пусть сообщение с «Этрурия» останется на экране, сместите его вверх, а следующее расположите ниже. Вновь возникли буквы:

ГОВОРЯТ ГЕНРИ И ВИНИФРЕД КОЛОНИЯ СООБЩИЛА ВТОРОЙ КОРАБЛЬ ЗАЯВЛЯЕТ ЧТО ОН С ИСТИЛА ЗАПРАШИВАЕТ О ПОСАДКЕ ТОЧКА ЭТО ЛОЖЬ ЭТО БЕРСЕРКЕР МОЖЕТ БЫТЬ ТОТ ЖЕ ЧТО АТАКОВАЛ НАШ КОРАБЛЬ ДВА ДНЯ ТОМУ НАЗАД ДО ЭТОГО ОН РАССТРЕЛЯЛ НАСТОЯЩИЙ КОРАБЛЬ С ИСТИЛА С ЦЕННЫМ ГРУЗОМ ДЛЯ КОЛОНИИ ТОЧКА СУМЕЛ ТОТ ПЕРЕДАТЬ ГРУЗ НА ВИЛЬГЕЛЬМИНУ...

Далее в сообщении рассказывалась история о том, что «Вильгельмина» — межзвездный крейсер, с помощью которого осуществлялся обмен студентами и аспирантами с разных планет. На экране системы, к которой принадлежит высокоразвитая планета Истил, «Вильгельмину» обстрелял корабль берсеркеров, притворяющийся курьером. Сейчас берсеркер-курьер устремился вперед, чтобы выполнить свою задачу на Мейтнере, по мнению Генри и Винифред.

...ВИЛЬГЕЛЬМИНА БЫЛА СИЛЬНО ПОВРЕЖДЕНА ТОЧКА БЕРСЕРКЕРЫ ЧУТЬ НЕ УНИЧТОЖИЛИ НАС ЭКИПАЖ МЕРТВ НАС ОСТАЛОСЬ ДВОЕ МЫ ИСТОРИКИ-СТУДЕНТЫ У НАС ПРОБЛЕМЫ С УПРАВЛЕНИЕМ ТОЧКА ТРУДНО БЫЛО ПРИВЫКНУТЬ К СКАФАНДРАМ ТОЧКА НО В КОНЦЕ КОНЦОВ НАМ УДАЛОСЬ ТОЧКА ВЫ ДОЛЖНЫ УНИЧТОЖИТЬ БЕРСЕРКЕРА ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ ПРИЗЕМЛИТЬСЯ НУЖНО ДОСТАВИТЬ ОТРАЖАТЕЛЬ ТОЧКА МЫ ХОТИМ УБЕДИТЬ ВАС МЫ ЛЮДИ...

Потом некоторая информация повторилась. Поступило также сообщение с «Этрурия»:

Я ПОПЫТАЛСЯ СБИТЬ КАПСУЛУ БЕРСЕРКЕРОВ НО НЕ СМОГ ТОЧКА ВЫ ДОЛЖНЫ ЭТО СДЕЛАТЬ ТОЧКА КАК ДОКАЗАТЬ Я ЧЕЛОВЕК

Помощник тихо вздохнул, размышляя о том, хочется ли ему когда-либо самому стать капитаном.

— Сотрите сообщения, — распорядился капитан. — Пусть оба корабля продолжают контакт. Запросите истории их жизни. Семья, образование и т. д. И пусть поторопятся, если не хотят, чтобы их сбили. Да, у меня еще одна идея. Миллер, продумайте, где бы вы могли встречаться с этим Метионом, когда он будет рассказывать свою историю. Посмотрим, как он среагирует, когда узнает, что у нас на борту — его старый друг.

— Хорошая мысль, капитан.

— Вновь сообщение, кэп. Четкий ответ с земли. Я помещу его на середину экрана.

ОТВЕТ НА ВАШ ЗАПРОС НЕТ ОНИ ОБА НЕ МОГУТ БЫТЬ БЕРСЕРКЕРАМИ ТОЧКА ЧАС НАЗАД БЫЛ МОМЕНТ БЕЗ ПОМЕХ И МЫ ПОЛУЧИЛИ ВИДЕОГРАММУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО ОТВЕЧАЮЩЕЕ НА НАШИ ВОПРОСЫ ОН НЕ МОГ БЫТЬ БЕРСЕРКЕРОМ НО ОБА КОРАБЛЯ РАБОТАЛИ НА ОДНОЙ ЧАСТОТЕ МЫ НЕ ЗНАЕМ КТО ПОСЛАЛ ТО СООБЩЕНИЕ

— Черт побери! Почему они не запросили описания человека?

— Связь, сэр. Мы пытались, но вновь утерян контакт. Солнечный ветер усилился. Вот еще информация — с «Этрурии».

ЧТО МНЕ СДЕЛАТЬ ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ Я МОГУ ПРОЧИТАТЬ СТИХОТВОРЕНИЕ У МЕРИ БЫЛ БАРАШЕК ТОЧКА БОЖЕ Я НИКОГДА НЕ МОГ НИ-

ЧЕГО ЗАПОМНИТЬ ТОЧКА ТАК Я СДАЮСЬ
СБЕЙТЕ НАС ОБОИХ КОНЕЦ

Помощник ударил кулаком по ручке кресла

Берсеркер вполне мог сказать это, зная, что флот скоро прилетит, а колония без защитного отражателя будет беспомощна.

Лиао передернул плечами:

Но и человек мог сказать подобное, готовый умереть, чтобы колония уцелела. Может быть, флот людей прилетит быстрее, чем берсеркеры. Нет, это ничего не доказывает.

Вы правы.

Лиао нажал кнопку вызова астронавигатора.

Да, сэр?

Барбара, скажите мне, могли двое студентов-историков, знающих не очень много о технике и механике, не потеряться в космосе и, направляя свой поврежденный корабль к намеченной цели, пересечь пространство в пятьдесят-шестьдесят световых лет за два дня? Они говорят, что управляли кораблем в скафандрах.

— Капитан, я тоже об этом думал, но честно говоря, я не знаю. Это вполне возможно. Важно знать, как сильно был поврежден корабль.

Капитан посмотрел на голограмму. «Вильгельмина» лежала прямо на пути «Камилькар Барка».

Лиао повернулся к Помощнику.

Я предоставляю вам «Камилькар Барка» на время. Нам нужно рассмотреть поближе эту машину. Может быть, выясним что-нибудь. Мы затормозим поблизости. Я отправлюсь туда с десантниками.

Но она, возможно, заминирована.

— Это и будет ответом. Хотя я не думаю, что мы так легко его получим. Сколко у нас еще времени?

— Тридцать две и одна четвертая минуты. Потом спасательная капсула или войдет в атмосферу или окажется с противоположной стороны планеты, вне нашей досягаемости. Кораблю-курьеру потребуется чуть больше времени, но...

— То, что у курьера больше времени, нам не поможет. У нас всего тридцать две минуты.

— Кэп, у меня идея. Если спасательная капсула — берсеркер, то он может полностью убрать курьера.

— Может. Но скорее всего у берсеркера одна мощная бомба. Для уничтожения колонии. Но и у курьера,

наверное, есть какое-нибудь боевое снаряжение. Нет это нас ни к чему не ведет

Безмолвный корабль вскоре попал в поле зрения телескопов дредноута. Дредноут занял позицию в паре километров от «Вильгельмины» сбросив скорость. Группа вооруженных десантников пересела в капсулу, чтобы добраться до покинутого корабля и осмотреть его.

— Сэр, до того, как вы нас покинете, хочу сообщить. Я представился Чонджину как старый знакомый, раздался голос Миллера. — Он сказал, что не помнит меня. Но рад, что прошел тест. Сказал, чтобы мы срочно сбили берсеркера. И все. Потом связь прервалась. Связисты говорят, что сообщения доходят с трудом. Связь может вообще прерваться, когда мы еще больше приблизимся к планете.

— Сколько у нас минут?

— Восемнадцать, сэр.

— Не тратьте времени. Корабль ваш

Никаких признаков жизни не было видно тогда, когда капсула подплыла к «Вильгельмине». Теперь Лиאו увидел, что повреждения, о которых указывалось в сообщении, имели место. Во внешней обшивке корабля зияли дыры диаметром в несколько метров. Вряд ли внутри был воздух.

Оставив одного человека в капсуле, Лиiao повел свой маленький отряд внутрь корабля. Невесомые, они с трудом отыскивали возможность ухватиться за что-нибудь. Командир дал не очень четкое задание отыскать что-нибудь, могущее дать намек: действительно ли корабль еще два дня был в пути после получения повреждений?

Осталось пятнадцать минут.

Повреждения, как показал осмотр внутренней части корабля, оказались весьма значительными. Солнце системы Мейтнер бросало свои лучи в пробоины, его свет смешивался со светом фонарей, установленных на шлемах десантников. Безусловно, это — пассажирский корабль. Большая его часть — жилые каюты. Оставшаяся мебель свидетельствовала о достатке путешественников.

В общем, информация полученная от пилота в спасательной капсуле, подтверждалась. Хотя Лиiao не испытывал уверенности в этом. Он даже толком не знал, что же они ищут.

Воздуха во внутренней части корабля не осталось

совсем. Все незакрепленные вещи и предметы уже унес космический ветер.

— Смотрите, капитан,— лейтенант, возглавлявший группу, кивнул Лиао.

В самом центре корабля лейтенант осматривал огромную пробоину — казалось, само небо стало потолком обширного зала. Эта комната, видимо, превратилась в центральную комнату управления и наблюдения для тех, кто остался жив после нападения. Телескоп, трубковидный электронный спектроскоп, подпитываемый батареей и приспособленный для использования в вакууме — все эти и другие инструменты были грубовато прикреплены в одной из внутренних стен.

— Капитан, похоже, что это — аварийное оборудование из спасательной капсулы. Понадобилось ли бы оно берсеркеру или он использовал бы собственные возможности?

— Когда берсеркеры нападают на корабль, то для abordажных работ используются роботы, похожие на людей. Таким образом, роботам легче управляться с аппаратурой, предназначенной для человека.

Лиао опустил магнитные ботинки на стальной пол и устался на оборудование, пытаясь извлечь хоть какой-то намек. Его люди продолжали обыскивать корабль, время от времени докладывая об итогах поиска, а скорее — об отсутствии таковых. В маленькой комнате было обнаружено мертвое тело мужчины в скафандре, — воротник его пиджака, видимый сквозь стекло шлема, свидетельствовал, что это — член экипажа «Вильгельмины». Были обнаружены также тела без скафандра — между обрушившимися балками потолка. Трупы промерзли, подвергаясь воздействию температуры, близкой к абсолютному нулю. Один из трупов был телом молодой девушки в роскошном карнавальном платье, в котором она и встретила свою смерть.

Лиао представил себе студентов, для которых подобное путешествие — что-то значительное, волнующее. А потом — взволнованная мольба корабля-курьера с Истила, поврежденного берсеркерами, которых не ожидали в этой части космоса. Космические защитные отражатели были перенесены на «Вильгельмину», студентам, которых некуда было десантировать, объяснили ситуацию. «Вильгельмина» взяла курс на «Мейтнер». А затем — ужасное нападение. И космический ветер, пыль,

звезды заглянули в маленький мир людей, разрушенный берсеркерами. И уцелело только двое студентов, решивших выполнить задачу и доставить оборудование на Мейтнер. Таков был один из возможных вариантов.

Другой вариант сильно отличался от первого и на первый взгляд казался весьма убедительным. «Вильгельмина» была захвачена берсеркерами, ее экипаж и пассажиры уничтожены, ее искалеченный корпус был перенесен берсеркерами в систему Мейтнера. Берсеркеры связались с колонией и выслали «спасательную» капсулу с бомбами на борту, чтобы уничтожить людей на Мейтнере до того, как курьер, чья радиограмма была перехвачена, доставит защитные устройства на планету.

К Лио подплыл один из членов отряда:

— Повсюду значительные повреждения. Искусственная гравитация не возможна. Но остались навигационные средства. Таким образом, полет был возможен.

— Спасибо.

Другой десантник, осматривавший спасательные капсулы, дополнил:

— Одна из бортовых спасательных капсул отсутствует, капитан. Остальные — на местах. В основном, они рассчитаны на восемь человек.

— Спасибо, — отозвался капитан. Это ни о чем не говорило.

Осталось двенадцать минут.

Он должен выбрать мишень...

Медленное вращение «Вильгельмины» обеспечило возможность взглянуть на дредноут, который стал виден сквозь отверстие на потолке.

— Палуба! Это — капитан. Быстро доложите, каков размер отражателя? Могли ли двое неподготовленных людей переместить его в восьмиместную капсулу?

— Офицер Вооружений, сэр, — тут же пришел ответ. — Я работал с неземным защитным оборудованием. Отражатель вполне может охватить руками один человек. Вес — не более пятидесяти килограммов. Но это мощное оружие, способное отразить серьезное нападение.

— Спасибо. Астронавигационное?

— Да, сэр.

— Итак, как вы считаете, могли ли двое студентов-историков в течение двух дней управлять кораблем? Мы

нашли инструменты, которыми они пользовались — простейшие телескоп, спектроскоп и другие.

Барбара на секунду задумалась.

— Я думаю, это возможно, сэр. Исходя из той информации, что вы предоставили.

— Я не уверен. Тысячи звезд вокруг. Их расположение меняется каждую минуту. Как они могли бы найти Мейтнер? — Всего десять минут. И тут ему пришла в голову мысль: может быть, они катапультировались два дня назад и использовали автопилот спасательной капсулы?

Голос Барбары был спокоен:

— Спасательные капсулы на пассажирских кораблях не приспособлены для того, чтобы выбирать цель полета. Они доставят вас туда, где вас скорее всего найдут. Но полет на «Вильгельмине» намного быстрее мог доставить людей поближе к какой-нибудь планете. На спасательных капсулах есть простейшее оборудование, в том числе спектральные записи координат главных звезд, представленные в виде микрофильма. Также часто они снабжены электронным сканнером. Информация о звездах записана с помощью известных шифров — О, Б, Х, Д и так далее. В подобной системе астронавигации немало недостатков. Но, если особого выбора нет, то даже плохо разбирающийся в астрономии может воспользоваться этим шифром. Но я думаю, что один из этих студентов (если они, конечно, люди) все-таки был знаком с азами астронавигации.

— Спасибо,— вновь поблагодарил Лиאו. Члены поисковой группы, посверкивая фонарями, продолжали осмотр.

Восемь минут.

Наверное, в голове у него хронометр, ему уже не надо сверять время по часам.

Здесь, в этой комнате, молодые люди улыбались друг другу, смеялись, танцевали. Там, где теперь на стене располагались инструменты, были когда-то надписи, которые так любят оставлять студенты. Большинство было на английском — этом древнем благородном языке, который используют по сей день.

«Капитан Ахаб» увивается за барменшей», — гласила одна из надписей.

Вот еще одна: «Оз и ее отважные друзья желают всему миру...» Далее стена разрушилась. И что же Оз

вместе с друзьями желают всему миру осталось неизвестным.

Вот капитан! Смотрите! один из космонавтов указал на надпись в самом низу стены «Генри и Винифред»

Лиано наклонился, пальцем в тяжелой перчатке потрогал стену Быстро спросил:

Можно ли за семь минут определить, было ли это написано до того, как воздух покинул корабль или после? Если после, то это доказывает, что Генри и Винифред были здесь после смерти многих. Если до, то это ничего не доказывает. Если берсеркеры побывали здесь, то они вполне могли использовать эти имена для своих целей. — Лиано повернулся к лейтенанту Важно знать, где Генри и Винифред сейчас. Может быть, тот в карнавальном — это Винифред...

Рядом с именами на стене тем же почерком и тем же инструментом было нацарапано по-английски:

О	Поцелуй
Будь	Меня
Хорошей	Сейчас
Девочка	Дорогая

Лиано готов был спорить, что эту надпись оставил кто-то, на ком не было скафандра и тяжелого шлема. Хотя все может быть. При желании вполне можно было представить себе двух молодых людей, стекла скафандров которых касаются друг друга, и они, смеясь, не в силах поцеловаться, забывают об тенях вокруг... Кажется, он когда-то слышал эти строчки. Из какого-то стихотворения?

Медленное вращение «Вильгельмины» вновь развернуло отверстие так, что стал виден дредноут и связь возобновилась:

— Палуба, это — капитан. Новости?

— Новостей почти нет. Цитирую информацию, полученную со спасательной капсулы: «Говорит Винифред. Мы остаемся людьми, даже если вы нам и не верите» Потом повторение этой же мысли, сэр. И еще: «Генри часто рассказывал мне о звездах, шифрах, телескопах. Мы написали наши имена на стене, под телескопом. Если вы захотите, то найдете их. Хотя это тоже ничего не доказывает, не так ли? Если бы у меня были всевидя-

щие очки, то я могла бы прочитать сейчас эти имена»
Потом текст прерывается, сэр.

— Сколько у вас времени на решение?

— Три минуты сорок секунд, сэр.

— Спасибо,— Лиао замолчал, глядя на звездное небо. Но помощи оно не прислало.

— Сэр! Сэр! Вот тут еще! — тот же самый космонавт, который нашел имена, вновь привлек внимание капитана.

Взглянув на стену, там, куда указывала рука человека, ниже развешанных инструментов, Лиао различил несколько сероватых царапин, отстоящих друг от друга ровно на полметра.

— Сэр, тут, наверняка, побывал робот, который оставил вот эти следы. Человек в скафандре не может оставить ничего подобного.

Глядя на эти царапины (может быть, всего лишь след от мебели, передвинутой во время боя?), Лиао почувствовал приступ раздражения.

— Я не уверен, что это — следы берсеркера. Конечно, нужно обдумать. Но... Сколько у нас времени, Помощник?

— Менее трех минут, сэр. Мы готовы сделать залп. Ждем вашего распоряжения. Сообщения продолжают поступать с обоих кораблей, но ничего нового.

— Хорошо.

Шансы — один к одному. Сбить наугад? Если оба корабля будут продолжать свой полет, то берсеркер уничтожит колонию. Если же они уничтожат оба корабля, то отражатель не будет доставлен на поверхность планеты, и шансы десять к одному, что флот берсеркеров, наверняка, прилетит сюда и все равно разбомбит колонию.

Мускулы Лиао напряглись. Нет, его голос не должен дрожать. История двух студентов кажется менее правдоподобной.

— Цель — спасательная капсула,— твердо сказал Лиао.— Но пусть она летит еще свои две минуты. Если никаких новых сведений не получим, то медлить больше нельзя.

— Понятно, сэр,— отозвался Миллер.— Цель — спасательная капсула. Выстрел через две минуты. После дополнительного приказа.

— Лейтенант, пусть отряд покидает корабль. Но

отдайте приказ: во время движения к боевой капсуле продолжать осмотр.

— Да, сэр.

Капитан последним покидал комнату в центре «Вильгельмины» — зал для танцев и встреч, превращенный в обсерваторию. Лиао оглянулся...

О, будь хорошей, девочка, будь хорошей, Винифред, когда ракета ЭС-плюс помчится вслед капсуле. Если же я ошибся и ракета поразит тебя, то тебя больше не будет. Не будет больше Генри. И не будет больше расказов о звездах, шифрах.

Звезды... Шифры...

О, будь хорошей, девочка!

О, Б, Х, Д...

— Помощник!

— Да, сэр!

— Отмените мой приказ! Пусть приземлится капсула с «Вильгельмины». Цель — «Этрурия!» Сбейте этого чертового берсеркера!

— Да, с-с-сэр!

Пушка выпустила ЭС-плюс. Здесь, на борту изуродованной «Вильгельмины», этот залп не был слышен. Но и Лиао, и его команда ощутили всплеск энергии, холодком пробежавший по их телам. Свинцовые ракеты устремились к своей цели со скоростью, превышающей скорость света.

Лиао вернулся на капитанский мостик дредноута до того, как был получен сигнал о световой вспышке, свидетельствующей о пораженной цели. И вот...

— Точное попадание, сэр.

— Молодцы, наводчики.

Чуть позже было получено сообщение с земли о том, что двое молодых людей благополучно доставили отражатель.

* * *

Через несколько часов флот берсеркеров вошел в пределы системы Мейтнера. Но их ждала колония, готовая защищаться, а в атмосфере планеты завис «Камилькар Барка», готовый прийти на помощь людям на Мейтнере. Берсеркеры решили воздержаться от боя.

Еще несколько часов спустя появился флот людей. На «Камилькар Барка» было решено приземлиться и возобновить запасы.

Теперь у Лиао появилась возможность встретиться с молодыми людьми, которые очень ждали возможности поговорить с капитаном.

Когда они пожали друг другу руки, Лиао сказал: — Я не сразу понял, для чего были те слова на стене. Но я знал, что Генри и Винифред были там, знал, что Генри пытался рассказывать Винифред о звездах. И, наверняка, рядом с астрономическим спектроскопом он пытался объяснить его работу.

Генри улыбнулся и с легким недоумением покачал головой:

— Да, я помню, что написал там буквы, которые помогли бы Винифред лучше запомнить спектральные координаты. Мы использовали шифр, не вдаваясь в детали. Можно было кодировать мелодию «Каждый парень — молодец». На курсах по электронике нас учили шифру на слова песенки «Плохие мальчики бегают за девочками».

Капитан кивнул:

— И еще. «Тридцать дней в сентябре, апреле, июне...». И слова из Барбары Келарент, их логики используют до сих пор. Берсеркеры с их совершенной памятью не нуждаются в подобных знаках, которые ученые называют мнемоническими. Берсеркеры, вряд ли знают, что это такое. В любом случае, если бы берсеркеры побывали на «Вильгельмине», они бы не стали оставлять ключ к шифру. Да им и, вряд ли, бы пришлось в голову (или что у них там?), что я найду эти строчки.

Винифред, которая казалась очень хрупкой, явно неприспособленной к тем испытаниям, которые теперь были позади, взяла Лиао за руку:

— Капитан, вы подарили нам жизнь. Что мы можем сделать для вас?

— Ну, хорошо, для начала, — он перешел на английский и с легким акцентом сказал: — О, будь хорошей, девочка, и...

*Поиск правды — смысл жизни человеческой.
Да здравствуют те, для кого эта цель — свята!*

О НЕКОТОРЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ, КАСАЮЩИХСЯ РАДИАНТА

Итог работы прошлых лет, его будущее — все было поставлено на карту. Сегодня, наконец, он сможет получить то, о чем мечтал так долго. Сабел встал, поправил одежду, вытер об нее внезапно вспотевшие руки. Этот синий хитон часто служил Сабелу в лаборатории. О! Он многое помнит. Если бы одежда могла говорить, то Хранители, наверняка, упрятали бы его в тюрьму, или даже обрekli на смерть. Но вряд ли. Его одежда не произнесла бы ни слова. В этом Сабел был уверен.

Вот он этот миг. Сейчас Сабел словно забыл, что мог бы присесть. Его руки сжимали углы контрольной панели. Голова была откинута назад, глаза закрыты, темные волосы, сильно взлохмаченные, нависли над высоким, бледным лбом.

В огромной комнате, напоминающей каменный мешок, было тихо. Эта тишина казалась даже немного мистической.

Все годы его прошлой работы... И хотя за последние дни он уже не раз прогонял в памяти события, Сабел так и не решил, с чего же он должен теперь начать. Может быть, с ряда вопросов? Или же он должен немедленно браться за дело?

Нет, пора кончать с колебаниями. Но природная его осторожность брала верх. Сейчас, когда настала решающая минута, аккуратность не помешает.

Сабел открыл глаза. На рабочих столах теснилась аппаратура. Сабел тихо сказал:

— Ты! Тот, кого люди называют берсеркером! Признай или отрицай!

— Я признаю,— голос был знаком — таким же тенором говорил домашний компьютер Сабела. То, что у берсеркера такой же голос, было крайне неприятно.казалось бестактным. Но Сабел сам без долгих колебаний ввел эту программу.

— Ты понимаешь,— сказал Сабел,— что я восстановил тебя? Причем, ты был почти уничтожен...

— Уничтожен,— эхом отозвался голос.

— Да. Ты понимаешь, что ты больше не должен сам уничтожать, охотиться за жизнью людей? Ты должен выполнять все мои...

— За жизнью людей...

— Да. Не прерывай меня,— Сабел вытер пот со лба. Он неожиданно заметил, как дрожит рука, опершаяся о панель. Ему стало неприятно от этой своей слабости и он сжал ее в кулак.

Установилась краткая пауза. Сабел решил вспомнить, какие же вопросы он хотел задать. Но в этот момент вновь включился голос компьютера:

— В тебе есть жизнь.

— Да,— Сабел постарался взять себя в руки.— Я — человек. Живой.

Темные глаза Сабела неотрывно смотрели на небольшой верстак, весь увитый проводами, где находился его пленник. Нет, пленник совсем не походил на человека, которого собираются подвергнуть пытке. Сабел не собирался мучить кого-либо (или что-либо) без нервов и сердца. То, что он назвал берсеркером, состояло из частей: ящичек здесь ящичек там — между ними ванна с раствором, а все это с помощью проводов присоединялось к верстаку, на котором лежали в лотках кучи фрагментов того, что еще совсем недавно было телом берсеркера. Но взглянув на все это «хозяйство сейчас трудно было узнать в нем грозу человеческого рода, грозу всего живого. Конечно, Сабел мог собрать берсеркера целиком, но с Хранителями шутки плохи. Даже такие, внешне невинные опыты с тем, что осталось от заклятого врага, могли истолковать как сотрудничество с противником. А наказание за это было одно — смерть. Поэтому Сабелу пришлось принять меры предосторожности. Да, и в случае всякой неожиданности гораздо приятнее иметь дело с грудой металлолома, чем с боевой машиной.

Вновь раздался привычный голос:

— Жизнь нужно уничтожать.

Это не удивило Сабела — всего лишь повторение основной программы, которая управляет берсеркерами. Берсеркеры были машинами, сконструированными когда-то неизвестными создателями — еще в те времена, когда любое существо на Земле считало звезды точками света. Это было многие века тому назад. Их

придумали, чтобы уничтожать врага, а чтобы борьба была более успешной, в программу было заложено даже воспроизводство новых машин. Много воды утекло с тех пор. Исчезли те, кто создал берсеркеров, и те, для уничтожения которых их создали, и многие другие. А берсеркеры остались, и нет врага более жестокого у всего живого во всей Галактике, чем они.

То, что берсеркер разговаривает с ним откровенно, внушало Сабелу надежду, что машина не солжет и потом.

К тому же Сабел установил мощный контроль. Сканирующие индикаторы прямо перед ним на панели управления. Пока никаких признаков опасности. Сабел знал, что при малейшей возможности его пленник не упустит возможности выполнить свою программу — программу уничтожения.

Сабел, конечно, лишил берсеркера того, что можно было бы считать оружием. Но физик точно не знал всех функций тех частей берсеркера, которые он принес в свою лабораторию. Конечно, в лаборатории хватает средств уничтожения — лазер, например, который вполне может уничтожить человека. Чтобы его узник не имел возможности воспользоваться чем-либо, Сабел установил вокруг верстака защитные энергетические кольца. И еще одно — силовое поле защиты — предохраняло самого Сабела и панель управления. Поля были почти не заметны, только древние стены лаборатории чуть искрились в тех местах, где края полей задевали камень.

Хотя берсеркер — в том виде, в каком он сейчас присутствовал, — вряд ли был способен убить даже мышь. Но Сабел знал — лучше не рисковать. Осторожность еще никому и никогда не повредила. А вот многие горячие головы поплатились за свою поспешность. Сабел слышал об одном инженере, который попытался проникнуть в программу берсеркера, чтобы изменить ее и заставить берсеркеров служить человеку. Но что-то у него не сработало, и с тех пор все подобные эксперименты были запрещены под страхом смерти.

Немного помолчав, Сабел сказал:

— Мне нужна информация. Она не носит военного характера. Поэтому моя просьба не должна противоречить твоей программе.

Сабел не был уверен, что берсеркер начнет выполнять его приказы. Но попытка — не пытка.

Машина не сразу ответила. Но потом раздался знакомый голос.

Я могу предоставить тебе некоторую информацию в обмен на живое, которое уничтожу.

Сабел предвидел возможность такого ответа.

В соседней комнате стояла клетка с подопытными зверьками. Конечно, это тоже Жизнь, но Сабел решил пойти на ее уничтожение. В конце концов несколько хомяков стоят информации, которая может перевернуть весь мир и столько сделать для Жизни.

Я космический физик, продолжил свою речь Сабел. Специализируюсь на изучении Радианта. В записях последних лет, касающихся Радианта, есть существенный пробел, который мне хотелось бы заполнить. Этот пробел соответствует периоду в несколько сотен стандартных лет, то есть периоду оккупации берсеркерами Цитадели. Бой, в котором ты был поврежден, положил конец этому периоду. Поэтому, я думаю, что в твоей памяти есть информация, важная для меня. Не обязательно, чтобы это было какое-то специальное наблюдение за Радиантом. Любой эпизод, в котором присутствует Радиант, будет мне интересен. Тебе ясно?

— Что я могу уничтожить в обмен на информацию? — голос машины был сух и беспристрастен.

— Несколько жизней.

Сабел скользнул взглядом по приборам. Они показывали, что мозг пленника нуждается в подпитке. Кривая потребности росла прямо на глазах.

— Одну жизнь я должен уничтожить сейчас.

— Хорошо. Но вначале я задам тебе вопрос.

— Я не могу отвечать. Я должен уничтожить живое.

Сабел вышел в соседнюю комнату. Через несколько секунд он вернулся.

— Ты видишь, что я принес?

— Но это не человек. Мне нужна человеческая жизнь. Иначе я не буду отвечать на твои вопросы.

— Это невозможно, сухо сказал Сабел.

— Тогда я не дам тебе информацию.

Сабел вышел и посадил животное обратно в клетку. Он ожидал, что возможны возражения.

Пленник наверняка знал, что приборы считывают с него информацию. С тех пор, как Сабел подвел энерге-

тическое питание к мозгу берсеркера, тот начал функционировать. И стремиться к выполнению программы — уничтожать живое.

Вернувшись к панели управления, Сабел обнаружил на экране надпись:

ДАННЫЕ ТРЕБУЮТ АНАЛИЗА.

Сабел вздохнул, нажал на ряд кнопок, уменьшил подпитку. Если будет нужно, он всегда сможет ее увеличить и вновь предложить берсеркеру сделку.

Одновременно выключилось силовое поле, и Сабел смог, наконец, размять спину, которую сводило от напряжения.

Но все же он решил на всякий случай не отсоединять провода, обмотанные вокруг ящичков. Забавно, но сейчас его заклятый враг походил на грудку выброшенной аппаратуры. Неужели это — один из берсеркеров, которые принесли уже столько зла человечеству?

Он больше не существует — нет ни мозга, ни памяти, ни электронного разума. Стоит разъединить все части — и только грудка хлама. Но если вновь подвести источник энергии, соединить разрушенные части, восстановить блок памяти — и вот он, берсеркер, умный, опасный, наполненный знанием. Артефакт. Модель Враг.

Нет такого способа, который позволил бы пытаться машину, чтобы извлечь из нее информацию.

Компьютеры Сабела работали на алгоритмах Ван Хольта — последнем достижении прикладной математики. Но даже они не могли декодировать память берсеркера. Даже самый мощный компьютер, созданный людьми, был не способен проникнуть насильно в мозг берсеркера. Неизвестные создатели знали, что делали.

Но Сабел предполагал, что, возможно, найдет способ извлечь информацию. Зная программу берсеркера, ученый ориентировался на нее. Пусть память и мозг машины не поддаются вторжению, но должен быть путь переориентации программы.

Создатели наверняка улучшали свое творение. Проводили опыты, ставили эксперименты. Неизвестно, конечно, каков конечный итог. Но приборы Сабела были запрограммированы на накопление информации о берсеркере. Ученый настроил их на фиксацию данных своего пленника. Сейчас любая информация могла оказаться полезной. Малейший намек мог оказаться той зацепкой ниточкой за которую можно было ухватиться.

— Чем черт не шутит, — подумал Сабел. — Ведь никто не знает где окажется тот кончик веревки, потянув за который можно будет размотать весь клубок.

Поэтому он еще раз внимательно проверил все приборы. Они работали прекрасно.

Затем Сабел осмотрел свою лабораторию. Вряд ли кто-нибудь появится в ней в ближайшее время, но уж лучше не рисковать. Для Хранителей подобный эксперимент с берсеркером сможет стать свидетельством против Сабела. В соответствии с законом темпларов, а также в соответствии с другими сводами законов в человеческих обществах, добровольное сотрудничество с берсеркерами требует высшей меры наказания — смерти.

Сабел разъединил еще несколько контактов, переставил аппаратуру. Часть убрал в шкаф. То, что осталось, расположил на верстаке так, что даже знаток вряд ли догадался бы о том, что здесь был берсеркер. Хранители к тому же вряд ли знали, как выглядят «внутренности» заклятых врагов человечества.

Сабел проверил дверь. Затем по лестнице поднялся на крышу, которую накрывал стеклянный колпак. Дом, который одновременно служил Сабелу и лабораторией, и жильем, стоял почти посреди Цитадели на небольшом возвышении. Отсюда открывался прекрасный вид, но сейчас ученый не стал им любоваться. Он поднял голову и, закрыв глаза, с облегчением вздохнул.

Ярче звезды, но не столь яркий, сколь солнце, Радиант позволял человеческому глазу взглянуть на него. Вокруг Сабела располагались локаторы, прожектора — различные устройства, соединенные с аппаратурой внизу в лаборатории. Слепые глаза линз, направленные в бесконечность, преломляли свет.

Сабел двигался среди всей этой аппаратуры, как ребенок среди своих любимых игрушек. Сейчас он не смотрел и даже не думал о Радианте. Он думал о своем разобранном на части узнике, лежащем внизу на верстаке.

Но все же потом он вновь поднял голову. Сабел мог по памяти назвать все спектральные данные Радианта. Но трудно было сказать, какого цвета эта точка — существовали разные взгляды на эту проблему, — но Сабел не склонялся ни к одному из них.

Над Цитаделью было собственное небо, отгороженное от остального космоса беловатой сферой. С крыши

лаборатории были видны другие стеклянные колпаки. Может быть, вон те люди, стоящие на соседней крыше, наблюдают за ним?

Вдали, на вогнутой поверхности работало множество роботов, но что делают трудно было разобрать.

Сабел повернул голову.

Совсем рядом с его домом явно происходило нечто необычное. На огромной площади под стеклянным колпаком собралось несколько тысяч человек. Это весьма непривычно, поскольку население Цитадели невелико. Все стояли и смотрели на середину — подобно живым клеткам повернутым к некоему биологическому магниту.

Сабел даже подошел к телескопу, чтобы понять, в чем дело. Ах, да! Сегодня же день Елены Великолепной. Он специально выбрал этот праздник для своего эксперимента, зная, что Главный компьютер Цитадели будет мало использоваться в выходной, и, что в случае необходимости он подключится к нему.

Но все-таки, наверное, ему стоит появиться хотя бы на одной из праздничных церемоний. Это собрание на площади собралось столько людей, сколько не собирало еще ни одно торжество с тех пор, как Сабел прибыл в Цитадель.

Глядя в телескоп сквозь стеклянный колпак над своей крышей и сквозь стеклянную сферу над площадью, Сабел увидел, что в центре толпы — бронзовая статуя Елены Великолепной. А рядом с нею — человек, который поднял руки, приветствуя толпу.

Угол наблюдения сильно искажал картину, лицо человека было трудно разобрать, но голубо-пурпурная одежда безошибочно свидетельствовала о том, что это — Потентат, посетивший, наконец, Цитадель.

Сабел, конечно, бывал больше других занят работой, но все равно — он не помнил, чтобы им приходилось принимать гостя такого уровня. Для Сабела этот визит имел особое значение, поскольку наверняка программа пребывания будет включать осмотр его лаборатории. Конечно, Потентат мало что смыслит в космической физике, но пребывание лишних людей в его лаборатории, а особенно сейчас, могло нарушить все его планы. Необходимо было принять меры.

Закрыв за собой дверь, Сабел вышел из лаборатории. Пешеходная дорожка вилась вдоль домов. Нет, повода для паники нет. Хранители должны уведомить его о визите Потентата в лабораторию задолго до этого события. Это их работа следить, чтобы все шло гладко, чтобы Патентат был в целости и сохранности. Обязательно будет официальное уведомление, но визит этот сейчас явно некстати.

На дорожке, ведущей на площадь, крайне редко попадались прохожие. Большинство магазинов было закрыто. Остальные обслуживались только роботами. Начальная школа тоже была закрыта. Сабел увидел впереди группку детей в полосатых сине-голубых костюмах, которые с радостными криками пересекали дорожку, направляясь из парка на спортивную площадку.

Если стоишь с одной стороны площади, то ее вогнутая поверхность под сферическим выпуклым колпаком видна как на ладони. Когда Сабел добрался до места, свита Потентата исчезла на противоположной стороне площади, а толпа почти вся разошлась.

Сабел в раздумии замер на мраморных ступенях. Бронзовая фигура Елены доминировала над площадью.

Елена Великолепная, Елена Радианта, Елена Дарданская.

Величественная статуя представляла собой фигуру женщины поразительной красоты в старинной дарданской тоге, с диадемой на коротких вьющихся бронзовых волосах. Жители Цитадели редко обращали на статую внимание, привыкнув к ее присутствию. Но сейчас кто-то стоял рядом с Сабелом и не отрывал глаз от статуи. Ученый повернулся и увидел молодую девушку с каштановыми волосами, прекрасной фигурой в соблазнительной, довольно короткой тоге.

— Девушка, простите, я могу вас спросить?

Она повернулась. Быстро окинула взглядом Сабела.

— Пожалуйста, что вас интересует? — ее голос был удивительно мелодичным.

Сабелу она нравилась все больше и больше. В ее манере робость сочеталась с мягкостью и приветливостью.

Сабел указал на дальний конец площади:

— Я видел, что сегодня с нами его святейшество

Потентат. Вы не знаете как долго он собирается пробыть в Цитадели?

Я слышала десять дней. Так говорила одна из женщин в пурпурной тунике,— девушка тряхнула своими очаровательными кудряшками.

— А ... одна из весталок. Вы, наверное, сами из числа приглашенных?

— Я недавно здесь. А вы, сэр, всегда так распрашиваете незнакомых молодых женщин? Я здесь еще никого не знаю.

Нужно забыть о Патентате.

Сабел улыбнулся:

Я плохо знаю права новичков. Я, честно говоря, плохо знаю, что происходит в моем городе. Позвольте представиться: Георгиус Сабел, Доктор Космографии.

Грета Тхамар.

У нее было прекрасное юное лицо, казалось, девушка излучает душевное тепло.

— Сэр, а можно я вам задам вопрос?

Сабел кивнул.

Доктор Сабел, на вас голубая тога. Это значит, что вы ... монах?

— Я из Ордена Елены Великолепной. Слово «монах» не совсем подходит...

— А Орден Елены Великолепной — одна из ветвей Ордена темпларов?

— Да. Только наш Орден занят не столько боевыми действиями, сколько размышлениями.

— А темпларианство — это одна из разновидностей христианства, не так ли?

— Сейчас — уже нет,— Сабел одарил девушку одобряющей улыбкой.

— Вы хорошо знаете наш мир. Были времена, когда темплары предавались войнам, как и их далекие предки ..., — но это углубление в историю ей не особенно понравилось.

Девушку явно интересовала жизнь в Цитадели. Медленно идя рядом с Сабелом, она продолжала его спрашивать.

— Как много я еще не знаю! Хотя пыталась читать о вашей планете до приезда.

— Грета, а кто вы?

— Я — танцовщица. Нельзя сказать, что очень вы-

сокого класса. Но я принимаю участие в массовых мероприятиях. Например, цирк «Контакт Руги».

— Танцовщица?

— Да. А что, не похожа?

— Нет почему же! Просто у нас таких как вы можно встретить очень редко. А я к тому же почти не хожу в места, где много людей.

В Цитадели, в которой основная власть принадлежала темпларам, веселые развлечения были не так уж часты.

Его могут увидеть с танцовщицей. Хотя — чего же тут бояться? Ну, если только некоторая потеря статуса у темпларов, что с лихвой компенсируется в кругу соседей, которые в конце концов признают и за ним право на некоторые человеческие слабости.

— Не знаю, что еще я мог бы сказать об Ордене. Мы занимаемся наукой, передаем свои знания ученикам. Конечно, формально — мы гарнизон Цитадели. Те, кого называют Хранителями, умеют обращаться с боевой техникой. Они также выполняют роль полицейских. И охраняют вас от берсеркеров. Силовое поле Цитадели постоянно включено, хотя уже много лет, как никто нас не беспокоил. В этой части галактики давно не видно берсеркеров, — при этих словах Сабел иронично улыбнулся. — Но думаю, что темпларов тоже осталось не очень много.

Они медленно шли по направлению к лаборатории к примыкающему к ней домику Сабела.

— Пожалуйста, расскажите мне еще. — Попросила девушка, продолжая очень внимательно смотреть на Сабела. — Пожалуйста, мне действительно интересно все знать.

Члены Ордена Елены Великолепной больше не презирают роскошь, не стремятся к безбрачию. Мы ценим Красоту не меньше, чем Непорочность. И наша великая настоятельница — воплощение наших обоих идеалов.

— Елена Великолепная... она действительно основала Орден сотни лет тому назад? Или это всего лишь легенда?

— Я думаю, что Елена Великолепная — реальное лицо. Тому есть немало исторических свидетельств.

— Вы читали эти документы?

— Да, конечно.

— А я никогда не видела исторических документов.

— Ничего особенного в них нет. И к тому же написаны на языке, который давно никто не знает.

— Но вы можете мне хотя бы показать, какие они.

— К сожалению, у меня сейчас нет ни одного. Но как только будет возможность, то обязательно покажу. Если, конечно, никто не будет возражать.

— Простите, я у вас отняла очень много времени.

— Мне очень приятно беседовать с вами. Не хотите ли посмотреть мою лабораторию?

— Да! А это можно?

Вы, наверняка, уже видели Радиант. Но если взглянуть на него с помощью телескопа...

* * *

Как и ожидал Сабел, Грета мало что поняла из его объяснений. Но девушка явно была взволнована.

— У вас есть даже личная космическая капсула? Вы на ней летаете на Радиант?

Сабел рассмеялся:

— Что вы! К нему можно только приблизиться, да и то не ближе, чем на километр. Самые мощные корабли могут преодолеть еще сотни две-три метров.

Сфера Цитадели отстоит на четыре километра от Радианта. На этом расстоянии его гравитационное поле почти не ощущается. Но стоит только начать приближаться к Радианту, как отталкивание нарастает. Так что я использую капсулу для перелетов внутри сферы, а также иногда — за пределами сферы, где общественный транспорт не используется. Все эти перелеты связаны с моей работой. Я разыскиваю старые дарданские рукописи, в которых есть упоминания о Радианте. А вот ... здесь я живу.

Грета быстро осмотрела крошечную комнатку:

— Вы здесь один?

— Обычно — да. Работа отнимает слишком много времени. Грета, я показал вам то, что умею делать. Может быть, вы оплатите мне тем же?

— То есть, станцевать? — прозвучало как-то проблематично. — Я полагаю, что здесь не очень много места для танцев, но ничего, хватит. Только вот подходящая музыка...

— Это очень легко устроить, — Сабел потянулся к выключателю на стене, с раздражением заметив, что его пальцы дрожат.

— К тому же у меня нет специального костюма, придется танцевать в том, что на мне сейчас... — очень доброжелательно и мило произнесла Грета.

— На вас великолепная туника. Но, наверное, у вас есть еще один костюм...

— Да? — Грета быстро догадалась, что он имел в виду, и попыталась улыбнуться.

— Ах, дорогая моя Грета, я говорю о костюме, данном нам природой задолго до того, как кто-то научился шить наряды из материй. И если мне сейчас нужно выбрать для вас подходящий костюм, то ...

Когда через несколько часов спустя девушка ушла, Сабел вернулся к своей работе, будучи одетым в подходящую для лаборатории повседневную одежду. Затаив дыхание, он нажал кнопку вывода информации на экран:

ОСНОВНАЯ ПРОГРАММА РАССМАТРИВАЕМОГО ОБЪЕКТА МОЖЕТ БЫТЬ ИЗМЕНЕНА С ПОМОЩЬЮ СЛЕДУЮЩЕГО НАБОРА: СЕЦИУМ ТРИХЕНИЛ МЕТИЛ, ИЗОТОПЫ СЕЦИУМА C-137 99 % ЧИСТОТЫ, ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЦИЛИНДРИЧЕСКУЮ ТРУБКУ ДИАМЕТР 2,346 СМ, ДЛИНА 5,844 СМ; КОМПОНЕНТЫ РАССМАТРИВАЕМОГО ОБЪЕКТА ДОЛЖНЫ БЫТЬ СОЕДИНЕНЫ С ОСНОВНЫМ КОРПУСОМ, ПОДКЛЮЧЕНЫ С ПОМОЩЬЮ ТРУБОК К НОМЕРАМ 10 И 11 ПЛЮС ПОДСОЕДИНЕНИЕ БОЕВОГО МЕХАНИЗМА ОБЪЕКТА. ПЕРВИЧНАЯ ПРОГРАММА ОБЪЕКТА БУДЕТ ИЗМЕНЕНА НА ВРЕМЯ ПОЛУРАСПАДА ИЗОТОПА C-137 ...

Далее шли детали переориентировки программы «рассматриваемого объекта» — слово «берсеркер». Сабел из осторожности решил не использовать. Итак, время полураспада изотопа C-137 ... Сабел справился по картотеке. Около тридцати лет. Тридцать стандартных лет!

Он выиграл. Сжав кулаки, Сабел издал тихий, почти беззвучный крик восторга. Его инстинктивная предосторожность была кстати — раздался звонок в дверь. Сабел нервным нажатием кнопки очистил экран. Вернулась, наверное, девушка.

Но вместо ее лица на мониторе появилось лицо Главного Курьера Гунавармана — лицо, которое было невозможно не узнать. Если бы Сабел не знал о приезде Потентата в Цитадель, ему могло бы стать плохо. Но

теперь он знал, о чем пойдет речь. Бросив торопливый взгляд на свои приборы, он пошел открывать дверь.

Высокая честь встретить посланца Хранителей...

— Доктор Сабел, — гость в черной тоге отвесил ответный поклон хозяину. — Всегда приятно вас видеть. Я всегда желал, чтобы моя работа была столь же интересна, сколь и ваша. Вы, конечно, знаете, что его преосвященство Потентат сейчас в Цитадели...

— Да, конечно. Это для всех нас высокая честь.

— Его преосвященство желает побывать, доктор Сабел, в вашей лаборатории.

— Когда его преосвященству будет угодно. В любое время, пожалуйста.

Далее они обсудили детали осмотра лаборатории. Гунаварман во время беседы мерял шагами лабораторию, тщательно все осматривая. Насколько была искренна приветливая улыбка Главного Курьера Хранителей?

Гунавармана интересовало, что же Сабел может продемонстрировать высокому гостю. У ученого уже было продумано несколько демонстрационных опытов для подобного случая.

— Когда мне нужно все приготовить? — спросил Сабел.

— Не раньше, чем через два дня, и не позже, чем через пять. Мы известим вас предварительно.

На вопрос Сабела о том, за сколько часов до визита его известят, Хранитель ничего не сказал. Сабел понимал, что этот предстоящий визит Потентата очень ограничивает его возможности. Необходимо вывести опасные материалы. И срочно. Сабел знал, что до посещения Потентата лабораторию осмотрят эксперты службы безопасности темпларов. Соблюдая, конечно, долг вежливости, они здесь все перевернут.

Сабел подошел к своему главному компьютеру и с его помощью заказал в мастерской, в которой работали только роботы, трубку и состав, указанные на мониторе часом ранее. Он хорошо знал, как работает система, и был уверен: ни один человек не догадается, о чем идет речь. Тут же пришел ответ, что на изготовление необходимого заказа уйдет несколько часов.

Нет, нужно срочно вывозить составные части берсеркера. Ожидая выполнения заказа, Сабел начал грузить капсулу, раскладывая груз в различные контейнеры. Его

транспортлет был сделан по специальному заказу. Маленький размер капсулы позволяет ей проникать в пещеры и трещины на внешней стороне Цитадели — там, где древняя крепость была повреждена во время прошлых битв.

* * *

Контейнер, содержащий трубку и нужный состав, был доставлен из мастерской с помощью пневматической системы связи прямо в лабораторию. Взглянув на смесь сециума, Сабел удивился. Твердое вещество комнатной температуры было красным, как кровь. Заключенное в прозрачную стекловидную пленку, оно было защищено от внешних воздействий. Сабел положил трубку с составом в карман своего легкого скафандра.

Закрыв лабораторию, он занял место в капсуле. Стартуя, транспортлет поднял пыль на крыше. Бесшумный мотор капсулы успешно сражался с искривлением пространства, порождаемым Радиантом. Используя ручное управление, Сабел лавировал между особняками, стеклянными сферами, бизнес-центрами. Искривленная внутренняя поверхность Цитадели была видна за домами. Впереди показался ярко освещенный воздушный туннель, который должен был вывести на внешнюю сторону Цитадели.

Капсула пролетела над районом развлечений: здесь предлагались наркотики, девочки, разнообразные зрелища. Где-то здесь работала и труппа Греты. Интересно, подумалось Сабелу, а понимала ли эта девушка, что здесь, на Дардании, ее профессия на социальной лестнице стояла лишь парой ступеней выше профессии проститутки. Возможно, что она это понимала. А может быть, Грете все это было безразлично. Скорее всего, она в ближайшее время собиралась покинуть эту планету, в другом же мире ее ждут совсем иные измерения, критерии поведения.

Сабел имел крайне смутное представление о том, что и как происходит в этом районе развлечений. Может быть, ему стоит сходить и посмотреть выступление Греты? Нет, все же не стоит. Если его увидят, то это сильно подорвет его авторитет.

Широкое горло туннеля «проглотило» его капсулу. Другие капсулы, большинство из них были на электрон-

ных автопилотах, сновали туда-сюда. Полосы света освещали туннель. Сабел не впервые пролестал здесь и сумел четко выбрать момент, чтобы отказаться от ручного управления. Гравитационное поле Радианта ускорило его полет. Туннель в каменных стенах двухметровой толщины, которые составляли большую часть Цитадели, Сабел преодолел за несколько секунд. Мелькнули зигзагообразные отростки плотной горной породы.

«Это еще Дардания», — подумал Сабел. Эта мысль всегда приходила ему в голову именно здесь. Пришельцы с Земли построили Цитадель много веков назад — даже до того, как берсеркеры объявились в этом регионе Галактики, населенном людьми. Работали древние мастера с удивительным размахом, точная причина создания Цитадели до современных поколений не дошла. Строители использовали, должно быть, все камни Дардания, а также с близлежащих планет. Чего только это могло стоить! Существует предание: сама королева Елена дала понять, что ей было бы приятно сооружение подобной крепости, и строители не ударили в грязь лицом.

Цитадель представляла собой шесть сотен кубических километров камня и стали. Население Цитадели составляло примерно сто тысяч человек. Парки, магазины, жилые дома, лаборатории располагались в основном с внутренней части Цитадели — здесь гравитация была нормативной, свет Радианта — яркий и величественный. На внешней стороне, иссеченной трещинами, естественными пещерами и искусственными туннелями, людей встретишь редко, даже невзирая на то, что исследователи и редкие путники имели шанс обнаружить древние дарданские гробницы. Сокровища ушедших поколений до сих пор скрывались среди камней Цитадели, ожидающие ученых, для которых прошлое было намного милее настоящего.

Сабел увидел, что загорелась лампочка предупреждения. Теперь, когда туннель вывел на внешнюю сторону, ученый увидел звезды. Здесь еще действовало поле защиты.

Звезды были внизу, а Цитадель, казалось, нависала над маленькой капсулой. Хорошо тренированной рукой Сабел поставил свой транспортлет под нужным углом относительно Радианта. Капсула вошла в еще один

воздушный туннель, который был сильно выгнутым и шел вдоль внешней стороны Цитадели. По обеим сторонам воздушной дороги шли работы по укреплению безопасности Цитадели. Последнее время здесь не наблюдалось особой активности, но защитное оборудование периодически проверялось. Прожектора, ракеты, отражатели, антенны, генераторы энергии мелькали за иллюминатором то там, то здесь.

Вскоре капсула Сабела осталась в одиночестве, после того, как ученый повернул влево, перейдя на свой обычный маршрут. Если за ним кто-то наблюдает, то он не обнаружит никаких отклонений от привычного пути. Хотя потом ... потом Сабелу придется убедиться, что никто за ним не следит.

Показался указатель. Еще один туннель пронизывал Цитадель, пучок лучей Радианта падал через него прямо на небольшое плато, на котором виднелись руины разрушенного космопорта, закрытого много лет тому назад. Лучи, искаженные пространством, походили на ночные цветы, которым дано распуститься и опасть среди звезд.

Сабел еще раз сделал крутой поворот, включил яркие прожектора капсулы. Сейчас он был в огромной расщелине, оставшейся после ожесточенных боев, которые велись много лет тому назад, — темная, загадочная рана давних времен Дардании, частично залеченная. Металлические балки скрепляли две стороны искусственного ущелья. Хорошо зная дорогу, Сабел лавировал между выступами. Звезды пропали из виду. Здесь, в этом темном горле среди скал, казалось, ничего не изменилось со дня смерти Елены.

Наконец, повинаясь неосознанному импульсу, Сабел тормознул капсулу рядом с одним из боковых отверстий. В прошлом этот туннель использовали для церемоний. Наскальные рисунки заполняли его стены. Сабел уже не раз видел то, что осталось от этих изображений, но сегодня он вышел из капсулы и подошел к стене, медленно передвигаясь в своем костюме в состоянии антигравитации. Прекрасное место, чтобы узнать, не следит ли кто за ним. Нет, у него не было никаких причин предполагать, что это так, но все же лучше не рисковать.

Темнота и тишина окутывали его одинокую фигуру. И как и много раз ранее, его вновь посетило чувство, что Елена — Елена Великолепная где-то здесь. Сабел не-

сколько лет назад принимал это чувство за религиозное упоение. Оно приносило спокойную радость.

Сабел прислушался. За последние десять лет исследователи несколько раз находили здесь обломки берсеркеров. Каждый раз, когда он слышал о подобной находке, Сабел обращался к Хранителям с просьбой осмотреть обломки или хотя бы познакомиться с информацией, представленной правительству. Но его просьбы тонули в бюрократическом море. Постепенно Сабел понял, что ему не дадут возможности познакомиться с материалами. Хранители явно ревнуют к его успехам. К тому же, в это мирное время у них было немного работы. Вновь обнаруженные части берсеркеров подвергались бесконечному изучению. Вздыхались горы бумаг. Уже сам факт предания всему секретности требовал некоторых усилий.

Но с тех пор, как Сабел пришел к выводу, что может использовать берсеркеров как источник информации о Радианте, он стал искать свои пути. Первоначально его изыскания носили чисто теоретический характер. Сабел, ознакомившись с рядом официальных отчетов, составленных Хранителями, убедился в их некомпетентности. Вряд ли, Хранители смогут извлечь из памяти берсеркера что-либо важное. Методы исследования в отчетах не анализировались, но Сабел ощущал, что Хранители не сильны в научных изысканиях.

Чувствуя себя в безопасности, Сабел сказал самому себе:

— Если я хочу использовать информацию своего компьютера, я не пытаюсь разбирать его на части. Я «сотрудничаю» с компьютером.

Вокруг него — только тишина и темнота. Сабел вновь занял место в капсуле. Вскоре он очутился в темном коридоре. Кое-где его стены обвалились. Капсула Сабела снизила скорость, облетая препятствие. Сейчас вельзя торопиться. Пусть даже он хорошо знает этот маршрут. Там, где коридор несколько расширился, прожекторы капсулы осветили «лагерь» Сабела. Здесь стояло подобие палатки, внутри которой при желании нагнетали атмосферный воздух. Рядом с палаткой Сабела располагалась ниша, в ней обычно он ставил капсулу. Каменные стены были слегка поцарапаны — это был итог его предшествующих парковок. Сабел осторожно припарковал капсулу в нишу.

В это посещение Сабел не собирался осматривать свое убежище — у него слишком мало времени. Ученый стал быстро разгружать транспортлет. Мысль о том, что за ним могут следить, казалась сейчас невероятной. Сложив все в рюкзак, Сабел осторожно стал спускаться вниз по одной из расщелин.

Через несколько метров он остановился, вновь прислушался. Нет, дело не в шпионах. Где-то впереди был легкий шум. Может быть, оставшиеся части берсеркера сложились в какую-то модель? Нет, невозможно. Большая часть мозга машины — за спиной Сабела. Вокруг него только холод и вековая тишина. Холод не может пробраться сквозь его скафандр. Тишина, хотя...

Берсеркер лежал там же, где Сабел оставил его несколько дней назад. Он походил на огромное механическое насекомое, залитое янтарем. Необъятные металлические плечи, искореженная часть головы торчали из застывшей лавы.

Когда Сабел только обнаружил берсеркера, он сразу понял, что мозг машины продолжает частично функционировать. Сабел знал, что, возможно, программа уничтожения продолжает существовать. Физик Сабел поставил многое на карту, когда решил извлечь мозг. Вспоминая свой первый визит, Сабел даже сам удивился, как он отважился на такой риск. Но сейчас он вполне мог сказать себе, что первый этап выигран.

Он вынул трубку с сециумом из кармана. Затем аккуратно снял стекловидную предохранительную пленку. Сабел вставил на место блок питания, но очень маломощный, ведь прибор должен обеспечить берсеркера питанием не больше, чем нужно для восстановления памяти.

Когда Сабел подключил приборы, один из суставов берсеркера, который выступал из лавы, начал вибрировать с тихим гудением.

Сабел инстинктивно попятился назад. Но разум тут же подсказал ему, что берсеркер не в состоянии причинить ему вред. Ученый вновь подошел к голове и вставил переговорное устройство.

— Теперь, — сказал Сабел, — ты должен ответить на мои вопросы.

Физик, конечно, не знал, насколько «искренна» будет машина.

Теперь берсеркер ответил ему своим надтреснутым, нечеловеческим голосом.

— Я — пленник.

Сабелу хотелось улыбнуться. Балансируя на носках своих гравитационных ботинок, физик спросил:

— Как же давно ты был поврежден и оказался в этих горах?

— Счетчик времени не функционирует. Это казалось разумным.

— Но, возможно, до того, как ты был поврежден, в твои блоки памяти попала информация о Радианте. Ты помнишь, мы говорили об этом в лаборатории? Я готов извлечь что-то для себя важное даже из самых обычных визуальных наблюдений того периода, когда ты функционировал полностью.

— Я помню это.

До слуха Сабела донеслись тихие звуки — где-то в чреве горы зашевелились ноги машины.

— Что ты делаешь? — резко спросил Сабел. — Кто знает, на что способна эта машина!

Берсеркер равнодушно ответил:

— Стараюсь восстановить функции. Необходимо возродить мой внутренний блок питания.

— Прекрати! Немедленно! Тот блок, который я подключил, — его вполне достаточно.

— Приказ понял.

Негромкие звуки, издаваемые машиной, прекратились.

Сабел вынул из своей сумки на поясе еще один прибор. Как все-таки ему было здесь жарко!

— Теперь слушай меня! Вот рекордер. Ты запишешь на него те видеофрагменты, которые могут мне быть полезны. Не стирай ничего из своего блока памяти. Мне многое из него может понадобится. Все, что касается Радианта.

— Приказ понял, — раздался нечеловеческий голос.

Сабел присоединил прибор. Скорчившись рядом с головой врага, он ждал целую вечность, пока рекордер не издал сигнал, означающий конец переписи данных.

* * *

Несколько часов спустя в своей лаборатории Сабел увидел разрушение неукрепленной каменной стены. Но сознание Сабела все равно было направлено туда, где

сейчас находился его невидимый враг, а ведь известно, что гнев и раздражение способны пронзить самые неподдающиеся разрушению камни...

Рекордер записал массу ненужной информации. Это была настоящая чушь. Компьютер пытался, в свою очередь, выудить что-либо ценное из бессмысленного потока информации. Может быть, враг обманул его? Но, если вдуматься хорошенько, то у берсеркера иногда не было задания изучать Радиант. Может быть, Сабел просто не совсем верно подключил рекордер? Физик помнил, что рассказал берсеркеру, каковы параметры рекордера, но не дал приказа соотнести собственные параметры берсеркера с подключаемым прибором.

Плохи дела... Ошибка, которая не допустима при работе с машиной. А уж с берсеркером...

Тут раздался мелодичный звук. На экране связи появилось лицо Гунавармана:

— Доктор Сабел, будет ли ваша лаборатория готова к осмотру Потентатом через три часа?

— Я... Да, конечно. Польщен высокой честью,— несколько растерянно сказал Сабел.

— Прекрасно. Скоро подойдет группа из органов безопасности.

Экран погас. Сабел быстро осмотрелся. В принципе, он был готов. Аппаратура для некоторых показательных экспериментов всегда на месте. Все, что может быть рассмотрено как преступное, уже не находится в лаборатории. Все, кроме ... Сабел вынул рекордер из компьютера и сжал его в руке. Вряд ли, кто-либо из посетителей захочет просмотреть записи, да и невероятно, чтобы кто-нибудь догадался о источнике информации. Но все же в глубине души Сабела мучила какая-то встревоженность. Хранители часто используют весьма компетентных людей. Никаких случайностей не должно быть. Есть множество мест, где можно спрятать такой маленький предмет, как рекордер. Есть общественные камеры хранения рядом с космопортом.

Добраться до любой части Цитадели с помощью общественного транспорта можно было за несколько минут. Он поменял медленную пешеходную дорожку на ускоренную. Пересекая площадь перед районом развлечений, он увидел огромный красный щит с надписью «Контракт Руж».

Сабел сошел с дорожки. Сегодня на нем не было

синей тоги, он ничем не отличался от остальных посетителей. Если даже можно было допустить, что за ним следят, то в действиях Сабела ничего предосудительного не было.

На стене цирка «Контракт Руж» яркими, светящимися буквами выделялась программа возможных здесь развлечений и предстоящих зрелищ. Следующее выступление танцоров должно было состояться через несколько часов спустя. Если за ним следят, то пусть думают, что он здесь впервые. Сабел оглянулся, так и не решив, что же ему делать. Вокруг было не очень много людей, но все же достаточно, чтобы сомневаться в своей неприкосновенности.

Швейцар у входа в цирк явно начал с интересом поглядывать на Сабела. Физик решил к нему подойти:

— Я разыскиваю танцовщицу Грету Тхамар.

Свиристель вахтера (ему бы лучше служить в полиции, — подметил Сабел) не задержалось с ответом:

— Девочки еще не пришли.

— Скажите, Грета живет где-то недалеко отсюда?

— Обратитесь в справочное бюро.

Сабел послушно отправился к будке. Автомат быстро напечатал адрес Греты. Сабел даже удивился: он представлял себе девушку, окруженную многочисленными поклонниками, которая, наверняка, принимает меры, чтобы иметь хоть немного покоя, а поэтому должна скрывать свой адрес.

И тут он увидел, что на выданном ему автоматом листочке рядом с настоящим именем девушки стоит ее сценический псевдоним. Те, кто захотели бы узнать ее адрес, запросив место проживания цирковой леди, наверняка, не получили бы никакой информации.

Как Сабел и предполагал, ее жилье было неподалеку от цирка. У дверей скромного домика он спросил Грету. Через переговорное устройство ему ответил незнакомый девичий голос. Сабел почему-то ощутил легкое раздражение. Через секунду дверь открылась. На дороге дома стояла яркая темнокожая блондинка.

— Я живу здесь вместе с Гретой. Она вернется через несколько минут.

Девушка заинтересованно глянула на Сабела.

— Я уже собиралась уходить. Вы можете войти и подождать Грету в доме.

— Да я ... Спасибо.

Что бы ни случилось, подумал Сабел, не нужно здесь надолго оставаться. Он должен еще успеть избавиться от рескордера и вернуться назад в свою лабораторию. Пока время у него есть.

Сабел пристально посмотрел вслед темнокожей блондинке. Кем она, интересно знать, доводилась Грете? Подруга, или тоже танцовщица... Оставшись один в незнакомом доме, Сабел прошел в одну из немногочисленных комнат. Подошел к окну, в которое была видна площадь. Никого подозрительного, кто был бы похож на сыщика, его преследователя, Сабел так и не заметил. Если ему придется уйти отсюда, недождавшись Греты, то нужно будет оставить записку.

Персональный передатчик издал сигнал контакта. Сабел снял его с пояса и поднял на уровень глаз. С крошечного экрана на него смотрело лицо Гунавармана.

— Доктор Сабел! Я думал, что вы в лаборатории. Пожалуйста, возвращайтесь немедленно. Визит Потентата состоится через два часа. Где вы? Ответьте!

— Я... сейчас,— Сабел замаялся. Что в этот момент видит Гунаварман на своем экране? — Я в районе развлечений...

На лице Главного Курьера появилась ухмылка.

— Значит, вы быстро доберетесь назад. Торопитесь! Мне выслать сопровождение?

— Нет. В этом нет необходимости. Я буду немедленно.

Получается, думал Сабел, они уже в лаборатории. А, может быть, даже ждут его за этой дверью? Сабел убрал передатчик, потом бегло осмотрелся вокруг. Что это? Внизу на стене небольшое вентиляционное отверстие размером с ладонь, прикрытое решеткой из пластика. Такие приспособления имеются во всех домах. Сабел встал на колени. Его ловкие, сильные пальцы отогнули решетку. Он положил вовнутрь рекордер, предварительно стерев на нем отпечатки пальцев.

* * *

Визит Потентата прошел успешно. Правда, потребовалось больше времени, чем Сабел рассчитывал. Его преосвященство похвалил работу Сабела, по крайней мере, ту ее часть, которую смог изучить.

На следующее утро Сабел начал подумывать о том,

не пора ли ему повидаться с Гретой. Встретив своего коллегу, он случайно узнал, что в районе развлечений арестована какая-то молодая женщина.

Как говорили, эта женщина обвинялась в хранении запрещенного прибора. Ничего подобного уже не было много лет. И хотя официального заявления еще не было сделано, вся Цидатель гудела, обсуждая происшествие. Предполагаемое обвинение констатировало наличие контакта с берсеркерами. Такое же обвинение могло быть смело выдвинуто против Сабела, узнай кто-нибудь о его деятельности.

Разные предположения высказывались о работниках тайных клубов, как о сторонниках берсеркеров, тщательно скрывающихся в Цитадели. Что только не высказывали...

В прошлые годы, если что-либо становилось известно о берсеркерах, Сабел всегда обращался к Хранителям с просьбой об участии в исследовании. Сейчас же физик решил, что исключений быть не должно.

— Да, Доктор,— раздался голос Хранителя после запроса Сабела.— Запрещенный прибор в наших руках. Что вы хотите?

— Я довольно часто объяснял свои соображения. Если вдруг этот прибор содержит информацию, которая могла бы мне пригодиться в деле изучения Радианта, я хотел бы ...

— На этот раз мы располагаем прибором очень обычным — это минивидеорекордер. Он был обнаружен прошлой ночью во время обычного осмотра квартир обитателей района развлечений. Информация, записанная рекордером, зашифрована. Мы еще ее не прочитали. Но я не думаю, что она имеет какое-нибудь отношение к космофизике.

— Но, простите, если вы не расшифровали код, то почему этот прибор зачислен в разряд запрещенных?

— Есть некоторые признаки, свидетельствующие о том, что прибор списывал информацию с банка данных мозга берсеркера. Так, по крайней мере, утверждают наши эксперты. Одна из молодых женщин, проживающих в проверяемой квартире, покончила жизнь самоубийством. Типичная безрассудная дамочка. Другая подозреваемая оказывается от объяснений. Мы собираемся применить метод ЭП. Тогда многое прояснится, наконец.

— Экстракцию памяти? Я не знал, что этот метод все еще используется.

— Да, в наши дни это нужно для проведения открытых судебных процедур. Допрос должен вестись в присутствии свидетелей. Если же будет доказана невиновность подозреваемых, то дело будет тут же прекращено.

* * *

Сабел заказал через пневмопочту доставку всех сообщений о ходе расследуемого дела.

Грета Тхамар. Экстракция памяти. Значит, девушка жива. Сделать для нее что-либо очень трудно, почти невозможно. Если экстракция памяти докажет ее вину, то Сабел предстанет всего лишь случайным знакомым девушки. Скорее всего, допрос докажет ее невиновность, и ее освободят. Со временем восстановятся все ее способности, и в ближайшее время она сможет вернуться к танцам.

Но почему все-таки ее соседка покончила с собой? Актрисы... Женщины с неуравновешенной психикой.

Если даже в суде станет известно, что он знаком с Гретой Тхамар, сейчас нет причин публично об этом всем сообщать. Ведь он может вообще не знать, какая именно из женщин арестована. Тем более, что Гунаварман никаких имен не называл.

Сабел надеялся, что сможет запутать в свою очередь само по себе затянувшееся расследование. И в этой ситуации он сам рискует в меньшей степени, чем кто-либо.

Разве его главная работа не состояла в поиске научной истины?! Конечно, а не в расследовании происшедшего в районе развлечений! В конце концов, одной танцовщицей больше или меньше... Но если он, ученый Сабел, будет невредим, его важная цель будет достигнута. Ну, кто еще сможет извлечь, найти, обнаружить истину о Радианте? Истину, которая должна открыть новую эру в космофизике. Во всей Галактике обнаружено всего семь Радиантов. Ни один из них не изучен в той мере, в коей изучен Радиант темпларов. И никто не знает, о нем столько, сколько знает Георгиус Сабел.

Нет, считал Сабел, ничего нельзя сделать для несчастной девушки. Он даже удивился, что были моменты, когда он считал, что стоило бы даже ей помочь...

Но если его хоть в какой-то степени подозревают, если Хранители следили за ним, то резкое прекращение его научных изысканий ему гораздо больше повредит, нежели их продолжение. Отказ от научных поездок может вызвать подозрение. В какой-то определенный момент, будучи в пределах Дардании, Сабел ощутил способность точно сказать, преследуют его Хранители или нет. Это было в одной из очередных его научных поездок.

В этот раз он взял с собой голомагнитофон — теперь ему удастся просмотреть видеозаписи прямо находясь в горах, не возвращаясь в лабораторию.

— На этот раз,— сказал Сабел, установив прибор,— ты должен будешь дать мне информацию более четко, более дифференцированно.

Огромные плечи берсеркера вздрогнули. Где-то внутри у него что-то завибрировало.

— Приказ понят.

Изображения, в конце концов, побежали по экрану голомагнитофона: сцена за сценой, освещенные светом Радианта. Вот на внутренней части стены стоят берсеркеры. Вот внизу смятые, разбитые стеклянные колпаки над домами дарданцев. Берсеркеры, казалось, ждут какого-то приказа. А как хорошо виден Радиант. Он присутствует почти в каждой сцене. Сабел внимательно всматривался. Радиант был каким-то необычным. Но нет, это только показалось. Все как обычно. Просто некоторое время прошло. Да, из этого он сможет что-нибудь извлечь. Но очень немного. И вот еще одна сцена: Подобная первой. А вот...

— Стой! Верни изображение! Что это?

Сабел вновь смотрел на внутреннюю часть Цитадели, залитую светом Радианта. Но на этот раз никаких берсеркеров видно не было. Появилось изображение молодой женщины, одетой в хитон, но какого-то неизвестного Сабелу покроя. Это был на вид очень легкий скафандр, который не мешал ее движениям. Двухсекундный отрезок записи свидетельствовал о том, что ее руки подняты как будто в каком-то ритуале или в религиозном танце. Лицо женщины, прекрасное и одухотворенное, было обращено к Радианту. Темные, короткие курчавые волосы ее были украшены бриллиантовой диадемой необыкновенной красоты. Глаза ее, обрамленные длинными ресницами, были закрыты, словно в эк-

стазе. Ее внешность напоминала Сабелу что-то очень знакомое. Он уже где-то это видел. Сабел стоял в некотором замешательстве.

— Неужели ... Нет, этого не может быть! — воскликнул он.

Сабел еще три раза просмотрел этот фрагмент записи.

— Останови записи! — сказал он берсеркеру. — Кто это?

Для берсеркера все вопросы человека были равнозначны. Ведь машина, в отличие от человека, не испытывает никаких чувств. Все тем же бесстрастным голосом берсеркер ответил:

— Жизненный организм Елена Дарданская.

— Но..., — Сабелу показалось, что происходит что-то нереальное. — Сколько лет этой записи?

— 451 век.

— Это еще до того, как берсеркеры напали на Цитадель? Но почему ты говоришь, что это — она?

Берсеркер неожиданно замолчал. Пауза затянулась. Сабел слышал, как бьется его сердце.

— Что же ты молчишь? Отвечай!

— Это запись: Елена Дарданская. Других не существовало. Мне дали ее для идентификации. Я — специальная машина. Моя задача — убить ее. Задание моей последней миссии.

В голосе машины Сабел почувствовал не то досаду, не то вину. Но думать об этом сейчас было некогда.

— Ты хочешь сказать, что ты убил Елену Дарданскую?

— Нет.

— Поясни.

— У меня была программа убить ее. Были и другие машины с такой программой. Но я был поврежден и вот я — здесь. Миссия не была выполнена.

Сабел задумался. Смутное чувство тревоги неожиданно заговорило в нем и он сказал:

— Ты был поврежден во время завоевания темплатов. Именно тогда, когда ожесточение боев достигло своего наивысшего накала, начались извержения вулканов. В их пламени погибли почти все берсеркеры. Кажется, сама природа пришла на помощь людям. Я много слышал об этом в детстве. Тогда образовался и этот лавовый поток. Елена Дарданская жила намного раньше.

— Да. Во время завоевания темпларов. За час до нападения нам стало известно, что живой организм Елена Дарданская где-то спрятан. Жизненные функции приостановлены. Мы получили задание найти во что-бы то ни стало и уничтожить ее.

— Значит, дарданцы спрятали ее от вас? И вы не могли ее найти? Только потом дарданцы вернули ее к жизни?

— Дарданцы спрятали ее. Но я не знаю, нашли ли ее потом.

Сабел постарался переварить эту информацию. Информация, обладателем которой он стал, была важной и необычной. В случае удачи его ожидали слава и богатство. Победителя не судят — вспомнил он пословицу, которую читал когда-то. Если он окажется прав, он сможет показать Хранителям, чего они все стоят. Но полученные сведения необходимо проверить. Поэтому Сабел продолжил свои распросы:

— То есть, исходя из имеющейся у тебя информации, вполне возможно, что она лежит в своей потайной гробнице в состоянии приостановленного развития?

— Вероятность допустима.

— А ты знаешь, где она находится?

— Да, перед гибелью я получил информацию о ее местонахождении.

Сабел глянул на свой магнитофон. В течение нескольких секунд он даже не мог вспомнить, зачем он здесь.

— Но где же то место, где она может быть?

Глухой голос берсеркера назвал координаты.

Сабелу потребовалось некоторое время, чтобы отнести координаты, сообщенные берсеркером, с той системой, которой пользовались в Цитадели. Предполагаемое место оказалось очень недалеко. Сабелу потребовалось несколько минут, чтобы добраться до указанной расщелины. Еще никогда в жизни он не ездил с такой скоростью. Здесь, в соответствии с полученными данными, должен находиться саркофаг с телом Елены, которое покоится в замороженном состоянии за неким иероглифом на каменной стене.

Сабел никогда не был здесь раньше, по крайней мере. На этом участке Цитадели не было фосфорисцирующих знаков, которые он обычно оставлял в местах своих исследований, отмечая изученные участки. Здесь

не так давно брали камни для строительных работ, кое-где были возможны обвалы. Сабелу приходилось быть крайне осторожным. В результате проведенных работ перекресток узких расщелин превратился в огромное углубление, по откосам которого периодически скатывались камни. Многие были с очень острыми краями. Иногда они словно пританцовывали в воздухе — вращение Цитадели в пространстве меняло угол гравитации.

Сейчас они лежали на дне углубления, образуя огромный каменный холм. Прожектор на шлеме Сабела высветил нечто темное, яйцевидной формы, размером с рожаль или намного больше, на девять десятых засыпанное камнями.

Сабел взобрался на грудь на дне ущелья, освободил предмет, который был изготовлен из грубого, искусственного материала. Воображение Сабела разыгралось — наверняка, из такого материала изготовлены саркофаги для людей, уходящих в летаргический сон.

И вдруг есть шанс? Нет, он не должен открывать саркофаг здесь, в безвоздушной среде. Да у него и нет подходящих инструментов. Нужно вернуться в лагерь, затем прилететь сюда в капсуле.

Маневрировать в расщелинах на транспортолете оказалось намного проще, чем Сабелу показалось первоначально. Менее, чем через час, округлый саркофаг был прикреплен к его капсуле прочными ремнями. Возвращаясь в свой лагерь, Сабел думал о том, что должен пока держать свою находку в секрете. Объяви он о находке — здесь тут же появится масса любопытных. А этого он пока никак не мог позволить. По крайней мере, до тех пор, пока не уничтожены следы берсеркера.

Сабелу пришлось увеличить объем палатки, только потом он внес саркофаг внутрь. Теперь вокруг него — атмосферный воздух, привычное давление.

Сабел установил для начала аудиоуловитель. Внутри явно что-то происходило. Прибор зафиксировал необычные шумы, которые, возможно, были вызваны тем, что саркофаг менял свое местоположение, а, может быть, наличием теплого воздуха. Это вселяло в него надежду, что внутри находится живой человек.

Затем донеслись другие звуки. И Сабелу не потребовалось много времени, чтобы понять: он слышит биение человеческого сердца. Да, он не мог ошибиться. Это

действительно сердце. Приятное чувство родства наполнило его душу. Здесь находится человек, а не машина. И Сабел с невиданным упорством продолжал свою работу.

Он словно забыл о времени. Следующим шагом было открытие самого саркофага. Внешнее покрытие отошло без особых сложностей, но под ним он встретился с более плотным материалом. Сабел задумался. Можно было применить отбойный молоток. Но опасаясь повредить находящегося внутри человека, Сабел не стал этого делать. Он вспомнил, что где-то в его транспортолете находится ручная циркулярная пила. Так же как в любом транспортном средстве, в транспортолете находился запас аварийных материалов.

Сабел достал циркулярку и осторожно стал открывать саркофаг. Материал, чем-то напоминающий прессованную керамику, поддавался с большим трудом. Прошло не меньше часа, прежде чем Сабел смог открыть крышку. Его глазам открылось прозрачное стекловидное отверстие. Обычно в саркофагах цель которых приостановление биологического ритма, кожа человека покрывается специальной пленкой.

Но пленка отошла, и — в этом уже не было сомнения — прекрасное лицо Елены Дарданской предстало Сабелу. Лицо живой, ровно дышащей королевы красоты...

Она тихо спала, положив левую руку на грудь, а правую вытянув вдоль тела.

* * *

Разве не простят человеку, вернувшему к жизни Символ Любви, все его грехи — хранение запрещенных предметов, общение с берсеркером?

Человек, боящийся рисковать, ни за что не оказался бы на месте Сабела. И теперь он действовал быстро и решительно. Сабел достал электроламповый биосчетчик. Подобно человеку, входящему в глубокую холодную воду, он отвинтил крепление последней оболочки. Быстро укрепил провода на голове, груди и запястьях Елены.

Не успел он закончить подключение, как темные глаза открылись и уставились на Сабела. Кажется, в них есть осознание происходящего.

— Елена,— голос Сабела звучал странно, торжественно, казалось, он принимает участие в древнем спектакле.— Вы слышите меня? Понимаете?

Сабел говорил на современном дарданском языке. Некоторые азы древнедарданского ему были известны благодаря изучению рукописей, но сейчас он не мог вспомнить ничего из своих изысканий. Сабел надеялся, что аристократка давних времен должна понять суть — язык не так уж изменился.

Сабел встал на колени рядом с саркофагом.

— Вы спасены,— когда в ее глазах мелькнул огонек понимания, он добавил: — Берсеркеров здесь больше нет.

Ее губы слегка шевельнулись. Они были — словно лепестки розы. Но она ничего не сказала. Елена чуть привсталала, рукой сняла слой жизнехранящей пены, покрывавшей ее нежные плечи.

Сабел быстро повернулся к биосчетчику. Кажется, все в порядке. Единственное отклонение — повышенное давление. Но и оно снижается.

— Вы не должны меня бояться, Елена! Я говорю правду. Вы слышите меня? Берсеркеров давно уничтожили.

Сабел не хотел говорить ей, по крайней мере, сейчас, что прекрасной Дардании больше не существует.

Она теперь почти полностью села. В ее глазах было легкое недоумение. Пока Елена не сказала ни слова.

Насколько Салебу было известно, люди, очнувшиеся после длительного сна в жизнехранящей пене, должны получить легкую еду. Сабел торопливо предложил ей часть своего завтрака. Елена посмотрела на предложенное с некоторой долей сомнения, но все же доброжелательно.

— Это еда. Не бойтесь. Я вам друг, я собираюсь вам помочь.

Елена взяла еду и, откусив небольшой кусочек, положила его в рот. Потом съела остальное. Взгляд ее становился все более осознанным. Она с тревогой огляделась вокруг.

— Война окончена. Вы можете пока молчать. Вы — Е-Л-Е-Н-А. При последних словах Сабела на ее божественном лице появилось выражение согласия.

— Я — Георгиус Сабел. Доктор Космофизики. Хотя это неважно. Я спас вас. И это — главное.

Она улыбалась ему. Может быть, принимала все за сон?

Жизнеохраняющая пленка медленно спадала с ее тела, открывая прекрасную молочного цвета кожу. Боже, что же ей надеть?

Сабел оглянулся, нашел длинную рубашку. Затем, пока Елена одевалась, он стал обдумывать, что же ему делать дальше.

Что это у него на поясе? Ах, да! Новый минивидео-магнитофон. Он должен доставить его в лабораторию, убедиться, что информацию можно прочесть. А потом берсеркер должен быть уничтожен. В его лаборатории были самые разнообразные инструменты, позволяющие крошить металл, есть химикаты, способные растворять любые сплавы. Конечно, работа будет не простой. Берсеркер должен быть уничтожен так, чтобы никому и в голову не пришло, что тот существовал. Потребуется время. А особое оборудование, которое придется привезти из города? Да, действовать нужно осторожно.

Конечно, можно прийти к Хранителям вместе с Еленой и, сказав о берсеркере, заняться его уничтожением позднее. Но какое-то смутное и необъяснимое чувство тревоги подсказывало ему, что машину надо срочно уничтожить. Елене необходимо некоторое время, чтобы прийти в себя. И Сабел решил использовать это время продуктивно.

Через три часа Елена, облаченная в свободную рубашку, сидела на подушках, которые Сабел вынул из ее саркофага и расположил на камнях. Казалось, она вполне удовлетворена тем, что может сидеть вот так и ждать. Она внимательно смотрела на своего спасителя, ничего не требуя, кроме, как вскоре выяснилось, присутствия самого Сабела.

Ученый продолжал ей рассказывать о том, что у него срочное дело, что ему нужно улететь и оставить ее ненадолго одну.

— Я должен лететь. Я вернусь. Очень скоро. Вопрос о том, взять ли Елену в город, пока не стоял. У Сабела был только один скафандр.

Но с глазами, полными тревоги, взволнованно жестикулируя руками, Елена загородила выход из палатки.

— Елена, я должен... Я обязан... — она тяжело дышала глядя умоляюще на Сабела. — Здесь остался один берсеркер. Мы не можем быть в безопасности, пока..

Елена улыбнулась. Нет, в ее улыбке была не только благодарность. Сабел перестал убеждать себя, что это сон. И не скрывая своего намерения, Королева Любви протянула руки...

Ее легкая рубашка упала на пол, обнажив прекрасную фигуру. Сабел онемел. Она медленно обвила его шею руками. Физик наконец очнулся. Перед ним — женщина. Обыкновенная женщина, хотя нет — необыкновенная, прекрасная женщина...

* * *

Когда Сабел вернулся в мир реального, он вновь попытался объяснить все Елене.

— Дорогая, пойми, я должен добраться до города. Мне нужны некоторые инструменты. Потом я вернусь. Прямо сюда. Очень скоро. Ты хочешь, чтобы я привел других людей, не так ли? Я... — он запнулся. Стоит ли вдаваться в детали, тем более, судя по ее жестикуляции, она явно не жаждет общества других людей, по крайней мере, сейчас. — Ну, хорошо. Никого больше. Я привезу еще один скафандр. То, что ты здесь, будет нашей тайной! Ты ведь хочешь этого? О, моя королева! — Он увидел радостную улыбку, осветившую лицо Елены. Сабел упал перед ней на колени. — Моя! Единственная! — Он начал надевать шлем. — Я вернусь. Через 20 часов. Если смогу. Вот хронометр, видишь? Если я немного задержусь, не волнуйся. Здесь есть все, что тебе нужно. Я буду торопиться к тебе.

Наконец Елена, кажется, поняла его и сдалась. Ведь скоро они снова будут вместе. Ее глаза благословили его.

Сабел вернулся с полпути, чтобы взять с собой видеорекордер, который он чуть было не забыл.

* * *

Когда в конце концов придет время, и он отвезет Королеву в город, то не станут ли его расспрашивать, почему он не сразу извещил о своей потрясающей находке? Нужно обдумать эту проблему. Но сейчас у него другие дела, не терпящие отлагательства. Королева сейчас принадлежит только ему. И никому больше...

И обязательно нужно уничтожить берсеркера. Толь-

ко предварительно убедиться, что видеoinформация, полученная от него, представляет интерес. Не исключено, что Елена знает и расскажет ему, где спрятаны несметные сокровища дарданцев.

Она стала его любовницей. О, какой она оказалась женщиной! В каждом ее движении чувствовался огромный профессионализм. Интересно, верна ли легенда о том, что Елена Великолепная — символ преданности своему народу? И готова отдать любому? Тогда, вряд ли, кто-либо обрадуется ее возвращению сейчас, когда ее почитают как Богиню, как символ непорочности.

Пытаясь предугадать события, Сабел чувствовал, что перед ним простирается пелена. Нити стягивались в тугой узел, который никто не в силах был разрубить. Нет, лучше все хорошо обдумать, прежде, чем он решится показать ее в городе. Здесь не должно быть никаких неожиданностей. Все надо предусмотреть, все просчитать. А если он найдет богатства Дардании? Вряд ли, Хранители откажутся от них. Значит придется собираться в дальнюю дорогу...

* * *

На этот раз лабораторный компьютер без особых видеопомех начал считывать информацию.

Сабел же решил просмотреть те сообщения, которые ему доставила пневмопочта. Грету Тхамар, как он узнал, освободили из тюрьмы под поручительство ее адвоката. Была использована экстракция памяти. Грета находится в удовлетворительном состоянии в гражданском крыле госпиталя.

Больше никаких важных известий не поступало. И никакие Хранители не маячили под его дверью.

«ПРИСУТСТВУЕТ АНОМАЛИЯ», — прочитал Сабел на экране своего компьютера.

— Уточни, — потребовал ученый.

На экране появилось:

ЗАПИСЬ 451 ВЕКА СОВПАДАЕТ СО СПЕКТРОМ РАДИАНТА 456 ВЕКА, ГОДА 23, ДНЯ 152.

— Выведи на экран, — скомандовал Сабел.

Это был тот самый известный Сабелу участок видеопленки, на котором Елена воздевала руки во время какого-то религиозного ритуала. Или танца.

— Ты хочешь сказать, ты говоришь: спектр этой

записи идентичен спектру, который мы записали... Когда? Повтори! Как давно?

38 дней

38 ДНЕЙ 11 ЧАСОВ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО 44 МИНУТЫ ТОМУ НАЗАД.

* * *

Как только инструменты и оружие для уничтожения берсеркера были погружены в капсулы, Сабел отправился в обратный путь. Он решил не задерживаться ради еще одного костюма.

Внутри палатки вещи были переставлены, перевернуты. Казалось, что Елена что-то искала. Под свободной рубашкой ее грудь вздымалась, как будто после тяжелой работы или сильного душевного потрясения.

Когда Сабел вошел, ее лицо озарилось улыбкой. Ученый же снял шлем и посмотрел на нее хмуро.

— Кто ты? — требовательно спросил он.

Она потупила голову, но ничего не сказала. Улыбка так и не исчезла с ее губ.

— Кто ты, я спрашиваю. Голограмма была изготовлена всего тридцать восемь дней назад.

Лицо Елены изменилось. Хотя по-прежнему улыбалась, но теперь ее лицо освещал иной свет, проникающий в палатку снаружи. Что-то приближалось к лагерю Сабела. Сабел обернулся. Сквозь пластик он увидел четыре фигуры. Они были в скафандрах, и было даже трудно понять, мужчины это или женщины. Двое тут же вошли через воздушную камеру, а двое остались снаружи, разглядывая инструменты, выгруженные Сабелом из капсулы.

— Черт побери, потребовалось много времени, — прекрасные губы Елены наконец-то хоть что-то произнесли.

Мужчина, который вошел первым, опустил ружье с прожектором. Он уставился на Елену, иронично улыбаясь.

— Я вижу, что пять дней в холодильнике тебе не повредили.

— Это было легче, чем провести один день вот с этим, черт побери!

Улыбка Елены, обращенная к Сабелу, превратилась в злую ухмылку.

Второй мужчина остался в воздушной камере. Его рука лежала на ружье, направленном на Сабела.

Первый вошедший тоже поднял ружье. Он был высок, с неприятным выражением лица. Явно, он не был полицейским.

— Я собираюсь взглянуть на твою лабораторию. Может быть, прихвачу что-нибудь оттуда. Дай мне ключ и назови шифр.

Сабел облизнул пересохшие губы.

— Кто вы? — в его голосе не было страха, только злорадия. — И кто эта женщина?

— Я советую тебе вести себя прилично. Она просто развлекала тебя, чтобы ты не вставал на нашем пути, пока мы готовили небольшой сюрприз. Каждый из нас служит Хозяину. По-своему. Даже ты. Ты обеспечил Хозяина достаточной силой, чтобы он призвал нас на помощь, — голова говорящего повернулась внутри шлема. Он посмотрел на что-то справа от палатки. — Все в порядке? Полная энергообеспеченность? Прекрасно! — Говорящий вновь посмотрел на Сабела. — Кто я такой? Да тот, кто получит ключ от твоей лаборатории — так или иначе. Будь уверен. Мы давно занимаемся тобой. Уж мы позаботились о том, чтобы у бедняжки Греты была новая соседка, как только ты стал волочиться за танцовщицей. Бедняжка так и не узнала, в чем же дело. Ты видишь, нам нужны твои инструменты и необходимые химикаты, чтобы извлечь Хозяина. Мы пытались сами, но не смогли.

Елена, точнее женщина, которую Сабел так называл, повернулась к нему и посмотрела прямо в лицо ученому. Казалось, она готовится к последнему прыжку. Ее огромные глаза расширились. Словно она хотела показать, что ей страшно. В следующее мгновение она припала к земле.

Краем глаза Сабел успел уловить движения мужчин в скафандрах. По его голове словно ударили невидимой дубинкой. Неизвестно, откуда исходил, удар, но Сабел упал на каменный пол. Он почувствовал, что не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой. Все его силы уходили сейчас на то, чтобы не потерять сознание. Сабел услышал, как шелкает входная дверь воздушной камеры. Но поднять голову он был не в силах. В поле его зрения был только пол и ноги в скафандрах.

Черные ботинки, ботинки Хранителей, маршировали

перед его глазами. Чья-то рука схватила Сабела за плечо, резко оторвала от пола. Глаза Гунавармана торжествующе смотрели на ученого.

— Да, ты действительно познакомился с Еленой. Еленой Надрад — под этим именем она занимается проституцией в Партизанской Аллее. Может быть, у нее будут и другие имена — если понадобится. Что-то ты еще бледный. Ну, все должно быть в порядке. Через час-другой ты будешь в полном ажуре.

Гунаварман связался по радио с кем-то в городе. Сабел мог уловить только обрывки разговора:

— Некоторое время... конечно ... раскопать Хозяина ... возможно ... оборудование ... да, сэр, записи с мозга берсеркера обнаружены в его лаборатории... голограмма Елены Надрад была вставлена туда ... да, просто поражает... Без сомнения ... мы высадили его... Йоро, организатор «хорошей-жизни»... Он здесь ... да, сэр. Спасибо. Я передал своим людям ваши указания.

Гунаварман с торжествующей ухмылкой вновь склонился на Сабелом:

— Ценная добыча,— прошептал Хранитель.— Ты хочешь мне что-нибудь сказать?

Сабел неотрывно смотрел на склоненную фигуру Йоро. Из не до конца застегнутого кармана скафандра торчали маленький, ярко-красный пистолет и моток проволоки.

— Ну, так что-нибудь скажите, Доктор? — вновь прозвучал издевательский голос Гунавармана.

Сабел приложил нечеловеческие усилия. Он смог только пробормотать:

— Приготовьте... свое ... оружие...

Гунаварман глянул на своих людей, собравшихся неподалеку от палатки. Он был несколько удивлен, но скорее это предупреждение его только позабавило.

— Зачем?

Каменная основа лагеря Сабела начала вибрировать, еле слышные звуки становились все громче.

— Вытащите ... свои ...

Хотя он очень сомневался, что эти маленькие ружья смогут оказаться полезными.

Из-за поворота показался берсеркер. Его огромная фигура загородила весь проход. Бежать было некуда. Сабел опустил голову...

Инструменты науки не всегда раскрывают правду. Есть исследования, которые не могут быть завершены с помощью только показаний приборов.

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСНЯ

Прохождение мимо черной звезды Паунарус и так уже обошлось в три боевых корабля, а после этого — еще трехдневный бой... Неожиданно появившиеся корабли берсеркеров нанесли мощный удар. И если бы не опыт людей, спастись удалось бы не многим. Удачным маневром Командир вывел эскадру из-под удара берсеркеров. Причем он оказался таким неожиданным, что даже быстродействующий электронный мозг берсеркеров на этот раз был введен в заблуждение, и их корабли чуть отстали. В конце концов флотилии удалось пробиться в Центр.

Командир с самого начала предприятия опасался, что главный компьютер берсеркеров уничтожит «Ад» (так люди не без оснований называли Центр исследований), а также все живое и неживое поблизости с помощью ракет и далекодействующих взрывателей. Тогда бы вся экспедиция оказалась напрасной, больше того — она была бы поставлена на грань уничтожения. Только применение последнего изобретения — предотвратителя взрывов могло спасти Центр.

Командир не переставал надеяться также на отражатели, установленные на кораблях его людьми. Одной из функций этих приборов было недопущение ядерного взрыва. Так оно и случилось — ядерного взрыва не последовало.

Командир был доволен. Новая техника не подвела. А ведь вначале ему даже не позволяли установить ее на кораблях. Испытания еще не были закончены. Когда бой был завершен, Командир выслал в Центр своих людей. Надо было внимательно проверить, все помещенные. А вдруг кто-то уцелел. С тех пор, как началась эта долгая война, многие люди стали пленниками берсеркеров. Эркул, кибернетический психолог, действительно обнаружил людей... Хотя, если сказать людей, то будет не совсем верно. Некоторые человеческие органы уже стали частью создаваемых берсеркеров. Живое и нежи-

вое сплеталось в единый клубок. Берсеркеры использовали отчасти методику, применяемую на медицинских кораблях людей. В наших лабораториях уже научились культивировать эмбрионную ткань, получать мозг взрослого человека, делить его на части в случае необходимости и использовать для операций, на черепе. Культивированная мозговая материя служила матрицей для восстановления головного мозга. Во время ее выращивания нередко использовалась музыка — для стимуляции психических функций. Полученный подобным образом мозг мог стать мозгом человека только при условии его вживления в организм. Даже студент-практикант с легкостью бы отличил естественный мозг от искусственного при внешнем наблюдении. Отсутствие некоторых гормонов, тончайших химических соединений компенсировалось только после нескольких дней функционирования в естественной мозговой среде. Приобретение сенсорики тоже осуществлялось в процессе ассимиляции.

Берсеркеры, без всякого сомнения, уже давно научились культивировать почки, сердца и даже мозг, сходные с человеческим, но более всего их интересовали проблемы приобретения мыслей и чувств.

Природа за несколько миллиардов лет эволюции научилась организовывать нервную ткань человеческого организма таким образом, что память, умение принимать решения и тому подобное концентрировалось на участке в несколько кубических сантиметров.

За время долгих лет войны с человечеством берсеркеры старались не раз использовать мозг человека и сделать его составной частью неживых организмов. И хотя им еще ни разу не удалось добиться полноценного эффекта, попытки не прекращались.

Центр берсеркеров, где проводились такие опыты, люди не без основания называли «Адом». То, что здесь творилось, не могло присниться даже в самом страшном сне. Если берсеркеры добьются успеха, отличить машину от человека будет практически невозможно.

Затерянный в системе черной звезды Таунарус, Центр располагался на границах регионов Цигу, Токскс и Йату в необычайно труднодоступном районе Галактики. Люди давно знали о существовании «Ада» и даже его приблизительное расположение. Только теперь военные корабли людей приобрели возможность преодолеть ее

сопротивление. Несколько раз предпринимались попытки проникнуть туда, но каждый раз это оказывалось невозможным по чисто техническим причинам. Пройти черную звезду никому не удавалось. После этого они вычислили координаты Центра и атаковали его.

* * *

— Я утверждаю, что здесь нет ни одного живого организма,— сказал Эркул, в его голосе чувствовалось волнение, пальцы нервно барабанили по стекловидному ящику. Ассистент Эркула сделал быстрое движение, повинуясь которому космонавт, выделенный в помощь ученым, вынул все энергетические контакты. То, что находилось в ящике, теперь должно умереть — хотя это слово, вряд ли, применимо к машине. Когда-то содержимое было волокнами нервной системы человека. Волокна утратили свои первоначальные функции не только в процессе вычленения из тела пленника, но и после — при подключении их к множеству электронной и микромеханической аппаратуре. Программа, основанная скорее всего на простейшем противопоставлении «наказание» — «награда», была все же введена, и операции выполнялись с ничтожной долей вероятности ошибки. Волокна продолжали следовать программе — так показывали приборы. Когда заканчивался цикл и уставливался «ноль», программа повторялась. Мозговая ткань теперь была способна только на выполнение установленных команд. Вряд ли, здесь речь может идти о жизни (в человеческом понимании этого слова) — так, по крайней мере, считал кибернетический психолог, склоняясь к тому, что, чем это скорее уничтожить это подобие живого, тем лучше.

— Следующий ящик,— сказал Эркул, неожиданно осознавая, что берет на себя ужасную роль судьи, произносящего последний приговор. Но, кажется, никто из его помощников этого не заметил.

«Еще немного, и мы найдем даже здесь повод над чем-нибудь посмеяться»,— подумал Эркул. В любом случае, работа продолжалась. Он считал, что пока есть возможность спасти только двоих пленников, восстановив их организмы из набора органов, упакованных в пробирки и стеклянные ящики различной формы.

Когда Эркулу принесли следующий ящик, то он содрогнулся.

— Нет, не может быть,— воскликнул Эркул.

В этот день он испытал немало неприятного. Видеть уничтожаемую человеческую жизнь, не иметь возможности ничем ей помочь, всегда тяжело. Но то, что лежало на столе сейчас, в этом стеклянном ящике, потрясло его до глубины души. Ошибиться было почти невозможно. Как любой профессионал, он с первого взгляда узнал свою работу.

Память тотчас же воскресила все мельчайшие детали того времени, когда он делал эту операцию.

— Проклятые берсеркеры,— сказал Эркул в гневе,— вы мне за все заплатите. Он почувствовал, как к горлу подкатил какой-то комок, и чтобы сдержать рыдания, с силой сжал кулаки.

История эта началась более года тому назад на одной из планет системы Циту, в огромном зале, украшенном накануне свадьбы...

* * *

— Ты счастлива, милая? — спросил Орделл Каллисон свою невесту, улучив момент, чтобы взять ее за руку и наклониться к ее уху. Праздничный вечер был в разгаре. Нет, Орделл не то чтобы сомневался в ее настроении, просто сейчас ему больше ничего не пришло в голову, кроме этих слов. Говорить он был не в состоянии, вся душа его хотела петь...

— О, да, счастлива! — Йуру тоже была немногословна. Но ее смеющиеся глаза доказывали истину этих слов, глаза, которые были столь же прекрасны, сколь и песни, которые сочинял Орделл.

Конечно, его сегодня не отпустят без песни, ведь праздник без веселья не праздник. Тем более такой, как свадьба.

— Спой, Орделл! — раздался голос Хаймана Болфа, стоящего у противоположной стороны праздничного стола рядом с маленьким фонтаном, струи которого били не водой, а отменным вином. Сейчас гость наполнял уже не первый бокал. Знаменитый импровизатор прибыл с Йату, чтобы принять участие в торжестве своего старого приятеля. Во время приземления личный корабль Болфа потерпел небольшую аварию — взорвалась водородная лампа, дым заставил знаменитого импровизатора выбраться из кабины со слезящимися глазами. Но после этого досадного случая все пошло как по маслу.

Другие голоса подхватили:

— Спой, Орделл!

— Ты просто должен!

— Спой!

— Какая свадьба без прекрасной песни!..

— Спой!

— Спой!

Орделл заколебался:

— Но сегодня моя свадьба, и я не...

Все его возражения тут же потонули в хоре голосов.

Орделл был человеком чрезвычайно музыкальным.

Один из его самых доверенных слуг, предвидевший, что Хозяину придется петь, тут же принес инструмент, который собрал сам жених. Инструмент походил на небольшой ящик, его можно было вешать на шею с помощью ремня. Своим внешним видом он чем-то напоминал аккордеон. Орделл не любил музыкальные инструменты, изготовленные машинами. Только то, что он собрал своими руками, приносило ему радость. Новый его инструмент порождал самые разнообразные звуки — от хохота до щебетания. Основанный на электронике и аудионике, инструмент на внешней поверхности имел десять кнопок. Орделл называл свое детище просто — музыкальный ящик, к чему было выдумывать что-либо необычное! Подражатели Орделла часто пользовались более сложными инструментами, но их мало кто желал слушать. Большинство девочек и девушек — особенно в самом прекрасном женском возрасте от 12 до 20 лет — предпочитал слушать песни Орделла.

Итак, Орделл Каллисон решился спеть на собственной свадьбе, и публика была восхищена. Никто из исполнителей не вызывал столько уважения. Маститые критики застыли на своих почетных местах за столом, цивилизованные и менее цивилизованные, но в любом случае — состоятельные жители Цитца, Токскса и Йату (многие прилетели на собственных кораблях), а также гости попроще — все они замерли, вслушиваясь в божественные звуки. А юные девицы и юноши, поклонники искусства Орделла, теснясь в дверях залы, были готовы умереть от восторга...

* * *

Через две недели Орделл и Йуру вместе с новыми друзьями, приобретенными в годы успеха и благополучия, вышли в космос, чтобы сыграть в игру, которую они называли Тэг. Каждый находился в одноместном корабле. На этот раз Орделлу выпало маячить в пространстве, обозначенном играющими в качестве игрового, а корабли девушек вместо того, чтобы догонять Орделла, проносились мимо. Он уже стал беспокоиться по поводу того, что не видит корабли Йуру, когда неожиданно раздался сигнал тревоги. Игру прекратили. Один из приятелей Орделла — Арти появился на маленьких экранах. Он бормотал:

— Я старался, Орделл, я старался не причинить вреда... Я не хотел... Они вернут ее ... Это не моя вина, что она ...

Постепенно из обрывков его речи стала складываться более ясная картина. Арти погнался за кораблем Йуру и настиг его. Корабль Арти прикрепился к транспортолету Йуру, приятель Орделла появился в ее кабине и потребовал обычную награду. Но Йуру, будучи теперь замужней женщиной, решила, что правила игры должны быть изменены... Так же думал и Орделл; счастливые новобрачные хотели показать всему миру, что для них изменилось все...

Не в силах убедить Арти словами, Йуру начала сопротивляться. Стараясь освободиться от его объятий в маленьком отсеке, Йуру повредила себе нечаянно ногу. Арти упрямо продолжал настаивать на своей награде. Как выяснилось, он согласился покинуть ее кабину только для того, чтобы принести пакет первой медицинской помощи из своего корабля (Йуру клялась, что ее собственный пакет утерян), а потом получить желаемое.

Но когда он оказался в кабине своего корабля, Йуру закрыла люк, включила отталкивающее поле и устремилась вперед. Арти заторопился следом. Вскоре Йуру оказалась рядом с границей безопасной зоны, которую контролировали автоматические военные спутники. Чтобы избежать погони, Йуру пересекла границу, собираясь, видимо, очень скоро вернуться.

Но она не вернулась. Ее крошечный космический корабль оказался втянутым в гравитационное поле Тау-наруса. Спутник-берсеркер, маячивший в пространстве, устремился к добыче. Погоня была короткой...

Лицо Орделла буквально окаменело. Взгляд приобрел безумное выражение. Орделл закрыл лицо руками. Плечи его задрожали. Арти безуспешно пытался его успокоить.

— Орделл, возьми себя в руки. Все еще можно исправить, если немедленно пуститься в путь.

— Уйди,— воскликнул певец.

Весь его вид вызывал у Арти такой ужас, что он поспешно ретировался, но Орделл не стал его преследовать. Певец бросился к своему кораблю. Но, как всегда бывает в таких случаях, когда очень спешишь, то что-то не получается. Вот и сейчас. Прошло не менее получаса, прежде чем он бросился в погоню.

Пока он возился со своим кораблем, некоторые соседи предложили свою помощь.

— Это мое дело, не мешайте мне,— закричал Орделл.

Никто и никогда не видел его таким разъяренным и печальным одновременно.

— Если мне суждено погибнуть, то пускай погибну один. Незачем рисковать другими,— сказал он немного успокоившись.

Наконец его корабль стартовал. Со скоростью, на которую только был способен его корабль, он устремился туда, где пропала его жена. Он пересек границу, которая существовала для того, чтобы охранять здравомыслящих людей, а не потворствовать безумцам. Найдя проход между двумя пыльными облаками, Орделл устремился к центру системы Таунарус — туда, где корабли должны замедлять ход, туда, откуда не возвращалось еще ни одно живое существо. В «Ад».

Часа два спустя внешний патруль берсеркеров на хорошо усвоенном человеческом языке приказал Орделлу сдаться. Но Орделл только немного сбросил скорость и начал... петь прямо в радиопередатчике, сняв пальцы с панели управления и положив их на свой музыкальный ящик. Пока неповрежденный, его корабль удалялся от воздушного коридора, извергая дым, газ и пыль.

Берсеркеры послали абордажных роботов на поимку корабля. Они также отдали команду прекратить всякие шумы в космосе, которые можно было прекратить.

В космосе много всяких звуков. Несмотря на вакуум, там постоянно что-то происходило. Гремели бои, гибли планеты. Но никто и никогда не пел. Поэтому блоки

памяти Центра впитывали информацию об аномальном поведении человека, пытаюсь понять, нет ли здесь какой-нибудь ловушки.

Когда корабль настигли, Ораделл даже не пытался сопротивляться. Берсеркеры-роботы обыскали транспорт, но не нашли никакого оружия. Музыкальный ящик, который Орделл прижимал к себе, тоже был осмотрен. Но поскольку видимой опасности он не представлял, Орделла передали внутренним охранникам Центра вместе с его инструментом.

«Ад» являл собой весьма приятное место, на первый взгляд. Центр был со всех сторон окружен металлической сферой, внутри — воздух, пригодный для дыхания. Здесь росли трава и деревья. Пленники здесь жили недолго, компьютерный мозг берсеркеров посчитал рациональным не подвергать их лишним стрессам. Поэтому внутри «Ада» им разрешалось перемещаться без особого контроля.

Для опытов были нужны здоровые человеческие организмы. Компьютерный мозг просчитал, что для того, чтобы использовать человека, ему необходима была неделя, чтобы немного успокоиться и прийти в себя от постигшей трагедии. В Центре были даже увеселительные заведения, но наибольшей популярностью пользовался публичный дом. Но люди даже и не догадывались, что женщины, дарившие им радость в эти последние минуты жизни, были обычными сексуальными машинами.

Берсеркеры, служащие в «Аде», в большинстве своем состояли из органических соединений. У некоторых был полностью искусственный мозг, а у некоторых — переработанный мозг пленников. Наполовину — провода и сталь, наполовину — ткани человеческого организма.

Одно из подобных существ, несущее в стекловидных колбах какие-то органы, омываемые раствором и опутанные проводами, увидело Орделла:

— Ты здесь зачем? — спросил его голос, исходящий из диафрагмы, укрепленной в центре «живота» берсеркера.

И тут в голосе Орделла начала зреть идея. Он когда-то слышал, что в лабораториях ученые нередко используют музыку при выращивании искусственного мозга. Его собственная музыка в силу своего совершенства, наверняка, подойдет для этой роли.

— А что, если повторить опыт? — подумал Орделл. — Ведь берсеркеры свободно меня пропустили. Почему бы не попробовать и сейчас общаться таким же образом?

Поэтому Орделл не сказал, а пропел встреченному монстру о том, что ищет свою молодую жену. Чистая случайность привела его сюда намного раньше, чем это должно было бы случиться. Используя все резервы языка, он спел о море ужаса, о царстве тишины, о нерожденных детях. Он воспел Йуру. Если же вы не вернете ее, пел Орделл, то мы останемся здесь оба.

Музыка, которая воспринималась как набор систематических символов, неорганической материей, оказала странное воздействие на полуорганические существа. Появились другие монстры, ощущающие незнакомое им доселе прикосновение красоты, гармонии. Мелодия будила что-то человеческое в этих полулюдях и полумашинах.

Вместо того, чтобы задержать Орделла, они сбегались со всех сторон на музыку.

Компьютерный мозг людей был так устроен, что они должны реагировать на берсеркеров каким-либо определенным образом: либо бояться, либо сопротивляться новому для них. Неожиданное поведение, странное общение с ними Орделла дало сбой в машинах. Расчет Орделла на замешательство полностью оправдался.

Орделл продвигался по «Аду», и никто не пытался даже его остановить. Его музыка внедрялась во входные отверстия чувствительнейшей аппаратуры, заставляла слегка дрожать стеклянные колбы, ее ощущали нервные клетки, которые меняли постепенно свою структуру в зависимости от ритма. Мозговая ткань, уже приспособленная к самым изощренным вычислениям, потерявшая свой первоначальный потенциал после многочисленных микроволновых излучений, впитывала в себя музыку, по-настоящему ощущая ее. И каждый робот реагировал по-своему.

Большинство экспериментов было приостановлено, некоторые берсеркеры вообще выбились из цикла. Наблюдатели, наполовину состоявшие из человеческой плоти, нарушали параметры раз и навсегда введенных программ, неожиданно придя к решению, что требуемая пленница должна быть найдена и освобождена.

Произошло непредвиденное! То, о чем раньше и по-

думать то было невозможно. Человек с помощью песни, музыки управлял берсеркерами. И как результат — машина дала сбой. Она признала превосходство человека, превосходство красоты, гармонии, прекрасного звучания.

Компьютер берсеркеров — металлическая машина, совершенно «равнодушная» к этим невнятным звукам, зафиксировала сбой в работе лабораторий. Тут же вся энергия компьютера была послана на сбор данных о том, что происходит в «Аду». Но никаких четких параметров... Музыка Орделла не вписывалась в четкие рамки математической логики. Берсеркеры слишком доверились органической материи.

Теперь перед Орделлом появились не только вспомогательные глушащие, но и основной персонал — они в меньшей степени состояли из живой материи, но тоже подверглись влиянию музыки Орделла. Сейчас внутри этих машин шла борьба: подчиниться главной команде компьютера и устранить неполадки или подчиниться музыке Орделла, найти и освободить его жену. И Орделл победил — магнитные реле начальников экспериментального госпиталя оградил некоторое пространство, где звуки музыки были наиболее сильны, от власти главного компьютера.

— Забирай ее! — сказал голос одного из восстановших. — Но пой, не переставая. Не останавливайся более, чем на секунду, пока не окажешься на корабле, а потом вне защитного поля «Ада».

Орделл кивнул головой и продолжил песню. Теперь он пел о той надежде, которая окрыляла его.

Дверь одного из корпусов со скрипом отворилась, и он увидел Йуру. Девушка чуть прихрамывала, поскольку никто здесь не позаботился о ее поврежденной ноге. Но главное было то, что она не успела подвергнуться никаким операциям.

— Не останавливайся! Пой! — пролаял один из монстров.

Йуру застонала, увидев мужа, и протянула к нему руки. Но Орделл не осмелился на большее, чем кивнуть ей головой и сделать знак следовать за ним. Его песня стала еще более могущественной и торжественной. Он шел теперь в обратную сторону — по этой дороге еще не шел ни один живой человек. Проход между корпусами был узким. Йуру шла следом. Орделл боялся даже

повернуть голову, чтобы взглянуть на жену; все его внимание сосредоточилось на музыке. Появились новые монстры, задавали вопросы, Орделл отвечал им своим пением. За спиной он слышал рыдания жены.

— Орделл, Орделл, милый, родной мой, неужели это ты? Я не могу в это поверить! Ты спасешь меня?

Впереди появился трехголовый страж ворот «Ада», который поднялся, чтобы преградить им дорогу. Орделл начал петь о свободе живой человеческой души, о свободе полного сил тела, о прогулках по зеленой траве, залитой солнцем. Страж поклонился и отступил. Они вышли за ворота.

— Милый! Повернись! Скажи, что это не розыгрыш! Милый, обернись!

Орделл обернулся. Красота Йуру заставила его заметить на месте. Он несколько часов не знал, увидит ли ее вновь... Даже пальцы замерли на кнопках музыкального ящика.

И этой минуты было достаточно, чтобы главный компьютер берсеркеров восстановил большую долю контроля над монстрами. Трехголовый страж схватил Йуру и бросился бежать. Только крик прощания донесся до ушей Орделла:

— Прощай, любовь моя!

Орделл бросился в погоню. Но дверь «Ада» перед ним закрылась. Орделл кричал, умолял дать ему еще один шанс спасти жену. Он вновь запел, но полуберсеркеры уже были равнодушны к его песням — холодная власть компьютера на этот раз оказалась сильнее.

Семь дней Орделл маячил в своем корабле у ворот «Ада» без сна и без еды. Не имея и капли надежды, продолжал он петь свои песни, пока голос его не охрип. Потом он потерял сознание. Включился аварийный автопилот корабля и унес его от дверей Центра.

Берсеркеры-стражники, охраняющие прилегающее пространство, не задержали его. Видимо, приняли за корабль-разведчик. Еще ни одной живой душе не удавалось покинуть «Ад», и их программа не предусматривала такой возможности.

* * *

По возвращению на планету Цитц менеджеры Орделла поздравили его с воскресением из мертвых. Через несколько дней должен был состояться концерт, билеты

на который были проданы еще месяц назад. Если же концерт не состоится, то всем организаторам придется возвращать деньги.

Орделл равнодушно отнесся к врачам, не сопротивляясь, но и не содействуя их попыткам. Как только голос вернулся к нему, он стал петь. Почти весь день, пока врачи не вводили ему снотворное. Орделлу было все равно, придется ему петь на сцене или нет.

Концерт планировался как один из юбилейных; это означало, что десять тысяч девушек придут, чтобы трепетать от восторга, а чудесное воскрешение, отрешенный взгляд Орделла добавят им пылу.

Пока звучала первая песня, девушки сидели, затаив дыхание. Затем одна из них не выдержала:

— Ты вновь наш! — в ее голосе прозвучала радость по поводу того, что Орделл потерял свою жену.

Посмотрев поверх голов, Орделл странно улыбнулся и начал петь о том, как ненавидит и презирает он подобных поклонниц. Их душа и тело безобразны. Он пел о том, что готов послать их всех в «Ад», чтобы только иметь возможность взглянуть на прекрасное лицо своей жены, о том, что их тела намного лучше смотрелись бы в «Аду».

В течение нескольких минут публика не знала, как реагировать. Установилась даже относительная тишина, в которой четко звучал голос Орделла. Но затем начались выкрики — ненависть, восхищение, ярость, проклятия десяти тысяч поклонниц буквально смели дежурных, призванных охранять Каллисона.

Но через пару минут бунт был прекращен — полицейские использовали успокоительный газ. Один из дежурных был убит, несколько — поколечено.

У Орделла была сломана шея, множество ссадин, проникающее ранение черепной коробки. Медицинская помощь успела законсервировать биологическую массу...

На следующий день ведущий кибернетический психолог Эркул был вызван к Орделлу Каллисону, точнее к тому, что от него осталось. Терапевты уже сделали свою долю работы, но установить контакт с Орделлом не удалось. Врачи вообще сомневались, что удастся восстановить личность Каллисона.

Эркул установил компьютер. Информационные лучи считывали теперь данные с мозговых центров Орделла.

Речевые центры певца Эркул подсоединил к магнитофону с записями песен Орделла. А также была продумана попытка восстановить моторные функции: пальцы Орделла, обмотанные проводами, легли на клавиши принесенного музыкального ящика.

Как только аппаратура была включена, Орделл запел. Теперь ему не нужны были паузы, для того, чтобы вдохнуть воздух.

Он пел о том, что он хочет от врачей. И те подчинились. Его песня была столь убедительна, что ни у кого не появилось никаких сомнений, стоит ли выполнять желание Орделла или нет.

Его отвезли в космопорт. Вместе с системой трубок, проводов, приборов Орделла, по его просьбе, поместили в маленький корабль. Потом, пользуясь указаниями Орделла ввели программу в автопилот, после чего корабль стартовал. Больше его никто не видел...

* * *

Эркул нашел Орделла и Йуру в одном экспериментальном блоке. Он без труда узнал итог своей работы над мозгом певца еще задолго до того, как электроэнцефалограмма подтвердила его предположение.

От них осталось очень мало. Хотя Орделл мог петь (эта функция была сохранена), он никогда бы уже не смог осознать, что же именно он поет.

Помощник Эркула прочитал данные прибора:

— Два точка пять выше нормативной диагонали, всего лишь, — он не знал чью же именно боль он берется анализировать.

— Ни первый, ни второй мозг не испытывают боли, — подвел итог ассистент.

Напряженной рукой Эркул взял печать. Хотя она не изменилась, ему показалось, что она весит как двухпудовая гиря. Но он быстро стряхнул с себя растерянность и пометил ящик.

Ассистент с некоторым удивлением посмотрел на своего шефа: тот редко так быстро принимает решение.

— Здесь нет человеческой жизни, — так утверждал знак, поставленный Эркулом.

— Между двумя объектами есть еще некоторое взаимное ощущение друг друга, — сказал ассистент чисто деловым, спокойным тоном.

Несколько часов подобной убийственной работы — и можно привыкнуть ко всему.

Но Эркулу так и не удалось привыкнуть...

Ни наука, ни искусство не в состоянии измерить всю силу живого. Она порой незаметна, но несомнима — как рост маленьких и внешне незаметных клеток в глубине вещества, порой сложна — как мощнейший интеллект, порой необъятна — как сама вечность.

КОЛОТУШКА

Клаус Словенско склонялся к мысли, что бой в ближайшем космосе останется незамеченным на планете Уотерфолл — если, конечно, он вообще состоится.

Что можно будет увидеть — вспышки света, очень похожие на звезды. Да и то, если корабль будет полностью уничтожен. Все остальное просто неразличимо.

Но человек живет надеждой. А что если вдруг? И он с напряжением всматривался в даль.

Клаус в полном одиночестве стоял на вершине высокой, метров сорок, песчаной дюны, глядя в ночное небо, расцвеченное звездами туманности Бузог. Вблизи они казались бело-голубыми гигантами, но отсюда с планеты видны были только небольшие точки.

Вид вокруг сам по себе был достоин восхищения. На подобном фоне даже значительные выплески энергии боевых кораблей могут показаться невооруженному глазу всего лишь мерцанием.

Если, конечно, бой не начнется прямо в атмосфере планеты. Но тогда корабли противников будут уже хорошо видны.

Океан, почти невидимый в ночной темноте, расстился от подножия дюны до самого горизонта, чуть подсвеченный отблесками звезд.

Клаус повернулся в другую сторону.

На севере постоянно мелькали метеориты, пересекая небо во всех направлениях.

На северо-востоке — мерцал серебряный полумесяц, прячась иногда за легкими плывущими облаками. Именно так любили представлять Луну древние жители Земли. Ниже этих облаков простирались огромные пространства безжизненных песков и скал.

Тишина, стоявшая вокруг, лишь изредка прерывалась завыванием ветра, журчанием ручья, а порой шепотом осыпающихся камней.

Кlaus взглянул на юг. Морские волны тихо выкатывались на берег у подножия дюны, и так же тихо отступали назад в море.

Ночная прохлада приятно свежила разгоряченное за долгий день тело. Klaus глубоко вдохнул в себя ночной воздух, размял плечи и осторожно начал спускаться по гребням дюны.

Внизу, на расстоянии чуть более ста метров от Klaus, раскинулись маленькие домики — лаборатория, жилой дом для ее сотрудников. Единственное место на планете Уотерфолл населенное людьми.

Сегодня, как всегда, окна светились приветливым огнем.

Руководитель экспедиции Ино Вакроукс решил, а другие жители планеты были с ним вполне согласны, — затемнение ни к чему. Если берсеркеры высадутся на Уотерфолле, шансы, что четыре почти беззащитных человека не будут обнаружены, практически равны нулю.

У подножия дюны Klaus прошел сквозь ворота в высоком каменном заборе. Защитить людей от берсеркеров он конечно не мог, а вот от песка, гонимого ветром, лучшего укрытия придумать было тяжело. Вскоре Klaus открыл дверь, ведущую в главный жилой дом.

На планете люди почти не пользовались замками.

Огромная общая комната была меблирована весьма обычно, только на стенах висело несколько любительских картин. В углу стоял большой аквариум.

Все остальные члены экспедиции были сейчас здесь. Когда Klaus вошел, на него глянули с надеждой, ожидая вестей.

Дженни Суруа, жена Klaus, сидела в дальнем углу за столом. Она заносила в компьютер данные последних опытов, проведенных накануне. На ней были шорты и свитер. Темные волосы свободно легли на плечи, она сидела нога на ногу. Дженни нахмурилась, будто опасаясь.

ясь, что новость, которую может сообщить Клаус, вынудит ее отвлечься от основной работы.

В огромном кресле рядом с информационным банком сутулилась фигурка Ино Вакроукса, старшего на базе. Клаус предполагал, что когда-то Ино был великолепным спортсменом — до того, как во время атаки берсеркеров на базу на Траснее, он чуть не погиб. Медики восстановили почти все функции (мозг, к счастью, не пострадал совсем), но не смогли вернуть физическую норму телу. Искореженные бедра были узкими, как у ребенка, косо вато наклоненный торс скрывала широкая рубашка.

Рядом с руководителем сидела Гленна Рейес, его жена, в своей любимой белой накидке. Она была не намного моложе Вакроукса, но выглядела полной жизненных сил.

— Ничего не видно, — сказал Клаус, хмуро взмахнув рукой.

— И ничего не слышно, — добавил Вакроукс, кивнув на радиопередатчик.

Экран связи был чист, в наушниках чуть-чуть шипело — несколько неприятный звук для этого региона.

Всего несколько часов тому назад, когда короткий осенний день Уотерфолла был в разгаре, все было по-другому. Радиопередатчик включился автоматически, получив сообщение на частоте экстренной связи, и во всех комнатах дома, на всей территории базы и даже на расстоянии четырехсот метров от нее, где четверо ученых собрались, чтобы понаблюдать за дельфинами, был услышан раскодированный голос.

«МОРСКАЯ, МОРСКАЯ! ЭТО — БРАС ТРАМПЕТ ХИЩНИКИ ЗДЕСЬ. МЫ СОБИРАЕМСЯ ОБОРОНЯТЬСЯ. БУДЬТЕ НА МЕСТАХ. ПОВТОРЯЮ...»

Все четверо бросились к своему дому. Как только они добрались до передатчика, Гленна прокрутила вновь записанный на пленку сигнал. Термин «Морская» был принят в качестве обращения к любому человеку, который мог бы оказаться на Уотерфолле. Оно было принято военными много лет назад и почти столько же лет никем не использовалось. Гленна достала справочник и посмотрела там остальные кодовые обозначения. В соответствии с условленной системой шифров позывной «Брас Трампет» использовался только в случае смертельной опасности. Его применяли в вооруженных силах, когда предполагалось нападение берсеркеров на

систему Уотерфолла. Слово «хищники» означало, на-верняка, смертоносные машины, готовые убивать все живое.

Первых берсеркеров создала неизвестная раса во время межзвездной войны много лет тому назад. Имеющие способность к самосовершенствованию, берсеркеры с тех пор вели бесконечную борьбу с людьми, населявшими звезды.

В этой войне бывало время, когда боевые действия разгорались, бывали времена, когда наступала временная передышка. Но никогда не было и не могло быть мира между заклятыми врагами.

Краткий и неясный характер сигнала в данном случае был оправдан. В случае перехвата его врагом, берсеркерам, вряд ли, стало бы понятно, что значит слово «Морская». Не исключено, конечно, что сообщение было послано кем-то, кто просто хочет сбить берсеркеров со следа, заставить их потратить энергию на расшифровку сигнала.

Даже если электронный мозг сможет определить, что «Морская» — всего лишь маленькая, беззащитная мишень, то не исключено, что у врагов есть более крупные цели. А, может быть, флот людей сможет не пропустить их в регион Уотерфолла? В общем, самых разнообразных предположений было множество. Оставалось надеяться на лучшее. Ведь уже много лет берсеркеры не появлялись в этом районе. Гленна вздохнула, коснулась локтя мужа.

— Завтра тяжелый день. Изучение морских кристаллов, — напомнила она.

— Я думаю, нам лучше отдохнуть, — голос Ино был страшно усталым. Он — единственный из четырех, кто видел берсеркеров. И было ужасно слышать, как изменился его голос после сообщения об их возможном нападении.

— Подключи сигнал срочного сообщения, — посоветовала Гленна. — Тогда, наверняка, нас разбудят, если придет еще что-либо важное.

Клаус подумал, что уж лучше услышать этот сигнал, чем громоподобный голос, пришедший с небес, который встревожил их всех днем.

— Да я так и сделаю, Ино на секунду задумался. Сейчас его голос стал более спокойным. — Ты права.

Завтра мы будем заниматься кристаллами, а также подкармливать креветок.

Он глянул на стену, где огромная карта указывала на расположение прудов, лагун, гаваней — в большинстве своем они были естественного происхождения.

Что касается гравитации и атмосферы, то Уотерфолл очень походил на Землю. За исключением того, что этот мир не был населен.

Примерно сорок стандартных лет тому назад, во время передышки в бесконечной войне с берсеркерами, Межзвездная Организация приняла решение об изучении Уотерфолла. Главной целью исследований было сделать планету обитаемой.

Разведывательные корабли, посланные на Уотерфолл, собрали сведения о состоянии атмосферы, почвы, воды. Планета оказалась очень удобной для жизни землян. Решено было продолжить исследования и заодно попытаться создать здесь продовольственную базу. Огромные корабли приземлились на Уотерфолле с соответствующими приборами, припасами, икринками рыб, животными, растениями, семенами. Программа была ориентирована на создание двойника Земли.

Во всей Галактике нашлось очень мало планет, похожих на Землю. Поэтому так стремились использовать удобные планеты. Одно из солнц в этой части галактики по своим параметрам мало отличалось от земного, именно оно и обогревало Уотерфолл.

Но эта огромная программа была прервана вспыхнувшей войной. Передышка оказалась короче, чем предполагали.

Стычки начались очень далеко от Уотерфолла, но потребовали людских сил и энергии. Для продолжения экспериментов на планете было решено оставить семейную пару ученых. Они должны были продолжать выполнение программы, хотя бы в замедленном темпе. Ино и Гленна работали здесь уже два года.

С интервалом в шесть месяцев прилетал грузовой корабль с Атлантиса. Именно на нем всего восемь дней назад прибыла еще одна семейная пара: Клаус и Дженни. Оба они были психологами. Главная тема их научной работы — изучение жизни семей в условиях изоляции. Визит планировался до прилета следующего грузового корабля.

Ранее прибывшие были очень рады молодым гостям.

В последнее время, если не считать прилетавшего корабля, Гленна и Ино не видели людей. Поэтому они уговорили молодых супругов жить в общей комнате. Бесконечным вопросам и разговорам не было конца. Клаус оказался любителем шахматной игры, и Ино, который не играл с человеком уже 2 года проводил за доской все вечера. Гленна, дети которой уже давно выросли и обрели самостоятельность, отнеслась к молодой чете с материнской теплотой. Ино любил подтрунивать над Клаусом. Они часто плавали наперегонки. Что касался Дженни, то Ино относился к ней со смесью галантности и иронии. Жизнь текла весело, радостно и беззаботно. Все было хорошо до сегодняшнего дня, принесшего неожиданное известие. Но поскольку новых сигналов тревоги не поступало, то постепенно напряжение спало, уступив место обычному веселью. В глазах Ино мелькнули веселые «бесенята»:

— Я чуть не забыл, — сказал он, встав со стула. Его руки и плечи передернулись от этого усилия. — У меня для тебя подарок, Джен.

— Да? — она была приветлива, дружелюбна, невозмутима. Последнее качество весьма раздражало Ино.

Он вышел, потом вернулся, чтобы присоединиться к остальным, собравшимся на кухне. Небольшой ужин перед сном стал своего рода ритуалом на базе.

— Это — тебе, — сказал он, вручая Дженни коробочку из прозрачного пластика. Внутри была вода. И что-то еще.

— О, боже мой! — ее голос звучал с обычной деловой приветливостью. — И что это?

— Держи его в самом дальнем аквариуме в гостиной, — посоветовал Ино.

Клаус глянул на коробочку. В ней плавало некое существо не более человеческого пальца со множеством отростков. Одна из тех форм, которые производили на людей с Земли впечатление чего-то неземного. На ум Клауса пришли строчки из Лафкадио Хearna: «... клякса движущихся ног... к которой не тянется рука человека... лезвие спины — прятка или пила...» Или что-то в этом духе.

Существо явно не принадлежало к разряду млекопитающих, а Джен (Клаус это знал) интересовалась подобными формами намного меньше, чем он сам. Но она и вида не подала, что над нею посмеиваются.

— Когда мы вернемся домой на Атлантис, у тебя будет целая коллекция, — сказал Клаус жене с улыбкой.

— Разбей коробку и выпусти его в аквариум, — посоветовал Ино крайне серьезным тоном. — Они не любят, когда их держат в руках. Он сейчас немного помят, но завтра будет в порядке. А если ему не понравится новый владелец, то он может попытаться сбежать.

Гленна с весьма красноречивым выражением смотрела на мужа. И когда этот старый дурак прекратит быть мальчишкой и бросит свои штучки?

— Сбежать? — мягко спросила Джен. — Но вы мне как-то говорили, что даже улитка не взберется на стекло аквариума...

Она хотела еще что-то добавить, но в этот момент раздался сигнал срочного сообщения. Клаус вначале подумал, что этот звук — составная часть шутки, но, глянув на лицо Ино, понял, что шутка здесь ни при чем.

«МОРСКАЯ, МОРСКАЯ! БОЙ ОКОНЧЕН. ХИЩНИКИ ПОКИДАЮТ СИСТЕМУ УОТЕРФолЛА. ПОВТОРЯЮ...»

Клаус быстро подавил в себе желание выбежать из дома и взглянуть на небо. Все равно он бы ничего не увидел. Бой окончен. Все облегченно вздохнули.

Ино с просветленным выражением лица принес бутылку джина и четыре бокала. Все заспешили на улицу, не в силах не взглянуть на небо, даже зная, что увидят только звезды.

— Зачем прилетали берсеркеры? — спросил Клаус. — Вряд ли, мы для них ценная добыча. Разве не так?

Вопрос его был обращен ко всем, но женщины посмотрели на Ино.

— Если нет более крупной добычи, — Ино поднял бокал, — то все живое для них мишень, прознай они про его существование в радиусе нападения. Я полагаю, что их основная цель — Атлантис. А нашу планету они использовали как прикрытие. Слиться с солнечным ветром, войти в резонанс с гравитационным полем. Так сражающиеся на поверхности планеты могут использовать горы, пещеры...

— Да, наверное, ты прав, — сказал Клаус. Он не был военным и плохо разбирался в боевых действиях.

— Хорошо, что берсеркеров уничтожили, — голос Геленны был взволнован. — А то ведь наш Уолтерфолл совсем незащищен.

Все выразили свое согласие с ней.

— Друзья! — Ино поднял свой бокал. — Позвольте предложить тост.

— Просим, пожалуйста! — в один голос сказали Клаус и Дженни.

— За нашу встречу на этой планете, благодаря одиночеству и психологии.

— А также рыбам, моллюскам и кораллам, — весело подхватила Дженни.

Все рассмеялись. От чувства тревоги не осталось и следа. За столом парило общее всеелье. Стали вспоминать и Атлантис, откуда все были родом.

— Там живут наши дети, — сказала Гленна.

Атлантис находился на расстоянии полудюжины парсеков от Уотерфолла. Это была крупная, давно населенная и хорошо защищенная система, состоящая из трех планет, большая часть поверхности которых была водной. Люди там жили на небольших островках, а большая часть — под водой в специальных домах. Уже несколько раз берсеркеры пытались уничтожить население на Атлантисе. Но все их предыдущие попытки были неудачными. Флот людей каждый раз давал мощный отпор машинам. И вот новая попытка...

Несколько часов спустя Гленна привстала на кровати, явно встревоженная.

— Что это? — спросила она лежащего рядом мужа тихим взволнованным голосом.

Ино пошевелинулся:

О чем ты?

— Вспышка. Яркая вспышка. Где-то там.

Ино выглянул в окно.

Ни грома, ни дождя. Яркая луна освещала двор нежным светом. На небе не было видно ни облачка.

— Не волнуйся, дорогая, — Ино попытался успокоить жену, — тебе показалось. Спи.

Больше не было никаких вспышек. Но Гленна еще долго не могла заснуть.

Сразу после восхода солнца Клаус и Дженни решили как обычно искупаться. пляж находился в нескольких сотнях метров от базы. Здесь было безопасно для людей, а пловцы, в свою очередь, не нарушали никакого экологического равновесия вблизи лаборатории. Путь лежал по дюнам, которые вздымались по всему побережью. Неожиданно Клаус остановился:

Посмотри на это!

На мокром прибрежном песке четко вырисовывался какой-то след. Было такое впечатление, что по песку протащили не очень большой камень или проползло какое-то животное. Начинался след в воде и терялся среди песков.

— Что-то выползло из воды,— сказала Дженни.— На Уотерфолле пока таких следов не попадалось.

Клаус присел на корточки. Его было трудно назвать следопытом, но все же он попытался поразмыслить над увиденным.

— Никогда ничего не видел подобного. У Гленны есть какие-то образцы — не помню, какие точно. Думаю, что это заинтересует Ино и Гленну.

Когда Клаус и Джен обошли следующую дюну, им попались на глаза еще два ряда следов, походивших на встреченный ранее.

— Может быть,— предположил Клаус,— это одно и то же животное, которое ползает туда-сюда. Крабы не могут оставить нечто подобное? Джен не знала.

— В любом случае, будем надеяться, что они не кусаются,— добавила она.

Дженни сбросила платье и нырнула в прохладную воду. Клаус последовал ее примеру. Через полминуты супруги вынырнули одновременно метрах в десяти от берега. Отсюда хорошо просматривалось пространство за следующей дюной. В лучах восходящего солнца было хорошо видно, что оно все испещрено следами, связывающими море с прибрежными дюнами.

Дженни встряхнула мокрыми волосами:

Может быть, какая-нибудь сезонная миграция?

— Вчера никаких следов не было. Нет, довольно с меня этого купания. Вода холоднее, чем сердце бюрократа.

Они быстро пошли по направлению к базе. Когда они вошли в ворота, Дженни сказала:

— Смотри, вон там Гленна. Рядом с трактором. Я пойду и расскажу ей, что мы видели.

— Хорошо. А я пока поставлю кофе.

Кофе был его слабостью. Клаус любил сам его готовить и редко доверял это важное, по его мнению, дело жене.

Сообщение Дженни Гленна восприняла с некоторым беспокойством.

— А слышали ли вы с Клаусом какие-нибудь странные звуки? Или, может быть, видели еще что-нибудь необычное?

— Необычное? Нет. По-моему, нет.

Гленна глянула на ряд отдельных строений.

— Мы только что были на сейсмографическом пункте. Есть данные, что около двух часов ночи по местному времени был какой-то странный толчок. Именно в это время я проснулась. У меня было впечатление, что я видела вспышку.

— Странные совпадения, — сказала Дженни.

Ино появился рядом с дальними домиками и направился к ним. Когда он подошел, то уточнил данные, зафиксированные сейсмографом.

— Резкий всплеск энергии. Четкая локализация — чуть более десяти километров от базы. Никогда еще не было подобных явлений за время нашего пребывания на Уотерфолле.

— И что, вы думаете, это было? — спросила Джен.

Ино, почти не колеблясь, ответил:

— Я думаю, взорвался небольшой космический корабль. Хотя он мог быть и большим. Но откуда он взялся? Ведь единственные корабли на Уотерфолле — два наших крошечных транспортлета вон в том ангаре.

А, может быть, метеорит?

— Хотелось бы надеяться. Если бы это был корабль из флотилии Брас Траппет, взорвавшийся во время боя, то я, думаю, он успел бы послать нам сообщение.

Остальные предположения остались невысказанными. Дженни закусил губу. К этому часу флотилия, пославшая сообщение под шифром, Брас Траппет, уже должна была покинуть пределы системы. Связаться с ней представлялось невозможным.

Озабоченным голосом Гленна сказала:

— Я думаю, что это был вражеский корабль, поврежденный в сражении. А взрыв был конечной стадией его уничтожения.

Тут Дженни сказала Ино о следах, увиденных на побережье. Тот посмотрел на нее с откровенным испугом:

— Это далеко?

— Несколько сот метров вдоль по берегу вправо.

— Может быть, стоит взять корабль, но, наверное, быстрее добраться до этих следов пешком.

И встревоженный Ино так быстро пошел в сторону пляжа, что Дженни с трудом поспевала следом. Гленна осталась на базе вместе с Клаусом.

Ино достиг ближайшего следа и встал на колени рядом с полоской на песке.

— Странные следы,— сказал он, внимательно их осмотрев.

— Остальные выглядят также?

Приблизительно. Мы не подходили к ним.

— Я никогда не видел здесь животного, которое оставило бы подобный след.— Ино встал с грацией бывшего спортсмена.— Мне это не нравится. Нам нужно улетать отсюда. Всем.

— Это действительно необходимо? — спросила Дженни.

— Да, если мы хотим жить.

Я всегда думала, что берсеркеры — огромные машины.

— Большинство из них. Но некоторые могут быть и маленькими. В зависимости от задания.

— А вы видели маленьких берсеркеров?

— Нет, но слышал о них.

Дженни посмотрела на Ино с уважением и даже с некоторым подобострастием и трепетом.

— Я побегу в дом и скажу, чтобы все начали сборы,— предложила она.

— Хорошо. Гленна знает, что взять. Я пока готовлю корабль к отлету.

Дженни по пути к дому подумала о том, что не увеличивает ли Ино опасность? В его памяти навсегда остался страх перед берсеркерами. Вряд ли, следы на песке таят в себе грозную опасность...

Гленну и Клауса она нашла в большой комнате. Она быстро рассказала им о решении Ино покинуть планету. Они направились было собирать вещи, но в этот момент раздался странный крик. Он походил на приглушенный истерический смех.

Гленна бросилась к двери. Бросив быстрый взгляд на мужа, Дженни побежала следом. Клаус не отставал от них ни на шаг.

Крик повторился вновь. Далеко впереди в открытой двери ангара виднелась белая фигура Ино. Он раскачивался и как-то странно махал руками. Гленна бросила взгляд на трактор, стоящий под навесом. Трактор был

быстроходным. Его часто использовали для езды по песку, для рытья прудов или придания им нужной формы.

Гленна быстро села за руль и завела мотор. Дженни тоже заняла место на тракторе. Клаус устроился за ее спиной, цепко держась за края машины и полуобнимая жену, чтобы она не упала. Предосторожность была не лишней — машина быстро набирала ход.

Ино тоже двигался им навстречу. Он продолжал махать руками, раскачиваясь, будто пьяный. На его груди был виден какой-то странный предмет размером с чайное блюдце, он походил на крупный медальон, который своей тяжестью тянул Ино к земле. Ино обеими руками силился оторвать этот предмет. Неожиданно его костюм окрасился алым цветом. Он произнес какие-то слова, смысл которых никто не понял. Клаус обхватил плечи Гленны. Указал рукой вниз. Более дюжины коричневых округлых предметов ползли по утопанному песку. Следы их на песке были почти такие же, какие они видели ранее на пляже. Под каждой такой тарелкой виднелись маленькие ноги.

Тарелки с ножками передвигались не так быстро, как трактор, но все же они могли представлять опасность. Гленна резко повернула руль трактора, одна из тарелок попала под его колесо. Но они вновь увидели загадочный предмет, который прицепился к мягкой резине колеса и препятствовал центробежной силе, которая в сущности должна была бы сбросить его с колеса.

Ино упал, три других тарелки напали на него, но ему все же удалось встать на ноги. Если бы Клаусу довелось анализировать свое состояние, то он сказал бы, что у него не было времени испугаться. Трактор был рядом с Ино. Ударом кулака Клаус сбил одну из тарелок, приклеившихся к телу Ино. Рука нащупала что-то твердое, довольно тяжелое; боль пронзила запястье.

Они быстро втащили Ино, Гленна заняла место водителя, Клаус отражал атаки тарелок. Схватив крышку от ящика с инструментами, он бросил ее во врагов.

Целая стая тарелок преграждала им путь к кораблю, оставшийся же в ангаре корабль был полностью облеплен коричневыми медальонами. Гленна развернула трактор, и он помчался по направлению к морю.

На сиденьи Дженни поддерживала Ино. Он истекал кровью, его глаза смотрели в небо, губы беззвучно

шевелились. Клаус тем временем держал оборону.

Коричневая тарелка прилепилась к борту и поползла к руке Гленны. Клаус ударил одним из инструментов, взятом из ящика, по врагу. Тарелка упала на металлический пол, Клаус успел увидеть все еще движущиеся ножки, затем, подцепив ногой, выбросил тарелку из трактора.

Еще один противник стал подкрадываться к панели управления. Клаус ударил по нему — раздался звук чего-то треснувшего, но движение тарелки не прекратилось. Теперь Клаус уже не смог размахнуться — враг был слишком близко. Клаус схватил тарелку рукой и с трудом удержался, чтобы не закричать. После того, как он выбросил тарелку за борт, Клаус осмелился взглянуть на свою руку. Два пальца были сильно повреждены, почти оторваны..

В этот момент мотор заглох. Впереди было море, небольшой док. На трактор стали напозать коричневые тарелки, выбрасывая вперед ножки, походящие на керамические колбочки, держащиеся на тонких проводах.

Люди быстро покинули трактор. Одна рука Клауса безжизненно свисала, второй он помог женщинам снять с трактора истекающего кровью Ино. Все вместе они потащили его в маленькую лодку — единственное теперь доступное средство сомнительного спасения. Гленна тут же завела мотор, и лодка молниеносно отчалила от берега.

Но голубая вода океана была отделена от них песчаной косой. Благодаря этой косе, побережье здесь считалось наиболее благоприятным для базы.

Коса располагалась на расстоянии ста метров от берега и простиралась в обе стороны. Искусственные каменные насыпи разделяли лагуну на пруды различных размеров.

Мы в квадратной лагуне, — сказала Гленна, передавая Дженни руль. — Держись вон того угла. Мы сможем добраться туда быстрее их. Тогда быстро перетянем лодку через косу.

Дженни кивнула, приняв на себя управление лодкой. Гленна быстро достала пакет первой медицинской помощи и начала накладывать Ино повязку.

Клаус хотел было помочь, но почувствовал, что его глаза застилает пелена. Он прислонился к гарпунной пушке. Нет ему никак нельзя сейчас терять сознание.

Грудь Ино тяжело вздымалась, казалось, что его плоть терзали ни чьи-либо зубы, а напильник или ножицы. Лицо его посерело, глаза были закрыты. Гленна сделала перевязку, укутала его в одеяло.

Джен обогнула круглую башенку по середине пруда размером с телефонную будку. В большинстве прудов были подобные станции наблюдения.

Клаус начинал ощущать, что им вряд ли удастся спастись. Ино явно нужен медиоробот, который есть в доме. Но, вряд ли, они когда-либо смогут воспользоваться им. База, наверняка, захвачена врагом. Берсеркерами...

— У нас есть оружие? — спросил Клаус.

— Я не могу больше ничем помочь Ино. Сейчас только перевязу... Если ты имеешь в виду ружье, то есть пара в доме, в кладовой. Но нам уже не вернуться.

Гленна выпустила руку мужа, когда раздался отчаянный крик Дженни. По гарпунной пушке ползла тарелка, цепко держась своими ножками. Неужели эта чертова штука попала к ним еще тогда, когда они пересаживались в лодку? Или их полно в пруду?

Клаус ухватился за якорь, изо всей силы швырнул его во врага. Лязгнула цепь. Тарелка перевернулась на спину, свалилась на дно лодки. Ножки задергались в воздухе. Клаус смотрел на поверженного врага, не сразу осознав, что тарелка ввинчивается в дно лодки, и в нем скоро будет дыра.

Он нанес еще один удар якорем. Острый отросток якоря расколол коричневую тарелку на части, раздался странный хруст, затем последовала вспышка.

На дне появилась вода. Удар якорем только увеличил отверстие. Кто-то схватил искрящегося берсеркера и бросил его за борт. Гленна переметнулась к рулю, Дженни начала вместе с Клаусом вычерпывать воду.

Лодка закачалась, нос стал нырять в воду. А ведь она могла бы отнести их так далеко — туда, в манящую даль голубого океана... Могла бы.

Дженни хотела что-то сказать мужу, но смогла только кричать, когда рука Ино, неожиданно ожившая, схватила ее за запястье. Глаза ученого смотрели на нее. Он попытался что-то сказать, затем вновь откинулся на полу лодки.

Дженни показалось, что он сказал: «... нужно .. они ... колотушка». Это не имело смысла.

Гленна быстро оглянулась, но она не могла оторваться от руля. Через несколько секунд поврежденное днище лодки закрипело по песку. Клаус выскочил первым, за ним женщины. Затем все посмотрели на безжизненное тело Ино.

Гленна, боюсь, он умер,— сказала тихо Джен.

Нет! ее возражение было не терпящим никаких оговорок.— Помоги мне!

Джен помогла Гленне положить тело Ино на плечо Клауса. Даже с одной действующей рукой он был сильнее женщин. Все побрели на восток по песчаной косе. Во время высокого прилива полоска земли, выступающая над водой, была не более трех-четырех метров шириной. Волны перебегали из океана в лагуну. К счастью, сегодня почти не было ветра. Клаус почувствовал, что его рубашка набухла кровью Ино. Свободная рука его ныла, он был не в силах ею пошевелить.

Куда мы идем, Гленна?

Я не знаю, женщина шла впереди, невидящими глазами глядя вдаль. Может быть, она боялась оглянуться? Не знаю. Нужно идти.

Дженни и Клаус обменялись встревоженными взглядами. Поскольку лучшего предложить они не могли, то оставалось только идти вслед за Гленной.

Дженни оглянулась.

Они на берегу. И на косе. Они преследуют нас. Но они пока далеко.

Клаус тоже оглянулся. Да. Пока они далеко. Пока.

Вскоре они подошли к каменной гряде, отгораживающей пруд, в котором осталась лодка, от следующего пруда. Если они пойдут по этой гряде к берегу, то они пойдут навстречу врагу. Коса же вела дальше, убегая в залитую солнцем бесконечность.

А что в этом пруду, Гленна? — спросил Клаус.

Он испытал некоторое облегчение, когда женщина повернула голову и спокойно ответила.

Здесь разводим группий. Они обычно используются как корм для более крупных рыб. А почему ты спрашиваешь?

Просто интересно. А куда мы придем, если пойдем по косе?

Она тянется далеко. Пруды, бухты, станции наблюдения. Мы должны идти. Иначе они нагонят нас. А что ты предлагаешь? Клаус резко остановился. Он

мягко опустил тяжелое тело Ино на песок. Джен посмотрела на мужа, на Ино, затем покачала головой.

Я думаю, мы должны оставить его,— сказал Клаус.

Гленна глянула на тело мужа, поспешно отвела глаза. Она кивнула и вновь пошла вперед по песку.

Они долго молчали. Затем Дженни сказала:

Если это берсеркеры...

А кто или что еще?

Тогда почему мы до сих пор живы? Такое впечатление, что они не такие уж умелые убийцы.

— Возможно, что эти тарелки — только малая часть, плохо обученная часть берсеркеров, — попытался хмуро пошутить Клаус. — Остальные вступили в схватку с Брас Трампетом. Помнишь, мы гадали, не является ли Атлантис их главной целью? А это особый отряд, созданный, может быть, для работы... под водой или что-нибудь в этом духе. Один из поврежденных кораблей берсеркеров упал на Уотерфолл. Во время падения они увидели огни базы. Скорее всего, эти тарелки предназначались для уничтожения морской фауны. Они не знали, что встретят иную форму живого — нас. Они не очень умелые, ты говоришь. Но они продолжают преследовать нас. И убьют нас, если мы не сможем их всех уничтожить. Последнее маловероятно.

Гленна замедлила шаг и посмотрела на одну из станций посреди пруда.

Я не знаю, есть ли там что-нибудь, что может нам пригодиться.

А что в этом пруду?

— Акулы. Стоит попытаться. Они нападают на любой движущийся предмет. Но они еще маленькие, и я думаю, что мы не очень рискуем, если попробуем добраться до середины пруда.

Клаус подумал о том, что ему намного приятнее оказаться в животе акулы, чем быть убитым механическими существами. Дженни тоже согласилась попробовать.

Они без остановок дошли до пруда, в котором выращивали акул.

— Здесь глубина не более трех-четырёх футов. Нужно держаться вместе и сильно разбрызгивать воду. Клаус, держи раненую руку на весу. Нельзя, чтобы хоть капля крови упала в воду.

Только когда они зашли в воду по пояс, Клаус вспомнил, что его рубашка пропиталась кровью Ино.

Этот пруд был невелик. Еще минута, и они взобрались на низкую прочную решетку наблюдательной станции, вздымающейся на середине пруда. Двое могли здесь разместиться весьма удобно. Прозрачный купол защищал от непогоды, сиденья со спинками легко перемещались на маленькой площадке. В центре располагался невысокий столб с экранами. Внутри находились приборы, контролирующие состояние воды и ее обитателей. В доме на базе тоже была принимающая станция, собирающая данные со всех прудов.

Они все трое разместились на площадке. Гленна открыла небольшой ящик. В нем лежали ручки, карандаши (часть — сломана), кепка, забытая здесь, наверное, каким-то рабочим, и маленький дохлый паук — еще один эмигрант с Земли. И все.

Гленна закрыла ящик:

— Бесполезно. Теперь надо ждать. Тарелки нападут на нас, наверняка. Акулы, возможно, перехватят некоторых. Но мы должны успеть уйти до того, как нас окружают. Это все рискованно, но я не вижу никакого другого пути.

Клаус нахмурился:

— Да. Нам придется добраться до базы.

Джен посмотрела на него:

— Но там тоже берсеркеры.

— Не думаю, что они остались там. Ты...

Неожиданно Гленна сказала:

— Они приближаются.

Солнце уже было высоко, стало довольно жарко. У них даже нет воды для питья.

Клаус здоровой рукой поддерживал поколеченную. Вдоль косы, по которой недавно шли люди, вдоль берега и по каменистой гряде, разделявшей пруды, ползла коричневая круглая смерть. Их было более сотни, они ползли медленнее, чем мог идти человек, почти невидимые в блеске солнца. Некоторые из них уже вползли в воду

— Я не могу увидеть их под водой, — Гленна пыталась настроить оборудование для слежения за подводной жизнью. — Вода слишком темная сейчас. Детекторы не улавливают предметы.

Джен встала:

— Я думаю, нам лучше уйти до того, как нас окружают.

Минуточку, Гленна продолжала переключать приборы, видеолучом обшаривая пруд. Я думаю, у нас есть в запасе немного времени...

Наконец одна из тарелок появилась на экране. Она выглядела сейчас более одушевленной, видимая сквозь слой воды. Тут же на мониторе появилась акула. Клаус не был знатоком морских видов. Но эту вытянутую, хорошо знакомую форму не узнать было невозможно. Клаус хотел было сказать: «Она плывет мимо». Но — нет. Акула резко развернулась. Пасть ее открылась, и тарелка бесследно исчезла...

Люди молчали. Джен коснулась руки мужа:

— Нельзя рассчитывать на то, что съедят всех, нужно идти.

Клаус уже поставил ногу на решетку, когда раздался резкий всплеск в западной части пруда. Выпрыгнув почти полностью из воды, акула взметнулась в воздух, свернувшись кольцом, словно пытаясь укусить себя саму. Она упала, взметнув массу брызг. Через секунду последовал еще один прыжок.

В тот момент, когда акула была над водой, Клаус успел увидеть темную линию на белом животе — как будто по нему прочертили черту розовым карандашом. Эта линия расширялась, приобрела кровавый оттенок. Когда содрогающееся тело исчезло в очередной раз, то вода в этом месте окрасилась в красный цвет.

Женщины быстро побрели от станции к противоположному углу пруда, громко крича, стараясь отпугнуть акул. Они также надеялись, что остальные животные нападут на свою менее удачливую подругу. Клаус помедлил несколько секунд, уставясь на монитор. Он увидел, как из скорченного тела мертвой акулы появился берсеркер, не поврежденный зубами животного, и продолжил свое продвижение...

Джен обернулась к мужу, позвала за собой. В ее истощенном и усталом разуме метались строчки детской считалки:

Кровь в воде убийц скрывает,
Нужно, чтоб они узнали—
Будет суд и будет день—
Колотушкой убьют тень...

— Какая чушь!

Когда они добрались до берега, Дженни взяла Гленну за руку.

— Я подумала сейчас... Когда Ино умирал, то он сказал... Он сказал «колотушка». Да, именно так: «Нужно... колотушка». Я не знаю, что это может значить...

Гленна глянула на нее с испугом. Затем вновь устремилась вперед.

Они вошли в следующий пруд. Посредине него была тоже станция наблюдения.

— Нас здесь не тронут,— сказала Гленна.— Мы для них очень большие. Конечно, конечно. О, Ино! Я должна была додуматься сама! Если мы, не дай бог, наступили на одного из них, но это так маловероятно! Они ждут в засаде. Большую часть времени. В норах или камнях.

— Они? — переспросила Дженни. Она помогала Клаусу

Потеря крови, тревога за жену истощили его. Он склонился на плечо Дженни.

Гленна нервно посмотрела туда, откуда они пришли.

— Обычное наименование — креветка мантис.

— Креветка? — переспросила Дженни так тихо, что Гленна, кажется, не расслышала.

Через минуту они вновь взобрались на решетку и очутились на площадке под навесом. Наверху чистые утренние облака плыли по голубому небу — такие облака могли проплывать в чистой атмосфере Земли пять сотен миллионов лет тому назад.

— Клаус,— сказала Джен, когда они отдышались.— Что ты говорил недавно? О том, что они должны вернуться в дом?

Клаус на минуту задумался.

— Мы бежали без цели, потому что бежать было некуда. Но берсеркеры этого не знают. Я не думаю, что они захватили всю планету. Это просто десант. Но они, наверняка, предполагают, что вдоль побережья есть еще одно поселение, куда мы бежим. Может быть, город, где много людей, оружия. И их задача — отрезать нас от этого города, чтобы мы не успели никого предупредить. Потому все они пытаются нагнать нас. Но если нам удастся перехитрить их — я пока еще не знаю, как это сделать, вернуться в дом, где вода, еда, оружие, транспорт...

— Посмотрим,— сказала Гленна. Джен взяла мужа

за руку и глянула на него. Она постаралась сделать вид, что идея кажется ей разумной. На лицо Клауса упала капля дождя. Потом еще. Неожиданно начался ливень. Открыв рты, трое беглецов ловили холодные капли воды. Но дождь быстро кончился.

— Они идут, — сказала Гленна, сузив глаза в свете вновь появившегося солнца. Она начала настраивать аппаратуру наблюдения. Клаус стал считать коричневые блюдца, плюхающиеся в воду. Только девятнадцать.

— Детектор опять не улавливает их, — пробормотала Гленна. — Попробуем видео.

Берсеркер, может быть, тот самый, что был проглочен акулой, медленно продвигался по дну пруда в мелкой, пронизанной солнечными лучами воде. Шла сама Смерть... Живое может передвигаться быстрее. Но оно способно уставать. Неживое не знает усталости... Акула уже стала жертвой. Ее просто разрезали, как пук водорослей.

— Вот там, — вновь указала Гленна. Приближающийся враг медленно огибал подводный камень.

В воде появилось еще одно существо — вытянутое, кажущееся мягким тело, поделенное на сегменты. Крошечные ножки находились в беспрестанном движении. Длина существа была примерно такой же, как диаметр берсеркера, но преследователь, в отличие от смертоносной тарелки, был полон жизни. Золотые полосы чередовались с красными, зелеными, коричневыми — словно знамена, несомые впереди наступающих колонн. Длинный ус, словно антенна, выступал над выпученными глазами. Под мордой виднелся бугорок — сложенные лапки с округлыми концами.

— Однодактилус силларус, — сказала Гленна. — Не самый крупный экземпляр.

— Что это такое? — шепотом спросила Джен.

— Хищники...

Берсеркер, устремившийся к своей жертве, не обратил никакого внимания на преследователя.

— Крак! — донесся звук из аудиоуловителя. Берсеркер выпустил острую клешню, которой, видимо, и распорол брюхо акулы.

Движение силларуса было столь молниеносным, что человеческий глаз не смог заметить перемещение.

И вновь невидимое нападение на берсеркера. Ножки тарелки задержались, вздымали песок... Люди увидели,

что клешня, выскочившая из тарелки, повисла, керамическое тело врага раскололось, но все же клешня, видимо, успела порезать нападавшего. Тот исчез с экрана.

— Я никогда не встречала более быстрых существ, чем силларусы. У них есть специальные дактили — своего рода локти. Они питаются в основном крабами, улитками, моллюсками. Тебе, Дженни, Ино подарил одного — самого маленького. Но когда они подрастают, то их удар может быть равнозначен по силе попаданию четырехмиллиметровой пули. Некоторые экземпляры намного больше того, которого мы видели. Между собой мы их называли «колотушками». Под ударом колотушек трещат панцири самых огромных крабов.

Еще одна голодная колотушка появилась над коричневой тарелкой, ползущей по дну. Этот экземпляр был явно больше первого и несколько иной расцветки. Когда тарелка выпустила клешню, Клаус увидел, или просто ему показалось, что существо в свою очередь «развернуло» сложенные под головной частью клешни. И вновь взметнулся песок. Белые отростки с шумом барабанили по коричневой поверхности. В полной тишине люди следили за боем. Крак! Крак! Эти звуки доносились теперь с разных сторон, улавливаемые аудиоаппаратурой. На экране же продолжался бой одной из «колотушек» с коричневой смертью.

— Люди часто говорят об акулах как о убийцах. Но сейчас я убеждаюсь, что силларусы и акулы — представители разных классов.

Силларус, напоминающий чем-то креветку, обхватив всеми шестью передними клешнями коричневый панцирь своей жертвы (к которому сейчас был прикреплен только один керамический сустав), потащил добычу за подводный камень, видимо, в свое убижище. Там пришельца со звезд положили на твердую поверхность. Теперь кузнец-лилипут пустил в ход свой молоток-колотушку в ход. После этого удара твердые фрагменты коричневого панциря взметнулись под водой, смешиваясь с плывущей тиной и песком. Но «колотушка» не обнаружил ничего мягкого, съедобного. Еще один удар...

Час спустя аудиоуловитель зафиксировал последний «крак».

Трое людей пошли в обход на базу. Коричневых тарелок видно не было.

Когда тело Ино принесли домой, а руку Клауса

перевязали, женщины обыскали дом — нет ли где берсеркеров? Ружья были вынуты из подвала. Ворота базы прочно закрыты. Затем молодые люди предложили Гленне передохнуть.

Ее голос был мягким, но бесконечно усталым:

— Завтра утром мы покормим их. Но чем-нибудь настоящим.

— Днем,— сказал Клаус.— Когда вы проснетесь. И скажете мне, что я должен сделать.

— Иди сюда,— сказала Джен из угла главной комнаты.— Посмотри.

Одна из толстенных стен самого маленького аквариума лежала на ковре, на котором расплылось огромное мокрое пятно. Лежало также мертвое тело существа, «сбежавшего» от хозяйки.

Джен подняла силларуса. Он был намного меньше своих сородичей в пруду, но узнать форму, окраску было нетрудно.

Клаус подошел к ней и заглянул через плечо:

— Гленна сказала, что они наносят удар в том случае, если чувствуют мягкую плоть. На их согнутых и сложенных лапках-колотушках есть шипы. Ты, вряд ли, смогла бы держать его на ладони, если бы он был жив,— голос Клауса неожиданно дрогнул, словно ему запоздало что-то вспомнилось.

— О, нет, я смогла бы,— голос Джен тоже дрогнул.— Конечно, смогла бы!

Как я уже писал, большинство существ, снабженных интеллектом стараются избегать войн и насилия. Поэтому вечной должна быть наша благодарность тем, кто готов вступить в суровую схватку, затеять нелегкую игру со смертью. Мы должны быть благодарны им даже тогда, когда поражаемся жестокосердечию или мягкосердию, которые порой произрастают в одном и том же сердце...

ИГРА

Когда Кхиз смотрел на эти сторожевые башни, они почти всегда напоминали ему шахматные лады. Только в отличии от шахмат, ладей было не четыре, а шесть,—

шесть огромных вышек, располагающихся на примерно равном расстоянии друг от друга.

Над безжизненной землей, которая простиралась вокруг, порой проплывали ядовитые облака, расстилался отравленный туман, порожденный самим воздухом.

Кхиз огляделся. Вокруг его работали машины. Все пространство внизу, между башнями было поделено на участки неодинаковой величины — в отличии от клеток шахматной доски.

Кхиз уже шесть месяцев находился на планете Максимус. Но шахматы не были его любимой игрой, он вообще плохо их знал, никогда не изучал историю шахмат. Поэтому, видимо, воображение Кхиза не пыталось сделать новых шагов в поисках новых сравнений с фигурами этой игры.

Сегодня Кхиз пришел сюда не один. Вместе с ним была Андрианна. Кхиз взял на себя функцию экскурсовода. Он рассказывал девушке о новом проекте заселения планеты. Андрианна только накануне прилетела сюда из «большого мира»

Они не виделись уже почти два стандартных года, поэтому девушка с радостью приняла предложение Кхиза посмотреть строительную площадку.

Для прогулки пришлось одеть воздухонепроницаемые костюмы и особые маски для дыхания.

— До нападения берсеркеров столица находилась далеко отсюда, более чем в тысяче километров. Но здесь место во много раз лучше. Поэтому решено новый город строить именно здесь, — сказал Кхиз. — Здесь тоже будет памятник.

— Хорошая идея. Твоя?

Это замечание льстило. Да и вообще — был приятен сам факт, что Андрианна уделила сегодня Кхизу столько внимания и времени, чего раньше не было.

Кхиз слегка усмехнулся:

— Не совсем. Мы долго обсуждали эту мысль, — еще двадцать человек работают на планете уже полгода, наблюдая за работой машин, которые должны были возродить здесь жизнь, уничтоженную берсеркерами более стандартного года тому назад.

— Давай войдем сюда, — предложил Кхиз, — внутри — нормальный воздух, годный для дыхания.

Перед ними возвышалось небольшое здание с прозрачными стенами.

Пройдя сквозь воздушную камеру, они смогли снять маски, предохранявшие их от ядовитых испарений.

Этот смертоносный туман — тоже след оставленный берсеркерами. Они отравили всю атмосферу на планете. Эти злейшие враги человечества сражались не только с людьми. Их создатели запрограммировали уничтожение всего живого и всего, что способствует жизни. Уже много веков человечество, заселившее звезды, вело жестокую борьбу с этим своим заклятым врагом.

Андрианна бросила свою маску в корзину, встряхнула длинными рыжими волосами. Прекрасные вьющиеся локоны изящно волнами спадали ей на плечи и спину.

— Великолепно, — сказала она.

Дом из пластика казался довольно высоким снаружи, но внутри это ощущение пропадало, потолок уходил куда-то за горизонт.

Внизу расстилались зеленые лужайки, газоны, блестящие пруды...

Неоконченный памятник доходил уже до потолка. Когда восстановят атмосферу планеты, крышу здания разберут и его строительство будет продолжено.

«Священна память о...» — было написано на передней части памятника, затем пустота

Кхиз, чья работа не была связана непосредственно со строительством памятника, не знал, каков полный текст надписи.

Полмиллиона погибших, иными словами — почти все жители Максимуса, — довольно обширный список, даже если не все имена известны.

— Красиво, — сказала Андрианна, окинув взглядом все, что находилось под крышей. — У тебя прекрасная работа, Кхиз.

— Когда-нибудь здесь будет главный парк новой столицы. Это, конечно, не мой проект. Моя задача — наблюдать за машинами, которые работают далеко отсюда, в тридцати-сорока километрах.

— Я хотела сказать, что все, что здесь делается, — замечательно, — сказала Андрианна. Кхизу показалось, что в ее голосе все же прозвучало некоторое сожаление, что он не имеет отношения к парку, а может это только показалось?

Андрианна взяла его за руку и они пошли дальше по дорожке. Несколько птиц, которых уже успели привезти с Земли и выпустить под крышу, что-то весело щебета-

ли. Довольно далеко, рядом с подножием незаконченного памятника, они увидели двух членов Космического Отряда, идущих им навстречу.

Те были в полной амуниции, в парадной форме.

— Скоро Главнокомандующий будет принимать здесь присягу. До памятника отсюда довольно далеко. Нужно все рассчитать. С какой стороны войти, где встать. Вот они наверное сейчас и просчитывают все варианты, — сказала Андрианна, показывая на них.

Она прибыла на Максимус в составе группы, сопровождающей Главнокомандующего.

Кхиз рукой пригладил свои темные курчавые волосы, задумчиво посмотрел на свою спутницу:

— Интересно работать рядом с великим человеком? — спросил он девушку.

— С Шефом? Да, он действительно великий человек.

— Я полагаю, что трудно стоять во главе Десяти Планет. Избрание на эту почетную должность — признание огромных заслуг и почетное доверие. После того, как он стал Главнокомандующим, наши дела пошли намного лучше.

— Да, он человек выдающихся способностей. К тому же прирожденный лидер. Но он и гуманист. Иногда это совпадает, но к сожалению чаще бывает иначе.

— Да, увы, это бывает очень редко, — согласился с ней Кхиз, кивнув при этом головой.

— Главнокомандующий действительно не на словах, а на деле заботится о людях. Эти поездки, встречи с людьми на всех передовых участках — отнюдь не бравада и не показуха. На последней церемонии у него глазах стояли слезы.

— Слезы? — с недоверием спросил Кхиз.

— Да, я сама видела, ведь я стояла совсем близко.

Они помолчали, потом Андрианна попросила:

— Кхиз, а теперь ты должен рассказать мне о своей работе, а ты все время отмалчиваешься.

— Хорошо. Многие люди уступают великим. Если не во всем, то очень во многом. Я не сражаюсь с берсеркерами на передовой линии фронта.

— Я не думаю даже, что у тебя здесь возможность заниматься тем, чем тебе больше всего хотелось бы.

Кхиз внимательно посмотрел на девушку.

— Да, нет никакой возможности.

— Один из офицеров, нашей группы имеет рейтинг игрока. Когда он узнал, что я знакома с тобой — а ему откуда-то известно что ты находишься здесь — он попросил меня поговорить с тобой о том не хотелось бы тебе сыграть в Игру?

— А какой у него рейтинг? — спросил Кхиз со все возрастающим интересом.

Андрианна вздохнула с некоторым огорчением:

— Я так и думала, что тебя это заинтересует. Его зовут Баркра. Я не узнавала точно каков его рейтинг. Но должна была предвидеть, что ты спросишь.

Кхиз довольно часто испытывал странное ощущение во время бесед с Андрианной: чем больше они говорили, тем хуже понимали друг друга.

— Хорошо. Мы сыграем. Но нужно набрать не меньше шести игроков. Я сомневаюсь, что его заинтересует вариант с меньшим составом. Надеюсь ты тоже примешь участие?

Андрианна улыбнулась.

— А почему бы и нет. У меня здесь не очень много работы. Один из моих приятелей когда-то объяснял мне правила. Он даже заявлял, что когда-нибудь я добьюсь успеха.

Теперь улыбнулся Кхиз:

— Если будешь тренироваться. И если избавишься от психологической блокировки, — он взял свою спутницу за руку. Увидев Андрианну час назад, Кхиз остро ощутил, как ему ее не хватает. И это чувство усиливалось с каждой минутой.

— Хорошо, сэр. Надеюсь моя блокировка не так уж мне мешает, — она посмотрела на Кхиза немного насмешливо.

— В чем-то твоя блокировка просто замечательна. С моей точки зрения.

Они медленно шли по дорожке вдоль здания. Андрианна сказала:

— У меня всегда не хватает времени для тренировок. Да и будет ли время играть? Через двенадцать часов все мы, кто готовит визиты Главнокомандующего, должны уже улетать.

— Давай посоревнуемся. Итак, я думаю, Лео Бон и Наррет будут тоже играть. Еще один — Джон Виа, но насчет его я сомневаюсь. Проблема в том, что многие, кто хотел бы сыграть, будут на дежурстве. Через шесть

часов начинается новая смена. А когда приземлится корабль Главногокомандующего?

— Приблизительно через десять часов.

— Когда придет Главногокомандующий ни у кого уже не будет времени.

— А может вы поменяетесь сменами с теми, кто не играет, или это запрещено у вас?

Кхиз скорчил кислую мину

— Нет, запрещения нет. Но я не думаю, что это возможно. У нас не хватает людей. Ведь почти все находятся на фронте. Они вернутся только к митингу. Но думаю, что мы сможем играть, даже дежуря на вышках. Ведь работа не требует постоянного внимания, иногда можно немного отвлечься. Единственная причина, почему были введены обязательные дежурства, — несколько раз были сбои в работе, несколько аварий. Поэтому наш шеф настаивает, чтобы на постах дежурили люди и присматривали за машинами. По крайней мере, большую часть времени.

— А что вы делаете во время ночной смены? — спросила Андрианна.

Кхиз усмехнулся.

— Все, что можем.

— Ваши машины не настолько совершенны, сколь я предполагала.

— Это — старая проблема.

Имея перед собой яркий пример самых совершенных машин — берсеркеров, человечество всех планет опасалось предоставлять роботам и приборам все возможности интеллекта и самоуправления, которые только могла позволить технология.

Будем ли мы играть честно? Я имею в виду без помощи компьютеров.

Конечно.

Андрианна почувствовала в голосе Кхиза обиду.

Если Игра настоящая, то зачем хитрить? Неужели истинный спортсмен позволил бы себе подключить электроды энергии, потом победить в соревновании по поднятию тяжестей?

— Извини, Кхиз, глупо было спрашивать.

— Ладно. Послушай, Аде, мне пора вернуться на вышку. Шеф может проверить — он весьма серьезно относится к своим обязанностям.

— Тогда он не одобрит и Игру. Да еще в часы дежурства.

— То, что он не узнает, его не обидит.

— А если он просто включит радио и все услышит, то тогда как?

— Мы будем использовать ограниченный вид связи — от вышки к вышке. Я пойду. Надо все подготовить к Игре. Хочешь пойти со мной? Хотя это тоже против правил, но...

— Мне бы хотелось, но у меня тоже есть несколько мелких дел, которые я хочу закончить до того, как начнется Игра. Где я должна быть потом?

— Лучше всего, если ты будешь на вышке. У нас есть несколько, которые не используются. Можно устроить так, чтобы все участники были на вышках. Но поговорим об этом позже.

* * *

Эту Игру люди называют по-разному. На разных языках. Для Кхиза у нее было наименование. Есть ли у рыб название для воды?

Тем не менее, некоторые люди с планеты где родился Кхиз, интересующиеся этой игрой, придумали ей название, которое можно было перевести на русский как **ВОЙНА БЕЗ КРОВИ**.

С тех пор, как Кхиз познакомился с этой **ВОЙНОЙ**, он стал предпочитать ее реальному миру, в котором жил. В этом мире старшие члены семьи выбирали работу для более молодых. Так было принято везде, так было принято и в мире Кхиза.

— Я не боюсь работы, дядя. Я понимаю, что существует гражданский долг. Но я совершенно не хочу, чтобы десять миллионов человек говорили мне, что я должен делать.

— Их может быть даже много больше. (Это Кхиз уже знал. Особенно если посчитать всех любителей Игры в районе Галактики, заселенном людьми), — говорил дядя. — У тебя мощный интеллект, мой мальчик, и меня просто поражает, как ты можешь его использовать для... для..

— Как можно быть довольным тем, что тратить свой «мощный интеллект» на то, чтобы население Токкса строило дома на пятнадцать метров выше в следующем году, чем в предыдущем? Ну кому это нужно?

— Населению Токкса нужно. Строительство домов

это нечто... нечто замечательное. Дело достойное настоящего мужчины.

Это — для тебя. Но не для меня. Я больше не могу.

Когда-то Кхиз окончил с отличием инженерную школу. И теперь старик пытался убедить его в нужности полученной им профессии.

— Может быть ты все-таки покопашься в себе и поймешь, как это важно. Не хочешь строить высотные дома — займись просчетом того, как построить убежище для людей в случае нападения берсеркеров.

— Другие люди разбираются в этом не меньше меня, и из них многие просто... жаждут заняться этим. Если заставить меня заниматься военной инженерией, то вряд ли из этого получится что-то хорошее.

— Если бы это было частью какой-нибудь игры, Кхиз, то ты бы справился бы без особых усилий, — дядя закашлялся. Его глубинная философия требовала того, чтобы реальная жизнь не смешивалась с игрой.

— Ты хочешь сказать, что любой одержимый человек должен стать фортификационным инженером? А почему не стратегом? Или не врачом? Мы сможем лечить раны друг друга, если вдруг что-нибудь произойдет... А адвокат? Ему уж придется варьировать тактику, играть в хитроумное ориентирование, загонять в угол оппонентов! Даже если оппонент начинает с того, что кажется обычным и разумным — надо и из этого извлечь свою выгоду. Логика — только составная часть большинства интеллектуальных игр...

Кхиз замолчал, утомленный спором. Дядя тоже, кажется, не стремился к тому, чтобы продолжать эту бесплодную дискуссию. Наконец-то нашли компромисс. Именно поэтому Кхиз был сейчас здесь на Максимусе, имел работу, полезную для общества и гарантирующую определенный социальный статус. Семья об этом позаботилась.

Дверь лифта медленно отворилась. Кхиз прошел немного по коридору, поднялся по лестнице и вошел в комнату наблюдения. Она располагалась на самом верху башни — шахматной ладьи. Огромные герметически закрытые окна позволяли увидеть яркое пурпурное небо без облаков и пять других вышек. Они виднелись примерно в километре-полукруге. Верхушки вы-

шек тонули в дымке тумана. Где-то внизу, примерно в двухстах метрах, лежала земля.

— Как дела, Кара?

Женщина, которую он пришел сменить оторвалась от панели управления и улынулась.

— Опять мина. На этот раз — двойная, — в каком-то смысле Максимус еще не освободился от берсеркеров до конца. — Вторая половина ее взорвалась и повредила машину-инженера, которая разминировала первую машину-рабочего.

Кхиз подошел ближе и встав позади Кары стал просматривать показания приборов.

— Мин не было давненько. Но повреждения не так уж и серьезные. Еще что-то?

— Больше ничего, — как и все работавшие на Максимусе, Кара хотела бы поскорее уйти, чтобы хоть немного пообщаться с гостями из «большого мира».

— Хорошо. Я займусь поврежденным роботом. Иди. Смена принята.

Кара еще не успела выйти, как включился селектор связи. Раздался голос главного робота с дальнего участка, находящегося под наблюдением Кхиза, с того самого, где имел место несчастный случай.

— Дежурный! Желателен прилет корабля из Центра, — механический голос робота был четким и ясным — в отличие от тех голосов, которыми разговаривали берсеркеры, когда хотели подражать человеческой речи.

— Транспортлет? Какова цель?

— Часть ДС-828 рабочего робота типа шесть повреждена. В остальном робот исправен. Его можно быстро вернуть в строй, если отвезти в мастерскую.

Кхиз уже нажимал на нужные кнопки, чтобы связаться с мастерской. Хотя он предполагал какой будет ответ и оказался прав. Такая же часть робота была повреждена при взрыве десять дней назад, и запасных частей в наличии не оказалось. Кхиз проинформировал робота-начальника:

— Мы отремонтируем робота позже. Вначале мастерской нужно изготовить запасные части.

— Будет ли прислан транспортлет?

Кхиз, думая уже о другом, промедлил с ответом. Экран перед ним был пуст, поскольку нынешний шеф считал, что изображение только отвлекает. Но по привычке Кхиз глянул на него.

— Нет, прибудет вездеход. Как обычно, когда необходим ремонт. Может ремонтный робот попытается локализовать повреждения на месте.

— Я считаю, что он этого не сможет, — начальственные нотки в голосе робота казались вызывающими.

— Тебе не следует этого решать, — сказал Кхиз. — Прибудет вездеход. К вашему участку дорога уже проложена. А разница во времени между прибытием транспортного средства и вездехода будет минимальной. Продолжайте выполнять программу в меру своих сил.

— Приказ понял. Продолжаю.

Кхиз выключил коммуникатор и повернулся к другому селектору — селектору связи между вышками.

Итак, пришло время. Время ИГРЫ.

* * *

Нет, речь шла не о шахматах, хотя изобретатель ИГРЫ был одним из мастеров шахмат конца XX века. Как и большинство настольных игр, эта игра была под силу компьютеру и ее изобретатель использовал для создания игры самые передовые компьютеры своей эпохи.

Но компьютер имел возможность только принимать участие в ИГРЕ, но не анализировать ее.

Шахматы нередко превращаются в бесконечный просчет вариантов, становятся не столько удовольствием, сколько логическим поиском. ИГРА в этом смысле несколько отличалась.

Участие шести игроков делало практически невозможным анализ, что было скорее достоинством, чем недостатком.

В конце XX века на древней Земле было множество людей, имеющих вкус к ИГРЕ и располагающих свободным временем, чтобы играть в нее.

Но что действительно отвергало компьютерный анализ, так это то, что ИГРА во многом зависела от неотвратимой случайности. Выдвини компьютер ту или иную возможность продолжения игровой ситуации, как через мгновение она может оказаться бесполезной. Алогичность становилась краеугольным камнем — всем могло просто повезти или не повезти, а чаще бывало и то, и другое.

Начинать бывало не просто. Удача то приходила, то опять покидала.

Кхиз начал играть в ИГРУ несколько лет назад. И хотя практики у него было немного, он считался опытным игроком.

Итак, игроки заняли свои места на вышках-башнях, подготовка завершилась.

Андрианна и Баркро разместились в башне, которую в данный момент не использовали для наблюдения за работами.

Джон Виа, Ле Бон и Наррет просигналили о своей готовности. Их световые лучи мигнули ярким светом на фоне тумана.

Ход игры был выведен на видеозэкран, предназначенный для экстренных случаев. Изображение символизировало космическую войну, весьма необычную, вряд ли возможную в реальности. Шесть флотилий обозначались черточками или точками разных цветов.

В самом начале Кхиз играл осторожно, сберегая основные силы для решающего этапа. Он быстро парировал угрозы и не пытался пока произвести впечатление на противников яркими атаками. Основной целью для него на начальном этапе было улучшение своей позиции, мобилизация всех сил сначала одного из звеньев флотилии, затем — другого.

В середине ИГРЫ случайности не будут играть столь значительную роль, как в начале.

Баркро оценил умение Андрианны следовать подобной методике. Она была хорошим игроком, но не настолько опытным, как Кхиз. *На начальном этапе* девушке во многом повезло, и она не собиралась упускать скромных достижений. Андрианна довольно быстро перешла в наступление, угрожая флотилиям Кхиза и Виа. Если ей будет везти еще в течение дюжины ходов, то она сможет победить даже до того, как будет окончен начальный этап — занятие боевых позиций. Андрианна обладала мощным интеллектом, что не так уж типично для женщины.

Остальные игроки были любителями, но уже поднатеревшими в ИГРЕ.

Ле Бон начал хорошо спланированную, но несколько преждевременную атаку на флотилию Андрианны, полагая, что Кхиз его поддержит.

Дипломатия не была официальной частью Игры, но взаимовыгодные действия были весьма популярны.

Но Кхиз продолжал маневрировать, правда пока без

особых усилий. Он ждал, пока все игроки преодолеют начальный, не очень захватывающий, этап.

Временами он посматривал в бинокль на работающих роботов, а так же на показания приборов, собирающих данные о работе на площадке.

Пока он не собирался принимать участия в серьезных чемпионатах, поскольку у него было не очень много возможностей попрактиковаться. А ведь прошли годы с тех пор, как он сражался с настоящими противниками. Кхиз даже опасался, что сегодняшняя ИГРА вряд ли будет ему интересна — только Баркро представлял серьезную опасность, остальные были явными любителями.

Хорошо, конечно, что он может позволить себе отвлекаться, поскольку у него все-таки рабочий день. Он увидел в бинокль, что вернулся вездеход, который ездил за поврежденным роботом. Подъехав к Центральному комплексу, он остановился. Такое впечатление, что головной компьютер не сразу вычислил в какой проход его направить, чтобы поврежденная часть могла быть доставлена в нужную ремонтную мастерскую.

Неужели кто-то специально использовал роботов, вездеход, чтобы отвлечь его внимание от ИГРЫ? Чтобы заставить обратить внимание на неполадки на участке? Кхиз решил все же внимательно следить за приборами.

На игровом экране ситуация пока однозначно была в пользу Андрианны. По ходу игры, конечно, случайность, удача будут иметь все меньшее и меньшее значение.

Иногда на Кхиза нападал и Ле Бон. Может быть это он затеял эту шутку с вездеходом? Вряд ли.

Что касается Андрианны и Баркро, то они здесь гости. Джон Виа, кажется, готов играть до конца, он весьма радушен в своих действиях. Но посмотрим...

Еще ряд ходов, удачных комбинаций — и стороннему наблюдателю могло бы показаться, что Андрианна победит.

Кхиз неожиданно напал на Баркро, а не на Андрианну. Гость был крайне удивлен — неужели Кхиз готов уступить победу своей старой приятельнице. Но он ошибался.

Во время игры Кхиз не пожалел бы и родного отца. Если хочешь быть благородным, то играй во что-нибудь другое, а не в Игру.

Сейчас все с нетерпением ждали следующего хода Андрианны, которая надолго задумалась. Кхиз заулыбался.

— Андрианна? Мы ждем,— раздался голос Баркро. В нем звучали с одной стороны раздражение, а с другой — напущенное равнодушие.

И она сделала ход. Четко выверенный. Логически верный. Сокрушительный.

Улыбка исчезла с лица Кхиза. Здесь что-то не так. Он быстро сказал в микрофон:

— Андрианна?

— Что? — ее голос был каким-то стремительным.

День странных голосов. И других мелких случайностей.

На правой панели приборы показывали незначительные неполадки на участке. Пока они были не настолько серьезны, чтобы их не мог исправить главный робот участка.

Кхиз и другие игроки сделали свои ходы. Теперь опять настала очередь Андрианны.

И тут Кхиз неожиданно понял... Он почувствовал дрожь в коленях. Это не было похоже на то, что он ощущал во время прежних турниров. Более сильный испуг. Впереди — поражение.

Почти полное. Логика говорила: «Разгром». Хотя не все так уж ясно. Есть еще один шанс...

* * *

Звук открываемой двери заставил Андрианну вздрогнуть. Кто мог оказаться на вышке, здесь, сейчас...?

Она повернулась.

У нее не было времени даже испугаться.

Что-то, похожее по форме на человека бесшумно скользнуло к ней. Металлические руки — нет, явно не человеческие, сжали ее горло, запястья в холодном объятии. Она не успела даже крикнуть. Машина усадила ее в угол, к стене. Что-то маленькое, но очень тяжелое приклеилось к ее шее. Андрианна еле могла дышать. С большим трудом повернув голову она заметила, что к рукам и ногам прилеплены маленькие приборы-парализаторы, чем-то напоминавшие пиявок.

Берсеркер...

Когда она поняла, что не в силах даже крикнуть, то

с большим удовольствием бы потеряла сознание. Но этого ей сделать не удалось...

Робот-берсеркер начал быстро осматривать приборы на вышке. Только игровой экран и коммутатор связи с другими вышками были включены.

С щелкающим звуком берсеркер открыл задвижку на «животе» и вынул провода и вытянутый цилиндр с чем-то тяжелым. Этот прибор берсеркер укрепил на перекладине одного из огромных окон так, чтобы конец был направлен на...

— Там же памятник! Под стеклянной крышей с зелеными газонами внутри... Ожидают Главнокомандующего.

— Андрианна? — до нее донесся голос, который заставил вздрогнуть ее парализованное тело. — Мы ждем.

Если берсеркер тоже мог бы вздрогнуть (каким-то своим, электронным образом), то наверняка так оно и было бы. Берсеркер подошел к игровому экрану Андрианна цеплялась за робкую надежду, что он не знает, что такое ИГРА. Пять секунд он смотрел на экран, затем подошел к ней Андрианне.

Опять донесся голос Кхиза:

— Андрианна...

К величайшему ужасу девушки берсеркер ответил голосом, очень похожим на ее собственный.

— Что?

Потом пауза.

— Ничего, — отозвался Кхиз.

Берсеркер наклонился к Андрианне. Чувствуя, что еще немного — и сознание покинет ее, девушка посмотрела вверх.

Стеклянные сканнеры, не похожие на человеческие глаза ни по форме, ни по цвету изучали ее лицо.

— Итак, — сказал робот скрипучим, металлическим голосом, из которого неведомо как рождались человеческие слова. — Итак, ты должна сообщить мне всю информацию о визите жизненного организма, который вы называете Главнокомандующий, он же — Премьер-министр Десяти Планет. Если ты дашь информацию, то останешься живой. Если нет... — еще один щелчок, и металлическая рука вытащила небольшую коробку.

Это яд. Одна его капля прожигает человеческую кожу. Он имеет возможность воздействовать на ваши органы чувств. Боль при этом сильно возрастает.

Лифт в вышке был столь бесшумен, что за закрытой дверью даже чуткий электронный организм берсеркера не уловил, что он включился.

Но теперь кто-то мягко, очень осторожно пытался открыть входную дверь.

— Кто там? — спросил берсеркер голосом, напоминавшим голос Андрианны. Он с поразительной быстротой пересек комнату и встал рядом с закрытой дверью. Из груди и плеч выдвинулись отростки. Берсеркер застыл с растопыренными металлическими руками.

— Кто там? — повторил голос.

— Сообщение для Андрианны Бриттон, произнес незнакомый Андрианне мужской голос.

Я занята.

— Послушайте, леди, вы возьмете эту записку, или я должен тащиться назад и сказать, что записка вам не нужна? Сообщение касается какой-то игры, в которой вы, видимо, играете.

— Хорошо. Протяните ее.

Андрианна попыталась стукнуть головой о металлическую стену — единственное движение, которое она могла бы сделать, чтобы предупредить людей об опасности.

Берсеркер повернул замок и немного приоткрыл дверь. И очень быстро — человек просто не способен на такое движение — рванулся вперед, готовый нанести смертельный удар...

..Но его отбросило назад... очередь, искрящаяся огнем. Берсеркер с лязгом и треском пролетел через всю комнату и чуть было не вылетел в окно. Мощный слой пластика треснул, хотя и не разлетелся мелкими осколками. Давление начало быстро падать, и комната стала наполняться ядовитым воздухом планеты.

Три человеческие фигуры, все — в кислородных масках, с еще дымящимся оружием в руках появились в комнате.

Последнее, что успела увидеть Андрианна, прежде чем потерять сознание, были глаза Кхиза.

* * *

— Теперь у некоторых офицеров есть личные кинетические сенсоры, — сказал Кхиз, пока они шли по парку. Андрианна опиралась на его руку. После того, как «пиявок» удалили, левая нога еще не до конца восстано-

вила все функции. — Один из офицеров запрограммировал свой пистолет стрелять во все, что движется с нечеловеческой скоростью. Как рука берсеркера, например. Стрельба начинается при этом автоматически и длится до тех пор, пока хозяин не отключит гашетку

Андрианна вздрогнула и еще сильнее сжала его руку

— Ты знал, что там берсеркер. Но все же пришел..

— Да. Вместе с двумя космическими офицерами. А колени у меня просто дрожали.

— Он ведь мог просто выстрелить в вас, прямо через дверь, не открывая ее.

— Мы подумали, что берсеркер до прилета Главнокомандующего вряд ли захочет обнаружить себя. Постарается избежать шума по мере возможности. Я уверен, берсеркеры узнали о прибытии Главнокомандующего на Максимус. Наверняка во время последнего полета, они установили подслушивающее устройство.

— Ты знал, что берсеркер... И пришел ко мне. Но как же ты догадался.

— С нашими роботами стали происходить всякие мелкие странности. Слишком много случайностей накануне прилета Главнокомандующего. Я неожиданно подумал, что убийца мог занять место моего главного робота и на вездеходе добраться до Центрального Комплекса. А откуда лучше всего сделать выстрел? Конечно, с одной из вышек, с которых виден памятник. Поэтому я настроил компьютер, который сделал несколько ходов за меня во время ИГРЫ.

— Но как ты узнал, что он в моей башне?

— А как ты думаешь? — Кхиз широко улыбался.

Андрианна тоже улыбнулась, в то время стараясь не выдать, что ей приятно — она сама догадалась!

— Моя психологическая блокировка. Ты знал, что я никогда в жизни не позволю себе, да и просто не смогу победить тебя во время ИГРЫ.

Живое может распространять зло, неживое может нести добро...

КРЫЛЬЯ ТЬМЫ

Это был первый бой Малори.

Берсеркер виделся ему в образе священника с планеты Йату, настоятеля той секты, в которой Малори вырос. Перед глазами сейчас стояла закутанная в черную тогу высокая фигура, возвышающаяся над кафедрой — глаза горят злобой, руки подобны крыльям, при движении вздымают свободную тогу. Когда они опускаются, то свет Вселенной за окнами из прочного стекла гаснет, а Малори предают проклятью.

Сердце бешено колотится от ужаса... Но все же Малори достаточно повзрослел, чтобы понимать — он не был так уж незащищен. Даже тогда. В детстве. Но все равно — память заставила его возвращаться к тому мигу, когда ноги сами несли его к ужасной кафедре, прямо в лапы демона-священника, а окна вокруг взрывались, осыпая осколками страха. Он шел, шатаясь, обходя те ужасные, полные зубов камни, которые рождались от жестов и заклятий демона. У Малори, казалось, было неисчислимое количество времени, чтобы решить — куда же поставить ногу.

«У меня есть оружие,— думал он, казалось, кто-то подсказывает что-то нужное, ценное,— здесь в правой руке».

Малори слышал, что те, кто побывал в сражениях с берсеркерами, видел врага в различных обликах. Каждому человеку снился свой кошмар. Некоторым берсеркер виделся ужасным монстром, некоторым дьяволом, богом или человеком. А некоторые просто не могли заставить себя встретиться с врагом лицом к лицу даже в видениях. Оставалось только безудержное чувство ужаса.

Кошмар... Глаза закрыты, зрение спит, рот скован, обнаженное тело неподвижно — защитные поля укрывают его от тысячи гравитационных потоков, которые пересекает одноместный корабль. Кошмар, который нельзя стряхнуть, от которого нельзя очнуться. Пробуждение все же придет. И оно будет равнозначно смерти. Или победе.

В руке Малори появляется нож. Нож мясника. Острый, как бритва. Огромный, как топор гильотины. Он так огромен, что, кажется, его невозможно поднять... Уже нет мясного магазина дяди Малорина Йату, но нож он не сможет забыть. И острое лезвие вонзается в сон — без него нельзя обойтись.

Малори сжимает рукоять обеими руками, он идет вперед. Он все ближе к кафедре, высящейся впереди. На ней вырезано изображение дракона — там, где должен был быть ангел. И дракон оживает, чтобы дохнуть на мятежника алым огнем. Щитом, который возник из ничего, Малори укрывается от языков пламени.

За острыми остатками оконных стекол умирают огни Вселенной. Остановившись рядом с кафедрой, Малори заносит нож. Он хочет нанести удар. Его жертва — это высящаяся фигура. И больше уже не раздумывая, он наносит удар, его цель — эти темные крылья. Удар обрушивается на кафедру, но она устояла.

И тогда приходит Оно. Проклятье.

И дьявол готов овладеть душой.

Но образы мутнеют. Меньше секунды и — гаснет изображение. Еще несколько секунд — и память о сне умирает, оставляя за собой воспоминание о покойности.

Малори приходит в себя. Его глаза все еще закрыты, и мысль ищет забвения. Усталость после боя, истощение всех эмоций... Провода на его голове. Начинается мягкое покалывание. Это просто безопасный сигнал о том, что разум на грани одного из видов безумия. Шум превращается в раскат — свет, звук наполняют мозг, но в то же время, напоминают о том, что у него есть тело, руки и ноги...

И первая разумная мысль пробуждения: он только что сражался с берсеркером и выжил. Он победил — или, по крайней мере, не проиграл — иначе его уже не было бы. И это достижение...

* * *

С противниками, подобными берсеркерам, человечеству еще не приходилось встречаться. Они обладают разумом, могут притворяться, хитрить. Но они — не живые. Реликты давней межзвездной войны, которая уже позади. Автоматические, электронные машины — в основном, в виде военных космических кораблей. Их цель — уничтожение живого.

Йату — одна из последних колоний людей, подвергшихся нападению берсеркеров. И одна из самых удачливых — людей оттуда вовремя эвакуировали.

Малори — один из тех, кто в глубоком космосе должен сделать все, чтобы защитить «Надежду» — огромный пассажирский эвакуационный корабль. «Надежда» — сферической формы, несколько километров в диаметре, достаточно вместительная, чтобы разместить немалую часть населения планеты. Люди размещены в боксах. Дыхание их замедлено, обмен веществ — тоже.

Перелет в безопасную часть галактики занимает несколько месяцев. И большая часть времени придется на прохождение через район созвездия Таунарус. Здесь космос настолько загрязнен, что корабль не может лететь со скоростью выше скорости света. Даже те скорости, которые типичны для стандартного космоса, здесь невозможны. Стоит только набрать несколько тысяч километров в секунду — и корабль людей или берсеркер превратится в лепешку, столкнувшись с любым газовым выбросом.

Таунарус — замысловатое смешение неизвестными и не нанесенных на карту усиков и перьев размягченной материи, словно кружева, развешанной в коридорах относительно пустого пространства. Межзвездная пыль, прилетающая с солнечным ветром извне, рассыпана на большей части региона. Сквозь темные отливы и приливы, сквозь пыль Таунаруса летели корабль «Надежда» и его эскорт «Юдифь». И следом — берсеркеры.

Некоторые берсеркеры по размеру больше «Надежды», но те, кто бросились в погоню, невелики. В тех космических регионах, где так загрязнено пространство, малый объем означает большую скорость. Чем больше объем, тем больше сила сопротивления, а значит — тем хуже возможности ускорений.

«Надежда» плохо приспособлена для того, чтобы сражаться с берсеркером (спешка при эвакуации не дала возможности выбирать), корабль, вряд ли, сможет уйти от более быстрого врага. Поэтому эскортирующий корабль «Юдифь» держится между «Надеждой» и преследователями.

«Юдифь» — «материнский» корабль для маленьких боевых истребителей, высылающий своих «детей», когда враг близко, и с нетерпением ожидающий их возвраще-

ния... Когда погоня началась, одноместных истребителей было пятнадцать. Сейчас — только девять.

Шумы постепенно стали глуше, затем прекратились совсем. Разум Малори приобрел способность мыслить. Отключение защитного поля было знаком того, что скоро Малори присоединится к миру бодрствующих.

Как только его истребитель № 4 вошел в гаражный отсек «Юдифи», Малори быстро освободился от проводов своего крошечного корабля. Надев свободный костюм, он выбрался из корабля. Худой, угловатый, неуверенными шагами он шел по узкой дорожке, шаги его глухо отдавались от металлических стен ангара. Тричетыре истребителя уже вернулись и стояли на своих местах. Искусственная гравитация была стабильной, но Малори спотыкался и даже чуть не упал, торопясь добраться до короткой лестницы, ведущей в отсек управления.

Петровиш, командир «Юдифи» — грузный человек среднего роста с суровыми чертами лица, уже ждал его.

— Я... я уничтожил его? — заикаясь, спросил Малори. Субординация и так редко соблюдалась на борту «Юдифи», а Малори не был даже военным. То, что ему было разрешено сесть за панель управления истребителя, было знаком отчаяния командира, а не доверия.

Бросив сердитый взгляд, Петровиш хмуро ответил:

— Малори, у вас нет никакого чутья, как управляют истребителями.

Малори показалось, что все подернулось сероватой пеленой. До этого момента он не подозревал, как ему хотелось славы. Он смог только пробормотать:

— Но... я думал, что поступал так, как нужно.

Малори попытался припомнить свои впечатления от боя. Кажется, что-то связанное с церковью...

— Двое людей должны были повернуть свои корабли, чтобы спасти вас. Они ушли от боя для этого. Я уже просмотрел пленки и данные схватки. Ваш четвертый номер кружил вокруг берсеркера так, как будто вы вообще не стремились причинить ему какой-либо вред.

Петровиш посмотрел на него более пристально, передернул плечами и более мягко сказал:

— Я не пытаюсь вас отчитывать. Вы, наверняка, даже не знали, что происходит. Я просто излагаю факты. Спасибо, что «Надежда» находилась выше дегидриново-

го облака, на двадцать градусов по системе АИ над боем. Если бы она была замечена, то враг захватил бы ее.

— Но... — Малори хотел что-то сказать еще, но капитан отошел от него. Появились другие летчики. Защелкали камеры входа. У командира есть более важные задачи, чем спорить с Малори. Тот стоял еще несколько мгновений, полностью оглушенный. Непроизвольно он бросил взгляд на экран, показывающий гараж, его номер четыре. Вокруг небольшого цилиндра без окон, лежащего в своей металлической колыбели, уже копошились рабочие-техники. Лазерная пушка истребителя, после того, как она попала в кислородную среду, начала дымиться. Пушка. Нож, который он держал двумя руками.

Ни один человек не мог сравниться с машиной в деле управления кораблем. Нервная система, склонность разума к не очень быстрому просчету вариантов делали человека только контролером действий своего корабля во время боя с берсеркерами. Хотя подсознание не было таким уж ограниченным. Некоторые процессы не могли быть соотнесены с непосредственными реакциями головного мозга, теоретики предполагали, что отдельные реакции не имеют временных параметров. Хотя терапевты нередко возражали. Что касается условий космического боя — гипотеза теоретиков работала лучше.

Во время схватки компьютеры берсеркеров были подсоединены к сложным приборам просчета вероятностей, которые должны были учитывать труднопредсказуемые возможности победы над противником, стремящимся тоже к успеху, но более примитивным методом — с учетом простого накопления мелких удач. Люди использовали компьютеры для управления кораблем, но более полагались на свой собственный ум, который часто был не столь поспешен. Порой человеческий разум был быстрее молнии, иногда неподвижен, как твердый лед.

Некоторые люди (и среди них, как выяснилось, был Малори) просто не годились для противостояния берсеркерам. Их подсознание оставалось равнодушно к делу жизни и смерти. Даже у тех, кто бы мог принимать участие в боях, подсознание было подвержено стрессам. Человеческий разум нередко устанавливал связь с компьютером, которую порой было трудно объяснить. Порой эта связь подавляла человека.

Некоторые пилоты после первого боя впадали в исте-

рику Их здравый ум мог быть восстановлен, но подобный человек уже не был в состоянии стать участником компьютерных битв.

Методика была новой, и недостатки совместной работы человека и машины только последнее время стали проявляться на борту «Юдифи». Опытные летчики-истребители тоже не всегда выдерживали, их приходилось заменять. Именно поэтому Иан Малори, историк, и некоторые другие были посланы в бой. Использование даже неопытных людей все-таки позволило выиграть время.

* * *

Из комнаты управления Малори направился в свою каюту. Он уже давно ничего не ел, но голода не ощущал. Малори переоделся и сел на единственный стул, тупо глянул на книги, пленки, скрипку. Он ждал, что его вызовет Петровиш. Потому что Петровишу больше некого вызвать.

Он даже улыбнулся, когда включился сигнал связи и пришло сообщение всем офицерам собраться. Малори очнулся от забытья, взял с собой небольшой коричневый кожаный кейс, который он выбрал из нескольких сотен аналогичных кейсов, хранящихся в комнате, прилегающей к его каюте. Кейс был помечен надписью: «Сумасшедшая лошадь».

Петровиш поднял голову, когда Малори вошел в небольшую комнату для совещаний, где офицеры корабля уже собрались за круглым столом. Командир глянул на кейс Малори и кивнул:

— Кажется, у нас нет выбора, историк. Людей не хватает. Мы решили использовать твои псевдоперсоналии. К счастью, в наших боевых кораблях есть необходимые адаптаторы.

— Я думаю, шансы на успех велики, — сказал Малори ровным голосом и занял свободный стул. Кейс он положил на середину стола. — Конечно, речь не идет о реальных системах подсознания. Но мы с вами уже пришли к выводу о том, что может быть обеспечена более сложная вероятностная подсистема. Каждый обладает уникальной, пусть искусственной, индивидуальностью.

Один из офицеров подался вперед:

— Большинство не присутствовали на ваших предшествующих дискуссиях. Не можете ли вы ввести нас в курс дела?

— Конечно,— Малори прочистил горло.— Эти персоналии, как мы их называем, используются для компьютерной стимуляции некоторых проблем. У меня их несколько сотен. Я везу их с Йату. Многие — модели военных,— он положил руку на кейс.— Это — реконструкция персоналий одного из наиболее опытных предводителей конных войск в древнем Египте. Он — один из тех, кого мы выбрали для участия в первой схватке. Я принес этот кейс для демонстрации структуры и проекта. Каждая личность содержит около четырех миллионов прокладок плоскостной материи.

Еще один офицер поднял руку:

— Как вы можете в точности воссоздать персоналии кого-либо, кто умер задолго до того, как появилось первое записывающее устройство?

— За точность мы действительно не ручаемся. Мы пользуемся историческими записями и тем, что мы дедуцируем из компьютерной базы данных о эпохе. Они — только модели. Но они могут принять участие в битве, как это бывает во время исторических демонстраций. Агрессивность, твердость намерения — их основные качества...

Совершенно неожиданный звук взрыва заставил всех вскочить на ноги почти одновременно. Через мгновение раздался еще более мощный звук, заставивший содрогнуться весь корабль. Малори был уже у двери, бросившись к своей станции, когда третий взрыв, казалось, поднял в воздух мебель... Он был подобен звуку, который будет сопровождать конец Галактики.

Одна мысль была четкой — приближающаяся смерть несправедлива... Через несколько секунд он даже не думал ни о чем.

Возвращение в этот мир не было приятным. Он понимал, что «Юдифь» повреждена, но поскольку в отсеках остался воздух, значит, открытых пробоин нет. Гравитация не исчезла. А жаль. Невесомость могла бы быть даже приятна — тело Малори превратилось в сплошную ноющую боль, центр которой — его мозг. Даже представить себе, что кто-то касается его головы, было невозможно.

В конце концов необходимость узнать, что же про-

изошло, заставило его поднять голову. Надо лбом была шишка, на щеках запеклась кровь от множества царапин. Наверное, он был без сознания довольно долго.

Комната заседаний завешена обломками. Скрюченные тела замерли в последнем своем движении... Неужели он — единственный, кто уцелел? Стол был разнесен на щепки, переборка пробита. А что это за огромный незнакомый прибор в другом конце комнаты? Высокий, как шкаф, но более сложный. Какие странные ножки! Кажется, они движутся...

Малори замер в ужасе, потому что «шкаф» действительно двигался, помигивая лампочками и линзами.

И тут Малори понял, что это берсеркер, который изучает его. Небольшой экземпляр, используемый для захвата человеческих кораблей.

— Иди сюда,— сказал берсеркер. У него был скрипучий голос — пародия на человеческий.

Записанные голоса пленников перерабатывались компьютером, проходили электронную обработку и вкладывались в речевой аппарат берсеркера.

Живая жизнь очнулась. Плохо.

Малори с испугом подумал, что речь идет о нем. Он не мог пошевелиться. Затем сквозь дыру в переборке пробрался человек, которого Малори раньше никогда раньше не видел неприятный человек в темном костюме, который, наверное, был перекоен из военной формы.

- Да, очнулась, сэр,— сказал человек машине. Он говорил на традиционном межзвездном языке глухим нечетким голосом с необычайно сильным акцентом. Человек подошел к Малори:

— Ты понимаешь меня?

Малори кивнул, пытаясь занять более удобное положение. Голова продолжала болеть, перед глазамиплыли круги, но все-таки он попробывал сесть.

- Я хочу спросить,— продолжал незнакомец,— как ты хочешь, чтобы тебе было легко или трудно?

Малори вопросительно посмотрел на человека.

— Я имею в виду твой конец,— голос незнакомца был сух и беспристрастен.— Я, например, уже решил, что моя смерть будет быстрой, легкой и не очень скоро. Я еще многое хочу успеть повидать. И повеселиться.

Невзирая на ужасную головную боль, Малори начал понемногу понимать происходящее.

Малори слышал, что среди людей находились такие, которые сотрудничают с берсеркерами. Очевидно этот человек как раз относился к их числу. Но Малори не знал еще добровольно или нет этот человек стал сотрудничать с берсеркерами.

— Я хочу легкой смерти,— сказал Малори. Он откинул голову и закрыл глаза. Голова продолжала ужасно болеть. Малори потер лоб стараясь ослабить боль.

Человек посмотрел на него.

— Хорошо,— сказал он наконец. Повернувшись к машине, незнакомец поклонился и заискивающим тоном сказал:

— Я могу заняться этой поврежденной жизнью. Не будет никаких проблем если вы предоставите это дело мне.

Машина повернула к своему слуге глаза, а точнее вправленные в металл линзы.

— Помни,— сказал берсеркер.— Вспомогательные средства должны быть готовы вовремя. Время сокращается. Неудача принесет неприятные сюрпризы.

— Я помню, сэр,— голос человека был искренним и подобострастным.

Робот еще раз посмотрел на людей, затем металлические ноги задвигались — ритмично, почти грациозно. Вскоре Малори услышал знакомый звук включенного кондиционера.

— Мы сейчас одни,— незнакомец посмотрел на Малори сверху вниз.— Если ты хочешь знать мое имя, то давай познакомимся. Меня зовут Гринлиф. Я вижу ты не сопротивляешься. Правильно делаешь. Не стоит этого делать. Бесполезно.

Малори внимательно посмотрел на своего противника. Он был немного крупнее Малори, но у него были огромные кулаки. Несмотря на некоторое уродство, он выглядел довольно тренированно.

— Особого выбора у тебя нет,— продолжал Гринлиф,— по сути ты — счастливчик, хотя вряд ли осознаешь это. Берсеркеры не похожи на тех хозяев, которым привыкли служить люди — правительствам, партиям, промышленным корпорациям, которые используют тебя, а потом ты предоставлен сам себе. У берсеркеров все по-другому. Когда ты им больше не нужен, то они просто убивают тебя — быстро и безболезненно — особенно если ты хорошо работал. Я не раз видел, как они это

делают. А почему бы и нет? Их цель убить нас, а не заставить страдать.

Малори молча слушал эту исповедь. Сознание постепенно возвращалось к нему. Боль в голове начала понемногу отпускать. Он попробовал пошевелить ногой. Еще немного времени и ему удастся наверное встать.

Гринлиф (имя было таким неподходящим*, что Малори подумал: оно вполне может быть настоящим) вынул из кармана какой-то прибор и настроил его. Маленькая коробочка без особого труда умещалась у него на ладони.

Сколько еще кораблей экспортирует «Надежду», военных кораблей? – спросил Гринлиф.

Я не знаю, – Малори лгал. Единственным эскортирующим кораблем была «Юдифь»

Как тебя зовут? продолжал Гринлиф, глядя неотрывно на свой прибор.

Иан Малори.

Гринлиф кивнул головой, но его лицо осталось беспристрастным. Он подошел к Малори и изо всех сил ударил его ногой. Малори со стоном упал на пол.

Не стоит лгать, Иан Малори, – его голос донесся до Малори откуда-то издалека. Голова его опять стала соображать с большим трудом. Малори с большим трудом удержался, чтобы не потерять сознание.

Я без труда могу узнать, когда ты лжешь. Итак, сколько еще боевых кораблей эскортирует «Надежду»?

Малори с трудом сел и выдавил из себя:

Только один.

Неизвестно, был ли у Гринлифа действительно детектор лжи или он только делал вид, что это так, только на этот раз слуга берсеркеров удовлетворенно кивнул.

Малори решил, что постарается говорить правду. Если его ударят еще несколько раз, то он превратится в калеку, а потом роботы его просто добьют. Малори очень остро ощутил, что ему не хочется расставаться с жизнью.

Какова твоя должность, Малори?

Я не военный.

И кто же ты?

Историк.

А почему ты здесь?

* Гринлиф в переводе с английского «зеленый лист»

Малори вначале хотел подняться на ноги, но потом решил, что лучше остаться на полу. Сопротивление бессмысленно. Если он сейчас начнет размышлять о своем положении, то, вряд ли, сможет потом разумно рассуждать.

— Был разработан проект. Я везу с Йату ряд разработок того, что мы называем историческими моделями — блоками программирования реакций, которые мы используем в некоторых исследованиях.

Я что-то слышал. Так что это за проект?

Его цель — использовать персоналии военных в качестве нападающих моделей для операционных компьютеров на боевых кораблях.

Так,— Гринлиф вздохнул, задумался. Его уродство теперь бросалось в глаза еще более, чем раньше.

И как они работают во время боя? Наверное, лучше, чем подсознание живых, реальных пилотов? Машины знают это на собственном примере.

У нас не было пока возможности использовать проект. А что стало с экипажем «Юдифи»? Все мертвы?

Гринлиф небрежно кивнул.

— Это был легкий бой. Ваша система защиты крайне примитивна. Я рад, что мы обнаружили хоть одного живого человека, который готов сотрудничать. Мне это поможет. Я ведь тоже делаю карьеру,— он глянул на дорогой хронометр, поблескивающий на грязном запястье. Вставай, Малори. Есть дело.

Малори с трудом встал и они направились на пульт управления. По дороге Гринлиф продолжил свой рассказ:

Машины и я уже осмотрели все. Эти девять небольших боевых кораблей, которые находятся на борту, могут нам пригодиться. Машины, конечно, нагонят «Надежду», но на ней есть автоматические поля защиты, возможно, лучшие, чем на этом корабле. Догоняя ваш корабль, машины тоже понесли потери, поэтому мы хотели бы использовать ваши истребители как дополнительные средства атаки. Их можно будет подставить под огонь врага в первую очередь. Это поможет определить систему защиты «Надежды». Зачем тратить свои силы, когда можно использовать в самом опасном месте чужие. Вы ведь знакомы с основами военной истории?

— Немного,— ответ не был четким, но, кажется, собеседник Малори решил пока не пользоваться детектором лжи.

— Тогда вы, наверное, знаете, что военачальники на древней Земле использовали заложников. Их гнали впереди основных вооруженных сил. Их убивали, стоило им попятиться, те, кто шли следом. Или же их убивали свои же.

Когда они пришли в комнату управления, Малори заметил, что поврежденных было немного. Через стекло, выходящее в ангар, было видно, что девять маленьких истребителей стоят на своих местах, готовые к бою.

— Малори, глядя на эти корабли еще тогда, когда ты был без сознания, я предположил, что они не снабжены полностью автоматической системой управления, которую можно было бы использовать.

— Да. Должен быть контролирующий разум, иными словами — подающая модель, функционирующая на борту.

— Ты и я должны приспособить эти истребители для использования их берсеркерами, Иан Малори, — Гринлиф вновь глянул на свои часы. — У нас меньше часа, чтобы найти способы, как это сделать, и еще несколько часов, чтобы реализовать. Чем быстрее — тем лучше. Если мы затянем дело, то нам придется плохо. Что ты предлагаешь?

Малори открыл было рот, чтобы что-либо сказать, но так и не решил, что именно.

Гринлиф высказался сам:

— Установка кого-либо из твоих персоналий? Этого мы не можем себе позволить. Они, вряд ли, захотят превращаться в пушечное мясо. Я думаю, среди них, в основном, лидеры, начальники. Но, видимо, среди персоналий есть представители различных сфер деятельности? Более послушные и менее боевые?

Малори пододвинул к себе стул. Он тщательно взвешивал каждое слов:

— На борту есть несколько персоналий, которые меня очень интересуют. Пойдемте!

Он встал. Гринлиф последовал за ним в комнату Малори.

Когда они пришли, то историк с удивлением обнаружил, что здесь все по-старому, это показалось даже странным. Над кушеткой висела скрипка, на столе — лежало несколько книг и стояли кассеты с записями любимых композиторов. И здесь же, аккуратно упакованные в кейсы из гофрированной кожи, — некоторые

персоналии, которым Малори отдавал предпочтение.

Малори взял верхний кейс из стопки.

— Вот здесь — скрипач, как и я. По крайней мере, я себя таковым считаю. Я думаю, его имя, вряд ли, скажет вам что-нибудь.

— Я никогда не интересовался музыкой. Но расскажите подробнее.

— Он жил на Земле, в двадцатом веке по стандартному календарю. Религиозный человек, как мне кажется. Мы сможем вызвать его и спросить, что он думает о войне и мире, если вы хотите.

— А это возможно?

— Конечно!

— Тогда вызывайте!

Малори указал на нужные гнезда подключения на компьютерной памяти, Гринлиф сам подсоединил провода.

— И как же общаться?

— Просто. Говорите!

Гринлиф обратился к кожаному кейсу. Голос его был отрывист и, как показалось Малори, немного взволнован:

Ваше имя?

— Альберт Волль, — голос, донесшийся из компьютерного говорителя, казался более человеческим, чем голос ушедшего берсеркера.

— Как вам нравится мысль о том, чтобы принять участие в войне, Альберт?

— Отвратительная мысль.

— Вы хотите сыграть нам на скрипке?

— С удовольствием.

Лицо Гринлифа перекошилось от негодования. Наступила минутная пауза. Но никакой музыки не последовало. Малори пояснил:

Необходимо подключиться к более сложному компьютеру. Тогда можно будет слушать и музыку.

— Не думаю, что она нам так уж нужна.

Гринлиф отключил Альберта Волля и начал просматривать другие кейсы, хмурясь при виде незнакомых имен. В комнате Малори было всего двадцать — двадцать пять кейсов.

— Кто они? — спросил Гринлиф.

— Современники Альберта Волля. Исполнители, музыканты, — Малори, чтобы хоть немного расслабить-

ся, присел на кушетку. Он чувствовал постоянное головокружение. Но затем он вновь поднялся и подошел к стопке с персоналиями.

— Это — Эдвард Маннок. Он был слеп на один глаз. И не мог пройти комиссию, которая отбирала людей для службы в армии. А здесь,— Малори указал на другой кейс,— человек, который крайне недолго служил в кавалерии, но однажды лошадь его сбросила, и он был переведен в интендантский взвод. А здесь — персоналия молодого человека, который умер в возрасте двадцати трех лет.

— Отчего он умер? — внезапно спросил Гринлиф, глядя на свой прибор.

— От туберкулеза.

Гринлиф сделал резкий выпад и ударил Малори своим огромным кулаком в живот. Тот сложился пополам, ожидая нового удара. Если так будет продолжаться, и дальше, то он скоро отойдет в «лучший» мир.

— Да,— пробормотал Малори.— Он умер по другой причине. Его убили. Но у него действительно был туберкулез.

— Хорошо,— сказал Гринлиф с хмурой ухмылкой, вновь взглянув на детектор лжи. Затем он улыбнулся. Как это ни странно, улыбка придала его лицу доброжелательности.

— Хорошо. Музыканты, и я предполагаю, терпеть не могут войну. Если машины одобряют, то мы сможем установить их и отправить истребители. Иан Малори, я увеличу ваше жалованье,— его улыбка стала еще шире.— Мы сможем, я думаю, выкупить еще один год жизни, если, конечно, все пройдет хорошо.

— Рад стараться, сэр,— Малори попытался при этом молодцевато стукнуть каблуками, но потерял равновесие и чуть было не упал. Боли в голове и животе давали о себе знать.

— Ничего, ничего,— в голосе Гринлифа послышалась, чуть ли не отеческая забота.— Присядь, отдохни.

Когда берсеркер-хозяин вновь появился у них перед глазами, Гринлиф поклонился и попытался объяснить ему суть проекта. Малори, маячивший у него за спиной, с удивлением обнаружил, что тоже кланяется.

— Приступайте,— сказал берсеркер.— Если вы не поторопитесь, то корабли могут попасть в космическую бурю, которая бушует впереди по курсу нашего полета.

Затем машина вышла. Видимо, у нее были какие-то свои дела.

Гринлиф и Малори принялись за дело. Страх перед смертью придал им новые силы.

Установка персоналий, проводимая в четыре руки, шла довольно быстро и гладко.

Необходимо было открыть кабину истребителя, вставить персоналию в адаптатор, настроить режим, присоединить все кабели и провода, все проверить и вновь закрыть кабину.

Поскольку необходимо было торопиться, то тестирование персоналий свелось к получению ответа от каждого испытуемого уже после того, как он был установлен в кабине.

Большинство вопросов на ответы касалось погоды (в те дни, которые уже давно стали прошлыми), уставших меня, а также примитивный обмен любезностями (например, расспросы о здоровье).

Все кажется, шло хорошо. Но все же Гринлиф несколько колебался. Он сказал об этом Малори.

— Я надеюсь, эти чувствительные джентльмены выстоят в суровых условиях, когда узнают, что от них требуется.

— Это будет для них захватывающий опыт. Машины не ожидают хороших бойцов, но ваши персоналии все же не должны впадать в кому.

Малори, страшно измотанный, устанавливал номер восемь. Внезапно голова его закружилась. И он чуть не свалился с покатою обшивки.

— Малори, если вы немедленно не очнетесь, то я вас убью.

Одну минуту отдыха, сэр.

— Нет, нам надо торопиться.

И они продолжали трудиться.

— Они должны осознать ситуацию через несколько минут после запуска. Но только в общих чертах. Я не думаю, что они смогут понять: вокруг них — межзвездное пространство. Вы, наверное, были военным. Если они согласятся сражаться, то я оставляю на вас решение вопроса, как поступить с неповинующимися солдатами.

После того, как в корабль номер восемь была установлена персоналия, раздался голос испытуемого:

— Я хочу, чтобы мой аэроплан покрасили в красный цвет.

— Сейчас, сэр,— быстро сказал Малори и закрыл люк, направившись к кораблю номер девять.

— Что все это значит? — нахмурился Гринлиф, глядя на свой прибор.

— Я думаю, что маэстро уже осознал, что он в каком-то средстве передвижения. И ему показалось приятным, если его средство передвижения будет красным, потому что...— Малори стал открывать люк номер девять и не закончил фразу.

Наконец все корабли были готовы. Положив палец на «пуск», Гринлиф посмотрел на Малори.

— Мы уложились вовремя. Нас должны наградить, если все сработает,— его голос перешел на торжественный шепот,— должно сработать. Вы когда-нибудь видели, как с живого человека сдирают кожу?

Малори вздрогнул. Оперся на пульт

— Я сделал все, что мог.

Гринлиф включил «пуск». Раздались шорохи открываемых воздушных камер. Девять истребителей стартовали, одновременно ожила голограмма перед пультом управления. В середине ее маячили «Юдифь», обозначенная зеленым значком. Девять маленьких светлых точек зажглись рядом. В отдалении маячили красные точки — флотилия берсеркеров, которая преследовала «Надежду» и ее эскорт. Малори хмуро отметил, что красных точек не меньше пятнадцати.

— Главное,— Гринлиф говорил, словно обращаясь к самому себе,— чтобы они боялись врага, не меньше, чем своих хозяев.— Он нажал на клавиши и командным голосом произнес: — Внимание! Номера с первого по девятый. На вас нацелены мощнейшие пушки, любая попытка неповиновения или побега будет пресечена самым суровым образом...

Он продолжал инструктаж, а Малори в это время смотрел на экран; он увидел, что космический шторм, предсказанный берсеркером, приближается. Поток атомных частиц направляется в их сектор и должен был вскоре пересечь траекторию «Юдифи» и той необычной «гибридной» флотилии, которая двигалась рядом с нею. «Надежда» же может использовать эту бурю к своей выгоде и постараться увеличить разрыв между собой и преследователями, если те не смогут развить большую скорость.

Видимость на функциональном дисплее стала ухуд-

шаться, Гринлиф перестал давать наставления истребителям, когда понял, что контакт прерывается. Неестественные голоса берсеркеров продолжали доходить до кораблей под номерами один — девять только во время кратковременных затиший. Погоня за «Надеждой» продолжалась.

В течение некоторого времени в кабине управления воцарилась тишина, изредка прерываемая шумами, доносившимися с дисплея. Через стекло были хорошо видны опустевшие ангары.

— Ну, вот, — сказал Гринлиф, немного помолчав. — Геперь осталось только ждать. И переживать.

Он улыбнулся, его лицо странным образом изменилось, казалось, он доволен.

Малори с любопытством посмотрел на Гринлифа:

— Как вы... Как вам удалось так хорошо со всем справиться?

— А почему нет? — Гринлиф оторвался от бесполезного теперь пульта, — знаете, когда человек отказывается от своей жизни, признает, что он уже мертв в «той» жизни, то он вполне может признать, что «эта» жизнь имеет свои преимущества. Иногда мы даже встречаемся с женщинами, когда хозяева захватывают новых пленных.

— Хорошая жизнь, — сказал Малори. Это определение было весьма многозначным. Но теперь он уже ничего не боялся.

— Хорошая жизнь, как она есть, маленькая прелесть, — Гринлиф продолжал улыбаться. — Я знаю, что ты продолжаешь смотреть на меня сверху вниз. Но ты уже столь же далеко зашел, сколь и я. Ты это осознаешь?

— Мне просто жалко тебя.

Гринлиф беззлобно рассмеялся и с сожалением покачал головой:

— Знаешь ли, возможно, моя жизнь будет более долгой и более безболезненной, чем жизнь любого другого человека. Вот, например, ты сказал, что одна из твоих персоналий умерла в возрасте двадцати трех лет. В ту эпоху это был обычный возраст, когда люди умирали?

Малори, все еще опираясь на пульт, едва заметно улыбнулся:

— В то время на европейском континенте многие

умирали даже раньше. Ведь шла первая мировая война.

— Но ты сказал, что он умер, кажется, от какой-то болезни?

— Нет. Я сказал, что он был болен. Туберкулезом. Без сомнения, он бы от него умер, но немного позже. Но он умер в 1917 году, в месте, которое называли Бельгия. Во время боя. Его тело так и не было найдено, насколько я помню; возможно, артиллерийские снаряды разорвали его аэроплан.

— Аэроплан? О чем вы говорите?

Малори выпрямился, перестал опираться на пульт. Тело его продолжало болеть, но он превозмог боль, и глядя Гринлифу прямо в глаза, твердо произнес:

— Я хочу сказать вам, что Георг Тейнемор — а так его звали — сбил пятьдесят вражеских самолетов до того, как его самого сбили. Подождите! — голос Малори еще более громким и решительным, когда он увидел, что Гринлиф страшно удивлен и явно собирается его вновь ударить. — Прежде чем причинить мне боль, лучше подумайте, кто победит в скорой схватке — ваши машины или «Надежда».

— Схватке...

— Девять истребителей против пятнадцати или чуть более кораблей берсеркеров. Но я не отчаиваюсь. Персоналии, которых мы с вами монтировали, не дадут себя уничтожить за недорого возьмешь.

Гринлиф уставился на Малори, затем отвернулся, чтобы посмотреть на приборы. Дисплей был по-прежнему пуст. Доносились только какие-то невнятные шумы. Гринлиф медленно опустился на стул.

— Что вы сделали со мной? — пробормотал он. — Это сборище музыкантов-инвалидов... Но не могли же вы лгать?

— Нет — нет, все, что я говорил, правда. Не все военные пилоты первой мировой войны были инвалидами, конечно. У некоторых было совершенное здоровье — ну прямо-таки фанатики физического совершенства. Я не говорил, что они все музыканты, хотя хотел, чтобы у вас создалось такое впечатление. Волль был самым музыкальным среди пилотов, но все же он только любитель. Он любил говорить, что терпеть не может свою основную профессию.

— Гринлиф поежился на стуле. Казалось, что он на глазах стареет.

— Но один был полуслеп... Разве это возможно?

— Так же думали врачи, когда выпускали Эдварда Маннока из лагеря для интернированных. Ему удалось обмануть комиссию. Конечно, трагедия всех этих необычайно одаренных людей в том, что им приходилось убивать. В те годы не было берсеркеров, или по крайней мере, они были недостижимы для аэропланов и зениток. Я считаю, что людям всегда приходилось воевать с кем-то вроде берсеркеров, но это были не берсеркеры в нашем с вами смысле этого слова.

— Я хочу понять все до конца,— голос Гринлифа стал почти умоляющим.— Значит, мы послали персоналии девяти военных летчиков.

— Девяти прекрасных военных летчиков. Я знаю, что общее число сбитых ими вражеских самолетов более пятисот. Конечно, это число, возможно, немного преувеличено...

Вновь установилась тишина. Гринлиф медленно повернулся к дисплею. После шторма помехи уменьшились.

Малори, который сидел, вновь встал. Голограмма явственно показывала один сверкающий символ, который, невзирая на помехи, приближался к «Юдифи»

Символ был ярко-красного цвета. Берсеркер...

— Ну, вот,— сказал Гринлиф, тоже вставая. Он вытащил из кармана маленький револьвер и направил его на Малори. Тот болезненно вздрогнул. Гринлиф покачал головой:

— Нет. Пусть лучше хозяева займутся тобой сами.

Когда раздался щелчок открывающейся воздушной камеры, Гринлиф поднял револьвер к собственному виску. Малори хотел, но не мог отвести глаза. Когда дверь начала отворяться, Гринлиф выстрелил.

Малори бросился вперед и выхватил револьвер из мертвой руки Гринлифа еще до того, как тело упало на пол.

Он нацелил его на дверь. На пороге стоял берсеркер. Тот же самый, которого они уже видели или, по крайней мере, такой же модели. Но все же очень многое изменилось. Одна металлическая рука беспомощно свисала, с трудом удерживаясь на проводах. Все тело было в мелких пробоинах, а голова изучала своего рода сияние — видимо, шла быстрая утечка энергии.

Малори выстрелил, но это не причинило машине

никакого вреда. Берсеркер даже не обратил внимания на его выстрел. Карманный револьвер, который берсеркеры позволили иметь Гринлифу, вряд ли мог быть теперь полезен Малори. Не обращая на него пока внимания, робот склонился над телом Гринлифа.

Пр-пр-предательство,— проскрипел голос.— Сильное... неприятное... сильное... неприятное... стимул. Плохой организм... плохой.

Малори сделал резкий выпад и изо всех сил ударил рукоятью револьвера, стараясь уходить в одну из пробин, которую проделал Альберт Волль, или Франк Льюк, а может быть, Вернер Возз. Да любой из девяти, кто догадался, как должным образом применять лазерное оружие.

Внутри берсеркера что-то хрустнуло, он упал на распростертое тело Гринлифа. Сияющий нимб вокруг его головы потух.

Малори попятился, глядя на двух поверженных врагов. Затем посмотрел на дисплей. Красная точка удалялась от «Юдифи». Тот корабль, который она представляла, утратил своего хозяина.

Из штормового облака показалась зеленая точка. Через несколько минут номер восемь попытался установить контакт с «материнским» кораблем. Истребитель был поврежден в нескольких местах.

— Свидетельствую о еще четырех победах,— сообщил номер восемь, как только Малори включил приемное устройство.— Меня удачно поддерживали мои товарищи. Все они возвращаются следом. Ради Отечества мы готовы на все. Хотя враг превосходил нас вдвое, я надеюсь, ни один из них не ускользнул. Но я продолжаю выражать протест — почему мой аэролан не выкрасили в красный цвет?

— Я прослежу за этим, майн герр,— пробормотал Малори.

Корабль подлетел к «Юдифи» и занял свое место в ангаре. Малори начал отключать персоналию. Он почувствовал, что было несколько глупо заверять гладкую пластину и провода в чем-либо. Но Малори все равно крайне бережно понес персоналию к столу, на котором стояли пустые кейсы с надписями:

АЛЬБЕРТ ВОЛЛЬ;

ВИЛЬЯМ АВЕРИ, ЕПИСКОП;

РЕНЕ ПОЛЬ ФОНК;

ГЕОРГ МАРИЯ ТЕЙНЕМОР;
ФРАНК ЛЬЮК;
ЧАРЛЬЗ НАНГЕССЕР;
МАНФРЕД ФОН РИШТХОФЕН;
ВЕРНЕР ВОЗЗ.

Англичане, американцы, немцы, французы, евреи. Скрипач, инвалид, мятежник, обольститель, человеконенавистник, христианин, иудей...

Этот список можно было продолжить. Но одно было, что объединяло их всех и что можно было выразить одним словом — ЧЕЛОВЕК.

Люди, живые люди сейчас на расстоянии многих миль от Малори. Но он не чувствовал себя одиноким.

Истребители возвращались один за другим, потрепанные, израненные. Малори снимал персоналии и укладывал пластины в кейсы с нежностью, даже зная, что сила во много раз больше, чем сила его рук, не сможет их повредить.

Когда он садился в истребитель, чтобы попытаться догнать «Надежду», то захватил с собой один из кейсов с надписью: «ВЕРНЕР ВОЗЗ».

— Ну, вот мы с тобой остались вдвоем, Красный Барон.

Реальному человеку, с которого смоделирована персоналия, было всего двадцать шесть, когда его самолет был сбит над Францией. После восемнадцати месяцев непрерывных успехов. Но до этого он некоторое время служил в кавалерии. И его лошадь не один раз сбрасывала своего седока...

ТРОН БЕРСЕРКЕРА

ГЛАВА I

Уже много лет небо над симпатичной и зеленой планетой Салютай не таило угроз. И сегодня небеса дневной стороны были базоблачны, а лик планеты в полдень сверкал тысячами красок цветущего лета в зените. В этот день на Салютае отмечали Праздник Жизни — самое крупное из ежегодных торжеств. Ровно в полдень по городским улочкам, усыпанным свежими цветами, проходило народное шествие. Этот очень маленький городишко перерезало множество каналов, их было так же трудно пересчитать, как и улицы. Сегодня каналы Салютая, как и мостовые, были украшены массой сочных и ярких цветов.

Улицы, набережные каналов и городские здания звенели под полуденным солнцем, эхом откликаясь на многочисленные музыкальные звуки и песни, исполняемые одновременно. Между домами, улицами и каналами были протянуты гирлянды из живых цветов и растений, вычурно украшенных.

В центре медленно продвигающейся церемониальной процессии полз широкий, приземистый автомобиль с прозрачной полусферической кабиной, внутри которой восседала Императрица Восьми Миров. Эскорт, окружавший экипаж, был немногочисленен. Он двигался нарочито неторопливо, что позволяло любому из городских зевак поглазеть на Императрицу и сопровождающую ее свиту вблизи. А многие и в городе, и на планете вообще лишь об этом и мечтали. Восторженная толпа салютайцев состояла исключительно из гуманоидов земного происхождения, на нескольких языках выкрикивающих имя своей Императрицы.

Когда автомобиль с прозрачным салоном проползал мимо них, отдельные личности размахивали петициями, время от времени поднимая транспоранты и знамена в знак защиты той или иной благородной цели.

Салютайское солнце было еще в зените, когда главный автомобиль с эскортом марширующих демонстрантов и прочими экипажами выплыл из квартала узеньких улочек старого города, чтобы сразу же оказаться на фоне сельского пейзажа, где перемежались на высоком агротехническом уровне обработанные поля с нетронутой целиной.

Здесь, на обширном, напоминающем парк, пространстве Парад поджидало еще большее скопище ослепительных подданных.

Собравшихся здесь составляли в основном работельственные рабочие да ряженные, специально нанятые, и доставленные по подземке из ближайшей столицы. Однако, большинство из них все-таки пришло сюда по зову сердца, чтобы приветствовать символ Монархии, еще достаточно популярной у Салютайцев.

Но именно в этой многочисленной толпе и было задумано нечто, разнящееся с проявлениями верноподданных настроений.

В глаза бросалось отсутствие кинокамер, корреспондентов с микрофонами, ощущался молчаливый протест.

Как только недовольных митингующих становилось больше, словно из-под земли вырастали люди в форме службы безопасности, старающиеся тут же рассеять кучки вольнодумцев, избегая насилия и шума. Раненых не было. Салютайцам была свойственна традиционная вежливость и этикет, и в подавляющем большинстве своем они были непривычны к организованной жестокости, по крайней мере, в отношении к своим согражданам и близким.

Но вот, все еще окруженная цветами, под гул, в основном, радостных голосов, процессия замерла на берегу широкого открытого канала. Среди внезапно возросшего присутствия сил безопасности, в полной экипировке, Императрица, высокая и все еще стройная, несмотря на преклонный возраст, вышла из приземистого автомобиля в окружении церемонных придворных и спустилась на несколько ступенек к причалу. Там она ступила на борт богато украшенной увеселительной барки, что ожидала ее, нежно покачиваясь среди журчащих потоков цветов. Внезапно она остановилась и оглянулась на берег, задержав взгляд на школьниках, собирающихся вручить ей особый букет.

Для молодого человека, наблюдавшего с вершины

невысокого холма в сотне метров оттуда, вся эта сцена представляла вполне достойное зрелище.

Молодого человека звали Чен Шизуока. Его почти что ангельский лик, обрамленный темными кудрями, был беззащитен и взволнован. Во всяком случае, в гораздо большей степени, чем лица, его окружавшие.

Он обратился к своей спутнице:

— Ты только послушай, они все еще любят ее!

Эти двое, Чен и стоящая рядом женщина, прождали здесь уже несколько часов в окружении совершенно незнакомых людей, так же предусмотрительно выбравших холм, чтобы получше разглядеть Императрицу и Парад.

В течение нескольких последних минут Чен и его спутница, которую звали Хана Кальдерон, пристально наблюдали восторженный официоз приближающегося шествия. Чен, как и многие из подданных Ее Высочества, любил Императрицу и ему, конечно же, хотелось сейчас подойти поближе, чтобы прокричать несколько личных поздравлений от чистого сердца и даже, может быть, встретиться с ней взглядом. Но сегодня он обязан был исполнить свой долг, и все личное исключалось.

Хана Кальдерон была уже не так молода, как Чен, и выглядела спокойнее, увереннее и несколько эффективнее.

Рукой она откинула назад свои прямые черные волосы, открыв темные восточные глаза, которые на мгновение сузились:

— Думаю,— осторожно произнесла она, слегка подтрунивая над юношей,— большинство людей сегодня, действительно, просто рады Празднику Жизни...

Инстинктивно Чен бросил взгляд на чистое мирное небо, откуда в любой момент, а в этом году особенно, мог вновь прийти Ужас.

— Предполагаю,— небрежно бросил он спутнице, как обычно стараясь ей не перечить,— что верноподданные настроения вновь усилились в этом году. Особенно, учитывая последние новости...

Хана Кальдерон кивнула, и ее точный классический профиль дрогнул, однако, взгляд, как и прежде, был прикован к Императорской барке. Наконец, был вручен особый букет, и судно готовилось принять Императрицу для продолжения Парада — теперь уже на воде...

И тогда женщина, словно в трансе, проговорила:

— Кажется они... — и затем, все еще не отрывая взгляд от барки, коснулась рукой плеча Чена и решительным голосом спросила:

— Ты готов?

Правая рука Чена уже давно была наготове во внутреннем кармане и изо всех сил сжимала маленький пластмассовый предмет. Чеку казалось, что пальцы его сомкнуты уже целую вечность.

— Готов!

— Тогда давай. Ну!

Слова были приказом — решительным, резким, хотя голос Ханы был слишком тих, чтобы его смогли расслышать стоящие рядом, тем более на фоне рокота бушующей толпы.

В сотне метрах внизу барка уже отчаливала. Чен Шизуока извлек из кармана крохотное пластмассовое устройство и нажал кнопку. Сигнал неуловимее электронного призрака был послан. В плотной толпе внизу послышались крики...

— Не бойтесь, — хотел успокоить их Чен, так как знал, насколько безвредны большие надувные штуковины, вынырывающие из вод канала неподалеку от барки.

Огромные, бесформенные глыбы, скользкие, словно гигантские серые гипопотамы древней Земли, они уже почти полностью закрыли расписное судно.

Устройства, самонадувающиеся по сигналу Чена, были прикованы ко дну канала, поэтому будет непросто быстро убрать их с пути. Бегемотоподобные макеты предназначались в качестве наглядных пособий по различным моделям берсеркеров, являясь при этом не более чем забавными карикатурами. Чен сам настоял на том, чтобы самый впечатлительный ребенок в толпе ни на миг не принял бы их за кошмарную реальность. Этой наглядной демонстрацией заговорщики надеялись заставить народ задуматься, но не задрожать от страха.

Изнурительная работа была проделана для создания надувных макетов, а сколько сил и нервов стоило установить их на дне канала... О, нет... теперь не хотелось бы Чену вновь пройти через все это. Однако и отказаться никогда бы не смог... даже напротив. Ведь он был уверен, что именно это поможет вернуть власть Принцу, а тех, кто сегодня прислуживает Императрице, отправят вместо него в ссылку.

Странные объекты все еще продолжали выныривать.

Мокрые, скользкие, темные, во всей жестокости своих карикатурных очертаний, которые ни с чем не спутать. Один за другим они взрывали водную гладь, разбрасывая в разные стороны затонувшие цветы.

Толпа на набережной была в смятении.

— Сработало,— радостно прошептал Чен стоящей рядом, не поворачивая головы,— дело будет сделано...

Вдруг оттуда, снизу, донеслись резкие звенящие хлопки, послышались испуганные крики. В толпе началась паника. Любители пострелять, из числа людей службы безопасности, при первой возможности открыли серьезную пальбу, разрывая в клочья совсем безобидный надувной пластик.

Словно заметив ребенка, играющего с опасным оружием, Чен с тревогой подумал о том, как были оскорблены лучшие чувства народа, поверившего, что на этом празднике общения Императрицы с простым народом, охранники обеспечат порядок и спокойствие.

«Однако, вот какими оказались предполагаемые защитники,— палят из боевых пистолетов, угрожая невинным жизням»,— подумалось Чену. И не похоже, чтобы они всерьез поверили в то, что столкнулись с заговором против ее Высочества. Ведь никто не собирается этого делать — по крайней мере, не на этой планете, в родном для Императрицы, Салютайском мире.

Видимо почьему-то приказу выстрелы стихли так же внезапно, как и начались. Но рев и паника в толпе достигли тревожного уровня.

Глядя вниз, Чен увидел, что некоторые из плававших на воде неуклюжих шутовщин уже уничтожены, но уцелевшие все еще затрудняли продвижение барки вперед.

Всего на позицию было выведено двенадцать надувных макетов... Чен еще помнил холодную скользкость донного ила под ногами, вкус замутненной им воды, волнение и страх каждый раз, когда подавался сигнал тревоги, и он вместе с остальными считал, что их уже накрыли...

Некоторые из лозунгов, что несли на себе серые глыбы, еще не разлетелись в бесчисленные клочья, и один из них гласил: «Враг не уничтожен», другой — «Вспомните о Принце Харивармане».

— Пойдем,— неожиданно повернувшись, прошептала на ухо Чену Хана Кальдерок.

Он лишь кивнул, и они разошлись в разные стороны, одарив друг друга на прощанье торжествующими взглядами.

«Ах, если б только не стрельба и не паника, вдруг кто-то действительно пострадал?..»

Чен, конечно же, надеялся, что нет, — ведь все шло так гладко, в соответствии с тщательно проработанным планом. Люди не могли не заметить их послания. Одобря или осуждая, они вынуждены будут задуматься. И, быть может, со временем согласятся с этим, потому что за нами — правда.

Чен старался не смотреть по сторонам. Неторопливо он шел по давно запланированной для себя тропе, спускаясь со склона, удаляясь от канала и царившей там суматохи.

Он не искал Хану, потому что знал — она уходит в противоположную сторону. Он встретит ее в городе позже.

Кажется, никто особенно не обратил внимания на то, как внезапно он ушел. На ходу Чен выбросил устройство дистанционного управления в стоящий на пути мусорный бак. Он был абсолютно уверен, что их отход будет так же успешен, как и все предыдущие этапы разработанной операции.

Уже здесь, далеко от канала, не видя содеянного им, Чен отчетливо услышал в реве толпы то, что давно хотел услышать. На лучшее он и не надеялся. С той стороны долетело эхо звонких хлопков. Похоже, еще несколько надувных игрушек расстреляли.

И опять толпа заревела. Имитации берсеркеров уничтожают, но никто из тысяч присутствовавших здесь сегодня не сможет проигнорировать то, что на них начертано.

Не замедляя шага, Чен прислушался к шуму толпы за спиной. Постепенно отдаваясь, шум стихал, но в нем было больше страха и ярости, чем представлялось ему прежде.

«Это, вероятно, реакция толпы на действия людей службы безопасности, — подумал Чен. — «И кто бы мог осудить сейчас за это толпу?»

Пройдя метров пятьдесят по склону мимо людей, желающих благоразумно или инстинктивно ретироваться, Чен вышел к открыто припаркованному мотоциклу.

Он завелся с ходу, и уже через несколько мгновений со скоростью уносил Чена прочь от этих мест.

Ему пришлось проехать до километра по сети аккумуляторных троп, причудливо изрезавших сельский ландшафт, прежде чем он достиг станции метро, вход в которую был замаскирован поросшей цветами земляной насыпью.

Здесь он бросил мотоцикл, будучи уверен в том, что кто-нибудь из его сообщников заберет эту улику, которая могла бы дать шанс преследователям.

Оказавшись в метро Чен почти сразу же сел в скоростной поезд, доставивший его через пару минут к столitchному радиалу. Поднявшись на эскалаторе в обычной людской толкучке на одной из центральных станций метро, затем растворившись в уличной толпе, Чен почувствовал себя опустошенным. Было и чувство разочарования из-за того, что все так легко получилось. Казалось нечестной игрой то, что у охраны не было ни малейшего шанса остановить демонстрацию, или поймать его и Хану. Теперь, когда все уже позади, наступил эмоциональный спад.

Конечно же, большинство членов группы протеста постоянно внушали ему, что акция, без сомнения, увенчается успехом. И Хана искренне в это верила и была предана делу так же как и он.

По плану он теперь должен пойти домой, то есть, в одноместную комнату в студенческом общежитии, и там ждать дальнейшего развития событий.

Чен замешкался посмотрев на уличном телеэкране трансляцию программы новостей. Там явно скрывали правду, так как ничего не было сказано об инциденте, прервавшем шествие Императрицы.

Он зашел в любимый книжный магазин, поторчал там чуть больше обычного, затем торопливо пошел прочь.

Если ему на сегодняшний день вдруг понадобится алиби, ответ у него был заготовлен: — Да, он, действительно, там был, смотрел парад. Затем поднялся весь этот шум, начались беспорядки, он слышал самые настоящие выстрелы, поэтому нет ничего удивительного в том, что он решил вовремя уйти.

Дальше Чен увидел еще один уличный телеэкран, задержался у высившейся голографической сцены, дабышний раз убедиться, что в сводке последних новостей

не было и намека на случившийся конфуз. Теперь-то он был абсолютно уверен, что информация скрывается преднамеренно.

На Салютате прежде о такой суровой государственной цензуре слыхом не слыхивали, но даже в эти, не лучшие для демократии времена, это явилось полной неожиданностью.

Чену стало не по себе. Когда он, наконец, достиг улицы, на которой стоял дом, где он жил, общая подавленность заставила его осторожно оглянуться вокруг. Внутри словно что-то оборвалось и неудивительно: люди из службы безопасности были уже здесь и вели патрульное наблюдение на машинах. По крайней мере, два или три автомобиля точно принадлежали им. Чен научился распознавать тип немаркированного автомобиля, который они предпочитали. Эти люди предпочитали не вызывать подозрений, тем не менее их присутствие было очевидно.

Значит, все-таки что-то не сработало. Чен был почти уверен, что здесь они поджидают его. Внутри все опустилось, и по телу пробежал леденящий холодок. Чена мутило.

Он свернул в переулок и замешкался у подъезда жилого дома, раздумывая, что же делать дальше. Вжавшись в дверной проем, он выглянул на улицу, по которой пришел, и тут же его оглушило. Сокрушительный удар в стену прямо над его головой, словно камень, выпущенный из невидимой катапульты, грохнулся, разбрасывая куски штукатурки. К удару добавился звон в шах, от гораздо более громких выстрелов, чем там, на

реляли совсем близко — то ли с крыши, то ли с верхнего окна той стороне улицы. Кто-то стрелял в него, стрелял, чтобы убить. Обливаясь холодным потом, Чен, пригнувшись, рванул из своего ненадежного укрытия и короткими зигзагообразными перебежками быстро растворился в уличном потоке торопливых пешеходов.

Жгло спину, все мышцы напряглись, превратившись в единый мускул, каменеющий в инстинктивном желании противостоять сокрушительному удару пули, который мог последовать в любой момент.

Небо над его головой, еще час назад свободное от страха, подернулось синим ледком. Теперь ему казалось,

что один из автомобилей службы безопасности сел ему на хвост. Он тут же юркнул в узкий боковой проход для пешеходов, оставив злоеший экипаж позади. Чен бежал по замысловатым и многолюдным улочкам самого центра города, выбирая места, где толпа была гуще. Пару раз возникала надежда, что он запутал преследователей и оторвался от них, но вскоре убеждался, что ошибся. Лишь на мгновение его могли потерять из виду, но Чен знал что они сейчас повсюду — пешком и на колесах, в форме или цивильных пиджаках... Любой, глазевший на него, мог быть из органов... и Чен пришел к выводу, что все они здесь по его душу.

Организуя простенькую демонстрацию, всего лишь демонстрацию, и за тобой начнут вот так охотиться. И, заметив, сразу же попытаются убить... Бардак! Это был настоящий кошмар, и он стал пленником этого кошмарного сна, и не было надежды на спасение по законам разума и логики. За что они хотели убить его, что он такого сделал, чтобы представить его настолько опасным? И если свободный гражданин не имел больше права открыто выражать свое недовольство, если он становился для государства чем-то вроде бешеной собаки, значит, дела на Салютае обстояли намного хуже, чем думал Чен и его друзья. Гораздо хуже.

Чен быстро изнемог. Складывалось впечатление, что он пробежал марфонскую дистанцию, ведь постоянный страх и напряжение переносились куда тяжелее, чем физическая нагрузка. В одном из городских предместий, в паре километров от своей квартиры, Чен вышел на захлавленную площадь, окруженную магазинами и какими-то зданиями, которые больше походили на лачуги. Среди мусора на поросшем травой асфальте центра громоздились развалины.

Чен напоследок оглянулся, пытаясь отыскать какие-нибудь путанные закоулки на случай бегства, но, ступив на площадь, тут же осознал свою ошибку. С площади было три или четыре выхода в противоположном направлении. Немедленно нужно было повернуть назад. Но сделать это было уже слишком поздно. Один из медленно курсирующих автомобилей внезапно остановился за его спиной. Должно быть, они потеряли его из вида, но вот снова нашли и пытаются окружить.

Чен быстро примкнул к пешеходам, проходившим между ним и машиной. Как только толпы пешеходов

поредеют — ему конец. Он был гораздо лучше одет, чем большинство людей в этом пригороде, и уже только одним этим мог вызвать подозрение.

Двигаясь неизвестно куда в ожидании настигавшей смерти, он быстро окинул взглядом фасады магазинов, пытаясь найти хоть какое-нибудь укрытие.

Если его преследователи откроют стрельбу на поражение, то, где бы он здесь не спрятался, это его не спасет.

За исключением разве что...

На одной из витрин играл свежими красками огромный плакат, типовой для всех колонизированных Землей частей Галактики. В большинстве населенных миров его чаще можно было заметить в беднейших районах, но не в роскошных кварталах богачей. «Еще не одержана окончательная победа в битве за Жизнь. Вступайте в ряды Темпларов!»

Плакат, почти живой благодаря хитрой электронике, во всех деталях изображал ребенка, простершего в мольбе руки в тот момент, когда над ним склонилась лязгающая металлическая чертовщина. Андроидный берсеркер с плаката был куда более колючим, угловатым и отвратительным изображением древнего врага, чем все надувные игрушки Чена вместе взятые. И, словно плакат был явью, от которой во что бы то ни стало нужно бежать, Чен вдруг остановился, резко повернувшись на каблуках, и еще раз торопливо оглядел площадь. Положение было безнадежным. Ему вдруг показалось, что он видит контрольно-пропускные пункты на выходах с площади, и один из них, похоже, функционировал.

Допустим, умудриться он как-нибудь уйти с площади... Облава на него, столь массивная для одного человека, вряд ли просто так прекратится, даже если ему удастся улизнуть в очередной раз. Охота будет продолжаться. И Чен не мог представить себе такого места в городе, на этой планете, где они бы его не достали. Прятаться было негде. Чен, само собой, не намерен был вывести этих убийственных чудищ на кого-то из своих друзей.

Чен понимал, что охота закончится лишь тогда, когда его схватят. И это будет не просто арест, будет все гораздо хуже. Все слишком далеко зашло.

В голове не укладывалось: в него стреляли люди службы безопасности. По какой-то понятной только им

причине, они на самом деле пытались его убить.

Он снова зашагал куда-то вперед, словно в тумане, ничего не видя перед собой, натываясь на прохожих. В таком состоянии он казался еще более подозрительным для посторонних глаз, в этом бедном квартале.

Дверь на призывной пункт Темпларов вновь оказалась прямо перед ним. Она показалась Чену настоящей, как впрочем и все вокруг, все, за исключением того, что кто-то теперь старался его поскорее угробить. О, это была реальность трансцендентного вида.

— Чем могу служить, сэр? — туповатый сержант за стойкой, манерами похожий на продавца в любом магазине, если бы не военная форма, поднял на Чена глаза. Двое молодых ребят, держа в руках, что-то вроде комиксов в конфетной обложке, поспешили выйти из офиса. Чен вплотную подошел к стойке и облокотился на нее. В голову пришла мысль, что неплохо было бы ему поторчать в этом офисе, подальше от глаз улицы. Быть может, тогда убийцы устанут ждать его и уберутся восвояси.

Ему нужно было как-то разобраться с тем, что он воспринимал сейчас, как свой единственный шанс.

Чен откашлялся:

— Я... Если бы я вот прямо сейчас завербовался, то как скоро смог бы покинуть планету?

— Да когда угодно, — опытный взгляд оценивал Чена. Сержант придал себе тактично безразличный вид.

Чен настаивал:

— А сегодня — можно?

Сержант взглянул на электронные часы-табло, что висели на стене. Теперь он казался Чену еще более похожим на продавца, привыкшего скрывать удивление по поводу необычного заказа покупателя. Создавалось впечатление, что вопрос не был для него полной неожиданностью.

— Что ж, почему бы и не сегодня? — голос сержанта был нарочито констатирующим, пожалуй, даже слишком.

— Если вы спешите куда-то смыться, то вы обратились в нужное место. Как только подпишите официальный контракт и примете присягу, вы становитесь нашим Темпларом. Мы сегодня же отвезем вас в анклав космопорта, а это темпларская дипломатическая территория. Если, например, вас тут розыскивает взбешенная родня

или обнаглевшие кредиторы, то у них не будет ни малейшего шанса, чтобы... К нам даже приходили люди, бывшие в больших неладах с законом, с легавыми на хвосте... У легавых тоже не было ни малейшей возможности... Как арестовать Темплара?

Чен откашлялся:

— Как раз об этом то я и думал, я...

Что-то внутри Чена, еще с детства расstroганное приключенческими рассказами, всегда стремилось в мечтах к этому мгновению: стать Темпларом, вступить в мир настоящих Авантюров, где физически крепкие парни рискуют всем ради самой дорогой цели. В повседневной жизни прежде приходилось брать в расчет иное: то, что выработало в нем отвращение к предполагаемой жизни солдата, желание стать студентом и непреодолимую потребность быть независимой фигурой на политической арене Восьми Миров.

Но даже в самых смелых снах Чен не мог себе представить, что отчаянная необходимость побега вынудит его на этот шаг. Он чувствовал себя персонажем из приключенческого рассказа. Но что спорить с действительностью, которая, в конце концов, не имеет ничего против мелодрамы.

Пистолеты в руках парней на улице были реальностью. Чен не глядя подмахнул выданный ему вербовщиком документ.

— Ну а что дальше? Можно мне будет переждать здесь?

Сержант такой же непробиваемый, как и прежде, вышел из-за своей бюрократической баррикады.

— Да, но прежде... дабы придать делу официальный ход, ты примешь Присягу. А для этого мне нужен еще один живой свидетель. Он исчез в подсобке и вскоре вышел оттуда с молоденькой женщиной. По мнению Чена, знаки на плече ее гимнастерки, говорили о том, что она просто вольнонаемная служащая.

Клятва так же, как и бумага, которую только что подписал Чен, была прочитана им, не оставив в памяти и следа. Он только очень надеялся, что она послужит волшебной завесой, заклинанием, что превратит его в невидимку под неусыпными прицелами. Затем его провели в подсобку и попросили подождать. Это могла быть подсобка любого офиса, используемая под архив текущей корреспонденции или кладовку с многочислен-

ными баками и шкафами. Там так же было несколько стульев и два стола, за один из которых вернулась служащая, чтобы продолжить свою бумажную работу.

Прошло часа два, а для Чена — вечность. Словно во сне, сидел он, ничего не соображая, тупо уставившись на занятую своими делами женщину. Работа у нее была большей частью компьютерная и совсем не пыльная. Раз или два он даже пытался с ней заговорить и получал в ответ краткие исчерпывающие ответы снисходительного ветерана.

Когда первый час ожидания Чена подходил к концу, из главного офиса донесся шум незнакомых голосов, правда слишком приглушенный, чтобы разобрать хоть что-нибудь; как будто бы вошло сразу несколько человек и стало одновременно что-то обсуждать с сержантом. Это могли быть люди, зашедшие решить общие вербовочные дела, хотя Чену представлялось нечто другое. Исполненный фатализма он ждал, он ждал. Голоса стихли и люди ушли прочь.

Вскоре после этого в подсобку заглянул сержант, лишь для того, чтобы пристально и как-то странно посмотреть на Чена.

После двух часов ожидания вошли еще двое молодых парней, но не тех, что видел Чен в офисе. Эти двое, подумалось ему, и есть самые настоящие рекруты. Они кивнули Чену и, так же, как он, мало что добились в нервозно активных попытках разговаривать секретаршу.

Вскоре прибыл транспорт, чтобы увести всех новобранцев на Темплар-базу космопорта. Сержант вывел их через черный ход на аллею и тут же посадил в машину-фургон на довольно высокой подвеске. Стекла фургона были затемнены и разобрать снаружи, кто там внутри, было совершенно невозможно.

По дороге в космопорт Чен заметил пару автомобилей службы безопасности, но трудно было знать заранее, какой интерес они проявят к темпларской машине.

Внутри фургона никто не разговаривал, видимо, и до них двоих дошло наконец, какая крупная перемена произошла в их жизни.

Прислушиваясь к разговору своих спутников, Чен понял, что основное обучение всех Темпларо-новобранцев из Восьми Миров проходило теперь на планете Найтрой, что всего лишь в двух днях пути от Салютая, на скоростях сверх сил. Как верно про себя подметил

сержант, Чена не волновало, куда его везут. У него и без того, судя по всему, было о чем подумать.

Внезапно в подсознании Чена появилась призрачная надежда, что когда-нибудь, поскольку он теперь официальный Темплар, у него будет возможность побывать на Темплар Радианте. Быть может, настанет день, когда он, наконец, увидит человека, на которого поставил в своей политической игре, — Принца Харивармана, отправленного в ссылку.

Принц содержался в заключении на Радианте уже в течение четырех стандартных лет. Что ж, может, когда-нибудь такая возможность и подвернется. Сейчас же Чену хотелось самому отправиться в ссылку, можно даже в тюрьму. Куда угодно, только бы не убивали.

Сержант-вербовщик, ехавший с ними, чтобы передать свой товар из рук в руки, опять пристально посмотрел на Чена, когда они высаживались в космопорте, уже за воротами и серыми стенами маленькой Темплар-пристройки.

— Я слышал, ты был там и выступал в защиту Принца? — на лице сержанта абсолютно ничего не читалось. Голос уже не был так вежлив — Чен ведь больше не гражданский, что заглянул на призывной пункт за рекламным проспектом, — однако в тоне сержанта не было и особого озлобления.

— Все так, — гордо изрек Чен.

Сержант никак не прореагировал, по крайней мере, Чен этого не заметил. Он просто отвернулся и пошел прочь по своим делам.

Другие новобранцы, собранные со всей планеты, ожидали за стенами Темплар-анклава космопорта, уже навсегда отделенные от гражданских лиц.

Более дюжины свежеразвербованных парней и женщин было на борту космического челнока, когда он все-таки стартовал с планеты Салютай.

ГЛАВА 2

В течение веков потомки землян наблюдали и пытались дать разумное объяснение классу астрофизических объектов, именуемых гравитационными радиантами, од-

нако, сколь-нибудь целостной научной теории, которая бы удовлетворила всех, так и не было выработано. Во всей Галактике включая и Темплар-Радиянт, насчитывалось лишь девять подобных объектов. И каждый из девяти был вопиющим парадоксом: умеренный источник относительно безвредной радиации, и одновременно, в этом-то и была их уникальность, каждый из девяти был центром внутренней гравитации.

Сотни лет назад титанические усилия Разума сделали Темпларский Радиянт уникальным даже для данного класса, полностью заключив его вовнутрь гигантской сферической крепости из камня, металла и всевозможных искусственных материалов.

Командир Анни Бленхайм впервые наслаждалась панорамой обширнейшего интерьера древней Темпларской Крепости, таившей в своих глубинах настоящий Радиянт, командование которым она только что приняла. Подняв глаза вверх она увидела Радиянт, очень похожий на Солнце, только не больше крохотной точки, хотя находился он, всего лишь в четырех километрах над нею. Как правило в этих местах преобладал обратный эффект притяжения Радиянта, а значит, солнечная точка находилась бы прямо над головой у любого, независимо от его местонахождения на внутренней поверхности Крепости, напоминавшей гигантскую полую сферу.

Почему была выбрана именно такая форма, и для защиты от кого построили крепость,— никто уже не помнил, ровно, как и многое другое, связанное с древней историей создателей этого чуда Галактики — дарданианцев. Они канули во Вселенной в незапамятные времена и для современных историков представляли наиболее загадочную ветвь потомков землян. Впрочем, один из принципов, на основании которого было спроектировано такое сложное сооружение, был понятен любому — внутренняя поверхность крепости была удалена от Радиянта приблизительно на четыре километра, именно потому, что обратное притяжение Радиянта, прижимавшее обитателей к слегка вогнутой тверди, равнялось общепринятым земным стандартам.

Анни Бленхайм во всех регалиях стояла за воротами Темплар-Базы. Вокруг нее со всех сторон вздымался автономный мирок. Один за другим взору представляли квадратные километры внутреннего пространства этого

полого шара из камня и стали. Место разлинованное улицами, было плотно застроено различного вида зданиями, но все они были невысоки. Командиру известно, что многие из них заброшены и никем не используются.

На карте Темплар-Радиянта было еще и множество белых пятен: ничейная земля, километры голого скалистого грунта, вполне возможно, когда-то обитаемые, но в связи с каким-то перестроечным проектом далеких веков заброшенные и пришедшие в полный упадок. Сейчас тоже была в разгаре очередная перестройка, прежде всего внутри, и в непосредственной близости от Темплар-Базы. В глаза бросалось большое количество зелени. Здесь были растения с Земли и других миров, генетически перепрограммированные к выживанию под этим мягким, неугасающим светом. Массовые усилия по разведению садов были, как поняла Анни абсолютно новым веянием, которое она полностью одобряла и с эстетической стороны, и как проявление всепобеждающей жизни. На внутренней стороне сферы, плавно переходящей в небо, всюду виднелись сады, отдельные деревья и даже миниатюрные леса. Рядом с небольшим парком, где она сейчас стояла, главные ворота Темплар-Универкума пропускали оживленный поток пешеходов и колесных экипажей — как сугубо военных, так и тех, кто занимался их делами. Довольно многие, проходя мимо, глазели на командира Бленхайм. Она пробыла на борту Крепости всего лишь один стандартный день, и ее прибытие в качестве нового командующего, само собой, стало предметом обсуждения у нескольких тысяч людей, составлявших здешнее гражданское и военное население. Так как она стояла за воротами, а не на территории Базы, честь ей никто не отдавал, да и ей, слава богу, не приходилось то и дело брать под козырек.

Однако в ее сторону продолжали украдкой бросать взгляды. И военные, и гражданские, проходя мимо, безусловно, задавались вопросом, с чего бы это новому командиру Базы вздумалось здесь стоять, вроде как прохладяясь... Машины считаем? Или может поджидаем кого? Но за 24 часа пребывания на Радиянте она еще не успела завести себе таких знакомых, которые бы смогли к ней вот так сразу подойти и спросить, в чем дело. Хотя про себя она уже придумала ответ: «Жду, чтобы заключить дипломатический союз любого рода. С истинным джентльменом». И она улыбнулась ошара-

шенному взору, который вызвал ее ответ у воображаемого собеседника:

— Дипломатические контакты! Здесь?!

Само собою, Темплары в этой области были не менее активны, чем остальные, если даже не больше, — да и им сам Бог велел, — ведь у них не было родины. Но казалось, что для дипломатии более подходила центральная часть Галактики, вершина цивилизации, где все решали совсем иные силы. Или, может быть, ее гипотетический собеседник все поймет сразу. В конце концов Принц был в этой Крепости уже четыре стандартных года.

Если бы, например, вместо разговора о налаживании дипломатических контактов, ей пришлось прямо ответить, что она ждет своего заключенного, — это было бы чистойшей правдой. Но реакция на это заявление была бы отнюдь не смешной. «А вот, — решила она про себя, — должно быть, и сам, безукоризненный джентльмен, легок на помине».

Автомобиль, притормозивший в неторопливом потоке машин возле командира Бленхайм, ничем особым на улицах Крепости не выделялся, однако, в другом месте он вызвал бы подозрения. Это была особая модель, легко превращающаяся в космический корабль ближнего действия, равно как и в самолет.

Два подобных экипажа было выписано для Принца, и в обоих было тайно установлено устройство, постоянно излучающее сигналы на определенной частоте, своего рода индикатор, позволявший шпионской аппаратуре Темпларов постоянно следить за перемещениями машин Принца. Однако, эти автомобили, точнее, летательные аппараты, никаких видимых простому глазу спецобозначений не имели. Впервые командир Бленхайм встретила с опальным Принцем вчера, но, будучи лишь чисто формально представленной в день прибытия, Анни не раздумывая приняла предложение Принца посвятить этот день экскурсии в старую мастерскую Георгинуса Сабеля. Она преднамеренно решила встретить его за воротами прибыв сюда чуть раньше, чтобы самой проследить за ходом работ по реконструкции, вблизи места назначенной встречи.

— Принц? Нет, нет! — она напомнила себе, что должна теперь перестать так его называть даже в мыслях, даже если бы все остальные в Восьми Мирах продолжа-

ли это делать, — ибо параграф уложения о Ссылных гласил, что к нему отныне следует обращаться как Генералу Хариварману, Генералу, который вот уже четыре года находился в безвыездном заточении в Крепости. В докладе, представленном командиру спецслужбам, сообщалось, что последнее время опальный Генерал стал своего рода энтузиастом местной истории и краеведения.

«Что ж, для такого маленького местечка здесь, пожалуй, богатая История, гораздо богаче, чем на иных Планетах» — так думала Анни Бленхайм, выполняя задание по столь диковинному предмету в период подготовки к своей будущей работе на специальных курсах.

А теперь с точки зрения верховного тюремщика, Анни считала, что лучше ему заниматься делами прошлого, чем проявлять повышенный интерес к текущим событиям.

Каждому в Восьми Мирах была известна история Принца, а многие слышали о ней даже за пределами, в сотнях иных систем, обитатели которых считают себя Основой и Центром Галактической Цивилизации.

Как только распространилась новость о назначении ее сюда командующей, Анне Бленхайм стало порой казаться, что у всех в этой обитаемой Вселенной вдруг появилось собственное мнение о Принце, то есть, Генерале — и каждый считал теперь своим долгом дать ей хороший совет, как следует обращаться со столь выдающейся личностью, отныне всецело находящейся в ее власти. Кое-кто даже вполголоса говорил, что следовало бы его отпустить, но это, увы, было уже вне ее полномочий. Некоторые, напротив, утверждали, что его следует казнить, и что Совет Восьми Тронов не будет спать спокойно, пока Принц жив. Было немало и более умеренных мнений на его счет. Предлагали Совету восстановить его в правах и вернуть на прежде занимаемую им должность Премьер-Министра при Императрице, или послать на Землю в качестве Высокополномочного посла, либо пожизненно заточить в одиночной камере.

И всякий раз ей приходилось отвечать советчикам, что ее новая должность не предполагает решающего права голоса, более того, те, кто действительно, решают все, не станут даже прислушиваться к ее советам. Свод правил содержания ссылного, по которому Темплары брали обязательства заботиться и сторожить Харивар-

мана, не оставлял ей места, как командиру Базы, для маневра, который мог сколь-нибудь изменить условия содержания Генерала. Да и слово «тюремщик» не очень-то подходило для точного определения отношений между комендантом Крепости и ее выдающимся экспатриантом. Точнее было бы сказать, что она еще не очень-то разбиралась в том, что может здесь сделать. Свод Ссылного, как множество других военных документов, имел достаточно общих мест, которые можно было трактовать по-разному. И ее предшественник на данном посту, Полковник Фосьен, очевидно имел совершенно иной подход, чтобы воспользоваться его методами.

Автомобиль остановился в нескольких метрах от Анни Бленхайм, прямо у входа в небольшой парк. Теперь она видела, что в салоне — двое. Впереди водитель — должность чисто церемониальная, ибо данные экипажи управлялись автопилотом, и пассажир на заднем сидении.

Командир Бленхайм, тщательно изучившая историю и современное положение дел в ссылке, была абсолютно уверена, что водитель мог быть ни кем иным, как человеком по имени Лескан, верным слугою принца, то есть Генерала и старым его товарищем.

Четыре года назад Генерал Хариварман прибыл на Темплар-Радант с симпатичной женой и штатом прислуги, более двадцати человек. Жена делала бесстрашные, самоуничижающие заявления о своей лояльности. Теперь он остался лишь с одним преданным товарищем, остальные, включая жену, предпочли его покинуть.

Мужчина, вышедший из автомобиля, чтобы поздороваться с командующим, был гораздо менее впечатляющ, чем она ожидала. Он был неофициально, по-домашнему одет, угловат, мускулист и смугл. Лицо его, не особенно приятное, было, конечно же, сразу узнаваемо. Несколько удивляло, что за исключением рук и ног, он был не таким уж крупным. Было очевидным, что Генерал Хариварман уже прошел свою первую молодость, хотя, и обремененным годами его тоже нельзя было назвать. Коротко говоря, постороннему наблюдателю было бы весьма трудно определить его возраст. Но командир Бленхайм знала, что для одного из своих достижений он был невероятно молод.

А был он от роду тридцати семи стандартных лет, чуть старше ее. «Хорошо, что начальник неопределенно-

го возраста, а так именно я и выгляжу, — подумала она про себя — свежа как персик, и немного склонна к полноте». Посторонним она казалась более молодой, чем на самом деле, особенно тем, кто прежде ее не знал. Очень быстро командующая и изгнанник обменялись чисто формальными условными приветствиями, после чего она и мужчина, которого ей постоянно про себя приходилось напоминать именовать Генералом, устроились на заднем сидении, откуда открывался прекрасный вид на седеющий затылок шофера. Со вчерашнего дня, будучи коротко представленной экс-члену монаршей семьи, она задавалась вопросом, что может дать в плане взаимопонимания эта вторая и более приятная встреча. Что ж, первые минуты несколько разочаровывали, хотя командир Бленхайм и не поняла почему.

Как только автомобиль сдвинулся с места, человек, сидящий рядом с ней, уставился невидящим взглядом в какую-то удаленную точку пространства. Но вот повернулся и пристально посмотрел на нее, почти что взглядом собственника. Бессмысленно с ней заигрывать, хотя, вполне возможно, это было ему безразлично. И вот он заговорил своим на редкость приятным баритоном:

— Не сомневаюсь, что свое домашнее задание по Георгикусу Сабелю вы выполнили на «отлично», командир. Мне не хотелось бы лишний раз перемывать историю, которую вы и так прекрасно знаете.

— О, в последнее время у меня было не только это задание. Общеизвестные факты о Сабеле мне, несомненно, знакомы..., но, пусть вас это не смущает, говорите все, что хотите сказать.

Ее спутник задумался. Похоже он буквально воспринял ее слова.

— Ну что ж, тогда начнем... Двести пять лет тому назад, прямо здесь, в этой самой мастерской, что мы собираемся посетить, да к тому же под самым носом у Охраны, Георгикус Сабель столкнулся с настоящим действующим берсеркером, последним, оставшимся от их боевого десанта заброшенным сюда за несколько веков до этого. Он решил поторговаться с ним. Предложил ему кое-что из того, что ему было нужно, взамен на научные сведения, которые, как ему казалось, можно было от него получить...

— Торговаться с берсеркером, играть роль Доброй Души, конечно же, как раз с этого он и начал. Решил

искать Правду видите ли. Правду с очень большой и научно-обоснованной буквы.

— Но, раз он имел дело с берсеркером, то, вероятно, должен был быть добрым, не правда ли?

Командиру Бленхайм была очень хорошо известна вся эта история, как по относительно малодоступным записям из Темплар-Архива, так и по учебникам. Она знала чем занимался Сабель. Без всякого сомнения он был Добрым Душой, а это, в образе мышления Темпларов означало величайший и непростительный грех — поступок, что предполагал всевозможные добрые намерения — оказание услуг и помощи берсеркеру, представителю смертоносных роботов, что действовали по заложенной в них столетней программе, ставившей перед ними цель — уничтожение даже малейших следов жизни во Вселенной. Для Темпларов, как и для всякого человекоподобного существа, за исключением этих гнусных извращенцев — Добрых Душ — берсеркеры означали зло, воплощенное в металле. Вот, пожалуй, и все, что Анни Бленхайм знала о Сабеле. Но ей хотелось в первую очередь узнать, что Прин..., то есть, Генерал думает по этому поводу, ей также хотелось услышать, как говорит Генерал, понаблюдать и послушать его, чтобы получить хоть какое-то представление о его прославленном магнетизме, способности убедить любого во всем. Сидящий рядом оставался в глубокой задумчивости.

— Технически, да, Сабель был Доброй Душой... По закону, да, и Темпларский суд бы его за это, без сомнения, осудил, если б его поймали.

— Равно как и любой другой из судов разумного человечества.

— По существующему закону, вероятно, но если вы считаете, что он, действительно, хотел увидеть, как берсеркеры очистят Вселенную от малейших следов жизни, или желал, чтобы они уничтожили хотя бы одного человека, или, быть может, поклонялся этим машинам смерти,— а настоящие Добрые Души так всегда и делают — то безусловно вы ошибаетесь...

Трудный ответ на трудный вопрос. Вот уже много веков как Сабель был мертв и командиру Бленхайм с пеной у рта можно спорить по его поводу.

Некоторое время они ехали молча по чистым, почти пустынным улицам, вдоль корпусов экспериментальных лабораторий и зеленых насаждений, мимо капитально

отремонтированных домиков и свежей поросли кустарника.

Она вспомнила, что читала в учебнике о том, что в далекие времена Сабеля внутренняя полость Крепости была еще заполнена вакуумом, и места, где жили и работали люди, находились под прозрачными непроницаемыми колпаками. Лишь в последние десятилетия, инженерная мысль шагнула так далеко, что удалось создать тонкую пленку искусственной атмосферы, окружавшей все внутреннее пространство.

Она спросила:

— А как вам удалось стать таким большим специалистом по Сабелю, Генерал? Держу пари, лучше вас в этой эпохе сейчас, наверное, никто и не разбирается?

— О! — в его голосе прозвучало некоторое разочарование, словно она выбрала из множества доступных тем самую захватывающую, — Видите ли, вначале, когда я еще только поселился здесь, проблема Сабеля меня вовсе не интересовала, — Генерал развел своими крупными руками, — но постепенно, пробыв здесь энное число месяцев, я вдруг внезапно осознал, что если хочешь остаться интеллектуально активным даже под замком, то волей-неволей вынужден хоть что-нибудь изучить. А что именно? Выбор здесь несколько ограничен, как вы понимаете. Ну всегда, конечно, есть физики, которой, кстати занимался и старина Сабель, пытаюсь отвоевать у Природы пару неизвестных нам истин. Но, посудите сами, если физики — профессионалы в течение нескольких веков таращились на вариант и так ничего для себя и не уяснили, то что может сделать такой дилетант, как я. Шансы, как понимаете, невелики...

Он сказал это настолько искренне, что у командира невольно вырвалось:

— Меня забыли предупредить, что вы так скромны.

Генерал усмехнулся, выдав первую спонтанную вспышку подозреваемой в нем экстраординарности.

— Может и скромный, но самобичеванием заниматься не привык. И затем, выглянув из машины указал куда-то рукой в направлении под углом вверх.

Всего лишь в полукилометре от них возвышалась конструкция, которая, вероятно, и была лабораторией Сабеля, или крышей над нею.

Анни уже успела обратить внимание на то, что большинство здешних зданий, построенных в этом воз-

душном, но абсолютно безпогодном пространстве, все еще имели крыши, и многие из крыш были либо покатыми, либо остроконечными, словно предназначались для защиты от несуществующих здесь дождя и снега. Подозрительная крыша впереди представляла собой череду угловатых и закрученных плоскостей, увенчанных небольшим возвышением какой-то древней аппаратуры, и усеянных дырами, где, очевидно, другие инструменты были сняты еще в незапамятные времена. Конечно же, лаборатория, как и все остальное, на вогнутой обитаемой поверхности, в основном, хорошо просматривалась с машины. Теперь когда они подъехали ближе, строение мгновенно исчезло, растворившись в зелени, и то, что выглядело из-за высокой каменной стены, напоминало старинную дарданианскую постройку. Само собой, весь обширный, внутренний изгиб Крепости был одноликим, загадочным и грандиозным творением древних дарданианцев. Несущая кора сферы окружающей поверхность, была приблизительно, двухкилометровой толщины, сотканная из гигантских, подобным пчелиным сотам, комнат и проходов, совершенно непонятного назначения. В целом Крепость имела средний внешний диаметр около 12 километров. Даже не считая единое обширное внутреннее пространство, где, собственно, и горел Радиант, около шестисот кубических километров камня и стали со множеством пустот было сокрыто внутри коры этой гигантской сферы.

Автомобиль затормозил на пустынной улице, прямо рядом с объектом их интригующем. Двое, что сидели сзади, выбрались из машины, причем, каждый через дверь со своей стороны. Их окружала давящая тишина, оглушающая, после шумов постоянной стройки вокруг Базы. Анни Бленхайм говорила, что звук иногда уносится, или странным образом обволакивается искусственной атмосферой, удерживаемой обратным притяжением внутри круглой скорлупы. Все центральное пространство этой невероятной по размерам Крепости, представляло собой вакуум.

Отталкивающая сила Радианта повышалась с приближением к нему. И не то чтобы это отношение можно было математически выразить в любой простой формуле, или очевидной противоположности эффекту обыкновенной гравитации, нет, здесь все было гораздо сложнее и непонятней. Даже самый мощный корабль с межзвезд-

ным приводом не был в состоянии приблизиться и на полкилометра к таинственной, огненной центральной точке. И одним из подобных действий инверсии было то, что пригодный для дыхания воздух эффективно удерживался в виде пленки толщиной в несколько метров вокруг внутреннего пространства Крепости, где мощные ворота мешали уходить ему в лабиринты ненаселенных внешних помещений, а оттуда — в открытый космос.

«В конце концов,— подумала командир Бленхайм,— а эта мысль приходила ей несколько раз кряду со времени ее вчерашнего прибытия сюда,— это невероятно любопытное местечко».

Словно читая ее мысли изгнанник спросил:

— Вы думаете, вам это понравится? Я имею в виду то, что вас сюда прикомандировали.

Она наградила его легкой улыбкой:

— Будем надеяться.

— Да, кстати, забыв о формальных приличиях, я так и не расспросил вас о том, как прошло ваше путешествие сюда?

— Слава Богу, без приключений. Так, все по обычному распорядку, пока мы не приблизились к Радианту. Даже внешне Крепость впечатляет.

— Да, извне и я бы смотрел на нее с удовольствием,— вяло произнес он, пристально посмотрев на Анни. Если Генерал рассчитывал, что его реплика, намекающая на его статус особо важного заключенного, приведет ее в замешательство,— она надеялась, что ответ его разочарует:

— Я видела и других ссыльных, и в гораздо более тяжелых условиях содержания. Уже не говоря о тех, что исчезают без суда и следствия, без каких-либо на то законных санкций.

— Лучше будет сказать — политических.

Она удивленно посмотрела на него.

— Я имею в виду санкции в своем случае, а то вот вы сказали — «законных».

— У меня привычка говорить, что думаю, Генерал Хариварман. Ну что, пойдём, наверное, уже пора посмотреть на знаменитую лабораторию?

— Конечно. Следуйте за мной.— Тон вполне мог сойти за приказ, который Принц, или Генерал, мог отдать в качестве истинного командира.

Когда они выходили, шофер продолжал молча сидеть

в машине. Старорежимный слуга, как мало знала она о предполагаемом Лескаре, ставшем продолжением всех этих гаек, колес и рычагов.

Командир Бленхайм прошла вслед за своим гидом в близлежащее здание через раскрытую дверь, а оттуда — по коридору, который вероятно, опускался на этаж ниже уровня земли. Все панели освящения на потолке функционировали и через кондиционеры поступал свежий воздух. Интерьеры здешних помещений, как и улицы снаружи были чисты и вполне заурядны. «Хотя,— подумала Анни,— похоже, что все это практически никогда не использовалось».

Хариварман, шедший впереди, внезапно остановился у еще одной, никак не обозначенной двери, с виду вполне обычной, но, если присмотреться — не совсем. Генерал показывал на какие-то следы на стене рядом с дверью. Он сказал:

— Здесь была печать гвардейцев охраны, когда обнаружился контакт Сабеля с берсеркером. Согласно достоверным документам, что мне удалось раздобыть, еще двадцать лет назад она здесь висела.

— Гвардейцев,— напомнила Анни,— убрали отсюда задолго до этого. Они были фанатичным подразделением квазирелигиозных Темпларов, тогда еще более религиозных, чем сейчас. Этот карательный отряд был создан специально для борьбы с *Добрыми Душами*. Почти все сейчас пришли к мнению, что гвардейцы превысили дозволенное в борьбе за достижение этой святой цели, применяя методы первобытной «охоты на ведьм». Это в свою очередь вызывало ответную реакцию: повышенный интерес к Добрым, а также — чувство геройства у Душ, с которыми Гвардия так фанатично боролась.— Она добавила:

— Но я себя к нафталинным Гвардейцам не отношу. Если вам интересен спектр моих политических и этических симпатий, то, вероятно, я буду несколько консервативнее моего предшественника на этом посту. Я слышала, что вы и Полковник Фосьон были почти что — как это в старину говорили — «собутельники». И, тем не менее, ни я, ни кто-либо другой здесь, насколько мне известно, не подозревает вас в тайных симпатиях к Добродушным.

Последнее вызвало у Генерала улыбку. Послужной список Харивармана — истребителя берсеркеров, был

всем хорошо известен. Так же, как и недавние его политические затруднения с разумными лидерами Салютая и прочих Миров. Командир Бленхайм читала даже один неподтвержденный донос, что в народе циркулировала выпущенная ярыми поклонниками Генерала листовка, где утверждалось, что Принц (Генерал) — прямой наследник Человеческого Архиврага Берсеркеров — легендарного Иогана Карлсена.

— Рад это слышать, — смиренно согласился потомок Карлсена, если он и вправду им был, после чего с легким кивком головы произнес:

— Внутрь заходить будем?

Внутри лаборатории было несколько комнат, все очень большие, хорошо освещенные, очищенные от мусора и совершенно пустые. В научно-практическом смысле ничего из того, на что можно было здесь посмотреть, не сохранилось. Начитавшись книг, командир Бленхайм примерно это и ожидала увидеть. Сотни лет назад гвардейские «охотники на ведьм» ободрали эту лабораторию до кирпичных стен, а кое-где и стены проломали. Но вся тщательность процесса поиска и уничтожения, была на лицо. Камни оставались вечным свидетельством, первоклассной уликой против Гвардейцев, а потом уже — напоминанием о Сабеле. Сказать по поводу увиденного было нечего, и их пребывание в этом месте было коротким.

Вскоре и она, и Генерал уже сидели на заднем сидении автомобиля, возвращающегося на Темплар-Базу.

Анни надеялась получить приглашение от Генерала посетить его на арендуемой им квартире, но приглашения не последовало. Человек за рулем так же не произнес ни единого слова в присутствии командира. Но ей почему-то казалось, что она не очень много потеряла, устранившись таким образом от излишнего красноречия.

— Я вижу вы опять укрепляете старинные фортеции, — прокомментировал Принц, глядя в окно. Уже давно давно Крепость была, в основном, музеем и археологической редкостью. Настоящие войны, сражения и опасности были где-то далеко, за пределами ее стен. Но теперь все менялось, или, по крайней мере, начинало меняться.

Назначение Анни Бленхайм командиром Базы уже не являлось скрытым наказанием чересчур честолубивому офицеру, как это вполне могло быть в прошлые

десятилетия. Наоборот. Ее начальство надеялось, что она завершит великое дело.

Проследив за взглядом своего спутника, командир Бленхайм увидела то, как выполняется ее вчерашний приказ: один из старых центров управления обороной проходил предварительное обследование группой опытных техников. Кстати, многие из них прибыли сюда на одном с ней корабле. Она сказала:

— До конца войны еще очень и очень далеко.

Сидящий рядом Хариварман тяжело вздохнул. Он вряд ли мог сомневаться какую именно войну имеет в виду она или любой другой Темплар. Войну, которую все человечество, за исключением жалкой кучки поганных Добрых Душ, должно быть готово вести всегда и везде, чтобы выжить в беспощадной войне с берсеркерами. Он сказал:

— О, если б я мог надеяться на Совет.

Анни Бленхайм внезапно осознала, что и она, и Генерал сходятся в одном — человечеству необходимо объединить свои усилия, чтобы довести войну с берсеркерами до победного конца. Анни поняла это уже очень давно, но она не собиралась заниматься обсуждением политических вопросов с заключенным, и это первое, отчасти политическое заявление, с которым она не могла согласиться, могло вывести их на серьезный политический разговор. Она поспешила сменить тему:

— Здесь столько свободного места, не находите? Просто гигантские пустоты и пустоши. Я, конечно же, подозревала еще до приезда сюда, что все так и будет. Но сейчас, когда я рассмотрела все основательно изнутри, я просто поражена!

Генерал посмотрел по сторонам и поднял глаза вверх, туда, где огненной точкой горел в безвоздушном пространстве Радиант, силой отталкивания удерживая атмосферу, их тела, да и все остальное от неизбежного падения. Опальный Принц сказал:

— Да, действительно, эту скорлупу пронизывают миллионы залов и коридоров. Места, конечно, достаточно, чтобы убежать и спрятаться, если бы я собирался это сделать. Сотни кубических километров свободных площадей. Вот здорово!.. Но, если как следует разобаться — бежать некуда.

«Опять он жалуется на свою долю заключенного... И что же в этом особенного?» Просто, быть может,

подсознательно, командир Бленхайм ожидала от этого человека большей стойкости, может, потому, что слишком много о нем слышала, но, окажись она на его месте, быть может, вела бы себя куда малодушнее. Но в данный момент она не собиралась сочувствовать Генералу, вместо этого она дала свою оценку:

— С тем количеством людей и материалами, что я располагаю — это чересчур большое пространство, чтобы сделать из него неприступную твердыню. Учитывая то, что вопрос о практической обороне может возникнуть уже через пару лет.

— Будем надеяться, что этого не произойдет. Однако, за последний год активность берсеркеров в районе Восьми Миров делала возможность нападения на Радиант все более реальной, — Хариварман смолк.

Эта Крепость сегодня все более походила на музей, а ведь некогда была Непобедимым Оплотом, какого им даже видеть не приходилось.

За окнами автомобиля проплыла туристическая группа — люди с разных планет, на чисто формальной экскурсии по Крепости в большом, открытом автобусе. Командиру Бленхайм стало любопытно: «Остановятся ли они у лаборатории Сабеля?»

Туризм уже не был здесь таким процветающим бизнесом, как во времена Сабеля, да и численность населения города даже близко не достигала былого. Пытаясь вновь завязать разговор Анни Бленхайм напомнила об этом Генералу. Он согласился:

— Население во времена Сабеля составляло более ста тысяч, вы знали об этом? Не знаю, какова официальная статистика теперь, но глаза вас не обманут. Ясно, что нынешнее население гораздо малочисленнее прежнего. Очень многие граждане ныне работают здесь по обслуживанию туристической техники или в качестве вольнонаемных на Базе. Целая команда сидит на научной станции. Ну и, конечно же, ваши Темплары — составляющие большинство.

— Скоро здесь будет гораздо больше людей, как гражданских, так и военных.

— Неужели?

— Сюда переводится Академия Темпларов. Первый класс из приблизительно сотни курсантов начнет прибывать сюда, меньше чем через стандартный месяц.

«Вот это новости! Кажется, Генерал сильно заинтере-

совался». Она предположила, что любая перемена, а особенно, обещавшая Радианту приток большого количества людей, была для него интересна. Он спросил ее:

— И где вы собираетесь их всех расселить? Как вы уже заметили, свободного места здесь хватает, однако, не каждое место здесь пригодно для жилья.

— Мы подыскиваем секции, желательно, вблизи от Базы, которые легко можно будет привести в порядок. А для военной подготовки, пожалуй, сгодится внешняя сторона оболочки. И возможно, я попрошу вас еще раз быть моим гидом. Мне кажется, что вы превзошли Доктора Сабеля, по крайней мере, в исследовательском интуизме.

— Я к вашим услугам, когда угодно, — кивнул он. — И это, действительно, будет лишь исследование. Что-нибудь там перестроить будет очень сложно. В тех дебрях можно и Черта встретить. — Он посмотрел на нее так, как будто был не совсем уверен, что она поймет его сравнение. Она и не поняла... Но до нее все таки дошло, что это сравнение. «Черт — надо обязательно посмотреть значение этого слова в словаре». Она продолжала:

— С наплывом курсантов, может, придется некоторое время прожить в тесноте, но не думаю, что нам так уж сложно будет расшириться. Как только первая группа обучающихся уяснит для себя основу космического выживания, мы отправим ее на капитальный ремонт заброшенных секций. Кстати, а где же именно старина Сабель обнаружил своего берсеркера?

— Он наткнулся на него в одном из самых дальних коридоров. Еще более удаленном даже от тех мест, где привык копаться я. Уже в те времена это было на очень, очень большом удалении от населенных районов Крепости.

Она знала, что после происшествия с Сабелем, великое множество удаленных коридоров было тщательно обследовано для поисков других машин, еще вполне способных жить. Конечно же, проклятые железяки отлично маскировались, притворяясь мертвыми, ведь они многое умели. И по сей день не было полной ясности по поводу того, все ли из действующих единиц были уничтожены. Где-то там их могло быть даже гораздо больше, застывших на поле древней битвы, места которой Сабель так и не нашел.

Внезапно Анни задалась вопросом: «Неужели под-

линейная цель исследований Генерала — очередной железный драконище? Конечно же Хариварман никогда бы не стал играть в подобные игры Добродушных, но обнаружить все еще опасного врага, восстановить свою былую славу, когда Принц был всенародным героем Восьми Миров — и между делом преподать урок Темпларам, якобы так долго державшим это место под контролем, но так и не уничтожившим смертельно опасного врага». Да, она понимала, что все это могло его привлечь.

По просьбе Анни, Генерал высадил ее из машины прямо у ворот Базы, рядом с тем же местом, где и подбрал. Она постаралась, чтобы прощание было, по возможности, кратким из-за массы неотложных дел. А жаль. Она бы поговорила с ним еще. Ей подумалось, что, пожалуй, стоит предпринять с ним в ближайшее время еще один совместный выезд с целью лучшего взаимопонимания.

Пройдя через ворота на территорию Базы и отдав, как положенно, честь караулу, она постаралась представить, какой могла быть его, теперь уже бывшая жена.

ГЛАВА 3

Как большинство потомков землян населяющих Миров, Чен Шизуока, никогда не путешествовал вне атмосферы планеты, на которой родился. В человеческом обществе было мало работ, требующих перемещения в космическом пространстве; другими словами, космические полеты были уделом богатых и сильных Мира сего. Чен, бедный студент из бедной семьи, пожизненно был обречен быть вне этих категорий. Конечно же, он как и многие читал описания и даже переживал имитацию, довольно-таки умеренных ощущений космического полета на аттракционе в парке развлечений. Поэтому ничего особенного на ранних этапах своего отлета с Салютая он и не увидел. Космический челнок из космопорта поднял его с дюжиной других рекрутов на межзвездный транспортный корабль, поджидавший на орбите.

За исключением Темпларских эмблем на борту,

транспортный флаер представлял из себя совершенно безликую сферу, впечатлявшую своими размерами всех, сидящих на борту челнока. Некоторые из новых сотоварищей Чена столпились у иллюминатора и с видом знатоков обсуждали тип и маркировку корабля, на борт которого им предстояло пересесть. Чен почти не разбирался в технике, да и все это было ему глубоко неинтересно. Теперь он подозревал, что такой интерес ему вскоре понадобится, учитывая, в особенности, то направление, которое он получит после курса основной подготовки. Ему было интересно, где же он будет служить. Организация Темпларов, история которой насчитывала не одну сотню лет, не зависившая от планетарных правительств и лиг, существовала почти во всех, населенных потомками землян, частях Галактики.

Но мысли Чена, вместо того, чтобы сфокусироваться на новой жизни, в которую он только что вступил, оставались по большей части с друзьями там, в Мире, который он уже покинул, и на который сейчас бросал прощальный, исполненный тоски взгляд, собираясь пересесть с челнока на транспорт.

Большую часть своей жизни он был застенчивым юношей и ему трудно было сходиться с людьми, но те, что встретились ему волею судьбы и вовлекли его в группу политического протеста, были, действительно, его лучшими друзьями. Они помогли ему выбрать цель в жизни и поделились своей мечтой. Хотя надувные берсеркеры были его идеей, и он ею очень гордился. В данный момент Чена больше всего волновало, стреляли ли в его друзей. Он даже представить себе не мог, когда теперь их снова увидит. Надо будет, по возможности, послать им письмо. И он, конечно же, попытается сказать самое главное между строк, приняв во внимание то, что где-нибудь по пути, письмо его обязательно вскроют, прочитают и подвергнут цензуре. Обычно так не делали, но если они уже готовы просто так расстреливать людей... Кому же он напишет? Хане? Но они не были, то что называется любовниками. Слава Богу он еще не успел обзавестись постоянными связями. Кому же послать письмо, чтобы быть полностью уверенным, что его не перехватят по пути следования? Варабург и Янис, но они замешаны во всем этом еще больше, чем он. Старина Сеговия, который, как считал Чен, вероятно был настоящим любовником Ханы, если у нее вообще

были любовники. Чен только пару раз видел его с ней в библиотеке университета и посчитал этого пожилого человека за декана какого-нибудь факультета. Но Сеговия так никогда и не появился на заседаниях группы протеста. А если он решил, что Чен его соперник? Теперь уже удрученный Чен думал, что толку с него в этом интригующем деле было мало, хотя всего лишь несколько часов назад достигнутый успех казался детскою игрой. В конце концов, он решил, что на Салютае почти что ни с кого в этом деле толку не было. Их демонстрация на фоне барки Императрицы была эффективна лишь потому, что власти не смогли адекватно прореагировать. Мысленно возвращаясь к случившемуся Чен не переставал удивляться. Сотрудники службы безопасности действительно стреляли в него, они на самом деле хотели его убить. Кто бы в это поверил? У него это в голове не укладывалось. Это лишний раз показывало, что все было гораздо хуже, чем живописали ему наиболее радикально настроенные из товарищей. Факт этот демонстрировал жизненную необходимость возвращения Принца к управлению страной. Хариварману необходимо будет дать гораздо большие полномочия, чем были у него до изгнания. Он должен стать верной рукой самой Императрицы, силой, что сметет стоящий на пути Закона обширный аппарат мнимых советников и лстецов, которые так распустили Правительство. Да, это было ясно как день. Ситуация призывала к незамедлительным действиям, промедление было подобно смерти.

И не то чтобы Чен собирался в ближайшее время заняться политикой. Темплары, в ряды которых мог вступить кто угодно, традиционно были вне политики. Их делом было сражаться с берсеркерами. «Итак, пока про политику забудем. До тех пор, конечно, пока его не отправят на саму Базу Темпларского Радианта, и там ему удастся лично познакомиться с опальным Принцем, и тогда...», но нет. Чен, вполне обоснованно, был уверен в том, что курс основной подготовки Темпларов пройдет не на старой Крепости Радианта, которая, как он понимал, ныне превратилась в настоящий музейный мемориал. Пара слов, что он уловил краем уха, из беседы сидящих рядом новобранцев, известили его о том, что курс Молодого Бойца рекруты Восьми Миров будут проходить на Нейтрое, легковесном мирке в той же звездной системе, что делила свое солнце с роем ближайших

небольших планет и спутников. «Идеальная планетная система», подумал Чен, «для того, чтобы научить людей, как следует себя вести в весьма широком диапазоне совершенно разных окружающих сред».

Действительно, еще немало пройдет времени, прежде чем он увидит Темплар-Радиянт, если вообще увидит, и осталось лишь надеяться на то, что Принца вызволят из заточения гораздо раньше.

Вскоре после пересадки на борт межзвездного транспортно-флаера, рекрутов собрали в пассажирском салоне. Чен услышал там официальное подтверждение того, что они летят на Найтрой, и что путешествие займет приблизительно около восьми дней, то есть, в четыре раза дольше прямого скорого перелета.

Задержка объяснялась тем, что придется сделать остановки в двух Мирах, чтобы забрать ожидавших там новобранцев.

Прошло уже несколько дней, Чен оставался настолько погруженным в себя и свои проблемы, что его практически не интересовало то, что происходит вокруг. Рекрутская территория на корабле, пространство, уже само по себе ограниченное, стало казаться и вовсе тесным после прибытия новой группы на первой из остановок. Однако, пополнение на этот раз оказалось преимущественно женским, после чего размеренная жизнь на борту приняла решительно иной оборот. О, сколько языковых барьеров и ступеней общественной градации нужно было теперь здесь преодолеть; тем более, что Темпларская команда корабля не делала и малейших попыток начать изнурительные тренировки, или хотя бы поднять на должный уровень дисциплину, ограничиваясь лишь строгим выполнением элементарных правил безопасности. Все это могло подождать тех, кто, действительно, знает дело — профессиональных инструкторов в бараках лагеря Школы Молодых Солдат на мрачном Найтрое. Именно с этого момента, подавляющее большинство новобранцев стало активно наслаждаться перелетом. Чен, вероятно, поступил бы так же, будь иными условия его вербовки, но дела обстояли пока так, что ему было не до радостей.

Он все пытался себя убедить в том, что поведение Темпларов по отношению к нему пока что подтверждало то, что содержалось в Традиционном Законе — вступле-

ние в их орден избавляло от преследований по любому из планетарных кодексов.

И если его данные были точны, а в большинстве они были почерпнуты из дешевых приключенческих рассказов, что в общем-то и беспокоило его. Единственным исключением из этого общего правила были особо опасные преступники, изобличенные в последней степени измены. И вряд ли какую-то демонстрацию, уверял себя он, пусть даже и шумную, успешную и откровенно обращенную к нынешнему политическому истеблишменту, можно прировнять к данной категории. Итак, он не видел причин, по которым законный юридический иммунитет не мог бы на него распространяться, но ему было бы гораздо легче, будь он абсолютно в этом уверен.

Прошло еще несколько дней межзвездного перелета, на редкость комфортного и тоскливого. С наглухо заделанными иллюминаторами, и отлично работающей системой внутренней гравитации, Чен чувствовал себя словно заточенным в нескольких комнатках своего родного Городка, среди банды незнакомых ему, очень похожих друг на друга подростков.

Вскоре флаер вышел в другую солнечную систему, материализовавшись из царства бортовых компьютеров в относительное время и быт экипажа, которые простодушным человечеством обычно именуются нормальными. Корабль плавно перешел на планетарную орбиту и принял дополнительную группу призывников уже с другого челнока. После второй краткой остановки, когда флаер вновь находился в глубоком автопилотном полете, и иллюминаторы были непроглядно черны, в пассажирский салон вошли два профессиональных Темплара из команды корабля. Они сразу же направились к Чену.

Оба Темплара были пожилые, сильные и отважные ветераны.

— Призывник Шизуока — начал первый. Чен с удивлением оторвался от какой-то игры и посмотрел на него.

— Да, да сэр, извиняюсь.

— Встать! Пройдемте! — Похоже это был приказ.

Они вывели его под руки из салона, прочь от ошарашенных сотоварищей, куда-то в незнакомую часть корабля, где Чену прежде бывать никогда не приходилось. Там, в какой-то камерке, за глухими дверями к его удивлению и внезапной ярости, ему тут же приказали

догола раздеться, и тщательным образом обыскали. Одежду его не только прощупали, но и просканировали специальным электронным устройством, прежде чем он получил ее обратно. Вопросы и возмущенные протесты Чена, вначале робкие, а чуть позже яростные, полностью игнорировались. Он даже собирался подраться, но поглядев на размер их кулаков, благоразумно передумал.

Уже снова одетый он обнаружил, что его ведут в другую, еще более маленькую комнатку. Не последовало никаких объяснений, лишь односложные приказы. Дверь за его спиной с шумом захлопнулась, оставив его теперь уже в полном одиночестве. Это и впрямь была очень странная комнатка, весьма скудно и по особому меблированная.

Понадобилось еще некоторое время, прежде чем он понял, что его заперли на корабельной гауптвахте.

— Призывник Шизуока!

Чен стал дико озираться по сторонам. Вероятно голос исходил из хорошо замаскированного динамика.

— Что-что? — замямлил он.

— Вы будете содержаться здесь до прибытия на Радиант.— Это был мужской утомленный голос.

— До прохождения дальнейшего разбирательства там.

— Пока мы не прибудем... куда?

Ответа не последовало.

«Прибудем на Радиант... Именно это сказал голос». Чен рот раскрыл от удивления, ему хотелось кричать, задавать этим стенам тысячи вопросов, но насчет того, по какому поводу будет расследование, сомнений у него не возникало.

Прерывать торжественное шествие протестом, похоже, стало одним из страшнейших преступлений. И у него не было сомнений по поводу того, что голос назвал пунктом их конечного прибытия. Именно Радиант, а не систему Найтрой, о которой постоянно твердили волонтеры на борту.

Но почему?

В камере был какой-то визуальный экран занимавший большую часть потолка, но Чен не знал, как его включать. Очевидно, он был здесь на тот случай, когда они ему пожелают что-нибудь показать... иначе... Там были также встроенные в верхнюю панель часы, и они работали. Чен подумал, что они, вероятно, могут их

выключить, когда пожелают. Но часы пока что продолжали отсчитывать время.

Если б Чен знал, как далеко от них Темпларский Радиант, это было бы сейчас очень кстати...

Обед прибыл вовремя, подносы автоматически выдвинулись из шкафчика над мусоропроводом. Пища была вполне съедобная, не хуже и не лучше той, что давали здесь всем остальным. Спартанский рукомойник функционировал. Для развлечений в камере имелось несколько старинных книг и считывающее устройство, так что за несколько последующих дней Чен неплохо ознакомился с древней литературой. Иногда он развлекался, фантазируя, что вдруг у девятнадцати невинных рекрутов там, в салоне, возникнут серьезные проблемы с дисциплиной, тогда бы в камеру привели пополнение. Но, однако, он очень сомневался в этом. Интересно, что они там сказали остальным по поводу его ареста? До последней планетарной остановки отношение Темпларской команды к Чену Шизуоке было подчеркнуто безразличным равно, как и ко всем остальным. Но вот сразу после остановки ему пришлось отправиться на гауптвахту и, конечно же, не за то, что он совершил на корабле. Значит, какая-то информация о том, что он сделал или, по крайней мере, в чем обвинялся, уже достигла этой удаленной от Салютая планеты и поступила вместе с очередной партией рекрутов на борт, где ее и передали командованию флаера Темпларов.

Чтобы ни услышала команда о Чене Шизуоке, обсудить это дело с начальством у них времени не было. Они были вынуждены принять незамедлительное решение, и по своей собственной инициативе решили не брать его на Найтрой, как было запланировано. Вместо этого, под свою ответственность, они решили отправить всю партию рекрутов прямо в Крепость Радианта. Интересно, что же все-таки им сказали?

До самой последней минуты никто так и не предупредил Чена о том, что путешествие подошло к концу, так же, как никто заранее не предупредил его об аресте. До самых последних мгновений, когда от резкого скачка искусственной гравитации, на палубу корабля полетела громыхая какая-то пустая банка, скрежеща, словно песок о дно причалившей лодки.

Чену известно, естественно, по приключенческим рассказам, что так включается межзвездный привод

и начинают действовать силы, возвращающие корабль в систему координат нормального времени. Еще несколько минут прошло в полной изоляции.

Внезапно дверь камеры распахнулась. Голос Темплара сказал:

— Выходи, мы высадим тебя в первую очередь.

И наконец-то, под бдительным эскортом его провели по коридору. Проходя мимо незачехленного иллюминатора Чен имел неплохую возможность, как следует разглядеть место, куда его вели. Они все еще находились в космосе, и почти закрывавшая иллюминатор Крепость Радианта напоминала ему описания, вычитанных в книгах и слышанные в рассказах о гигантских берсеркерах. Это была огромная, толстокожая сфера, усеянная трещинами и пробоинами древних битв, все еще величественная, ошестинившаяся, как мог предположить Чен, различными видами наступательных и оборонительных сооружений. Черные тени закрывали большую часть искалеченной поверхности сферы, ибо вокруг нее в кремешной бездне не горело ни одной звезды.

Пространство, окружающее Восемь Миров, продолжением которого являлся этот форпост, было изолировано от остальной части Вселенной огромным Галактическим облаком черной пыли и газа, и попасть сюда можно было лишь через отдельные дыры в пространстве, находившиеся вблизи населенных людьми планет, считавших себя основой и центром Галактических цивилизаций.

Огромная сфера полностью закрыла иллюминатор, после чего флаер, прежде казавшийся Чену таким огромным, скользнул в какое-то отверстие на захлавленной поверхности этой искусственной планеты. Этот, довольно узкий проход, как позже сообразил Чен, не вел прямо к космопричалу, вероятно, находившемуся вблизи центра Крепости или на его внутренней поверхности, а разветвлялся в разные стороны, постоянно петляя. Чен понял, что это, очевидно, сделано с целью запутать возможного противника. Вероятно, между флаером и Крепостью велись предварительные переговоры по радиации, непосредственно касающиеся Чена, ибо как только они причалили, его поспешно выпроводили с корабля первым.

Опять же под охраной Темпларов он был проведен по узкой мостовой, выглядевшей гораздо чище тех, что ему

приходилось видеть прежде. Похоже, притяжение здесь было естественным и приближалось к земной норме.

В возвышающемся неподалеку доке стоял на приколе еще один корабль, только уже туристический, огромный, но на редкость заурядный, для такого экзотического места, объект. Нечто, напоминавшее солнечный свет, пробивалось сквозь окружающий мостовую кустарник, заросли дикого винограда и отдельные деревья. Их листочки шелестели на ветру, который предполагал, что поверхность планеты открыта.

«Наверное, это все-таки искусственный ветер» — решил Чен.

Прежде чем он успел посмотреть на знаменитую, служившую здесь вместо Солнца загадку, его затолкали в какое-то мрачное помещение.

Два внушительных, безмолвных Темплара приказали ему сесть на каменную скамью и ждать. Но не успел Чен, как следует, усесться, как они вновь подняли его на ноги.

— Командир Базы хочет с тобой поговорить, — предупредил вошедший офицер. — Так что, смотри у меня...

И вот вошла она, четко печатающая шаг, в сопровождении охраны. Командир Базы удивил Чена тем, что оказалась молодой женщиной.

«Хотя, впрочем, и не такой уж молодой», — поправил себя мысленно он. Так же подумалось, что неплохо бы было ей сейчас отдать честь, как сделали все остальные в комнате, но его еще так и не научили тому, как это правильно делается.

Когда она церемонно остановилась рядом с ним, Чен попытался обрести надежду во взгляде ее невероятно голубых глаз. Но то, что он там прочел, было Угрозой. Открыв рот, она сухо отчеканила:

— Я командир Бленхайм. Я понимаю, что вы вступили в ряды Темпларов, чтобы избежать судебного преследования на Салютае.

— Да, да, так точно, сэр, ой то есть мад... ам...

Безразличные физиономии доброй дюжины офицеров, включая капитана транспортного корабля, расплылись в некое подобие улыбки. Но все они подчинялись командиру Бленхайм, и хотя видно было, что смотрят они на Чена как на отпетого лжеца, никто из них не выказал и малейшего намерения задать ему какие бы то ни было вопросы самостоятельно. Это было в компе-

тенции лишь их непосредственного начальника. Вполне обоснованно командир спросила Чена:

— Вы действительно, виноваты в том, в чем вас обвиняют?

— Мадам, возможно мне понадобится адвокат.

Она старалась не выходить из себя. К удивлению Чена, она больше напоминала беседующего со студентом университетского декана.

— Похоже, да... точнее, через некоторое время. Видите ли, если против вас и будет возбужден процесс по этому делу, то проходить он будет не здесь. И когда придет час, я абсолютно уверена, что вам обязательно дадут адвоката. Послушайте, молодой человек, то, на что я надеюсь — это лишь какое-то признание, а ваши показания сделают очевидным для всех, что все это какая-то чудовищная ошибка. И нет нужды затевать всю эту заваруху, чтобы отдать вас на казнь, за измену высшей степени, отягощенную злодейским убийством. Может я надеюсь на слишком многое?

— Убийство?! — Чен сначала не воспринял этого слова вообще. — Бред, чушь собачья. Словно камень с сердца. — «Все правильно, значит, это ошибка, раз она говорит о ком-то другом».

Но внезапно все случившееся стало приобретать зловещий смысл. Убийство и высшая степень измены сразу. Да еще если учесть то, что в него стреляли...

Командир Бленхайм внимательно смотрела на него. Затаив дыхание, он постарался понять ее взгляд. Но уже знал ужасающую правду еще до того, как она заговорила вновь. Не отрывая от него пристального взгляда она отчеканила:

— Ее Верховное Величество Императрица была убита в самой гуще праздничного шествия на планете Салютай, всего лишь за несколько часов до того как вы завербовались в Темплары, в столице той же планеты...

Командир Базы продолжала что-то еще говорить, но Чен уже ничего не слышал.

ГЛАВА 4

Лескар находился в районе городского космопорта — его всегда можно было здесь найти, когда в Крепость прибывал очередной флаер. Сегодня, как и обычно, в таких случаях, он вертелся здесь, стараясь собрать как можно больше свежих новостей, что привозились на Радиант с транзитными командами и пассажирами.

Сегодня с этой целью седеющий человечек обрабатывал своего старого знакомого — техника по обслуживанию оборудования космопричала, как вдруг они услышали сообщение о прибытии второго корабля, ранее не ожидавшегося. Сообщалось, что с флаером Темпларов только что связались по радио, и что скоро корабль пришвартуется к Радианту.

Лескар сразу же направился к своему излюбленному наблюдательному пункту — обзорному балкону, рядом с внутренними доками. И как раз успел увидеть прибытие транспортного флаера.

Огромная сфера показалась в одном из стометровых в поперечнике выходов гигантского корабельного канала, что прорезал километры скалистой коры Крепости и вместе с доками служил единой системе космопричала. Шар флаера вошел в атмосферу сквозь пленку силового поля, натянутую перед ним. Силовые поля расступились плавно, обеспечивая проход кораблю. При этом сохраняя в полости Крепости атмосферное давление, для поддержания которого они и были разработаны. Для создания прохода требуемых параметров система силовых полей служила куда лучше механического воздушного замка.

Лескар старался ничего не упустить. Да, без сомнения, это был флаер Темпларов, и в сегодняшнем расписании его прибытие не значилось. Пожалуй, происходило нечто из ряда вон выходящее. К сожалению, Лескар не мог толком разглядеть, кто сойдет с корабля и кого возьмут на борт, какой груз будут снимать и принимать. Форма гигантских доков и высота стен, частично их окружавших, не позволяли этого сделать. Он видел лишь верхнюю полусферу корпуса корабля покрывшуюся инеем.

Лескар не стал ждать пока атмосферная влага на корпусе превратиться в лед. Вместо этого он продолжил

обход тех закоулков, где, как ему казалось можно будет кое-что разузнать, прежде чем об этом объявят по радио. Еще за час до официального сообщения о прибытии транспорта ему стала известна потрясающая новость. Слишком сенсационная, чтобы в нее не поверить. И, как только он получил первое тому подтверждение, немедленно помчался прочь. Как обычно, задрав вверх свое безразличное заострившееся личико, он спешил с потрясшим мир сообщением прямо к Принцу. Лескар даже представить не мог, какое впечатление произведет на изгнанника убийство Императрицы, да и не пытался это сделать. Он не сомневался, что Принц мгновенно оценит ситуацию и расставит все точки над *i*.

Слуга знал, что Принц Хариварман находился слишком далеко от города и порта, решив посвятить весь день археологическим раскопкам, все более занимавшим его в последнее время. Лескару понадобилось всего лишь несколько минут, чтобы добежать до особняка ссыльных на самой окраине города. Он сразу же открыл гараж для разрешенных им средств передвижения и сел за пульт управления второго многофункционального летательного аппарата, который еще оставался здесь. Убедившись, что на борту имеется скафандр, Лескар включил зажигание и оторвал аппарат от земли. На такой машине любая точка в пределах Крепости достигалась в несколько минут.

Все еще управляя вручную, он полетел в сторону ближайших ворот силового поля, пропускавшие транспортные средства в безвоздушные внешние части Крепости. Лескар догадывался где сегодня может работать Принц. Но найти его флаер в обширных лабиринтах внешних коридоров и залов было делом безнадежным, если бы не специальные локаторные устройства, что постоянно подавали сигналы с этих двух необычных машин. Конечно, на самом деле эти локаторы просто облегчали слежку Темпларам. Но провидение позаботилось, чтобы необычным эффектом их действия было то, что и Принц, и Лескар могли всегда легко найти друг друга. Их тюремщики даже подумать не могли, что ссыльные попытаются использовать эти шикарные аппараты для побега — их сравнительно простенькие космоприводы для такой цели совершенно не годились.

Без настоящего межзвездного привода, при помощи которого хитрая технология искривления пространства

позволяло летать быстрее света, беглецам с Крепости Радиант было не обойтись. По крайней мере, в течение отпущенной человеку жизни, срок которой не превышал несколько веков.

На дисплее панели управления перед Лескаром мерцал план основных внешних коридоров Крепости. Недалеко от одного из центральных проходов светилась красная точка, обозначающая местонахождения Принца. Набрав простенький код, Лескар направил туда свой флаер, и вскоре почти достиг границы населенной поверхности, способной пропустить его машину за пределы атмосферы. Серая дымка ворот силового поля активировалась и повторила в обратном порядке цикл, в результате которого Большие Ворота Космопорта пропустили межзвездный транспорт.

Поле покрыло серой пленкой стекло кабины, затем пропустило машину Лескара, сомкнувшись где-то позади, став прозрачным еще до того, как он умчался прочь.

Теперь крохотную скорлупку, в которой находился слуга Принца, окружала великая тьма, оживляемая лишь сигнальными огнями его флаера. Лескар высветил грубо обтесанные каменные стены полузаброшенного маленького корабельного канала. Стены бесконечной каменной трубы замелькали все быстрее в абсолютной тишине вакуума. Включив автопилот Лескар теперь уже имел возможность облачиться в легкий космический скафандр; ведь вполне возможно, что Принц не будет сидеть в машине а предпочтет пешую прогулку по развалинам.

Принц был чем-то занят в одном из отдаленнейших коридоров внешней части Крепости. Здесь он уже успел установить небольшую батарею автономных светильников, а так же соорудил временное укрытие необходимое для проведения им здесь некоторых экспериментов. В свете ламп он внимательно разглядывал картины, частично высеченные, частично нарисованные на древних каменных стенах. Он мог любоваться на дарданианские орнаменты до бесконечности. В них было много общих элементов, существовало своего рода, эстетическая связь между соседствующими изображениями, но они никогда не повторяли друг друга в точности. И тем не менее больше половины изображенного, невозможно было понять, точно так же, как и непостижимые для разума земные древности Докосмических Времен. Ко-

нечно же Хариварман был не первым, кто стал изучать памятники Дорданианского искусства здесь в Крепости, но чувствовал себя Пионером их систематического исследования. Здесь было что изучать, кроме дарданианских надписей и изображений на стенах, хотя даже их изучению можно было посвятить несколько жизней. Размеры одной лишь Крепости со всем ее содержимым отбрасывали любую мысль о всеобъемлющем изучении.

Копаясь в заваленных много веков назад залах, открывая покрытые пылью столетий шкафы и загадочные контейнеры, Хариварман обнаружил немало, поставивших его в тупик, находок. Не так давно он нашел даже пару записей дарданианской музыки, и теперь, во время работы, прислушивался к звукам не идентифицируемых инструментов и необъяснимых мелодий. И порою казалось ему, что это голоса дарданианских призраков...

В настоящий момент он работал, паря в невесомости, окруженный ценнейшими старинными надписями, километрами белокаменного кружева и лабиринтом комнат, в которых еще стояли металлические и сделанные из каких-то других материалов сундуки, хранящие реликвии дней былой славы дарданианцев.

С тех пор, как Принц стал заниматься этими исследованиями, он не переставал удивляться, что здесь еще не роется целая армия кладоискателей, орда крупнейших археологов и историков, с доброй сотни Миров бросивших ему вызов.

То, что он занимается этим в полном одиночестве, по меньшей мере, казалось странным. Но Темплары слишком не любили посторонних, поэтому всегда проводили такие исследования самостоятельно. Однако, они ничего не имели против занятий Харивармана. Он подозревал, что Темплары считали приблизительно так: «Чем бы Принц не тешился, лишь бы в заговорах не участвовал».

Еще один плавный поворот стены широкого коридора, стена испещренная надписями, которые, как показалось ему, представляли особый интерес. Принц установил себе временное укрытие, наполненный воздухом, прозрачный шар из сверхплотного пластика, снабженный воздушным замком. Проплывая внутри этой сферы, он нашел, что настенные надписи менее интересны при ближайшем рассмотрении. Внезапно Хариварман почувствовал какое-то движение, игру теней, тусклые отблески отдаленных сигнальных огней.

Все говорило о приближении по одному из главных проходов быстролетящего флаера. «Наверное, это Лескар. Темплары патрулировали эти удаленные районы Крепости крайне редко, и вряд ли, это мог быть кто-то другой», — подумал Принц.

Цвет молниеносно приближающихся, ослепительно сверкающих огней подтвердил, что это был флаер Лескара. Хариварман, выключив свою любимую дарданианскую музыку, настроил радиопередатчик на переговоры, однако приближающийся Лескар хранил молчание. Это могло означать лишь то, что на этот раз он принес особо важные известия и не желает, чтобы враги подслушали их разговор. Но были ли обоснованными такие предосторожности?

Когда-то в глубокой древности какая-то дарданианская система связи, вероятно, соединяла весь этот путаный лабиринт помещений и шахт, а может быть и нет. Вероятно, был какой-то ритуальный, церемониальный, а может, чисто эстетический смысл в ее полном отсутствии. Теперь не осталось никаких свидетельств в пользу того, что когда-то такая система существовала. Дарданианцы, бывшие, подобно разумным обитателям Галактики, потомками Землян, с тех пор давно исчезли, и не было уже никого, кто бы мог понять и объяснить оставленные ими следы. В настоящих условиях, по различным техническим причинам, радиопереговоры внутри Крепости считались делом безнадёжным из-за множества помех и ими редко пользовались. Но уже четыре года изгнанники исходили из того, что так действительно навязанные им Темпларами флаеры могут быть на шпигованы подслушивающей аппаратурой, записывающей все разговоры, столь нежелательных для нынешних хозяев этой искусственной планеты, гостей.

Экипаж Лескара остановился рядом с временным укрытием Харивармана. Седой человечек в скафандре выплыл из кабины, и, на понятном только двоим им коде, прожестикнул, что хочет немедленно переговорить с Принцем без радиопередатчика. Хариварман жестом пригласил его в надувную сферу, которую по его мнению, невозможно было прослушать. Там то он и узнал принесенную слугой новость.

Когда Хариварман узнал, что Императрица мертва, он плавно перевернулся в невесомости, задевая ботинками и перчатками стены сферы.

Глядя теперь на расписную стену, так занимавшую его несколько минут назад, он не видел в ней ничего, кроме огромной и никчемной игрушки. «Вот какова сила самовнушения! Вот каков результат вмешательства реального мира политики и власти». — подумал Принц.

Мгновенно воспоминания, связанные с Императрицей, промелькнули перед его мысленным взором... Вовсе не родственная ему по крови, она все равно иногда, в лучшем смысле этого слова, была ему матерью, а чуть позже стала настоящим врагом. Именно она заслала его сюда. Печаль по поводу ее смерти смешивалась с чувством мстительной радости. Хариварман понимал, что такая реакция вполне естественна.

Почти тотчас же мозг Принца активно заработал. Необходимо было учесть влияние ее убийства на политическую ситуацию в целом, на равновесие властей, а в особенности — на Правящий Совет Восьми Миров. Когда в следующий раз восемь полномочных представителей воссядут на свои церемониальные троны, от них будет зависеть, какая следующая Императрица или Император займут место на Главном Троне в центре зала. Они будут выбирать.

Лескар тоже плавал в невесомости внутри укрытия, нетерпеливо ожидая, когда же, наконец, уста хозяина изрекут мудрые слова. Повернувшись к нему Принц спросил:

— А вы видели этого молодого человека, который, как предполагают, совершил убийство? Хотя, нет, я думаю, у вас не было такой возможности.

— Совершенно никакой, сэр. Но, говорят, это студент из университета, урожденный салютаец, который, сразу же после убийства Императрицы, записался в Темплары, дабы избежать наказания.

— Ах да, все понятно, но почему Темпларам понадобилось везти его сюда, если они знали, что в этом случае его необходимо отдать под суд? И что крайне важно — может быть, есть причина, по которой они решили заступиться за такого человека?

— Не думаю, господин, что они это сделают.

— Тогда любопытно, зачем он здесь понадобился, ты не находишь?

— Господин, видите ли там было и еще кое-что. Просто люди рассказывавшие мне все это, не предали этим фактам должного значения...

— Что, что такое?

— Прямо перед убийством, произошедшем на Параде по случаю Праздника Жизни, имели место политические демонстрации. И одна из них с требованием вернуть вас из ссылки. И этот молодой человек был, явно, одним из главных организаторов этой акции гражданского неповиновения.

Хариварман молчал. Он глубоко задумался. Ситуация, пока еще очень туманная, вырисовывалась перед ним, но очертания ее были отвратны.

— И это, кроме того, что он еще и Императрицу убил. По крайней мере, они считают, что убил. Ясно. Вот все, что мне нужно. После небольшой паузы Принц продолжил:

— Похоже, меня обвинят в заговоре с целью ее убийства. Весьма похоже на это. По крайней мере, предпосылки для этого уже созданы. Итак, если я намереваюсь сделать что-то для своей защиты, я должен прежде увидеть его, этого предполагаемого убийцу. Быть может, они притащили его сюда для того, чтобы разделаться со мной?

Лескар покачал головой. Он знал, и в прошлом это не раз подтверждалось, что его хозяин, мысленно слишком опережает события, проигрывая возможные варианты на много шагов вперед.

— Я считаю, Ваша Честь, что привезли его сюда лишь потому, что завербовали его прежде чем узнали кто он такой и в чем обвиняется. А когда узнали, их охватила паника. Вы же знаете, что Темплары не привыкли выдавать властям своих людей. Даже новобранцев. Они просто не привыкли поступать иначе. Любой офицер Темплар выдавший властям члена ордена, будет...

— Да. Ты прав.

Лицо Лескара дернулось, что означало крайнюю степень эмоциональной напряженности.

— Они просто ничего другого не могли придумать, кроме того, чтобы привезти его сюда. Эта твердыня — штаб Темпларов, единственная юридически им принадлежащая территория, их родной дом. И здесь они чувствуют себя в большей безопасности, чем в тренировочном центре на Нейтрое.

— Может ты и прав. — Принц размышлял вслух — скорее всего. Для принятия окончательного решения они

отправили его к Верховному Генералу, но тот, как говорят, в постоянных разъездах по Галактике. Может, они не в состоянии сейчас с ним связаться... видишь ли, в настоящий момент в Крепости нет правомочного руководства, способного вести политику Темпларов в столь важном и щекотливом вопросе. Наш новый командир — баба кровь с молоком. Нет. Таких людей здесь нет. Может, кто-то еще прибыл сюда на том же корабле? Ничего по этому поводу слышно не было? Что ж, тогда им только придется ждать решения Верховного Генерала. А ему, прежде чем что-то решить, необходимо будет прилететь сюда и поговорить с обвиняемым. И, конечно же, будут требования отдать его под суд...

Как следует поразмыслив, Лескар согласился с хозяином. Некому было больше выполнять роль политического советника у Принца, поэтому старый слуга и взялся за эту работу, выполняя ее с не меньшим рвением, чем свои прямые обязанности.

— Да, вообще похоже на то, что под суд они его все-таки отдадут. А вы, Ваша Светлость, собираетесь еще с этим Ченом встречаться, разумно ли это?

— А какая будет польза в отказе? Как я еще смогу узнать, убивал он или не убивал Императрицу? Кстати, не отрицает ли он своей вины?

— Понятия не имею, мой господин.

— Мм да... Кто бы ни был на самом деле этот Чен, и что бы он там не рассказывал, я твердо уверен, что наши гостеприимные хозяева вскоре пожелают организовать нам встречу. Им будет любопытно проследить за тем, как мы друг на другаотреагируем, а потом уж они решат — замешан ли я в этом... Спасибо тебе, добрый Лескар, что вовремя предупредил. Все это означает скорые перемены для всех нас, вне всякого сомнения, и в самое ближайшее время.

Лескар, как всегда, воспринял благодарность хозяина с чувством легкого замешательства.

— Ваша Честь, желаете отправиться в город сейчас же?

— Нет. Не стоит торопить мое появление на сцене. И поменьше суеты. Отправляйся обратно. Я хочу побыть один и еще немного подумать. — Он опять посмотрел на древнюю надпись. — Возможно, я решу, что мне здесь делать дальше. Если я буду теперь еще хоть чем-то заниматься.

— Да господин, я постараюсь еще что-нибудь разузнать.

— Давай, давай. И если вдруг Темплары скажут тебе, что очень торопятся поговорить со мной, сообщи, что они без труда найдут меня здесь.

Через минуту флаера с Лескаром уже не было. Хариварман остался один на один с незримым присутствием дарданианцев, но эти туманные призраки рассеялись как дым, сделав воображаемое общение с ними невозможным.

Глядя сквозь прозрачный пластик укрытия, Принц видел, как погасли последние фантастические отражения бытовых огней машины Лескара. Теперь только его собственные светильники сдерживали натиск Великой Тьмы.

«Императрица мертва. «— Сбывались самые мрачные из его предчувствий. Его заклятые враги, Рокелор и его банда теперь точно постараются от него навсегда избавиться». Не ясно только одно: как лучше всего вести себя с врагами сейчас, чтобы лишний раз не накликать их гнев?» Чем больше он об этом думал, тем меньше понимал. Он уже жалел, что не поддался на уговоры Лескара совершить побег с Радианта еще два года назад...

Постепенно Принц вернулся к своим археологическим изысканиям. Он старался убедить себя в том, что когда занимаешься всеми этими промерами, фотографированием, записями — думается легче, но через пару минут понял, что работать не в состоянии. Он больше не мог убеждать себя в том, что энергия его должна быть обращена на эти поиски. Каждым делом надо заниматься профессионально, а он уже больше не чувствовал себя профессиональным археологом. По крайней мере сегодня. А день завтрашний вдруг стало трудно предсказать.

Без лишней суеты Принц облачился в скафандр. Затем выпустил из пластикового убежища воздух, скатал его и упаковал его в багажник флаера. Машина стояла у входа очень узкого тоннеля, в который более крупная техника уже не могла протиснуться.

Как гласили древние надписи — Сабель пользовался аппаратами сходного типа. Они изготавливались более зауженными, учитывая тесноту здешних коридоров.

И хотя занятие археологией внезапно перестало интересовать Принца, он знал, что еще будет по нему

тосковать. Даже если вся эта история закончится его триумфальным возвращением к власти, а такая возможность не исключалась, он будет тосковать по этому занятию. Но сейчас он даже не был уверен в том, что возобновит его с утра.

Хариварман уже почти упаковал все свое снаряжение в машину, когда болезненное чувство какой-то незавершенности внезапно охватило его. Принцу стало не по себе. В этой части прохода были двери, которые он уже давно собирался открыть. Опыт изысканий подсказывал ему, что за ними обязательно будет две комнаты или один большой зал. Что бы там ни скрывалось, оно еще оставалось неизученным. Принц подумал: «А ведь эти двери ведут в палаты, в которые со времен дарданианцев еще никто не входил». И не было нужды опять распаковывать укрытие или перетаскивать снаряжение из машины. На сегодня хватило бы и чисто визуального беглого осмотра этих комнат. Если он увидит там нечто особенно любопытное, то в следующий раз вернется сюда во всеоружии.

Хариварман извлек из сумки подходящий инструмент и слегка оттолкнувшись проплыл в невесомости прямо к растрескавшимся дверным створкам. Дверь представляла собою прекрасный образец художественного литья, но ничего похожего на замок он на ней не обнаружил. На всякий случай, оглядевшись вокруг, он слегка потянул дверь на себя и убедился, что она все-таки каким-то образом плотно закрыта.

«Наверно прижавела за прошедшие века», — подумал Принц. Вскоре за дело взялся, предусмотрительно взятый Хариварманом, портативный отбойный молоток. И в конце концов дверь распахнулась.

Взору Принца предстала абсолютно темная комната. Хариварман включил прикрепленный к шлему фонарь, и поток света выхватил из тьмы невероятно огромный зал, совершенно не типичный для данной части Крепости. Была там и еще одна дверь, вероятно, для прохода в смежную комнату. Вне всякого сомнения, когда-то здесь функционировала искусственная гравитация...

Некоторое время Принц стоял затаив дыхание. Вначале ему показалось, что большой зал пуст. Но это было не так. У противоположной стены, забились в угол, словно обороняясь от загнавшего ее туда невидимого врага, небольшая, в сравнении с размерами помещения,

машина. Металл из которого она была сделана, тускло мерцал во тьме, словно старинные боевые доспехи. Машина была вовсе не такой уж и маленькой, размером почти что с флаер, только совсем другой формы.

Даже при такой маленькой силе тяжести как здесь, машина покоилась на полу и была так же неподвижна, как и каменные блоки стен. Машина уже давно не работала. Это Принц понял с первого взгляда, в противном случае — Хариварман был бы уже мертв. И это был не андроид. Присмотревшись он понял, что эта штука все-таки будет поменьше его флаера, однако, гораздо больше человека. По виду она больше напоминала насекомое или какое-то непонятное средство передвижения, но на простейшую боевую технику даже и близко не походила.

Очертания ее корпуса предполагали способность к полету в космосе, а характерная выпуклость в основании корпуса, окруженная белизной шести огромных, согнутых и неподвижных паучьих ног сразу же заставляла вспомнить про корпуса спасательных ракет звездолетов людей. Все это говорило о наличии в этой конструкции межзвездного микропривода. Можно было еще сомневаться в деталях, но главный факт был на лицо. Принц Хариварман не сомневался в том, что обнаружил реликтового берсеркера, одного из тех, о существовании которого Темплары и все остальные представители Человечества даже и не подозревали.

ГЛАВА 5

Когда Чен пришел в себя после обморока, командира Базы уже не было. Теперь его окружали совсем другие, одетые в форму Темплары, тащившие его куда-то по коридору. Как только Чен пришел в себя, он сразу же стал громко возмущаться.

— Вы только послушайте, это же безумие считать, что я убил Императрицу! Зачем мне это делать? Я просто хотел заставить ее вернуть из ссылки Принца! Я даже не знал, что ее убили, пока не попал сюда.

Никто с ним не спорил ни по этому, ни по какому другому вопросу. Однако, никто с ним ни в чем и не

соглашался. Похоже, они вообще его не слушали. В данный момент они просто хотели его куда-то запихнуть. По коридору они втащили Чена в небольшую комнату и бросили его на солдатскую койку.

Там он и лежал под бдительным взглядом своих немых стражей, пока в комнату не вошло еще двое людей. Это были медики, и они спешно обследовали подозреваемого. Осмотр занял не более пяти минут, и очевидно, не выявил ничего, требующего врачебного вмешательства, ибо тотчас же обвиняемый продолжил свой путь, все под той же усиленной охраной, и обрабатывались с ним ничуть не лучше и не хуже прежнего.

Чен был почти уверен в том, что теперь его швырнут прямо в какую-нибудь военную тюрьму.

«Интересно, называют ли до сих пор Темплары свои подземелья — «складом», как пишут об этом в приключенческих историях?»

Но комната, в которой он вскоре оказался, была гораздо уютнее, чем он предполагал, и, явно, не относилась к какому-либо тюремному комплексу. Более того, окружающая обстановка скорее напоминала комфортабельный отель. Наконец один из младших офицеров нашел время объяснить Чену, что впредь до особого распоряжения он будет содержаться здесь.

— Что это значит? Я арестован?

— Я не ясно сказал — содержаться здесь.

— Я понимаю, но означает ли это, что...

Офицеры, включая того, что говорил с ним прежде, уже успели покинуть помещение. Чену ответил сержант:

— Формально вы еще ни в чем не обвиняетесь. Команда которая привезла вас сюда, не может обвинить вас, потому что все, что им стало известно, они услышали уже после того, как стартовали с Салюта.

— Но когда же я смогу отсюда выйти? — обратился он, теряя надежду, глядя вслед уходящему военному.

— Я не знаю, — теперь ушли все, кроме ответившей Чену молодой женщины в темпларской форме. Она оставалась у дверей, очевидно охраняя доверенный ей пост. Ответ ее был крайне неуверенным, что подтверждало ее неосведомленность в таких делах и неопытность, которую она даже не пыталась скрыть.

Небольшого роста, с фигурой, достойной восхищения, она, явно, имела в роду предков из черных рас. Именная бирка на груди гласила, что ее зовут Ольга

Хазар. Она все еще стояла в проходе и было очевидно, что Ольга тоже собирается выйти и закрыть за собою дверь.

Чен выпрямился на стуле и спросил:

— Вы собираетесь меня здесь запереть? — одновременно подумав: «Странно, что на посту они оставили лишь одного неопытного солдата, а дверь до сих пор еще не закрыта...»

Она не замедлила с ответом:

— Да, таков приказ. Вы ведь не собираетесь покончить с собой? Если вы суицидны, то за вами нужен глаз да глаз.

— Убить себя? — на мгновение Чен лишился дара речи. Он сразу не нашел нужных слов, чтобы прокомментировать подобное предположение.

— О, если б я хотел умереть, поверьте мне, я не стал бы так далеко забираться.

Внезапно Чен заметил, как в проеме двери что-то промелькнуло, и за спиною Ольги Хазар остановился какой-то крохотный экипаж на воздушной подушке. Видно, никто и не собирався оставлять ее здесь одну, как могло показаться на первый взгляд.

Ольга повернулась, чтобы посмотреть кто прибыл, и через секунду вытянулась по струнке, отдавая честь. Чуть позже в дверном проеме показалась светлая головка командира Бленхайм. Чен вскочил и попытался вытянуться по стойке смирно. Она спросила:

— Ну что, лучше себя чувствуете?

— Да, мэм, благодарю. Но, послушайте, командир, я никого не убивал, тем более Императрицу! Отчего все думают, что это дело моих рук?

Бленхайм обеспокоено покачала головой:

— Призывник, мне трудно угадать с такого расстояния были ли вы замешаны хоть в чем-то из того, что произошло на Салютае. Все, что мне известно, это то, что тамошние власти желают допросить вас по поводу совершенного преступления. Очевидно, кое-кто на Салютае считает вас причастным к этому. Поэтому вы будете содержаться здесь, пока не поступит дополнительная информация. Прежде вы ни в чем не обвинялись?

— Похоже, кому-то там выгодно, — прошептал Чен, — чтобы все считали преступником именно меня.

— Не исключена и такая возможность, — глубоко-

мысленно согласилась командир Бленхайм.— И кому бы это могло быть выгодно?

— Я не знаю, мэм, не знаю, кому и зачем это понадобилось.

Но вдруг его осенило, причина стала для него очевидной.

— Все это, наверняка, как-то связано с Принцем, не так ли? Мне кажется, что некоторые из его врагов не остановятся ни перед чем.

Если у командира и были какие-то политические симпатии или определенное отношение к Принцу, она все равно оставила их при себе. Она пристально смотрела на Чена, словно ожидая, что он скажет еще что-то.

Чен не знал — повредило или помогло ему то, что случайно сорвалось у него с языка. Он смотрел по сторонам. Несколько ободренный ее вниманием, Чен спросил:

— Мэм, пожалуйста, скажите, неужели мне не удастся из всего этого выпутаться?

— Мы собираемся провести здесь что-то вроде маневров, так что вам придется провести здесь не один день. Ведь военная подготовка обязательна для всех, находящихся на Радианте. Вы не будете исключением. В противном случае, я не смогу вам помочь, по крайней мере, сейчас.

За пределами комнаты звучал механический радиоголос. Похоже он исходил из переговорного устройства на машине, которая стояла по ту сторону двери, и когда командир Бленхайм повернулась, чтобы уйти, курсант Ольга Хазар вновь отдала ей честь. Вскоре до Чена долетел приглушенный голос командира, запрашивающей:

— Это что, другой корабль? — Последовал радиоответ, который практически тонул в шуме и треске. А затем дверь комнаты с шумом захлопнулась, но прежде Ольга Хазар бросила на Чена прощальный, исполненный некоторого сочувствия взгляд, после чего решительно повернула ключ в замке с другой стороны.

ГЛАВА 6

Прежде чем вновь забраться в свой флаер и вернуться в город, Принц распаковал кое-что из своего исследовательского оборудования, которое он еще несколько минут назад тщательнейшим образом собрал, и сложил весь этот крайне полезный инструмент в ближайшем пустом помещении. Комната, которую он выбрал для этой цели, мало чем отличалась от других пустых камер вдоль коридора, где он только что совершил величайшее из открытий.

Хариварман сделал этот склад для инструментов и спасательного снаряжения прежде, чем в его голове сложился хорошо продуманный план. Пока это было всего лишь предчувствие, что по прибытии в город ему понадобится всякая причина для того, чтобы снова вернуться сюда. А причина казалась ему вполне веской: нужно забрать оставленное снаряжение. Он пока еще до конца не осознавал почему, возможно очень скоро, ему придется давать подробный отчет о своих передвижениях. И конечно же, он будет в состоянии продемонстрировать любому, кого отправят за ним следить, что истинной причиной его возвращения сюда были именно эти невинно лежащие в пустой комнате инструменты, а не то, что таил мрачный зал совсем рядом. Ему показалось, что все это очень похоже на позиционный ход в шахматной партии, совершаемый по воле инстинкта опытного игрока, когда еще совершенно не ясны его тактические преимущества.

Сложить инструменты в комнате большого труда не составляло. Затем, предавшись мрачным размышлениям, Принц еще раз решил посмотреть зал, где обнаружил «это». У дальней стены таился, готовый к смертельному рывку, берсеркер. Конечно же, это его металлические насекомоподобные ноги создавали такой эффект. Какая-то выпуклость, увенчивающая эту кучу железа, вероятно, служившая берсеркеру головой — если у них вообще были головы — была чуть скошена, а из центра этого подобия головы на Харивармана таращились круглые линзы. Похоже, берсеркер с интересом разглядывал своего нежданного визитера. Бросив на него прощальный взгляд, Хариварман плотно закрыл дверь. Быстро забравшись в свой корабль он сразу же направился в город.

Принц был человек впечатлительный, по крайней мере, в определенные моменты. Вот и сейчас ему казалось, что он чувствует на себе этот тяжелый взгляд мертвых линз, сверлящих его спину. Он плавно вел свой флаер, перейдя полностью на ручное управление и создавая для конспирации видимость того, что по дороге домой он решил еще раз тщательно осмотреть стены этих проходов, расшифровать кое-какие надписи и отметить местонахождения любопытных древностей. Но на самом деле голова Принца в это время была занята совсем другим.

Сам того не замечая он вел флаер в город по совершенно новому маршруту. Он спешил не к дому, где жил вместе с Лескаром, а прямо на Темплар-Базу, где собирался немедленно доложить о своем открытии. Это было естественной реакцией. Докладить о берсеркере-машине любого вида было не только обязательным требованием по любому из человеческих законов, это было единственным, что мог сделать достойный гражданин Галактики. Сообщить о найденном берсеркере так же обязательно, как заявить о неразорвавшейся бомбе, если вдруг случится когда-нибудь на нее наткнуться.

Однако он не особенно спешил. Что-то подсказывало ему, что он должен все очень хорошо обдумать. Даже беглого взгляда на обнаруженную берсеркерскую единицу было достаточно Принцу, чтобы понять: механическое чудовище не особенно сильно пострадало в древней Битве.

Вне всякого сомнения, оно попало на Радиант с волною последнего нашествия берсеркеров, атаковавших Крепость несколько веков назад. Конечно же, оно было повреждено, так как не работало. Вполне возможно была повреждена какая-то часть электронного мозга. Но было так же очевидно, что большая часть смертоносного устройства вполне исправна. Подробно восстанавливая в памяти увиденное (то, что он никогда уже не сможет забыть), Хариварман пришел к выводу, что, судя по всему, это какой-то тип усовершенствованного наземного берсеркера, который вполне мог функционировать как небольшой автономный звездолет, созданный для космической эскадрильи извечных врагов Человечества, коварно напавших на Крепость.

Внезапно Хариварман сбросил скорость и вывернул из узкого корабельного канала в более широкий проход.

Он слишком быстро добрался до Города. Ему все-таки надо было хорошенько подумать, прежде чем там появиться. Его мысли теперь были сосредоточены нижней части берсеркера. Мысленно вспоминая, он все больше убеждался в том, что эта штукавина оснащена межзвездным приводом. Конечно, двигатель в таком маленьком корпусе должен быть элементарно простым и мало чем отличаться от двигателей на спасательных ракетах больших звездолетов принадлежащих людям. Каким бы он там ни был, Принц Хариварман знал одно: двигатель берсеркера может еще вполне быть в рабочем состоянии, а если так — его можно использовать в качестве одного из средств для побега отсюда. Приложив некоторые усилия он и Лескар запросто могут стать владельцами средств передвижения, в мгновение ока способного унести их прочь от Радианта. И если даже не на дружественную им планету, то, по крайней мере, на оживленные космические пути, где, войдя в нормальное пространство, они могут подать сигнал бедствия, и очень скоро будут подобраны дружественным кораблем. Подобный побег осуществить будет нелегко, а степень риска остается предельно высокой. Опасность подстерегает на каждом шагу. Для начала было необходимо взять в расчет систему астронавигации, точнее ее полное отсутствие. В худшем случае, подобный план побега может стать самоубийственным. А подготовка к нему отнимет массу времени и сил. И для того, чтобы иметь даже минимальный шанс на успех, Хариварман должен будет вовлечь в это дело Лескара. А времени уже, вероятно, не остается...

Теперь, если Императрица, действительно, мертва, премьер-министр Рокелор, заклятый враг Принца, обязательно пошлет сюда наемных убийц. Чем больше Хариварман думал об этом, тем больше он в это верил. Возможно палачи могут появиться в форме, а могут и в гражданском. Они могут прилететь с официальным ордером на его арест, а могут просто выстрелить ему в спину без всякого предупреждения. Как бы то ни было они уже в пути. Он боялся, что у него не так уже и много дней.

«О, если бы существовал сейчас план, дававший хоть какую-то возможность бежать с Радианта».

Риск и детали его уже не волновали. Да, именно Императрица отправила его сюда в ссылку, но она не

собиралась его убивать. Он даже подумал, что если бы она осталась жива, существовала бы и надежда, что рано или поздно Императрица вернет его ко двору. Само существование Харивармана служило противовесом экстремистским фракциям в большой игре, мастерницей которой она была.

Но в этой игре участвовали и другие сильные игроки, и прежде всего, премьер-министр, амбиции которого были весьма неумеренными. И если кто-то из этих игроков сейчас пришел к власти или же, что вероятнее, испытывал соблазн воспользоваться уже обретенной властью, то в этом случае, ссыльный, изолированный от большого мира Принц, вряд ли, сможет им противостоять.

Узнав о смерти Императрицы, Хариварман впервые со времени своего прибытия в Крепости, почувствовал острую необходимость в побеге. Вероятно, прежде это чувство подсознательно подавлялось из-за отсутствия реальных возможностей воплощения в жизнь. Но сейчас, когда все так внезапно изменилось... такие возможности были вполне вероятны. Они должны были быть.

Флаер с одиноким и задумчивым человеком на борту медленно продвигался к Городу. Прежде чем решиться на использование двигателя берсеркера, он должен был собрать все новости, так или иначе связанные с официальным заявлением об убийстве Императрицы. Для начала он должен точно удостовериться, что это, действительно, случилось, что услышанное им от Лескара не является чудовищно искаженным слухом.

Если кто-то и знал истинную правду о случившемся на Радианте, то это, наверняка, была командир Бленхайм. Во всяком случае, она располагала большими свидетельствами. Быть может, она открыто поделится ими с Хариварманом? Он так же должен был добыть самую свежую информацию о дальнейшем развитии политической и военной обстановки в Восьми Мирах и о том, что думают по этому поводу Темплары. Но особенно его интересовало, насколько высока вероятность того, что командир Бленхайм выдаст государственного преступника номер один его врагам, если они придут в Крепость с подлинными документами о привлечении его к скорому и справедливому суду. Он подзревал, что ей не так то легко будет им отказать. В зависимости от того, как долго придется искать Верховного Генерала и обрисовывать ему ситуацию, могут пройти

недели и даже месяцы, прежде чем официальное решение будет доставлено на Радиант курьером.

А может, Верховный Главнокомандующий всех Темпларов пожелает лично прилететь сюда, что бы во всем разобраться на месте. Он даже может собрать синод или консисторию высших офицерских чинов. Это событие случалось столь редко, что Хариварман даже точно и не помнил, как оно точно называется.

В глубокой задумчивости Принц перебирал клавиши управления космолетом, отменив предыдущий маршрут так же неосознанно, как и избирая новый.

Круто отклонившись от Базы Темпларов, он влетел в Город с привычной стороны. Окруженный потоком обычного городского транспорта, он перевел свой флаер в режим автомобиля и направился прямо к гаражу. Машина Лескара была уже там.

Выйдя из гаража Принц сразу же пошел в свои апартаменты, состоящие из восьми комнат. Интерьер был не особенно роскошным — Принц никогда не увлекался роскошью. Его вполне удовлетворяло то, что в помещении было где развернуться, если он захочет развлечься. Однако так получалось, что здесь было не до развлечений. Хариварман не удивился бы, если б увидел оставленную для него записку, настоятельно просившую его по прибытии обязательно соединиться с командиром Бленхайм.

Она, конечно же могла в любое время соединиться с ним по рации, пока он был в космолете, и приказать немедленно предстать с отчетом перед ней, продемонстрировав тем самым силу своей власти. Правда, он не был абсолютно уверен, что ее можно отнести к типу любителей демонстрировать власть, во всяком случае, во время первых встреч с нею обошлось без этого.

Но никакой записки не было. Ни на экране, ни на голографической сцене. Очевидно, что командир просто не очень торопилась его допрашивать или разглагольствовать по поводу политического убийства. Несомненно, она предпочла прежде проконсультироваться со своими личными советниками. Потом она могла послать курьера-робота или пилотируемый корабль с доверенным лейтенантом прямо к Верховному Генералу с просьбой дать незамедлительные инструкции по поводу случившегося. И тут Хариварман подумал: «А знает ли она хотя бы где сейчас находится Верховный? Он ведь

никогда не сидит на месте и поэтому фантастически неуловим».

Принц прошелся по комнатам, но Лескара нигде не было. Словно чувствуя, что Хариварман уже здесь, слуга тотчас же появился. Принц видел из окна как Лескар пешком приближался к дому и, судя по выражению лица, как он и надеялся, он узнал нечто новенькое. Но войдя в дом, Лескар не смог бы свободно поделиться свежими новостями. Их особняк, вероятно, был на шпигован подслушивающей аппаратурой, и их тюремщики вели за ними постоянное наблюдение — тайное наблюдение. По крайней мере, и Принц, и его слуга вели здесь себя так, как будто это было бесспорным фактом, хотя никто из них до сих пор и не обнаружил хоть один «жучок». Порою Хариварман серьезно сомневался в том, что Темплары, не склонные теперь к искусным интригам, станут шпионить за ним. Но если Темплары прослушивали чужие разговоры в прошлом, почему бы им не продолжить это занятие именно сейчас, когда передаваемая информация требовала особой секретности.

У дверей Принц перехватил спешащего слугу:

— Пойдем на прогулку Лескар, что-то мне не по себе.

На улице Хариварман свернул не в ближайший парк — место своих постоянных прогулок — а на обычную городскую улицу, проходящую неподалеко от их резиденции. Так как эта улица петляла по малонаселенному району, пешеходы на ней встречались крайне редко. Убедившись, что вокруг никого нет, соблюдая все правила предосторожности, Принц быстро нашептал Лескару кое-что о своей находке. Он сообщил, что в их распоряжении теперь есть, по всей видимости, исправный агрегат на межзвездной тяге. Он даже не намекнул на то, что обнаружил берсеркера.

Седовласый слуга воспринял эту новость сдержанно, так же, как он воспринимал или пытался воспринимать все, что происходило в жизни. По выражению его глаз Принц понял, что Лескар прекрасно понимает и заранее одобряет план побега, не вдаваясь в детали. Как и его хозяин, он очень хорошо знал, что в глубоком космосе существуют коммерческие линии, торговые пути, где астронавигация и условия полета наиболее благоприятны и удобны. Это излюбленные маршруты кораблей традиционной межзвездной торговли. На одном из

них любая имитация сигнала бедствия спасательной ракеты даст маленькому экипажу надежный шанс на то, что его заметят.

— Ну, что же, тогда пора приступать к работе, Ваша Честь. А эта машинка, случайно, не дардарианская?

— Должно быть, — Принц всегда считал себя опытным лжецом. Он думал, что весь секрет здесь в том, что ты сам должен верить в то, о чем говоришь. В данном случае это был ответ, которого требовали, наиболее логичный и поэтому правдивый. Да и не было никакой нужды уговаривать Лескара: с самого начала ссылки он всегда был за разработку плана побега.

Изначально существовали и другие возможности: постоянно прибывавшие и убывавшие корабли, постоянный наплыв туристов — все эти челночные рейсы позволяли передать любые тайные послания и даже некоторые предметы. Но на этот вариант времени теперь уже не оставалось. Были еще друзья Принца, занимавшие высокие посты в определенных Мирах, друзья, на помощь которых можно было положиться, если бы с ними был налажен хоть какой-нибудь контакт.

Существовали даже один или два Мира в Союзе Восьми, на которых Принц, случись ему их достичь, мог надеяться на защиту и даже почести. Когда прежде они обсуждали возможность побега, как правило инициатором всегда был Лескар, Хариварман взвешивал шансы и твердо решал ждать, надеясь, что его вернут из ссылки официальным указом. Теперь ситуация изменилась.

Лескар некоторое время шел молча, очевидно, обдумывая услышанное. Вопросов он не задавал, сразу же уяснив для себя техническую суть плана; один из их особых космолетов мог обеспечить минимальное жизнеобеспечение до прибытия спасательного корабля. Он также сразу понял, что придется много поработать, и что, даже в лучшем случае, риск будет велик.

Они все шли по каким-то закоулкам и Лескар до сих пор не поделившийся с Принцем тем, что недавно узнал, начал торопливо нашептывать. Его информация, в основном, касалась прибытия в порт сегодня второго флаера. С точки зрения ссыльных старожилов Радианта, две подобных посадки в один день были явлением бесприцедентным. Второй корабль тоже прилетел с Салютая. Кроме этого Лескару мало что удалось узнать.

Впрочем, один любитель посплетничать сообщил, что это космическая машина какого-то частного лица. Попытки Темпларов скрыть второе прибытие было очевидно. Лескар хотел как можно быстрее вернуться в порт, чтобы разузнать побольше, но доложить прежде о самом факте такого прибытия хозяину он считал делом чести. Принц промолвил:

— Если они прибыли, чтобы арестовать меня, что ж. Слишком поздно, что бы что-нибудь предпринять.

Когда они вновь подходили к дому, Хариварман внезапно ощутил непреодолимое желание бежать в гараж, срочно сесть в космолет и лететь к месту своей находки, чтобы немедленно начинать работу по ремонту столь необходимого сейчас двигателя. Но возвращаться туда сейчас было бы явным нарушением распорядка дня, слишком явным, что вызовет подозрения. К тому же один день работы над двигателем абсолютно ничего не решит.

В доме Принца ожидало послание. Взглянув на индикатор, Хариварман приготовился к худшему. Но когда он нажал кнопку воспроизведения, с ним поздоровалась отнюдь не командир Бленхайм. Это было лицо гораздо более молодой женщины, исполненное красоты и изящества, и до боли родной голос попросил Принца соединиться с ней, по возможности, быстрее. Его рука потянулась к переговорной панели. И вскоре запись сменилась прямой трансляцией того же миловидного лица в облаке волос, словно парящих в невесомости, несмотря на то, что их владелица оставалась прочно прикованной силой притяжения Радианта ко внутренней поверхности Крепости.

«Даже в ссылке, разве мог такой выдающийся человек, как молодой Принц, не найти себе утешение, от красоты которого захватывало дух?» — этот вопрос Хариварман часто задавал себе самому в шутку.

— Харри, ты слышал новость? — Она явно пыталась побороть свое волнение.

— Об Императрице? Да, я слышал, Габриэль.

— Можно мне увидеться с тобой сегодня вечером? — Она настаивала.

— Да, конечно. Где? У тебя?

— Харри, лучше своди меня куда-нибудь. Ты не против? Что-то не хочется сидеть дома.

«Нашла время». Однако он согласился, вспомнив, что

в последнее время совершенно забыл, что женщину необходимо развлекать. А она и не напоминала ему об этом. К тому же в этом крохотном городишке было не так много мест, куда бы они могли пойти. «Но почему ей захотелось это сделать именно сейчас? Может ее уже обработали или обманули? Или она причисляет его к убийцам Императрицы?» — Он мог совершенно хладнокровно поставить подобный вопрос в отношении нее, — «Но однако слишком рановато для предательства», — старался разуверить себя Принц. «Вот через несколько дней, пожалуй, да!»

Приняв душ и облачившись в парадный костюм, Хариварман посмотрел на себя в зеркало, весьма критически оценив свою внешность. Ему вдруг подумалось: «Очень похоже на то, что придется вписать Анни Бленхайм в список плененных мною сердец».

ГЛАВА 7

Их randevу с Габриэль должно было пройти на самой шумной, в этом довольно тихом городке, улице, там где они бывали уже не раз (а где они только не бывали за прошедшие два года их знакомства).

Это увеселительное заведение, называемое еще со времен Сабеля — «Контрэ Руж». Сегодня вечером глядя на неоновую вывеску заведения, мимо которой он проходил, вероятно, сотни раз за последние четыре года, Хариварман с удивлением обнаружил, что впервые задается вопросом: «Что же испытывал Сабель, когда контактировал со спрятанным подальше от людских глаз, берсеркером?» И не из-за того, что положение в котором оказался Принц, было весьма похоже на тот случай.

Во времена Сабеля этот район города, как и теперь, был покрыт стеклянным куполом. Как и нынче, тогда это был городской центр развлечений. Конечно, за прошедшие века фасады менялись неоднократно, да и кое-что из прежних построек поносили — Хариварман видел голографии планеты в музее. Но общий вид, как и направленность, остались здесь неизменными.

Внешне «Контрэ Руж» не впечатлял. Те же пятни-

стые серо-бурые стены, что и у большинства здешних зданий. С первого взгляда не представлял ничего особенного и интерьер. Место приобретало достойный вид лишь в том случае, когда еще в одной из кабинок, вы начинали перебирать ручки управления оптическими эффектами, которые полностью меняли картину за прозрачными стенками. И это, кстати, было самое простое из того, что можно было достичь на здешней аппаратуре.

Хариварман увидел, что Габриэль уже ждет его здесь. Она настраивала оптику в их отдельной кабине, так что образы посторонних, находящихся в зале, проникали сквозь пластик стен, в сильно искаженном виде. Компьютер, управляющий визуальными эффектами, одевал и раздевал посетителей так, как вам было угодно.

Габриэль, изящная и хрупкая, как тростинка, одетая в ультрасовременное платье, переодевала всех проходящих мимо кабинок в какие-то бал-маскарадные исторические костюмы. К сожалению, Хариварман не мог определить из каких эпох и миров. Принца удивило то, что Габриэль была не одна. Рядом с ней сидела довольно пожилая, но все еще привлекательная женщина, одетая с несколько позабытой ныне, элегантностью. Ее впалые щеки и красивые глаза были обрамлены каштановыми кудрями. Габриэль подпрыгнула от радости, когда увидела, что Хариварман появился в проеме пластиковой стены, образующем единственный вход в кабину.

— Харри, угадай кого я тебе, наконец-то, нашла?

Некоторое время Принц, голова которого была забита другим, никак не мог понять, о чем говорит эта девушка.

— Нашла мне? — непонимающе переспросил он.

И тут его осенило кем была сидящая здесь пожилая дама. В этот момент Габриэль произнесла ее имя:

— Грета Тамар, Харри, — упрекая Принца в забывчивости сказала девушка.

Даже после двух лет близкого знакомства Габриэль было не по себе, когда приходилось вот так запросто общаться с самым настоящим Принцем!

Теперь Хариварман вспомнил все. Когда он узнал, что еще жива старая подруга Сабеля Грета Тамар, то как-то в присутствии Габриэль он выразил желание непременно когда-нибудь с нею встретиться. Тогда он еще не знал; осталась ли она жить в Крепости или же

вновь вернулась на Радиант. Но в свете последних событий Хариварман совершенно забыл о том, что хотел с нею встретиться. Теперь же слегка поклонившись с четкой пунктуальностью протянул ей руку, коротко представившись:

— Принц Хариварман.

Женщина лишь символически привстала. Очевидно что это не произвело на нее никакого впечатления, и она не спешила с ответом. Принц вспомнил что как-то в молодости, когда она попала в лапы Гвардейцев, у нее стерли память — все это было частью известной саги об изменнике Сабеле — и он подозревал, что это не могло пройти бесследно. Даже сейчас было явным определенное нарушение психики. Немного погодя она потянулась через стол к его руке, пристально посмотрела на него и как бы узнавая, кивнула, да так, словно они с ней стояли, по меньшей мере, в тайном заговоре.

— Здешнее руководство снова наняло Грету на работу — вставила Габриэль, заполняя неловкую паузу.

— Я конечно же, имею в виду здешнее новое руководство...

— Они думают я буду привлекать туристов — изрек старуха удивительно певучим голосом.

Теперь, когда Хариварман мог, как следует ее разглядеть, он понял, что и лицом, и фигурой она выглядит гораздо моложе своего, составляющего уже несколько веков, возраста.

«Похоже,— подумал Принц,— стоило ей войти в легенду, как годы стали не властны над ней».

Хариварман бросил невольный взгляд на металлическую табличку, висевшую высоко на стене, у входа в «Контрэ-Руж». Габриэль совершенно не изменила очертания украшавшей табличку резной надписи:

«В 23 году 456 века по Дарданианскому календарю здесь танцевала жертва и любовница Георгикуса Сабеля — Грета Тамар».

— Только представь, Харри, с тех пор почти что все время она жила здесь, в Городе! — воскликнула Габриэль очень гордая своей находкой.

— Удивительно — промолвил Хариварман. Он осознал, что тон его несколько суховат. «Да,— подумалось ему,— история с Тамар, действительно, поражает. Во всяком случае, любого, у кого найдется время о ней поразмышлять».

Фигура миловидной, эфирной девушки-служанки, спешащей к кабинке в историческом костюме, неясной эпохи, превратилась, появившись в проеме кабинки, в угловатые прозаические очертания робота-официанта. Все трое заказали себе напитки и еду, при этом Принц приказал записать все это на свой счет. К счастью, условия содержания в ссылке не обрекали его на бедность. Габриэль, как показалось Хариварману, была чересчур весела. И с аппетитом у нее все было в порядке.

«Заказать такой основательный ужин... Может быть, она делала это намеренно, чтобы его успокоить?» Принц вежливо поддерживая разговор, обратился к Грете:

— О, если бы я мог встретить раньше!

— Долгое время я ни с кем не общалась. Но теперь с этим покончено. Я может быть снова начну танцевать...— чем больше она говорит, тем в большей степени проявляются ее странности и причуды, связанные с той болезненной операцией, которой старушку подвергли в те далекие времена.

— Это хорошо,— поддакивал он.— Это просто здорово! Будет хорошо, если вы опять начнете танцевать.

— Я жила для танца.

— Жду с нетерпением вашего нового представления!

Габриэль просияла, видя, сколь галантен Принц с пожилой дамой. Но Грета, действительно, физически выглядела так, как будто еще в состоянии танцевать, однако, Хариварман подозревал, что это будут уже не те танцы, ради которых посетители приходили сюда в те времена. Неожиданно Габриэль спросила:

— И куда же вы теперь, Принц?

— Я (он, вроде бы, пока не собирался никуда из этой кабинки) в данный момент — никуда.

Понимание пришло внезапно. Она имела в виду, что скоро он покинет Крепость, причем так, чтобы об этом не догадался никто из находящихся в зале посторонних, и то, что у него есть выбор, куда именно ему отправиться. Он понял, что Габриэль совершенно не понимала ситуации. Быть может она думала, что смерть Императрицы означает в какой-то степени его возвращение к власти. Тогда понятно, почему ей так хотелось сегодня вечером с ним встретиться.

Откуда-то в кабинку долетели звуки музыки, и из

соседней кабинки слышался громкий смех. Он сидел молча и пристально смотрел на Габриэль, уставившуюся на него из облака рыжих волос; все еще непонятно, чему довольную.

«О, Боги всех пространств,— подумалось ему,— а все-таки она красива!» Неожиданно Грета Тамар спросила:

— А чем вы занимаетесь, Принц? Как проводите время?

— Как видите, я здесь в ссылке, значит к туристам отношения не имею.

— Мне известно это,— ее тон как бы говорил: «Ты дурак, если думаешь, что должен мне это объяснить»,— тон был резковат даже для знаменитости, чтобы так обращаться к Принцу. Возраст, пожалуй, имеет больше привилегий, чем титул. Грета настойчиво повторила:

— Так чем вы все-таки занимаетесь?

— Большую часть времени я провожу в исторических и археологических изысканиях. В основном — там, во внешних лабиринтах.

Старуха сразу примолкла и, слегка кивнув головой, оставилась в пустоту, словно этот ответ поразил ее, как нечто очень серьезное и важное. Габриэль продолжала играть с оптикой, поэтому Принц не сразу распознал среди гигантских обезьян, столпившихся в проходе за кабинками, полковника Фосьона, пока тот сам не подошел, с бокалом вина в руке.

Полковник, краснолицый и несколько склонный к полноте, поднял бокал, приветствуя Харивармана:

— Твое здоровье, Харри.

Когда он был его официальным тюремщиком, то почти не называл его так.

— Ну, как Вы там ладите с Железной Леди? Слышал, ты ее вчера на экскурсию возил...— В заключение этой тирады, Фосьон многозначительно подмигнул Принцу. Он уже седел, старился, и, судя по всему, готовился к пенсии, хотя был куда моложе Греты Томар.

— Боюсь, ничего особенного за время нашей поездки не произошло,— сухо отпарировал Хариварман.

— Насколько мне помнится, старина, вначале ты всегда так говоришь. Ну, а если правда, плохо дело. Может, мне самому нанести визит Леди? И почему это все должны ходить ко мне сами?

Тут Фосьон отвесил дамам поклон, весьма галантный, в его понимании.

— Выпьете с нами? — то, что Габриэль его пригласила, лишь подтверждало ее непонятную радость.

— Теперь уж Вам недолго осталось быть в Крепости, не так ли? — продолжала она.

— Может и нет! — Фосьон метнул в сторону Принца грозный взгляд, утопив все, что он еще хотел сказать, в стакане. Он ждал корабль, который заберет его отсюда куда-нибудь на заслуженный отдых и покой (Хариварман знал, что этого Фосьон больше всего боялся) либо на новое место назначения, которое вынудит полковника подать в отставку. Верховный Генерал был явно недоволен работой полковника Фосьона в последнее время.

— Да и я не собираюсь здесь более задерживаться, — произнес Принц наигранно радостным тоном. — Но, пожалуй, не стоит об этом. Вы правы.

Он поднял бокал и выпил за здоровье своего экзотическа. Полковник с явным пренебрежением посмотрел на дам; Габриэль он видел и раньше, но, похоже и Грета Тамар была ему очень хорошо знакома. Однако, обращался он все еще только к Принцу. Сейчас он постарается играть роль утешителя:

— Предполагаю ваши шансы на возвращение как никогда велики...

— Вернуться к власти? Вряд ли, — Хариварман развел большими руками. — Быть арестованным гораздо более вероятно...

Ответный взгляд Фосьона показывал, что он тоже об этом догадывается, но вслух говорить не хотел.

На противоположном конце стола тихо вскрикнула Габриэль. Принц посмотрел на нее и увидел, что она невероятно потрясена. Похоже, он был прав: до этого момента Габриэль действительно ни о чем не подозревала. Может быть стоило ей осторожно намекнуть. Но она мгновенно собралась:

— Харри, я на миг поверила, что ты говоришь правду, а ты все шутишь.

«Контрэ Руж» постепенно заполнялся посетителями. Шествие фальсифицированных фигур, переодетых, звероподобных или механических, мимо прозрачных стен их кабинки превратилось в непрерывный парад. Вот прошла небольшая группа туристов, и их внешний вид, похоже, был изменен оптикой автоматики. С другой

стороны двигались, весьма контрастирующие с ними, военные. Было слышно, как один из туристов суфлерски прошептал на ухо другому, как следует обращаться к настоящему Принцу. Внезапно погрустневший Фосьон отдал честь и поспешил прочь, судя по всему, увязавшись за одной из смазливых туристок.

Габриэль бросила взгляд на сидящую рядом женщину, которая, как казалось, была где-то далеко отсюда, полностью погрузившись в свои мысли. Затем, перегнувшись через стол озабоченно произнесла:

— Харри, что ты на самом деле имел в виду, когда сказал..., в общем, когда ты сказал — «арестуют»?

Хариварман машинально потянулся к пульту управления оптикой и крутанул наугад одну из ручек. Внезапно все, проходящие мимо кабинки люди, предстали обнаженными, а визуальные эффекты сделали их тела более совершенными, нежели они были на самом деле. Компьютер, управляющий оптикой, программировался в двух режимах; он либо слегка льстил людям, явно, преувеличивая их достоинства, либо карикатурно преувеличивал их недостатки, выставляя на посмешище. Режимом этим пользовались крайне редко. Принц вкрадчиво обратился к Габриэль:

— То и имел. Арестуют. Ты же слышала об Императрице?

— Да, конечно. Но я не понимаю, какое все это отношение имеет к тебе?

— Арестовать человека в такое время ничего не стоит,— внезапно изрекла Грета Тамар. Хариварман взглянул на нее — она же смотрела куда-то мимо него.— Конечно, сейчас это не так, как бывало в стародавние времена,— продолжила она, теперь уже пристально глядя на Принца.— А что же вы в действительности делаете там, во внешних коридорах? Ведь именно там Георгикус Сабель повстречал Берсеркера.

Хариварман почувствовал, что его нервы на пределе. Он ответил ей:

— Я складирую там тяжелое оружие, кислород, запасы продовольствия... На тот случай, когда мои друзья прилетят сюда меня спасать, у меня уже все будет готово. Только бы они поторопились.

Грета вновь посмотрела куда-то мимо.

— Я буду танцевать,— промолвила она.

Он уже собирался попрощаться с ней и пожелать

успехов в возобновлении ее карьеры, когда вдруг понял, что она не собирается вставать из-за стола. Словно загнипнотизированная, смотрела она на большую голографическую сцену в центре зала. Оптика кабинки была устроена так, что не искажала происходящего там.

Сейчас на сцене танцевал двухсотлетней давности образ самой Греты. Это была старинная голографическая запись концерта, который давался, вероятно, на этой же сцене, а здесь, рядом с ним, сидела, глядя на это чудо, сама живая легенда. Она заговорила шепотом боясь помешать представлению. Хариварман половины не разобрал из того, что она говорит, но было понятно, что она пытается рассказать им что-то о Сабеле, и Принцу внезапно стало не по себе.

Образу танцующей на сцене девушки было чуть больше 18 лет. Первая часть танца закончилась. Сидящая в кабине Грета Тамар, похоже, приходила в себя и вполне осознала, что минутой раньше несла здесь какой-то вздор.

— Стирание памяти не прошло бесследно. Порою на меня такое находит... Но Гвардейцам в те времена еще разрешалось использовать эти методы. Теперешние аресты — это просто ерунда.

И вот, судорожно вздрагивая, старушка, попрощавшись, выскользнула из кабинки. Хариварман сухо ухмыльнулся в ответ на озабоченный взгляд Габриэль.

— Харри, в конце концов, объясни мне немедленно, что может означать убийство Императрицы?

— Для меня это, прежде всего, неприятности. И довольно крупные. Для тебя... впрочем, полагаю, это зависит...

— От чего?

— От того, в сколь близких отношениях ты состоишь со мной. Нет, пожалуй, об этом беспокоиться слишком поздно. Скорее всего, это будет зависеть от того, что думают мои враги о тебе, или от их настроения. Есть еще и...

Ужас отразился в глазах Габриэль.

— Харри, так что, если они прилетят за тобой?

— О, они уже в пути. Само собой, тебя интересует, проявят ли они сходный интерес и в отношении твоей персоны. Я прекрасно тебя понимаю. — Ему внезапно стало ее жаль. — Не думаю, Габби, но не могу сказать, что абсолютно уверен. Ну какое отношение имеешь ты

к политике? Никакое. И всем это известно. На твоём месте я бы так не волновался.

Но было трудно переубедить Габриэль.

— Мне пора, Харри, знаешь, я вспомнила, что у меня сегодня одно важное дело.

— Ты даже не отведала десерта.— Но Принц не настаивал.— Уходишь — уходи. Я останусь. Теперь уже твой уход не будет иметь никакого значения. Ведь всем известно, что ты и я были здесь вместе.

Ее уже и след простыл. Он покрутил рукоятки, наблюдая, как она видоизменяется на бегу. В финале она предстала совершенно раздетой, но в очень карикатурном виде. Вот, похоже, что-то заставило ее повернуть обратно. О нет, оптика обманула его — это была совсем не Габриэль. От удивления Хариварман вздрогнул. Прямо у стола, за которым он сидел, стояла его жена Беатрикс. Она была темнее, миниатюрнее и менее выразительной в отличие от Габриэль. Беатрикс сказала:

— Я ждала пока не уйдет твоя подружка.

— Спасибо,— рассеянно промямлил Принц.— Не присядешь ли?

Она села, сдвинув грязную посуду на край стола.

— Отнюдь не самый радушный прием из тех, что когда-либо мне оказывались.

Беатрикс, конечно же, была Первая Леди и великая красавица, прямо под стать Принцу. Ровня. Будучи Принцессой она достаточно долго прожила на Радианте с Хариварманом, чтобы знать его привычки, и она знала, где сможет найти его в этот вечер. Подобно ему она была великой воительницей с берсеркерами, однако, глядя сейчас на ее хрупкую миловидность, об этом не смог бы догадаться даже самый проницательный из смертных. Он сказал:

— Так, значит, это ты прибыла на втором корабле с Салютая, на том, что причалил в космопорте всего лишь несколько часов назад?

— Да, это частная яхта. И хотя мне кажется это глупым, я не собираюсь сообщать тебе, кому она принадлежит. Те, кому это действительно надо знать, сделают это и без меня. Тебе недостаточно будет знать то, что у тебя еще есть друзья, и не все из них повержены. Они не боятся того, что знакомы с тобой.

Он коснулся ее руки: — Спасибо.

— О, не стоит. Все было вполне тривиально. Это,

вероятно, была минутная слабость, ты же прекрасно понимаешь, во что я влипла, вернувшись сюда. Ты же знаешь, что я с тобой никогда не разводилась. Даже формально. Следовательно, я понимаю, что уже благодаря только этому факту изначально замешана во всем.

— Думаю, ты права,— помедлив, сказал Принц и крепко сжал ее руку.

ГЛАВА 8

Он вскочил ни свет ни заря, все еще ощущая глубокое внутреннее потрясение, как от сна, который невозможно вспомнить. Принц прекрасно понимал, что не приснившийся сон, а явь пробудила его так рано. Хариварман проснулся в одиночестве. Он настоял, чтобы Беатрикс ни в коем случае не переезжала к нему. В конце концов, он слишком многим был ей теперь обязан. Уже окончательно придя в себя, некоторое время он лежал, прислушиваясь. Дом был пуст. Лескара нигде не было слышно.

Встав, Принц сразу же проверил сцену связи и экран, в надежде найти послания на свое имя, но там ничего не было. По всей видимости командир Блензайм не торопилась с ним беседовать. Лескар, ранняя птаха, уже давным-давно встал и ушел. Коротышка, избегавший электронных писем, как всегда, оставил написанную от руки записку, в которой сообщал, что он отправился на поиски свежей информации к одному из своих портовых агентов. И никакой записки от Беатрикс. Впрочем, Хариварман сам настоял на том, чтобы она была поосторожнее и держалась от него подальше. Принц, явно пытаясь скрыть свое нетерпение от шпионских устройств, что вполне могли в данный момент функционировать в его апартаментах, стал вроде бы готовиться еще к одному, ничем не примечательному в его жизни дню, посвященному любимому занятию археологией. Одевшись и позавтракав, все так же не спеша, стараясь по возможности скрыть волнение, он, позевывая, растянулся в салоне космолета и полетел прочь по своим делам.

Через несколько минут Принц уже оставил позади

тонкий слой атмосферы и населенную часть Крепости. Теперь он мог тщательно осмотреть все приборы панели управления и пространство вокруг флаера на предмет шпионской аппаратуры или возможного преследования. Но ему так и не удалось обнаружить что-либо подтверждающее факт преследования его Темпларами. «Возможно, на космолетах и не ставится никаких устройств», — предположил Хариварман.

К тому времени, когда флаер достиг отдаленного коридора, где произошло вчерашнее открытие, Принц был уже в скафандре. Он оставил свою машину там же, где и вчера, в нескольких метрах от зала со своей величайшей находкой. Хариварман стремительно направился к комнате с Берсеркером и, затаив дыхание, вновь открыл Дверь.

Фонарь скафандра выхватил то же, что он видел здесь и вчера. Неподвижная машина ожидала его в том же положении, в котором простояла вот уже двести лет.

Теперь Принц слабо припоминал, что Берсеркер каким-то образом был связан с его сном в прошедшую ночь. Он вспомнил вновь чувство потрясения после своего внезапного пробуждения. На этот раз Хариварман подошел к мертвой машине гораздо ближе, однако все еще соблюдая инстинктивную настороженность.

Теперь ему стало понятно, что именно погубило Берсеркера. С другой, прежде невидимой стороны машины, имелась огромная пробоина — результат прямого попадания из какого-то весьма мощного орудия. Застывшие брызги металла окружали глубокое входное отверстие диаметром с человеческую голову. Неудивительно, что Берсеркер больше не функционировал.

Ободренный первыми результатами осмотра разбитой машины, Хариварман расхрабрился до того, что даже постучал по склоненной «голове» Берсеркера молотком, который оказался у него под рукой. Слой пыли, скопившейся здесь за многие века, поплыл в вакууме. Конечно же, эта штуковина уже не в состоянии была напасть на кого-либо. Тем не менее в этом корпусе могла скрываться смертельная ловушка, но это не останавливало Принца. «Пора приниматься за работу!» — решил он.

Через несколько минут Хариварман развернул здесь свою походную мастерскую. Он успел окружить мертвую машину светильниками, перенести с корабля кое-

какие инструменты и уже обдумывал, с чего бы ему начать. «Первым делом, неплохо бы отсоединить приводное устройство, после чего спрятать либо двигатель, либо корпус машины в какой-нибудь из отдаленных комнат. Если это удастся сделать, они не сразу поймут, что я задумал. Опять же, когда придется привести сюда на помощь Лескара, его будет проще убедить в том, что двигатель принадлежал Дарданианцам». Преданность Лескара Принцу не вызывала сомнений, но Хариварман прекрасно понимал, что седеющий человек всю жизнь прожил в великом страхе и отвращении к берсеркерам.

Собрав необходимый минимум инструментов и оборудования, Принц приступил к работе. Конечно, проще всего было отвинтить двигатель от корпуса. Но прежде пришлось иметь дело с боевым вооружением Берсеркера. Даже здесь, в невесомости, инерция его отдельных массивных частей, затрудняла демонтаж. Но на этот случай у Харивармана имелся в космолете мощный домкрат, которым он всегда мог воспользоваться. К счастью, теперь даже археологи-любители были оснащены сверхсовременной техникой. У Принца был приготовлен собранный многоцелевой станок. Он находился в багажнике флаера. По крайней мере, для начального этапа работ оборудования вполне хватало. Если понадобится еще что-то, придется придумать убедительную историю, чтобы все раздобыть. Времени было мало — и сейчас это было главной проблемой. Принц боялся, что на все это остается слишком мало времени.

Уже через несколько часов, надувная походная мастерская Принца была развернута. Но не в том зале, где он нашел Берсеркера, а в смежном помещении, удобно соединенном с комнатой Берсеркера. Внутри большого надутого пластикового пузыря висел, колыхаясь в невесомости, межзвездный двигатель. Он представлял собой массивный агрегат в два-три раза больше и тяжелее человеческого тела. Для удобства Хариварман закрепил эту махину в трех плоскостях. Прошел еще час. Теперь была уже снята и та часть системы управления Берсеркера, которая, видимо, непосредственно была связана с двигателем, и Хариварман приступил к ее разборке на отдельные детали, раскладывая их, словно редкие листья для гербария, на отдельных листах. Принц протестировал электронные нервы системы управления целым рядом инструментов, которые были подключены

к бортовому компьютеру космолета. Ему пришлось подогнать свой летательный аппарат поближе, чтобы напрямую соединиться с компьютером посредством кабеля и не пользоваться беспроводной связью, сигналы которой могут быть кем-нибудь перехвачены.

Первой задачей было узнать в каком состоянии были микросхемы управления межзвездным двигателем. Предварительные результаты обнадежили. В прошлом он интенсивно изучал берсеркеров, чтобы лучше с ними бороться, и слава Богу, теперь прекрасно знал, что ему здесь нужно. Он оторвался от работы и облегченно вздохнул. Да, теперь он был просто уверен, что эти микросхемы работали. Но как заставить их подчиняться его воле — это уже совсем другой вопрос...

Хариварман вновь погрузился в работу, не замечая времени. Все меньше и меньше он думал о своем плане побега. Вот уже больше часа мысль побега из Крепости не приходила Принцу в голову. Ему было не до этого. Хариварман стоял на пороге открытия. Понимание приходило к нему лишь со вскрытием очередной детали, но от того, что в итоге он увидел, у него перехватило дыхание.

С самого начала было ясно, что некая весьма специфическая информация управления осталась в блоках памяти, подсоединенных к межзвездному двигателю данного Берсеркера. И очень скоро Хариварман понял, что судя по тому, как беспорядочно запрограммированы данные, информация эта осталась здесь случайно. Теперь его главным образом интересовал характер этой информации. Руки, сжимавшие электронный щуп, стали заметно дрожать и впервые на четвертом часу своих изысканий Принц решил передохнуть.

Плотно закрыв шлем и загерметизировав скафандр, который он всегда расстегивал, работая в воздушном укрытии, Принц вышел через воздушный замок из этой древней комнаты.

Стены в ней, как он успел заметить, были такого же цвета, что и в «Контрэ Руж». Закрыв дверь, он оказался в темном коридоре. Здесь Хариварман задержался на минуту, прижавшись спиной к грубо обтесанной каменной стене.

Вправо коридор продолжался еще несколько сот метров до того места, где во время одной из древних войн, вероятно, берсеркеры пробили гигантский кратер на

внешней поверхности Крепости. Глядя туда Принц мог видеть звезды. Он подумал, что открытие, на пороге которого он стоял, еще не имело аналогов за всю историю Человечества.

Первые берсеркеры были созданы расой Строителей, в качестве отчаянного, последнего и решающего аргумента в древней межзвездной войне против живых врагов, именуемых нынче Красной Расой. О той войне сейчас почти ничего не известно, так как произошла она приблизительно в то время, когда Земляне еще учились изготавливать каменные орудия и использовать стрелы.

Строители берсеркеров, несомненно, были сильны и надменны, но они давным-давно ушли со сцены Галактического времени и пространства в небытие вслед за Красной Расой, став жертвой своих жутких порождений. Металлические боевые машины, прозванные людьми берсеркерами, были извечным врагом всего живого. Творцы этого грозного оружия исчезли, однако, берсеркеры продолжали сеять ужас по всей Галактике, постоянно воспроизводя и ремонтируя себе подобных, самосовершенствуясь в вечном стремлении выполнить основную задачу, на которую они и были запрограммированы—уничтожать на пути любые формы жизни. В течение веков, с тех пор, как потомки Землян оказались вовлеченными в войну с берсеркерами, человеческий Разум постоянно искал ключ к победе. Теория состояла в том, что, по крайней мере, на начальной стадии своих порочных разработок Строители снабжали берсеркеров системой управления, способной их включать и выключать. И может, существовал какой-то аварийный код для крайних случаев. Ведь как-то их нужно было обслуживать, ремонтировать безо всякого риска для простых смертных. Насколько было известно Хариварману, ни потомки землян, ни какой-либо иной Галактической расой, до сих пор не было обнаружено даже следов существования такой системы управления или кода. Может, их никогда и не существовало. Если даже вышедшие с Земли Дарданианцы ныне стали тайной для расселившихся по всей Вселенной их потомков, то Строители, не имевшие к Землянам совершенно никакого отношения, были куда более недоступны для понимания.

Но теперь Принцу Хариварману казалось, что ответ на загадку систем управления берсеркеров им найден. Во всяком случае, один из возможных ответов. Програм-

ма системы управления, открывшаяся ему, видимо предназначалась для какой-то определенной модели, а, может быть, ею снабжались все собранные на одном заводе или базе машины.

Хариварман считал, что эта железяка вряд ли, одна из первых машин. Она просто не смогла бы так хорошо сохраниться за прошедшие 50 000 лет, но определить это точно не представлялось возможным. В первую очередь надо было решить: действительно ли является кодом управления берсеркера то, что он обнаружил. Во всяком случае, его знания и аппаратура уверяли, что так оно и есть. Слава всем Богам Пространства и Времени, провести полную проверку своей теории на практике он пока не собирался.

Но если код и вправду был настоящим, почему же тогда его здесь оставили? После того как пятьдесят тысяч лет назад эта штука исчерпала свой рабочий резерв для Строителей, просто бросить ее здесь, чтобы она стала добычей возможного противника, способного раскрыть все ее секреты?

Принц не мог этого ничем объяснить, разве что, Строители демонстративно совершали непростительные ошибки? Порою их просчеты были просто колоссальными.

Частью интенсивного изучения противника за годы сражений с берсеркерами для Принца было и знакомство с древним языком Строителей. Знания его в этой области были не особенно обширны, ведь не так много памятников письменности этой культуры дошло до наших дней. На слух этот язык казался комбинацией свистов и щелчков, которые не были в состоянии воспроизвести речевые аппараты потомков Землян. Однако с письменными знаками вполне можно было работать. И электронные сигналы раскрытого им кода можно было легко воспроизвести.

Никогда еще прежде, насколько было известно Хариварману, никому не удавалось найти что-либо, подобное найденному им коду. Если это действительно ключ к управлению Берсеркером, то ценность подобного открытия для Человечества не сравнима ни с чем. Случись такое прежде, вся Галактика сразу бы узнала об этом. Конечно же, наиболее подходящий объект для такой находки — захваченный в относительно исправном состоянии берсеркер. Принц знал, что общее число захва-

ченных исправных берсеркеров за всю войну не превысило дюжины, поразительно мало, учитывая, что люди сражались с ними в нескольких тысячах крупных битв на просторах Галактики не одно столетие. Как правило, машины-убийцы, выходившие из строя, самоуничтожались, или разрушалась их хитроумная начинка. И если у тех двенадцати захваченных берсеркеров в блоках памяти имелась сходная управляющая информация, они несомненно стерли ее прежде, чем попасть в человеческие руки. Но в данном случае она осталась...

Хариварман с трудом заставил себя убрать инструмент. Его необычайно длительное отсутствие сегодня у многих в Городе могло вызвать подозрение. Он сложил кое-что из оборудования у себя в космолете и собрался домой.

Сегодня он возвращался более озабоченным, чем вчера. Объявлять о своем открытии Темпларам Принц пока не торопился. Вполне сознавая, какой проступок он совершает, Хариварман успокаивал себя тем, что со временем, в более подходящий момент, он сделает соответствующее заявление.

Принц оставил свою временную мастерскую в дальнем зале с двигателем берсеркера и частью системы управления, открытой для любого, кто пожелал бы сюда зайти. Сделал он это, чтобы сэкономить время для следующего раза. Время сейчас для него было важнее всего. Он рисковал — ведь место его работы могло быть обнаружено. У того, кто зайдет сюда, не будет ни малейшего сомнения в том, кто именно и чем именно там занимался. Но, похоже, никто не интересовался его, столь удаленными от Города, археологическими поисками.

Хариварман провел остаток дня без особых хлопот, в раздумье и отдыхе. А между прочим, потихоньку раздобыл еще кое-какие необходимые инструменты и материалы.

На следующее утро ему позвонила Беатрикс:

— Харри, я увижусь с тобой наконец-то? Или я только зря теряла время и силы, чтобы добраться сюда?

— Я..., я обещаю, ты обязательно меня увидишь.— Все знали, что Принц слов на ветер не бросает.— Но не сейчас. Я очень ценю тебя за то, что ты вернулась.

— Ой, ли? Я лично сомневаюсь. Но мне кажется, что когда-нибудь ты меня оценишь.

Он старался быть как можно более убедительным. Они поговорили еще немного, но все сводилось к тому, что он опять откладывал встречу с ней, сославшись на возможную слезку. Затем отослав Лескара в Город — выведать все последние новости, Принц вновь приступил к своим занятиям. Теперь ему казалось, что он сделал все возможное в данных условиях, чтобы подтвердить истинность своего предполагаемого открытия. Его следующие эксперименты, если он будет в состоянии их проводить, могут оказаться еще более рискованными. Сейчас пришло время вплотную заняться двигателем Берсеркера...

Однако, что-то его тревожило, отвлекало от этой работы. Он понимал, что в любой день и час в Крепости может появиться корабль врагов, чтобы арестовать Принца.

Внутренний голос подсказывал, что ему надо немедленно доложить о своем Открытии Темпларам, и это, возможно, его спасет. Аргументы, как ему казалось, были убедительными: никакая власть не допустит, чтобы арестовали и уничтожили личность, не совершавшую преступления, в котором ее обвиняли, и сделавшую величайшее открытие межгалактического значения. Но что-то его сдерживало от принятия окончательного решения. Слишком долго Хариварман занимался политической и так же, как Императрица, уверовал в то, что его не могут так просто убить.

Душу терзали сомнения в отношении истинности его открытия, и это заставляло его воздержаться от официальных заявлений. Инстинктивно он чувствовал, что что-то не так с этим открытием... Может потому, что истина открылась слишком быстро и в очень подходящий для него момент. Межзвездный двигатель вполне реален и исправен. Не только блок управления, но и вся двигательная система работали, по меньшей мере, должны были работать — об этом говорило проведенное Хариварманом примитивное тестирование.

Если Принц пока не собирался спасать собственную жизнь лаврами великого первооткрывателя, то побег при помощи двигателя Берсеркера все еще оставался жизненной необходимостью.

На третий день работы над Берсеркером Принц при-

вез с собой Лескара. Он сообщил слуге не более того, что было тому изначально известно, и показал ему ту комнату, в которой находился двигатель. Первым делом Лескару было поручено снять с двигателя систему управления и подготовить ее к установке на иной вид транспорта.

Как и ожидал Хариварман, слуга немедленно взял в руки инструмент и приступил к работе. Его готовность исполнять любой приказ господина была понятна. Но несмотря на это, Принц хмурился. Для него сама неосведомленность объяснения деталей плана побега, попытка перевести чистую идею в простые и понятные слова, казалось, делали этот план невыполнимым. И чем яростнее Хариварман убеждал себя, все менее подходящим казался ему план использования этого двигателя. Ведь они возились здесь с межзвездным двигателем, а не с мотором автомобиля. К тому же, это устройство было совершенно неизвестного типа. Был момент, когда Принц уже решил все бросить, уговорить Лескара отказаться от такого плана, поехать домой и забыть о том, что они здесь видели. Но он не поступил так. «Беда в том,— подумалось ему,— что у нас просто нет выбора».

Чем больше у него было времени поразмышлять над политической обстановкой, тем тверже он верил, что сейчас, когда нет Императрицы, его враги попытаются разделаться с ним как можно скорее.

Прошел день интенсивной работы, затем еще один, и они по-прежнему были заняты вдвоем этим делом, работая большую часть времени врозь и не видя друг друга. Лескару на данном этапе помощь была не нужна, а Принц держал в секрете от него то, чем в действительности был занят. Хариварман трудился в соседней комнате, пытаясь определить пути сигналов управления по корпусу и главному мозгу Берсеркера, в надежде отыскать дополнительные блоки памяти в подтверждение своему открытию.

Найденная им индикация интриговала, однако, была несколько неоднозначна. Большая часть мозга, по всей видимости, была недоступна, скрываясь за внутренней броней, не поддающейся ни одному из имевшихся под рукой инструментов.

«Где, как не там,— подумал Принц,— скрываться устройству саморазрушения или мины-ловушке?» Он все

время пытался замаскировать Берсеркера, накрывая его дымчатым пластиком, рулон которого он постоянно возил с собою, используя как фон или светоотражатель при фотографировании. Лескар пару раз заглядывал в комнату, где работал Принц, по этой причине и не заметил там ничего, особо примечательного. А Хариварман постоянно говорил слуге, что пытается исправить систему астронавигации, снятую со старой спасательной ракеты дарданианцев.

За эти дни упорной работы Принц стал куда более скептически относиться к своему открытию, и к той выгоде, которую он мог, благодаря ему, получить.

Открыто заявить об этом сейчас? Да ему просто никто не поверит, если вообще не обвинят в попытках откровенной лжи с целью спасти собственную жизнь. И он не сможет представить немедленные доказательства своей правоты.

Но если он открыл совсем не то, что думал, то что же он здесь обнаружил? Ему крайне необходимо было с кем-то поговорить, но именно сейчас он не мог этого сделать. Даже Лескару он ничего не скажет. Сомнение все нашептывало ему, что что-то здесь не так. Чувство тревоги не покидало его.

Харивармана постоянно поражал тот факт, что открытый им код управления, если он таковым являлся, казался таким простым и удобным для пользования. Он даже обладал достаточно широким диапазоном частот и модуляций сигнала. Сам по себе, удобно скомпанованный сигнал, мог передавать за доли секунды, хотя создаваемая на его основе кодовая последовательность была довольно сложной и не могла быть передана случайно или по ошибке. Конечно, если подумать, простота использования представлялась достаточно логичной. Если и существует общий код управления берсеркерами, он конечно же, должен быть удобен и прост.

Да, все логично, но что-то все равно терзало душу Принца. На второй день, после нескольких часов упорного труда Хариварман уже готовился сделать перерыв и, отложив свою работу, собирался присоединиться к Лескару, но не вошел в его надувное укрытие. Глядя друг на друга сквозь прозрачную поверхность круглого пластыкового шара, мужчины оживленно обсуждали на только им понятном языке жестов, сколько времени у них уйдет на переоборудование космолета в средство побега.

Внезапно окружавшие их стены слегка вздрогнули, и людям стало не по себе, так как это было и неожиданно и необъяснимо. Хариварман ощутил это своей рукой, когда схватился за стену, пытаясь сохранить равновесие. Одновременно ему показалось, будто чья-то тень промелькнула в тусклом свете, пробивающемся сквозь неплотно закрытую дверь второй комнаты. Эта тень потом будет всю жизнь преследовать его в ночных кошмарах.

В следующую секунду, прежде чем Хариварман успел что-то сказать или шевельнуться, дверь в смежную комнату широко распахнулась. Куски камня полетели в проход, так как огромный шестиногий объект был слишком широк для такого узкого дверного проема. Наполовину выпотрошенное нутро Берсеркера было открыто, и по полу волочились оставленные в нем Принцем соединительные кабели. Механические ноги чудовища были раздвинуты, и Хариварман мог поклясться, что по крайней мере, четыре из них работали, позволяя тяжелой машине двигаться со скоростью человека. Если даже Лескар и закричал, радиопередатчик не сработал, и Принц ничего не услышал. Он не стал тратить времени попусту и, разглядев то, что появилось в дверях, рванул к коридору. Это была спонтанная попытка добраться до... нет, не до космолета. Что толку было сейчас в космолете? Тюремный аппарат, без какого-либо оружия на борту.

На бегу, краем глаза, Хариварман успел заметить, что чудовище смотрит прямо на него, оно еще было вполне способно разрушать каменные стены, но судорожные движения доисторического механизма показывали, что он явно неисправен и слишком медлителен для настоящего боевого берсеркера. Наверное, Лескар уже успел одеть шлем, прежде чем окружавшая его пластиковая оболочка разлетелась в клочья. Споткнувшись о порог Принц вылетел в коридор. Оттолкнувшись от стены тренированным прыжком, он достиг входа в зал, где впервые обнаружил берсеркера. Он забыл там запись предполагаемого сигнала управления.

Тем временем Берсеркер с большим опозданием распознав еще один объект живой материи, бросился на Лескара. Выдвинув одну из своих конечностей, он пронзил воздушное укрытие и пластиковый шар взорвался прозрачным туманным облачком.

Хариварман влетел в комнату, сжимая в руке то, что, как он надеялся, было устройством управления, и как раз попал в туманную волну, убедившись, что Лескар был уже в скафандре. Принц, словно целясь в чудовище из пистолета, поднял, сжимая в руках, крохотный магнитофон-передатчик с предполагаемым кодом управления. И нажал на кнопку «Пуск».

Машина застыла, едва не схватив Лескара. По правде говоря, она уже успела схватить за руку, прежде чем сигнал достиг ее, однако сжать свои стальные тиски, чтобы раздробить ее, она не успела. Лескар ушел из захвата и, потеряв равновесие, поплыл в невесомости, свободно паря между стен, пока не наткнулся на хо-зяина.

Последнее прерванное движение Берсеркера сообщило корпусу этой жуткой машины вращательное движение. Плавное замедляя свой ход, железный паук завис на противоположной стене комнаты. Он висел там в полной сохранности и исправности, однако, не демонстрировал своей враждебной настроенности. Принц сжал в своих сильных руках конвульсивно бывшее тело маленького человечка. Включив радиопередатчик, он пытался его успокоить, и через некоторое время ему удалось привести в чувство своего верного слугу.

Насколько Хариварман правильно понимал принцип работы кода Берсеркера, теперь можно было перевести на подчинение словесным командам, передаваемым на той же частоте, что и сигнал отключения. Лескар застыл в ужасе. Все еще удерживая его одной рукой, Принц перевел свой шлемофон на нужную частоту. После чего, указав свободной рукой на машину, Хариварман сказал:

— Оставайся там, и не двигайся, пока я тебе не прикажу.

Он даже не подумал, что машина могла понять его речь. Однако он знал, что язык, на котором говорит, мало отличался от тех языков, на которых общались многие Миры в дни расцвета Дарданианской культуры. Берсеркеры так же, как и люди, старались изучать язык противника. Машина не двигалась.

Принц все еще поддерживал Лескара, который был в довольно таки плачевном состоянии, хотя и не получил никаких физических повреждений. Было похоже, что он здорово испугался, даже сквозь весьма плотный скафандр Хариварман чувствовал мелкую дрожь его тела.

— Все нормально. Ты теперь в безопасности, Лескар. Оно больше не шелохнется.

Принц сам еле сдерживал дрожь, но вовремя взял себя в руки. Не отрывая глаз от Берсеркера он потащил слугу в коридор. Лескар не сопротивлялся, но и не пытался помочь. В конце концов Принцу удалось запихнуть парализованного страхом слугу в космолет. Там оба они сняли шлемы, чтобы подышать нормальным воздухом, после чего Лескар заговорил:

— Ваша Честь, я пойду и принесу оружие. Уж как-нибудь раздобуду. А затем нам необходимо будет уничтожить этот кошмар.

— Позже, мой друг, позже. В данный момент не стоит ничего предпринимать. Жди здесь и успокойся. Обещаешь?

Принцу понадобилось несколько минут, чтобы уговорить, настоять на своем, прежде чем он убедился, что Лескар будет строго следовать его приказу. Затем, вновь одев шлем он пошел на встречу со своей опасной находкой — берсеркером, которого он сам пробудил к жизни.

ГЛАВА 9

Пока Принц успокаивал Лескара, выводя его из состояния оцепенения, ему самому удалось несколько оправиться от столь тяжелого потрясения. Он убедился в том, что Лескар благополучно разместился в космолете. Затем, ощутив внезапный прилив сил, которого у него не было уже многие годы, Хариварман вернулся туда, где оставил Берсеркера, чтобы вновь вступить в поединок со смертельно опасной машиной, которую, судя по всему, он был в состоянии подчинить своей воле. Заглянув из коридора в дверной проем, он увидел, что машина все еще там, где он оставил ее несколько минут назад, висит на противоположной стене зала подобно гигантскому пауку. Принц застыл на пороге. Он настроил передатчик своего скафандра на абсолютный минимум мощности, самым тщательным образом подбирая частоту, сходную с той, на которой был послан код.

Это была не та частота, которой обычно пользова-

лись в Крепости, и учитывая особо малую мощность, похоже ни Лескар во флаере, ни кто-либо другой из живущих здесь любителей подслушивать, не смог бы перехватить посланный Принцем сигнал.

Вновь показав рукой на машину, не повышая голоса, Хариварман требовательно спросил:

— Ты понимаешь меня?

В наушниках, довольно тихо и медленно, но очень четко, человеческий голос ответил ему:

— Да, понимаю. Тональность голоса была крайне необычна и фрагментарна. Подобное за годы войны Принцу приходилось слышать не раз. Еще в давние времена берсеркеры могли подбирать себе человеческие голоса, электронным способом вычлняя слова и звуки из записанной на магнитофонную ленту людской речи, позаимствованной у множества пленных. Харивармана зазнобило. Холодный вакуум, окружавший его, словно высосал последние остатки тепла из скафандра. Принц сказал:

— Пожалуйста, перейди на минимальную мощность передачи сигнала,— и тут же, удивившись своей вежливости, добавил: — Это приказ.

— Приказ принят,— ответил Берсеркер, и после двухсекундной паузы прямо спросил: — А ты не Добродушный?

Это до глубины души потрясло Принца и превратило его страх в гнев. Ему тут же захотелось опровергнуть столь чудовищное обвинение и внести полную ясность, чтобы у Берсеркера не было больше сомнений на этот счет. Но он разговаривал всего лишь с машиной. Прежде чем вновь заговорить с этой проклятой штуковиной, Принц откашлялся. Подумать только, ведь, по крайней мере, прошло уже лет двадцать с тех пор, как Хариварман в последний раз так нервничал. Он вновь требовательно спросил:

— Ты готов принимать дальнейшие приказы?

— Всегда готов!

Слава Богу он не стал далее задерживаться на проблеме Добрых Душ. У Харивармана отлегло от сердца, однако, он испытал некое подобие вины.

— Приказываю тебе: отныне ты не причинишь вреда ни мне, ни любому другому человеку! — И опять у него в горле пересохло и пришлось сделать паузу, после

которой он закончил: — До тех пор, пока я не прикажу поступить тебе иначе.

— Приказ принят.

Разбитые слова фразы прозвучали жутко. Вероятно, это была речь людей, замученных берсеркерами тысячулетие назад. Ее тональность, словно в насмешку, постоянно менялась.

— И ты будешь меня слушаться! Будешь исполнять мои приказы!

— Для того я и создан. Я буду слушаться. Я обязан так поступать.

Хариварман слегка расслабился. Опираясь одетой в перчатку рукой на каменный косяк прохода, Принц внезапно ощутил, что скафандр нагрелся и по телу заструился пот. «Итак, что же теперь делать?» Он чувствовал себя совершенно опустошенным. «Лескара необходимо отправить домой, чтобы он смог отдохнуть и прийти в себя. И крайне необходимо было узнать, что сейчас происходит в городе. Может, уже прибыли его убийцы? А теперь еще этот Берсеркер...»

Похоже, Хариварман собирался просто уйти, оставив его здесь, в полной боевой готовности.

— Приказываю тебе,— сказал Принц,— оставаться в этой комнате. Так же прекрати передачу любых сигналов до моего возвращения.

— Приказы поняты.

— И не причини никому вреда. Ни одному живому существу.

— Приказ принят.

— Хорошо,— сказал Хариварман и закрыл дверь.

«Так или иначе,— пытался он уверить себя,— возможность того, что кто-либо наткнется в мое отсутствие здесь на эту дьявольскую машину чрезвычайно мала. Ведь за 200 предыдущих лет она так и не была обнаружена. Хорошо было бы еще и Лескара в этом убедить». И все же Принц не мог уйти просто так. Он попытался наглухо задраить двери, и лишь живое воспоминание о железном чудовище, проламывающем каменную стену, заставило его отказаться от такой затеи. Все же, закрыв двери всех комнат и убрав все следы своих исследований из коридора, Хариварман присоединился к ожидавшему в космолете слуге. Когда Принц забрался в кабину, Лескар молча уставился на него. На его лице было выражение безумной одержимости, прежде незнакомой

Хариварману. Принц тяжело вздохнул. И все же в данный момент он чувствовал себя на редкость счастливым и самоуверенным. Это была его обычная реакция на неминуемую опасность. Судьба бросала ему очередной вызов. Он потянулся к панели управления, чтобы пустить флаер, но рука упала, так и не коснувшись кнопок.

— Ну, что еще, Лескар? Скажи мне прямо, чем ты теперь недоволен?

Лескар лишь слегка покачал головой. Принц, стараясь придать своему голосу еще большую убедительность, улыбнулся.

— Разве ты не видишь, какое монументальное открытие я совершил? Я смог остановить его на ходу. Я заставил его подчиняться моим приказам.

Губы Лескара зашевелились, но говорил он так тихо, что Принц ничего не мог разобрать. Глаза слуги бессмысленно таращились на хозяина. Хариварман, схватив его за руку и слегка встряхнув, продолжал настаивать:

— Ты понимаешь, что это значит?

Продолжая молчать, слуга лишь отвел глаза. И тут внимание Харивармана привлек тусклый свет в конце коридора. Он неизбежно означал приближение еще одного флаера, или какого-то другого средства передвижения. Двое переглянулись. Легким кивком головы Лескар дал понять, что с ним все будет в порядке. Хариварман быстро одел шлем и вышел из космолета через воздушный замок. Описав в невесомости некое подобие параболы, он остановился вблизи только что прибывшего экипажа Темпларов. Принц желал сам встретить незваных гостей, кто бы они ни были, прежде чем они выйдут и начнут повсюду совать свой нос.

Прибыла лишь одна машина. «Если бы они приехали меня арестовать, их, наверняка, было бы несколько...» Однако полной уверенности у Принца не было. Он предположил, что все может зависеть от того, как обращалось к нему Салютайское постановление об аресте. Как к Принцу или только как к Генералу, все дело в статусе.

Командир Бленхайм в скафандре, отмеченном знаком ее отличия, и в открытом шлеме сидела на заднем сидении только что прибывшей штабной машины. Он видел, что она внимательно за ним наблюдает. Когда Хариварман подошел к лобовому стеклу, она жестом

приказала ему присоединиться к ним. Рядом с ней сидел незнакомый молодой человек, тоже в скафандре, но без знаков различия. Как и у командира, шлем его был открыт. На водительском месте, отделенным от салона стеклянной перегородкой, сидел шофер-телохранитель, сержант по званию.

Принц вплыл в салон через воздушный замок. Эта штабная машина была гораздо больше его собственного флаера и значительно роскошнее, с налетом искусственной гравитации в интерьере. И потому, попав в салон, Принц сразу оказался на полу.

— Я все гадала, чем же вы тут занимаетесь? — приветствовала его командир Анни Бленхайм.

— Я с удовольствием включу эти достопримечательности в программу нашей следующей совместной экскурсии, — невозмутимо отвечал Принц, удобнее устроившись в кресле напротив.

Он вдруг осознал, что, вероятно, выглядит гораздо счастливее, чем в последнюю их встречу, и подумал: «Что же может решить эта, наверняка, обладавшая хорошим политическим чутьем, женщина?»

Одетый в скафандр юноша, об имени которого Принц, кажется, начал догадываться, таращил глаза на Харивармана, пожирая его восхищенным взглядом. Он явно пытался скрыть охвативший его благоговейный ужас. Принцу по опыту прежней жизни подобные взгляды были очень знакомы. Он так и не смог определить гражданская или военная форма скрывалась под его скафандром. В том, что он не был офицером Темпларов, Хариварман был уверен. Принц сказал:

— Командир, если ваш спутник — тот, о ком я думаю, то я ждал встречи с ним.

— Хорошо, — сухо ответила командир Бленхайм. — И поэтому он здесь.

Выдержав паузу, она продолжала:

— Кроме того, я в срочном порядке хотела поговорить с вами, Генерал. Поставить вас перед известными фактами. Я хотела, насколько это возможно, прежде всего решить кое-что для себя до того, как меня призвуют вынести окончательный вердикт.

— Если речь идет о том, что именно вы скажете, когда на Радиант прибудет некто, ненавидящий меня, и потребует у вас моей выдачи, то да, я считаю, всем придется прежде об очень многом подумать.

Голубые глаза Анни Бленхайм, пытающиеся скрыть крайнюю степень напряжения, тщательно изучали Принца.

— Откуда у вас такая уверенность, что за вами обязательно придут, чтобы арестовать?

Он молча посмотрел на нее. Она не выдержала и отвела взгляд.

— Ну что ж, впрочем, я могу уже сообщить вам, Генерал, что час назад у нас были радиопереговоры с еще одним, прибывающим вне графика, кораблем. Это будет уже третье судно за прошедшие двое суток. Они даже не сообщили, как оно точно называется. Но корабль Салютайский, и уже через несколько часов он будет здесь.

Хариварман еще раз посмотрел на юношу. Командир вздохнула:

— Генерал, это Чен Шизуока с Салютая.

Мужчины коснулись рук друг друга в традиционном приветствии. Юноша наконец-то обрел дар речи:

— Принц, мне выпала большая честь встретиться с вами! — Он явно приуменьшал свои чувства.

В сидящем перед ним энтузиасте Принц был бессилен разглядеть безумного террориста и коварного интригана. Хариварман холодно процедил:

— Слышал, вы организовали демонстрацию в мою поддержку.

— Было делом чести поступить именно так, сэр, — но в следующий момент голос и лицо Чена стали чрезвычайно озабочены. — Но вот потом... через несколько дней — уже после того, как меня привезли на Радиант, — я узнал, что Ее Императорское Величество была убита. Причем, еще во время демонстрации. Я говорю, что уже был здесь, когда узнал об этом. Но еще до того, как я улетел с Салютая, кто-то тоже пытался меня там убить. Они открыли по мне стрельбу среди бела дня, прямо на улице.

— Вот оно что, а я об этом не слышал, — Хариварман взглянул на командира, которой по всей видимости, это уже было известно. Она незаметно задала Чену наводящий вопрос:

— Но ты ничего не сказал о том, что в тебя стреляли, когда записывался в Темплары?

Похоже она уже не один раз проговаривала все это с юношей и теперь лишний раз повторяла для Харивармана.

— Нет, мэм. Ничего я не говорил. Я просто хотел смыться подальше, жизнь свою спасти. И тогда я был уверен, что в меня стреляла Безопасность... А теперь я думаю, что это был кто-то, связанный с истинными убийцами Императрицы.

Чен, без дальнейших подсказок, теперь изложил собственную версию о событиях на Салютае, начиная с секретной подготовки, которую провели его друзья и он для столь впечатляющей демонстрации. Похоже было, что в сотый раз он рассказывает эту историю, на этот раз уже блестяще отпетитированным голосом. Тем не менее, Хариварман склонялся к тому, что это правда. Он заметил юноше:

— Если все это так, то, видимо, вас просто подставили...

— Я все еще не могу поверить, что мои друзья — те, кто помог организовать мне эту демонстрацию, были замешаны в это политическое убийство,— Чен с жалким видом кивнул.

— По всей видимости, не все из них,— Хариварман заглянул в голубые глаза Анни Бленхайм и увидел, что она оценивает его точно так же, как и сам он. Принц надеялся, что она будет столь же проницательна. Он обратился к ней:

— Вы понимаете, что молодой человек так же невиновен в случившемся, как и я. Но я очень удивлюсь, если с Салютая, в ближайшее время не поступит обвинительный приговор на мое имя.

Она покачала головой.

— Думаю, мы узнаем чуть позже, по этому поводу, когда прилетит третий корабль. Но вашу вину, или невиновность, Генерал, теперь уже не я буду определять.

— Теоретически — да. Но на практике, вы прекрасным образом можете разрешить мое будущее. Вы будете самым высоким официальным лицом Темпларов в Крепости на момент прибытия корабля. И если, как я предполагаю, они прилетят по мою душу, вам придется решать — отдавать им меня или нет.

Она молча смирила его взглядом. Но Принц не отступил:

— Разве не это вы только что имели в виду, сообщив мне о том, что в скором времени вам придется что-то решать? А зачем вы привезли на встречу со мной этого юношу? Неужели, вы всерьез думаете, что я провел свое

заклучение в попытках организовать покушение на Императрицу? Неужели, вы до сих пор не понимаете, под какой удар я поставлен?

Командир Бленхайм опять покачала головой:

— Откуда мне это знать? Я сама здесь всего лишь несколько дней.

— Вам придется узнать об этом.

— Я повторяю, это не мне решать, Генерал. Мы еще раз поговорим об этом. И подозреваю, очень скоро.— Ей не нравилось, что узник разговаривал с ней таким тоном. Она набрала какую-то комбинацию на устройстве дистанционного управления и обратилась к водителю:

— Генерал сейчас выходит. А вы отвезете нас на Базу. Хариварман опять закрыл шлем и вскоре поплыл в невесомости, глядя на удаляющиеся огни штабного флаера. Ему удалось отвлечь командира от того, чем они здесь занимаются.

На борту собственной машины Принц увидел скрючившегося Лескара. Похоже, что с тех пор он так и не шелохнулся, хотя лицо его и приобрело нормальное выражение. Совершенно бесстрастно он выслушал отчет хозяина о встрече с главной тюремщицей и Ченом. В конце концов Лескар изрек:

— Тревожный сигнал, Ваша Честь!

— Да,— Принц старался выглядеть как можно спокойней и царственной, словно все тревожные сигналы не в счет.— Теперь вернемся к делу. Итак, на чем мы остановились? Насколько ты продвинулся в работе, прежде чем нам помешали?

Лескар посмел бросить на хозяина испепеляющий взгляд:

— Простите, Ваша Честь, но мы перешагнули грань дозволенного людям...

— Лескар, Лескар, да послушай же меня наконец! Ты что, думаешь мне приятно тайно возиться с берсеркерами? Я думал, что он давно подох, прежде чем решился привезти тебя сюда. Бог мне свидетель, как я ошибался. Мне очень жаль, извини.

От извинений Принца Лескару стало не по себе, а тому этого только и надо было. Коротышка тут же затрясся и что-то заблеял. Принц же уверенно продолжал:

— Я не инженер, и не ученый. Ясно, что в этом деле я полный дилетант, но я с полной уверенностью могу

тебе сказать, что теперь чудовище подчиняется лишь мне одному. Оно выполняет только мои приказы. Оно не собирается на нас нападать. И я уверен, что это наш единственный шанс спасти свои жизни. Поверь мне, я слишком хорошо знаю нынешнюю ситуацию, чтобы ошибаться.

Лескар зашевелился, но не очень активно. Так, словно замерзая, он потер руки.

— Но если все так, как вы говорите, Ваша Честь, и кто-то летит с Салютая, чтобы нас арестовать, то не слишком ли поздно мы взялись за попытку собрать вдвоем звездолет?

— Может, и поздно, а может, и нет. Когда люди Рокелора придут сюда, возможно мне удастся задержать их на некоторое время, ну хотя бы на несколько дней. Если мне удастся убедить командира в своей правоте. У меня сейчас появились кое-какие мысли по этому поводу. Они не смогут забрать нас отсюда, если она нас не выдаст. Я думаю, что поставить этот двигатель на один из двух флаеров — все еще наш единственный шанс.

Лескар уже почти отправился от пережитого им жуткого потрясения. Хариварман рассудил, что лучше будет оставить его сейчас в покое. И несмотря на мольбы и стенания слуги, в очередной раз отправился в комнату, где стоял Берсеркер, намереваясь продолжить свой осторожный диалог с только что прирученным чудовищем. В последний момент, из флаера вылез, задыхавшийся от страха Лескар. Что бы там ни случилось, он не мог позволить Принцу остаться с этой тварью один на один. В то время, как оба они проплывали в наглухо загерметизированных скафандрах по безмолвному коридору, до Харивармана долетел радиослепок слуги:

— И с чего это вы вздумали опять с ним разговаривать? Двигатель мы сняли, а остальное нам ни к чему. Ради побега, конечно, стоит и еще раз рискнуть поговорить с двигателем. Но что до остального... К чему рисковать? Какая нам с этого выгода? В лучшем случае нас арестуют. Рано или поздно они узнают чем мы тут занимаемся.

Лескар, только что я говорил, что устрою нам отсрочку, и у нас будет время собрать корабль. Кажется, теперь я понял, как это сделать.

Лескар молчал. Вскоре они подошли к ужасной комнате. Там Хариварман остановился.

— Если я полностью контролирую это создание, тогда в чем же дело, поговори с ним.

— Нет, сэр, только не это.

— Это решит проблему управления этой штуковиной на случай побега. И на другие случаи тоже. А теперь я приказываю тебе вернуться в космолет. Думаю, что это весьма специфическое дело. Оно получится лишь в том случае, если я буду там один. Да и риска меньше.

Лескар тяжело вздохнул. Эти слова его явно не убедили. Но он давно уже решил, кому посвятить свою жизнь, и потому поспешил выполнить приказ.

Оставшись один Принц вновь зашел к Берсеркеру, посмотреть, чему же он еще может научиться у своего нового металлического раба. Как и прежде, казалось что железное страшилище не сдвинулось и на сантиметр с тех пор, как он ушел отсюда. Оно еще висело там на стене уцепившись шестью паучьими лапами за каменную плиту. Но в этот раз линзы на голове машины плавно повернулись и сфокусировались на вошедшем. Далее ничего не последовало, но даже этого хватило, чтобы у Принца подкосились ноги.

Еще раз убедившись, что использует подходящую радиочастоту и на самой минимальной мощности, Хариварман потребовал:

— Признайся, есть ли еще другие машины, подобные тебе и еще исправные, в этой Крепости? Тебе понятно что такое Крепость?

Тонкий, писклявый, отрывочный шепот вновь зазвучал в наушниках:

— Я понимаю. Ответ на ваш вопрос — утвердительный. У Харивармана отнялся язык. По правде говоря, он такого не ожидал. Он считал, что подобная возможность невероятна, но теперь...

— Как много подобных машин существует? Где они?

— Существует 47 таких машин. Все они собраны в одном зале, приблизительно, в 250 метрах отсюда.

— Сорок семь, — не удержавшись, вслух прошептал Принц. «Интересно, умеют ли берсеркеры лгать? Наверняка. Но вряд ли, при воздействии на них кодом управления». Он откашлялся и задал следующий вопрос:

— Откуда ты знаешь, что они там?

— Они были и остаются под моим командованием.

— Но они, естественно, не активны? В противном случае они вырвались бы отсюда еще сотни лет назад, уничтожая на своем пути все живое.

— Не активнее меня. Они все находились в режиме жесткого подчинения, когда я был поврежден и с тех пор оставались инертными, как я. Только я способен их вновь вернуть к жизни.

Слушая машину, оставшуюся по-прежнему в его власти, Хариварман вновь вышел в коридор. По обычному переговорному каналу он обменялся парой фраз с Лескаром, успокаивая слугу, и повторив приказ ждать его в космолете. После чего отправился туда, куда направлял его шепот Берсеркера. Он пошел по ближайшему коридору, который как было ему известно, также не изучавшийся на протяжении многих веков. Там он наткнулся еще на одну комнату, двери которой запечатала ржавчина лет. Она была больше той, в которой он оставил Берсеркер-Контроллер. В этом помещении было полным-полно всякой техники. Принц переходил от предмета к предмету, стараясь увидеть побольше. Учитывая риск, которому он подвергался, казалось, пустой тратой времени пытаться соблюдать предосторожность. Здесь были свидетельства, подтверждавшие достоверность информации берсеркера — вся боевая компания недружелюбно настроенных его железных братьев. Сгрудившиеся в кучу машины смерти напоминали Принцу роту перепуганных пехотинцев, замершую в страхе ожидания сигнала атаки. Здесь были представлены все виды берсеркеров. Неповоротливые, непохожие на людей андромиды. А вот несколько транспортеров, и некоторые из них чрезвычайно похожи на космолеты, которыми пользуются живые обитатели Крепости. Прочие мало чем отличались от самоуправляемых ракет. Была среди них и ядерная боеголовка на гусеницах, готовая катить, куда прикажут, и по команде взорваться. Хариварману приходилось иметь дело с подобными. Регистр дополняли и другие виды Берсеркеров, весьма редкие, назначение которых он так сразу даже не был в состоянии определить.

Тут был целый десант, возможно, равный по боевой мощи небольшой человеческой армии, ждавший пробуждения по приказу некоего зловещего Генерала-робота. Принц насчитал две дюжины жутких металлических громил пока не сбился со счета. После чего возобновил

это занятие. Всего он насчитал их сорок семь, в точности, как и пообещал ему контролирующей эту силу, берсеркер. Все они, слегка запылившись, были инертны так же, как и тот первый. Но было и одно существенное отличие, насколько Хариварман успел заметить, ни одна из этих машин даже малейшим образом не была повреждена.

Должно быть, они совершили посадку на Темплар-Радиянт во время великих битв и были собраны в этом помещении в качестве готового резерва. И если бы не счастливый случай, что вывел их Контролера в другой комнате из строя и оставивший их незадействованными, человечество вряд ли бы выиграло те битвы. Итак, они должны были подчиняться ему. А он не мог бросить их в бой, потому что был парализован. Теперь же он не сможет этого сделать потому, что Принц приказал никому не причинять вреда. Хариварману прежде приходилось несколько раз видеть эти смертоносные машины вблизи. Но никогда прежде в столь сохранившемся многообразии. Похоже еще ни один человек не смог увидеть их в таком количестве и при этом остаться в живых. Обширная сокровищница знаний о противнике поджидала здесь исследователей, которые рано или поздно ею воспользуются. Он проследит за этим. Но прежде...

Принц плотно закрыл за собой двери и вернулся к флаеру, плохо соображая, что делает. Направляясь к Городу он внезапно рассмеялся и процитировал строки:

Любой из нас способен призывать из глубины Пространств незримых духов. Но нам они являться не спешат. Звать может каждый, Да не к каждому придут...

— И как прикажете понимать все это Ваша Честь?

— Никак. Не стоит, Лескар, даже не пытайся!

ГЛАВА 10

Машина, в которой сидели командир Бленхайм и Чен, остановилась у космопорта. Здесь ожидали прибытия внепланового третьего за последние два дня, корабля с Салютая. После беседы с Хариварманом, Блен-

хайм решила своими глазами увидеть неожиданный звездолет. Анни могла включить один из телевизоров в своей машине и наблюдать подлетающий корабль через видеокамеры, контролирующие пространство вокруг космопорта, но мысли о Харивармане заставили ее поступить иначе.

Как только показался сфероидный корпус огромного корабля, около ста метров в диаметре, она поняла что перед нею модернизированный тип боевой машины с опознавательными знаками сил Космической Обороны Салютая. Анни Бленхайм догадалась, что принадлежал этот военный корабль одному из самых сомнительных в истории Салютая политиков, весьма противоречивой личности, Премьер-Министру Рокелору.

Политика мало интересовала командира, если речь шла о событиях, происходивших за пределами Темплер-Базы и Крепости.

Но сейчас она вспомнила разговор с Хариварманом, в котором он упоминал Премьер-Министра, как своего злейшего врага. Бленхайм недавно узнала, что Рокелор — одно из высокопоставленных лиц в Империи, был наиболее вероятным претендентом на Трон после гибели Императрицы. Поэтому нет сомнений, что именно Рокелор будет представлять Салютая на Совете Восьми Миров, где будет решаться вопрос — кому теперь занять опустевший Престол.

Анни дала указания водителю:

— Сержант, я выхожу здесь. Вызовите конвой и проследите, чтобы новобранца Шизуоку отправили на место его постоянного пребывания и содержали так же как и прежде.— Чен беспомощно посмотрел на нее, командир промолчала, так как сказать было нечего.

Анни Бленхайм, наконец-то, выбралась из машины, чтобы лучше поглядеть на боевой звездолет. Надпись на борту с эмблемой в виде выпустившего когти мифического чудовища придавала судну несколько высокомерный вид. Корабль только что прошел ворота и замер. Теперь почти вся верхняя половина палубы звездолета хорошо просматривалась, однако, его нижняя часть скрывалась в armатуре нижних стоек и опор, принявших корабль по отключении двигателей. Теперь, подчиняясь системе управления космопорта, огромная машина была направлена в широкий канал, ведущий прямо к доку. Бленхайм оценивающе осматривала боевой корабль: са-

ма форма этого звездолета для специалиста была безусловным признаком армейской техники. Внешние орудия сейчас были зачехлены, но в том, что они там имелись, сомнений не возникало.

Как только корабль причалил, командный люк открылся и на территорию дока высыпало множество военных в полной боевой экипировке. Они все прибывали и прибывали. С удивлением и досадой Анни заметила, что все они вооружены. Все это весьма походило на то, что это войско блокирует порт, выбирая точки для стрельбы по возможным мишеням или собираясь дать сокрушительный отпор атаке неприятеля.

Эти вооруженные люди — драгуны, как называл Рокелор свое маленькое войско, заняли позицию против караульных Темпларов, постоянно контролирующих подходы к докам, хотя это была лишь чисто церимониальная обязанность. Драгуны уставились на окружавших порт Темпларов с явной враждебностью, в то время как молодые Темплары таращили на них удивленные глаза. Командир вряд ли могла их винить за это. Экипировка захватчиков была тоже куда более грозной, нежели у Темпларов.

Показав жестом водителю следовать за ней, Анни быстро направилась к огромному люку для допуска прибывающих, еще до того, как он открылся. Вскоре она оказалась, спустившись на один лесничный проем, на одном уровне с люком, готовая противостоять любому, кто выслал этих грозных стражей.

Из открытого люка звездолета вышел человек, который, похоже, и был причиной столь воинственного почетного караула. Анни узнала его сразу, хотя прежде с ним никогда не встречалась, и тем более, не ожидала увидеть сейчас. Почти каждому в Восьми Мирах было знакомо это стареющее изможденное лицо с только ему присущими длинными, завивающимися вверх усами. Усы принадлежали Генералиссимусу Бератону, урожденному Найтройцу и легендарному герою Восьми Миров.

Его послужной список в войне с берсеркерами начался задолго до того, как Генерал Хариварман ступил на эту древнюю и, видно, бесконечную стезю.

«Генералиссимусу, — подумала Анни Бленхайм, — должно быть сейчас не менее двухсот лет», и если бы, например, вчера кто-то спросил ее о нем, она бы с уве-

ренностью сказала, что он уже давным-давно на пенсии. Ей тут же пришла в голову еще одна мысль: «А что, если Генералиссимус был в Крепости во время последнего десанта берсеркеров? Если так, то он мог бы дать весьма ценные советы по поводу восстановления здешних укреплений».

Генералиссимус выбрался из звездолета и теперь стоял, гневно озираясь вокруг, словно не замечая две шеренги своих телохранителей. Однако, его суровое выражение смягчилось, взгляд просиял при виде приближающейся фигуры командира Бленхайм. В том, как он держался, произошла еле уловимая перемена. Смягчилась несколько его походка, когда он зашагал к Анни на своих длинных ногах. Конечно, не форма и знаки отличия делали узнаваемым ее ранг и положение даже в том случае, если не были знакомы с ней лично. Церемониально отмаршировав ей навстречу, впечатляющий старик замер в четырех шагах от командира Базы и отдал Анни честь, поскольку она была здесь старшей по рангу. Строго соблюдая устав, несмотря на свой пост, она тут же по всем правилам отсалютовала ему.

— Что-нибудь для прессы? — было первыми приветственными словами Генералиссимуса.

По крайней мере, так послышалось Анни, сказано было это с изысканным аристократическим акцентом, не совсем ей знакомым, к тому же вопрос был задан заговорщеским шепотом. При этом Генералиссимус оглядывался по сторонам.

— Простите, Генералиссимус, я не совсем понимаю? Вблизи преклонный возраст Бератона был более очевиден, но, судя по всему, годы его щадили. Улыбаясь, он слегка наклонился, чтобы быть на одном уровне с Бленхайм, и на сей раз уже не так тихо произнес:

— Думал, вдруг здесь корреспонденты. Не уверен, что стоило бы их сюда приглашать. Слава Богу, их нет.

Ей почему-то, показалось, что Генералиссимус сейчас собой любитесь, и наверняка был бы весьма польщен, оказись здесь журналисты.

В выражении лица старика улавливалась определенная доля печали, что подчеркивало необычайную серьезность возложенной на него миссии. Анни Бленхайм решила, что это как раз один из тех случаев, когда не стоит форсировать события. Едва она начала свое формальное приветствие о традиционном гостеприим-

стве Базы, как еще один офицер, гораздо моложе и ниже ростом, вышел из открытого люка, и, печатая шаг, энергично направился в их сторону, высоко задирая свои короткие ноги.

Сразу за ним в проеме люка появился человек в гражданском, но он так быстро исчез, что Анни не смогла его, как следует, разглядеть.

— Капитан Лергов,— отчеканил энергичный коротышка и лихо отдал честь.

— Мой заместитель.— добавил Бератон.

— Командир Анни Бленхайм,— представилась она, переводя взгляд с одного на другого.— Добро пожаловать, джентельмены.

Анни была несколько удивлена холодностью своего тона, хотя считала, что поведение непрощенных гостей того заслуживает.

— Вы явились сюда по зову Долга?

— Боюсь, что так,— ответил Генералиссимус. Вдруг, еще более опечалившись, он замолчал и было ясно, что тема разговора слишком неприятна для него, чтобы продолжать дальше. Лергов тем временем пробормотал, что должен срочно проверить свой почетный караул.

Анни заметила, как шестнадцать молодых женщин и столько же мужчин в страхе застыли под его суровым взглядом. Осмотр много времени не занял. Лергов повернулся к караулу спиной и заискивающим тоном обратился к Бератону:

— Генералиссимус, все готово!

— Ах, да....— Бератон, тяжело вздохнув, извлек из атташе-кейса весьма солидную папку и вручил ее командиру Базы.

Она изучала документ. Как могла уже убедиться Анни, это было тяжелая папка. Раскрыв ее, она увидела, что послание было выполнено в двух экземплярах: один — на государственной гербовой бумаге, другой электронный. Последний вариант был выполнен в виде маленькой черной печати, приклепленной на шелковой нити к свитку и был послан от кворума членов Совета. Их большая часть собралась на чрезвычайную сессию сразу же, как только весть о смерти Императрицы потрясла все Восемь Миров.

С первого же взгляда командир Бленхайм признала подлинность этого документа. Как выяснилось, он требовал от главнокомандующего Темпларской Крепости на

Радянце немедленно передать всем известного узника предъявителю документа.

«Итак, он был прав,— была первая мысль Анни, когда суть послания стала ей ясна и она представила взволнованное лицо Генерала. Она разозлилась на Харивармана.— Так что же он там себе думал, прячась в пустынных местах и занимаясь археологией? Почему он так ничего и не предпринял?»

— Будьте добры, прикажите доставить его сюда немедленно,— требовательно попросил Бератон.

Сказано это было таким тоном, словно он просил какого-нибудь младшего лейтенанта прислать за ним автомобиль. По всему было видно, что этот нетерпеливый, как юноша, старик, был готов немедленно, исполнив свою миссию, щелкнуть каблуками и отдать команду на взлет.

Бленхайм продолжала внимательно изучать полученный на бумаге приказ. Она была рада, что у нее было немного времени, несколько дней, за которые она уже мысленно подготовилась к подобной ситуации и проработала несколько вариантов поведения на этот случай:

— Боюсь, сэр, что дело о котором здесь говорится, не может решиться так быстро. Здесь еще сказано, что я обязана передать вам и других людей... Прямо так, сразу? Я не знаю, есть ли у меня право поступать подобным образом?

— Нет права? Право? — старик оценивающе оглядел ее с ног до головы и было видно, что он разочарован.— Я думал, что говорю с командующим здесь офицером — Темпларом?

— Так оно и есть, Генералиссимус. Но все гражданские лица, находящиеся в Крепости, лишь частично попадают под мою юрисдикцию. Как минимум, по вопросу о судьбах этих людей я должна посоветоваться с адвокатом. Что же касается Генерала Харивармана, то я уже послала по собственной инициативе курьерские реляции на имя Верховного Главнокомандующего, информирующие его о покушении на Императрицу и возможных последствиях этого происшествия. И я надеюсь уже в ближайшие дни получить от него ответ. А пока не будете ли вы так добры вернуться на борт своего звездолета? Боюсь, у нас еще не готовы места для расквартирования столь обширной команды,— она несколько неодобрительно посмотрела на две вооруженные шерен-

ги,— но тем не менее, всем вам будет оказано здесь определенное гостеприимство.

В действительности, предупреждения Харивармана еще несколько часов назад заставили ее обратиться к группе юристов с просьбой проанализировать сложившуюся ситуацию. И пока еще ответа от них не поступило. Бленхайм подозревала, что никто просто так не хотел подставлять свою шею, советуя в столь рискованном деле. Но приказ Совета был явно подлинным. И в отношении Генерала сказано вполне убедительно.

«Неужели, я собираюсь выдать его Салютайцам? Нет, я не хочу этого делать».— Сказанные про себя слова очень удивили Анни, так как несомненно подразумевали ее личную заинтересованность в данном вопросе. Некоторое время Бленхайм была вежливо непреклонна с неожиданными визитерами, уверяя их в том, что все, перечисленные в ордере на арест лица, действительно находятся здесь, но прежде бы ей хотелось получить соответствующие распоряжения от ее непосредственного руководства или, по крайней мере, выслушать мнение своих советников. О немедленной выдаче данных лиц, следовательно, пока не может быть речи.

Бератон, уязвленный тем, что не смог запугать ее, казалось полностью ушел в себя. Лергов зловеще молчал. Генералиссимус формально поблагодарил за гостеприимство, но предупредил командира Базы, что вероятно большая часть команды даже не сойдет на Радиант, так как пребывание звездолета будет весьма кратким. Через пять минут, отдав соответствующие распоряжения, командир Бленхайм с официальным документом Совета в руках совещалась в своем офисе с прибывшим по ее вызову адвокатом. Майор Нюрнберг очень серьезно относилась к своей, обычно скучной, работе.

Командир жаловалась:

— Они также требуют Шизуоку и не только его одного. Судя по тому, как составлен приказ, они имеют полное право забрать с собою всех, с кем Принц успел пообщаться за время своего пребывания на Радианте. Они потребуют у меня выдачи любого из этих лиц. Откровенно говоря, я делать этого не хочу. По крайней мере, до тех пор, пока не поступит четкое указание от Верховного Главнокомандующего, или другого, равного ему по положению, Темплара.

— И на то у вас есть причины, мэм,— майор Нюрн-

берг явно осторожничала, но начальница, вряд ли, могла ее за это винить.

— Мне кажется, они просто провели, как говорят, разведку боем. Ведь это наша территория. Что до Генерала, то он, конечно, не Темплар. Не вижу никаких оснований отказать им в случае с Хариварманом. Что же касается новобранца Чсна Шизуоки, то мы можем подождать, что скажет в этом случае Верховный.

— А как насчет гражданских, которых они требуют выдать им?

— Ну... мне бы хотелось пересмотреть кое-какие своды законов, прежде чем я смогу дать какой-то определенный ответ по данному вопросу.

— Благодарю вас, майор. В таком случае я откладываю встречи с нашими визитерами на несколько дней.

— Похоже, вы неплохо придумали, мэм,— Анни Бленхайм оставалось только надеяться, что вскоре поступит ответ от Верховного Главнокомандующего.

ГЛАВА II

Через несколько минут после разговора с Анни Бленхайм, Хариварман вернулся домой вместе с Лескаром. Сообщение, ожидавшее Принца в памяти голографической сцены было в форме вежливого приглашения: «Если Генерал посетит личный офис командира Бленхайм в любое, удобное для него, но ближайшее...» Он даже не сел проверять, в какое время получено послание — до или после их последней встречи. В таком случае она бы перезвонила и отменила приглашение.

Где-то через час после получения последней записки, Принц Хариварман уже стоял в унылом, сером командирском офисе. Обстановка безликой комнаты была еще более спартанской, чем при полковнике Фосьоне. Имелось лишь два-три предмета мебели да морщинистое лицо нынешнего Верховного Главнокомандующего Ордена на голографическом портрете. Хариварман прежде встречался с нынешним Верховным лично и между ними было взаимное уважение. Как только Принц вошел, Анни встала из-за своего, вероятно, походного

стола и подошла к нему поздороваться. Никто из них не промолвил ни слова, пока клерк, впустивший Принца, не закрыл дверь за собой.

— Как вы и предрекали, они прибыли за вами, — сказала она.

— И вы уже вынесли решение? — Он улыбался. Ее молчание говорило о том, каким именно могло быть это решение.

— Им также нужен ваш слуга, Лескар. Принц кивнул: — Несомненно. — И новобранец Чен Шизуока. — Мой сообщник по гнусному заговору... Еще бы! — И еще кое-кто. Все люди гражданские. — Понятно. Кого из этого списка вы собираетесь выдать им? — Внезапно осевшая Принца мысль заставила его перебить самого себя. — Предполагаю, в списке также фигурирует моя жена?

— Теперь уже да. Они несколько удивились, обнаружив ее здесь, но включили в список сразу же, как только узнали, что она вернулась на Радиант.

Хариварман кивнул. Яхта, на которой прилетела Биатрикс, была у всех на виду. Естественно, врагам быстро удалось разузнать, кто прилетел на ней. Бленхайм тяжело вздохнула.

— Я надеюсь получить ответ от Верховного, прежде чем объявлю им свое решение. Только он вправе вынести окончательный вердикт.

— Не исключено, что именно вам придется это сделать.

— Вполне вероятно, что я все решу сама.

— Я прекрасно вас понимаю и сочувствую вам. В свое время мне тоже пришлось принимать ряд трудных решений... — Хариварман опять замолчал. — Итак, кого же еще они включили в свой список? Думаю, он у них резиновый.

Они все еще стояли в центре комнаты, глядя друг другу в глаза.

— Боюсь, что туда включена и ваша подруга Габриэль Чоу — сказала Анни.

— Ах, где же этому конец?

— И вы правы, приказ Совета содержит один параграф, который гласит: «любое лицо, близко или хоть как-то связанное с вашеупомянутым Генералом Хариварманом, может быть арестовано». Я без проблем нашла законное обоснование отказа подчиниться этому

пункту. Конечно же если не появится Верховный и не прикажет мне обратное, что маловероятно.

Некоторое время Принц хранил молчание.

— Эти выродки гораздо хуже, чем я предполагал. И наглее. Впрочем, что же еще можно было от них ожидать?

— Пока я не выполнила ни одного из их требований,— продолжала Анни,— но... Некий капитан Лергов настаивает на немедленной встрече, чтобы убедиться в том, что вы, действительно, до сих пор находитесь на Радианте.

— Лергов? — голос Харивармана дрогнул.

— А что вы знакомы?

— Знаком и даже очень хорошо. И если бы мы когда-нибудь встретились, подозреваю, что в живых остался бы кто-то один.

— Но он там не самый главный...

— Да, пожалуй, для этого он рангом не вышел. Тогда в чьих же руках дело?

— Пойдемте. Сами увидите.— И командир открыла боковую дверь комнаты.

Принц не знал, кого увидит, но был поражен, когда буквально через мгновение старинная хроника ожила перед его глазами. Это был Генералиссимус Бератон. Хариварман уже прежде встречался с ним раз или два, в основном, на мероприятиях *церимониального характера*, и по ряду причин презирал старика. У Принца не было ни малейшего сомнения в том, что это чувство было взаимным. Они молча смирili друг друга взглядами. Обоюдное презрение к философии и политике, смягчалось, в равной степени раздражающим обоим, уважением. Каждый считал, что в прошлом неплохо повоевал с берсеркерами. Первым заговорил высокий старик:

— Должен сказать, Принц, что весьма удивлен и опечален тем, что нахожу вас здесь, в таких обстоятельствах...

Хариварман явно не был настроен притворяться:

— Генералиссимус, а я вот вас ждал. Рокелор знает толк в подборе подходящих исполнителей.

Кровь прилила к морщинистым щекам Бератона.

— Не ожидал такой дерзости от человека высокого ранга.— процедил он.

— Вы что, действительно думаете, что я готовил заговор с целью убийства монаршей особы? Но вас

вероятно заставили в это поверить, иначе вас не было бы здесь. Именно поэтому Премьер-Министр избрал вас. Сознайтесь же, в конце концов?

Небольшой человек, прежде стоявший в углу комнаты, в форме младшего офицера вооруженных сил Салютая, с наглым видом подошел к ним.

— Я капитан Лергов, — он посмотрел на Принца, как на пустое место, и чисто символически отдал честь.

— Ах, да, слышал о вас, Лергов. — Хариварман не стал тратить на него свое внимание, пристально следя за Генералиссимусом.

— Принц Хариварман, — очевидно, старик забыл, а может его никто не предупредил, что ссыльного нужно называть Генералом. — Вы арестованы за измену Императорскому Трону и за убийство монаршей особы.

Хариварман лишь холодно посмотрел на него. Стоявшая рядом Анни заявила:

— Я проинформировала Генерала, что пока не передаю его в ваши руки. Как Командир Базы я все еще несу ответственность за него.

Бератон возмутился:

— Я бы сказал, что ваша ответственность за заключенного превратилась теперь в пустую формальность. Само собой, вы же не станете отрицать легитивность постановления Совета?

— Я пока еще не подчинилась ему, Генералиссимус. И вот по какой причине — постановление, помимо Харивармана, распространяется и на других людей. Похоже вы еще собираетесь арестовать и его жену, друзей и даже, малознакомых с ним лиц.

— Императорский Совет на экстренных заседаниях имеет право издавать подобные приказы.

— Может быть, Генералиссимус Бератон, а может и нет. Но тем не менее здесь командую я, а значит, несу за все ответственность.

— Да, мадам, именно так. Ответственность, само собой, вы несете...

— Врученный вами ордер на арест, отдельным параграфом включает требование выдать курсанта Чена, — продолжала командир, — состоящего в рядах Темпларов.

Бератон повторил:

— Когда Императорский Трон пустует, Совет, в случае особо опасной измены Трону, имеет высокую власть.

— Может быть, сэр. Но в случае ареста Темплара, да еще на темпларской территории — я сомневаюсь. В любом случае, я все еще, в какой-то степени, ответственна за людей, о которых говорится в вашем постановлении и я должна быть абсолютно уверена. И прежде чем дать официальный ответ, я хотела обсудить все это со своими юристами.

Капитан Лергов переминался с ноги на ногу и явно куда-то торопился:

— А как много времени это займет, мэм? Анни Бленхайм повернулась к нему; ее миловидное личико поражало своей непреклонностью. — Все это не так просто, и может потребовать несколько дней, капитан. Генералиссимус культурно откашлялся: — Просто поиск прецедентов в законной практике? Валяйте, командир.

— Боюсь, не такой простой, Генералиссимус. Я дам вам знать, когда приду к окончательному решению.

Внезапно Хариварман сказал:

— Предполагаю, данная встреча стенографируется?

— Да, конечно, — уверила его Бленхайм.

— Хорошо. Я хочу, чтобы в стенограмму включили мой официальный протест по всем пунктам данного ордера на арест. И если командир Базы передаст меня в руки этих людей, они убьют меня, или же превратят в идиота во время проведения дознания еще до того, как я попаду на Салютай.

Этого было достаточно, чтобы Генералиссимус затрясся от ярости:

— Я хочу, чтобы сейчас же письменно зафиксировали и мой официальный протест, так как замечания арестованного — это откровенная ложь, он прекрасно об этом знает!

— Вам прежде не мешало бы посоветоваться с капитаном Лерговым, — заметил Принц.

Бератон выпучил глаза, но так ничего и не сказал. Молчал и Лергов, не переставая испуганно озираться по сторонам. Больше говорить было не о чем. Спустя несколько секунд Генералиссимус и капитан удалились. Хариварман стоял, поглядывая на командира Базы. Некоторые из ее помощников уже вернулись в комнату и ожидали, когда Хариварман уйдет. Командир взглядом приказала уйти им.

— Генерал, мне бы хотелось поговорить с вами в своем личном офисе.

Когда они снова остались наедине, Анни Бленхайм села в кресло и нажала кнопку на своем столе.

— Больше не стоит записывать что здесь говорится, — скомандовала она и на мгновение задумалась, словно вспоминая что-то. — Что касается вашей жены и всех остальных, то я еще не знаю, каким будет мое окончательное решение.

Принц смотрел на нее как зачарованный.

— Что ж, как и большинство окончательных решений, оно будет только вашим. Предполагаю, что вы не станете...

— Позвольте мне, пожалуйста, закончить. Думаю, что вы не совсем правильно меня поняли. Что касается конкретно вашего случая, боюсь, что у меня нет выбора.

— Что? — правая рука Харивармана, потянувшаяся было для рукопожатия в знак доверия и благодарности, бессильно опустилась.

— Что касается вас лично, Генерал, то у меня нет оснований не согласиться с приказом Совета или хотя бы задержать его исполнение.

Потеряв дар речи, Принц с удивлением смотрел на женщину в военной форме.

— Наверное, вы — единственный человек, кто до сих пор не смог меня понять. Я вынужден снова вам повторить: как только я попаду на их корабль — меня не оставят в живых.

— У меня нет тому никаких доказательств, Генерал. Хариварман был шокирован. От гнева и возмущения он не мог говорить. Хладнокровным тоном Бленхайм продолжала:

— Поверьте, у меня нет выбора. Прежде чем доложить о своем решении Генералиссимусу, я извещаю вас об этом, делая одолжение. Скоро вас передадут под стражу.

— Под его стражу? Как будто старый хрыч способен... Все же Хариварману удалось овладеть собой, что-то говорить прилично:

— Весьма признателен вам, командир, за оказанное мне одолжение. А как же насчет того, что вы обязаны нести ответственность за сохранность моей жизни, как пленника?

— Приказ Совета предельно ясен и моя обязанность

подчиниться ему. Вас необходимо вернуть на Салютай для суда по всем этим обвинениям в...

— Теперь я понял, почему здесь вам стенограмма не понадобилась. Вы сами стали, подобно попугаю, повторять уже прежде сказанные кем-то слова. Но я еще раз вам это напоминаю: Бератон не из тех, кто стал бы убивать пленника, однако он слишком глуп, чтобы понять, что же в действительности будет происходить на том корабле. Если вы сдадите меня Лергову и его политической банде, мне Салютая уже не увидеть, а если и останусь в живых, то психическим больным. Неужели для вас все это нечего не значит? А я по своей глупости считал, что друг для друга мы стали значить больше чем...

— Генерал Хариварман, я прекрасно понимала еще при нашей первой встречи, что вы пытаетесь установить подобные отношения. Хотя с вашей стороны это было глупо, как вы сами только что выразились. К счастью между нами так ничего и не установилось.

Наступила небольшая пауза. Ее глаза вызывающе оценивали его, пытаясь найти малейшие признаки слабости.

— Все ясно,— в конце концов сказал он. И опять в горле застрял комок, так что было очень трудно выдавить из себя даже пару этих слов.

Последовала еще более напряженная тишина. Затем командир снова стала повторять:

— У меня нет оснований так считать....

— Я был прав, когда сказал, что они придут за мной. Я также не ошибаюсь и сейчас, в отношении этих истинных намерений. Еще раз говорю вам, если вы отправите меня на этом корабле вместе с ними, живым мне не быть. Я без труда назову вам ряд способов, с помощью которых им удастся разделаться со мной в пути и при том выйти сухими из воды. Вы что, мне не верите?

— Даже если бы вы были правы...

— А я прав.

— Еще раз повторяю специально для вас, Генерал,— объясняла она, словно туповатому новобранцу,— я должна поступать на основании фактов, свидетельств, а не тех или иных политических пристрастий. И даже если бы вы были правы насчет их намерений, у меня все равно нет свидетельств. Вы можете мне таковые предоставить?

— О, их послужной список — лучшее тому доказательство. И идиотская самонадеянность Генералиссимуса, дьявольская потребность творить зло в случае с Лерговым, еще в большей степени развитая у тех, кто послал их сюда. И прежде всего у Премьер-Министра Рокелора.

Она немного смутилась:

— Существует сильная полярность мнений в оценке истории и политической жизни Восьми Миров. И ваша биография, вероятно, тоже не безупречна?

— А ваша, точно...

— Моя биография здесь роли не играет.

— Моя тоже, особенно теперь, когда я беззащитен под охраной Темпларов и кто-то хочет меня убить.

— Мои полномочия и свод законов о ссыльных не оставляет мне выбора.

— Вы просто выполняете свой долг?

— Вот именно.

— Хорошо, в таком случае я желаю вступить в ряды Темпларов.

— Вы что серьезно? Но вы ведь не можете — в конце концов, это полный абсурд. — Даже пока Анни это говорила, она все же немного надеялась на то, что он не будет продолжать этот пустой спор. Если он встретит неизбежное с честью, ей будет гораздо труднее исполнить свой долг. Но аргументы Генерала довольно быстро исчерпались. Он лишь тяжело вздохнул. В нем сразу же засквозила некая отстраненность. Присмотревшись, командир Бленхайм поняла, что гнев Принца отнюдь не смягчился, наоборот — окаменел... Наконец, он спросил вполголоса:

— Не могли бы вы быть столь великодушны расширить свое представление о Долге, дабы не отказать мне в малом — немного свободного времени напоследок? Пару часов свободы, прежде чем за мной явятся, чтобы отправить на Смерть. Мне бы хотелось кое с кем проститься.

Ей показалось, что это всего лишь поза, попытка возбудить в ней жалость и это вовсе не имеет никакого отношения к прощанию с кем-либо.

О, я была о вас гораздо лучшего мнения, Генерал. Вы просто опускаетесь на глазах. Ну нельзя же до такой степени унижаться. — Она тут же пожалела, что сказала это вслух. Однако, она тоже была очень сердита. Слов-

но пытаюсь загладить свою вину, она тихонько добавила: — Вам двух часов хватит?

Хариварман опять вздохнул:

— Два часа дадут мне возможность позаботиться обо всем,— спокойно ответил он.

Анни уже хотела было отвернуться, но откинулась в кресле, размышляя: «Нет, на самоубийцу он не похож, но в данных обстоятельствах, если он действительно верит в то, что его убьют...»

— Вы не забудете отметить у меня по истечении этого срока? Уже успокоившись, сдерживая свою естественную ярость, Генерал кротко посмотрел на нее:

— Я буду здесь или дома. Вам нет нужды беспокоиться.

— Тогда вы можете идти. Два часа.

— Даю вам слово. Лергов ожидал в соседнем помещении, когда Хариварман вышел, чуть не столкнувшись с ним, но Анни успела заметить, как жутко заблестели глаза капитана. Хариварман пристально посмотрел на него, потом перевел взгляд на Бленхайм и, хлопнув дверью, вышел.

Анни Бленхайм подошла к Лергову и требовательно спросила:

— Что вам еще угодно, капитан?

— Когда будете готовы, передайте нам заключенных, мэ. Всех сразу нам не надо.— Тон Лергова был более вальяжен, чем прежде.

— Я дам вам знать, капитан.

— Мне бы хотелось напомнить полковнику, если позволите, что Генерал Хариварман уже находится в распоряжении Совета и если, не дай Бог, вы допустите, чтобы с ним что-то случилось до того, как..., ну, короче, вы поняли, что поверьте, Совет будет очень недоволен.

— Я уже сказала, капитан, что все еще несу ответственность за Генерала. Я собираюсь выставить охрану вокруг его дома. Как только ситуация изменится, я дам вам знать.

— Есть, мэ! — И на этот раз Лергов отдал честь почти что по уставу.

Крайне редко, может, всего раз или два за все долгие годы совместного пребывания с Принцем, Лескар видел своего хозяина в такой ярости. Пытаясь спастись от этого слепого гнева, направленного вовсе не против него, коротышка боялся даже заговорить с Принцем первым. Хаприварман, вернувшись с аудиенции, не подходил к себе места, он шагал из угла в угол по комнатам дома ссыльных, не зная на кого обрушить свой гнев. Никогда еще Лескар не видел его столь близким к безумию.

Однако, к великой радости слуги, тот период непродуктивного поведения продолжался не более двух минут. После чего, Принц, совершенно успокоившись, ушел к себе в комнату и стал переодеваться в рабочую одежду, как будто бы он снова собирался вернуться к своим секретным делам.

Лескар все понял или ему показалось, что он все понимает. Последняя попытка скрыть или уничтожить берсеркера все же должна быть предпринята. С другой стороны, увенчается ли она успехом? Принц, теперь уже производивший впечатление совершенно уравновешенного человека, уверенного в себе и абсолютно контролирующего ситуацию, стал отдавать приказания. Лескару были даны соответствующие поручения, которые он должен был выполнить в точности. Ему нужно было привести в дом Габриэль и Беатрикс, придумав какую-нибудь причину для того, чтобы собрать их здесь вместе.

— Прикажете прямо сюда, в этот дом, Ваша Честь? Двух одновременно?

— Да, да. Они должны сюда прийти. Свяжись с ними как только я уйду. Возможно я еще не вернусь к тому времени, когда они будут здесь. Но проследи, чтобы и Беатрикс и Габриэль оставались здесь, чтобы ни случилось, пока я не вернусь. И сам оставайся, пока не получишь от меня другого приказа.

— Есть, сэр. Сделаю все что в моих силах.

— Я знаю,— тон Принца несколько смягчился. Сейчас ему необходимо было как можно скорее одеться и собраться, чтобы ни у кого на свете не возникло сомнений в том, что он, как обычно, отправился на раскопки. У дверей он обернулся:

— Ублюдки хотят взять нас голыми руками, мой друг, да только у них ничего не получится. Мы их всех отправим напрямик в ад!

— Конечно, Ваша Честь, адвокаты на Салютае нам помогут. Я уверен в этом, Ваша Честь. Когда мы прилетим туда...

Принцу пришлось вернуться:

— Что, что? Адвокаты на Салютае? Да мы не долетим туда живыми. Ты что, ничего не понял из того, что я объяснял тебе в последние дни?

— Да, сэр, но я думал, что может быть сейчас...

— Лескар, неужели ты думал, что позволю уговорить им себя поступить именно так? Мирно пойти на бойню, да еще и тебя прихватить. — Если в доме и были подслушивающие устройства, то Принцу было явно сейчас не до них.

— Как угодно Вашей Светлости. И внезапно Лескару показалось, что он понял новый план Принца. Хариварман не собирался уничтожить обнаруженного берсеркера, он собирался открыть его всеми миру, официально заявив о своей сенсационной находке.

— Вы сказали, Ваша Честь, что у вас был некий план устроить нам небольшую отсрочку?

Принц странным образом посмотрел на него:

— Да, Лескар, вот именно. *Я думаю такой план у меня есть. И на чрезвычайно длительную отсрочку. Я сейчас пойду, чтобы обо всем позаботиться.*

— Значит, командир не совсем уверена, я хотел сказать, не уверена в том, что наши враги поступают правильно?

Принц улыбнулся. Лескар и прежде видел эту особенную улыбку и знал, что кому-то от этой улыбки придется худо. Но сейчас он был рад видеть ее. Если Принц сражался, то как правило, выигрывал. Но если бы он сдался без борьбы, последствия для двух старых друзей были бы непредсказуемы. Лескар был обеспокоен, что в крайнем случае Принц мог пойти на самоубийство. Слава Богу этого не произошло.

Принц сказал:

— Думаю еще можно заставить командира Бленхайм поверить в мою правоту.

— Вот это было бы здорово, сэр. Просто великолепно.

— Рад, что могу хоть как-то тебя обнадежить.

— И конечно же, сэр...— Лескар повел глазами в ту сторону, где было место их последних раскопок.

— Об этом я тоже позабочусь. И прямо сейчас. Все одно с другим связано. Ты только не волнуйся.— Сказав это, Хариварман горячо пожал руку слуги.

Прежде это случалось раз или два, в моменты глубочайшего душевного кризиса. Принц вышел. Оставшись один, коротышка поспешил выполнять приказ. Первым делом он связался с бывшей Принцессой (покинув Принца, она сняла с себя титул) Беатрикс, позвонив прямо в ее апартаменты, расположенные в самой шикарной из городских гостиниц. Беатрикс не задавала лишних вопросов и, похоже, не особенно удивилась. Она согласилась немедленно прибыть в дом Харивармана. Лескар не сказал Принцессе о том, кто еще должен сюда приехать. Затем Лескар позвонил в загородную квартиру Габриэль Чоу, где робот-секретарь сообщил ему, что в данный момент хозяйки дома нет и что связаться с ней просто невозможно.

— Я повторяю — это очень срочное дело.

— Очень жаль, сэр, но...

— Тогда передайте для нее следующее: для ее собственного благополучия просто жизненно необходимо срочно приехать на квартиру Принца Харивармана. Он положил трубку раздумывая и беспокоясь. На самом деле ему никогда не нравилась мисс Габриэль. Но он не хотел ей зла и сделал все, что мог. «Ее личное благополучие» как раз именно то, о чем говорил хозяин. Придумай любую причину, что заставит их обязательно приехать сюда».

Быстрый флаер всего за несколько минут доставил Принца к комнате, где его ожидало берсерское контроллерное устройство. В пути был момент, когда ему вдруг представилось, что чудовища нет на месте, но, видно, для одного дня невезения уже было предостаточно.

Машина смерти была там, где он ее оставил. Еще несколько минут ушло у него на то, чтобы, посвечивая лампочками скафандра на металл, отдать машине необходимые приказы. Он обнаружил, что как и в прошлом, когда он планировал военные операции, чутке специалиста его не подводит. Он абсолютно точно знает, что сейчас следует делать. Вероятно какая-то внутренняя сила уже в течение многих дней подсознательно готовила его к такому повороту событий.

— Приказы приняты, — сказал Контроллер. Тональность звучания этих слов, без сомнения, была прежней. Слегка задрожав, Принц поспешил убраться с пути своего нового раба, лишь только тот двинулся на своих шести паучьих ногах. Наблюдая, как движется этот зловещий механизм, Принц заметил, что старая пробоина в корпусе никак теперь на него не влияет, пожалуй, старая рана зажила.

Он прижался к стене, когда чудище проползало мимо, направляясь к проходу в коридор. Дверной проем был достаточно широк и кирпичи из стены на этот раз не посыпались. Хариварман проплыл мимо монстра, когда тот завис в коридоре, безуспешно пытаясь запеленговать радиосигналы, которыми машина созывала своих солдат из глубин этого пустого темного лабиринта. Но сигналы, без сомнения, были посланы и через несколько секунд Принц увидел, как все сорок семь боевых единиц закопошились в угнетающей тишине соседнего тоннеля. Почти мгновенно они восстали из забвения веков. Теперь они приближались к Генералу и Контроллеру.

При слабом притяжении андроидные типы берсеркеров двигались, как заправские космонавты в скафандрах, описывая изящные траектории вдоль стен тоннеля, миниатюрные космолеты парили в пустоте, поддерживаемые незримыми силами своих двигателей. Самодвижущиеся орудия, истребители и гаммалазеры следовали друг за другом, построившись в боевые порядки. И все же Принц, пользуясь сравнительно простеньким карманным радиопередатчиком, не мог совершенно ничего уловить из переговоров, которые наверняка велись между Контроллером и его войском.

Сомнения Принца рассеялись, когда все, за исключением одной, машины внезапно остановились на безопасном от него расстоянии. Один из берсеркеров, довольно высокий, с тремя ногами, встал рядом с Хариварманом, в точности исполнив прежде отданный Принцем приказ. Теперь Генерал собирался записать команду, которая отправила бы эту машину на выполнения особого задания. Пока все шло как и было задумано. Хариварман торжествовал. Постоянное изводящее чувство неуверенности в понимании происходящих событий почти покинуло его. Почти, да не совсем. Сделав запись команды, Принц вновь встал прямо перед Контролле-

ром. Смутное чувство беспокойства все еще не покидало его. Он решил, что это чувство личной вины.

— Поняты мои приказы и будут ли они исполняться со всей строгостью?

— Приказы приняты к исполнению и мы будем действовать в точном соответствии с ними.— Машина уже не в первый раз отвечала ему именно так. И если он будет спрашивать то же самое впредь, ответ ее не изменится. Что делать, эмоции не программируются. Насколько мог понять Принц, он действительно стал хозяином положения. Сомнения покинули его. Хариварман вернулся в свой космолет и послал последний сигнал. Эта команда незамедлительно была принята к исполнению. Он пропустил волну своего металлического десанта вперед.

Генерал последовал за хромоногим Контроллером, направившимся в сторону Города, в то время как остальные машины устремились вперед и вскоре исчезли из вида. Чтобы поспеть за Контроллером, пришлось прибавить скорости. Принц уже забыл о том, как быстро, четко и эффективно способны перемещаться берсекрекеры любого типа.

С точки зрения механизации они были само совершенство. Хариварман поймал себя на мысли, что говорит вслух: «Теперь только бы в бой не вступили Темплары. Конечно же на свете еще не бывало темпларов, которые не сражались. Но, быть может, в этот раз, если все пойдет по плану, они прежде подумают или их удастся убедить в том, что они обречены».

Сгорая от нетерпения, возбужденный и одновременно исполненный страха, Принц, что есть силы надавил педаль газа и обогнал Контроллера, оставив его далеко позади.

Внезапно ему пришла в голову мысль, что стоит записать пару команд и послать несколько машин навстречу Темпларам с предложением о капитуляции. Он тут же вспомнил, что пару дней назад уже прорабатывал подобный план, но отверг его. Ультиматум Темпларам только подольет масла в огонь и кровопролитие станет неизбежным. Принц снова настроил свое радио на переговорную волну, на этот раз пытаясь поймать первую реакцию людей на то, что, вероятно уже происходит в Городе. Но эфир молчал. Будь проклята Крепость —

археологический заповедник, лишенный элементарной сети коммерческих радиостанций.

Пока он не встретил ни одной машины из Города. Но это еще ничего не значило. Движение на этих отдаленных магистралях никогда не было оживленным, а порой его не существовало вообще. Наконец космолет Харивармана, пройдя ворота силового поля в конце кабельного тоннеля, вошел в атмосферу. Внутренние ворота не были оснащены автоматизированными средствами защиты и Принцу подумалось, что берсеркеры прошли сквозь них без особого труда.

Теперь над ним стояла знакомая солнечная точка Радианта, расположенная точно в центре огромного внутреннего изгиба далекой поверхности, соответствующей здесь небу. Первое, что бросилось в глаза Хариварману — это поднимавшийся над противоположной стороной центра Крепости дым. Дым затуманил прозрачный слой атмосферы, растекаясь серым пятном по далекой поверхности.

Сквозь серую пелену то и дело прорывались вспышки взрывов, беззвучные на таком расстоянии. Хариварман с досады выругался. Похоже этого избежать было невозможно. Ведь нельзя же застать всех Темпларов врасплох, не говоря уже о вооруженных до зубов драгунах. Снижаясь он заметил еще кое-что. Разбитый космолет внушительных размеров, лежащий на обочине автострადы, расплющенный и смятый, словно попавшая под сапог ягода. Никаких признаков команды космолета, живой или мертвой, не было, и Принц решил здесь не останавливаться. Он быстро пролетел жуткое место этой катастрофы, заметив, что скорая помощь сюда явно не спешит. Он перевел свой экипаж на ручной режим управления, больше полагаясь в экстремальных ситуациях на свой инстинкт, нежели на безотказную автоматику. Необходимо было перелететь на противоположную сторону внутренней поверхности, где пылая, в самом разгаре была битва. Только сейчас ему полностью открылась панорама Города, занимавшего сравнительно небольшую часть замкнутого мирка Крепости. В наушники стало пробиваться великое множество радиосигналов, но тут же Хариварману открылась картина, достойная ночного кошмара.

Густые клубы дыма и грохот разрывов, замедленный расстоянием — траекторией летящих берсеркеров, мечу-

щихся в перекрестном огне машины, уворачивающиеся от лазерных залпов оборонительного огня из укрепленный вблизи Темплер — Базы.

Хариварман стал снижаться на одну из новых улиц. Всегда здесь был оживленный поток автомобилей, но сейчас улица была пустынна. Направляясь к своему дому, страшась того, что может там увидеть, он заметил вдоль дороги несколько разрушенных зданий, пострадавших от свалившихся сверху обломков. А вот и чадящие куски металла, рассыпанные по мостовой. Генерал сразу же признал в них останки уничтоженного берсеркера. Он не знал — удивляться ему или нет, но, похоже, потери имелись с обеих сторон. В зеркале дальнего обзора он увидел ковылявшего вслед за ним, со скоростью бегущего человека, Контроллера.

Хариварман притормозил и поровнявшись с ним, прокричал вопросы и приказы Берсеркеру, требуя немедленно доложить обстановку.

Робот сфокусировал свои линзы на Генерале и неумоимо зашагал, не отставая от набиравшего скорость авто. Тем же, отчасти человеческим голосом, чудовище доложило, что все приказы были приняты к исполнению и еще продолжают выполняться, что берсеркерам приходится убивать людей лишь в случае ожесточенного сопротивления. Машина не забыла напомнить Принцу, что именно он велел им так поступать.

Уставившись на Контроллера, Хариварман пробормотал нечто невразумительное и рванул прочь на максимальной скорости. Ему срочно надо было домой. Картины жестокости и насилия, то и дело встречающиеся у его на пути, заставляли его еще больше страшиться того, что он мог обнаружить по прибытии.

Минутой позже он проезжал мимо космопорта. Было очень хорошо видно, что все, стоявшие в доках корабли — уничтожены. Один из них продолжал взрываться прямо на его глазах. Взрывы и вспышки следовали одна за другой, изнутри вырывались языки пламени. В воздухе стоял смрад, однако, автоматические устройства безопасности космопорта продолжали работать, и воздух фильтровался, так что зона разрушений хоть как-то ограничивалась.

Ярость вернулась к Принцу, такая же болезненная и ожесточенная, как и прежде, но теперь уже не утешимая. То, что сделано — вспять не повернуть. Даже если

бы это было вопреки его приказам — хотя, как же это могло случиться — все-таки согласно им. Возможно космопорт и корабли стали центром ожесточенного сопротивления. Он дал берсеркерам право убивать и отстреливаться, когда необходимо, чтобы достичь поставленной перед ними цели. Принц сказал Контроллеру, что они имеют право подавлять сопротивление людей в случаях, когда оно будет сдерживать их дальнейшее продвижение. Но он никак не ожидал, что сопротивление будет столь массовым. Вина за случившееся лежала на тех, кто с самодовольным видом продолжал строго соблюдать свои обязанности, хладнокровно наблюдая за тем, как сго, Лескара и Беа вместе с другими заберут, чтобы убить без суда и следствия.

Экипаж Харивармана миновал целую грудку изуродованных автомобилей. Там он заметил первого убитого — на дороге лежало обугленное тело Темплара. Значит стрельбы было куда больше, чем он мог представить. Что же теперь поделаешь? Принц надеялся на большую неожиданность. Застигнутых врасплох Темплары будут рассеяны без кровопролития и сдадутся в плен. Он бросил взгляд в сторону доков. Больше всего он надеялся на то, что берсеркерам удастся захватить для него полностью исправный и готовый к полету корабль, на котором ему наконец-то удастся сбежать отсюда.

Хариварман должен был знать, что ни одно из неожиданных нападений не способно достичь такой степени внезапности. Тем более здесь, да еще на Темпларов.

Куда бы Принц сейчас не бросил взгляд, его твердость и остатки самообладания подвергались сокрушительным ударам. Он просто не ждал, что будет столько разрушений. Но в целом Город не был разрушен и никакой неконтрольной резни, которую берсеркеры могли запросто устроить, не было. По крайней мере, сейчас Генерал уже мог облегченно вздохнуть — гражданская часть Крепости, за исключением примыкавших к доку районов, нисколько не пострадала от боевых действий. Похоже, в целом, берсеркеры самым тщательным образом следовали его приказам, подчиняясь во всем по своему новому хозяину — человеку. У него не было другого выбора. Он не мог поступить иначе. Принц обогнал Контроллера, и когда остановился, чтобы оглядеться по сторонам, командир берсеркеров вновь его настиг.

Принц приказал оставаться ему рядом с ним и ожидать дальнейших приказов. Но в настоящий момент таковых ему в голову не приходило. Когда Хариварман вновь прибавил скорость, берсеркер не отставал, быстро шагая на своих гигантских паучьих лапах, и, казалось, обрывки проводки и какие-то электродетали, торчащие из пробоины в корпусе, совсем не тревожили его.

Подъехав в дому ссыльных, Принц обнаружил двух мертвых Темпларов, лежащих прямо у входа. Он заметил, что один из убитых успел вытащить пистолет, но рука, державшая оружие, была раздавлена колесом. На мгновение Хариварману стало дурно, когда он представил, что он мог обнаружить внутри. Беа должна быть там, по крайней мере он сделал все, чтобы это было именно так. Внезапно он заметил, что одна из скорчившихся фигур у порога еще шевелится. Принц остановился чтобы оказать помощь. Это была тяжело раненая молодая женщина. В данный момент Принц ничего не мог для нее сделать. Может быть, кто-нибудь из тех, что внутри, поможет ей?

Дверь, моментально отреагировав на его голос и идентифицировав оттиск его пальца, распахнулась настеж. Первым к нему подбежал невооруженный Лескар, чуть не прыгая от радости, что хозяин, несмотря ни на что, остался жив. Тем не менее, слуга все еще был парализован ужасом. То и дело сбиваясь, он рассказывал о том, что в доме уже побывали берсеркеры, однако провидению было угодно, чтобы они ушли восвояси, так никого и не тронув.

Беатрикс тоже была здесь и, к счастью, невредима. Увидев его, она была просто вне себя от радости. Однако, спустя мгновение, гораздо быстрее, чем Лескар, Беатрикс поняла, что в положении Принца произошли какие-то изменения, что-то, кроме всем очевидного факта атаки берсеркеров.

— Где Габриэль? — потребовал он. Беатрикс непонимающе посмотрела на него. — Мисс Габриэль не ответила на мой звонок, Ваша Честь, и неперезвонила. Минуту Принц молчал.

— Хорошо. Словами горю не помочь. Помогите-ка мне разобраться с той девчонкой, что истекает на пороге кровью. Принц и Лескар внесли в дом раненую и положили на кровать, после чего слуга позвал домашнего робота для оказания первой помощи. Машина сразу же

стала звонить в центральную больницу Базы, однако, никто не отвечал. Робот продолжал автоматически набирать необходимый номер. Беатрикс все еще продолжала молчать, не сводя глаз с мужа.

Хариварман оглянулся, чтобы позвать Контроллера, но его почему-то нигде не было видно. «Он, наверное уже вошел в дом и прячется в какой-нибудь из комнат,— подумалось Генералу.— Вероятно, двери слишком малы для него, но когда маленькие двери останавливали берсеркера?»

Беатрикс с напряжением в голосе спросила:

— А что ты ищешь?

— Да так, ерунда. Внезапно с улицы донесся шум, затем закричала женщина, после чего в дверь кто-то стал бить кулаком. Хариварман поспешил ее открыть. Покрытая синяками и царапинами Габриэль, с расширенными от страха глазами, в изнеможении упала на руки Принца. Как только она пришла в себя, она сообщила, что пыталась добраться до Базы Темпларов, как только поняла, что это массированное наступление. Но там было столько огня, дыма и взрывов, что она была вынуждена бежать оттуда, как можно дальше. Она поняла, что кроме Харивармана ее никто не защитит. Бросив беглый взгляд на него, она вновь истощно закричала. Принц понял, что наконец-то прибыл Контроллер.

Хариварман сделал шаг ему навстречу и scomандовал:

— Оставайся там. Никто из находящихся в моем доме не окажет тебе сопротивления.

— Приказ принят. Беа и Лескар смотрели на него так, как прежде еще никто не смотрел. Очевидно, какая-то часть правды уже дошла до них. Лицо Габриэль не выражало ничего, кроме живой радости, так как ужасный берсеркер послушно остановился в прихожей. Принц не собирался тратить драгоценное время на оправдания. Вместо этого он отдал дополнительные приказания. С помощью Лескара и Беатрикс он погрузил Габриэль и еще живую Темпларшу на свой флаер. Он сам занял место водителя, переведя машину в режим ручного управления, после чего немедленно направился к старой лаборатории Сабеля.

По идее, там уже должно было быть несколько берсеркеров, подготавливающих в соответствии с приказом Принца командный пост.

Все три женщины были на заднем сидении. Беа безуспешно оказывала раненой первую помощь. По дороге Принц объяснял сидящему рядом Лескару, почему он так спешно покинул дом. Кроме подслушивающих устройств, дом еще представлял собою прекрасную мишень для ракет Темпларов и драгун. Лескар согласился с хозяином, очевидно, так до сих пор и не разобравшись в том, что происходило вокруг. Тем временем за окном экипажа показался Контроллер, старавшийся не отставать от машины Принца.

«Только сейчас, — подумал Хариварман, — коротышка действительно начинает понимать, что натворил его хозяин. Объяснения, несомненно, последуют, но не сейчас».

Когда Хариварман притормозил у старой лаборатории Сабея, то на посту у главного входа уже стоял берсеркер. Контроллер, остановившись рядом с машиной, отрапортовал, что в соответствии с распоряжениями Принца это место было самым тщательным образом обследовано на предмет безопасности. Контроллер прошел вместе с Принцем в лабораторию. Слава Богу, двери здесь были достаточно широкими. За ним спешила Беа, разглядывая работа-убийцу с превеликим отвращением, хотя уже как будто стала привыкать к его присутствию. Наконец-то она заговорила:

— Я хочу отослать свою машину в центральную больницу Базы вместе с этой девушкой. Может она и выживет. Как ты думаешь их не убьют по дороге?

Принц строго посмотрел на Контроллера:

— Проследи, чтобы этого не произошло.

— Приказ принят.

— Запрограммируй автопилот так, чтобы машина не переходила в полетный режим. Тогда, она может быть, спокойно дойдет до Базы и Темплары ее не собьют. Ты сама поедешь?

Беатрикс облизала пересохшие губы.

— Я остаюсь с тобой. Хариварман повернулся к Лескару, чтобы узнать как он там, но Лескар был в таком состоянии, что спрашивать его было не разумно.

Принц обратился к Контроллеру и потребовал доложить о машине, посланной вызволить Чена Шизуоку из-под домашнего ареста.

— Пока не удалось определить местонахождение Чена Шизуоки. Попытки найти его продолжаются.

— Черт возьми, я думал, его держат под стражей возле Базы.

— Поиск в вышеупомянутом районе не дал желательных результатов. Местоположение Чена Шизуоки не было идентифицировано. Сейчас продолжается более широкий поиск, столь быстро, сколь это возможно при возложенных вами ограничениях на наши действия.

— Эти ограничения необходимо соблюдать. Выполняйте. Принц отвернулся от берсеркера и подошел к сидящей в углу на полу большой и пустой комнаты Беатрикс. Он подумал: «Может быть, для того, чтобы вывести Беатрикс из шока, лучше было бы послать ее вместе с раненой Темплершей? Однако в отношении посланного флаера у Харивармана было нехорошее предчувствие. Будет ли он двигаться по земле или по воздуху, Темплары, наверняка, его собыют.

— Живая единица, Хариварман...— Принц не спеша повернулся. Он никогда не приказывал Контроллеру именовать себя «сэр».

— В чем дело? У него было сейчас такое чувство, будто бы берсеркер собирается сообщить ему, что игра приограна и что Принц и его команда должны умереть.

Берсеркер спросил:

— Почему вы так заинтересованы в живой единице Чена Шизуоки?

Он с удивлением уставился на Контроллера.— «Что же последует дальше?»

— А тебе какое до этого дело? Если это тебе так важно знать, думаю, именно Чен располагает той информацией, что может мне очень пригодиться.

— Я спрашиваю лишь для того, чтобы мобилизовать все наши электронные ресурсы и решить какие именно из ваших приказов должны выполняться в первую очередь.

— Постарайтесь сделать все, что от вас зависит. А сейчас у меня есть еще одно важное задание — установить связь с командиром Темплар-Базы.

Сидя в своем новом командном пункте, Хариварман вышел на связь с командиром Бленхайм с помощью хитроумного переговорного реле.

ГЛАВА 13

— Не бывать мне никогда в университете,— печально вздохнула Ольга Хазар.

— Не уверен, что вы слишком много потеряли,— сказал Чен Шизуока. У него сейчас было такое чувство, что все его собственные старания получить высшее образование добра ему не принесли.

Сейчас он изучал жизнь на практике. Например, он сделал открытие, что если поставить один стул на другой, прислонив их удвоенную массу к кнопке управления переговорным устройством в его темной камере, то оно будет постоянно включенным. И вновь на посту с той стороны стояла Ольга, а ей с ним постоянно хотелось поговорить. Никто из его охранников не был так коммуникабелен, как Ольга, к тому же, она не собиралась стоять на посту вечно. Ему хотелось, пока было возможно, с выгодой для себя использовать ее присутствие, ибо для Чена сейчас связь с окружающим миром была жизненно необходима.

— Почему в коридоре так тихо? — спросил он.— Где все?

Он уже несколько часов был заперт в этой комнате и успел догадаться, что некоторые из его сотоварищей-новобранцев с Салютая, были расселены по соседним комнатам.

Порою Чен слышал их голоса, наполовину знакомые, когда они приближались к дверям его камеры. Ольга в новенькой униформе, как всегда с иголки, с угрожающего вида пистолетом на бедре, означающим, что она сегодня на боевом посту, прислонилась с той стороны к стене. Сквозь переговорное устройство хорошо просматривалась ее фигурка и часть стены.

«Да, выправка у нее отнюдь не военная,— подумал Чен,— хотя кто сейчас, кроме него, видел ее?» Она ответила:

— В данный момент, думаю, все они на стрельбище.

— Как уже? Но они здесь всего несколько дней. Я считал, что оружие выдают гораздо позже.

— Прошло три дня с тех пор, как ваш корабль совершил здесь посадку. А мы обычно сразу приучаем новобранцев к оружию. Ведь это для Темплара главное. А чему ты учился в университете?

- Кажется на адвоката.
- Вот бы мне так. Сама я с Торбы.
- А что на Торбе нет адвокатов?

Чену было известно, что это беднейший из Восьми Миров. Ольга лишь пожала плечами и взгляд ее стал еще более печальным.

Чен хотел сказать ей что-то утешительное, чтобы она больше не расстраивалась из-за того, что родилась в нищете и не училась в университете, но тут же понял, что очень ей завидует. Это ему, а не ей сейчас необходимо утешение. Ее, по крайней мере, не держат под замком. И никто не подозревает ее в безумном преступлении, которого она никогда не совершала. Да и жертвой коварного заговора она не была.

Чен все еще думал о том, как заинтересовать Ольгу, чтобы продолжить беседу, как вдруг раздался приглушенный взрыв, и со стен посыпалась штукатурка. На маленьком экране переговорного устройства голова Ольги повернулась в сторону шума.

— Опять реконструкция,— решил Чен,— расчищают развалины.

— Не знаю, что-то не похоже.

— А на что похоже?

— Не знаю,— и тут она его удивила,— подожди, пойду узнаю.

— Покидаешь вверенный тебе пост? Впрочем, так и быть, я подожду.

Но уже через пять секунд она вернулась и, вытянувшись по струнке, включила радиопередатчик:

— Пост номер семь запрашивает дежурного офицера.— Ольга повторила эту фразу несколько раз, но, видно, никто не желал удостоить ее вниманием.

Она продолжала повторять свой запрос, однако по-прежнему ей никто не отвечал. С экрана переговорного устройства она посмотрела на Чена.

— Не думаю, чтобы это был взрыв,— сказала она и опять стала щелкать кнопками на радиопередатчике, пытаясь связаться со своим начальством. Но никто ей так и не ответил.

Она старалась сохранить спокойствие, хотя все это ей очень не нравилось.

Заволновался и Чен:

— Эй, да что там такое, в конце концов?

И тут же зазвучала отдаленная канонада, на этот

раз, сопровождавшаяся приглушенными криками.

— Кажется это берсеркеры,— взволнованно прошептала Ольга Хазар. Прижав радиопередатчик к губам, она отвернулась...

— Берсеркеры? Не может быть. Где угодно, но не в Крепости Темпларов. Но что-то подсказывало ему, что это именно так. Она не отвечала, она была слишком занята.

— Вы должны выпустить меня отсюда.

Ее внимательные глаза посмотрели на него с экрана.

— У меня нет ключа.

— Плевать, вы обязаны.

Секунд десять они спорили между собой. Внезапно она согласилась и от этого ему стало еще более не по себе, значит опасность была серьезной.

— Хорошо, хорошо,— сказала Ольга,— только отойдите подальше от дверей. Лучше всего спрячьтесь в туалете.— Рука ее потянулась за пистолетом.

«Так далеко ходить не стоит,— подумал Чен,— и так кажется — секунда дорога».

Посмотрев по сторонам он весьма предусмотрительно забрался под диван. Тут же раздался страшный грохот и какие-то осколки полетели рикошетом от стен. Ольга закричала:

— Быстрее!

Чен рванулся из своего укрытия к дверям сквозь клубы дыма и пыли. Дверь была широко распахнута, пахло чем-то паленым. Повсюду были разбросаны осколки металла и каменная крошка.

В коридоре стояла Ольга с боевым пистолетом в руке. Этаж отеля был пуст, но издали доносились приглушенные крики людей.

— Спасибо!

Она посмотрела на него с мрачным видом:

— Я посчитала, что в мои обязанности входит и сохранение вашей жизни. Быстрее же! Следуйте за мной.

Шизуока побежал. Путь показался ему немного знакомым. Вчера его уже вели под бдительной охраной на практические занятия по космическим скафандрам и ему даже пришлось одеть один из них для небольшой прогулки в компании командира Бленхайм. Теперь он достаточно разбирался в скафандрах, чтобы воспользоваться ими в экстренной ситуации, а это именно как раз такой случай. Они вбежали в следующий коридор, как

раз туда, где хранились скафандры на случай тревоги.

Ольга положила пистолет в кобуру, затем сняла с себя португезу. Она открыла два ящика большого шкафа и вытащила оттуда два костюма. Чен заметил:

— Мне бы тоже пистолет пригодился.

— У меня, кроме своего, другого пистолета нет. Вот, быстрее наденьте этот костюм. — Она знала каким тоном отдавать приказы, хотя была и сама из низших чинов.

«Наверное, — подумал Чен, — она их столько уже наслушалась, что довела технику этого дела до совершенства».

— Куда мы сейчас направимся? — спросил он.

Ольга натянула свой скафандр поверх военной формы и пристегнула кобуру.

— Я собираюсь присоединиться к своему подразделению, а вы пойдете со мной!

— Вот это хорошо! — похоже молодая леди знала, что делает, а Чену очень не хотелось в данной ситуации остаться предоставленным самому себе.

Одев костюмы и закрыв шлемы, они пошли дальше. Скафандры были настолько легкими и настолько удачно сконструированы, что практически не стесняли движений. Они передвигались короткими перебежками и Чен старался не отставать от Ольги. Взрывы следовали один за другим, сливаясь с оружейной канонадой, казалось, звучащей повсеместно. Внезапно, чудовищной силы взрыв прогремел прямо перед ними. То и дело в небе мелькали, оставляющие за собой дымный шлейф, берсеркеры. Быстрые, как ракеты, истребители описывали параболы вокруг Радианта, набирая скорость при приближении к районам нанесения ударов или высадки.

Теперь уже с пистолетом в руке Ольга замедлила бег, остановилась и выглянула из-за угла дымившегося здания.

— Не знаю, сможем ли мы продвигаться дальше в этом направлении. Нужно получше здесь осмотреться. — Она пошла в направлении другого перекрестка. — Здесь обязательно кто-нибудь должен быть из моего звзда... — Внезапно речь ее оборвалась. Чен выглянул из-за плеча Ольги.

Там впереди снесло часть стены. Среди развалин валялось изуродованное тело. Оно показалось Чену каким-то ненастоящим. Манекен в форме Темплара.

Однако Ольга сразу же признала убитого парня

и даже назвала его по имени. Чен видел, что ей стало дурно. Он заговорил с ней, пытаясь успокоить. Затем он нагнулся и подобрал упавшее оружие Темплара, которое они называют карабином.

Побледнев, насколько позволяла ее темная кожа, Ольга процедила:

— Я покажу тебе как им пользоваться при первой же возможности.

— Лучше сейчас покажи.

— Целишься вот сюда, сперва выбираешь приблизительный прицел, потом смотришь на цель сквозь оптический прицел, если конечно, такая возможность имеется.

Она переводила свой взгляд с одной ужасающей картины разрушений и смерти на другую, однако ее пальцы продолжали уверенно ощупывать карабин. Она повторяла урок, который могла преподать любому даже во сне.

— А вот визуальный предохранитель. Когда будешь целиться, смотри сюда. Вот эта штуковина автоматически считывает информацию с твоего глазного яблока и ставится на взвод. Курок вот здесь. Запоминай, от этого зависит твоя жизнь.

Шизуока привстал, сжимая в руку оружие и посмотрел вверх. Он увидел вдалеке летящую машину противника и попытался прицелиться, понимая, что сделал что-то не так, но тем не менее выпустил пару очередей без видимого эффекта. Ольга сильно ударила его по руке:

— Идиот проклятый! Ты что, их навести на нас хочешь! Стреляй, когда не будет другого выхода.

— Хорошо.

— Так мы на Базу не пройдем. Попробуем через доки.

Они направились в противоположную сторону. Теперь они попали в другую часть города, в которой Чен еще не был и вскоре он понял, что потеряет здесь всякую ориентацию. Но об этой беде пришлось тут же забыть, так как произошло нечто худшее.

Бросив взгляд через площадь, Чен отпрянул и схватив Ольгу за руку, дрожа всем телом пробормотал:

— Один из них там. Он гонится за нами.

Да, действительно, метрах в двухстах медленно передвигалась высокая трехлапая машина. Может это и была какая-то примитивная модель, но им от этого легче не стало.

— Пойдем! — закричала Ольга.

Берсеркер двигался прямо на них, и не было ни малейшего сомнения в том, что он их видел. Было непонятно, почему он не убил Ольгу и Чена до сих пор. Наверное у него кончились боеприпасы и он решил расправиться с ними при помощи своих железных лап. В несколько перебежек они оказались на краю площади и поспешили укрыться от преследователя за полуобвалившейся стеной. Через несколько секунд берсеркер снова оказался в поле их зрения. Он стоял на середине соседней пустынной улицы. Монстр направлялся к ним, но делал это как-то в обход, вероятно точно не определив их местонахождения. И вдруг машина человеческим и даже несколько знакомым Чену голосом назвала его по имени. Пустынные улицы вторили эхом слов в этом совершенно обезумевшем мире.

— Чен Шизуока! Следуйте за этой машиной и она приведет вас в безопасное место. Чен с вами говорит Принц Хариварман, следуйте за машиной!

Чен посмотрел на прижавшуюся к нему Ольгу. По ее глазам он понял, что она перепугана не меньше его.

ГЛАВА 14

В качестве укрепленных бункеров, в Крепости Радианта служили обширные помещения, высеченные в глубоких скальных породах, укрепленные толстой броней и оснащенные кабелем для связи с ключевыми командными пунктами обороны Крепости в различных районах Радианта. Бункер командира Бленхайм находился непосредственно под ее обычным офисом — не под временным, в котором она находилась в момент атаки, — и ей пришлось потратить около двух минут, прежде чем она оказалась в своем постоянном убежище.

Генералиссимус Бератон уже лет сто не бывал в Крепости, но все еще прекрасно помнил, где находятся бункеры. Он и капитан Лергов укрылись в собственном, бронированном убежище уже через минуту после того, как командир настояла на том.

Прежде чем Генералиссимус спустился под землю,

он, следуя долгу и обязанностям, попытался узнать, какова судьба команды Салютайского корабля, на котором он сюда прибыл, но подобную информацию сейчас получить было невозможно. Вокруг доков все было полностью разрушено и Бератон по настоянию Лергова оставил свою затею.

— Укрепленные бункеры,— не уставал повторять капитан,— оснащены наилучшими средствами связи и именно отсюда мы точно сможем узнать, что же случилось с вверенным нам отрядом.

Их бункер соединялся через тайный укрепленный переход с бункером Бленхайм. В настоящий момент они уже присоединились к ней и слушали вместе поступающие на главный командный пункт связи боевых действий сводки, прояснявшие ситуацию. Не было ни малейшего сомнения в том, что имела место атака со стороны настоящих берсеркеров, а вот откуда они появились, никто не мог даже предположить. Автоматическая система внешней защиты и сигнализация была не такой, как в старые добрые времена, но было невероятным, чтобы она позволила десанту преодолеть ее без единого звука сирены. Тайной являлось и то, что противник занял все командные высоты, но так и не воспользовался достигнутым преимуществом. И слава Богу. В Крепости было всего лишь несколько сотен Темпларов, в основном, кадры для курсантской школы, которую собирались открыть тут в скором будущем. Здесь, на внутренней поверхности Крепости, у них практически не имелось ни какого тяжелого вооружения, которое могло защитить. А то большое количество, что имелось на Темплер-Базе, уже было уничтожено.

Гораздо большее количество подобной боевой техники имелось на внешней стороне Крепости и еще кое-что стояло на стрельбище, которое находилось внутри сферы. Единственным светлым моментом в сложившейся ситуации для осажденного гарнизона Базы, было то, что один из кораблей — почтовый курьер, который стоял на одном из маленьких внешних доков, все же стартовал после начала атаки берсеркеров. Ему удалось оторваться от преследования и благополучно уйти во внешнее космическое пространство. Но если среди машин противника имелись берсеркеры, оснащенные флаерными двигателями, то судьба почтового корабля была весьма проблематичной.

Оказавшись в командирском бункере, капитан Лергов отошел в дальний темный угол, где к нему присоединился такой же маленький и нетерпеливый человек в гражданском. Этот незнакомец был представлен командиру Бленхайм как мистер Або, заместитель по делам культуры в администрации Премьер-Министра Рокелора. Капитан Лергов в нескольких словах объяснил командиру, кем именно является этот человек, а также добавил, что Або до самого начала атаки находился на Салютайском корабле.

Командира Базы это мало интересовало. Тоже самое, как она заметила, испытывал и Генералиссимус. Бератон был явно озадачен. С одной стороны он прекрасно понимал, что здесь он не командир, но как ветеран и Генералиссимус, он просто жаждал взять бразды правления в свои руки. Ну ничего, она ведь тоже ветеран. И у нее тоже есть орденские планки на мундире, если он хочет их увидеть. Китель был снят, когда она переодевалась в скафандр с боевой экипировкой, и теперь висел на стене рядом с ней. Не тратя лишнего времени на бесплодную дискуссию с визитерами, она пыталась успокоить нервы одного из своих младших офицеров, как вдруг на связи оказался Принц Хариварман.

Его совсем безмятежное лицо появилось на экране, а голос оставался спокоен:

— Ну вот я и вернулся, правда, немного раньше. Видите, я держу свое слово.

— Хариварман, где вы?

— Пока, что в безопасном месте, впрочем, как и вы командир.

Она тут же позабыла, что хотела ему сказать. Что-то в его взгляде, голосе, заставило затаить дыхание.

— Что вы имеете в виду?

— То, что вам не причинят вреда и что все ваши люди будут в полной безопасности, если с этого момента все вы начнете следовать моим приказам. Но вы по правде своей исполнительны, поэтому, наверняка останетесь в живых.

Бератон и Лергов переглянулись.

Командир откинулась в кресле, понимание постепенно приходило к ней. Она обратилась к образу на экране.

— Итак это ваших рук дело? Как вам это удалось, черт вас подери?

— Такова была необходимость командир. Видите ли, у меня просто не было другого выбора.— Лицо Харивармана растянулось на экране в подобие улыбки, выдержав паузу он продолжил.— Я так понимаю, что необходимость, отсутствие выбора, оправдывают все средства.

— Вам лучше бы приехать сюда, на Базу, если вы, конечно, можете.

— О нет, ни в коем случае. Это вам придется приехать ко мне в гости.

— К вам в гости? Да где же вы?

Он сделал вид, что не слышал вопроса.

— Я так понимаю, что вы в своем бункере. Я хочу, чтобы вы выбрались на внутреннюю поверхность и сели в один из ваших штабных автомобилей, стельбы не будет. Выходите одна и без оружия, это сэкономит время и сбережет нервы. Я дам соответствующие указания, как только получу донесения от одного из своих наблюдателей, что ваш штабной автомобиль уже в пути.

— Вы, должно быть, с ума сошли?

— Ни в коей мере.

— Если вы в состоянии свободно передвигаться, Хариварман, приезжайте сюда.

Лицо на экране покачало головой.

— Я только что сказал, что еще не сошел с ума. Вы приедете сюда. У вас еще полчаса в запасе, чтобы сюда доехать и я обещаю вам все объяснить по прибытии. Если же вы предпочтете еще одну атаку, то лучше оставайтесь там, где вы сейчас. На этот раз я прикажу своим машинам никого не щадить. И еще кое-что. Не забудьте привезти с собой подлинник ордера на арест, подписанный Советом.

Принц прервал связь.

— Добрая Душа,— глядя через плечо Анни, все еще не веря своим глазам, прошептал Бератон. Он встал во весь рост.

— Я пойду и поговорю с ним...

— Сумашедший! А ваш пост здесь, командир.

— Я здесь командую и вы будете подчиняться моим приказам, Генералиссимус. Сейчас я приказываю оставаться вам здесь. Я собираюсь поговорить с ним сама. Думаю мне удастся заставить его сложить оружие. Но если через два часа я не вернусь,— она сделала паузу,— командование Крепостью переходит к вам.

Она подумала, что любой другой, поставленный вместо нее человек, просто не в состоянии будет переспорить живую легенду. Кажется Генералиссимус был несколько удивлен, но, тем не менее, сделал ей под козырек, он прекратил дальнейшие прения. Выйдя из своего бункера, Бленхайм заметила в соседнем помещении Лергова и его помощника в гражданском. Через переговорное устройство они пытались связаться хоть с кем-то из своих людей, но тщетно, радиоэфир Радианта был заполнен лишь шумом, заглушающим любую связь, кроме связи берсеркеров.

Оказавшись вновь на поверхности в своем офисе, Анни отдала ряд последних приказов майору Нюрнбергу и всем остальным, кто попытался пререкаться с ней. Сохраняя полное хладнокровие, она сделала соответствующие распоряжения: прекратить огонь и стрелять лишь в том случае, если берсеркеры нападут первыми. Они согласились, правда, вновь начали спорить, отговаривая ее ехать на встречу с сумасшедшим Принцем. Но Анни сумела быстро их успокоить. Инстинкт, чутье, подсказывали ей немедленно отправляться в путь, несмотря на угрожающую ей опасность.

Оставшись здесь, она вряд ли окажется в большей безопасности. Штабная машина уже была готова и Бленхайм направилась к ней, поправляя на ходу портупею и еще раз тщательно анализируя сложившуюся ситуацию. Темплары были окружены противником в трех измерениях. Жесточенные бои на территории и за пределами Базы приблизительно с тремя дюжинами берсеркеров периодически возобновлялись после первой молниеносной атаки, однако, шум битвы доносился издалека. Все, что она видела из автомобиля по дороге, лишний раз подтверждало, что сделанная ею предварительная оценка ситуации, совершенно верна. И если бы теперь берсеркеры начали крупномасштабное наступление, то несомненно бы выиграли, смяв очень быстро сопротивление оставшейся в живых горстки Темпраров.

Но поскольку дальнейшего наступления берсеркеров не последовало, командир Бленхайм считала своей первоочередной задачей выяснить причину такой задержки. Хариварман обещал ей все подробно объяснить при встрече, а сейчас именно это больше всего ее волновало. Медленно удаляясь от Базы на штабном автомобиле, она вдруг вспомнила о стрельбище.

Сегодня там должен был быть полковник Фосьон вместе с новобранцами. Фосьон просто хотел заполнить свое свободное время до получения нового назначения, взяв на себя подготовку прибывших вместе с Ченом Шизуокой. По сути дела, в момент начала атаки с ним должно было еще оставаться несколько рядовых, обслуживающих стрельбище. Но на командный пункт от этих людей так и не поступило никаких вестей. Радиопередатчики стрельбища, равно как и многих других районов Крепости, заглушались берсеркерами при помощи импульсной технологии. Стоило ли ей звонить сейчас прямо с автомобиля в командный бункер, чтобы напомнить майору или кому-то другому о тех солдатах, что остались на стрельбище?

«Нет, враг, разумеется, прервет переговоры. Люди на стрельбище должны сделать все возможное».

Голос Харивармана, столь внезапный, но безошибочно узнаваемый, донесся из динамиков автомобильного приемника:

— На следующем перекрестке поверните налево, командир.

Она восприняла это указание с завидным спокойствием, и тут же сказала, что ее направляют к старой лаборатории Сабеля.

— Остановите автомобиль здесь! — приказал голос Генерала.

Она послушалась. Улица была ей знакома. «Неужели тот же самый маршрут, что и во время первой экскурсии с Хариварманом?»

— Выходите! — донеслось из динамика. — Дальше, пожалуйста, идите пешком по аллее направо.

Команди Бленхайм вышла из машины и почувствовала, что ноги у нее затекли. Она стала двигаться в указанном направлении. У первого же поворота ее ожидал берсеркер. Это был довольно высокий экземпляр, стоявший неподвижно, балансируя на своих задних лапах, подобно металлическому скорпиону. У нее туго свело живот и она замедлила шаг. Анни больше не в состоянии была двигаться дальше. Но вдруг она заметила уже знакомого ей шофера Принца — Лескара, бойко ей жестиковавшего. Коротышка-слуга стоял всего-лишь в нескольких метрах от машины, не подавая виду, что заметил рядом берсеркера. Лескар был вежлив, но тверд:

— Пожалуйста сюда, мадам. Принц ждет вас.

«Генерал», — про себя поправила Анни с неожиданной ехидностью.

Однако вслух она этой поправки не произнесла. Бленхайм пошла вслед за Лескаром по пустынной улице к лаборатории, правда на этот раз она вошла в нее через черный ход. Длинный жуткий берсеркер следовал за ними в полном безмолвии.

Внутри небольшого лабораторного комплекса, Лескар жестом указал ей на дверь, в которую она должна войти. Внутри она лицом к лицу столкнулась с Принцем, сидевшим за массивным столом в полном одиночестве, если не считать конечно, двух железных чудовищ, стоявших у него по бокам, подобно телохранителям-гигантам.

— Значит это все-таки правда. Но я не могу в это поверить. Кто угодно, только не вы. У меня просто в голове не укладывается! — шепот сорвался с уст помимо ее воли. — Да как вы могли?

Он метнул на нее гневный взгляд.

— Отлично, значит, я — Добрая Душа! А что хорошего в том, что я ею не был? Бесконечные благодарности от вашего человечества за мои победы над берсеркерами? Конечно же. Все мы видели, как долго это продолжалось. Теперь эти машины стали орудием в моих руках. Они не более, чем любой другой подобный инструмент. Пила, чтобы распилить решетку на окне моей камеры. Если Темпларские гвардейцы стоят у меня на пути, что же мне делать? Им не следовало там быть. — Он перевел дыхание. — Вижу вы пришли безоружной. Хорошо, Вы принесли документ?

— Им не следовало? Хариварман, да как вы могли?

— Как мог я обнаружить воплощенное зло в темных коридорах, зло, которого Темпларам удалось избежать на протяжении последних двухсот лет? Что ж, вероятно, у меня уникальное чутье на зло.

— Итак, они, действительно, подчиняются вам, не знаю, как это удалось, но берсеркеры слушаются только вас.

— Бесспорно, подчиняются. Но не будьте глупой и не считайте меня Доброй Душой. Неужели вы считаете, что я служу и поклоняюсь вот этому металлу?

Принц презрительно кулаком по корпусу одного из стоявших справа берсеркеров, у которого из пробитого брюха торчали провода. Хариварман обратился к этой машине.

— Пошлите стоящего с вами берсеркера в город. Там ему найдется более подходящее применение и смотрите, чтобы Темплары ничего не выкинули, пока я занят здесь переговорами.

Спустя мгновение второй берсеркер, безмолвно повинаясь приказу, покинул комнату. Анни Бленхайм должна была что-то сделать, чтобы не закричать. Она подошла к столу и швырнула на него папку с документом.

— Вы хотели видеть это? Что вам еще угодно?

— Как всегда — безукоризненно. — Хариварман пробежал глазами по приказу Совета и отбросил его в сторону. — Я считаю, что быть абсолютно правым хорошо. Сейчас я располагаю информацией о том, что корабль, почтовый курьер, находился во внешнем доке в момент начала атаки. Мне нужен этот корабль для себя и любого, кто захочет присоединиться ко мне.

— Все корабли которые были в космопорте уничтожены, в том числе и почтовый курьер.

«Да, врать она совсем не умела. Курьер то, ведь, уже улетел, унося вести о нападении берсеркеров к Восьми Мирам. Самое большое — через несколько дней, здесь уже будет имперский флот. О если бы удалось до тех пор продержаться...»

Он внимательно ее изучал.

— Так или иначе, но корабля нет?

Она кивнула:

— И я могу предложить вам план получше.

— Ах вот как? И в чем же он состоит?

— Сдаться.

Это было воспринято довольно цинично.

— Если я был бы из тех, кто сдается, я бы не стал заходить так далеко. Не люблю, когда меня со спокойным видом отправляют на бойню. Нет уж увольте.

Отчасти к собственному гневу и удивлению она обнаружила, что все еще волнуется за благополучие этого человека.

— Интересно знать, куда же вы направитесь, если вам удастся бежать отсюда? Кто вас примет?

— Есть еще такие места.

— Как Доброй Душе, вам не позволят существовать в любом цивилизованном обществе. И даже в большой части общества, именуемыми «слаборазвитыми». И толь-

ко другие Добродушные да берсеркеры смогут с удовольствием вас принять.

Снаружи вновь донесся шум сражения. Может быть, Темплары перешли в контрнаступление?

Хариварман машинально повернулся к стоящему с ним монстру, шестиногому великану, который, похоже, получил серьезные повреждения: провода и какие-то блестящие детали торчали из пробоины в его животе.

Он обменялся парой слов с машиной таким тоном, который сразу напомнил Анни весь кошмар старых учебных записей — робот-убийца уверял Принца в том, что ситуация снаружи полностью контролируется. Бленхайм была очень удивлена, что Хариварман не заискивал, подобно всем Добродушным, перед своими механическими божествами. Он отдавал берсеркеру приказ, словно это был не заклятый враг Человека, а мирный робот-слуга. Однако Человечество, наученное горьким опытом войны с берсеркерами до сих пор не смело создать столь мощных и абсолютно независимых механических помощников.

Генерал снова повернулся к Анни:

— Итак?

— Я не могу в это поверить, — прошептала она, словно разговаривая сама с собой.

— Неужели? Так во что же именно вы не можете поверить? В то что я хочу жить как человек и не хочу быть вечным узником? И при этом, возможно, мое поведение будет столь широко модифицировано, что я проведу остаток жизни с блаженной улыбкой идиота на лице!

— Все это не дает...

— Не надо песен. Видел я кое-кого из тех, над кем поработал Лергов. И поговорил с некоторыми из них, кто еще в состоянии говорить. Вы были не в состоянии поверить, что я предприму определенные шаги ради своего спасения? Что истинная личность на такое способна?! Вспомните, как я пытался призвать вас к Закону и Справедливости — да, да, и к Милосердию. Я потратил уйму красноречия во время нашей последней встречи. Но увы, как это слишком часто встречается в реальном мире, Красноречия и Правоты оказалось явно недостаточно.

— Где же сейчас ваша Правда? — спросила она.

— Там куда вы ее отправили. Но она не умерла. Она выживет, она победит.

— Понятно. Что вы собираетесь потребовать от меня сейчас? Корабля у меня нет, даже при всем желании помочь вам... Сами видите: после того, что натворили здесь ваши союзники, ни одного флаера в Крепости не осталось.

— Хорошо. Забудьте на минуту о моих требованиях. Прежде я хочу, чтобы вы поняли, в чем тут действительно дело. Неужели вы не в состоянии понять, что именно я открыл? Он поднял руку, сжимая в ней нечто, напоминающее пульт дистанционного управления.

— Код управления берсеркерами. Даже если тот код, что у меня есть, срабатывает лишь на некоторых типах этих машин, он несомненно подскажет нам, каким именно кодом можно будет подчинить и все остальное. Сейчас, по крайней мере, есть возможность навсегда покончить с этими тварями.

Берсеркер, которому он только что отдал приказ, как всегда, безчувственный и безразличный, внезапно повернул голову в их сторону. Несомненно он все слышал и понимал.

— Код управления...

— Не хотите ли присесть? Садитесь вот сюда, на край стола, оставим все формальности. Боюсь, что ваши Гвардейцы вынесли отсюда всю мебель, так что теперь у нас явная нехватка стульев.

— Код управления,— шепотом повторила Анни Бленхайм. Любому офицеру — Темплару понадобится меньше секунды, чтобы понять значение только что сказанного.— Если у вас действительно есть...

— Вот, дошло, наконец. Действительно, у меня есть код. И теперь дело приобретает другой оборот, не правда ли?

— Да,— ей трудно было сказать, но все же она это сделала.— Если вы говорите Правду, что большего преимущества еще не имел никто над нашим вечным врагом.

— Само собой,— продолжил Хариварман.— А теперь...

Он не договорил. Внимательно присмотревшись, командир Бленхайм увидела, что с Генералом что-то происходит. Он все еще продолжал сидеть в такой же позе. Выражение его лица слегка изменилось. Сейчас взгляд его был направлен на устройство дистанционного управления на его ладони, словно в этом маленьком предмете он увидел то, чего до сих пор не замечал.

Командир в ожидании смотрела на него: «Что это? Новый приступ безумия?»

В конце концов Генерал вновь обратил на нее внимание. У него был странный безумный взгляд. Однако голос его был по-прежнему ровным и спокойным. Хариварман спросил:

— Что именно вы только что сказали?

— Я сказала, что большего преимущества...

— Ах да, конечно,— приказав ей своим повелительным тоном замолчать. Он встал из-за стола.— Теперь что касается моих требований.

Однако, сказав это Генерал вновь внезапно замолчал, смерив ее все тем-же, весьма подозрительным взглядом. Анни Бленхайм тяжело вздохнула. Кроме того, что этот человек спятил, ей сейчас в голову не приходило. По крайней мере, разговор их склонялся к безумию.

Значит она должна постараться пересилить это безумие, если у нее получится, и одержать верх.

— Если вы действительно в состоянии управлять берсеркерами, как утверждаете,— начала она...

И опять, кажется, Генералу пришлось приложить огромное усилие, чтобы оторваться от зажатого в руке микроустройства и прислушаться к тому, что говорит его гостья.

— Что, что?

— Тогда прикажите им прекратить атаку.

На этот раз пауза была более краткой. Похоже он выходил из того пограничного состояния, в котором пребывал последние несколько минут.

— Прекратить атаку? Я так и сделал. Берсеркеры уже давно никого не атакуют. Они просто занимают ключевые высоты.

— Прикажите им тогда, чтобы они замерли, если вы, действительно, можете это. Сделайте это немедленно. А в замен я подумаю, что еще можно для вас сделать. К нему вновь вернулась несколько вызывающая манера держаться.

— Да, ничего лучшего мне похоже и ждать не приходится. Может быть вы с серьезным видом пообещаете, что меня не будут преследовать по закону?

— А вы поверите мне если я, действительно, дам вам такое обещание? Я ведь ни политиканша, ни придворная, ни...

— Вы хотите сказать, что так и ненаучились врать?
— Харри! — это имя вырвалось у нее не произвольно, — ваши друзья ведь так вас зовут, не правда ли?

Она сделала еще одну попытку:

— Извините, я не хотела обидеть вас, Генерал, буду говорить вам только чистую правду, поскольку я еще не законченная лгунья, и буду давать лишь те обещания, которые в состоянии исполнить.

Пауза затянулась. Затем Хариварман сказал:

— К сожалению, пока что ни одно из ваших обещаний мне так и не пригодилось. Хотя я и считаю, что у вас были вполне добрые намерения. Итак, как только я выведу ваших Темпларов из осады, вы тут же меня арестуете? И сможете ли вы удержать Лергова и Бератона, чтобы они не расстреляли меня на месте?

— А вы что, собираетесь вывести нас из осады? — Она затаила дыхание. — Или всех нас уничтожить?

Он опять посмотрел на устройство дистанционного управления.

— Посмотрим. Не думаю, что я предпочту что-либо из того, что вы предложили.

— А разве есть еще какой-то вариант?

Он подумал, прежде чем отвечать:

— Рано или поздно еще какой-нибудь корабль решит совершить посадку здесь. Думаю, что это произойдет в ближайшие дни.

Она чуть не задохнулась от ярости. На секунду к ней пришла мысль броситься на него и придушить. В рукопашной схватке она была куда лучше большинства женщин и куда сильнее многих мужчин, что заглядывались на нее. Конечно она не могла считать, что подобное нападение на Генерала сейчас произойдет успешно. И даже если при этой попытке берсеркер не раздавит ее в лепешку и она все же достигнет своей цели, что она станет делать с попавшим к ней в руки устройством дистанционного управления? Она не была уверена в том, что Контроллер сразу же начнет ей автоматически подчиняться. И потом, какие именно кнопки на этой дистанционке следует нажимать? И как ее действия отразятся на тех незримых силах, что в настоящий момент удерживали противника от тотальной резни?

По крайней мере, отказавшись на данный момент от этого плана, ксмандир сказала:

— Тут есть одна деталь, которую вам наверняка

следует принять во внимание: деятельность, формально сходная с деятельностью секты Добродушных — уголовно наказуема, более того, вы немедленно становитесь подсудны здешнему суду Темпларов. Так что теперь юрисдикция тех, что прибыли сюда с Салютая, на вас не распространяется. И они не смогут вас арестовать и убить. Так что отныне все ваши опасения напрасны.

— И каково же будет решение Темпларского суда? Она молчала.

— А с другой стороны — вдруг меня признают невиновным? Почему бы и нет? В таком случае я буду свободен. И все юрисдикции Темпларов. Вполне свободен для того, чтобы меня арестовал Лергов и отвез на Салютай с первым же флаером. И мне уже никогда не попасть туда живым, впрочем, все это мы уже проходили, не так ли? Мое убийство ведь нисколько не отразилось на вашей карьере. Весьма приемлемый для вас исход дела, и никто не обвинит вас в том, что вы нарушали существующие правила. Нет все-таки я намереваюсь воспользоваться следующим кораблем в своих личных целях.

— Хорошо. Забудьте о моем предложении. Оно не было хорошо продумано, — Анни выдержала паузу, — но не думаю, чтобы и ваш план был слишком удачен.

— Что вы имеете в виду?

— Предположим, я согласилась бы, — она с трудом выдавила из себя эти слова. — Предположим, как-то вам удалось получить этот корабль, например, вы захватили первый, попытавшийся причалить сюда звездолет, и убрались восвояси, нам от этого какой прок? Мы все равно останемся в окружении подавляющего числа берсеркеров.

— Нет, нет, что вы, я поставлю их на таймер. Просто какое-то время они не будут пускать вас к докам, чтобы предотвратить любой срочный ремонт оставшихся кораблей для погони за мной. А такое вполне возможно. После того, как установленное мною время истечет, берсеркеры автоматически выключатся или же попадут под вашу власть. Сокровищница занятий Темпларов всегда пополнялась, вот вы и сделаете всех этих берсеркеров ее экспонатами. Поверьте ни одна «Добрая Душа» не сделал бы вам такого предложения, вы это прекрасно знаете.

— Но какой ценой? — прошептала Бленхайм. — Вы

помогали убивать им здесь людей, подчинявшихся мне, Темпларов. Никто, кроме «Доброй Души» не способен на это.

И опять с поверхности донеслись какие-то взрывы и крики, отдавшиеся эхом в пустой комнате, где они сидели. Опять Генерал повернулся к Контроллеру:

— Что это было?

— Тоже, что и в прошлый раз.— Ответил ему механический голос.— Необходимо было принять меры против внезапного нападения со стороны представителей злокачественной жизни.

— Вы уверены? Может быть у вас связь не исправна?

— Нет. Вероятность этой информации превышает 80 %.

— Плохо мое дело,— Хариварман махнул рукою берсеркеру,— пойди и сам разберись, что там за стрельба. И немедленно доложи мне.

— В том нет необходимости.

Генерал переключил что-то на пульте дистанционного управления.

— Это приказ. Иди и исполняй.

Дальнейших проволочек не последовало. Машина пошла прочь, шагая с безмолвной элегантностью, несмотря на свой искалеченный вид.

Итак, два представителя человечества остались наедине.

«Теперь,— подумала командир Бленхмйм,— я могу пойти на все, схвачу его за горло голыми руками».

Через стол, Хариварман с рассеянным видом вертел в руках ордер Совета на свой арест.

— Я бы хотел, чтобы здесь были сделаны некоторые поправки,— сказал он, изрядно ее удивив, когда она уже считала, что удивляться нечему,— прежде, чем я начну переговоры с Советом.

И с многозначительным видом он извлек из кармана свой пишущий инструмент. Через полчаса командир Базы покинула своего бывшего узника. Голова у нее шла кругом от радости, что все-таки осталась в живых, и от страха за будущее. А более всего, от родившейся Надежды.

ГЛАВА 15

Берсеркер, окликавший Чена Шизуоку голосом Харивармана, продвигался по пустынной улице прямо на площадь, где пытались укрыться Чен и Ольга.

«Чен Шизуока, с вами говорит Принц Хариварман. Ради своего спасения следуйте за этой машиной...»

Голос Принца продолжал доноситься из корпуса берсеркера, вплотную приблизившегося к перепуганным молодым людям. Чен разглядывал приблизившегося монстра сквозь узкие щели в декоративной стене. Эта высокая стена отделяла небольшую площадь, от ближайшей улицы, по которой к ним приблизился трехногий гигант.

В руках у Чена был карабин, который вряд ли годился для борьбы с таким неприятелем. Однако, Чен поднял оружие, готовый выстрелить но, чтобы не выдать своего присутствия, боялся даже пошевелиться.

Когда он перевел взгляд на свою спутницу, то увидел, что прижавшаяся к стене Ольга Хазар, судорожно сжимавшая пистолет, была на грани обморока.

Преследовавший их берсеркер был всего в пятидесяти метрах. На каждом шагу машина приостанавливалась и, поворачивая по сторонам голову, исследовала окрестность множеством укрепленных на ней датчиков.

Эта машина была в два раза выше человеческого роста. В нижней части корпуса находилось некое подобие багажника. То и дело берсеркер поднимал голову на выдвижной металлической шее, тщательно осматривая все автомобили и заглядывая в окна опустевших домов.

За площадью, где сейчас пытались укрыться от преследования двое молодых людей, начинался обычный городской квартал, застроенных трех-четырёхэтажными домами. Из ближайшего дома доносился шум и крики перепуганных на смерть жильцов. Прежде чем покинуть жилище в предчувствии надвигающейся беды, люди завели какой-то идиотский спор по поводу того, что из вещей взять с собой, а что оставить дома. Спорили, как будто горожанам было куда бежать и где укрыться.

Чену оставалось лишь надеяться, что шум и крики в доме отвлекут внимание берсеркера. Щели в стене были слишком узкими, чтобы он смог их заметить. На последнем повороте перед площадью машина внезапно

свернула на боковую улицу и вскоре скрылась из вида.

Как только берсеркер исчез, Ольга, бурно жестикулируя, заставила Чена следовать за ней. Быстро, но бесшумно передвигаясь, они пересекли открытое пространство, идя в противоположном от машины направлении. Через двести метров Ольга приостановилась и свернула в узкий проход между домами. Задышавшись она прошептала:

— От нашего оружия будет мало проку.

— Я уже это понял, — согласился Чен. Их шлемы были открыты и они могли тихонько разговаривать, не нарушая безмолвия радиоэфира.

— Нам бы только добраться до Базы... — Она смолкла махнув рукой жестом полного отчаяния. — Хотя, скорее всего, там сейчас настоящее пекло.

— Итак на Базу нам не пробраться. Тогда куда же нам идти?

Ольга лишь покачала головой. Отдышавшись, она двинулась дальше жестом показав Чену следовать за ней. Он не спрашивал, куда они идут. Он готов был идти куда угодно, лишь бы не сидеть на одном месте в бездействии.

Теперь им стали встречаться люди, в основном гражданские, высыпавшие из домов на улицы. Похоже, все они спасались, стремясь побыстрее покинуть городской центр и выйти в относительно спокойные предместья Крепости. Те из беженцев, что заметили двух Темпларов в скафандрах, посмотрели на них скорее со страхом, нежели с надеждой.

Ольга побежала быстрее, и Чен, к счастью раньше занимавшийся бегом, не отставал от нее. Примерно в километре от того места, где они в последний раз видели берсеркера, она остановилась и заговорила уже спокойным голосом:

— Быть может, отсюда мы сможем лучше разглядеть то, что здесь сейчас происходит.

Она вывела Чена на небольшую площадку и поднялась по широким ступеням на ее центральную, возвышенную часть. Это было что-то вроде пирамиды на вершине холма. Возвышение, подобно остальным на внутренней поверхности Радианта, давало великолепную панораму окрестностей в радиусе более километра. Сейчас они находились примерно на том же расстоянии от Базы. Посмотрев вниз Чен сразу отметил, что сраже-

ние у доков и Темпларской Базы стихло, чадающий там дым почти рассеялся. Хотя нет, сражение продолжалось: опять замелькали вспышки разрывов, с каждой секундой становившиеся все более частыми.

— Берегись! Чен быстро повернулся на предупреждение Ольги.

На крыше дома, приблизительно в ста метрах от них, он увидел берсеркера, звавшего его голосом Принца. Насколько он понимал, машина смотрела прямо на него. Его имя вновь было произнесено через громкоговоритель, спрятанный в железном корпусе. Через секунду, скатившись с крыши, машина исчезла из виду. Она определенно старалась его настигнуть.

Ольга помчалась в другую сторону. Ужаснувшись Чен рванул за ней со скоростью света. Некоторое время они молча бежали, петляя на перекрестках. Выбившись из сил Ольга остановилась, чтобы отдышаться. И первым делом потребовала ответ у своего спутника, как бы обвиняя его в происходящем:

— Так зачем ты им так нужен?

— А черт его знает,— судорожно глотнув воздух выдавил Чен.

Его невинность была очевидной, и Ольга опять увлекла его вперед. Они вышли на улицу, где стояло несколько брошенных флаеров. Возле одного из них она остановилась.

— Давай возьмем вот этот. А то на своих двоих мы вряд ли далеко уйдем от этой хреновины.

— Что же мы раньше об этом не подумали? Это, как догадался Чен, был какой-то общественный транспорт, поскольку ни специального кода, ни индивидуального ключа, чтобы завести машину не было. Ольга села на место водителя, и они стартовали.

Под ее управлением флаер оторвался от земли и на бреющем полете понесся над аллеями и улицами. Чен подумал, что их преследователю никогда не развить подобной скорости. Он не сомневался, что берсеркер не отказался от преследования, и, наверняка, все еще продолжал идти по его следу.

«Если бы Ольга сейчас меня бросила... страшно даже подумать, что бы произошло».

Мысли девушки развивались в ином направлении. Управляя флаером, она размышляла вслух:

— Если бы у нас были тяжелые орудия... кажется, я знаю где мы сможем их достать.

— Где?

— Там, на стрельбище. Мы почти не пользовались ими за время моего пребывания в Крепости, но я думаю — они там.

На улицах не было машин. И слава Богу, так как Ольга управляя флаером вручную, летела, почти касаясь земли, на максимальной скорости, выписывая крутые виражи на опасных поворотах так лихо, что у Чена захватывало дух.

Он подумал, что гражданские пешеходы знают то, о чем ему с Ольгой неизвестно. Наверняка, им уже наглядно продемонстрировали, что большие, быстро движущиеся объекты разбиваются с обеих противоборствующих сторон одновременно.

Они сделали еще один крутой поворот и чуть ли не в лоб врезались во встречный флаер, так же летевший с бешеной скоростью. Чен открыл было рот, чтобы закричать, но было уже слишком поздно. Лобового столкновения Ольге удалось избежать, но флаер зацепился за здание. Надрывно завывала сирена бортовой тревоги. Машина тяжело рухнула вниз, загремев железными крыльями о мостовую, рассыпаясь грудой металлолома. Ремни безопасности выдержали. Чен видел, как какие-то осколки полетели ему в лицо, однако, толщине его боевого скафандра, ничего не было повреждено. Ольга тоже не пострадала и уже выбиралась из обломков.

— Скорее! — И опять, ничего не объясняя, она его куда-то потащила. Похоже, этот район был ей хорошо знаком. Вскоре открыв в стене дверь девушка спустилась по переходу на более низкий и относительно удаленный от центра уровень. На стене был знак, указывающий куда именно надо идти, но они слишком быстро пронеслись мимо, поэтому Чен ничего не успел разобратить. Они бежали по бесконечному лабиринту уходящих под землю коридоров.

Ольга вновь изменила направление, вскарабкавшись по узкой, спиральной служебной лестнице на улицу. Когда они выбрались на поверхность, Чен сразу же попытался сориентироваться по гигантской карте, которую представляла собой вогнутая внутренняя поверхность Крепости. Но он слишком плохо знал округу, чтобы отличить место спуска от места выхода на по-

верхность. Он был уверен лишь в том, что пробежал несколько километров. Ольга поняла, чем он занят, и показала ему Темплар-Базу, находившуюся теперь прямо над ними. Чен настаивал на необходимости подумывать, куда же направляться дальше, однако разговор их неожиданно прервали. В радионаушниках Чена внезапно что-то затрещало. Ольга жестом приказала ему молчать. Сигнал явно пробивался и в ее передатчике.

— Подожди,— прошептала она. В эфире пробивался чей-то голос. Похоже с передатчиком пытался разобратся дилетант. Ольга тихонько ответила запрашивая позывные. Очень невнятно голос ответил. Чен так ничего и не разобрал, пока тот же голос четко не спросил:

— А еще кто-нибудь там в живых остался?

— Скажите мне только, где вы, а потом сразу же уходите с этой волны,— сухо порекомендовала девушка.

— Мы вблизи того, что очень напоминает стрельбище. Она повернула голову, разглядывая что-то вдаль.— Тогда оставайтесь там, сейчас мы к вам присоединимся.

Стрельбище, которое Чен увидел чуть позже, представляло собой огромную яму, вырытую по диагонали на поверхности Крепости, с мишенями на внешнем нижнем конце ямы, в сотне метров от линии огневых позиций. Это был ряд полукруглых террас, каждая из которых возвышалась над предыдущей так, чтобы стрелявшие с них, не попадали под огонь друг друга.

Как только молодые люди спустились на край ямы, люди, в незнакомой Чену форме, появились на ближайшей к ним террасе внизу, выбираясь из различных самодельных укреплений и без лишнего шума приветствуя вновь прибывших.

— Что это у них за форма такая? — тихонько спросил Чен у Ольги. Они напоминали ему людей из службы безопасности, преследовавших его на улицах Салютайской столицы.

— Драгуны, которые прибыли на флаере, чтобы арестовать твоего Принца.

Чену удалось насчитать их около дюжины, довольно потрепанных и без скафандров. Ему еще ни разу не приходилось их видеть, хотя Ольга раньше и упоминала об их прибытии.

Но это уже были не те высокомерные империалисты-агрессоры которых она описывала, а всего лишь жалкие остатки прежней боевой силы. Среди них были два

раненых Темплара, которые несмотря на ранения все еще были на ногах.

Настроенные вдоль террас окопы, укрытия и блиндажи, по крайней мере, довали хоть иллюзию безопасности в сравнении с открытым пространством стрельбища, и поэтому вскоре все это, представляющее собой печальную картину, сборище перекочевало в один из блиндажей.

— Где ваши офицеры? — Спросила Ольга у одного из них.

Молодой солдат пожал плечами: — Они были на каком-то совещании, когда внезапно началась атака. Я думаю, большинство из них укрылось где-нибудь в бункере, вблизи доков. Мы еще находились на борту своего корабля, когда он был поражен первым выстрелом. Мы поспешили выбраться из него и разбежались в разные стороны. — Солдат говорил с родным для Чена, салютайским акцентом. — По дороге мы встретили двух Темпларов и они сказали нам, что где-то здесь могут быть тяжелые орудия.

— Похоже, здесь у вас есть какая-то рация, — показал рукой Чен. На одной из террас драгуны разворачивали портативную телесвязь с радиолокатором, вероятно, для того, чтобы вести переговоры с командованием Базы.

— Спускайтесь сюда и присоединяйтесь к нам.

— Нет, пока мы останемся здесь, — ответила Ольга.

— Отсюда лучше просматривается местность.

— Хорошо, как вам будет угодно. Я передам по рации что вы здесь. Вернусь через минуту.

Молодой солдат спустился к остальным, бесцельно слоняющимся драгунам.

На экране их передвижного устройства там, внизу, появилось довольно расплывчатое изображение лица. Между ним и стоящими за пультом управления двумя драгунами начались какие-то переговоры. Чен задумавшись, смотрел на внутреннее небо Радианта, затем словно внезапно опомнившись, перевел взгляд на лицо говорившее с экрана. Что же в нем и особенно в голосе показалось Чену очень знакомым? Да, он видел это лицо, слышал его голос. Только вот где и когда? Может быть, это один из офицеров — Темпларов, сопровождавших его во время полета? Или он видел его сразу после посадки флаера в порту?

Но тогда почему сейчас на этом человеке драгунская форма капитана? А может такие же петлицы на мундире людей службы безопасности?

Этот мундир капитану был явно не к лицу. Чен мучительно вспоминал. И вот его, словно осенило. Как же! Ведь это мистер Сеговия, лучший друг Ханы. Много дней назад Чен встречался с ним в университетской библиотеке на Салютае.

Но как он оказался здесь? Для этого должны быть серьезные причины. Потрясенный своим открытием, Чен ничего не мог понять. Погруженный в раздумья, он не расслышал звука приближающихся к нему шагов. К нему кто-то обратился очень знакомым голосом:

— Привет, Чен. Перед ним стояла Хана Кальдерон.

ГЛАВА 16

— Теперь я очень жалею, что ты вернулась сюда, Беа.

— В настоящий момент, — ответила Беатрикс своему мужу, пытаясь сохранить ровный тон. — Я тоже.

Сказанное женой, причинило Хариварману боль, и некоторое время он не знал, что ей ответить. Ему было гораздо больнее, чем он мог себе представить, поскольку в течении длительного времени он считал, что между ними все кончено.

Они сидели вдвоем в удобных цветных креслах на противоположных концах стола в небольшом патио. Оплетенная вьюнами рама над их головами поглощала большую часть света, излучаемого Радиантом. От этого светлый далекий изгиб внутренней поверхности казался размытым. Его поверхность, проглядывающая сквозь широкие листья вьющихся растений можно было легко спутать с настоящим небом.

Принц и его жена находились в одной из «внешних» комнат-двориков большого роскошного дома, что именовался у древних обитателей Крепости словом «вилла». Она находилась недалеко от лаборатории Сабеля. Очевидно, что до самого последнего времени здесь кто-то жил, но, очевидно, покинул свое жилище сразу же после

начала атаки берсеркеров. Дом был полностью меблирован, шкафы были заполнены одеждой, а кухня — продуктами. Даже остался кувшин вина на столе, за которым сейчас они сидели.

— Так зачем мы сюда приехали? — спросила его Беатрикс. Ее тон был слишком оживленным и заинтересованным, как у журналиста или врача-психолога.

Принц вдруг подумал: «Похоже она считает меня сумасшедшим».

Беа сидела поджав под себя ноги, утопая в глубоком кресле. Она пришла, приняв приглашение Лескара, одетая в простое, закрытое платье, приготовившись к какой-нибудь аванюре.

Откинувшись в своем кресле и закрыв от усталости глаза Хариварман сказал:

Я счел этот переезд разумным, так как командир Бленхайм отправилась на Базу прекрасно зная, что я расположился в лаборатории.

— Ты только что мне сказал, что с ней вы как будто договорились. По крайней мере, после личной беседы в мастерской Сабея.

— Я и сейчас так считаю, но все же...

— Понятно. Так о чем же вы все-таки договорились? — хотела знать корреспондент Беатрикс.

Принц пытался придумать способ, как это объяснить своей жене здесь, в присутствии Контроллера, но так ничего и не придумал. Его мозг был настолько утомлен, как будто он несколько суток руководил крупным сражением. В определенном смысле, так оно и было. Помолчав, он сказал:

— Истинное взаимопонимание. Зкаешь Беа, я ведь никогда не думал, что все получится именно так.

— А как же ты думал? — Ничуть не обвиняя Принца, настаивала она.

Он позавидовал ее самообладанию. Да, но Контроллер то был здесь, с ними. Сейчас он был вне поля зрения Принца, но Хариварман ощущал его присутствие. В течение нескольких последних часов прошедших после визита командира, машина ни на секунду не выпускала его из вида, стараясь уловить каждое его слово. Сейчас берсеркер стоял чуть поодаль Харивармана, прислонившись к стене, и внимательно слушал, что он говорит ожидая дальнейших приказаний. Безразлично каких

Внезапно охваченный приступом ярости Принц вско-

чил и, размахнувшись, швырнул в Контроллер кувшин с вином. Керамика от удара по металлическому корпусу разбилась на куски, и во все стороны полетели красные едкие брызги. Однако, безразличный ко всему окружающему, объект ненависти Принца даже не шелохнулся. Хариварман повернулся к нему спиной и снова сел за стол. Он знал, что необходимо что-то предпринять в самое ближайшее время, иначе он не выдержит этого напряжения. Ожидание становилось невыносимым.

— Так что же ты надумал?

Вопрос повис в воздухе вместе с запахом вина из разбитого кувшина. Это был не тот вопрос, на который Хариварману хотелось бы отвечать. Он встал и, даже не взглянув на берсеркера, пошел искать Лескара, чтобы тот собрал черепки и вытер винную лужу. Ибо, если Лескар застанет хозяина за столь низким делом, будет большой скандал, а Беа сделала такой вид, будто ее это совсем не касается и даже не пыталась встать из-за стола. Принцу пришлось заглянуть в три другие, шикарно обставленные комнаты, прежде чем он его нашел, но от того, что Принц все-таки нашел слугу, толку было мало. Лескар сидел в полном одиночестве, закрыв лицо руками, медленно погружаясь в кататонию. Хариварман, чуть помешкал, но потом все же вышел из комнаты, так его и не потревожив.

Когда Принц опять вернулся в патио и стал напротив Беатрикс, она с любопытством спросила:

— А почему ты попросил Лескара позвонить мне, чтобы я пришла в твой дом?

Он лишь развел руками:

— Я думал, это спасет тебе жизнь. Раз ты решила вернуться сюда. Я ведь не просил, чтобы ты возвращалась на Радиант. Ты что, хочешь теперь вернуться в свою гостиницу?

— Мне просто непонятно, — продолжала Беа, — почему ты сам не позвонил? Где ты был, когда...

Она так и не договорила, засмотревшись куда-то через его плечо. Принц повернулся. Габриэль осторожно ступала по деревянной лестнице, плавно спускавшейся в патио из комнат второго этажа. На ней по-прежнему была модная ночная рубашка, накинув которую она и прибежала в поисках спасения к нему. Вид у нее был довольно потрепанный. Увидев, что ее заметили, она задержалась на ступеньке и сказала:

— Я слышала какой-то грохот. Она посмотрела на забрызганного берсеркера и черепки вокруг него. Потянув носом пропахший вином воздух, не стала делать по этому поводу никаких замечаний. Когда Габриэль заговорила вновь, у нее был уже совершенно другой голос. Казалось, что она уже ничуть не боится:

— Мне показалось, что вы действительно, хоть что-то сделали. Теперь она уже с презрением смотрела на Харивармана.

— Чем ты сейчас занят, Харри? — спросила стоящая у него за спиной Беа.

— Жду. — Он повернулся к ней.

— Ждешь? Чего?

Секунду он молчал.

— Трех вещей, — наконец, сказал Принц.

— И каких же?

— Первое — донесений от моих машин.

— Твоих машин? — презрительно скривилась Габриэль. Теперь она начала подначивать его. Он проигнорировал ее выпад, и продолжал разговаривать с Беатрикс.

— И в первую очередь — донесения от машины, которую я послал за Ченом Шизуокой.

— Подозреваемым в убийстве Императрицы?! — любопытствовала Беа.

— Нет, — он чуть не сказал: «не в большей степени нежели я», — нет, Чен — не убийца.

— Хорошо. Убийца он или нет, я хотела бы знать, какое отношение он имеет сейчас к нам. И почему мы должны ждать донесений о нем?

— Да сделай же что-нибудь! — закричала Габриэль. С искаженным от злобы лицом она стала проклинать Харивармана. — Ты стоишь там как... да сделай же хоть что-нибудь, в конце концов!

Похоже, неподвижность облитого вином берсеркера придала ей храбрости. Она повернулась и, взбежав обратно по лестнице, скрылась в одной из комнат. Принц вновь остался один на один с женой.

— Есть еще и второе донесение, которое я ожидаю с минуты на минуту, — сказал он. — Оно касается прибывающего десанта на внешней поверхности Крепости.

— Это люди? — Беа поперхнулась.

— Да, само собой. Но вот, если ты спросишь, кто именно сейчас там делает высадку — вот что конкретно

мне бы хотелось узнать. Беа, я все пытаюсь придумать способ, как нам всем вместе отсюда выбраться. И тебе, раз уж ты вернулась ко мне, и моим друзьям. И без дальнейшего кровопролития, если это, конечно, возможно.

— А с чем же будет связано третье донесение?

— Так, кое с какой аппаратурой. Я попросил их собрать для меня специфическое оборудование. Хочу провести серьезные исследования по проблемам берсеркерской связи.

— А это не может подождать?

— Не думаю.

Похоже, самообладание внезапно покинуло Беатрикс. Она как-то сникла съежившись в глубоком кресле. Голова ее склонилась, так как Беатрикс была не в состоянии смотреть на злобный Контроллер. Она сказала:

— Харри, я не хотела бы опять с тобой ссориться, но если все это делается ради меня, то не знаю, стоит ли мне здесь вообще оставаться... Харри, чтобы ты там ни затевал с проклятыми машинами, ради всего святого — прекрати это все немедленно!

— Беа, я...

— Довольно. Оставь! Пусть лучше Лергов тебя арестует. Что бы ни случилось, все равно будет лучше, чем то, что происходит сейчас!

Осознав, что переходит границы дозволенного, Беатрикс переменила свой тон.

— Харри, прости, я сама не знаю, что говорю. Дело в том, что я не знаю, что происходит, а ты мне ничего не говоришь! Я не могу поверить в то, что ты..., всего лишь..., ты...

Он сам не помнил, как пересек патио, и подняв Беатрикс с кресла, заключил ее в свои объятия. Он сказал ей на ухо, зная, что машина все равно его услышит:

— О, если бы я мог сейчас вот так просто выйти из игры. Если б мог...

Она схватила его за руки.

— И обязательно, чтобы тебя арестовывали, Харри. Ведь ты можешь заключить выгодную сделку. Отдай Рокелору и его своре этот распроклятый код, или что там еще им нужно? А взамен они позволят нам просто уйти. Харри, я поняла, что не могу без тебя жить. Мне казалось, что я вернусь и на этот раз останусь с тобой

навсегда. Конечно, я могла бы и...— Голос Беатрикс внезапно смолк. И опять глаза ее смотрели куда-то вверх из-за его плеча. По лестнице опять спускалась Габриэль, но на этот раз в ее дрожащей руке был зажат пистолет. Это был крохотный дамский пистолетик, украшенный драгоценными камнями.

«Наверное,— подумал Принц, тупо уставившись на оружие — пистолет у нее был с самого начала, а теперь она просто забрала из комнаты, а может быть она нашла его здесь, в своей комнате». Она хорошо смотрелась с пистолетом в руках, хотя прежде Принц даже представить себе не мог Габриэль с оружием.

— Будь ты проклят! — сверкнула на него безумным взглядом Габриэль.— Я убью тебя, Харри.

И она стала тщательно в него целиться. Принца охватил страх, но не только за свою жизнь.

— Габя, нет! Положи это...

У него не было времени договорить, он успел лишь поднять руку в бесполезном теперь жесте. Габриэль все равно не слушала. Быть может, она выстрелила, а может, нет, только теперь это уже не имело никакого значения. За долю секунды до того, как Хариварман попал в прицел, жизнь его была спасена. Ведь Контроллеру было приказано защищать Принца. И в данном случае ему даже не понадобилось сдвинуться с места. Хариварман не видел берсеркера и не мог сказать с уверенностью, но, быть может, берсеркер всего лишь повернул свою металлическую голову. Принц знал, что где-то в верхней части корпуса машины открылась небольшая бойница, в которой показался ствол. Огненная молния полетела в сторону стоящей на лестнице женщины. Яркая вспышка осветила патио, и что-то сухо стукнуло.

От Габриэль не осталось следа. Принц запомнил только, как вспыхнули ее рыжие волосы. Он слышал, как загремел по ступенькам инкрустированный драгоценными камнями пистолет. Запах жженой плоти смешался с тяжелым духом разлитого вина.

Даже Беатрикс, повидавшая на войне многое, еще глубже вжалась в кресло, закрыв лицо руками. Лескар, уже пришедший в себя, вбежал в патио и замер в отчаянии.

Мы вновь отправляемся в путь,— было единственным, что смог сказать Принц, когда к нему вновь вернулся дар речи.

Генералиссимус Бератон стал постоянным объектом в бункере командира Бленхайм. Конечно она его сюда не приглашала, но и выгонять не собиралась. Она, конечно, понимала, что он только путается под ногами, но считала, что он может понадобиться в любой момент для принятия ответственного решения, учитывая его многолетний опыт прибывания на столь ответственном посту. Помня об этом, она тем не менее, продолжала тщетные попытки заставить Бератона перебраться в соседний бункер. Генералиссимус тем временем не оставлял надежду, что и на сей раз фортуна ему улыбнется. В данный момент он с пеной у рта убеждал Бленхайм уничтожить старую лабораторию Сабея при помощи ракет, поскольку оба они были уверены в том, что Генерал укрылся именно там.

— А вы уверены, что он все еще там, Генералиссимус?

— Уверен, как никогда. Такой наглый молодой человек...— Генералиссимус замолчал, затем с внезапным ожесточением добавил,— надо было мне его сразу, как только увидел, заковать в кандалы. А вы бы, командир, уже давно могли это сделать. Теперь вот мы бессильны.

Но все равно, Анни Бленхайм отказалась пустить на лабораторию даже малую ракету, объяснив это тем, что любая подобная попытка лишь спровоцирует очередную атаку берсеркеров, либо ответную бомбардировку.

— И к тому же,— добавила она,— вокруг лаборатории, наверняка, имеется противоракетный комплекс.

Она заметила, что при этом ее подчиненные как-то странно на нее посмотрели. Похоже, их удивил не столько ее отказ применить ракеты, сколько ее тон. Что ж, сейчас этого было все равно не избежать. Бератону пришла очередная идея. Кажется, она возникла у него потому, что ему было стыдно: пока он прохлаждался в бункере, молодая женщина не побоялась встретиться с врагом лицом к лицу. Теперь ему хотелось, по крайней мере, вдвое превзойти храбрость Бленхайм. Так прямо об этом он, конечно, не сказал.

Предложение Бератона состояло в том, что он пойдет и переговорит с Хариварманом с глазу на глаз.

— Когда-то, знаете ли, мы сражались рука об руку, и он, и я... во всяком случае, на одной стороне. Мы преж-

де встречались... И у меня до сих пор в голове не укладывается, как мог такой бравый вояка... Я пойду и скажу ему это. Сделаю все возможное, чтобы заставить его сдаться. Я тут вам лекции читаю о ваших обязанностях и долге, а сам свой долг исполнить не в состоянии.

Ей показалось, что Генералиссимус выглядит гораздо старше, чем несколько часов назад.

— Нет, позвольте...— Анни на секунду замешкалась, осененная мыслью.— А почему бы и нет? Очень даже хорошо. Сходите и поговорите с ним, если вам так хочется.

Хоть на некоторое время ей удастся избавиться от старика. А как поступит Хариварман? Впрочем он всегда сможет отослать обратно надоедливого визитера. Подумав еще немного, она закончила:

— Но прежде мы должны связаться с Генералом Хариварманом и узнать, согласен ли он еще на одну встречу.

* * *

Сидя между мужем и Лескаром в медленно ползущем автомобиле, где-то на полпути на очередную виллу, Беатрикс вдруг заявила, что покидает Принца.

— Ничего хорошего не будет, Харри, если я с тобой останусь. Все должно быть не так...

Для Харивармана это было подобно хлопку двери, закрывшей всю ее предыдущую жизнь. Однако, слова Беатрикс не были для него неожиданностью. Он даже не мог с уверенностью сказать, жалеет ли об этом. «Похоже, смерть, в конце концов, может быть встречена с радостью»,— подумалось ему. Принц проявил выдержку и мужество, совершенно спокойно спросив:

— И куда ты хочешь направиться, Беа? Я пошлю с тобой эскорт.

Беатрикс бурно прореагировала на его предложение:

— Эскорт? Из этих вот? Ни за что!

Две высокие машины, одна из которых была Контроллером, шагали по обе стороны от автомобиля.

— Позволь Лескару лишь немного меня проводить, а больше мне ничего не надо.

Когда они прибыли на новое место, то, что берсеркеры-разведчики определили, как покинутую, Беа не стала входить в дом и откладывать расставание.

Уже через несколько минут, за два квартала отсюда,

подальше от бдительных взглядов берсеркеров, Беатрикс забралась в брошенный флаер и в слезах распрощалась с Лескаром. Коротышка всегда по-своему ее любил, и сейчас он тоже разрыдался.

— Я не знаю, что он затеял, Лескар. Он не доверяет мне, иначе я бы осталась. И чтобы то ни было...

— Я тоже ничего не знаю, Моя Госпожа. Но я обязан оставаться с ним.

Конечно, конечно, — она хотела добавить что-то еще, но запнулась.

— Куда же вы направитесь, Моя Госпожа?

— На Базу, конечно, но торопиться не буду. Я должна постараться. Я могу. Все будет в порядке. Я знаю Крепость и умею сражаться. Возвращаясь к нему. Ты еще, быть может, поможешь ему, а я уже нет. Уже никогда не смогу.

Генералиссимус Бератон находился в небольшом наземном укреплении штаба Базы, пытаясь, как следует, обдумать проблему — в чем же состоял его долг и прямые обязанности. Сначала все казалось ясно и просто — арестовать злодея и отвезти его обратно на Салютай, однако, помехой стали вопросы ранга, юрисдикции и командования, как оно обычно и случается. А сейчас?

Троим новобранцам находившимся с ним в укрытии, было тоже не по себе. Может быть, они думали, что он пришел учинить проверку... все это напомнило Генералиссимусу времена, когда... И он ушел в более приятные моменты своих воспоминаний, в очередной раз перелистывая счастливейшие мгновения своей долгой-преддлгой жизни, ровно как и вехи столь длинной карьеры.

На какое-то время Бератон забылся. Однако, вскоре он вынужден был вернуться к жестокой реальности. Ему необходимо было вновь полностью сконцентрироваться на своих обязанностях, так как ситуация была куда более мрачной, чем те, что ему уже пришлось пережить.

Тысячи невинных жизней мирных жителей, не говоря уже о военных, висели на волоске. И все из-за жестокости одного человека. Размышления Бератона по поводу измены Харивармана грозили вновь унести старика в воспоминания о былом, но внезапно их прервали самым жестоким образом.

Летающий берсеркер, вероятно шпион, пронесся на

бреющем полете над Базой, после чего самым наглым образом завис прямо над главным зданием штаба. Похоже, это был откровенный вызов, что и стало последней каплей терпения в чаше, переполнявшейся на протяжении последних двухсот лет. Это было невыносимо.

Генералиссимус выпалил приказ стоящим рядом трем Темпларам-новобранцам, что с любопытством рассматривали противника. Голос молодого солдата дрожал, но тем не менее, он все же выдал:

— Сэр, но нам же приказано не стрелять, пока они не начнут первыми.

Бератон рванулся вперед. Столетнее командирство подсказывало ему, что именно стоит делать. Схватив портативный пульт дистанционного управления ракетной пусковой установки, он нажал красную кнопку. Метрах в пятидесяти от укрепления где они находились, в воздух взмыла огненная стрела небольшой ракеты. Однако, подобно лучу, отраженному зеркалом, она была отброшена прочь какой-то неведомой силой, после чего берсеркер дал ответный залп. Бератон рухнул на землю, как подкошенный. Окружавшие его солдаты, гораздо лучше защищенные своими шлемами и скафандрами, почти не пострадали.

Затем берсеркер полетел прочь, а люди в боевой экипировке перевернули Генералиссимуса на спину, споря между собой: стоит ли его в таком состоянии трогать.

Там, где находилась пусковая ракетная установка дымился свежий кратер.

Тяжело кряхтя, хватаясь за руки солдат, Бератон попытался встать.

— Сэр, вам лучше бы подождать. Мы позовем врача...

— Не надо, черт побери. Возвращайтесь к своим обязанностям!

Казалось, ему был необходим этот шок или нечто подобное, чтобы прочистить мозги. Очистилась и память. Часы, дни и годы, покрытого паутиной прошлого, были сметены в небытие. В ярком свете дня была теперь очевидна Правда. Правда о мерзком «душке», из-за которого кишачное злое небо более не страшило его. Долг призывал. Крайне редко прежде он слышал этот зов, если вообще слышал.

Чтобы найти капитана Лергова, ему понадобилось

гораздо меньше времени, чем он предполагал. Лергов как раз поднимался со второго этажа на третий, когда его перехватил Бератон. Генералиссимус предположил, что вероятно, напуганный взрывами капитан зарылся поглубже. Что ж, больше этого не будет.

— Капитан, мне понадобится ваша помощь.

Плотный мужчина, прежде казавшийся Бератону источником мужества, сейчас с видом заговорщика ответил:

— Конечно, сэр, что я могу для вас сделать?

— Пройдемте. По дороге обсудим.

— Подождите минутку, сэр.

И капитан тут же отвернулся. Он всегда подобным образом отказывал просьбам и даже приказам Генералиссимуса; мне, мол, надо закончить кое-какие дела. Никогда прежде эта привычка до такой степени не выводила Бератона из себя.

На сей раз задержка была использована Лерговым для того, чтобы поручить своему любимчику Мистеру Або (Генералиссимус терпеть не мог политиканов) следить за столь ценным, но теперь уже бесполезным, переговорным устройством. Бератон сдержал свое раздражение. В голове у него было кое-что поважнее.

Когда они вышли на поверхность, Лергов оценивающе посмотрел по сторонам и заметил, что еще одно из близлежащих зданий разрушено. Однако, никакой стрельбы пока не было. Успокоившись капитан спросил:

— А куда мы направляемся, Генералиссимус?

Бератон уже вел его к одному из штабных автомобилей, которые, кстати, совершенно не пострадали в момент атаки. Он сухо бросил через плечо:

— Мы арестуем изменника. Ведь нас сюда для этого послали. Это наш долг и мы были обязаны выполнить его гораздо раньше.

Лергов остановился как вкопанный. Глаза его приняли странное выражение, как будто бы у него вдруг разболелась голова.

— Арестовать изменника, сэр?

— Да. Арестовать Генерала Харивармана. Именно его. Мы обязаны выполнить приказ и взять его под стражу.

Лергов заметил:

— Но, Генералиссимус, он ведь...

— Что он? Говори, если есть, что сказать.

— Он, он... Так ведь его защищают. И мне кажется, что вряд ли мы...

— Хорошо, нас ведь никто не защищает, и не важно — сидим ли мы здесь, словно трусы, или.. подобно настоящим мужчинам, исполняем свой долг. Если сомневаетесь, капитан, делайте то, что велит вам Долг. Эта аксиома помогает преодолеть все.

Голова Бератона внезапно мучительно разболелась и на секунду он увидел перед собою, по меньшей мере, двух Лерговых. С усилием он сосредоточился.

— Сэр, но не можем же мы просто так взять и пойти, необходимо скоординировать оборону драгун. Солдаты наши рассеяны...

— Рассеяны перед лицом неприятеля, в то время, как вы пытаетесь укрыться в бункере. Капитан, я приказываю вам. Немедленно садитесь в машину. На место водителя, я сяду сзади.

— Сэр, но вы так устали, к тому же, вы ранены.

— Не ранен. Я еще вполне в состоянии...

— Вы ранены, сэр. Генералиссимус, я вынужден, не смотря на все мое к вам уважение, отказать вам в...

Здесь Лергов запнулся не веря своим глазам, когда в руке у Генералиссимуса внезапно оказался боевой пистолет. Рука старика дрожала, но лишь отчасти это было связано со старостью и усталостью.

— Бунтовать, мразь! — заревел он. — Немедленно сдать мне свое личное оружие!

Бератон мгновенно выхватил его из дрожащих рук капитана, с гордостью сознавая то, что его крупнокалиберная пушка держит Лергова под постоянным прицелом.

— Я отправляю вас под... Нет, я вас, все-таки не арестую. У вас будет шанс искупить вину, и потом, с чего это вы должны сидеть в каменном мешке, когда здесь умирают лучшие? Быстро в машину и вперед!

ГЛАВА 17

Чен усталился на Хану. Даже после всех потрясений последних дней, ее присутствие здесь, в Крепости, выбило его из колеи.

Постепенно, суть ее пребывания здесь стала проясняться. Его ответ на приветствие был отнюдь не радостный:

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

И пока Ольга молча смотрела на них, Хана, оглянувшись по сторонам, схватила Чена за руку, и потащила в сторону к узкому проходу. Это был проход между брошенными здесь стройматериалами, и, похоже, единственное место, где они могли хоть на мгновение укрыться от посторонних глаз.

— Я делаю то, что и ты, — сказала Хана, — меня держали под замком на флаере, но теперь я свободна.

— Под замком?

— Да, конечно же, — Хана слегка тряхнула головой, этим она хотела сказать, что до него слишком медленно доходит. — Силы безопасности Премьер-Министра окружили меня в пригороде столицы, вскоре после того, как была убита Императрица. Конечно, тогда я еще даже и не знала, что она мертва. Точно так же как и ты. Но до сих пор они считают, что мы были как-то с этим связаны.

И она одарила Чена своей, слегка загадочной, улыбкой. Он кивнул, желая показать, что понял о чем она говорит.

Еще за несколько дней до этого Чен мог бы принять за чистую монету любое слово Ханы. Но не теперь. Словно почувствовав в нем перемену, Хана, сама перешла в наступление:

— А чем ты занимаешься с тех пор, как попал сюда? И что у тебя сейчас на уме?

Ольга, поджидавшая рядом, в любой момент была готова напомнить, что Чен все-таки еще ее узник. Но прежде, чем ей удалось вмешаться в их разговор, один из драгун, отделившийся от основного отряда, поднялся на ближайшую к Хане ступеньку. Он не напоминал охранника, явившегося за заключенным, а скорее, походил на рядового, обратившегося к старшему по званию. За последнее время Чен уловил эту разницу.

Солдат тяжело вздохнул. Чен был уверен, что его следующей фразой станет: «Разрешите доложить...»

Хана с явным раздражением повернулась к рядовому:

— Неужели, ребята, вы не в состоянии сами разобраться? Неужели, нельзя хоть на минуту оставить меня в покое?

Солдат молча кивнул и повернувшись пошел прочь к своим, послушно оставив ее. Она тут же придумала объяснение:

— Некоторые из них считают меня важной птицей, потому что меня держали под замком в особой каюте. Но не стоит об этом. Ты лучше объясни, что здесь происходит? Откуда повылезали берсеркеры?

Чен внимательно разглядывал ее. Одежда Ханы, единственная гражданская одежда на всем стрельбище, выглядела грязной и поношенной. Видно, не легко ей пришлось, преодолевая километры, отделявшее это место от Салютайского флаера в космопорте. Однако, было заметно и то, что платье Ханы когда-то было баснословно дорогим, вовсе не из тех, что Чен привык видеть на ней раньше. У нее не было скафандра. Кстати, и у других драгун тоже. Конечно, если учесть, что системы жизнеобеспечения Крепости все еще прекрасно работали и в скафандрах особой нужды не было, пока...

— Не знаю, откуда эти берсеркеры,— ответил Чен.

— А что ты тут делаешь?

Он чуть было не стал рассказывать своей старой подруге о том, как познакомился с Принцем, однако, эти слова умерли внутри, так и не родившись.

— Пытался выжить,— вслух произнес он. У него появились определенные подозрения.

Ольга, выглядевшая с каждой минутой все более встревоженной от того, что драгунов было намного больше, чем Темпларов, не знала, что делать. Незаметно она все ближе подходила к Чену и Хане.

— Это Ольга,— представил спутницу Чен,— мы пришли сюда вдвоем, чтобы найти хоть какое-то тяжелое оружие.

— Мы тоже,— крикнули из разрозненной толпы двое раненых Темпларов. Очевидно, завидев знакомую форму, они двигались им навстречу. Вид у них был весьма плачевный. Один из Темпларов продолжал:

— Но кто-то нас опередил. Если здесь и впрямь что-то было.

Чен повернулся к Хане:

— Итак, тебя схватили на Салютае и взяли под стражу? Но зачем нужно было везти тебя сюда?

Она довольно холодно отпарировала:

— Они, очевидно, хотели устроить мне с Принцем очную ставку. Чтобы создать видимость заговора, в ко-

тором мы будто бы участвовали... Как это глупо! — Она замолчала. — Но теперь, конечно.

— Что теперь?

— Как это не прискорбно, но теперь оказалось, что Принц — тайный последователь мерзкой секты Добрых Душ.

— Принц Хариварман?

Чен хотел было спросить Хану насчет физиономии Мистера Сеговии на экране переговорного устройства, но такое обвинение в адрес Принца, да еще от Ханы на время заставили его полностью забыть о существовании кого бы то ни было. Прежде, чем он успел прийти в себя, Хана собралась уходить.

Вот что я тебе скажу, Чен. Дай-ка я пока схожу туда и переговорю с теми людьми. Может мне удастся их хоть как-то организовать для конструктивной совместной работы. А ты и твоя подруга пока не уходите.

Не уйду, — механически ответил Чен.

Одарив их прощальной улыбкой, Хана спустилась еще на одну ступеньку и стала что-то говорить драгунам.

Как только она ушла, Ольга сразу же оказалась рядом с Ченом. Она спросила.

Она их пленница? Что-то не похоже

Нет, не пленница, согласился Чен

Драгуны на нижней террасе собрались в небольшую кучку К ним присоединились и Темплары. Чен хорошо видел, что драгуны передвигают переговорное устройство.

Наверное, они пытались добиться лучшего качества приема сигнала. Хана была там в окружении солдат. С такого расстояния Чен не мог точно сказать, что именно она говорит, но, однако, он тут же заметил, что солдаты передвинули переговорное устройство так, чтобы экран не был больше виден ни ему, ни Ольге.

— Где вы с ней встречались? — с подозрением спросила Ольга.

— На Салютае, конечно, — Чен вздохнул. — Там было что-то вроде политического клуба. Похоже, мы вместе боролись за то, чтобы вернуть Принца Харивармана к власти. А теперь она пытается уверить меня в том, что Принц... — он замолчал.

В памяти внезапно всплыл высоченный робот, преследовавший его, и голос Принца Харивармана, вырыва-

ющийся из динамика берсеркера. «Принц — член мерзской секты «Добродушных»? О нет, этого, просто, не может быть!»

— Давай пройдем туда, чуть дальше, ... Мне очень хочется кое-что увидеть.

Они вскарабкались по каркасам несущих опор гигантских костей Крепости, выходящих на поверхность вблизи стрельбища. Теперь уже Чен был впереди. Через несколько секунд они достигли того места, откуда прекрасно был виден переговорный экран.

— Что это? — спросила Ольга, перевешиваясь через его плечо. — Что там такое?

Молодой человек еще раз взглянул на экран, прежде чем кто-то из окружавших прибор успели его отключить. Однако, голос еще некоторое время был слышен. Что именно говорят, с такого расстояния разобрать было невозможно, однако тембр голоса был до боли знаком. А у Чена хорошая память.

— Думаю, я знаю, кто это, — сказал Чен — ну, тот, с кем они разговаривают.

— Ну, и кто же?

— Его зовут Сеговия. Знаешь, Ольга, не нравится мне все это. Думаю, лучше бы нам убраться отсюда.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Ольга, — оружия здесь нет. А эти люди так деморализованы. Их все равно разобьют. Ну ладно, пойдем.

Ольга, судя по тону, была рада. И не удивительно, после того, что им уже пришлось пережить. Когда они спустились к проходу, она добавила:

— Если бы как-то дать знать тем двум Темпларам, но, может, я с ними свяжусь потом через шлемофон.

Быстрым шагом она пошла прочь от стрельбища. Не отставал от нее и Чен. Наверное, за ними кто-то следил, ибо не прошли они и сотни метров, как голос Ханы позвал Чена.

— Не обращай внимания. Идем дальше, — прокомментировал Чен. Секундой позже что-то гулко ударилось о его шлем. В этом звуке было что-то до жути знакомое. Вторым раз за последние дни по нему стреляли. Разгневанный изменой Ханы, он развернулся и стал наугад отстреливаться. Карабин, взорвавшийся очередью в его руках, послал несколько трайсеров.

Громыкнул боевой пистолет Ольги. Они бросились бежать, отстреливаясь на ходу, но, в конце концов,

вынуждены были укрыться за стальными балками. Чен лишь мельком разглядел драгун и не мог с уверенностью сказать, ранил ли он хоть одного из них.

На мгновение Хана показалась на бруствере края стрельбища, однако, она тут же исчезла, словно сбитая пулей.

Заметив, что Ольга опять побежала, Чен последовал за ней, все дальше и дальше отдаляясь от драгун. За спиной слышались крики, но выстрелов больше не было. Он бежал, стараясь не отставать от Ольги, считая шаги, чтобы определить, насколько они удалились от стрельбища. Но вскоре бросил эту затею. Он не знал, куда они теперь бегут. Единственное, в чем он был абсолютно уверен, это то, что теперь его преследуют уже две группировки могущественных врагов.

Только Темпларам, по всей видимости, не нужна была его смерть. (Если, конечно, не брать в расчет берсеркера, говорившего голосом Принца). Те самые Темплары, которые до сих пор еще держали оборону вокруг Базы.

Непрерывные громовые раскаты сражения, доносившиеся с той стороны, подтверждали, что База просто так не сдается, и что это, вероятно, единственное место, где они могут рассчитывать на помощь. Однако, добираться до Базы сейчас — равносильно самоубийству.

Удалившись от стрельбища на значительное расстояние, Ольга и Чен остановились, чтобы перевести дыхание. Юношу продолжал мучить вопрос, почему машина звала его голосом Харивармана. Он никак не мог найти этому подходящего объяснения.

Отдохнув, они снова двинулись в путь. На площадях, по которым они пробежали, все еще били фонтаны, хотя не было ни души. Похоже, в городе осталось лишь несколько исправных флаеров или автомобилей, так что возможность раздобыть что-нибудь способное двигаться, сводилась к нулю.

Им попало несколько разбитых машин, одна из которых совершенно обуглилась. Было ясно, что причиной пожара послужило отнюдь не простое столкновение.

То и дело из окон и дверей выглядывали любопытные. Некоторые даже задавали вопросы, когда видели двух пробегающих мимо Темпларов. Ольга ничего нового им не сообщая, советовала всем оставаться в укрытиях.

Фонтаны с питьевой водой, продолжали исправно работать, воздух оставался вполне чистым. Не известно, по каким причинам, но берсеркеры, явно, не собирались уничтожать жизнь в Крепости полностью

— Точно, он с ними договор подписал,— процедила сквозь зубы девушка.— Распроклятый официальный пакт, чтобы спасти свою шкуру

Чен отказывался в это верить. Даже если Принц и с ощутимым перевесом в боевой силе, почему тогда это берсеркерам подписывать договор с ним, бесправным узником?

Но даже если они здесь были, а они здесь были, и с ощутимым перевесом в боевой силе, почему тогда тотально не уничтожали всех подряд и не удаляли из Крепости малейшие признаки жизни, вплоть до бактерий, обитающих в здешней атмосфере и завезенной из других миров почве? Ведь берсеркеры всегда поступали так при малейшей возможности. Но не в этот раз. В этот раз что-то было не так.

Ольге хотелось узнать побольше о человеке с переговорного экрана. Почему Чен считал, что именно его присутствие имеет такое значение?

Потому что теперь этот человек один из драгун Рокелора, а когда я видел его в последний раз на Салютае, он таковым не являлся

Чен замолчал. Ему показалось, что свет Радианта становится ярче, и это был невыносимый свет Истины

Или, по крайней мере, тогда он был просто без формы.

Ольга не сразу ему ответила. Чену показалось, что она смотрит на него как на свихнувшегося. Он попытался объяснить.

— Тогда я считал, что он один из членов нашей группы. Во всяком случае, сочувствующий нашей цели — освобождение Принца Харивармана.

Ольга, очевидно, оставила всякие попытки понять что-либо о Сеговии. Но у нее уже сложилось свое мнение о Принце:

— Им надо было держать его под замком. Вместо этого ему разрешали всюду в Крепости совать свой нос. И никто его ни в чем не ограничивал

— Я знаю,— и, когда она повернулась к нему, Чен продолжил, Командир возил меня на штабной машине с ним на встречу. Я думаю, она хотела устроить что-то

вроде очной ставки, чтобы узнать, могли ли мы участвовать в совместном заговоре. Ведь прежде он меня никогда не видел. Это было где-то ближе ко внешней поверхности Крепости. Там не было воздуха.

Они приближались к Темплар-Базе, но особенно не спешили, стараясь не идти напрямую. Довольно часто останавливаясь, чтобы передохнуть.

— Почему ты записалась в Темплары, Ольга?

— Так, с горя... — она не собиралась вдаваться в подробности, да Чену это было и ни к чему. Он прекрасно мог себе представить, как это произошло.

Они прошли еще немного, когда кто-то из горожан окликнул их из окна дома, желая узнать последние новости. Люди волновались, не получая никакой достоверной информации. В народе ходили тысячи противоречивых слухов.

Молодые люди рассказали ему все, что им было известно, и человек пригласил их к себе перекусить. Несмотря на частые остановки, они были чрезвычайно измотаны и истощены, поэтому с радостью приняли приглашение. Чувствуя себя беженцами, они обрадовались возможности хоть чуть-чуть поспать. Разумеется по очереди, с оружием и скафандрами наготове.

Спустя несколько часов, они снова были в пути, двигаясь через городской район, практически не пострадавший от нападения.

Брошенные машины здесь выглядели вполне исправными, но испытывать судьбу не хотелось. Да и куда спешить?

На последнем привале Ольга смутно обрисовала свой план проникнуть на Базу с противоположной стороны. Но запуталась, когда Чен стал выяснять детали. Если бы он как следует подумал, то уже давным-давно понял, что они заблудились. Но он старался сейчас ни о чем не думать.

На огромной площади они увидели древний монумент, посвященный, как объяснила Ольга, легендарной Хелене Дардан. По краям площади журчали фонтаны, а в центре возвышалась бронзовая статуя.

Она доминировала над площадью. С высоты внушительного постамента к подножию вели широкие ступени мраморной лестницы. Хелен Экзэмплар, Елена Радиантская, Хелена Дардан — правительница и покровительница Дарданианцев времен постройки Крепости. Време-

на Елены, как объяснила Ольга, были еще за много веков до Сабея, но, впрочем, об этом и так все знают.

Покинув площадь с памятником, они оказались в квартале увеселительных заведений. Здесь, как и по всюду в Городе, большинство дверей и окон было закрыто, и почти везде висели замки. Хотя, впрочем, на одной из дверей замка не было, а висевшая табличка гласила, что это «Контрэ Руж». Музыка бойко вырывалась из легкого полумрака затененного интерьера.

Чен и Ольга переглянулись.

— Может быть, им там известно что-нибудь новенькое? — предположила девушка.

— Мысль неплохая. — Чен облизнул пересохшие губы. — Сейчас посмотрим.

Внутри это романтическое местечко показалось им совершенно безлюдным. Только бармены-официанты, приземистые и глупые слуги-роботы, дополняли интерьер, однако никакой другой информацией кроме меню они не располагали.

Роботы были готовы обслужить посетителей, однако, людям довольно легко было себе представить, что эти мрачные железяки молча готовятся к восстанию, чтобы присоединиться к своим братьям, сеющим смерть на улицах Города.

— Как насчет пивка? — предложил Чен. — У меня тут немного мелочи завалялось.

— Думаю, нам это не повредит.

Они уселись в одной из кабинок.

— Эй, Ольга, да ты только посмотри!

Оптика прозрачных стен выдавала свои умопомрачительные эффекты. Но в следующее мгновение они оба вскочили с оружием наготове. Одна из кабинок, не так далеко от них, тоже была занята. Они двинулись по проходу туда.

В кабинке, в гордом одиночестве сидела женщина, немолодая, со впалыми щеками и каштановыми волосами, выглядевшая гораздо моложе своего весьма преклонного возраста.

Чен опустил карабин.

— Здравствуйте, мадам. С вами все в порядке?

Похоже, пожилая дама не особенно удивилась, увидев их здесь. Она улыбнулась.

Вполне. Сейчас уже должны подойти посетители.

Она говорила осторожно и внятно, так, как обычно

говорят актрисы, однако слова то и дело натывались друг на друга. Дама, сидящая перед стаканом, доверху наполненным темной жидкостью, похоже, была уже, как следует, навеселе.

— Садитесь, детки, не побрезгуйте старухой. Я Грета Тамар.

Имя ничего не говорило ни Ольге ни Чену. Но тем не менее, переглянувшись, они сели и приказали сопровождавшему их от самого входа роботу подать им пива. Грета Тамар заказала себе еще вина. Робот-официант заглянул в ее глаза своими линзами и пошел прочь, так и не приняв ее заказа.

Пиво подали тотчас же, но бокала с вином на подносе не было. Робот не дал по этому поводу никаких объяснений.

— Я пью больше, чем в состоянии вынести мой потрепанный рассудок, — сказала старуха, и громко рассмеялась. Это был смех молоденькой девушки, вполне естественный, но было в нем что-то странное.

Теперь, похоже, она заметила, что на них скафандры, а в руках — оружие.

Да вы никак на службе?

Да, мэм, — ответила Ольга и тут же спросила, — Берсеркеры тут не появлялись?

— Они здесь были. Да. Но я их никогда не видела. — Грета уставилась куда-то вдаль своим затуманенным взором. — Гвардейцы не поверили бы мне. Но я ничего не знала о том, что Сабель делал с берсеркерами.

— Гвардейцы, мэм? — Ольга была озадачена.

Она посмотрела на Чена. Все знали, что Гвардейцев уже несколько сотен лет не существовало. «А Сабель? — подумал Чен, с благодарным вздохом опустошая пивную кружку. — Это что, шутка что ли?» Теперь он вопросительно посмотрел на Ольгу, но она понимала не больше, чем он.

Нет, мы имеем в виду — вот только что, — продолжил он, — сегодня вы здесь берсеркеров не видели? — и затем сразу же задал второй вопрос:

— Вы не знаете где сейчас Принц?

— Я с ним встречалась. Не могу сказать, чтобы он произвел на меня впечатление. А вот, когда я последний раз была с Могушественным...

Чен имел весьма смутное представление о том, что мог означать этот термин из древней истории. Ольга,

словно консультируясь у оракула, спросила старуху:

— Вам известно, что Принц — «Душка»?

Грета Тамар безмолвно смерила ее взглядом. Улыбка застыла на ее лице. Ольга, словно оправдываясь, продолжала:

— Если Принц действительно, возится с берсеркерами, значит он «Душка». Если он из тех, кто каким-то образом допустил их в Крепость...

Чен не дал ей договорить.

— Быть может, они оставались здесь со времен последнего нападения в течение нескольких веков?

— Да, да, такая высадка машин-убийц, действительно, имела место, — сказала Грета. — Георгикус нашел место древнего сражения где-то там, в верхних коридорах. Там, наверное, был не только тот, его единственный берсеркер. Сабель, действительно, творил все то, в чем его обвиняли, но я была невинна.

— Невозможно, ведь все эти коридоры были тщательно обследованы еще при Сабеле, — сказала Ольга, обращаясь к Чену.

— Да, но тебя же там не было, когда все это происходило.

Она была вынуждена признать его правоту.

— Да, но когда я вступила в ряды Темпларов, я изучала Историю. И если Принца арестовали, значит было за что.

— Ой ли? А как же насчет меня? Что ж получается, и я виноват?

Она посмотрела ему в глаза:

— Я не уверена, что ты тут ни при чем.

— Ответ — Любовь, — ни с того, ни с сего изрекла Грета Тамар.

Чен вдруг вспомнил, что это строка из песни, и старуха уже тихонько стала ее напевать. Он хотел пропустить еще один бокал пивка. К нему спешили два, нет, три робота-бармена. Оптика кабинки превратила их в трех разных, пляшущих на задних лапах, зверьков... И вдруг сквозь небольшое отверстие в прозрачной стене он разглядел, что сюда двигаются еще какие-то фигуры. И еще, и еще... и не танцующие зверюшки, а все, как один, драгуны, мужчины и женщины в полной боевой экипировке. Не успел Чен и рта открыть, как хитрая оптика превратила их всех в игривых нимф и козлоногих сатиров.

Он не стал ожидать того, что последует. Ольга, как только он ударил кулаком по столу, была уже рядом. Он стал было что-то кричать Грете, но было уже поздно, началась перестрелка. Ольга оказалась проворнее с пистолетом, нежели Чен со своим громоздким автоматом, и про себя он отметил, что стреляет она куда лучше. Посыпались автоматные очереди, сливаясь в нескончаемый звон и грохот. Грета Тамар с криком забилась под стол. Стены кабинки посыпались на юношу осколками окровавленных образов и оплавленного пластика. Он был прижат к полу ожесточенным огнем. Чен попытался воспользоваться карабином, но его почему-то заклинило. «Наверное нет патронов», — подумал он, хотя не так давно он перезаряжал его из запасной обоймы, снятой с ремня Ольги. К счастью, у Темпларского стрелкового оружия был один и тот же калибр. В отчаянии, переползая из-под одного стола к другому, он вдруг с ужасом осознал, что потерял Ольгу. Похоже, дело было дрянью. Ему показалось, что он слышал, как его позвала Хана, но из-за непрерывной стрельбы ничего нельзя было разобрать.

Он заполз под очередную кабинку и, увидев мелькающие прямо перед носом сапоги, замер. Он полз, пока не увидел открытую дверь, потом стал во весь рост и побежал к выходу, но по дороге поскользнулся и упал. Кто-то позади закричал и Чен повернулся на спину. Всего лишь в пяти метрах от него стоял драгун, державший его на прицеле. Раздался оглушительный грохот, словно обрушилась одна из стен здания, и от драгуна не осталось и мокрого места.

Нечто огромное, металлическое, продвигающееся на трех лапах сквозь любые стены и препятствия, вошло в зал. Еще один драгун сверкнув автоматом, полетел прочь, сбитый с ног сокрушительным ударом чудовища.

Обезумев от ужаса, отползая в сторону, Чен снова встал и попытался бежать. Записанный на пленку голос Принца по-прежнему гремел из динамиков, призывая Чена. Заметавшийся в отчаянии беглец попытался пробраться через обрушившуюся стену таверны на улицу. Он еще слышал, как вопили за его спиной драгуны.

Знакомая тренога не отставала. Она проследовала за Ченом на улицу, где и попыталась его схватить.

Из последних сил он старался уползти от машины. Бесполезно. Он рухнул в изнеможении. Берсеркер сом-

кнул над ним свои лапы, слегка наклонился, и из его корпуса выдвинулся какой-то захват, потянувшийся к Чену. Он видел, как в корпусе открылся обширный грузовой отсек, предназначенный для Чена, и тогда бедняге, наконец, стало ясно, почему его преследовал именно этот тип смертоносной машины.

Внезапно прогремел оглушительный взрыв. Последнее, что Чен успел заметить, было то, что монстру снесло голову. Затем, уже во второй раз за эти дни, он погрузился в небытие.

ГЛАВА 18

Темпларская штабная машина, описав изящный пирует, перелетела через невысокую стену патио и в следующую секунду, когда ее гравитационный двигатель был превращен лучом гамма-лазера в бесформенный слиток свинца, рухнула, подобно грудe металлолома, на пустынный дворик дома, когда-то принадлежащего Георгикусу Сабелю.

Берсеркер, сбивший штабную машину, даже не подумал дать по ней повторного залпа. Лескар, посланный хозяином на разведку, с подозрением поглядывал последнюю минуту на этот экипаж, бессмысленно метавшийся по опустевшим улицам, то и дело зависая над домами, словно тот кто управлял им, не знал, что же ему нужно. Берсеркер, паривший невдалеке от этого места, в конце концов не выдержал этих, крайне подозрительных, маневров и открыл огонь.

Лескар вместе с приставленным к нему неотвязным монстром, уже через минуту был у древних стен лаборатории, а через секунду оказался во дворе. Ему вдруг пришло в голову, что в штабной машине вполне могли находиться друзья Принца, и в этом случае они крайне нуждались в помощи. Или же, например, там могли быть и враги Харивармана, тогда необходимо предпринять адекватные действия.

Оказавшись за стеной, он увидел разбитую машину. Похоже, никто в экипаже даже не шевелился. В течение нескольких минут на месте падения царила гробовая

тишина, затем медленно открылась дверца на неповрежденной стороне флаера, и показался невысокий мужчина в форме капитана драгун Премьер-Министра Рокелора. С трудом выпрямившись, он некоторое время стоял с обезумевшим видом и озирался по сторонам. Затем вновь скрылся в машине и вытащил оттуда старика в военной форме, но несколько иной расцветки, китель которого украшало великое множество наград. Орденские планки были залиты кровью.

Старик не мог стоять. Лескару показалось, что он еще дышит, но это были единственные признаки еще не покинувшей его жизни. Капитан грубо отшвырнул умирающего в сторону и скрылся в исковерканном флаере. Вскоре он появился, но уже с пистолетом в руках. Перезарядив его, драгун стал целиться в лежащего в луже крови человека.

Только сейчас капитан заметил что за ним внимательно наблюдает Лескар. Глаза его мгновенно округлились, как будто он сразу признал слугу Принца. Однако, Лескар никогда прежде не встречался с этим человеком.

Тем временем драгун повернул пистолет на седого безоружного коротышку.

— Мы здесь не одни,— мягко сказал ему Лескар. Его берсеркер не полез за ним через стену; он только теперь появился в проеме главных ворот за спиной капитана, активно перебирая своими паучьими лапами. Глаза капитана загорелись огнем.

— Нет, так легко, меня провести тебе не удастся... — И он вновь стал целиться в него из пистолета.

— Принцу будет угодно поговорить с ним! — быстро крикнул Лескар своему механическому телохранителю.

Хозяин поручил ему (подумать жутко!) давать определенные команды машинам во время своего отсутствия.

Капитан драгун все еще продолжал старательно целиться, когда стальной захват сомкнулся на запястье его руки.

Вернувшись со своим единственным пленником в новую резиденцию Принца — точно такую же виллу, как и прежде, правда гораздо больше по размерам, Лескар застал Харивармана за диалогом с Контроллером.

Огромное количество теевого оборудования, гораздо более сложного, чем то, которым прежде мог воспользоваться историк-любитель, было расставлено во дворе

и уже работало. Принц поднял взгляд на вошедшего слугу, тянувшего за собой на веревке связанного пленника. Когда Хариварман, наконец, разглядел, кто именно этот пленник, он молча отложил в сторону свои электронные инструменты и вышел из-за стола.

— Он был в штабной машине, — докладывал Лескар, — вместе с Генералиссимусом Бератоном. Но старик уже мертв.

«Вагоны пригородной линии подземки сегодня полупусты, — подумал Чен, — иначе, как бы его угораздило здесь уснуть, растянувшись на каком-то ворохе тряпья прямо на сидении, под убаюкивающий перестук колес. Да и к тому же сидящие в это утро в вагоне его сокурсники и прочая разношерстная публика были на редкость молчаливы. Потому что...»

В этот момент память вернулась к нему и, почувствовав сильный толчек, юноша открыл глаза. Он лежал на спине и действительно ехал на каком-то транспортном средстве, покачиваясь из стороны в сторону, на импровизированном ложе из одеял и простыней. Чтобы не упасть, он даже был пристегнут ремнем к бронированному люку.

На таких машинах Чену еще не приходилось ездить. Она была, пожалуй, маловата для обычного автомобиля. Наконец, он понял, что находится на башне самоходной установки — затвор тяжелого дальнбойного орудия находился прямо под ним — и ему стало не по себе, когда он представил, что могло произойти, выскользни он случайно из-под ремня и провалился в люк.

Его везли по городским улицам с небольшой скоростью. Рядом с самоходкой по тротуару шла, не отставая, одетая в комбинезон женщина, лицо которой показалось ему знакомым, хотя прежде, он с нею лично не встречался. Присмотревшись, он признал в ней знакомые всем по портретам черты Леди Беатрикс. Правда, прежде он еще не встречал ее изображенной в комбинезоне.

Должно быть, он издал какой-то звук, потому что бывшая Принцесса сразу же к нему повернулась. Заметив, что Чен пришел в себя, она подошла к нему поближе.

Тем временем самоходка продолжала катиться, насколько мог понять Чен, сама по себе, без всякого вмешательства со стороны человека.

— Вижу, вы решили вновь присоединиться к нам. Как вы? — спросила Беатрикс.

— Я..., ох! — он попытался встать, но острая боль пронзила его тело сразу же в нескольких местах, — Что случилось?

— Полковник Фосьон отстрелил голову одному берсеркеру, как раз тогда, когда тот пытался вас схватить и запихнуть в свой грузовой отсек. Вы были контужены. Может взрывом, ... или, может, когда на вас посыпались обломки. Но никаких серьезных повреждений у вас нет. Я думаю, теперь с вами все будет в порядке.

— Так говорите, это полковник Фосьон постарался? — ему уже приходилось прежде слышать это имя, — ах, да, это был именно тот полковник, что, предположительно, отправился на поиски тяжелых орудий.

— Совершенно верно. Как раз из этой 75-миллиметровки, на которой вы едете. Вон он, впереди идет. Вы еще с ним в ближайшее время поговорите, а теперь нам не терпится пробраться в другую часть Города. Стрельба, как правило, привлекает берсеркеров. — И Леди посмотрела по сторонам с весьма озабоченным видом.

Сейчас небо над ними было совсем чистым, и окружающие улицы не таили угроз. Приблизительно в полквартале впереди по маршруту следования Чен, как следует присмотревшись, различил одинокий силуэт воина. Он был закован в тяжелую броню, точь-в-точь такую же, как рисуют в приключенческих комиксах.

И тут Чен вспомнил:

— Ольга. Где Ольга?

Леди с удивлением *посмотрела на него*.

— Я не знаю никакой Ольги. Где вы видели ее в последний раз?

— Там, в кафе. Ой, о...

— Боюсь, все могло кончиться для нее не столь удачно...

— Ох! — он ослабил ремень, которым был пристегнут и попытался сесть.

Благородная Дама подошла ближе и коснулась руки Чена.

— Боюсь, обратно мы уже не сможем вернуться. К тому же, мы уже изрядно проехали... Так значит вы и есть Чен Шизуока. Ну а меня, если вы до сих пор еще не узнали, зовут Беатрикс.

В любое другое время Чен был бы на седьмом небе от

встречи с бывшей Принцессой. Теперь же ему оставалось только спросить:

— А куда мы едем?

— Следую за полковником. Похоже, он знает, что делать.

Чен опять посмотрел на впечатляющую фигуру в тяжелых боевых доспехах. Даже на таком расстоянии она внушала уважение... Стволы боевых пулеметов, висевших на широченных плечах полковника, были покрыты копотью, что предполагало недавний обмен любезностями с боевыми берсеркерами.

Самоходка, на которой находился Чен, по всей видимости, была запрограммирована следовать за полковником по улице, словно какой-нибудь гигантский робот-бульдог. Фосьон повернул за угол и машина свернула за ним. Чен быстро оглянулся.

— Мне кажется, кто-то нас преследует.

Леди Беатрикс тоже посмотрела назад:

— Да нет, это всего лишь наш робот-трэйлер с боеприпасами.

Трейлер тащился далеко позади. Фигура в доспехах внезапно остановилась и жестом приказала роботу-самоходке поспешить за ним.

— Полковник Фосьон, — позвала Беатрикс, — это и есть Чен Шизуока, как мы и думали. Он пришел в себя.

Разовощекое лицо, словно у младенца, показалось в прозрачной прорези бронированного шлема.

— Я хочу с вами поговорить, — обратился он с мрачным видом к Чену. Его голос доносился их крохотного динамика под пуленепробиваемым плеском прорези. — Но сейчас мы должны поторопиться.

Он бросил взгляд на искривленное серое небо. К ним приближалось три берсеркера.

— Это наша стрельба их привлекла.

— Лучше всего сражаться с ними поближе к внешней поверхности, — сказал Фосьон с мрачной улыбкой.

Махнув рукой вперед, полковник заставил самоходное орудие двигаться опять.

— На внешней поверхности? — переспросил Чен.

Ему уже было гораздо лучше — не то, чтобы он был готов прыгнуть с машины и бежать бегом, но, тем не менее, он поправлялся на глазах.

— Полковник был именно там почти что с самого начала атаки, — объяснила Леди Беатрикс. — Я присое-

динилась к нему всего лишь час назад, когда он уже вернулся во внутреннее пространство Крепости.

— Сэр, так как же вы сражались, если их там не было?

— Связь, молодой человек, боевые коммуникации,— ответил полковник.— Рано или поздно, сюда прибудет объединенный флот... Так вот, я вырубил все каналы связи, в случае прибытия войск, берсеркерам не обязательно будет знать, что он прибыл...

— Понятно, сэр.

— Неужели? А мне вот не понятно кое-что насчет тебя.— Он снова остановился и громко потребовал.

— Почему проклятый берсеркер бегал по всему Городу и блеял твое имя?! Принц на самом деле послал его за тобой?! Если так, то зачем?

— Я знаю, что он действительно, посылал за ним,— сказала Беатрикс.— Я уже говорила вам об этом. И то, что он мне так ничего и не сказал...

— Да, Моя Госпожа,— сказал Фосьон, чуть не отнеся изящный поклон. И затем, грозно посмотрев на Чена, продолжил — Ну?!

— Не имею ни малейшего представления, сэр. Я всего лишь раз в жизни разговаривал с Принцем, да и то весьма недолго. Мне кажется, он поверил мне. Поверил в то, что я не имею никакого отношения к убийству Императрицы.

Фосьон опять метнул грозный взгляд, покачал головой и, что-то пробурчав, вновь двинулся вперед. Теперь он свернул с улицы в узкий переулок, по которому машина могла пройти еле-еле. *Затем он остановился*, склонившись над большим, но вполне обычным распределительным ящиком. Неизвестно откуда в его бронированной руке появился ключ.

— Не думал, что он когда-нибудь мне понадобится,— произнес полковник, глядя на ключ,— как-то мне его подарили на память. Хорошо, что я его не выкинул...

Из коробки с инструментом, под самоходкой, Фосьон извлек какое-то оптическое устройство, которое он подключил к распределителю на щитке в открытом ящике. Внутри устройства замерцала крохотная голографическая сцена, на которой вскоре материализовалась голова Принца Харивармана.

Лицо Принца сразу же повернулось к ним — похоже, он понял, что его кто-то вызывает. Изображение прерыв-

вали помехи. Его губы шевелились, однако звука по-прежнему не было, Фосьон выругался.

— Вижу почти что везде, кроме тех мест, где я действительно хотел. Резиденция Принца и База — у проклятых берсеркеров все еще действует эффективный коммуникационный занавес.

— Если Принц захочет говорить с нами, он ведь прикажет его открыть, не так ли?

Леди Беатрикс, словно зачарованная, смотрела на изображение мужа. Наконец-то стали пробиваться отдельные слова. Хариварман, вероятно, узнав полковника, прокричал вопрос:

— Вы что, планируете атаковать берсеркеров?

— Конечно.

— Рискните. В таком случае, неприкосновенности я вам не гарантирую. Боевые берсеркеры необходимы для предотвращения моего ареста. Ведь вы же собираетесь арестовать меня при первой же возможности, не так ли?

— Да, я попал в переплет, Генерал. Но есть грань, которую я не в состоянии перейти. Я не выношу «Душек».

Принц вновь заговорил, но слова наполовину перекрывали помехи:

— ... истинные доказательства, поищите во внешних районах. Там, где я занимался изысканиями...

Было еще что-то, Чену даже показалось, что он расслышал слово «сдавайтесь», правда, неизвестно, в каком контексте. Шум становился все сильнее. И вскоре экран заполнили сплошные помехи. Полковник выключил переговорное устройство и посмотрел на остальных.

— Внешние районы, — произнесла Леди Беатрикс. Фосьон повернулся к ней.

— Что вы об этом думаете? Не знаю право, что мне и предпринять: не то пристрелить его, не то протянуть ему руку помощи?

— Он все еще мой муж, полковник, и если вы собираетесь пристрелить его, то лучше начните сейчас с меня.

— Я еще толком ничего не могу понять, гори оно все гаром! Ехать к нему на встречу? Должен ли я против него выступать, или он добьет последних из нас? Он что, приказал берсеркерам не стрелять в меня? Что-то я этого не заметил...

— Вполне может быть. Ведь они нас не преследовали, хотя вы и подбили одного из них,— сказала Беатрикс.

Фосьон тяжело вздохнул.

— Хорошо, раз так, тогда летим во внешние районы. Подозреваю — там берсеркеров будет поменьше. Увеличится шанс остаться в живых, если высадится Объединенный Флот Человечества.

— Но я не знаю, где именно он там занимался раскопками, а он явно ожидает, что мы найдем там какие-то свидетельства.

— Я знаю,— перебил его Чен,— я видел это место, и даже помню обозначение на сетке координат. Они горели на экране штабной машины, когда мы туда приехали.

Тогда пойдем туда. Не знаю уж, какие свидетельства мы там найдем, но попытаться стоит.

— Боюсь, я уже догадываюсь,— сказал Фосьон упавшим голосом. Все посмотрели на него.— Боюсь, это я их впустил...— пояснил полковник.

Сделав это замечание, он попытался объяснить все подробнее, но Беатрикс настаивала на том, чтобы немедленно отправиться к упомянутому Принцем месту близ внешней поверхности.

Они нашли подземный служебный переход, что вел как раз в ту сторону, достаточно широкий для того, чтобы там могла пройти тяжелая техника. Пушка и трейлер с боеприпасами следовали за спускавшимися вниз, в мрачные катакомбы, людьми.

Полковник заговорил снова:

— Несколько месяцев назад я попал в переплет. Зная то, что мне придется вскоре покинуть занимаемый мною пост, я позволил себе расслабиться — знаете, у всякого бывает такой период в карьере. Когда он вдруг прекрасно понимает, что ничего хорошего ожидать не приходится. Дальше будет лишь одно сплошное Падение.

Однако, не стану оправдываться и постараюсь все объяснить. Хотя, само собой, говорить об этом я не собирался. Тем не менее, сейчас, я не могу молчать. Расплата может постичь меня в любой момент и тогда уже точно никто никогда не узнает... А дело все в том, что приблизительно около трех стандартных месяцев назад я принял взятку

Да, да, представьте себе, находясь на должности командующего Базой. Конечно же, мне тогда и в голову не могла прийти мысль о берсеркерах. Я не знал, кто те люди, что вели со мной переговоры. Даже не подумал тогда про «Душек».

В этом секторе пространства вот уже столько лет было тихо — однако, как я уже заметил, это нисколько меня не оправдывает. Я посчитал, что продаюсь за какую-нибудь контрабанду. Удовлетворение определенных человеческих потребностей. Я даже взял с ублюдков слово, что Темплары в этом никак замешаны не будут. И они его дали, правда, до сих пор не знаю, кто же эти люди.

Все это лишний раз доказывает, насколько низко я пал. Хотелось разжиться деньжатами, чтобы потом в свое удовольствие развлекаться на пенсии. А суть вся в том, что три месяца назад кто-то высадился на внешней поверхности Крепости, и это факт.

Теперь, насколько я могу предположить, это и были берсеркеры.

— Но если они прибыли сюда всего лишь несколько месяцев назад... Это значит...

Чен видел, как Леди Беатрикс пытается сосредоточиться. Он приблизительно догадывался о чем она думает. Если подозрения полковника верны, то это означало, что заявление Принца о том, что он откопал древних берсеркеров — ложь.

— Я все еще верю ему. Ничего не могу с этим поделать, — наконец прошептала Леди Беатрикс.

На самом нижнем уровне, уходящей вниз шахты, где еще была атмосфера, Фосьон подвел их к огромному хранилищу со скафандрами. Он уверил всех, что именно здесь он сложил всю свою амуницию, когда вернулся после первого рейда во внешние части Крепости.

Прямо перед уходящим вниз воздушным замком их ожидал оставленный им флаер. Забравшись в него, все трое понеслись по безвоздушным коридорам, уходящим ко внешней поверхности.

Они уже прошли три четверти пути, когда Беатрикс, сидевшая за пультом управления флаера, неожиданно резко затормозила. Она доложила, что видит впереди какие-то странные фигуры. Похоже, это бегущие Темплары. Чен сразу же вспомнил об Ольге. Но надеяться, что она уцелела в той перестрелке в таверне, а потом

еще, обогнав его, оказалась здесь — было чересчур.

Полковник Фосьон решил, что это командир Бленхайм все же как-то умудрилась отправить сюда с Базы небольшой отряд для выполнения особого задания.

— Я думаю, что это ей удалось. Я бы тоже так поступил, но поверьте, уж кто кто, а Бленхайм свое дело знает.

Они подождали несколько минут, погасив бортовые огни, окруженные абсолютным мраком. Однако, никаких признаков передвижения Темпларов, берсеркеров, или кого-либо еще поблизости не было.

На самой маленькой скорости флаер пошел вперед.

Сидя в большой и унылой комнате их последней резиденции, Лескар подслушивал, о чем говорят Хариварман и Лергов. Принц на самом деле дал слуге совершенно другие указания. Не путаться под ногами. Но, как верно заметил Лескар еще в добрые старые времена, иногда бывают такие моменты, когда благополучие хозяина требует поступиться его волей.

Лергову, наконец-то, разрешили сесть в кресло. Он начал разговор с того, что весьма озабочен дальнейшей судьбой Принца.

Из какой-то части, расставленного повсюду электронного оборудования доносилась дарданианская музыка. Принц любил ее слушать. Проигнорировав озабоченность Лергова, он избрал более позитивный подход:

— Итак, что вы хотите, Лергов?

— Что я хочу, сэр? Пока что, крайне малого — выбраться отсюда живым...

Принц понимающе кивнул.

— Мне тоже кое-чего хочется, капитан. Я вот хочу стать Императором, безопасность которого будет обеспечена — что, боюсь, весьма сомнительно, пока Премьер-Министр Рокелор является силой, с которой приходится считаться.

— Я вас очень хорошо понимаю, сэр.

— Я рад, что с вами так легко общаться, Лергов. Уверен, что есть у вас и другие таланты. Для того, чтобы все получилось так, как я хочу, мне нужна помощь человека, на которого во всем можно положиться... Ну, допустим... такого, как вы...

Последовала пауза, после чего Лергов судорожно глотнул воздух.

— Что пожелала бы мне доверить, Ваша Честь? спросил он наконец.

— Для начала расскажи мне кое-что.

— Что же вы желаете узнать, сэр?

Тут Лескар не выдержал и посмотрел по сторонам, словно испугавшись того, что еще кто-нибудь может подслушать. Но дом был совершенно пуст, за исключением рассыпанных повсюду электронных приборов.

Принц Хариварман обратился к капитану:

— Расскажите мне о том, на сколько был замешан Премьер-Министр в убийстве Императрицы. И какую роль при этом играли вы? Кое-что об этом мне уже известно...

И Лергов рассказал ему странную, и объяснявшую почти все, историю. И о том, как принял он на Салютае облик либерала-протестанта Сеговии, и о своей любовной связи с женщиной по имени Хана Кальдерон, также находившейся на содержании тайной полиции. Она и сыграла роль главного провокатора, обеспечив организацию демонстрации с прохаривармановскими лозунгами прямо на глазах у Императрицы, для того, чтобы позже обвинить в убийстве членов группы протеста и не ведавшего ни о чем узника Радианта.

Хариварман посигналил Контроллеру, как всегда бывшему при нем. Он отдал какие-то приказы, почти что шепотом. Лескар не слышал, что именно было сказано, но сквозь приоткрытую дверь он видел, как побледнело при этом лицо капитана Лергова. Хариварман спросил у пленника:

— Но ведь за всем этим, безусловно, стоял Рокелор?

— О да, разумеется, сэр.

В то время, как к ним в комнату вошел еще один берсеркер с охапкой инструментов, Принц успокоил Лергова:

Вам здесь не причинят вреда. Машины лишь проследят за тем, чтобы вы оставались там, где я позже смогу вас найти. А пока — у нас дела.

— Ценю ваше внимание, сэр, — ответил капитан.

Он сидел неподвижно, чуть вздрагивая, в то время, как два берсеркера стали варить вокруг него железную сетку.

— Только ради Бога, ничего не подумайте, — сказал

ему Принц.— Вы не боитесь, что я мог записать на пленку все то, что вы мне рассказали?

Ошарашенный капитан не мог сообразить, как ему воспринять сказанное.

— Похоже, вы уже давно в ссылке, Принц. В прошлом я и сам мог наделать каких угодно записей. Некоторые из них даже были правдой. Хотя нет, я бы выразился точнее. Они были подлинными. Но дело в том, что уже давно никто не боится тайных записей, и никто не воспринимает их всерьез. Их подделка достигла такого совершенства, что можно запросто моделировать фальшивые голоса и образы.

Если вам не покажется навязчивым мой вопрос, скажите лучше, когда вы собираетесь меня отсюда выпустить, сэр?

— Живая единица Хариварман, для вас важное донесение,— это, конечно говорил Контроллер.

Хариварман встал.

— Проследи, чтобы здесь все закончили со сваркой, как положено, а я пойду выслушаю донесение в другом месте.

ГЛАВА 19

Это была довольно небольшая процессия, сначала передвигающаяся под тускло-серым небом внутренней поверхности, удерживающей Радиант, а затем повернувшая вниз к безвоздушным коридорам, вне видимости каких бы то ни было небес. Она состояла из двух человек, закованных в тяжелые боевые доспехи, сидевших бок о бок внутри флаера и двух берсеркеров, то шагавших, то скользивших по воздуху рядом с экипажем людей.

Лескар сидел по правую сторону, рядом с Принцем, взявшем на себя рычаги управления. В первые минуты похода, они так ничего друг другу и не сказали. Когда, в конце концов, слуга заговорил, то не узнал своего голоса. Это был голос готового сдаться, крайне утомленного и отчаявшегося человека. Душа и тело его уже ничего не воспринимали. Он вовсе не хотел говорить таким тоном. Это было делом чести, что у него, пожалуй было не отнять.

— Куда мы направляемся, Ваша Честь? Есть ли смысл нам возвращаться к тому месту, где вы осуществляли свои исследования?

Голос Харивармана тоже был крайне усталым и абсолютно лишенным эмоций.

— В данный момент, я всего лишь следую за Контроллером. Он утверждает, что немедленно приведет меня к людям, только что совершившим там высадку. И по его описанию, похоже, это опять драгуны...

Лескару показалось странным то, что его хозяин пожелал немедленно вступить в сражение с прибывшим подкреплением драгун, но он тут же решил, что не дело слуги судить об этом. Хотя было и еще кое-что...

— Ваша Честь, не хотелось бы беспокоить вас ненужными вопросами...

— Ну, что там у тебя, давай...

— Я насчет нашего последнего жилища. То, что было еще больше предыдущего.

— Хотя нас осталось только двое. Да? Так что там с ним?

— Почему, Ваша Честь, там было столько бронированных боевых доспехов в подвале? Ведь в доме почти не было обстановки и, похоже, никто в нем не жил.

Хозяин, лицо которого скрывала игра проносившихся мимо теней, быстро повернулся к нему:

— К счастью для нас. Очевидно, в древности там были какие-то Темпларские казармы... кстати, что это там пробивается на экране?

Портативный коммуникатор, на приборной доске перед ними, через мгновение загорелся, и вскоре на нем появилось лицо командующей Анни Бленхайм. Как-то так получилось, что именно в тот момент канал был свободен от помех.

— Хариварман, вот вы где! — на мгновение она замолчала, словно не зная, что именно сказать во время этой, неожиданно представившейся возможности поговорить.

— У вас есть какие-нибудь сведения о том, что произошло с Генералиссимусом?

— Он мертв. Капитана Лергова можно будет забрать, как только вы до него доберетесь, — Принц подробно объяснил ей его местонахождение, — да не забудьте послать туда людей с инструментом. А то его там

заварили в некое подобие клетки. Я подумал, что так для него будет безопаснее.

Анни Бленхайм собиралась еще что-то сказать, но связь прервалась из-за оглушительных звуков.

— Ваша Честь, я узнаю этот коридор. Похоже, мы приближаемся к месту ваших изысканий.

— Так оно и есть,— при этом голос Принца был фантастически спокоен.

Они уже столь близко к памяtnому залу, и Контроллер, вряд ли, мог привезти их сюда случайно.

— Ваша старая полевая мастерская...— начал было Лескар, но тут же притих.— ... Там кто-то есть.

Внутри пластикового пузыря мерцали огоньки, хотя он еще и не был надут и его стенки провисали. Сквозь них можно было различить снующую внутри фигуру.

Думаю, я смогу угадать кто это.

Фигура вышла из пластикового укрытия, и стояла возле входа, освещенная тусклым светом. На ней тоже были доспехи. Лескар смотрел во все глаза, пытаясь определить их происхождение, разобрать нарисованный на них небольшой символ и узнать лицо, видневшееся в прорези шлема. Доспехи были не Темпларские. В этом не было никаких сомнений.

Когда Хариварман остановил флаер в метрах десяти от пластикового укрытия, он заметил одноместный боевой корабль ближнего боя.

— Кто это может быть? — спросил Лескар.

— Предполагаю, ни кто иной как Премьер-Министр Рокелор, собственной персоной.

Лескар так и не понял, шутит его хозяин или говорит серьезно. Помолчав Принц закрыл прозрачное забрало и загерметизировал свой шлем. Слуга последовал его примеру. Хариварман первым нарушил тишину. Его слова относились не к Лескару, стоящему рядом:

— Вы явились раньше, чем я мог предположить, Рокелор. Я устал вас ждать...

— Благодарю вас,— ответил голос хорошо известный в Восьми Мирах и за их пределами.— Я добрался сюда в мгновение ока, лишь только курьерский флаер достиг моего небольшого эскадрона. К счастью, в этот момент, мы были на боевых маневрах — идеальное место для подобных известий. Каждый обязан быть готов к немедленному отпору при первом же сообщении о нападении берсеркеров. Конечно же, кроме «Добрых

Душ», — со стороны стоявшей на фоне проема фигуры донесся отвратительный смешок.

— Но, иногда, случается так, что и «Душки» поднимаются по тревоге.

— Ах, не может быть. Неужели вам открылась Истина?

Фигура в проеме переменила позу так, что лицо ее стало частично видимым сквозь прозрачное забрало. Отличительными чертами Премьер-Министра — Лескар уже видел его прежде, правда, издали — была густая, взлохмаченная копна волос, за многие десятилетия лишь слегка тронутая сединой, благородный точеный профиль, высокая статная фигура. По природе своей он был весьма элегантен, чего нельзя было сказать о Принце.

— Думаю, мне, действительно теперь кое-что открылось, — ответил Хариварман, — готовы ли вы, Рокелор, рассказать мне все?

Флаер Харивармана продолжал парить в коридоре с двумя мощными машинами по обе стороны от него.

Рокелору было явно не по себе от неожиданного появления заклятого врага, да еще и в сопровождении берсеркеров, он изо всех сил старался это скрыть.

— Да, пришло время вам, наконец-то, узнать всю Правду. Я только что осматривал место ваших раскопок, Генерал. Потрясающе. И как раз ожидал вас встретить с металлическими друзьями...

— Да, — похоже, Рокелор чувствовал себя, как дома. — Видите ли, большинство людей, и в том числе, Имперских Гвардейцев, могут не постигнуть определенных аспектов Истины, которую я собираюсь вам открыть.

— Я вполне могу в это поверить.

— Поэтому я оставил своих солдат на двух кораблях там же, где мы совершили посадку, в двух километрах отсюда. У них там есть, чем заняться. Они восхищаются моим безумным мужеством, потому что я решил явиться сюда без охраны. На самом деле, мне просто хотелось поговорить с вами наедине. Лескар — не в счет.

— Если вы собираетесь посекретничать, то я только что занимался этим с капитаном Лерговым.

— О, боже! Я думал, вас интересует Правда.

— Но, кажется, в этот раз я кое-что от него выведал. И об этом в ближайшее время узнают Темплары.

Казалось, угроза откровений Лергова произвела на

Премьер-Министра эффект не больший, чем присутствие здесь берсеркеров. Рокелор лишь покачал головой.

— Ах, Правда, Правда. Все это дело случая...

Недалеко отсюда Чен Шизуока внимательно наблюдал за тем, как полковник Фосьон подсоединил очередное переговорное устройство к распределительному щитку. Весь путь сюда из внутренних пространств Крепости казался Чену вечностью, хотя на самом деле прошли считанные минуты. Самоходное орудие было здесь, рядом с ним. Оно парило в невесомости у ближайшей стены.

Фосьон часто пользовался ключом бывшего командира Базы, чтобы тайно подсоединиться к различным сетям связи Крепости через стандартные распределители. Он продолжал поиск следов берсеркеров в местах, где проходил их маршрут.

На этот раз его предусмотрительность была вознаграждена...

Беатрикс подошла, как раз в тот момент когда на экране появилось изображение. Полковнику удалось раздобыть видеокамеру-разведчик с дистанционным управлением, и она сейчас вела прямой репортаж из района, в котором им предстояло вскоре побывать.

Как только изображение стало четким Беатрикс прошептала:

— Да ведь это Харри!

— Там есть еще кто-то.

Хариварман приказал Контроллеру послать второго берсеркера на разведку, чтобы точно выяснить — действительно ли Рокелор прибыл сюда один и без оружия.

— Ответ положительный, — доложил Контроллер через пару минут после того, как другая машина провела окрестности.

— Похоже, вас совершенно не волнует, Рокелор, что вы теперь стали моим пленником, — продолжил Принц. — Неужели вы так уверены, что я не отдам берсеркерам приказа разорвать вас на куски?

— Я в этом сомневаюсь. Вряд ли у вас получится.

— А я уверен. У меня была возможность наблюдать, как они действуют на близких расстояниях, и вся их

мощь подчиняется моей воле. Вам никогда не приходило в голову, Рокелор, что означало бы для Человечества раскрытие тайны кода их управления?

— О, конечно же, я думал об этом. Знаете ли, мне тоже нравиться власть. Хотя у меня не такое буйное воображение, как у вас.

Любой увидевший как вы входите сюда под охраной этих монстров, сделал бы соответствующие выводы. Кроме того, вы ведь собираетесь держать в заложниках оставшихся в живых обитателей Крепости, до тех пор, пока вам не будет предоставлен флаер для побега отсюда?

— Думаю, к числу моих заложников прибавился еще и Премьер-Министр.

— Это вам только кажется. На самом деле, все обстоит несколько иначе.

Рокелор не спеша повернул голову и уставился на Контроллер.

— Ваши железяки не причинят мне никакого вреда. Потому что, видите ли, меня здесь вовсе нет. Сейчас с вами беседует обыкновенный фантом. Настоящая встреча с вами, достойная Истории, наступит чуть позже, где-то через час. Тогда вы будете без своего эскорта, и я уничтожу вас, чем и заслужу великую благодарность всего Человечества — как герой, избавивший мир от презренного «АРХИДУШКИ». Тем временем мои люди будут громить берсеркеров и спасать бесценные для нас человеческие жизни.

— Понятно. Я как-то не мог себе представить все это... Но если я все правильно понял — вас сейчас здесь нет?

— Совершенно верно.

Принц покачал головой:

— Мои глаза и аппаратура уверяют меня в том, что смазливый убийца Императрицы, стоящий передо мной, отнюдь не приведение. Так что будьте добры объясниться...

— Да, ты... Тебя вполне возможно привлечь по закону за то, что ты обозвал меня убийцей. Похоже, все свои преступления ты стараешься приписать мне. А ведь мое присутствие здесь, свидетелями которого стали вот эти машины, для Истории останется неизвестным. Я один останусь в живых, чтобы рассказать Человечеству о нашей беседе. От этого исторического момента останется

лишь то, что расскажу я. Не больше и не меньше.

— Неужели? — тон Харивармана был самоуверен, как и прежде. Однако, он полюбопытствовался. — А как вам удастся все это осуществить? Может вы блефуете?

— Нет, это не блеф, мой дорогой Принц, — Рокелор небрежно ткнул пальцем в Контроллер. — Как вы думаете сколько времени наш общий друг и его подчиненные находятся в Крепости?

— Полагаю несколько веков. Они все были в пыли.

— А вот здесь вы ошибаетесь. А пылью и вас я могу при желании посыпать. На самом же деле, они здесь лишь несколько месяцев.

Хариварман улыбнулся. Он поднес к окошку флаера портативное устройство управления.

— Для достижения гнусных целей в своей карьере вам не раз приходилось блефовать по-крупному. На этот раз — номер не пройдет. Что это по-вашему?

— Нет, вы сами мне скажите. Хотелось бы услышать это от вас.

— Хорошо. Представьте, что у меня в руке код управления берсеркерами.

— В таком случае, — ответил Министр, — вы делаете очередное лживое заявление. Вы не только «Душка» и настоящий убийца Императрицы, но еще и мошенник!

— Я ведь могу вам это продемонстрировать.

— Неужели? Действительно, можете? Жду с нетерпением вашего провала.

Хариварман нажал пальцем на пульт. Изменившимися, повелительным тоном, он приказал:

— Контроллер, схвати этого человека, но не убивай его.

Насколько понял Лескар, это был прямой приказ. Но Контроллер проигнорировал команду. Громадная железяка, с торчащими во все стороны проводами, стояла у стены между Хариварманом и Рокелором. Она не сдвинулась и на миллиметр. Принц вновь принялся нажимать на кнопки.

— Хватай его, я приказываю!

Контроллер лишь повернул линзу в сторону Принца, но так ничего и не сделал. Рокелор громко рассмеялся. Это был весьма естественный, но довольно неприятный смех.

Принц бессильно опустил руку, судорожно сжимающую пульт. Лескар не видел его лица. Его голос, прозвуч-

чавший в наушниках слуги был безрадостным. Мертвым:

— Но, как же так? Ведь все работало... Я нашел их... разобрал...

Лескар закрыл руками плекс шлема. Но ничто не спасало, торжествующий смех врага не смолкал. Когда, наконец, Рокелор успокоился он заявил:

— Должен ли я вам объяснить, каков истинный код управления? Даже берсеркеров можно... нет, они все же получше нас и не подвержены коррупции. В отличие от людей, они всегда верны своей главной цели. Они честны, открыто готовы к выгодным для них сделкам.

— Так вы их все-таки купили? Но они признают лишь одну наличность...

— Несомненно. Они даже придумали ей подходящее название — «живые единицы». За весьма приличное количество человеческих живых единиц, которым вскоре предстоит отправиться прямиком в Рай. Я действительно заключил с ним сделку, на которую, если бы в вашей душе победило черное начало, могли бы пойти и вы...

После того, как я стану Императором, они получают Торбу. Это запросто можно устроить. Все равно с этой бедной и совершенно не прибыльной планеты никакого толку не будет.

— На Торбе живет сто миллионов человек!

— Ха! Почти двести. Но вас там не услышат, так что довольно позерствовать. Отныне История слепа к вашим словам и поступкам, Генерал! Двести миллионов живых единиц! Золотые монетки. О, или мне это кажется? Вы там, случайно не записываете меня? Вас не разочарует, если я скажу, что теперь это уже не имеет никакого значения?

— Я знаю, — тихо сказал Принц после долгой паузы, — нет, я не записываю. Что вы мне еще расскажите, чтобы окончательно прояснить картину?

— Хорошо! Что вас интересует?

— Полковник Фосьон. Он что...

— Знал ли он, что пропускает в Крепость берсеркеров? О, Боги Вселенной, конечно же нет.

Их очень много. Я только что проходил мимо их посадочного модуля — так он гораздо крупнее, чем я предполагал. Вероятно, своего рода подстраховка от коварства людей. Учитывая крайнюю испорченность мира, в котором мы живем, вряд ли, можно винить их за это.

— Но Фосьон...

— Послушайте, Хариварман, полковник знал, что его подкупили, но он думал, что это всего-навсего, обычная контрабанда. Все, что от него требовалось — это создать пару временных брешей в системе внешней обороны, а это совсем не сложно для того, кто хорошо знает систему.

— Почему вы это сделали, Рокелор? Ведь у вас было все: богатство, власть...

— Я делаю то, что мне нравится. Жизнь одна, так почему бы не использовать ее в свое удовольствие? И какое может быть в этом мире более высокое предназначение? Вот и Императорский Трон теперь будет моим. Это доставит мне гораздо большее удовольствие, чем вы себе можете представить. Но у вас-то с воображением все в порядке. Вот поэтому мне хотелось вам обо всем рассказать. Представьте себе, мой друг, Трон будет моим, потому что я так решил. И я обрету его с помощью берсеркеров, ибо иначе невозможно.

Губы Принца шевельнулись, но слова разобрать было трудно:

— ...а я надеялся...

— Что сами станете следующим Императором? Вскарбакаетесь на Трон по спинам берсеркеров? Объясните всему миру об открытии кода управления (тут последовал мерзкий смехок), конечно же после вполне законного использования их силы для наказания своих врагов.... — Рокелор злорадно засмеялся. — Да, видно, нелегко вам пришлось, когда, вы решили заделаться «Доброй Душой». Но увы, Трон Берсеркера мой, а не ваш.

И тут гигантская рука, как показалось Лескару, ударила его по спине. Принц, обладавший прекрасной реакцией выжал до максимума педаль сцепления флаера. Перед окнами с бешеной скоростью замелькали стены коридора. Машину окутала тьма.

Рокелор остался далеко позади. Однако, им не удалось уйти от орудий Контроллера.

Лескар, спасенный своими тяжелыми доспехами, чувствовал и видел, как разваливается на куски, падая вниз, их подбитый экипаж. К счастью, удар был скользким и Лескар перенес это столкновение без серьезных повреждений. Рядом возникла фигура в скафандре. Принц схватил слугу за руку, помогая встать, и потащил куда-то. Вокруг снова начали врать снаряды...

Когда Беатрикс увидела на экране, как был сбит флаер ее мужа, она сразу же хотела бежать ему на помощь, чтобы быть рядом с ним в эту трудную минуту. Она видела, как дрожали стены, отражая эхо залпа.

То, что снимала видеокамера, происходило всего в полукилометре от них. Она уже добежала до проклятых дверей, но какие-то люди в боевой Темпларской форме преградили ей путь.

Высокий мужчина схватил ее за руки, и жестом, понятном любому ветерану космических войн, призвал ее хранить радиомолчание. Удивлению Леди Беатрикс не было предела. Вглядевшись в пластиковое забрало остановившего ее человека, она узнала резко очерченное лицо Верховного Главнокомандующего Ордена Темпларов.

ГЛАВА 20

Когда Хариварман и Лескар выбрались из-под обломков флаера, они оказались вне сферы видимости Контроллера, и тот воздержался от повторного залпа.

Не стал Контроллер и преследовать человека, приказам которого он подчинялся столько дней. Судя по тому, что видела Беатрикс на небольшом экране, берсеркер ничего не собирался предпринимать. Он стоял и наблюдал за Премьер-Министром.

Рокелор, профессионально оттолкнувшись от входного проема пластиковой мастерской, проплыл до своего боевого корабля. Бросив взгляд через плечо, он увидел, что Контроллер, не торопясь следует за ним.

— Я вижу, ты понимаешь. Не так важно, что сейчас ему удалось скрыться. Это не на долго. Если он не отдал свою жизнь сейчас, то я заберу ее позже.

Радиослепок ответа берсеркера, попав в потайные микрофоны, был еле слышен людям, наблюдавшим за экраном.

— Вы правы — это не имеет никакого значения. Я его скоро убью.

Оставшийся с железным чудовищем, человек молчал. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы преодолеть

последние, отделявшие его от корабля-истребителя, метры.

— Нет, нет. Вижу, что ты так ничего и не понял. Ведь ты можешь уничтожить любое количество живых единиц, находящихся в Крепости, не желаящих подтвердить, что именно я героически их спас. Действуй так, как мы договорились.

Что касается представителя гнилой жизни — Харивармана, будет лучше, если его прикончу я сам. Это сделает из меня, своего рода, Героя. Ведь, если позже выяснится, что он был убит берсеркерами, весь мой рассказ может показаться сомнительным. И в глазах многочисленных едениц поганой жизни он может сделаться Мучеником. Ты знаешь, что такое — Мученик? Мне бы этого не хотелось.

Беатрикс встретила взглядом с Верховным Главнокомандующим. С предупреждающим жестом он отпустил ее.

К этому времени он и спутники Беатрикс уже успели обменяться достаточным количеством всевозможных жестов. Работая почти в полном безмолвии, да еще при этом большую часть времени в крошечной темноте, полковник Фосьон опять подключался к распределительному кабелю, но на этот раз делая множество дополнительных подключений, о назначении которых Леди Беатрикс даже не догадывалась. Темплары с различным электронным оборудованием в руках помогали ему чем могли. Остальные, закованные в броню, выбиваясь из сил, так как им приходилось *действовать быстро и бесшумно*, выдвигали в соседний коридор оружие Фосьона.

* * *

— Мы? — переспросил Контроллер.

— Я говорил о наших общих интересах. — Рокелор, наконец, достиг открытого люка своего истребителя. Здесь он ненадолго задержался, как бы собираясь с духом, небрежно опираясь рукой на дверцу. Вздыхнул и забрался в кабину.

Контроллер последовал за ним. Он был один, остальные находились на боевом задании.

«Сколько же всего этих чудовищ сейчас окружило

непокорную Базу?» — подумала в этот момент Беатрикс. Ведь некоторые из них уже подбиты, но и осталось никак не меньше сорока. Даже если разнести в клочья Контроллер, остальные еще долго будут действовать.

Берсеркер на экране спрашивал Рокелора:

— И как далеко, по-вашему, теперь простираются наши совместные интересы?

— На значительное расстояние. И не вздумай игнорировать наше соглашение, иначе все, что ты уже сделал, окажется бессмысленным, и я не смогу тебе помочь.

— Наше соглашение остается в силе.

— Вот и хорошо.

— Ты уже помог мне. Теперь, когда единица вредоносной жизни Хариварман больше не участвует в эксперименте, значительная часть моих планов осуществилась.

Рокелор снова повернулся к берсеркеру и сказал с иронией:

— Но ты еще так мало уничтожил. Ведь твоя конечная цель — все живые единицы...

— Осталось еще два пункта...

— Извини, что перебиваю, — продолжил Министр уже без иронии, — но все живые единицы на Торбе будут в твоей власти, как я обещал.

— Со временем вся жизнь во Вселенной достанется мне, — безапелляционно заявил берсеркер, и его слова, казалось навечно зависли в пустоте вакуума древних дардарианских коридоров. Рокелор тяжело вздохнул:

— Несомненно. Так какие же два пункта ты имеешь в виду? Предупреждаю, что ты явно преувеличиваешь мои возможности. Если ты совершишь здесь нечто, что помешает мне получить...

— Ты дал мне почти все, что по моим расчетам я мог от тебя получить.

Кажется впервые Премьер-Министр стал проявлять беспокойство.

— Я обещал тебе в будущем помочь, если это будет выгодно мне. А пока я тебе не дал почти никаких...

Контроллер прервал его:

— Я повторяю: ты дал мне почти все, что я ожидал получить. И первый пункт, на котором я продолжаю настаивать — это уничтожение всех видов жизни внутри Крепости. Второй пункт — Информация. Ту информацию, что была здесь, я уже получил, но мне еще не

хватает некоторых данных. Чтобы их получить, я должен пронаблюдать твою реакцию, когда ты действительно узнаешь всю Правду

Если ты пытаешься торговаться.. неуверенно начал Рокелор.

Время торгов прошло. Теперь я открою тебе Правду. Живая единица Хариварман ошибся в расчетах, имея дело со мной. Но он был гораздо ближе к Истине, чем ты. Им в действительности проводился важный эксперимент, целью которых была разработка средств, с помощью которых можно подчинить себе опасного противника. Каким-нибудь безвредным способом, например, простой передачей информации. «Код управления», как вы это называете. Мне удалось убедить живую единицу Харивармана в том, что именно он проводит подобный эксперимент на мне.

— Я это знаю. Все было в полном соответствии с нашими соглашениями.

Я и тебя убедил, что ты заключаешь со мной выгодную сделку

Последовала пауза. Похоже, на это заявление у Рокелора не нашлось ответа.

А Правда состоит в том,— продолжил Контроллер, что экспериментатором был Я. А ты, как и живая единица Хариварман — лишь подопытными. С самого начала я тестировал тебя и близких тебе живых единиц

Мы, берсеркеры, уже давно ищем код управления живыми единицами, именующими себя Человечеством И в первую очередь — их лидерами. Это был очень трудный поиск, но результаты еще не определены. Сомневаюсь, что существует абсолютно надежный код, равно как и возможность его разработки, для управления единицами такой сложности. Тем не менее, было получено большое количество информации необычайной важности.

Итак, что же ищет живая единица, чтобы я мог использовать предмет ее вожделения в качестве хорошей наживки? С довольно высокой степенью вероятности, она ищет Власти над другими, себе подобными. В равной степени и мотив, именуемый мстостью, теперь можно с уверенностью классифицировать, как один из мощнейших стимулов, а также жадность, стремление к богатству

Используя подходящие коды информации, я был

в состоянии управлять и тобой, и Хариварманом. Но ты, Рокелор, был для меня самым ценным подопытным.

И четверть секунды хватило бы Премьер-Министру, чтобы захлопнуть люк в кабине истребителя и рвануть отсюда. Но он так и не пошевелился, лишь только что-то прошептал...

Беатрикс не смогла разобрать, что именно. Может быть берсеркер услышал и записал сказанное в качестве предназначенной для дальнейшего изучения информации?

Вокруг нее в комнате, где стоял экран, продолжалась суетливая возня, причем, все старались по возможности не шуметь. Стук инструмента, бряцание оружия, звуки шагов — все это вакуум коридора мог донести до чутких датчиков берсеркера, и тем самым их выдать.

Беатрикс хотелось броситься к Главнокомандующему и заставить его рассказать, что именно здесь происходит. Но она не смела к нему подойти. А те, что возились с пушкой и связью, похоже, не нуждались в ее помощи.

«Вот моя работа сейчас,— глядя на экран подумала она,— я буду Свидетелем».

Контроллер продолжал:

— С самого начала эксперимента, с первого же не прямого контакта между мною и твоими эмиссарами, моей целью было определить, какие именно соблазны Властью смогут лучше всего служить в качестве кода управления поганой жизни.

Чтобы получить такую информацию, стоило пожертвовать несколькими машинами и стерпеть существование многочисленных жизней. Теперь мне интересно посмотреть, как ты отреагируешь на эту информацию. Ну давай, выражай мне свою реакцию!

Рокелор онемел. Секундой позже берсеркер продолжил:

— Весьма вероятно, что ты — последняя Человеческая Жертва, которой известно все, потому что все оставшиеся в Крепости живые единицы так ничего и не поймут, когда я их уничтожу. И я уже видел, как отреагировал на Правду Принц.

Наконец-таки, Премьер нашел подходящие слова:

— Код управления? Понятно. Может, ты и правда вел такую игру. Если так, то ты выиграл. Но я не вижу причины не завершить нашу сделку. Теперь, после того, как тебе стали известны наши реакции. И я еще в состоянии...

По всей видимости, берсеркеру надоело слушать своего подопытного.

Экран ярко вспыхнул, почти ослепив Беатрикс. В это же мгновение свет залил коридор, осветив только что выдвинутую на позицию пушку и связь прервалась. Однако, вскоре экран опять прояснился, демонстрируя быстро разворачивающегося берсеркера.

Наконец-то, во вспышке собственного выстрела он увидел, что в коридоре есть кто-то еще. Контроллер повернулся, обнажив все свои стволы, чтобы получить прямо по корпусу весь заряд пушки Фосьона.

Когда на экране вновь появилось изображение, ничего, кроме обломков берсеркера, разглядеть было невозможно. Люди, копавшиеся в проводке распределителя, несколько оживились. Хотя радоваться было рано: радиотишина в любой момент могла быть нарушена.

— Поставьте пушку сюда!

— Тогда они смогут пройти здесь!

Мы не станем блокировать коридор!

«Они?» — подумала Беатрикс. На этот раз Главнокомандующий лишь слегка коснулся ее руки. Его голос четко транслировался по обычным каналам радиоэфира:

— Мы уже несколько дней работаем в тесном контакте с Принцем, с тех пор, как я прилетел сюда. Подробности потом. Мы только что размножили один из сигналов Контроллера и теперь транслируем его берсеркерам с разных точек по всему периметру Крепости. Если все получится, то они сами начнут двигаться к своему посадочному модулю.

— Да тащите же сюда! — последнее, относилось к солдатам, тщетно пытавшимся развернуть и закатить обратно в комнату тяжелое орудие. Его обхватило двенадцать дюжих молодцов, изо всех сил упирающихся в стены.

Но Беатрикс уже ничего не видела и не слышала, заметив, что в комнату вошел в сопровождении Лескара ее муж. Даже в темноте она сразу его узнала. Знакомая

походка, рост его улыбка. Ее совсем не волновало сейчас, происходящее вокруг

Прини и Верховный Темплар обменялись крепким дружеским рукопожатием. Затем все вокруг притихло в ожидании. Беа чувствовала, как на плече ее скафандра покоится закованная в латы рука супруга.

Наконец, из коридора донесся слабый шум. И секундой позже начался массовый, безмолвный Исход.

То был парад тяжелых машин, скользящих во тьме невесомости. И судить о нем можно было лишь по толчкам и вибрациям, когда какая-нибудь, особо громоздкая железяка, цеплялась за несущие конструкции Крепости.

Полковник Фосьон вновь достал свою видеоприставку и подключился к камерам-датчикам на распределителе. Четырнадцать человек молча обступили экран, наблюдая за тем, как в посадочный модуль вошло не менее сорока берсеркеров, и как он вновь отчалил в бескрайние просторы космоса, безмолвно скользя в пространстве.

Вся Внешняя Оборона за вами, командир, сказал Фосьон.

На краткий миг на экране появилось лицо Анни Бленхайм. Леди Беатрикс слышала, как Верховный Главнокомандующий отдал приказ офицерам бортовой артиллерии двух флаеров.

И затем ночь окружавшей Крепость Вселенной осветили ослепительные вспышки. Чуть позже долетел звук Волны осколков, достаточно жестких для того, чтобы возбудить резонанс в камне и металле полых сфер, обдав внешнюю поверхность Крепости, ревом и рокотом отозвались в обжитых районах.

Прини воскликнул:

Попали! Есть! Думаю никто не уцелел.

ЭПИЛОГ

Теперь на Площади Монументов стояло два, отлитых в бронзе, памятника. Статуя Экзэмплар Хелен простояла здесь уже не один век. Эта прекрасная женщина в, напоминающем тогу, Дарданианском платье с диадемой в волосах.

Сейчас, напротив ее статуи, повернувшись к ней лицом и протягивая руку, стояла бронзовая фигура Премьер-Министра Рокелора, героически погибшего в последней битве за Крепость.

Одной ногой он попирал пораженного берсеркера, смятого, но все еще злобно скалившегося. Раздавленный берсеркер чем-то напоминал стул. Язвительные критики утверждали, что создается такое впечатление, что Рокелор стоит одной ногой на Троне.

Новый памятник был торжественно открыт несколько месяцев назад, но официальное переименование площади должно было состояться сегодня. По этому поводу собирался приехать сам Император.

Несколько тысяч человек, немного старых друзей и знакомых, ожидали возможность приветствовать монаршую особу. Двух, находившихся на службе Темпларов, мужа и жену, по этому случаю освободили от работы, и сейчас они стояли на краю площади, затерявшихся в толпе незначительных придворных особ.

Ольга размышляла вслух о том, насколько могла измениться внешность Императора с тех пор, как они видели его в последний раз. Чен, уже год как женатый, особого внимания жене не уделял. Невдалеке от них какой-то политик пытался выучить написавшую для него речь, бормоча себе под нос. У Чена был хороший слух, и он почти все мог разобрать:

— Не странно ли, что все сложилось, как нельзя кстати. Как это здорово, что эти двое, всю жизнь бывшие заклятыми врагами, позабыли о своих разногласиях

ради того, чтобы спасти Крепость и жизни ее обитателей...

— Да, я должен сказать, что все сложилось прекрасно,— теперь это был знакомый голос где-то совсем рядом, и, повернувшись, Чен увидел полковника Фосьона, несколько пополневшего, в аккуратном гражданском костюме.

— Давно это было. Ну, а как ваши дела, дети мои?

На противоположном конце площади Командующая Анни Бленхайм только что вышла из автомобиля, чтобы приветствовать Главнокомандующего Темпларов. Затем оба Темпларских высших чина растворились в толпе своих соратников собравшихся у Трибуны.

Динамики оповестили народ о том, что корабль с Императором и Императрицей только что совершил посадку в Космопорте.

Официальная версия, конечно же, состояла в том, что Принцу Хариварману с самого начала, как только он обнаружил Контроллера, было ясно, что берсеркеры задумали какую-то хитрость против обитателей Крепости, и он решил узнать, какую именно. Он сразу же стал подозревать, что дело здесь не чисто, однако, пошел на игру с противником, чтобы разузнать в чем тут дело. Он знал, что в случае неудачи все живое в Крепости будет немедленно уничтожено.

Чен лично, очень сомневался в подлинности официальной версии. Хотя, вероятно, то, что произошло, было достаточно близко к тому, что сейчас об этом говорили. Должен же был кто-нибудь стать Императором. Все могло кончиться гораздо хуже.

«Но как официально признал Император, понадобилось упомянуть в разговоре с Анни Бленхайм об эффективном коде управления, прежде чем его осенило... И он послал берсеркера искать Чена Шизуоку, пытаясь найти подтверждение своей догадке. Но, конечно же, без героического самопожертвования покойного Премьер-Министра...»

У Рокелора было великое множество последователей, и их было необходимо успокоить.

Кто-то пытался протиснуться к Ольге, Чену и Фосьону. Небольшого роста седой человек, одетый скромно, но тем не менее привлекающий внимание сильных мира сего, собравшихся в этот день на площади. Как не старался Лескар сохранить свое инкогнито, его все замечали.

Чувствуя себя неловко под многочисленными взглядами он обратился к супругам и отставному полковнику:

Император Хариварман хотел бы видеть своих старых товарищей на личной аудиенции. Это на несколько минут.

Командующая Анни Бленхайм сразу же после поражения берсеркеров представила свидетельства, подтверждающие рассказ Принца. Ордер на арест Генерала Харивармана с поправками и уточнениями, которые сделали Анни и Принц во время встречи, когда берсеркеры за ними не слишком следили. С тех самых минут она решила доверять Хариварману, и они работали рука об руку, насколько это было возможно.

Точно такую же игру вели между собой и все оставшиеся в живых, воздавая почести погибшему Премьеру, чтобы успокоить его последователей.

Я должен подчеркнуть, что с самого начала Контроллер пытался меня одурачить, для этого он специально сыпал себя и подчиненные ему машины пылью.

Слава Богу, Принц изначально подозревал, что с этим отрядом берсеркеров явно что-то не так. Он не мог понять, почему Контроллеру не удалось включить все сорок семь подчиненных ему берсеркеров при первой же возможности.

Соблазн Власти, пусть даже и иллюзорной, видимо был непреодолим. Но об этом говорили сейчас по-другому:

«Верховный Главнокомандующий Темпларов, получив сообщение от курьерского флаера, благополучно стартовавшего с Радианта в момент атаки, немедленно отправился к Крепости с имевшимися в его распоряжении кораблями. Он смог незаметно высадиться на Темпларском Радианте. Затем воспользовавшись системой связи кто еще кроме него мог все так хорошо знать — и вел кодированные переговоры с находившейся на Базе Бленхайм, от которой и узнал о той игре, что затеяли они вместе с Хариварманом против Берсеркеров».

Представители Полномочного Совета всех Восьми Миров, а также других, населенных людьми систем, приветствовали сейчас на площади, принимая участие

в церемонии, посвященной достопамятной годовщине.

Сегодня здесь будет произнесена не одна Речь!

Но без Императора и Императрицы нельзя было начинать...

А Императорская чета желала, прежде всего, немного побеседовать со своими старыми друзьями.

Затем Хариварман I, под руку с Императрицей Беатрикс пошел к Трибуне, чтобы выступить перед народом. Чен с молодой супругой следили за ним изда- лека. Вдруг Ольга, снова посмотрев на недавно постав- ленную статую, сказала:

— На самом деле, это вовсе не похоже на Трон!

СОДЕРЖАНИЕ

Человек-берсеркер

3

Заклятый враг

151

Трон берсеркера

317

Литературно-художественное издание

Саберхаген Фред

Берсеркер-II

Романы

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*
Редакторы *М. Серпикова, М. Аникеева*

Сдано в набор 21.06.94. Подписано в печать 9.08.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Тираж 50 000 экз. Заказ 1155.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23—415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

СОКРОВИЩНИЦА
БОВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

